

Юбилейный сборник РПО

**125 ЛЕТ
МОСКОВСКОМУ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ
ОБЩЕСТВУ**

В четырех томах

ТОМ 3

Ответственные редакторы:
Д.Б. Богоявленская, Ю.П. Зинченко

МОСКВА – 2011

УДК 159.9
ББК 88
С81

Ответственные редакторы:
Д.Б. Богоявленская, Ю.П. Зинченко

Члены редколлегии:

*Ю.И. Александров, Ф.Е. Василюк, Е.Е. Васюкова, Н.Н. Данилова,
В.Ф. Енгальчев, С.Н. Ениколопов, М.К. Кабардов, А.Б. Леонова,
С.А. Липатов, М.С. Магомед-Эминов, С.Ю. Манухина, Н.Н. Николаева,
Е.А. Петрова, Ю.П. Поваренков, В.В. Пчелинова,
Ю.К. Стрелков, Н.Д. Творогова, А.В. Шестакова*

125 лет Московскому психологическому обществу: Юбилей-
С81 ный сборник РПО: В 4-х томах: Том 3 / Отв. ред. Богоявленская Д.Б.,
Зинченко Ю.П. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 380 с.

ISBN 978-5-317-03701-7 (Т.3)

ISBN 978-5-317-03697-3

Юбилейная конференция Московского психологического общества состоялась 26 марта 2010 года. В сборнике представлены работы сорока секций общества, отражающие основные направления и уровень развития отечественной психологии на современном этапе.

УДК 159.9
ББК 88

Верстка: *А.Г. Казанер*

Научное издание

Подписано в печать 30.05.2011 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 23,75. Тираж 500 экз. Изд. № 237.

Издательство ООО "МАКС Пресс"
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 627 к.
Тел. 939-3890, 939-3891. Тел./Факс 939-3891.

Напечатано с готового оригинал-макета

Типография МГУ
119991, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
Заказ

ISBN 978-5-317-03701-7 (Т.3)
ISBN 978-5-317-03697-3

© Богоявленская Д.Б., Зинченко Ю.П., редакция, 2011
© Московское психологическое общество, 2011
© Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИННОВАЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СРЕДЕ»

О психологическом сопровождении жертв техногенных катастроф

Е.А. Аксенова (Москва)

Авария на Саяно-Шушенской ГЭС, произошедшая 17 августа 2009 года, актуализировала вопрос о построении системы длительного, до момента полной реабилитации, сопровождения жертв техногенных катастроф в местах локального их проживания.

Поясню, в течение достаточно длительного времени разрабатывалась и достигла высокого уровня развития система оказания оперативной психологической помощи жертвам катастроф и терактов. Специалисты, работающие в службах МЧС и психологических центрах, показывали примеры профессионализма в самых разных ситуациях последних десятилетий. Однако, сразу же после аварии на СШ ГЭС, стало очевидным необходимость построения системы, способной в течение достаточно длительного периода сопровождать жертв катастрофы непосредственно в п. Черемушки (где живет 99% процентов пострадавших). Это связано как с локальностью проживания жертв, так и с большим числом детей, затронутых последствиями аварии, а также с необходимостью нормализации социального климата и психофизиологической реабилитации пострадавших, которые должны были вернуться на рабочие места, не потеряв при этом продуктивность и уникальные компетенции.

Первый анализ показал, что в поселке из 10 000 жителей, более 500 человек были непосредственно затронуты последствиями аварии. Однако, с учетом особенностей компактного проживания, монозанятости, истории и культуры отрасли, можно говорить о том, что более 3 000 человек подверглись стрессу и получили негативные переживания. Т. е. речь шла о примерно 25–30% жителей поселка. В такой ситуации, безусловно, разовыми акциями, работой мобильных групп обойтись было не возможно, и встал вопрос о формировании психологической службы непосредственно в поселке. Надо сказать, что Администрация Республики Хакасия сразу же оказала кадровую поддержку, направив в первые же дни аварии в п. Черемушки всех специалистов, имеющих опыт психологической работы из Абакана, Саяногорска. Однако, естественно, что лишь малая часть направленных специалистов имела опыт работы с утратой и посттравматическим стрессом, да еще в таких масштабах. Огромную помощь в первичной профессиональной ориентации привлеченных специалистов оказали работники «Центра экстренной психологической помощи МЧС России». Однако после вывода МЧС с объекта, оперативно было необходимо развернуть широкомасштабную помощь жертвам катастрофы. Уже через 10 дней был сформирован Психологический центр, который и возглавил эту работу. Среди основных направлений работы на первый период – 4 недели, были выделены, следующие: 1) психологическое сопровождение траурных мероприятий – помощь родственникам; 2) оперативная консультационная поддержка детей-сирот и их родителей; 3) помощь работникам станции, пережившим аварию в стабилизации психофизиологического состояния и преодоления страхов. Особое внимание было уделено подготовке педагогов и психологов детских садов и школ, знакомство с особенностями протекания стресса у детей, взаимодействия с детьми, пережившими утрату. Сейчас, спустя почти полгода после аварии, следует отметить, что первичная подготовка всех педагогов позволила им максимально (уже с 1-го сентября) быстро оказывать помощь в новой для детей, ситуации и помогло купировать возможные массовые детские расстройства. Хотя, надо сказать, что уровень стресса у самих педагогов по результатам 1-й четверти 2009–2010 года оказался чрезвычайно высоким.

После прохождения 40-дневного периода, спектр задач психологического сопровождения существенно расширился: 1) диагностика и мониторинг психологического состояния детей поселка, создание системы психологической подготовки, обучение их навыкам психологической самопомощи; 2) сопровождение семей погибших и пострадавших, помощь в преодолении посттравматического стресса, сопровождение детей-сирот; 3) создание системы психологической помощи и реабилитации работников ГЭС и предприятий-подрядчиков, работающих на объекте; 4) методическая поддержка педагогов и психологов детских учреждений.

Особую роль в мероприятиях по реабилитации жителей поселка заняла работа по развитию социальной среды, созданию дополнительных (к уже имеющимся) возможностей по развитию творческих способностей и проведению досуга. В поселке были созданы дополнительные кружки и секции, в том числе и для взрослых – как творческие, так и спортивные. Интересно, в этом центре технической деятельности – ГЭС, не было никаких кружков по развитию инженерных компетенций, и мы открыли кружки авиамоделирования и ювелирного дела, которые моментально собрали вокруг себя детей и подростков, заинтересованных в практической деятельности. Важно отметить, что работа с социальной средой позволила включить в орбиту психологической помощи, не только непосредственных жертв аварии, потерявших своих близких в августе 2009 года, но и большую часть людей, переживающих, так называемые, резонансные травмы – обострение уже преодоленных переживаний по поводу утраты родных.

Дополнительным моментом внимания для психологов являлась социальная ситуация, которая в силу высокой вовлеченности многих жертв в борьбу за дополнительные выплаты, была очень нестабильной. Кстати, еще одним проявлением высокой социальной напряженности выступило обострение семейных конфликтов, повышение конфликтности в общественных местах и на работе. Специалисты-психологи помогли родственникам обсуждать возникшие конфликтные ситуации, находить варианты решения проблем. В настоящее время и на период до 1 года, Психологический центр работает со следующими целевыми группами по следующим целям: Целевая группа – дети поселка. Цели: 1) регулярная диагностика психологического состояния; 2) психологическая консультация детей по необходимости; 3) консультативная помощь родителям; 4) групповые занятия: по развитию социальных навыков для группы риска; профорientационное консультирование; поддержка раннего профессионального развития (в т. ч. организация кружков); групповые занятия с ребятами, ориентированными на инженерные специальности, формирование профильных классов.

1. Целевая группа – дети-сироты. Цели: 1) мониторинг психологического состояния; 2) психокоррекция; 3) анализ социального окружения; 4) социально-психологические тренинги для детей-сирот.

2. Целевая группа – родственники погибших и пострадавших. Цели: 1) организация работы группы встреч для членов семей погибших; 2) индивидуальное консультирование по преодолению психотравмирующей ситуации; 3) психологическое сопровождение в период значимых для семей дат; праздников и годовщин; психологическая поддержка при проведении ритуальных мероприятий; формирование и реализация символических форм прохождения ключевых дат; мониторинг состояния семей; семейное консультирование по перестройке ролевой структуры и переработки прошлого травмирующего опыта

3. Целевая группа – работники ГЭС. Цели: 1) участие в медицинском осмотре; 2) мониторинг психологического состояния группы риска (233 человек) и пострадавших (55 человек); 3) индивидуальная работа с сотрудниками; 4) консультирование руководителей по взаимодействию с работниками, пережившими стресс; 5) диагностика психоэмоционального состояния сотрудников «особых зон».

4. Целевая группа – жители поселка. Цели: 1) психологическое просвещение населения (информация о принципах управления стрессом и оказания взаимопомощи); 2) психологическая подготовка выступлений на информационных собраниях для жителей поселка; 3) оказание экстренной психологической помощи (телефон доверия); 4) проведение индивидуальных психологических консультаций.

5. Целевая группа – педагоги и врачи. Цели: 1) личностная помощь: мониторинг ситуации; обучение управлению психоэмоциональным состоянием; 2) экспертная помощь: участие в консилиумах; методологическая поддержка; консультирование по конкретным ситуациям, индивидуальное сопровождение учащихся и работа с классом. Отдельное направление связано с повышением профессионализма самих работников Психологического центра, в этих целях реализуется: программа профессиональной переподготовки; профессиональные консультации ведущих экспертов в области работы со стрессом. Планируется проведение всероссийской научно-практической конференции по теме «Психологическая и социальная реабилитация жертв техногенных катастроф».

За 4 месяца работы (на момент сдачи материала) центр провел более 1100 консультаций, полную диагностику всех детей поселка, осуществил тренинговые программы со всеми средними и старшими классами школ, провел 3 семинара для педагогов и психологов поселка, сопровождает 30% семей погибших. Опыт работы психологического центра показал, что только созданная и работающая на постоянной, и достаточно длительной основе, структура способна справиться не только с оперативными задачами, но и построить и реализовать долгосрочную стратегию работы с жертвами техногенных катастроф. И еще несколько слов о корпоративных возможностях оказания психологической помощи жертвам техногенных катастроф. Опыт показал, что только социально ответственная компания способна принять на себя всю меру ответственности за произошедшее и создать программу комплексной психологической реабилитации. Однако, очевидно, что невозможно реализовать программу психологической помощи в отрыве от других важных программ – оказания социальной поддержки, информационного сопровождения, мобилизации социального капитала на реализацию благотворительных программ, управления корпоративной культурой компании.

Гендерные особенности саморегуляции лиц с различными типами функциональной асимметрии мозга

Д.С. Бурдаков (Курск)

В результате обобщения теоретических данных высказана гипотеза о взаимосвязи состояния психической напряженности (ПН) и индивидуальных стилей саморегуляции у лиц с различными типами асимметрии третьего блока мозга – лобных долей (по А.Р. Лурия). Предполагалось, что стилевые особенности саморегуляции и проявления ПН у лиц с различными типами функциональной асимметрии мозга имеют гендерные различия. Целью настоящей работы являлась экспериментальная проверка данной гипотезы. В исследовании приняли участие 200 испытуемых обоего пола (90 мужчин, 110 женщин), студенты вузов г. Курска и военнослужащие-курсанты, находящиеся в войсковых частях. Средний возраст испытуемых составил $19 \pm 2,11$ лет.

Методы исследования. Особенности психической напряженности исследовались с помощью «Опросника нервно-психического напряжения» (Немчин Т.А., 1983), позволяющего выявлять как общий показателем ПН, так и показатели психического и соматического дискомфорта. Силевые особенности саморегуляции исследовались с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) (Моросанова В.И., 2004). Использовалась также проба «перекрест рук» как внешний показатель (маркер) асимметрии контрлатеральных отделов лобных долей (Москвин В.А., 1988, с. 116–120). Статистическая обработка проводилась с использованием пакета прикладных программ

Statistica 8.0, применялись t-критерий Стьюдента, г-коэффициент Пирсона, дисперсионный анализ ANOVA/MANOVA.

Результаты и их обсуждение. Корреляционный анализ указывает на отрицательную связь между ПН (общий показатель, показатели соматического и психического дискомфорта) и показателями отдельных шкал саморегуляции (моделирование, оценивание результатов, гибкость, общий уровень саморегуляции). Установлена отрицательная корреляция общего показателя ПН с общим уровнем саморегуляции ($r = -0,23$), моделированием ($r = -0,32$), оцениванием результатов ($r = -0,23$), гибкостью ($r = -0,23$), показателей соматического и психического дискомфорта с общим уровнем саморегуляции ($r = -0,21$ и $r = -0,18$ соответственно), моделированием ($r = -0,29$ и $r = -0,25$), оцениванием результатов ($r = -0,24$ и $r = -0,14$), гибкостью (по $r = -0,20$).

Общий показатель ПН и показатель соматического дискомфорта у мужчин отрицательно коррелировали с общим уровнем саморегуляции ($r = -0,28$ и $r = -0,32$ соответственно), моделированием ($r = -0,35$ и $r = -0,43$), оцениванием результатов (по $r = -0,34$), гибкостью (по $r = -0,25$). Показатель психического дискомфорта отрицательно коррелировал с оцениванием результатов ($r = -0,26$), положительно с самостоятельностью ($r = 0,25$).

У женщин установлена отрицательная корреляция общего показателя ПН и показателя психического дискомфорта с моделированием ($r = -0,27$ и $r = -0,31$) и гибкостью ($r = -0,20$ и $r = -0,19$). Между показателем соматического дискомфорта и шкалами саморегуляции значимых корреляций выявлено не было.

У лиц с правым показателем пробы «перекрест рук» установлена отрицательная корреляция общего показателя ПН и показателя психического дискомфорта с моделированием (по $r = -0,25$) и гибкостью ($r = -0,25$ и $r = -0,27$), показателя соматического дискомфорта – отрицательная корреляция с моделированием ($r = -0,20$), положительная с самостоятельностью ($r = 0,21$). Несмотря на отсутствие значимых корреляций у женщин, данные дисперсионного анализа указывают на взаимное влияние отдельных шкал саморегуляции на ПН.

У лиц с левым показателем пробы «перекрест рук» число корреляционных связей психической напряженности с показателями отдельных шкал саморегуляции больше, чем у лиц с правым показателем. Общий показатель ПН и показатель соматического дискомфорта отрицательно коррелировали с общим уровнем саморегуляции ($r = -0,33$ и $r = -0,31$), моделированием ($r = -0,39$ и $r = -0,38$), оцениванием результатов ($r = -0,21$ и $r = -0,20$), показатель психического дискомфорта – с общим уровнем саморегуляции ($r = -0,21$) и моделированием ($r = -0,20$). В целом, у мужчин корреляционные связи выражены обширнее (по количеству), чем у женщин.

Изменения балльных оценок показателей ПН у мужчин происходит под влиянием как отдельных шкал саморегуляции, так и их совокупности. У женщин, в основном, данные изменения происходят только в результате взаимного влияния отдельных шкал саморегуляции. Исключение составляют женщины с левым показателем пробы «перекрест рук», у которых выявлено значимое влияние шкалы моделирования на показатель психического дискомфорта ($F = 2,39$, $p < 0,04$).

Распределение показателей ПН среди испытуемых в зависимости от общего уровня развития саморегуляции показывает, что ПН (по всем показателям) была более выражена у женщин. У испытуемых с низким уровнем развития саморегуляции общий показатель ПН достигал максимальных балльных оценок, достоверных различий между мужчинами и женщинами выявлено не было. Среди лиц мужского пола обнаружены достоверные различия балльных оценок общего показателя ПН между высоким и низким ($p < 0,01$), средним и низким ($p < 0,001$) уровнями развития саморегуляции.

Показатель соматического дискомфорта, в целом, и у мужчин, и у женщин был на одном уровне ($18,42 \pm 4,17$ и $19,47 \pm 3,63$ соответственно, $p > 0,05$). Достоверных разли-

чий в выраженности показателя соматического дискомфорта у женщин с различными уровнями развития саморегуляции выявлено не было. У мужчин достоверные различия найдены между группами с высоким и низким, средним и низким уровнями развития саморегуляции ($p < 0,01$ и $p < 0,001$ соответственно). Анализ выраженности показателя психического дискомфорта показал картину, аналогичную как общему показателю ПН, так и показателю соматического дискомфорта.

Таким образом, у лиц обоего пола отмечается нарастание балльных оценок психической напряженности (как общего показателя, так и показателей соматического и психического дискомфорта) при снижении общего уровня развития саморегуляции. При большей выраженности ПН у женщин (по всем показателям) у мужчин наблюдается большая изменчивость ее проявлений в зависимости от общего уровня развития саморегуляции.

Выводы.

1. Основным фактором, влияющим на состояние психической напряженности, у лиц с правым показателем пробы «перекрест рук», является планирование, с левым — моделирование, оценивание результатов и общий уровень саморегуляции. Взаимное влияние отдельных шкал характерно для обоих показателей.

2. Снижение балльных оценок всех показателей состояния психической напряженности при увеличении общего уровня саморегуляции у мужчин происходит под влиянием как отдельных шкал саморегуляции, так и их совокупности, у женщин — в результате взаимного влияния отдельных шкал саморегуляции (исключение составляют женщины с левым показателем пробы «перекрест рук»).

Исследование субъективных представлений о лени

Я.И. Варваричева (Москва)

На уровне обыденного сознания лень нередко воспринимается как фактор, препятствующий реализации способностей человека, его потенциала. В психологии важное место занимает исследование и разработка различных способов повышения личной эффективности субъекта. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование лени. Можно отметить, что если раньше понятие лени принадлежало в основном сфере житейской психологии и входило в состав тематики практически-ориентированных популярных психологических изданий, то сейчас начинается интенсивный процесс научного освоения данного феномена. Несмотря на то, что объем накопленных эмпирических данных, касающихся феномена лени все еще относительно невелик, можно утверждать, что лень представляет собой многогранное, полидетерминированное явление, в числе причин которого могут быть как физиологические факторы, так и сложные мотивационные механизмы.

Комплексный характер феномена лени позволяет некоторым ученым придерживаться мнения о фиктивности изучаемой реальности. По мнению американского ученого М. Левина (2006), люди привыкли использовать слово «лень», для обозначения общего, универсального источника неэффективности в той или иной области. В значительной степени это касается учащихся, родители которых признают своих детей ленивыми, не задумываясь над истинными причинами «ленивого поведения». В качестве «истинных причин» М. Левин указывает на дисфункции нейроразвития (нарушения успешного функционирования памяти, речи, внимания, моторики и т. п.).

Тем не менее, взгляд на лень как на самостоятельный феномен имеет довольно много сторонников. В последнее время появляется все больше научных психологических работ, посвященных анализу феномена лени (Понарядова, 1996; Богданова, 2004; Михайлова, 2007; Боровская, 2008; Ильин, 2009). Они направлены на поиск научного определения лени, адекватных методов ее исследования, установление категориальных связей с другими психологическими характеристиками субъекта, классификацию ти-

пов лени и т. п. На основании проведенных исследований лени, можно сказать, что она не является лишь «ширмой», «ярлыком», который используется в целом ряде ситуаций, свидетельствующих о неэффективности субъекта в собственных глазах или с точки зрения окружающих его людей. Лени обладает собственной спецификой, выражающейся в своеобразии стоящих за ней психологических механизмов детерминации, особенностей эмоционального переживания и в ряде других аспектов, благодаря которым мы можем отличить лень от недостатка мотивации, отсутствия силы воли или апатии.

С целью выявления и уточнения этих специфических признаков нами было проведено исследование имплицитных теорий лени. Понятие имплицитной теории было введено Дж. Брунером и Р. Тагиури в 1954 году для обозначения сформированных в повседневной жизни представлений о структуре и механизмах функционирования личности.

Среди выдвинутых нами гипотез были следующие: 1) субъективные представления о лени отражают комплексный характер психологических механизмов, обуславливающих этот феномен; 2) образ лени в представлениях испытуемых не имеет однозначно негативного оттенка, в нем отражен ситуативный характер лени, причем ситуации, в которых она проявляется, различаются по уровню общности.

В исследовании приняли участие 88 студентов нескольких московских вузов. Им была предложена анкета, содержащая как закрытые (да\нет), так и открытые вопросы, касающиеся феноменологии лени, механизмов ленивого поведения и т. п. Так же применялись дополнительные методики: «оценка ситуаций ленивого поведения» и «методика самооценки лени». Проведенный анализ полученных ответов позволил нам выявить некоторые закономерности имплицитных теорий ленивого поведения. Остановимся на наиболее важных из них.

Из всех опрошенных ленивыми назвали себя 75,02%, а неленивыми 24,98%, соответственно. При этом две трети респондентов из первой группы указали на избирательность, или ситуативность, своей лени (лень проявляется лишь в определенных ситуациях, носит временный характер). Данный факт соотносится с позицией, согласно которой, лень можно разделить на ситуативную и личностную (Михайлова, 2007). В пользу этого также говорят варианты определений лени, сформулированные респондентами. Отвечая на этот вопрос, они пытались описать, к какому классу явлений относится лень и какими признаками она обладает. Всего было выделено 4 класса явлений: психическое состояние, физическое состояние, эмоциональное состояние, черта личности. Все предложенные испытуемыми определения можно разделить также на 4 группы:

- 1) функциональные определения (10,8%), описывающие функции лени. При этом авторы данного типа определений выделили как негативные (разрушающие, ограничивающие), так и позитивные (защитные, оптимизирующие) аспекты лени в равных пропорциях;
- 2) описательные определения (37,2%) характеризуют лень в целом как нежелание выполнять некую деятельность. Часть ответов включает описание внешних проявлений лени;
- 3) каузальные определения (23,2%) направлены на раскрытие возможных причин лени. Среди них можно выделить физиологические (усталость, угроза перенапряжения); мотивационные (снижение мотивации, отсутствие желания выполнять неприятное, бессмысленное действие); социальные (неправильное воспитание) и инструментальные (отсутствие способностей);
- 4) в четвертую группу вошли «отрицающие» определения (0,77%), согласно которым, лень — это просто отговорка, удобное оправдание бездеятельности субъекта.

Еще один вопрос был посвящен эмоциональному компоненту лени. Большинство (46,1%) ответов указывают на то, что лентяй испытывает в основном отрицательно направленные эмоции (тоска, раздражение, чувство вины, жалость к себе, неуверенность, разочарование). В 18,4% ответов фиксируются положительные эмоции (удовольствие,

радость, расслабленность, спокойствие). 24,5% отмечают скорее отсутствие или минимальную выраженность эмоций в состоянии лени. В оставшихся ответах акцент сделан на амбивалентности эмоций ленивого человека или на индивидуальной специфике, которой определяется эмоциональный настрой лентяя.

Ответы на вопрос, касающийся генезиса лени, распределились следующим образом: 73,8% респондентов считают, что лень имеет приобретенный характер. 9,09% опрошенных говорят о ее врожденности. Еще 11,36% написали о том, что у лени имеются биологические предпосылки, однако многое зависит от воспитания, социального окружения субъекта. Так же были высказаны предположения о том, что каждый случай ленивого поведения индивидуален, кроме того часть респондентов рассматривает лень как изменчивое состояние.

Один из вопросов анкеты касался так называемого «мифа о русской лени». Свое согласие с утверждением о том, что лень является национальной чертой русского характера, выразили 25% опрошенных, впрочем, 13,64% из них ответили с оговорками (это относится не ко всем русским, есть и другие «ленивые» нации). Полностью отрицают «миф о русской лени» 71,59% респондентов. В качестве аргументов они указывают на то, что лень: а) зависит от индивидуальных особенностей конкретного человека, б) в большей степени свойственна некоторым другим нациям, в) не может характеризовать русских, т. к. им приходится много и тяжело трудиться.

Два вопроса анкеты были посвящены оценке отношения к лени и трудолюбию с морально-этических позиций. 42,04% опрошенных не считают лень пороком, 36,36% относятся к ней определенно негативно, 21,6% выразили частичное согласие с тем, что лень является пороком. В качестве аргументов последняя группа испытуемых указывала на ситуативный характер лени, различную степень ее выраженности, а так же на отсутствие или наличие попыток бороться с ней. При оценке трудолюбия также достаточно большой процент испытуемых (25%) лишь отчасти согласны считать его положительной чертой характера. При этом их аргументы сходны с доводами относительно лени (так, чрезмерное трудолюбие не приносит пользы, его следует оценивать в зависимости от ситуации и т. п.). Дополнительное исследование также выявило, что понятия «ленивый» и «трудолюбивый» не являются противоположными полюсами одной биполярной шкалы.

На основе анализа полученных данных мы можем сделать следующие **выводы**: субъективный образ лени характеризуется рядом особенностей — он не имеет выраженного негативного оттенка, он отражает комплексный характер причин и психологических детерминант лени, а так же допускает существование ситуативной и личностной форм лени.

Полученные данные могут использоваться для создания методик диагностики лени, а также для разработки научно обоснованных способов ее преодоления.

Особенности механизмов психологической защиты подростков с деструктивным поведением

С.В. Горбатов, Т.В. Шелонина (Санкт-Петербурге)

Во многих современных классификациях отклоняющегося поведения представлен широкий класс поведенческих нарушений, сводящихся к причинению вреда себе или (и) другим людям, обозначаемых термином «деструктивное поведение».

Термин деструкция от лат. destructio, нарушение или разрушение нормальной структуры чего-либо используется во всех науках. В психологическом контексте для определения конкретного психологического явления впервые данный термин был использован в докладе С.Н. Шпильрейн «Деструкция как причина становления» на заседании Венского психоаналитического общества 1911 года С.Н. Шпильрейн.

В широком смысле к деструктивному принято относить поведение, направленное на разрушение и причинение вреда или приводящее к насилию над личностью другого человека (Горбатов С.В., 2004, с. 94–95).

Ц.П. Короленко и Т. Д. Донских (1990) под деструктивным понимают отклоняющееся поведение, причиняющее вред человеку и обществу – аддиктивное, антисоциальное, суицидное. Сюда они также относят конформистское, нарцисстическое, фанатическое, аутистическое.

Г.И. Каплан и Б.Дж. Сэдок (1998), описывая у детей расстройство в виде деструктивного поведения, пишут, что оно «характеризуется поведением, включающим нарушение принятых в обществе норм; оно приносит больше вреда другим людям, чем самим лицам с такими нарушениями поведения».

В узком смысле, деструктивным следует называть поведение, отклоняющееся от принятых в обществе норм, приносящее разрушение и вред, как самому субъекту, так и другим людям вследствие (частичной или более полной) потери регуляции и контроля субъекта над своим поведением (Горбатов С.В., 2004, с. 94–95).

Появление деструктивного поведения у несовершеннолетних в большинстве своем обусловлено, невозможностью адекватно справиться с теми или иными жизненными трудностями, вновь возникающими или протекающими длительное время.

К данному поведению не следует относить поведение, направленное на причинение вреда с целью получения для себя какой-либо выгоды, при сохранении над поведением контроля и при наличии физической и психологической свободы в выборе средств достижения цели.

Деструктивное поведение не сводится к активным действиям, оно может проявляться и в пассивности несовершеннолетнего, в непринятии им каких-либо действенных мер, направленных на предотвращение вреда или в пассивном следовании за другими людьми, причиняющими вред.

Нами было проведено исследование, направленное на изучение особенностей эмоционально-волевой сферы, механизмов психологической защиты и копинг-стратегий подростков с деструктивным поведением (средний возраст 14,3 лет), находящихся в различных лечебных заведениях с диагнозом «Социализированное и несоциализированное расстройство поведения» (F 91.0, F 91.1, F 91.2), характеризующихся интеллектуальной сохранностью и не имеющих психотической симптоматики.

Подросткам с деструктивным поведением свойственны такие малоэффективные механизмы психологической защиты как замещение, отрицание, регрессия. Другими словами они могут не обращать внимания на многие собственные личностные качества и поступки, не делающие их личность привлекательной в глазах себя и других. Подростки заменяют решение субъективно более сложных задач на относительно более простые и доступные в сложившейся ситуациях, это использование более простых и привычных поведенческих стереотипов существенно обедняет общий (потенциально возможный) арсенал преодоления конфликтных ситуаций. Им свойственно отрицание тех аспектов внешней реальности, которые, будучи очевидными для окружающих, тем не менее, не принимаются, не признаются самой личностью. Иными словами, информация, которая тревожит и может привести к конфликту, не воспринимается.

Для подростков с деструктивным поведением характерна модель пассивного, дисфункционального, совладающего поведения, на что указывает преобладание такой копинг-стратегии, как избегание. Им характерно преобладание чувства вины, что может свидетельствовать о наличии аутоагрессивных тенденций. Наибольшие затруднения в регуляции своего поведения данные подростки испытывают в связи с высоким уровнем импульсивности, сниженной способности к волевой регуляции и высоким показателем склонности к рискованному поведению.

При сравнении с подгруппами подростков характеризующихся успешной социальной адаптацией и не имеющих отклонений в поведении разного возраста (10,5 лет и 13,6 лет) можно говорить, что, подросткам с деструктивным поведением свойственны регрессивные тенденции, так как они используют в затруднительных жизненных ситуациях механизмы психологической защиты и копинг-стратегии, свойственные более младшему возрасту (10,5 лет) контрольной подгруппы.

Юмор как проблема саморегуляции

И.С. Домбровская (Гродно)

Проблема саморегуляции выделилась в самостоятельную проблему психологии. Само название проблемы или темы «психология саморегуляции» вызывает два ракурса ее восприятия. Первый заключается в том, что понятие саморегуляции предполагает наличие в личности некоей саморегулирующейся системы или, по-другому, личность является саморегулирующейся системой. Второй ракурс заключается в том, что саморегуляцией личности мы можем называть только те феномены регуляции, которые осуществляются активно и произвольно. В различии этих двух ракурсов понимания проблемы саморегуляции и кроется ее основная дилемма. Ее можно сформулировать и по-другому: спонтанность или произвольность. Это не только научная, но и экзистенциальная проблема. Первый ракурс (саморегуляции как саморегулирующейся системы) кроется в некоем экзистенциальном «ядре» личности. Второй (произвольность) кроется в социализации и воспитании, в овладении своими психическими процессами и в интериоризации схем и структур самоконтроля и самоуправления. Экзистенциальность проблемы состоит прежде всего в том, что человек сам волен выбирать то, сколько в нем (у него) будет спонтанности и сколько произвольности. Это жизненный, экзистенциальный выбор. И он (экзистенциальный выбор) осуществляется и по отношению к регуляции посредством юмора. Он (выбор) экзистенциален, но это не значит то, что он всегда произволен и активен. Юмор не всегда произволен (хотя он по своему филогенезу за счет интериоризации социальных структур изначально и был произвольным). Юмор не всегда активен (филогенетически он возник как раз как «чувство» юмора, т. е. пассивная реципроктная форма «активности»). Проблема юмора концентрирует в себе проблему саморегуляции или шире регуляции.

Когда речь идет о «спонтанной» регуляции посредством юмора, то эвристически полезной нам видится следующая схема личности, точнее образа человека, выведенная нами из анализа развития психики в филогенезе на основе психологических и философских традиций факультета психологии МГУ: биологический уровень, социальный уровень, идеальный уровень, интегрально личностный уровень. Не поясняя здесь схему, отметим то, что мы, рассматривая регуляцию, привлекаем понятие «доминанты» А.А. Ухтомского и дополняем его понятием «субдоминанты» — на основе взаимодействия которых функционирует саморегулирующаяся система личности (и человека). Сочетание доминанты на биологическом уровне регуляции и субдоминанты на социальном создает брутальный вид юмора и «юмор» осмеяния. Сочетание доминанты на идеальном уровне регуляции и субдоминанты на социальном создает часто высокохудожественные произведения с их «тонким» юмором. Сочетание доминанты на интегрально личностном уровне и субдоминанты на социальном создает юмор, обращенный субъектом на самого себя.

Регуляция между уровнями биологическим и идеальным — например при чувственном (эстетическом) восприятии художественных произведений ведет к формированию эстетического типа чувства юмора. Он, на наш взгляд, является наиболее зрелой формой юмора. При этом возникает совмещение и слияние двух базовых психологических механизмов формирования чувства юмора: от смеха (как биологического раздражения)

и от улыбки (как идеального отражения). Юмор, возникнув как орудие в системе регуляции, превращается в механизм регуляции и саморегуляции человека именно за счет взаимодействия биологического и идеального. Идеальное (доминанта на идеальном уровне личности) с субдоминантой на биологическом уровне вообще в значительной степени объясняет феномен саморегуляции человека, т. е. то, как эта саморегуляция вообще возможна.

Механизмы патологизации чувства юмора (как и личностного развития в целом) связаны с «размещением» доминанты и субдоминанты на одном уровне. Одноуровневая регуляция ведет к патологизации социальности до бессмысленности или голой манипулятивности при размещении доминанты и субдоминанты на социальном уровне. При одноуровневой идеальной регуляции возникает «смеховая депрессия», описанная Савенко и Карвасарским, возникает «смеховой» коллапс, приводящий к риску суицидов при «смеховой депрессии» (Блейхер В.М., 1995).

Когда речь идет о саморегуляции посредством юмора как активности и произвольности юмора в полном смысле этих понятий, то интерпретировать ее возможно на основе мультирегуляторной модели личности Д.А. Леонтьева, который кроме «логик» (измерений) жизнедеятельности выделяет и основные соответствующие им виды манипуляции поведением людей. Так логике удовлетворения потребностей соответствует обзаведение, логике реагирования на стимул – провокация, логике предрасположенности – стереотип, логике нормативности – наложение социальных обязательств. По мнению Д.А. Леонтьева эти «низшие» логики должны блокироваться логиками смысла и свободного выбора. (Леонтьев Д.А., 1999, с. 156–158). Подобрать примеры регуляции посредством юмора «методами» соблазнения, провокации, стереотипности и наложения обязательств легко. Они налицо в современной российской телевизионной «смеховой культуре». Но только юмор с доминантой на идеальном уровне (ноогенно-смысловом – здесь) позволяет выйти из замкнутого круга манипуляций посредством юмора, даже если эти манипуляции обращены личностью на саму себя.

Таким образом, мы рассмотрели проблему регуляции посредством юмора как экзистенциальную проблему, как проблему спонтанной системной саморегуляции и как проблему произвольной регуляции. При этом высвечивается то, что проблема юмора вскрывает проблемные моменты темы саморегуляции в целом.

Особенности стрессовых состояний медицинских работников – участников ликвидации последствий аварии на Саяно-Шушенской ГЭС

А.А. Качина (Москва)

Деятельность врачей и медицинского персонала в условиях профессионального стресса в настоящее время изучаются с особым вниманием (Багрий, 2009; Леонова, Багрий, 2009; Рыбина, 2005; Ясько, 2003 и др.). Это обусловлено не только воздействием значительного числа стрессогенных факторов на деятельность специалистов медицинского профиля, но и высокими профессиональными требованиями к стрессоустойчивости и психологическим качествам специалистов, обеспечивающим эффективность врачебной деятельности в экстремальных условиях. В ситуации высокой напряженности, способность специалиста к экстренной мобилизации ресурсов и гибкой перестройке деятельности адекватно новым условиям определяет не только степень надежности и эффективности решения трудовых задач, но и внутреннюю «цену» деятельности и величину негативных последствий стресса. И в такой ситуации, на наш взгляд, особую важность приобретают вопросы своевременной диагностики негативных стрессовых состояний и подбора адекватных психологических средств для профилактической и коррекционной работы.

Цель настоящего исследования состояла в оценке профессионального здоровья и психологического благополучия медицинского персонала, работающего в условиях высокого психоэмоционального напряжения.

В исследовании приняли участие врачи и медицинский персонал поликлиники и больницы пгт. Черемушки, участвующие в работе по ликвидации последствий аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Всего 40 человек – 38 женщин и 2 мужчин в возрасте от 27 до 66 лет (средний возраст – 46 лет), со стажем работы от 2-х до 44 лет (средний стаж – 25 лет).

Поскольку исследование проводилось в ноябре 2009г., основной фокус внимания был направлен на анализ особенностей развития и аккумуляции негативных эффектов стресса, вызванных сильным эмоциональным и физическим перенапряжением в течение 3 месяцев интенсивной работы.

В качестве основного диагностического инструмента исследования была выбрана диагностико-экспертная система «Интегральная диагностика и коррекция стресса» (ИДИКС, Леонова, 2006), которая позволяет в едином формате интегрировать информацию о:

- *основных источниках стресса в профессиональной среде* (шкала TV1 «Условия и организация труда» и Шкала TV3 «Вознаграждение за труд/социальный климат»);
- *субъективной «образе» основных затруднений в работе* (Шкала TV2 «Субъективная оценка трудностей в рабочей ситуации»);
- *острых и хронических формах стрессовых состояний* (Шкала TV4 «Острый стресс» и Шкала TV5 «Хронический стресс»);
- *деструктивных последствий стресса* (Шкала TV6 «Личностные/поведенческие деформации»).

Реализация такого системного подхода позволяет получить развернутую характеристику стрессового синдрома, зон риска его дальнейшего развития и на этой основе подготовить комплекс специализированных средств оказания психологической помощи (Леонова, 2004; Леонова, Качина, 2006).

Результаты показали, что в целом по обследованной группе наблюдается высокий уровень стресса, что свидетельствует о сильной психологической напряженности как профессиональной, так и жизненной ситуации. Поскольку уровень развития стресса в обследованной профессиональной группе выходит за границы допустимых норм, можно выделить следующие категории риска.

1. Выраженный уровень развития стресса выявлен у 35% обследуемых, в данной группе существует потенциальная угроза для надежности деятельности и состояния здоровья, необходимы профилактические меры дальнейшего развития стресса.

2. Высокий уровень стресса наблюдается у 47,5% обследуемых. Группа риска снижения надежности деятельности и развития профессионального неблагополучия; необходима психологическая помощь по снижению уровня стресса и восстановлению оптимального состояния.

3. Предельно высокий уровень стресса обнаружен у 17,5% обследуемых. Высока вероятность срыва деятельности и серьезных психологических/соматических нарушений; необходим курс реабилитационных мероприятий.

Таким образом, 65% обследуемых медицинских работников (26 чел.) находятся в группе риска или уже требуют серьезного психологического вмешательства.

Анализ факторов психической напряженности показал, что к числу наиболее значимых субъективных трудностей в текущей работе относятся факторы:

- *низкой автономии* (TV2.4=67,8) – жесткая регламентация труда, конфликт между регламентом и реальными условиями выполнения работы и при этом высокая моральная и юридическая ответственность за результаты;

- *низкого разнообразия/монотонности в работе* (TV2.1=58,8 баллов) – обслуживание непрерывного потока пациентов, преобладание однотипных задач, невозможность проявить инициативу;
- *чрезмерной сложности и неупорядоченности решаемых задач* (TV2.2=58,4) – одновременное выполнение сразу нескольких задач, ощущение дефицита знаний и умений, сложность в определении состояния здоровья пациентов;
- *недостаточного вознаграждения за труд* (TV3.2=54) неудовлетворенность вознаграждением за труд, недостаток одобрения и поощрений за работу, отсутствие перспектив развития.

Наименее стрессовыми для медицинских работников являются факторы условий и организации труда, а также интенсивность рабочей нагрузки (шум, внешние помехи, график работы, дефицит времени, сверхурочная работа).

Таким образом, картина стресс-факторов свидетельствует о высокой субъективной значимости деятельности и мотивационной включенности данных специалистов в процесс работы. Обследуемые воспринимают свою деятельность как сложную и ответственную, особенно в условиях текущей неблагоприятной социальной ситуации в поселке. Такая работа «на пределе возможностей» в итоге приводит к развитию неблагоприятных стрессовых состояний. Основные группы негативных проявлений стресса представлены на уровнях как текущего состояния, так и устойчивых хронических форм и личностного неблагополучия.

Актуальное состояние медицинских работников характеризуется сниженной активностью (TV4.5=53,3 и TV4.6=75,5) – вялостью, слабостью, плохим самочувствием и сложностью выполнения даже хорошо знакомой работы. Картина недомоганий содержит типичные для психологического истощения симптомы: быстрая утомляемость, снижение остроты и скорости мышления, нарушения внимания и памяти, перепады настроения, раздражительность, плаксивость, чувство опустошенности. Фактически, такое расстройство эмоциональной и психофизиологической регуляции деятельности существенно ограничивает возможности специалиста адекватно реагировать в напряженной ситуации, даже если объективно она выглядит относительно простой, и ведет к развитию синдрома хронического стресса.

К характерным устойчивым формам хронического стресса в обследованной группе относятся:

- состояние сильной общей *тревоги* (TV5.1=63,1), проявляющейся в постоянном беспокойстве, отсутствии уверенности в завтрашнем дне, доминировании переживаний страха и мотива «ухода» от текущей стрессовой ситуации;
- *депрессия* (TV5.3=62) в форме подавленного настроения, ощущения беззащитности, несправедливости и недоброжелательности окружающего мира, отсутствия жизненной перспективы и негативной оценки будущего;
- *хроническое утомление* (TV5.4=55,7) – постоянная слабость, ощущение полной «измотанности», разбитости;
- *психосоматические реакции* (TV5.5=62) – головные боли, неприятные ощущения в области желудка, учащение сердцебиения, отдышка, тремор, боли;
- *нарушения сна* (TV5.6=57,1) – бессонница, неустойчивый или «тревожный» сон, отсутствие ощущения полноценного отдыха после сна.

Деструктивные проявления стресса на уровне личностных и поведенческих деформаций связаны с развитием синдрома выгорания (TV6.2=55,6) и невротических реакций (TV6.3=55,3).

Как видно из приведенных результатов, в обследованной группе медицинских работников специфика стрессового синдрома определяется как содержанием труда (интенсивностью межличностных коммуникаций разного уровня, жесткой регламентацией труда, высокой личной включенностью в процесс работы и ответственностью за

ее результаты), так и особенностями его реализации в текущей социально и профессионально напряженной ситуации.

Таким образом, описанный синдром, а также анализ текущей ситуации, в которой работают обследованные специалисты, свидетельствуют о том, что наиболее серьезными и обязательными для психологической коррекционной проработки являются две группы симптомов. В первую очередь, это комплекс сильнейших тревожно-депрессивных переживаний, деформирующих отношение человека к себе и к миру, поскольку в таком состоянии нарушается способность человека адекватно отражать и интерпретировать реальность, что может приводить к ее грубому искажению. Кроме того, опасность такого состояния заключается еще и в том, что наряду с постоянной тревогой могут возникать острые приступы паники, имеющие навязчивый характер.

Во-вторых, это психофизиологическое истощение, которое существенно ограничивает возможности человека адекватно реагировать в напряженной ситуации. Кроме того, в крайних формах такой синдром переходит в разряд патологических состояний – астенического синдрома и клинику неврозов, лечение которых требует уже медицинского вмешательства.

Психологическая саморегуляция состояния психологов в период внедрения программ психологической помощи пострадавшим в аварии на Саяно-Шушенской ГЭС

А.С. Кузнецова, Т.А. Злоказова (Москва)

(Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 08-06-00342а.)

В августе 2009 г. произошла авария на Саяно-Шушенской ГЭС. После катастрофы, в результате которой погибло 75 человек, в поселке Черемушки, где живут сотрудники Саяно-Шушенской ГЭС и члены их семей, силами сотрудников психологической службы МЧС была развернута работа по оказанию экстренной психологической помощи.

По завершении системы экстренных мероприятий задачи оказания психологической поддержки пострадавшим были переданы региональным психологам. Однако в небольшом поселке городского типа не существовало психологической службы как таковой. Практически сразу после аварии под руководством директора корпоративного университета гидроэнергетики ОАО Рус Гидро», кандидата психологических наук Е.А. Аксеновой были начаты работы по организации психологической службы в поселке и создан антикризисный центр психологической помощи пострадавшим, получивший название «Центр психологической поддержки». Руководителем центра О.Ю. Осинкиной совместно с Е.А. Аксеновой за короткое время удалось создать сплоченный коллектив психологов-единомышленников, ориентированных на внедрение научно-обоснованных программ психокоррекции и реабилитации нуждающихся в психологической помощи людей. В составе центра – молодые психологи с высшим профессиональным образованием и опытом консультационно-коррекционной работы.

В настоящее время данная небольшая по числу сотрудников организация (6 человек) является эффективным координатором программ по оказанию психологической помощи. С Центром активно сотрудничают 14 психологов и педагогов-психологов, работающих с сотрудниками ГЭС, жителями п. Черемушки. Следует подчеркнуть, что все специалисты, вовлеченные в работу с жителями, и особенно с детьми, по-настоящему преданы своему делу и работают с полной отдачей.

С начала создания Центра было принято решение привлекать для диагностико-консультационной работы специалистов крупных психологических центров России. Одним из первых научных коллективов, откликнувшихся на просьбу о сотрудничестве, стал коллектив Лаборатории психологии труда факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством профессора А.Б. Леоновой. Сотрудниками данного научного кол-

лектива были выполнены психодиагностические работы по оценке степени выраженности стрессовой симптоматики у медицинских специалистов и педагогов средних школ и творческих развивающих школ региона (А.А. Качина, Т.А. Злоказова) и проведены циклы тренинговых занятий по обучению психологическим технологиям диагностической и психокоррекционной работы (А.С. Кузнецова, Т.А. Злоказова).

За время функционирования Центр действительно стал центром психологической работы с жителями. С сентября число желающих обратиться за консультационной помощью стало быстро расти, что является признаком доверия людей. Как следствие, резко увеличилась рабочая нагрузка. Все сотрудники центра осенью 2009 г. работали почти в экстремальном режиме, ориентируясь на временные возможности обратившихся за консультацией людей. Кроме того, часть сотрудников живет весьма далеко от места работы, и они вынуждены тратить более 2 часов для того, чтобы добраться до рабочего места и после работы вернуться домой. Безусловно, оправданный в тяжелый период подобный рабочий режим определяется термином «работа на износ».

В октябре – ноябре 2009 г. для сотрудников Центра и практикующих педагогов-психологов были проведены тренинговые занятия по обучению навыкам психологической саморегуляции состояния. Данный тренинговый курс был заказан в качестве технологии подготовки методистов, способных вести обучение приемам психологического самоуправления функциональным состоянием с целью укрепления ресурсов индивидуальной стресс-резистентности. В процессе обучения участники занятий отработывают различные приемы саморегуляции состояния и имеют возможность оценить степень освоения новых психологических навыков оптимизации текущего функционального состояния с помощью диагностического комплекса.

Тренинговый курс был построен в соответствии с задачами оценки актуальной стрессоустойчивости занимающихся и ориентирован на развитие навыков психологической саморегуляции функционального состояния. В основе курса – комплексная программа обучения навыкам саморегуляции, разработанная А.Б. Леоновой и выстроенная как последовательное обучение разным психологическим техникам (Леонова, 1988; Леонова, Кузнецова, 2007). Обучение прошли 14 человек – сотрудников Центра и ассоциированных педагогов-психологов (13 женщин и 1 мужчина в возрасте от 22 до 53 лет).

В течение недели занятий были проведены опросы участников с целью сбора данных об особенностях рабочей нагрузки и оценки временных и содержательных возможностей психологов по восстановлению ресурсов. Анализ результатов показал, что вовлеченные в программы психологической реабилитации сотрудники отдают себе отчет в том, что выделяют недостаточно времени на отдых и рекреацию. Степень субъективной насыщенности времени дня рабочими обязанностями отражают данные о самооценке времени, используемого для восстановления: в среднем по обследуемой группе реальное время, выделяемое для сна равно 6,9 часа (при этом желаемое время – 8,4 часа), время для отдыха – 2,1 часа. Как следует из приведенных данных и бесед с обследуемыми, остальное время посвящено в основном выполнению работы: по опросам, значительная часть «свободного времени» занята выполнением рабочих задач в той или иной форме (составление планов, осмысление результатов работы, подготовительные работы и пр.).

Интенсивность нагрузки в течение рабочего дня крайне высока. По оценкам самих психологов, количество микроперерывов, которые они могут себе позволить в среднем равно 3,3. Очевидно, что высокая степень интенсивности и напряженности труда и отсутствие времени на восстановление с неизбежностью приводит к развитию неблагоприятных функциональных состояний. Проблема в том, что благодаря высокой степени вовлеченности в работу и притоку положительных эмоций от достигнутых результатов, сотрудники не воспринимают накопление симптоматики утомления как реальную угрозу снижения стресс-резистентности. Таким образом, в данный период

участие психологов в тренинге по обучению навыкам саморегуляции было крайне актуально и необходимо для сохранения здоровья.

Тренинг был проведен в течение 4 дней одной рабочей недели. Время для сеансов саморегуляции состояния было выделено в конце учебного дня, что позволило не только познакомить психологов с методическими особенностями организации данного вида обучения, но и решить задачи текущей оптимизации функционального состояния занимающихся (Злоказова, 2007). Режим обучения предполагал проведение диагностических замеров показателей функционального состояния до и после каждого тренингового занятия. В состав диагностического пакета были включены методики для самооценки степени выраженности: ситуативной тревожности; субъективного комфорта; зрительного и позотонического утомления; ситуативных эмоций позитивного, негативного и тревожно-депрессивного типа (Леонова, Капица, 2003). Кроме того, производились замеры артериального давления и пульса для оценки текущего состояния функциональных систем организма.

Полученные результаты показали, что в начале обучения показатели фонового состояния (до сеанса саморегуляции) отражают несколько повышенный уровень ситуативной тревожности и субъективного дискомфорта. В результате выполнения упражнений, направленных на регуляцию мышечного тонуса и редукции эмоционального напряжения, получен выраженный актуальный эффект оптимизации текущего состояния. Анализ данных статистического сравнения показателей фонового состояния в разные дни обучения позволяет сделать вывод о выраженном пролонгированном эффекте оптимизации состояния. По мере реализации обучающей программы получен значимый эффект снижения ситуативной тревожности и острого утомления (уровень значимости – 0,05 и 0,001, соответственно); на уровне тенденции можно говорить о росте субъективного комфорта у занимающихся (0,1).

Безусловно, преждевременно делать однозначный вывод о том, что полученные факты отражают существенные изменения в системе психологических средств саморегуляции под влиянием всего 4 тренинговых занятий. Вместе с тем, сама ситуация участия в востребованном психологическом обучении, предполагающем развернутое профессиональное обсуждение достигнутых эффектов, способствовала психологической релаксации и частичному устранению накопившихся неблагоприятных признаков напряжения и утомления. По отзывам участников, данная тренинговая программа была очень нужна им именно в этот период времени.

Саморегуляции и самореализации

Л.В. Кузь (Санкт-Петербург)

Повышенный интерес в современном обществе к проблеме самореализации и саморегуляции очевиден. «Саморегуляция» в психологической науке в целом представлена как осознанное регулирование человеком своего поведения, деятельности, которое проявляется в умении преодолевать некоторые затруднения в целенаправленной деятельности. (Моросанова В.И., Конопкин О.А, Иванников В.А. и т. д.). Наиболее распространенным является мнение о саморегуляции деятельности, как о способности преодолевать препятствия на пути к цели. Мы поддерживаем подход, рассматривающий саморегуляцию как интегральную, 3-х компонентную характеристику, которая включает: эмоциональный, волевой и когнитивный компоненты.

Согласно с концепцией индивидуальности, разработанной О.С. Гребенюк, ни одна их сфер человека не функционирует изолировано и все сферы имеют регуляторные процессы. О.С. Гребенюк выделила семь сфер в своей концепции развития: интеллектуальная, эмоциональная, мотивационная, волевая, сфера саморегуляции, предметно-практическая, экзистенциальная. Такой комплексный подход позволяет увидеть полную картину о саморегуляторной способности в целом.

Индивидуальные особенности самореализации также необходимо исследовать в комплексе, в единстве ее ценностно-смысловых, мотивационно-потребностных, инструментальных, эмоционально-волевых и рефлексивно-оценочных характеристик (Крупнов А.И., материалы Всероссийской научно-практической конференции <http://psy.1september.ru/articlef.php?ID=200800212>).

Но настоящее положение такое, что внимание исследователей, которые занимались проблемой самореализации было обращено на один аспект, либо на потребностно-мотивационный (А.Х. Маслоу), либо описывается генезис стремления к самореализации (К.Р. Роджерс). Некоторые современные авторы (С.И. Кудинов), рассматривают самореализацию, как совокупность характеристик и дают следующее определение: «Самореализация – это совокупность инструментально-стилевых и мотивационно-смысловых характеристик обеспечивающих постоянство стремлений и готовность к самовыражению личности в различных сферах жизнедеятельности в процессе онтогенеза». Также С.И. Кудинов на основе проведенного анализа литературы по самореализации предложил полисистемную модель самореализации личности, где он выделил условия, формы и виды самореализации, в свою очередь выделенные три категории имеют свои подкатегории.

В соответствии с поставленными задачами нами было проведено исследование, с целью выявления сфер самореализации, так как эмпирическим путем их никто не выявлял. Результатом данного исследования является: с помощью контент-анализа выявлено 12 сфер самореализации (семья; карьера; хобби; родительство; духовное и личностное развитие; искусство; спорт; образование; дружба; любовь; здоровье). Результаты контент-анализа были в свою очередь подвергнуты факторному анализу. Результаты факторного анализа следующие: получено три фактора с совокупным весом не менее 60%. В первый фактор с наибольшим весом вошли показатели дружба (0,95) и образование (0,85), а с наименьшим – карьера (0,67) и духовное и личностное развитие (0,67), спорт – так же вошел в этот фактор с весом 0,80 и занимает промежуточное место между показателями набравшими больший вес – дружба (0,95), образование (0,85) и показателями набравшими наименьший вес – карьера (0,67), духовное и личностное развитие (0,67). Данные переменные являются, по сути, сферами самоутверждения в деятельности. Показатель «Духовное и личностные развитие», который по своему содержанию вряд ли может быть отнесен к деятельностному типу самоутверждения, имеет низкий (по сравнению почти со всеми другими) факторный вес. На этом основании этот фактор был обозначен нами как фактор самореализации в деятельности. Данный фактор описывает 37,6% выборки.

Во второй фактор с наибольшим весом вошли показатели сфер здоровья и семья, и в оппозиции к ним оказалась работа. Этот фактор условно был назван нами социальной самореализацией. Второй фактор описывает 11,8% выборки. Третий фактор включил переменные: любовь и искусство. Обе сферы могут быть условно отнесены к личностной сфере, а точнее к духовной ее части самореализации. В этот фактор вошли 10,5% выборки. Таким образом, в результате факторного анализа выделено три группы сфер самореализации: деятельностная, социальная, личностно-духовная. С.И. Кудинов также выделяет аналогичные виды саморегуляции, но в своих теоретических положениях дает обобщенные определения этим видам, не говоря о самих сферах, где мог бы себя реализовать человек.

Всего в исследовании участвовало 64 человека, среди них 47 лиц женского пола и 17 мужского, средний возраст испытуемых 28,6 лет, минимальный возраст 15 лет, максимальный возраст 58 лет.

Так же в соответствии с целями был разработан опросник на основе выявленных сфер самореализации, целью которого является определение профиля самореализации личности и степени удовлетворения самореализацией в той или иной сфере. Далее

планируется провести исследование в соответствии с поставленными задачами используя разработанный опросник.

Семантический инвариант деятельности в контексте регуляции отношений субъекта с внешним миром

Р.М. Кумышева (Нальчик)

Регулируемые отношения человека с внешним миром основываются в первую очередь на ценностях. Но ценности «производны от соотношения мира и человека» (Рубинштейн, 1997, с. 96). На первом месте стоит удовлетворение человеком его личных и общественных потребностей (там же). Если исходить из позиции, что «ценность — значимость для человека чего-то в мире» (там же), то деятельность в первую очередь является средством и механизмом регуляции отношений человека и значимых объектов (идеальных и материальных) мира. Это в свою очередь наделяет деятельность значением и смыслом.

В семиотике значения рассматриваются как «стороны сложных процессов поведения в естественном мире» (Моррис, 1983, с. 120). В языке смысл (или смысловое значение) связан с приложением языковой или речевой единицы к внешней ситуации (Льюис, 1983, с. 222), с референцией «к миру опыта» (там же, с. 224). Помимо семантики того, что человеком воспринимается, осмысливается, воображается, есть еще семантика того, что он осуществляет, делает.

«Продуктом» деятельности является не то, к чему стремится субъект, а то, к чему объективно приводит деятельность (Леонтьев А.А., 2001, с. 154). (Леонтьев А.А., 2001, с. 154). В данном случае результат, предвосхищаемый субъектом, — это цель, а объективный продукт, которому приводит деятельность, может рассматриваться как ее значение. Если взять шире, то предвосхищаемые результаты деятельности составляют поле целей, а объективные ее результаты образуют поле значений.

В морфологии деятельности действие соотносится с намерением, целью (Леонтьев А.А., 2001, с. 371). В процессе его выполнения цель приводится в соответствие с мотивом. Если исходить из того, что мотив, потребность порождаются в процессе и результате взаимодействия с внешним миром, то конечным результатом деятельности на уровне операции является материализованный образ той самой первоначальной потребности.

Субъективные переживания, порождающие мотивы деятельности, образуют поле ценностей (Леонтьев А.Н., 2000, с. 103–104). Субъективный опыт, извлекаемый субъектом из деятельности, осознаваемая значимость полученных объективных результатов деятельности образуют поле смыслов. Таким образом, выделяется семантический инвариант деятельности: поле целей, поле значений, поле ценностей и поле смыслов. Из них цели и значения составляют объективную семантику, а ценности и смыслы — субъективную семантику. Поля целей, значений, ценностей и смыслов образуют семантический инвариант деятельности, благодаря которому регулируются отношения субъекта с внешним миром.

В свою очередь, поле смыслов включает необходимый смысловой инвариант: смысл познания, смысл самопознания, смысл ведущей деятельности и смысл самосовершенствования. Их выбор обусловлен тем, что для взаимодействия с внешним миром необходим некоторый баланс условий внешнего мира и внутренних ресурсов человека. Т. е. необходимы информационный контроль изменений во внешнем мире и соответствующая реорганизация внутренних ресурсов человека. В этом заключаются смыслы познания и самопознания. Для приведения в соответствие внутренних ресурсов человека и условий внешнего мира необходимо владение каким-то видом деятельности. В этом — смысл ведущей деятельности. Наконец, для приведения в соответствие своих внутренних ресурсов меняющимся условиям внешнего мира человеку необходимо постоянное развитие. В этом смысл самосовершенствования.

Эмпирическое исследование, связанное с определением наличия и полноты семантического инварианта учебной деятельности и смыслового инварианта в системе смысловых категорий, — процесс длительный и многоплановый. Здесь приводится фрагмент начальной стадии исследования. Использовались методики предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева, тест СЖО Д.А. Леонтьева и методика незаконченных предложений. При применении МПС мы осуществляли конструктивный анализ смысловых категорий, связанных с познанием, самопознанием, ведущей деятельностью и самосовершенствованием.

При построении фраз для методики незаконченных предложений мы придерживались позиции А.Н. Леонтьева относительно того: что мотивы не всегда актуально осознаваемы, но осознаваемы ретроспективно (Леонтьев А.Н., 2000, с. 453); цели ставятся сознательно, некоторые из них «превращаются в мотивы», «приобретают значение» (там же, с. 453); можно «характеризовать личностный смысл через открытие мотива» (там же, с. 450); определять, ради чего осуществляется деятельность, выявляя при этом мир ценностей (там же, с. 451). В соответствии с этим испытуемым было предложено завершить следующие предложения: Мои учебные задания имеют целью ..., В результате выполнения учебных заданий я обретаю (во мне меняется) ..., Я выполняю учебные задания ради ..., Выполнение учебных заданий (влияет на мои отношения с внешним миром или не влияет на мои отношения с внешним миром)

Ответы квалифицировались по четырем категориям (цели, значения, ценности и смыслы) и трем уровням. Ответы первого уровня связаны с приобретением чего-то, в том числе и знаний; второй уровень связан с внешним преобразованием, предполагающим статусное изменение; третий уровень связан с трансформацией процесса деятельности в личностные преобразования субъекта.

Для изучения семантического инварианта (СемИн) ведущей деятельности по МПС опрашивались студенты исторического и физического факультетов ($n=44$) и медицинского факультета ($n=26$). Сопоставление данных групп было обусловлено тем, что у студентов — будущих врачей учебная деятельность максимально приближена к профессиональной, а у студентов других специальностей — нет. Значимость выявленных различий проверялась по критерию U Манна — Уитни.

Вначале сопоставлялись результаты опроса между группами: физиков ($U_{\text{физ}}$) и радиотехников ($U_{\text{рад}}$), историков ($U_{\text{ист}}$) и физиков, объединенных с радиотехниками ($U_{\text{физ+рад}}$). И значимые различия не были выявлены: $U_{\text{физ}}=182,5$ и $U_{\text{рад}}=105,5$; $U_{\text{кр}}=95$ $p \geq 0,05$; $U_{\text{ист}}=140$ и $U_{\text{физ+рад}}=201$; $U_{\text{кр}}=110$ $p \geq 0,05$; $U_{\text{ист}}=49$ и $U_{\text{физ}}=93,5$; $U_{\text{кр}}=48$ $p \geq 0,05$.

Затем сопоставлялись данные этих трех групп с данными студентов медицинского факультета. Значения УВП (удельного веса смысловых категорий, связанных с познанием) для групп «историки+физики» и «лечебное дело» имели различия высокой значимости: УВП_{физ+ист}=0,19 УВП_{леч}=0,08; $U_{\text{физ+ист}}=227$ при $p < 0,01$; $U_{\text{леч}}=917,5$ $U_{\text{кр}}=436$ при $p=0,05$ и $U_{\text{кр}}=380$ при $p=0,01$.

Далее сравнивались показатели по УВД (удельного веса смысловых категорий, связанных с ведущей деятельностью).

Выяснилось, что смысловых категорий, связанных с ведущей деятельностью, у будущих врачей больше: УВД_{физ+ист}=0,18 УВД_{леч}=0,24; $U_{\text{физ+ист}}=686$ и $U_{\text{леч}}=458$; $U_{\text{кр}}=436$ при $p=0,05$ и $U_{\text{кр}}=380$ при $p=0,01$.

При сравнении показателей удельного веса смысловых категорий, связанных с самопознанием (УВЯ) обнаружилось различия высокой значимости: УВЯ_{физ+ист}=0,01 и УВЯ_{леч}=0,15; $U_{\text{физ+ист}}=851,5$ и $U_{\text{леч}}=292,5$ $p < 0,01$; $U_{\text{кр}}=436$ при $p=0,05$ и $U_{\text{кр}}=380$ при $p \leq 0,01$.

Сравнение показателей удельного веса смысловых категорий, связанных с самосовершенствованием (УВСам), выявило также значимые различия: УВСам_{физ+ист}=0,07 и УВСам_{леч}=0,13; $U_{\text{физ+ист}}=657,5$ и $U_{\text{леч}}=426,5$ $p=0,05$; $U_{\text{кр}}=436$ при $p=0,05$ и $U_{\text{кр}}=380$ при $p=0,01$.

Далее сравнивались показатели удельного веса смысловых категорий первого уровня и тоже были выявлены различия высокой значимости: $УВ1_{\text{физ+ист}} = 0,41$ и $УВ1_{\text{леч}} = 0,08$; $U_{\text{физ+ист}} = 259,5$, $p < 0,01$ и $U_{\text{леч}} = 880$; $U_{\text{кр}} = 436$ при $p = 0,05$ и $U_{\text{кр}} = 380$ при $p = 0,01$.

У физиков и историков преобладают смысловые категории, связанные с приобретением, над смысловыми категориями, связанными с личностными преобразованиями.

При сравнении показателей удельного веса смысловых категорий второго уровня – связанных со статусными изменениями – значимых различий не выявлено: $УВ2_{\text{физ+ист}} = 0,18$ и $УВ2_{\text{леч}} = 0,2$; $U_{\text{физ+ист}} = 573$ и $U_{\text{леч}} = 572$; $U_{\text{кр}} = 436$ при $p = 0,05$ и $U_{\text{кр}} = 380$ при $p = 0,01$.

И физики с историками, и медики одинаково стремятся к статусному росту. Это закономерная потребность для данной возрастной и статусной группы.

При сравнении показателей удельного веса смысловых категорий, связанных с внутренними преобразованиями личности, выявлены различия высокой значимости: $УВ3_{\text{физ+ист}} = 0,41$ и $УВ3_{\text{леч}} = 0,71$; $U_{\text{физ+ист}} = 803,5$ и $U_{\text{леч}} = 340,5$ $p < 0,01$; $U_{\text{кр}} = 436$ при $p = 0,05$ и $U_{\text{кр}} = 380$ при $p = 0,01$.

У студентов-медиков значительно преобладают смысловые категории, связанные с личностными преобразованиями. Характер учебной деятельности студентов данной специальности способствует осознанию необходимости личных достижений и личного роста в профессии.

По методике незаконченных предложений выявилось значительное преобладание у студентов – будущих врачей ответов третьего уровня. Данные по МПС сравнивались с данными методики незаконченных предложений по коэффициенту ранговой корреляции Спирмена: $R_s = 0,97$.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что наполненность семантического инварианта ведущей деятельности и смысловой инвариант поля смыслов взаимосвязаны и взаимообусловлены. В совокупности они могут рассматриваться как факторы регуляции отношений субъекта с внешним миром. Но для этого требуются дополнительные эмпирические исследования.

Иерархическая модель анализа организационного стресса и риск-факторы для психического здоровья персонала

А.Б. Леонова (Москва)

(Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 08-06-00342а.)

Понятие «организационный стресс» все чаще используется в современных психологических исследованиях для характеристики особенностей функционирования персонала организаций в зависимости от условий труда и специфики взаимодействий сотрудников в процессе выполнения совместной деятельности. В этом отражается актуальность разработки проблем, связанных с лавинообразным нарастанием факторов риска для эффективной работы и психического здоровья профессионалов, действующих в ситуациях постоянного обновления форм и видов труда, что ведет к повышению «внутренней цены» деятельности (Бодров В.А., 2006; Леонова А.Б., 2007). Однако, несмотря на ясный с прагматической точки зрения смысл использования термина «организационный стресс», в концептуальном плане его содержание до сих пор остается фактически не разработанным. Обычно он применяется в качестве синонима по отношению к таким распространенным понятиям как рабочий стресс, трудовой стресс, профессиональный стресс и др. (Артамонова Л.Н., Леонова А.Б., 2009). Вместе с тем, разграничение этих, не тождественных содержанию понятий, представляется необходимым как в теоретическом, так и практическом плане. Это является базой для создания адекватной методологии проведения конкретных эмпирических исследований.

В отличие от относительно устоявшихся в науке представлений о стрессе как адаптационной реакции индивида к затрудненным условиям жизнедеятельности, при ве-

дении понятия «организационный стресс» (далее – ОС) с неизбежностью задается расширенная трактовка субъекта активности, испытывающего негативные воздействия. Так, если в традиционных прикладных исследованиях стресса акцент ставится на анализе актуализации адаптационных ресурсов отдельного человека – работника (рабочий стресс), сотрудника (трудовой стресс) или специалиста определенной квалификации (профессиональный стресс), то в случае изучения ОС в центре внимания оказывается изучение механизмов регуляции деятельности коллективного субъекта труда. В этом состоит специфика формирующихся в настоящее время подходов к анализу ОС, нацеленных на выявление факторов эффективной работы всех категорий персонала и сохранения «здоровья» организации как единого живого организма (Леонова А.Б., 2007; Veehr T., 2000).

Полноценная реализация такой исследовательской установки невозможна без опоры на принципы системного анализа организаций. В качестве концептуальной базы для операционализации представлений о структуре ОС нами была использована широко распространенная в современных исследованиях трехуровневая схема анализа организационных взаимодействий:

- 1) индивид (отдельный исполнитель, выполняющий трудовые задачи на конкретном рабочем месте);
- 2) рабочая группа (объединение работников, совместно выполняющих производственные задания в составе одного структурного подразделения или рабочей команды);
- 3) коллектив организации (служащие организации как члены единого организационного сообщества).

На этой основе нами была разработана иерархическая модель анализа ОС, позволяющая определить компонентный состав основных из его проявлений на каждом из выделенных уровней:

- на уровне индивида – оценки стрессогенности трудовой ситуации, основных стресс-факторов рабочей среды, динамики функциональных состояний, аффективной окраски деятельности и особенностей трудовой мотивации;
- на уровне рабочей группы – характеристики социально-психологического климата в группе, оценки групповой сплоченности и стиля управления;
- на уровне целостной организации – общие показатели эффективности деятельности в сочетании с анализом организационных ценностей и норм, формами взаимоотношений между руководством и сотрудниками, оценками удовлетворенности трудом и жизнью, чувством социальной защищенности, что в совокупности отражает тип сложившейся организационной культуры.

Детализация представлений о структуре и наиболее характерных проявлениях ОС, полученная в рамках предложенной иерархической модели, послужила базой для разработки комплексной стратегии диагностики ОС в прикладных исследованиях. Это дало возможность упорядочить процедуру выбора релевантных диагностических средств, необходимых для сбора полноценной информации и формирования верифицированной базы данных по результатам проведения конкретных эмпирических исследований. На этой основе становится возможным не только дать описательную характеристику симптоматики ОС со стороны его частных проявлений, но и выявить качественное своеобразие структуры ОС в каждом отдельном случае.

Эмпирическая верификация предложенного подхода была проведена в цикле прикладных исследований, проведенных с персоналом ряда отечественных банков, в частности, такой крупнейшей банковской организации как Сбербанк РФ (Артамонова Л.Н., Леонова А.Б., 2009). Всего в исследованиях приняло участие 260 сотрудников разных банков, в том числе 140 служащих одного из московских отделений Сбербанка, работающих в разных типах производственных подразделений: дополнительных офисах,

бизнес-отделах и вспомогательных технических службах. Для оценки разноуровневых проявлений ОС был сформирован диагностический пакет, состоящий из ряда полностью стандартизованных психологических тестов:

- 1) на уровне индивида – «Опросник трудового стресса» Ч. Спилбергера, методика JDS Г. Олдхема и Дж. Хакмана, методика ДОРС, шкала дифференциальных эмоций К. Изарда;
- 2) на уровне рабочей группы – методика «Атмосфера в группе» Ф. Фидлера, опросник «Стиль руководства» Р.Блейка и Дж. Мутона;
- 3) на уровне организации – русскоязычный вариант анкеты А. Майера «Субъективная оценка организационной культуры» (в русскоязычной адаптации В. Чикер).

Сопоставление оценок по частным показателям тестов с нормативными значениями (как по всей выборке в целом, так и по подгруппам сотрудников разных подразделений) позволило диагностировать умеренно-выраженную степень развития ОС. Наиболее яркие негативные «пики» – повышенная стрессогенность трудовой ситуации, негативный эмоциональный фон, жесткий административный стиль управления и др. – указали на те сферы организационных взаимодействий, которые составляют угрозу для личностного благополучия всех категорий служащих и в первую очередь требуют проведения психокоррекционной работы.

Для выявления особенностей структуры целостного синдрома ОС была проведена двухэтапная факторизация всего собранного массива данных, в результате которой была выделена устойчивая трехфакторная структура диагностических показателей. *Первый фактор* характеризует социально-мотивационный контекст работы персонала (показатели эмоциональных и интенциональных компонентов деятельности, степени интеграции рабочей группы и наличия конструктивных отношений с коллегами и непосредственным начальством). *Второй фактор* включает характеристики отношения персонала непосредственно к работе и трудовой ситуации (удовлетворенность работой, оценки условий труда, общей стрессогенности трудовой ситуации, содержания деятельности, стиля управления и динамики организационных процессов в банке). *В третий фактор* с максимальной нагрузкой вошел только один показатель – степень социальной защищенности рабочего места, что отражает меру доверия сотрудников к «своей» организации и, косвенно, их уверенность в завтрашнем дне.

Проведенный анализ корреляционных связей между интегральными оценками по каждому из выделенных факторов в структуре ОС и риск-факторами для психического здоровья персонала указал на наличие целого ряда закономерных тенденций. Так, оценки по фактору «Социально-мотивационный контекст деятельности» значимо коррелируют с проявлениями личностного неблагополучия (снижение трудовой мотивации, деструкция социальных отношений в группе, выраженность состояний психического пресыщения и острого стресса). Фактор «Отношение персонала к работе» обнаруживает достоверные связи с показателями текучести кадров и нарушениями трудовой дисциплины. Оценки по фактору «Социальная защищенность рабочего места» связаны с признаками появления соматических расстройств – индексами заболеваемости и пропусками работы «по болезни». Такая дифференциация взаимосвязей разных аспектов ОС и факторами риска для здоровья персонала более четко указывает на пути проведения психопрофилактической и коррекционной работы.

Приведенные результаты эмпирических исследований свидетельствуют о перспективности дальнейшего развития предложенного подхода к анализу ОС, который позволяет реконструировать сложную структуру его проявлений и обнаружить психологически обусловленную логику взаимосвязей между особенностями «устройства» организационной жизни и провоцируемыми ими риск-факторами для психического здоровья персонала.

Организация психологической помощи населению в результате аварии на Саяно-Шушенской ГЭС

О.Ю. Осинкина (Черемушки)

В последнее время все чаще возникают различные техногенные и иные чрезвычайные ситуации, в силу чего почти каждый из нас может быть подвержен стрессу. Особенно серьезной оказывается ситуация в небольших населенных пунктах, где происходит заражение отрицательными эмоциями быстро и устойчиво, что ведет к вторичной травматизации (Венгер А.Л., Морозова Е.И., Морозов В.А., 2006, с. 131). Если рассматривать ситуации локальных аварий, последствия аварии касаются не только родственников погибших или людей, которые непосредственно связаны с производством, но и опосредованно население всего моногорода или поселка. И поэтому особенно актуальной задачей становится создание системы оказания психологической помощи населению, пострадавшему в результате чрезвычайной ситуации в целях снижения ее травматических последствий. Такая задача стояла после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, которая не только унесла жизни 75 человекам, но и оказала негативное влияние на социально-психологический климат поселка Черемушки, расположенный в нескольких километрах от ГЭС. В рамках этого глобального стресс-фактор можно условно разделить несколько составляющих:

- 1) гибель большого количества людей в условиях маленького поселка;
- 2) отсутствие места в поселке, субъективно воспринимаемого как безопасное и ресурсное;
- 3) несколько потерь в одной семье (пять семей, в которых погибли отец и сын, два брата, мать, сестра и бывшая жена);
- 4) проявление резонансной травмы (потери произошли раньше, но стресс-фактор обострил и актуализировал предыдущую травму);
- 5) потеря чувства безопасности в результате разрушения объекта, который определял значимость и необходимость существования самого поселка;
- 6) ощущение потери будущего, авария пошатнула веру в стабильность.

В силу особенностей глобальной аварии, высокой социальной ответственности компании и сложных задач по восстановлению работоспособности коллектива, пожалуй, впервые было обращено внимание столь серьезное внимание не только на психологическое состояние людей, пострадавших в аварии, но и на социально-психологическую ситуацию в целом. В целях оптимизации такой работы был создан Центр психологической поддержки для оказания психологической помощи, реализуются социальные проекты по организации досуга в молодежной среде и расширению возможностей рекреации для взрослой части населения поселка.

Центр психологической поддержки был создан буквально в первые дни после аварии. Основными задачами ЦПП являлись:

- 1) психологическая поддержка семей погибших; детей, находящихся в поселке в период аварии; сотрудников станции, переживших аварию; пострадавших в аварии на СШГЭС; населению поселка;
- 2) информационная поддержка.

Информационная поддержка осуществляется в виде выпуска брошюр: «Как помочь пострадавшему в чрезвычайной ситуации», «Помощь ребенку в травматической ситуации», «Подготовка и переживание особых дат в семье» (годовщины, Новый год и другие праздники).

В дальнейшем, выделенные векторы оказания психологической помощи обозначились в работе трех основных площадок ЦПП:

- 1) кабинет психолога на СШГЭС для оказания психологической помощи работникам станции, участвующих в восстановительных работах станции;

- 2) центр психологической поддержки, находящийся в поселке Черемушки. Он выполняет координационную деятельность всей психологической службы и оказывает психологическую помощь семьям погибших, детям поселка (Детский центр) и населению Черемушек, Майна, Саяногорска. В центре работает телефон доверия;
- 3) кабинеты психолога и психиатра для оказания помощи пострадавшим в аварии в поликлинике пгт. Черемушки.

Основной задачей психологической помощи сотрудникам ГЭС является снятие острых посттравматических состояний, профилактика ПТСР и нормализация психического состояния пострадавших в аварии, сотрудников, участвующих в восстановлении станции. Для анализа физического и психологического состояния работников после аварии этого был организован внеочередной медицинский осмотр с участием психологов, по результатам которого были выявлены сотрудники с резким снижением работоспособности за счет общей психической и физической усталости. Им был рекомендован внеочередной отпуск. С августа на ГЭС работает кабинет психологической помощи. Основными проблемами обращающихся за помощью являются высокий уровень тревоги, бессонница, фобии, панические настроения и флэшбэки в периоды пуска агрегатов.

Одно из главных направлений работы Центра – это психологическая помощь семьям, которые потеряли близких в результате аварии на СШГЭС. Для этого ежемесячно проводится мониторинг семей с целью выявления их текущего психологического состояния. Все семьи проинформированы о возможности получения психологической помощи. В настоящий момент психологическая поддержка оказывается не только нуклеарной, но и расширенной семье. После определенного времени возникла потребность в организации встреч родственников погибших для обмена опытом в переживании горя.

Работа с детьми осуществляется в двух направлениях: организация работы «Детского центра» по выходным и психологическое сопровождение образовательных учреждений поселка. Проведена экспресс-диагностика психоэмоционального состояния учащихся. Исследование осуществлено во всех классах младшей, средней и старшей школы, включающих 669 человек. Исследования показали, что у 51% детей наблюдается наличие негативного психоэмоционального состояния. Это – высокий уровень тревожности, наличие страхов, ощущение беспомощности и незащитности, повышенный уровень агрессивности, наличие аутоагрессии. Наибольший всплеск негативных эмоций диагностировался в младших классах, менее яркие реакции проявили учащиеся среднего и старшего звена. При этом данные показатели у младших школьников менее устойчивы и в большей степени поддаются коррекции. Об этом свидетельствуют результаты тренинговых занятий, которые проводились в наиболее неблагополучных классах и в классах, где есть ребята, потерявшие одного из родителей (1–5, 7, 9, 10 классы).

Основной целью работы «Детского центра» является психокоррекционная работа с детьми в связи с произошедшими событиями. Преимущественно занятия посещают дети из семей погибших, а также учащиеся школ и детских садов, которые были приглашены к психологу по результатам работы специалистов Центра в образовательных учреждениях, либо обратившиеся по собственной инициативе.

Одно из направлений работы Центра – это работа с педагогами и врачами поселка. Для этого научной лабораторией психологии труда МГУ имени М.В. Ломоносова (к. психол. н. А.А. Качиной и к. психол. н. Т.А. Злоказовой) выполнено психологическое исследование для определения состояния человека в результате влияния стресс-фактора. Результаты исследования показали, что 61% педагогов и 65% медицинских работников пгт. Черемушки находятся в группе риска или уже требуют серьезного психологического вмешательства. В ноябре, в период школьных каникул, Центр провел выездные обучающие семинары методы профилактики и преодоления стресса с элементами отдыха для педагогов и медицинских работников (всего 117 человек) пгт. Черемушки.

Психологическую поддержку населению оказывают как специалисты Центра, так и приезжающие эксперты-психологи, специализирующиеся на работе с психологической травмой и ПТСР г. Москва, г. Новосибирск, г. Красноярск. Для перепрофилирования деятельности местных психологов постоянно проводятся учебные программы, направленные на повышение эффективности работы психологов в области профилактики и преодоления последствий посттравматического стресса. Для этого в августе были проведены обучающие семинары для педагогов и психологов (обучено 43 педагога и 26 психологов). Дальнейшее обучение в данном направлении проходят в рамках специально созданной программы повышения квалификации «Психологическое консультирование». В группу слушателей вошли как психологи Центра, так и педагоги и психологи образовательных учреждений пгт. Черемушки, г. Саяногорска, г. Абакана (всего 16 человек).

На конец декабря 2009г. Центром психологической поддержки проведено 1433 консультации, из которых 90% обращений с дезадаптацией, постстрессовым состоянием, проблемами переживания горя, в том числе и с резонансной травмой, 10% – другие обращения (проблемы детско-родительских отношений, профориентационная диагностика, проблемы обучения в школе, супружеские конфликты).

Дальнейшая работа Центра направлена на улучшение социально-психологической обстановки в пгт. Черемушки. Это возможно при продолжении оказания психологической помощи населению поселка, родственникам погибших и их семьям, пострадавшим в аварии сотрудникам СШГЭС, формирование культуры обращений за психологической помощью (психологическое просвещение населения). Особое внимание будет уделяться детям, в том числе детям-сиротам. Предполагается создание медико-социально-психологических консилиумов для сопровождения детей, потерявших одного или обоих родителей. Но главная задача, которая стоит перед Центром, это формирование позитивного образа будущего и не только у отдельных людей, потерявших родных, но и у населения поселка, что даст возможность с оптимизмом смотреть вперед.

Эмоциональный интеллект и стратегии совладания как компоненты системы саморегуляции личности

М.И. Полянина (Москва)

Система индивидуальной саморегуляции связывает воедино различные личностные переменные. Одним из показателей ее сформированности являются адекватные и эффективные стратегии совладания с различными критическими ситуациями.

Целью нашего эмпирического исследования было определение специфики выбора стратегий совладания в зависимости от выраженности различных компонентов эмоционального интеллекта. Была выдвинута гипотеза, что уровень эмоционального интеллекта оказывает влияние на выбор стратегий поведения в трудной жизненной ситуации. Обращение к эмоциональному интеллекту обусловлено новизной этого психологического понятия и недостаточной психологической базой, позволяющей говорить о положительном вкладе эмоционального интеллекта в успешное совладание с трудностями.

В исследовании приняли участие 169 человек в возрасте от 14 до 20 лет (113 девушек и 56 юношей). В исследовании были использованы следующие методики: методика Ч. Спилбергера (шкала личностной тревожности), методика измерения эмоционального интеллекта – тест ЭИин, Д.В.Люсина, методика определения толерантности к неопределенности С. Баднера, методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса в адаптации Гришиной, методика диагностики стресс-совладающего поведения (копинг-поведение в стрессовых ситуациях) Д. Амрихана, опросник способов совладания (адаптация методики Ways of Coping Questionnaire – WCQ – Р. Лазаруса и С. Фолкман).

Обработка данных с применением конфирматорного факторного анализа (КФА) позволило говорить о необходимости изменения факторной структуры методик, а корреляционный анализ позволил выявить связи между некоторыми шкалами эмоционального интеллекта и используемыми стратегиями совладания. На основе проведенного исследования были сформулированы следующие выводы.

1. Для подростков, не способных влиять на эмоциональное состояние других, характерно рациональное, не ориентированное на эмоции разрешение проблемно-конфликтных ситуаций. Будучи неспособным управлять эмоциональной сферой других людей, человек стремится использовать все доступные ему средства, чтобы призвать к здравому, разумному принятию решения, пытаясь рассудительно отстоять логику своих взглядов.

2. На уровне тенденции было показано, что подростки, хорошо понимающие эмоции других, демонстрируют толерантность к неопределенности. Т. е. чем выше способность понимать эмоциональное состояние других людей, тем выше у человека готовность к актуализации своего интеллектуального и личностного потенциала в условиях неопределенной ситуации.

3. Было выявлено, что девушки лучше контролируют проявления своих эмоций, чем юноши. А также девушки лучше разбираются в эмоциональном состоянии окружающих, что позволяет им получать более точную информацию об условиях деятельности, что необходимо для достижения поставленной цели.

4. Юноши, хорошо понимающие свои эмоции, склонны выбирать в трудной ситуации поведение по типу «гибкая целеустремленность», а юноши, не способные разобраться в своих эмоциях, предпочитают идти по пути наименьшего сопротивления. Подобная связь может быть отражением конформизма, неуверенности в себе, вызванной плохой регуляцией собственных эмоциональных переживаний неумения их контролировать. Вероятно, мальчики стремятся снять с себя часть ответственности за возможную неудачу, им легче приспособиться под мнение окружающих или обстоятельства, не пытаясь самостоятельно решать возникшую проблему.

5. Юноши, умеющие хорошо контролировать внешние проявления своих эмоций, более склонны к рациональному пути разрешения проблемно-конфликтных ситуаций. Такая связь, отражает общий проблемно-ориентированный стиль поведения в проблемно-конфликтной ситуации, который включает хороший самоконтроль, умение сдерживать эмоции для достижения поставленных целей и склонность к осознанному и разумному разрешению проблемы.

Полученные результаты позволяют говорить о существенном вкладе эмоционального интеллекта в выбор стратегий совладания. Эмоциональный интеллект оказывается вовлеченным последовательно в практически весь процесс саморегуляции, выполняя функции анализа условий деятельности, осуществляя контроль, оценку и коррекцию деятельности на этапе достижения желаемой цели.

Лонгитюдное исследование особенностей саморегуляции у детей с перинатальной энцефалопатией

Е.О. Седова (Москва)

Тема саморегуляции рассматривается в настоящее время в рамках различных направлений психологии. Дискуссии ведутся по поводу содержания самого понятия «саморегуляция». В рамках системного подхода саморегуляция рассматривается как процесс, имеющий многоуровневую детерминацию.

Модель саморегуляции, предложенная В.В. Николаевой (1991), позволяет объединить различные подходы к данной проблеме. Исследования тех или иных авторов могут быть соотнесены с одним или несколькими уровнями, описываемыми в рамках

модели. Это уровень саморегуляции психических состояний, операционально-технический и личностно-мотивационный уровни.

Малоисследованными являются процесс формирования саморегуляции у детей и факторы, на него влияющие. Многие исследователи считают, что формы саморегуляции, проявляющиеся уже у дошкольников, не являются началом этой способности, а опираются на предыдущий путь развития (Безруких М.М., Логинова Е.С., 2002). Как отмечает А.С. Султанова (2005), большинство исследователей рассматривают психическое развитие с момента рождения ребенка, в то время как формирование регуляторных систем начинается во внутриутробном периоде, и нельзя анализировать становление саморегуляции, оставляя в стороне пренатальный период и роды, т. к. именно в этот период стволовые и субкортикальные системы находятся в сензитивном периоде и, следовательно, наиболее подвержены влиянию таких вредных факторов, как гипоксия, интоксикации, родовые травмы и пр.

Целью настоящего исследования было выявление специфики нарушений саморегуляции у учеников второго класса средней общеобразовательной школы (возраст 8–9 лет), имеющих в анамнезе диагноз «перинатальная энцефалопатия», и оценить динамику выявленных нарушений в возрасте 11–12 лет.

Гипотезы исследования.

1. Уровень саморегуляции учебной деятельности зависит от сформированности саморегуляции психических состояний, обеспечиваемой 1-м функциональным блоком мозга. Отдельные нарушения уровня саморегуляции психических состояний могут компенсироваться, более серьезные нарушения препятствуют формированию осознанной саморегуляции деятельности даже при сохранном интеллекте.

2. Основным механизмом компенсации является формирование личностно-мотивационного уровня саморегуляции, обеспечиваемого 3-м функциональным блоком мозга.

В качестве методики исследования использовалась стандартная методика нейропсихологической диагностики А.Р. Лурия (модификация А.В. Семенович, 2002). Для выявления особенностей стиля воспитания использовался опросник АСВ (Анализ семейного воспитания) Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкого (1990). Изучение мотивации учебной деятельности проводилось по методике М.Р. Гинзбург (Овчарова Р.В., 1996) в возрасте 8–9 лет и методикам О.С. Гребенюка (2000) и А.К. Марковой (1990) в возрасте 11–12 лет.

Были собраны анамнестические данные, касающиеся особенностей течения беременности, родов, развития ребенка на первом году жизни, дошкольного периода, а также выявлялись проблемы учебной деятельности, наиболее трудные школьные предметы и степень участия родителей в учебе детей.

В исследовании приняли участие 30 учеников средней общеобразовательной школы с интеллектом, соответствующим возрастной норме, и имеющих в анамнезе диагноз «перинатальная энцефалопатия». Во время проведения первого этапа они учились во втором классе, во время второго – в пятом.

На первом этапе по данным о школьной успеваемости детей, участники исследования были разделены на 2 группы:

- успешные ученики (19 чел.) – четвертные оценки 4 и 5;
- проблемные ученики (11 чел.) – имеют в четверти 3.

Прежде всего, следует отметить, что у всех детей, принявших участие в исследовании, в той или иной степени выявилась дефицитарность стволовых и дизэнцефальных структур. Данные признаки наблюдались как у успешных, так и у проблемных учеников, т. е. можно говорить не об отсутствии проблем в первой группе, а о лучшей их компенсации по сравнению с группой проблемных учеников.

В ходе нейропсихологического исследования выявились различия в уровне сформированности лобных отделов мозга и по итогам группа успешных учеников была разделена на 3 подгруппы:

- а) подгруппа с высоким уровнем саморегуляции: лобные отделы мозга хорошо сформированы для данного возраста и компенсируют имеющуюся дефицитарность подкорковых и стволовых образований;
- б) подгруппа со средним уровнем саморегуляции: лобные отделы в стадии формирования и не всегда компенсируют имеющиеся дефекты;
- в) подгруппа с низким уровнем саморегуляции: у испытуемых выявляется функциональная несформированность лобных отделов мозга.

У всех испытуемых выявлен достаточно высокий уровень мотивации к учебе. В качестве ведущего мотива 29 из 30 школьников указали учебный.

По результатам нейропсихологического исследования был подсчитан суммарный балл для каждого испытуемого. На основании примененного U-критерия Манна – Уитни выявились статистически значимые различия между группами успешных и проблемных учеников (уровень значимости 0,01), что позволяет сделать вывод о том, что в группы успешных учеников имеющиеся дефекты саморегуляции психических состояний скомпенсированы лучше.

Основные отличия, выявленные в ходе второго этапа, следующие. Во-первых, у всех детей значительно улучшились результаты нейропсихологического исследования вследствие функционального созревания коры головного мозга. Второе отличие в том, что если в первом исследовании почти все участники показали высокий уровень мотивации учебной деятельности, то во втором уровень мотивации в выборке различается от низкого до высокого.

К подгруппе учеников с высоким уровнем саморегуляции, состоявшей на первом этапе из 4 девочек, добавились 3 мальчика, ранее показавших средний уровень. В общей сложности 7 детей перешли в группы более высокого уровня, причем в двух случаях отмечено изменение стиля воспитания с потворствующей гиперопеки на первом этапе исследования на гармоничный на втором этапе. В остальных 5 семьях гармоничный стиль воспитания выявлен в ходе обоих этапов. Резкое снижение успеваемости наблюдается у девочки, в семье которой высока степень воспитательной неуверенности.

В группе успешных учеников отмечен высокий и средний уровень мотивации учебной деятельности. Группа «проблемных учеников» показала средний и низкий уровень учебной мотивации. Одной из причин сниженной мотивации могут служить объективные трудности в учебе, связанные с дефицитом произвольного внимания и быстрой истощаемостью. Таким образом, создается замкнутый круг – учебная деятельность не приносит удовлетворения, т. к. сопряжена с трудностями, с другой стороны, нет достаточной мотивации для того, чтобы эти трудности преодолеть.

Выводы.

1. Степень саморегуляции учебной деятельности зависит от сформированности саморегуляции психических состояний, обеспечиваемой 1-м функциональным блоком мозга.

2. Отдельные нарушения уровня саморегуляции психических состояний могут компенсироваться. Более серьезные нарушения препятствуют формированию осознанной саморегуляции деятельности даже при сохранном интеллекте.

3. В возрасте 8–9 лет начинается переход ведущего уровня саморегуляции от уровня саморегуляции психических состояний к личностно-мотивационному уровню.

4. Основным механизмом компенсации нарушения саморегуляции психических состояний является формирование личностно-мотивационного уровня саморегуляции, обеспечиваемого 3-м функциональным блоком мозга.

5. На формирование саморегуляции оказывает влияние стиль семейного воспитания.

На основании особенностей саморегуляции, выявленных в ходе исследования, можно определить направления коррекционной работы с различными группами учащихся.

Психологические аспекты саморегуляции педагогического взаимодействия

Т.Г. Фомина (Москва)

Необходимость качественных перемен в организации педагогической деятельности и взаимодействия современного учителя актуализирует исследования, в которых изучаются внутренние психические ресурсы личности, способствующие эффективной реализации образовательных функций в новых условиях и на новом уровне. Мы полагаем, что осознанная саморегуляция личности выступает одним из существенных факторов, способствующих оптимизации педагогического взаимодействия, с одной стороны, и механизмом поддержания психологического здоровья учителя в период перемен, с другой. В своем исследовании мы опираемся на теоретическую концепцию саморегуляции произвольной активности, разработанную в рамках системно-функционального подхода (О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий и др.). Согласно этому подходу, саморегуляция представляет собой системный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей (Конопкин О.А., 1995, с. 5–12). Мы считаем адекватным применение данного понятия к анализу категории взаимодействия вообще и педагогического взаимодействия в частности. Человек регулирует не только протекание своей деятельности, но и взаимодействия. Саморегуляция во взаимодействии носит неотчетливый характер. Опыт взаимодействия во многом складывается стихийно. Мы стараемся перенимать образцы поведения значимых для нас людей, пытаемся воспитать необходимые личностные качества, в лучшем случае специально обучаемся навыкам эффективного взаимодействия. Но надо признать, что далеко не все люди могут похвастать тем, что они абсолютно успешны в организации своего общения. Особенно остро проблема организации эффективного взаимодействия встает перед теми, кому в профессиональной деятельности необходимо проявлять высокий уровень коммуникативной компетентности, и где от качества организуемого взаимодействия зависит успешность всей деятельности в целом. В этом случае для достижения оптимального результата взаимодействия недостаточно одного лишь высокого уровня развития коммуникативных способностей, надо еще и определенным образом организовать это взаимодействие. Это в полной мере относится к педагогической профессии. Важнейшим условием профессионализма учителя сегодня становится углубленное самопознание, саморазвитие, соотнесение личностных особенностей с требованиями педагогической деятельности. Особое значение приобретают личностные и субъектные ресурсы педагога, позволяющие ему эффективно организовывать свое взаимодействие с учащимися, соотносясь с современными требованиями образования. Другими словами, педагог должен обладать развитой системой саморегуляции, позволяющей ему адекватно реагировать на изменения, происходящие вокруг него, и в связи с этим организовывать свою деятельность, общение, поведение.

Последние исследования, проводимые в лаборатории психологии саморегуляции (В.И. Моросанова, А.К. Осницкий и др.) показывают, что система саморегуляции опосредует влияние личностных переменных на деятельность (Моросанова В.И., 2007, с. 120–137). В случае общения данная схема будет выглядеть так: коммуникативные личностные качества будут эффективнее проявляться во взаимодействии в том случае, если человеком построена оптимальная регулирующая система этого взаимодействия.

Для того, чтобы обосновать данное утверждение, мы провели исследование, в котором изучили связи между системой саморегуляции и личностными характеристиками общения, с одной стороны, и индивидуальными особенностями саморегуляции и конкретными проявлениями особенностями общения (стиль педагогического обще-

ния и деятельности), с другой стороны. В качестве объекта исследования выступили педагоги (171 человек). Применялись: опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ), тест суждений А.И. Крупнова для изучения общительности личности, «Анализ учителем стиля своей педагогической деятельности» (А.К. Маркова, А.Я. Никонова), «Диагностика стилей педагогического общения».

Обнаружилось, что агармоничные характеристики общительности связаны с высокими показателями индивидуальной системы саморегуляции и наоборот. Так, у педагогов с низким уровнем саморегуляции существенно снижена потребность контактировать с другими людьми, процесс общения протекает скорей интуитивно, без осознания конкретных способов и приемов организации эффективного взаимодействия. У них чаще возникают проблемы и трудности в общении, обусловленные как ситуацией, так и личностными особенностями. У педагогов с высокой саморегуляцией развита потребность в контактах с другими людьми, они стремятся к общению, инициативны в его организации. Кроме этого, их характеризует активный вид саморегуляции в общении, они надеются на свои знания, силы и возможности, считая, что только от них зависит, как сложатся взаимоотношения с партнерами, берут ответственность во взаимодействии на себя, нежели возлагают ее на обстоятельства.

Также в исследовании было выявлено, что неэффективные модели педагогического взаимодействия (по результатам исследования стиля педагогического общения и деятельности) обнаруживают связи с низкими значениями регуляторных процессов и свойств. Это свидетельствует о том, что трудности, с которыми сталкиваются учителя в своей деятельности, возможно, связаны с несбалансированной и неэффективной саморегуляцией. Это дает основания говорить о том, что учителя, имеющие различные стили педагогической деятельности и общения имеют и своеобразные регуляторные особенности. Кроме этого, подтверждается положение относительно того, что стили саморегуляции являются личностными предпосылками индивидуальных стилей деятельности (Моросанова В.И., 2001).

Таким образом, проведенное пилотажное исследование позволило нам сделать ряд выводов и предположений относительно взаимосвязи индивидуальной системы саморегуляции и особенностей педагогического взаимодействия учителя. Мы считаем, что развитая система регуляции педагога способствует оптимальному построению взаимодействия с учащимися, а также позволяет преодолевать значительное количество трудностей, связанных как с личностными особенностями, так и с внешними условиями организации педагогической деятельности.

Особенности развития психомоторики детей 9–10 и 12–13 лет

А.В. Цветков, Л.Ф. Хохлина (Москва)

Психомоторное развитие ребенка является одним из важнейших показателей общего психического развития, особенно в раннем и дошкольном возрастах, когда врачи и психологи зачастую именно по особенностям двигательного поведения ребенка как наиболее легко наблюдаемым диагностируют у него те или иные отклонения в развитии.

Однако и в более старших возрастах психомоторика не теряет своего значения в общем развитии ребенка: во-первых, двигательные процессы являются «чувственной базой» речи и наглядных форм мышления; во-вторых, через психомоторику (рисование, мимику, жест) ребенок выражает свое отношение к миру, которое может быть диагностировано при помощи разного рода методов, в т.ч. проективных; в-третьих, психомоторика является важным компонентом письменной речи; и в-четвертых, развитие психомоторики (как мелких движений, так и крупной моторики) обладает самостоятельной ценностью в адаптации ребенка к разного рода деятельности (учебной, игровой, трудовой и т. д.).

Соответственно, встает вопрос об адекватных методах изучения психомоторного развития. Выбор конкретного метода упирается в концептуальную схему психомоторного развития. Так, наиболее известной шкалой психомоторного развития с 30-х гг. являются тесты Н.И. Озерецкого и их многочисленные переработки, однако они скорее эмпирически обоснованы. В нейропсихологии психомоторика (прежде всего, движения рук) исследуются при помощи проб А.Р. Лурия, который опирался на концепцию Н.А. Бернштейна. Недостатком этой системы проб является трудность группового обследования, востребованного в системе образования.

В настоящей работе мы попытались использовать ряд нейропсихологических проб, адаптировав их к групповому тестированию, и опираясь на систему уровней построения Н.А. Бернштейна как теоретическую основу.

Цель исследования: изучение возрастных особенностей психомоторики у детей 9–10 лет и 12–13 лет (учащиеся 3-х и 6-х классов).

Актуальность такого рода исследования обусловлена тем, что на данный момент существенная доля детей, обучающихся в общеобразовательной школе, испытывают трудности в обучении, и при этом не имеют выраженных отклонений в психическом развитии, а, следовательно, можно говорить о «сдвиге нормы» по отношению к предшествующим годам, когда проходили стандартизацию имеющиеся тесты на психомоторику.

Гипотеза исследования: существуют значимые различия в развитии психомоторики детей 9–10 и 12–13 лет как по количественным, так и по качественным показателям.

База исследования: ГОУ СОШ №896 г. Москвы. Всего было обследовано: 3 классы – 21 человек; 6 классы – 21 человек.

Методы исследования: 1) теппинг-тест (в модификации Е.Д. Хомской с соавт.); 2) перешифровка символов (проба Перона – Руссера); 3) кинетический рисунок семьи; 4) графическая проба «забор» (А.Р. Лурия, проводилась отдельно для правой и левой руки); 5) копирование куба; 6) гомункулус (раскрашивание схематического человека, по А.В. Семенович).

Как видно, данные методики апеллируют к разным уровням в организации психомоторики: теппинг-тест направлен на выявление способности человека к простой серийной организации движений, без их точной локализации, главный параметр – скорость, по Н.А. Бернштейну, это уровень мышечных синергий (В); перешифровка символов предполагает работу с абстрактными фигурами, зрительно-моторные координации, высокое внимание – то, что характерно для уровня символических действий (Е); кинетический рисунок семьи направлен на диагностику смысловой сферы ребенка, движений, связанных с осознанием сферы отношений, окружающих его; проба «забор» выявляет динамику психических процессов, способность к переключению между разными элементами деятельности и тонус; копирование куба – способность к организации предметной деятельности (уровень Д), наконец, гомункулус – осознание телесного компонента «Образа Я».

Результаты: теппинг-тест (измерялся общий показатель за 30 сек.): 3 кл. – 161,6; 6 кл. – 246,5; перешифровка символов (количество перешифрованных символов за 1,5 минуты): 3 кл. – 7,2; 6 кл. – 15,6; «забор» правый/левый (в нейропсихологических баллах от 0 до 3, где 0=0% ошибок, 3=100% ошибок), 3 кл. – 1,16/1,83; 6 кл. – 0,57/0,92; куб (в нейропсихологических баллах): 3 кл. – 1,78; 6 кл. – 0,64; гомункулус (оценивается число признаков при раскрашивании тела) 3 кл. – 3,61; 6 кл. – 5,14. Кинетический рисунок семьи также оценивался количественно по уровню взаимодействия между членами семьи, от отверженности (1 балл) до эмоциональной близости (5 баллов), средний балл 3 кл. – 2,14; 6 кл. – 2,28.

Таким образом, можно видеть, что по всем показателям, кроме кинетического рисунка семьи (который является скорее качественным, нежели количественным) про-

исходит существенный, практически двукратный прирост. Это может свидетельствовать о перестройках в психомоторной системе детей на данном возрастном этапе. Для проверки данного предположения мы провели дисперсионный анализ, вскрывающий взаимосвязи различных показателей у детей обоих возрастных когорт (3 и 6 классы).

В 3 классе ($p \leq 0,05$): гомункулус — значимых связей не имеет; теппинг-тест — значимых связей не имеет; перешифровка символов влияет на рисунок семьи; «забор» правый влияет — на куб; «забор» левый — на теппинг-тест, перешифровку символов, «забор» правый; копирование куба влияет на теппинг-тест; рисунок семьи влияет на копирование куба. Из приведенных данных видно, что в центре схемы психомоторных способностей учащегося 3-го класса оказался «забор» левый, связанный с работой премоторных отделов левого полушария.

В 6 классе ($p \leq 0,05$): перешифровка влияет на «забор» правый, рисунок семьи (взаимосвязь); у «забора» правого нет значимых связей; «забор» левый связан с копированием куба; копирование куба влияет на теппинг-тест; рисунок семьи связан с перешифровкой, гомункулусом (взаимосвязь), теппинг-тестом.

Как видно, структура психомоторных способностей меняется — на первый план выходят символические действия (перешифровка и рисунок семьи), традиционно связанные с активностью левого полушария, структур кпереди от премоторных отделов.

Таким образом, можно заключить, что от 9–10 до 12–13 лет развитие психомоторики характеризуется не только количественным приростом показателей, но и смещением «фокуса» развития из правого в левое полушарие, что несомненно представляет важность для разработки методов формирующего и коррекционного обучения.

Ресурс времени жизнедеятельности профессионалов при инновационном развитии организации

М.Ю. Широкая (Москва)

(Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 08-06-00342а.)

Стремительные изменения в сфере профессиональной деятельности связаны с повсеместным внедрением новейших технологий, распространением управленческих нововведений и направлены на удовлетворение современных потребностей человека. Инновационные процессы в современном обществе приобрели статус Национальных проектов, обеспечивающих развитие общества.

Осуществление инноваций требует не только наличия необходимого материально-технического обеспечения, но и нахождения дополнительных ресурсов как организации (экономических, энергетических, финансовых, временных и пр.), так и собственно профессионалов (психофизиологических, психологических, временных и пр.). И, несмотря на заложенные прогрессивные идеи, инновационные и организационные нововведения представляют собой факторы, «утяжеляющие» протекание профессиональной деятельности (Леонова, Мотовилина, 2007).

Важнейшей задачей при инновационном развитии организации становится эффективное использование временного ресурса. Профессионально-значимое время объективно наполняется дополнительными профессиональными задачами и новыми видами работы, основными из которых являются обучение новым технологиям и отчетная работа. Эффективное использование времени работы становится необходимой задачей, успешное выполнение которой напрямую определяет успешность и эффективность выполнения профессиональной деятельности. Трансформируется также субъективная оценка рабочего времени и значимость временных затрат для профессионалов (Широкая, 2008).

Психологическое изучение влияния внедрения нововведений на трудовую деятельность показало, что они способствуют формированию объективно обусловленного и

субъективно значимого дефицита времени у профессионалов, зачастую – хронического, который является одним из главных негативных результатов инновационных преобразований (или стресс-фактором), связанным с интенсификацией влияния («давления») времени. Наличие дефицита времени обуславливает формирование неблагоприятных функциональных состояний профессионала (Леонова, Мотовилина, 2006; Широкая, 2008). Но дефицит времени не единственный показатель негативного влияния инновационных процессов на фактор времени в деятельности профессионала.

В данной работе представлены обобщенные результаты наших исследований, посвященные изучению объективных и субъективных характеристик (оценок) временного ресурса конкретных профессиональных групп при инновационном развитии организации. Эти характеристики одновременно могут служить критериями для оценки объективности и оптимальности привлечения дополнительных временных ресурсов при выполнении деятельности профессионалами в данных условиях (Широкая, Щепилова, 2008; Широкая, 2009).

1. Объективная оценка временных ресурсов профессионала.

1. *Интенсификация и перераспределение времени на работе* (рабочего времени). Наши исследования, выполненные на контингенте учителей средних школ, показали, что в результате инновационных изменений значительная часть рабочего времени тратится на выполнение новой отчетной работы (80% опрошенных учителей), обусловленной целью демонстрации внедрения нововведений в деятельность. Респонденты отметили, что время на самообучение, связанное с овладением новыми знаниями по преподаваемому предмету, значительно уменьшилось. Так, повышением своей квалификации 35% респондентов занимаются несколько раз в четверть, а 30% – очень редко. Таким образом, увеличивается время на осуществление контроля над внедрением инновационных процессов и уменьшается – на те профессиональные задачи, ради которых инновации проводятся. Кроме того, отмечается также объективное уменьшение времени, выделяемого на отдых, на обеденный перерыв, что негативно сказывается на функциональном состоянии учителей.

2. *Одновременное выполнение рабочих дел*. При высокой плотности трудовых задач профессионалы совмещают несколько дел, выполняя их не последовательно, а часто одновременно. Например, доступ в Интернет в любой момент рабочего времени позволяет существенно экономить временной ресурс. Так, изучение режима одного дня студентов 5 курса факультета психологии Московского университета показало, что запись лекций, выполнение заданий, подготовку к занятиям при помощи ноутбуков некоторые из них зачастую совмещают с общением с друзьями, посещением и совершением покупок через Интернет-магазин и т. п.

3. *Наличие прерываний в работе*. Прерывания могут быть обусловлены разными причинами: а) сменой вида деятельности: сознательным созданием прерываний своей основной работы, где «лучший отдых – это смена деятельности»; б) дефицитом времени: цейтнот приводит к нарушению контроля и неэффективной стратегии перехода с одной задачи на другую; в) неблагоприятными функциональными состояниями, которые также способствуют ухудшению контроля над временем и над самой задачей и т. п.

4. *Перенос выполнения рабочих дел на нерабочее время*. Изучение режима труда и отдыха учителей показало, что значительный процент респондентов (91,7%) выполняет рабочие дела в выходные и праздничные дни. Для проверки домашних заданий, самостоятельных, контрольных и других проверочных работ учителя выбирают время после уроков: около 50% респондентов на работе, а также 64% – дома. Таким образом, часть рабочего времени переносится на нерабочее время, происходит «размывание» границы между рабочим временем и временем вне работы.

5. Как следствие, образование *профессионального времени* – времени выполнения профессиональных задач вне зависимости от места их выполнения. В некоторых професси-

як происходит слияние рабочего и нерабочего времени. Известно, что в определенных профессиональных группах (например, учителя, научные работники) данный феномен является не только необходимым для успешного выполнения поставленных профессиональных задач, но также обязательным для повышения профессионального уровня.

II. Субъективная оценка временных ресурсов профессионалов.

1. *Субъективное растяжение времени суток* (субъективное переоценивание времени суток). Изучение субъективной оценки времени суток учителей, менеджеров, журналистов, студентов показало, что субъективно они тратят значительно больше 24 ч (в среднем – более 30 ч). При оценке желаемого использования времени в течение суток в среднем наблюдается тенденция к уменьшению времени на работу и увеличению времени на отдых и самообслуживание, однако общее желаемое время остается значительным – 35 часов в сутки.

2. *Переживание рабочего времени как активного, напряженного, дискретного*. Время работы оценивается как активное, сложное, тяжелое, дискретное и напряженное. Позитивное отношение ко времени связано с его организованностью, напряженностью, активностью и высоким контролем над временем работы. При нарушении сознательного контроля над временем выполнения трудовых задач отмечается и негативное отношение к нему.

3. *Динамичность временной саморегуляции при разных режимах труда*. Наши исследования выявили, что при строго регламентированной и более структурированной во времени деятельности (менеджеры) в формировании субъективной оценки времени работы основную роль играет функция контроля, а также – комфортность, напряженность и дискретность времени, которые прямо коррелируют друг с другом. В работе с возможностью гибкого планирования времени и менее структурированной по времени деятельности (журналисты) отмечена другая специфика: комфортность и эмоциональность являются наиболее динамичными при формировании субъективной оценки рабочего времени; высокий контроль над временем работы не играет в данном случае важную роль в формировании образа времени.

Подводя итоги обобщенных результатов наших исследований, можно утверждать, что в период стремительных изменений ресурсный подход к анализу рабочего (или профессионального) времени (1) позволяет объективно оценить временные траты профессионала на выполнение трудовых задач и (2) приобретает особое значение, обусловленное спецификой данного ресурса – его невозможностью и ограниченностью. Поэтому психологическое изучение влияния фактора времени на профессионала, особенностей и механизмов временной саморегуляции, целостной организации времени является важной задачей, направленной на нахождение путей адекватной оценки и оптимального расходования временного ресурса профессионала в условиях инновационного развития организации.

Стресс-менеджмент как фактор повышения эффективности деятельности организации

Ю.В. Щербатых (Воронеж)

Психологический стресс является одной из скрытых, но существенных причин снижения эффективности работы предприятий. Он может проявляться в снижении производительности труда и мотивации работников, в повышенной конфликтности и ухудшении качества обслуживания клиентов, в повышении числа пропусков по причине болезни, в деструкции сложившейся корпоративной культуры и т. д. При этом важно не только принять соответствующие меры, но и сделать это вовремя, пока нормальный рабочий стресс не перешел в стадию разрушительного дистресса.

Диагностика психологического состояния сотрудников предприятия состоит из двух блоков. Первый – оценка индивидуальной стрессоустойчивости работников (при при-

еме на работу); второй блок – экспресс-мониторинг психологического состояния руководителей организации, а также сотрудников, испытывающих особые нагрузки или находящихся на наиболее ответственных узлах бизнес-процессов.

При выявлении значительного повышения уровня стресса в коллективе, запускается программа оптимизации уровня стресса, разработанная на основе рациональной терапии, аутогенной тренировки, нейро-лингвистического программирования и биологической обратной связи. Под руководством инструктора сотрудники обучаются вовремя диагностировать первые симптомы дистресса и принимать оперативные и адекватные меры. Базовая программа стресс-менеджмента занимает от 10 до 12 часов, а затем требуются поддерживающие семинары раз в квартал. Стоимость внедрения этой программы при пересчете на каждого участвующего в ней сотрудника составляет порядка \$80–100 в год, при значительном социальном и экономическом эффекте.

СЕКЦИЯ «ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Различающееся родительское отношение и его влияние на когнитивное и личностное развитие сиблингов

О.С. Алексеева, И.Е. Козлова, О.В. Баскаева (Москва)

Общеизвестно, что родные братья и сестры, растущие в одной семье, могут быть столь же непохожими друг на друга, как дети, выросшие в разных семьях и не имеющие генетического сходства (Turkheimer, Waldron, 2000). Одним из важных факторов, определяющим данные различия между сиблингами, является «различающееся родительское отношение» (Differential Parental Treatment). В зарубежных работах этот феномен понимается как различия в отношении родителей к детям или восприятие данных различий детьми. (Plomin, 2001).

В современной науке есть несколько подходов к пониманию данного феномена.

Во-первых, родители могут по-разному относиться к сиблингам, выделяя среди них «любимчика», в отношениях с которым может наблюдаться больший уровень привязанности и эмоциональной близости.

Другим типом различающегося родительского отношения является несогласованность в родительской паре в отношении к детям. Мать и отец могут предъявлять различные требования по отношению к детям и демонстрировать разный уровень принятия (ситуация, при которой один родитель идентифицирует себя с одним ребенком, а другой – с другим).

Третий тип связан с тем, как характер родительского отношения меняется с возрастом ребенка, воспитывается ли младший ребенок в определенном возрасте так же, как в этом возрасте воспитывался старший, или существуют различия.

Работы, посвященные исследованию различающегося родительского отношения, не учитывают ряд важных аспектов в изучении семьи.

Во-первых, рассматривается влияние материнских различий в отношении сиблингов и зачастую не анализируется роль отца (McGuire, 1995), либо не разделяется специфическое отцовское и материнское влияние, а данные переменные объединяются в общее родительское различающееся отношение (Sholte, 2006).

Во-вторых, как правило, не учитывается порядок рождения как важный фактор, определяющий характер детско-родительских отношений. Хотя МакХейл в своей работе показал, что различающееся родительское отношение оказывает большее влияние на младшего сиблинга, по сравнению со старшим. Так, различия в родительском отношении связаны с низкой самооценкой младшего ребенка (McHale et al, 1995).

В-третьих, существует дефицит исследований, посвященных анализу взаимосвязей между родительским различающимся отношением и личностными и интеллектуальными показателями детей.

В-четвертых, многие исследователи подчеркивают, что субъективное восприятие ребенком родительского различающегося отношения оказывает гораздо большее влияние, чем объективная ситуация. В связи с этим для получения более полной картины семейного взаимодействия существует необходимость использовать не только родительские и экспертные оценки, но и детские оценки.

Исходя из этого, в своем исследовании мы ставили перед собой цель изучить влияние характера различающегося родительского отношения, как отцовского, так и материнского, на когнитивные и личностные особенности сиблингов с учетом их порядка рождения. Исследование является частью Московского сиблингового исследования, и проводится при поддержке гранта РГНФ 06-06-00227.

Выборка включает в себя 254 полных семьи, имеющих двух детей в возрасте от 7 до 23 лет. Разница в возрасте между сиблингами не превышает 5-ти лет. Средний возраст

старшего ребенка – 18 лет, младшего – 14,5, матери – 43,6, отца – 46,2. Все семьи проживают в Москве и Московской области.

Методы.

1. Для определения интеллектуального развития мы использовали тест Векслера. Для сиблингов от 15 лет и старше и их матерей – WAIS – 3 (В адаптации Егоровой и Паршиковой). Для сиблингов младше 15 лет – WISC (в адаптации Панасюка). Тест Векслера проводился на части выборки, составляющей 70 семей.

2. В диагностике личностной сферы в подростковом и юношеском возрасте использовались следующие методики: 1) тест Айзенка (EPI) в адаптации Русалова; 2) тест-опросник уровня субъективного контроля, позволяющий оценить регуляторные механизмы социального поведения личности (Бажин, Гольякина, Эткинд, 1992); 3) шкала поведенческой активности, представляющая собой адаптацию шкалы поиска ощущений Заккермана (Егорова, Пьянкова, 1992).

3. Для диагностики детско-родительских отношений мы использовали методику И.М.Марковской «Взаимодействие родителя с ребенком». Опросник имеет три варианта: 1) опросник «Взаимодействие родителя с ребенком (вариант для родителей подростка)»; 2) опросник «Взаимодействие родителя с ребенком (вариант для родителей дошкольников и младших школьников)»; 3) опросник «Взаимодействие родителя с ребенком (подростковый вариант)».

На нашей выборке нами была проведена факторизация данного опросника. Факторные структуры опросника детско-родительских отношений, заполненного разными экспертами в целом похожи, но есть и различия. Во всех случаях заполнения опросника стабильно выделяются два фактора.

В первый фактор с одинаковым знаком входят следующие шкалы: «Эмоциональная близость», «Принятие», «Сотрудничество», «Авторитетность родителя» и «Удовлетворенность отношениями». Данный фактор был назван нами «Эмоциональная близость с ребенком».

Во второй фактор стабильно входят шкалы «Требовательности», «Строгости» и «Контроля». Этот фактор получил название «Контролирующее поведение родителя».

Результаты.

Картины корреляций показателей интеллекта с различиями в детско-родительских отношениях для старшего и младшего сиблинга противоположны. Для старшего сиблинга характерно то, что его интеллект зависит от большего различия в родительском отношении по шкалам, которые входят в первый фактор Эмоциональная близость с ребенком, и наименьшего различия по шкалам, который входит во второй фактор Контролирующее поведение. Для младшего сиблинга, наоборот, высокий интеллект связан с большей схожестью в отношении к детям по шкалам первого фактора, и большим различием в отношении по шкалам второго фактора.

Схожие результаты получены при анализе корреляционных связей для показателей невротизма и уровня субъективного контроля старшего и младшего ребенка. Так различающееся отношение родителей в эмоциональной близости к детям связано с высокими оценками по шкале экстернальности-интернальности и низким уровнем невротизма у старшего, и, наоборот, с низким уровнем субъективного контроля и высоким невротизмом у младшего.

Таким образом, различающееся родительское отношение в эмоциональной близости с детьми благотворно влияет на личностные и интеллектуальные характеристики старшего сиблинга, и отрицательно – на характеристики младшего сиблинга. Следовательно, можно говорить о том, что порядок рождения является важным фактором, определяющим характер влияния различий в родительском отношении на сиблингов.

Следует выделить еще одну важную тенденцию: данные, полученные при использовании родительского варианта опросника «Взаимодействие родителя с ребенком»,

отличались от данных, полученных при помощи подросткового варианта. Так, в родительской версии различия по отцовским шкалам не оказывали влияние на показатель невротизма старшего ребенка; тогда как в сиблинговых версиях опросника взаимосвязь между отцовским отношением и невротизмом старшего сиблинга была обнаружена. Данное расхождение и важность субъективного детского восприятия различающегося родительского отношения подтверждают необходимость учета детских оценок в такого рода исследованиях.

Художественно-изобразительные способности подростков: индивидуально-типологический анализ

Е.В. Арцишевская, М.К. Кабардов, А.А. Мелик-Пашаев (Москва)

В предлагаемых тезисах представлены результаты комплексного психологического и психофизиологического исследования художественно-изобразительных способностей. Широта и разнообразие используемых методик и способов анализа эмпирического материала позволяют сформулировать гипотезу об общих механизмах в специальных способностях и одаренности. А именно, сделана попытка выявления общих механизмов в типологии художественно-изобразительных и языковых способностей.

Толкование понятия «способности» содержится в «обучаемости» как характеристике индивидуальных возможностей учащегося к освоению учебной деятельности. Оно включает многие показатели и параметры личности обучающегося: 1) познавательные возможности; 2) особенности личности (мотивации, характера, эмоциональных проявлений); 3) коммуникативные качества, определяющие возможности общения и соответствующие проявления личности и т. д. (Б.Г. Ананьев, Н.И. Менчинская, З.И. Калмыкова, С.Ф. Жуйков, Г.Г. Сабурова).

В дифференциальной психологии определены индивидуальные особенности психических функций, относящихся к *общим* (мнемические, интеллектуальные, ориентировочно-исследовательские) и *специальным* (музыкальные, математические, языковые, педагогические, литературные) способностям и их задаткам (Н.А. Аминов, Э.А. Голубева, С.А. Изюмова, Е.П. Гусева, М.К. Кабардов, И.А. Левочкина).

Наш подход предполагает изучение природы индивидуальных особенностей и типологии художественной одаренности на трех уровнях психофизиологическом, психологическом и поведенческом.

В отечественной психологической литературе теоретически обоснованных работ, посвященных изучению способностей к художественно-изобразительной деятельности, на наш взгляд, не так много, хотя и имеется ряд интересных исследований (Н.Н. Волков, В.И. Киреев, Г. Щегаль, Е.И. Игнатъев, А.Г. Ковалев, В.Н. Мясисhev, Б.М. Неменский, А.А. Мелик-Пашаев, В.А. Гуружапов, Ю.А. Полуянов, Т.М. Хрусталева, Г.А. Голицын, О.Н. Данилова, В.М. Петров и др.).

Мы попытались соединить два подхода к изучению способности и одаренности — «описательный» и «измерительный». К первому подходу можно отнести исследования в рамках концепции А.А. Мелик-Пашаева (А.А. Мелик-Пашаев, З.Н. Новлянская, А.А. Адаскина, Н.Ф. Чубук), второй подход рассматривается в рамках типологической концепции (И.П. Павлов, Б.М. Теплов, В.Д. Небылицын, Э.А. Голубева, М.К. Кабардов).

Задача данной работы состоит в представлении основных результатов комплексного лонгитюдного исследовании художественно-изобразительных способностей (ХС). В эксперименте принимали участие 30 одаренных учащихся Московского академического художественного лицея (МАХЛ). Наблюдения и эксперименты продолжались в течение 4-х лет — с 10–11 до 13–14 лет. *Диагностика художественно-изобразительной одаренности включала:*

1) методику «Линия горизонта» (А.А. Мелик-Пашаев) использовалась для определения эстетического отношения к действительности (ЭО). Эксперты (не знакомые с детьми) оценивали выполненные работы учащихся по семибальной шкале: *низкий уровень (1–3 балла)* – в работе не чувствуется попытки передать какое-либо настроение, чувство, создать выразительное изображение; *средний уровень (4–5)* – такая попытка была, но реализована частично, не вполне убедительно; *высокий уровень (6–7)*: стремление создать выразительный образ последовательно и убедительно воплощено в рисунке.

Экспертами выступали создатели методики, психологи, один из которых член Союза художников России (2 чел.); профессиональный художник член-корреспондент Академии художеств – оценивал эти рисунки с позиции традиционных академических требований;

2) оценки успешности в течение 4-х лет (с 1-го по 4-й класс) по специальным дисциплинам – *рисунку, живописи и композиции*;

3) *экспертные оценки педагогов-художников МАХЛ (8 чел.)*. Они оценивали художественную одаренность учащихся, отмечая степень выраженности у учащихся таких качеств, как «*природная одаренность*», «*работоспособность*», «*воображение*», «*самостоятельность*».

Психодиагностические тесты были ориентированы на выявление:

- а) интеллектуальных характеристик (тест Д. Векслера, Дж.К. Равена);
- б) личностных особенностей подростков (опросник Р. Кеттелла);
- в) определение функциональной асимметрии мозга (дихотическая методика, вариант М.А. Матовой, В.В. Суворовой, З.Г. Туровской);
- г) определение соотношения двух сигнальных систем (методика М.Н. Борисовой).

Качественный и количественный (описательный и измерительный) анализ результатов обследования художественно одаренных подростков с учетом и «особого, собственного художнику эстетического отношения к действительности» (А.А. Мелик-Пашаев) позволил нам описать два типа художественно-изобразительных способностей – «*графиков*» («*рисовальщиков*») и «*живописцев*» («*колористов*»).

Проведенное исследование дает основание сделать следующие выводы.

1. Интуитивно-чувственный и рационально-логический способы познания являются основой для выделения типов общих и специальных способностей.

2. Дифференциально-психофизиологический, или типологический подход к специальным способностям позволяет определить не только актуальные способности, но и траекторию их развития, т. е. потенциальные способности.

3. Экспериментально подтверждено существование двух альтернативных типов художественно-изобразительных способностей, ранее представленных в истории изобразительного искусства:

- «*живописцы*» с преобладающей способностью к цвету – колориту;
- «*графики*» с преобладающей способностью к форме – рисунку.

4. Есть основания для выделения двух типов художественных способностей в парадигме – соотношения общих и специально человеческих типов ВНД (по И.П. Павлову): «*графики*» в большей мере тяготеют к «*мыслительному*», а «*живописцы*» – к «*художественному*» типу.

5. При сопоставлении художественно-изобразительных (живописцы-колористы и графики-рисовальщики) типов способностей с ранее выделенными типами языковых способностей (коммуникативно-речевой и когнитивно-лингвистический, по М.К. Кабардову) выявляются общие психологические и психофизиологические механизмы: – для «*коммуникаторов*» и «*живописцев*» в интеллектуальной сфере характерно преобладание невербальных компонентов над вербальными компонентами общих способностей; в личностной сфере – общительность, импульсивность, сентименталь-

ность; в природных предпосылках – преобладание лабильности и слабости НС (реактивность), доминирование правого полушария, преобладание первосигнального типа переработки информации;

- для «лингвистов» и «рисовальщиков» (графиков), напротив, в когнитивной сфере преобладание вербальных компонентов способностей над невербальными; в личностной – закрытость, произвольная саморегуляция, эмоциональная устойчивость, доминантность; в природных предпосылках – преобладание инертности и силы НС, доминирование левого полушария, преобладание второсигнального типа переработки информации.

Разработанная система экспертных оценок для выявления типов специальных способностей позволила провести экспертизу специальных способностей и одаренности. Практически это означает возможность использования подобной «экспертизы» в целях дифференциации и индивидуализации образовательных технологий и методов воспитания.

Знание научно обоснованных индивидуально-типологических особенностей подrostков, обнаруживающих склонности к специальным способностям, позволяет избежать или минимизировать риск неудачного выбора профессии, а также помогает выбрать оптимальную стратегию и сферу деятельности.

Структура субъектности как социокультурного явления и квинтэссенции индивидуальности

Н.Я. Большунова (Новосибирск)

Исходным для нас является Рубинштейновское представление, согласно которому субъект есть способ существования человека, выражающийся как в его отношении к миру (человек есть субъект сознания): в его позиции, мировоззрении, самоопределении по отношению к миру; так и в его практической деятельности (в действиях, поступках), которая осуществляется как «бесконечность процесса проникновения человека в мир, общения к нему и вместе с тем его изменения» (Рубинштейн С.Л., 1976, с. 356).

Эти положения С.Л. Рубинштейна лежат в основе понятия и структуры субъектности. С нашей точки зрения отличие субъекта (и субъектности как свойства, качества человека) от личности состоит в том, что субъект существует и развивается в социокультурном пространстве, тогда как личность создается сферой социального и развивается в ней. Различие здесь определяется тем, что социальность (личность) ориентирована на нормы, правила, социальные ожидания и требования, исполнение социальных ролей, а социокультурное в человеке представляет собой пространство восхождения в культуру, к абсолютным объективным ценностям, к *социокультурным образцам*. Под социокультурными образцами мы понимаем свойственную определенному типу культуры композицию ценностей как мер, с которыми человек соизмеряет свои действия, поступки, мысли, переживания, которые он выбирает как позицию, как ответ на вопрос, что есть человек, что значит быть человеком. Отношение человека к мере человеческого в человеке мы рассматриваем как самоопределение. Иначе говоря, социальный и социокультурный человек *ответчивы* разным основаниям человеческой жизни и из разных оснований осуществляют *рефлексию* по отношению к самому себе. Субъектность, с нашей точки зрения и представляет собой самоопределение по отношению к базовым человеческим ценностям (выбор этой меры), т. е. *ответчивость* им и *рефлексию* себя с точки зрения этой меры.

В то же время, субъектность представляет собой квинтэссенцию индивидуальности, выраженную в стремлении человека к достижению адекватной себе формы духовности, своей человеческой подлинности, посредством соизмерения своих действий, переживаний, мыслей с социокультурными образцами. Субъектность, являясь квин-

тэссенцией индивидуальности, интегрирует в себе все уровни существования человека, все его качества, что и позволяет субъекту быть автором собственной жизни, осуществлять «домостроительство», т. е. саморегуляцию, разрешать противоречия между личным и социальным, социально значимым и социокультурным, «дольным» и «горным» в горизонте базовых, объективных человеческих ценностей. Такая функция субъекта становится возможной, поскольку человек как субъект способен «снимать» эти противоречия из позиции «внезаходимости», в какой-то мере «остраясь» от своего индивидуального и социального функционирования, соизмеряя свою жизнь, мысли, переживания, действия с образом человеческого в человеке. *Другая мера* (социокультурные образцы) изменяет самого человека, поскольку мера есть в соответствии с гегелевской диалектикой, единство качественной и количественной определенности какого-либо явления, предмета.

Субъектность это социокультурное явление, соответственно, ответственность и рефлексия, сопровождающиеся выбором социокультурных образцов, являются ее *составляющими*. При этом под ответственностью мы понимаем отклик на смысл, интенцию к смыслу. Это активное, избирательное, самостоятельное, самоценное действие человека как отклик, ответ на призыв к социокультурному развитию.

В психологии не сформулировано пока устоявшегося определения смысла, хотя само это понятие широко используется в психоанализе, гуманистической психологии, психологами экзистенциального направления, в экзистенциальной философии. Смысл (жизни) определяется как жизненная задача, позиция, которую человек занимает по отношению к судьбе, соответственно, ценности выступают как смысловые универсалии (В. Франкл); как цель, намерение, тенденция, желание, мотив (З. Фрейд); как цель (А. Адлер); личностный смысл понимается также как значимость в контексте потребностей и ценностей, в контексте субъективного мировоззрения, картины мира (Дж. Ройс, Э. Пауэлл);

В отечественной психологии понятие смысла было впервые сформулировано в работах А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна. Рубинштейн связывает смысл с переживанием, контекст которого определяется связью целей и мотивов. Такая связь целей и мотивов и представляет собой смысл (личностный контекст, личностную значимость) того, что пережито. А.Н. Леонтьев, как известно, определяет личностный смысл как отражение в сознании личности отношения мотива деятельности к цели действия, выделяя три составные образующие сознания, такие как значение, личностный смысл и чувственную ткань. Развитие смыслов представляет собой продукт развития мотивов деятельности. Связная система личностных смыслов определяет ядро личности и обозначается последователями школы А.Н. Леонтьева как смысловое образование, выступающее как базовая единица личности. Смена мотивов в процессе развития и жизни личности может вести к трансформации смысловых образований личности (Д.А. Леонтьев). Таким образом, смыслы, так или иначе, связываются различными авторами с мотивационно-потребностной сферой человека.

Мы склонны рассматривать смысл как ценностное отношение, как «оборачивание» ценностей на себя, как переживание значимости определенной системы ценностей, при котором происходит *реструктуризация* всех образований личности. В контексте смысла какие-то образования (самооценка, проявления характера, способностей, знания и навыки, достижения и т. д.) личности начинают переживаться иначе, могут утратить свое значение для человека, или, наоборот, стать актуальными, может произойти изменение системы мотивов, понимания самого себя и других людей и т. д. При этом происходит переосмысление различных событий в жизни человека, собственных мотивов и поступков, поступков и их оснований у других людей. Причем, более «мелкие», частные «перевороты» вообще сопровождают жизнь любого человека по мере его развития и взросления. На организацию такого рода «переворотов» (рефреминг) ориентировано большин-

ство более или менее удачных (с точки зрения техники и гуманитарной ценности их) современных психотехнологий. Эти же цели лежат в основе антропотехник (способов «выращивания» человеческого в человеке), существующих в различных типах культур. Именно в связи с процессом «постижения» смысла, которое В. Франкл рассматривает вслед за Ш. Бюллер как более высокую стадию развития, чем «присвоение» уже известного, «представленного» человеку смысла, он определяет человека как «ответчика». Причем В. Франкл полагает, что имеется «парадоксальная первичность ответа по отношению к вопросу». И далее он продолжает: «Вероятно, это основано на том, что человек ощущает себя в роли «ответчика». Проводником, ведущим человека в его ответах на вопросы, поставленные жизнью, в принятии им ответственности за свою жизнь, выступает совесть. Негромкий, но настойчивый голос совести, которым она «говорит» с нами, — это неоспоримый факт, переживаемый каждым» (Франкл В., 1990, с. 190).

Такая ответственность ценностям, голосу совести возможна в том случае, если у человека актуализирован, может быть в невербализированной форме, вопрос, проблема, имеющая для него смысл, переживаемая как смысловая. М.М. Бахтин (1979, с. 350) считает, что смысл имеет ответный характер. «Смысл всегда отвечает на какие-то вопросы. То, что ни на что не отвечает, представляется нам бессмысленным, изъятым из диалога». Ответчивость возможна также в том случае, если мир для человека не есть среда его обитания или совокупность отчужденных вещей, явлений, прагматик, имеющих форму стимулов, но предстает как некая ценность, некий «голос» (М.М. Бахтин) (субъект), востребующий ответа, отклика. Наконец, ответственность предполагает существование некоторых ориентиров (социокультурных образцов), по отношению к которым человек осуществляет свой выбор, которым он ответчив, соответственно, этот ориентир становится для него мерой (мерой человеческого в человеке), с которой он соизмеряет свои переживания, мысли, действия. Смысл жизни с этой точки зрения и представляет собой построение своей жизни в соответствии с некоей мерой, и одновременно осознаваемую или безотчетную рефлекссию этой меры, проецированную в личную жизнь человека, в его конкретные отношения с миром.

Средством же развития субъектности являются тексты во всех их проявлениях (духовные, художественные, научные, музыкальные и т. д., в том числе поступок), как носители базовых человеческих ценностей, как то, чем представлены человеку социокультурные горизонты (ценности).

Однако выбор социокультурных образцов не может состояться в отчуждении от индивидуальности человека (его субъективности). Субъектность как квинтэссенция индивидуальности «собирает» индивидуальность, придавая ей высоту и объем, преломляя ее через социокультурные образцы (одухотворяя ее), вводя ее в социокультурное пространство. В качестве механизма такого «собиранья» выступает ответственность индивидуальному началу (самости). Благодаря такой «двойной» ответственности: и социокультурным образцам, и «самости», становится возможным обретение адекватной себе и данному типу культуры формы духовности, актуализация индивидуального пути, самобытного восхождения человека в культуру.

Реализация субъектности, ее осуществление происходит в поступке как в таком деянии, которое имеет социокультурный смысл (семантика поступка, поведения по С.Л. Рубинштейну). Поступком осуществляется одновременно онтологизация универсальных ценностей и актуализация человека как субъекта, автора собственной жизни.

Мы полагаем, что субъектность присуща человеку всегда, в том числе в младенческом возрасте. Однако в каждый период жизни человека она имеет свою форму, соответственно, свою форму имеют также ответственность и рефлексия. Становление же субъектности осуществляется в условиях развития человека в формах соответствующей возрасту и этносу типа культуры.

Различия в школьной успеваемости: поиск причин индивидуальных различий

М.С. Егорова, О.В. Паршикова (Москва)

В 80-е гг. было высказано предположение о том, что причиной различий между мужчинами и женщинами по целому ряду анатомических, морфо-функциональных и психологических характеристик является уровень пренатального тестостерона. Для того чтобы выяснить, действительно ли предпосылки будущих половых и гендерных различий закладываются в самый ранний период онтогенеза, используется своеобразный вариант близнецового исследования: сравниваются девочки из разнополых dizygotic (ДЗ) пар с девочками из однополых ДЗ пар, монозиготных (МЗ) пар и с одиночно-рожденными девочками. Предполагается, что гормональный фон внутриутробного развития девочек из разнополых ДЗ пар характеризуется повышенным уровнем тестостерона (чего нет у всех остальных девочек). В результате этого происходит маскулинизация девочек из разнополых ДЗ пар, которая и является причиной различий в более поздние возрастные периоды. Если эта гипотеза верна, то выраженность тех характеристик, вариативность которых связана с влиянием пренатального тестостерона, у девочек из разнополых ДЗ пар должна занимать промежуточное положение между характеристиками всех остальных девочек и характеристиками мальчиков.

Пренатальное экспозиционное влияние тестостерона было первоначально продемонстрировано на вербальных и пространственных способностях (у девочек из разнополых ДЗ пар уровень вербальных способностей ниже, а пространственных — выше, чем у остальных девочек, т. е. направление различий соответствует тому, которое наблюдается между мальчиками и девочками). Позже были получены подтверждения и для ряда других характеристик, например, для размера мозга (Peper, 2009), церебральной латерализации (Cohen-Bendahan et al., 2004), агрессивности (Cohen-Bendahan et al., 2005), аттитюдов (Miller, 1995), репродуктивного поведения (Hooper, 2007; Lumma et al., 2007).

Предметом нашего исследования была школьная успеваемость по гуманитарным предметам и математике (т. е. по тем дисциплинам, которые обнаруживают связи соответственно с вербальными и пространственными способностями). Подтверждением гипотезы является отличие успеваемости девочек из разнополых ДЗ пар от успеваемости остальных девочек (более высокие оценки по математике и более низкие по гуманитарным дисциплинам).

В исследовании используется выборка испытуемых, участвовавшая в сравнительном исследовании школьной успеваемости близнецов и одиночнорожденных детей (общая численность 2282 пары близнецов и 4065 одиночнорожденных). Количество разнополых ДЗ близнецов равно 497 парам.

В исследовании девочки из разнополых ДЗ пар были сопоставлены по показателям школьной успеваемости с девочками из однополых ДЗ пар, МЗ пар и с одиночнорожденными девочками.

Различия в ожидаемом направлении получены для большинства показателей (гуманитарных и математических дисциплин), однако значимого уровня они достигают только для некоторых дисциплин гуманитарного цикла и только для девочек, обучающихся в средних и старших классах.

Природная обусловленность индивидуальных различий коммуникативных способностей

3.3. Жамбеева (Москва)

Начиная с подросткового возраста, усиливается межличностное взаимодействие, расширяются социальные связи, особенно значительными становятся отношения со

сверстниками. И успешность такого взаимодействия во многом зависит от коммуникативных способностей, которая в свою очередь определяется как способность к образованию межличностных отношений, обеспечивающих успешную деятельность и нахождение в ней своего места, способность привлекать к себе людей. Роль коммуникативных способностей, также особенно велика и в процессе личностного, профессионального самоопределения подростков и студентов, а в дальнейшем и в профессиональной адаптации молодых специалистов.

Коммуникативные способности включают три главных компонента: 1) психотехнический (психофизиологическая саморегуляция личности в общении), 2) экспрессивный (вербальные и невербальные средства общения) и 3) межличностный (связан с процессом взаимодействия, взаимопонимания и взаимовлияния) (Кабардов, Арцишевская, 1997).

В соответствии с нашей гипотезой, ведущим компонентом коммуникативных способностей являются индивидуальные различия в преобладании или интерактивного (сопереживание) или гностического (понимание) компонента. В основе данного системообразующего признака коммуникативных способностей лежат индивидуальные различия в восприятии эмоции и их понимании. Уровень развития коммуникативных способностей проявляется в степени точности распознавания эмоциональных состояний в процессе межличностного взаимодействия, способность к быстрому и адекватному познанию людей и отношений, которые складываются между ними в определенной ситуации, а также к прогнозированию поведения партнера общения.

Среди исследователей, внесших важный вклад в изучение данной проблемы, необходимо выделить в первую очередь С. Лендиса; Р. Вудвортса и Х. Шлосберга; П. Экмана и других. Результаты исследований распознавания человеком эмоций других людей показали, что «понимание» языка требует понимания не только общих норм выражения эмоций (общих для большинства людей), но оно требует еще способности и готовности анализировать специфический язык окружающих людей и обучаться ему. Развитие способности адекватно выражать свои чувства в надлежащий момент и с надлежащей силой является главной проблемой в установлении и поддержании межличностных отношений (Изард, 2004; Молчанов, 1989). Особую значимость эти особенности приобретают для людей, чья профессия имеет социальную направленность и предполагает тесный контакт с другими людьми.

Для объяснения природных предпосылок способностей, В.Д. Небылицыным была выдвинута концепция, о необходимости выбора некоторой системы биологических понятий, которые в своей совокупности могли быть использованы для объяснения индивидуальных особенностей функционирования всех важных сфер человеческой психики» (Лабунская, 2001).

В отечественной школе дифференциальной психофизиологии в качестве такой системы понятий используются представления, выработанные первоначально в школе И.П. Павлова и развитые потом применительно к человеку в лабораториях Б.М. Теплова, В.Д. Небылицына, В.С. Мерлина, Б.Г. Ананьева, Э.А. Голубевой, Б.А. Вяткина, М.К. Кабардова и др.

Эмпирические исследования, проведенные в школе Б.М. Теплова, дали веские доказательства для подтверждения гипотезы о психофизиологических коррелятах общих и специальных свойств нервной системы, образующих два крайних полюса «непрерывного» континуума индивидуальных особенностей протекания нервных процессов у человека. В частности эмоциональные и коммуникативные способности сопровождаются выраженностью первосигнального типа ВНД и таких свойств нервной системы, как слабость, лабильность и активированность. При доминировании гностических, когнитивных компонентов и преобладании второй сигнальной системы (сила, инертность и инактивированность) (Аминов, 1997; Голубева, 2005; Изард, 1980; Кабардов, 2004; Кабардов, 1989; Кабардов, Арцишевская, 1997; Кабардов, Матова, 1988).

Эти особенности в первую очередь проявляются в отношениях человека к другим людям (сопереживанию – понимании других людей).

Наше предположение состоит в допущении, что коммуникативные способности и их составляющие сопряжены с возможностями по точности распознавания, а качество и точность понимания эмоций с преобладанием гностических (когнитивных) процессов.

В связи с этим нами была модифицирована методика распознавания эмоции и состояния и их осознания (Н.А. Аминов, М.К. Кабардов, З.З. Жамбеева). Методика включает четыре субтеста, где предлагалось оценивать поочередно маски и слова по 10-балльной графической шкале по базовому критерию «приятных» (удовольствие) или «неприятных» (неудовольствие). В эксперименте мы использовали девять масок с лицами (выражения эмоций движениями бровей и рта по Тайеру и Шиффу) выражающие различные эмоции и пять слов, выражающих различные состояния. На слово «Спокойствие» приходится одна маска №1; на «Счастье» – две маски №2 и №3, на «Гнев» две маски №4 и №5; на «Жестокость» – одна маска №6; на «Страдание» – три маски №7, №8 и №9.

Первый субтест выявляет непосредственно чувственную оценку эмоций по выражению лица или экспрессией эмоциональных состояний (масок), а второй – оценку состояния, классификацию слов выражающих эмоциональное состояние по базовому критерию удовольствие – неудовольствие (классы, выражающих спокойствие, счастье, гнев, жестокость, страдание). По этому базовому критерию можно разделить экспрессии и слова, обозначающие эмоциональные состояния. В первом случае – это непосредственное восприятия, а во втором случае опосредованное восприятие.

В третьем субтесте испытуемым предлагалось к каждому слову по отдельности подобрать соответствующую маску из 9 предложенных. Эта процедура давала возможность оценивать степень точности или дифференциации эмоциональных выражений лиц (экспрессий) соответствующих определенной вербальной категории эмоциональных состояний.

И в последнем, четвертом субтесте испытуемому предъявляли по очереди каждую из 9 масок с задачей определить по 10-балльной шкале степень соответствия маски и слова, которое его выражало, т. е. точность распознавания.

Первый и второй субтест дают возможность проанализировать индивидуальные различия в системах непосредственного восприятия экспрессии эмоциональных состояний и осознание эмоциональных состояний.

Третий и четвертый субтест были введены для контроля точности распознавания.

Для объяснения природных предпосылок индивидуальных различий в восприятии эмоций (сопереживание) и восприятии слов, выражающих эмоциональные состояния (понимание), был использован ЭЭГ-метод, выявляющий типологические свойства нервной системы (силы – слабости, лабильности – инертности, активированности – инактивированности).

Исследование проводилось на 21 студенте факультета психологии МГУ. По результатам психофизиологического исследования были выделены две крайние группы. В группу, в которой по психофизиологическим показателям было обнаружено преобладание полюсов слабости, лабильности и активированности нервной системы (возможно преобладание первосигнальных функций), вошли пять испытуемых. Во вторую группу, в которой по психофизиологическим показателям были обнаружены преобладание силы, инертности и инактивированности (преобладание второсигнальных функций), вошли четверо испытуемых. Сопоставлялись ЭЭГ показатели спонтанной ритмики с показателями методики определения механизмов распознавания эмоций по их мимическому выражению (сопереживание) и понимание эмоций (их осознание).

Качественный и количественный анализ позволил говорить о дух синдромах: а) с преобладанием точности распознавания эмоций (сопереживание) и б) с преобладани-

ем понимания эмоции (их осознание). По этим предварительным данным можно судить, что точность распознавания эмоций по мимической схеме лица обеспечивается сочетанием таких свойств нервной системы, как слабость, лабильность, активированность, а понимание эмоций (осознание) определяется сочетанием противоположных полюсов свойств нервной системы – силы, инертности и инактивированности.

Вопросы компьютеризации психодиагностики

В.Г. Зархин (Москва)

Большое значение в развитии экспериментальных методик психологической диагностики имеют технические средства стимуляции, регистрации и обработки психодиагностической информации. Эти технические средства нашли свое наиболее полное воплощение в современных высокопроизводительных компьютерах с их мощными операциональными и изобразительными возможностями.

Использование в психодиагностике возможностей современных компьютеров компактно хранить, быстро извлекать и наглядно отображать экспериментальную информацию влечет за собой определенные количественные и качественные эффекты.

Количественные эффекты связаны, главным образом, с автоматизацией рутинных операций традиционного психодиагностического эксперимента, таких как инструктаж испытуемого, предъявление стимулов и регистрация ответов испытуемого, ведение протокола, расчет и выдача результатов и т. д. Вследствие такой автоматизации повышаются уровень стандартизации, точность и скорость получения выходных диагностических данных, что бывает важно при решении вопросов психологического консультирования, профориентации и т. п.

Качественные эффекты можно разделить на две категории. Первую категорию составляют эффекты, обеспечиваемые возможностями современных компьютеров реализовывать новые виды диагностических экспериментов. Сюда относятся возможности генерировать новые виды стимулов (динамические и полимодальные), по-новому организовывать стимульную последовательность (например, так называемое *адаптивное тестирование*), регистрировать ранее не доступные параметры реакций испытуемых, оформлять психодиагностические методики в виде компьютерных игр и т. п. Вторая категория качественных эффектов связана с применением в психодиагностике последних достижений в области информационных технологий. Эти достижения касаются способов создания и ведения компьютерных баз данных, алгоритмов распознавания образов в психодиагностике и методов искусственного интеллекта, основанных на манипулировании знаниями в рассматриваемой предметной области (Дюк В.А., 1994).

Положительные черты компьютерного обследования имеют и свою оборотную сторону, которую необходимо учитывать. Изменение условий психодиагностического эксперимента, пусть и в лучшую сторону с позиций стандартизации, требует обязательной проверки компьютерной версии методики на ее адекватность традиционному «ручному» аналогу, а также отдельной проверки компьютерной методики на валидность и надежность (Акимова М.К., Гуревич К.М., 2003).

Кроме перечисленных выше «количественных» составляющих эффекта от применения компьютеров, психологу предоставляются качественно новые возможности организации компьютерного психодиагностического эксперимента (Дюк В.А., 1994).

1. Динамическая и полимодальная стимуляция.

«Ручные» психодиагностические методики позволяют предъявлять испытуемому только статические стимулы в виде текстов и рисунков. На экране дисплея современного компьютера можно изображать средствами компьютерной графики динамические объекты. Это кардинально расширяет возможности психодиагностики (Шмелев А.Г., 1990). Также принципиальной является предоставляемая современными компьютерами воз-

возможность полимодальной стимуляции — сочетание зрительной и звуковой стимуляции. Средства организации компьютерного интерфейса позволяют конструировать и тиражировать большинство *критериально-ориентированных* аппаратурных тестов.

2. Переменный порядок предъявления тестовых стимулов.

Современные компьютеры позволяют применять и развивать психодиагностические тесты с переменным порядком предъявления тестовых стимулов. Простейшим вариантом является случайный порядок организации стимульной последовательности. Более сложный вариант — организация так называемого *адаптивного тестирования* (Дюк, 1994; Анастаси, 1982), (Акимова, Гуревич, 2003);

Адаптивное тестирование заключается в том, что последовательность предъявляемых испытуемому заданий зависит от результатов его ответов на предыдущие задания. Вследствие этого испытуемому в процессе многоступенчатого тестирования может предъявляться гораздо меньше заданий с сохранением диагностической способности целого теста. За счет адаптивного подхода удастся значительно снизить трудоемкость и время тестирования, что на практике бывает очень важно (например, при обследовании детей или больных).

3. Время как фактор психодиагностического эксперимента.

С одной стороны, время может быть управляемым параметром теста. Исследователь с помощью компьютера способен регулировать и устанавливать требуемый темп тестирования. Также этот темп может подбираться автоматически без непосредственного участия экспериментатора. Но при этом нужно быть внимательным и осторожным при ограничении времени выполнения всего теста и отдельных заданий, так как это время определяется психофизиологическими особенностями испытуемых, в частности, лабильностью их нервной системы (Зархин, 1979).

4. Игровая мотивация.

Здесь важная роль отводится созданию у испытуемого игровой мотивации путем оформления психодиагностического теста в виде компьютерной игры. «Включение» игровой мотивации повышает привлекательность процесса тестирования и повышает достоверность результатов.

5. Отображение результатов.

Неоспоримым достоинством современных компьютеров являются развитые средства отображения информации. С помощью этих средств не составляет особой сложности организовать выдачу результатов единичного психодиагностического обследования на экран дисплея или в виде твердой копии в привычной для психолога форме профиля личности, графика или таблицы. Также компьютеры предоставляют возможность оперативно отображать результаты обследования выборки испытуемых посредством диаграмм и гистограмм распределения значения заданного диагностического показателя.

6. Интеллектуальный интерфейс.

Еще одним существенным отличием компьютерного психодиагностического эксперимента от «ручного» аналога является возможность организации интеллектуального интерфейса пользователя компьютерной методики. Сюда входит возможность получения посредством диалога с компьютером различных справок, разъяснений, рекомендаций по подготовке психодиагностического обследования и процессу его проведения. И, конечно, апофеозом компьютерной поддержки методики является получение развернутого и обоснованного психодиагностического заключения в вербальной форме.

Следует сказать несколько слов об отношении психологов к компьютерному тестированию. Оно неоднозначное. Психологи осознают положительные стороны компьютеров, к которым относятся в первую очередь высокая пропускная способность, освобождение специалистов от рутинной работы и расширение их творческих возможностей. В то же время присутствует и определенный негативизм, который определя-

ется: а) нежеланием менять привычные способы деятельности, б) нежеланием перестраиваться, в) боязнью не справиться с новыми требованиями, г) боязнью резкого роста требований к психологу со стороны руководства, д) формированием новых компонентов психодиагностики (повышение творческих составляющих, приобретение и постоянное использование новых знаний) и е) неприятием некоторых элементов интерпретации тестовых данных (Носс И.Н., 2003, с. 213).

В зависимости от уровня формализации той или иной сферы определяются три уровня автоматизации тестов: автоматизация обработки психологических данных, автоматизация обработки и интерпретации данных и наиболее полная автоматизация типа «компьютерных игр» на основе игры-диалога.

Индивидуальный защитный стиль: построение эмпирической модели

Н.В. Калинина (Москва)

Психологическая защита в настоящее время является предметом междисциплинарного исследования. Возникнув как часть психоаналитических теорий личности, представления о ней неоднократно переосмыслились в различных психологических концепциях. Особое внимание привлекает проблематика индивидуального стиля психологической защиты, понимание которого также многократно трансформировалось в типологических концепциях индивидуальности, возникающих с развитием психологического консультирования и новых направлений практической психологии.

Многообразие представлений о психологической защите и ее индивидуальном стиле требует научного осмысления и выработки новых методологических подходов.

Нами предлагается подход, в котором интегрируются клинические и общепсихологические воззрения на психологическую защиту. Предпринята попытка преодолеть существующие ограничения типологических концепций индивидуального защитного стиля, которые описывают «чистые» типы, при этом оставляя «за рамками» большое количество эмпирического материала.

Построенная модель индивидуального защитного стиля основывается на предположении, что защитный стиль имеет ряд интегративных параметров, которыми описывается процесс его функционирования. При этом каждый из параметров понимается не как биполярная структура, а как сложное комплексное образование, и в реальных защитных стилях присутствуют тенденции, характерные для каждой составляющей каждого параметра.

Параметры в свою очередь образуют защитные паттерны – устойчивые комплексы защитных реакций, которые проявляются в различных ситуациях.

Нами проведено эмпирическое исследование индивидуального защитного стиля, в котором приняли участие 60 испытуемых (мужчины и женщины в возрасте от 19 до 58 лет). В исследовании применен комплекс проективных и полупроективных методик, представляющих разную фактуру для реализации защитной деятельности испытуемого: методика «Толкование пословиц и метафор», а также модификации «Метода пиктограмм», методик «Незаконченные предложения», «Рисунок несуществующего животного», Дембо – Рубинштейн и «Рисунок семьи».

На основании теоретического анализа существующих подходов и проведенного исследования выделяются и описываются следующие интегративные параметры индивидуального защитного стиля.

1. Параметр «изолированность – общность» – направленность защитной реакции на взаимодействие или на уход от взаимодействия. Тенденция к изолированности в защитном стиле проявляется в использовании реакций ухода, которые в поведенческом выражении могут иметь как конструктивную направленность, так и деструктивную. Общность проявляется в актуализации мотивов обращения за помощью и совместного

разрешения проблемы; при этом ключевым моментом реакции является установление сотрудиической позиции с другими участниками ситуации.

2. *Параметр «нормативность – автономность» – использование готовых норм и правил или выработка собственных стандартов.* Нормативность в индивидуальном защитном стиле предполагает ориентацию в защитном поведении на нормы и правила, принятые референтной группой. Автономность проявляется в выработке субъективного отношения к существующим нормам и правилам, создании и демонстрации «внутреннего кодекса» поведения, который в проблемной ситуации выполняет защитную функцию.

3. *Параметр «стереотипизация – креативность» – формальный подход к ситуации или поиск нестандартных выходов.* Стереотипизация проявляется в поиске сходства ситуаций по их поверхностным признакам и в стремлении к созданию защитных схем, которые применимы к широкому спектру ситуаций. Креативность связана с поиском необычных, нестандартных способов разрешения проблемной ситуации.

4. *Параметр «ригидность – гибкость» – однообразие реагирования или широкий репертуар реакций.* Ригидность в индивидуальном защитном стиле проявляется в ограниченности индивидуального защитного репертуара несколькими «излюбленными» реакциями, а также в доминировании отдельных реакций – когда одна и та же реакция применяется к самому широкому классу ситуаций. Тенденция к гибкости проявляется в использовании широкого спектра защитных реакций и в наличии разных способов выражения одной и той же реакции, которая при этом не является доминирующей.

5. *Параметр «эмоциональность – рациональность» – разрядка в чувствах или обдумывание проблемной ситуации.* Эмоциональность проявляется в защитном стиле в появлении эмоций (как позитивных, так и негативных) как способа реакции на проблемную ситуацию. Тенденция к рациональности проявляется в предпочтении реакций, связанных с рациональной проработкой – интеллектуализации, рационализации, – с включением в них рефлексивного компонента.

6. *Параметр «диссоциированность – целостность» – использование ситуативных тактик или наличие целостной стратегии.* Диссоциированность в защитном стиле проявляется в использовании отдельных тактик, а не построении целостной защитной стратегии, в «защитной хаотичности» – использовании несогласованных, а иногда и противоречивых по смыслу защитных установок. Целостность проявляется в наличии единой защитной стратегии, встроенной в картину мира, гармоничности и непротиворечивости защитного поведения.

В ходе исследования производился подсчет условных баллов – значения каждого параметра у каждого испытуемого. В дальнейшем с помощью метода кластерного анализа и качественного анализа данных были выявлены основополагающие связи между параметрами, обозначены целостные защитные паттерны и построена модель индивидуального защитного стиля.

Паттерн «социальности». Паттерн определяется конфигурацией «высокая общность – высокая нормативность – высокая стереотипизация» и, по нашему мнению, способствует защитной адаптации в социуме. Паттерн способствует успешному присвоению опыта и использованию ранее апробированных форм поведения.

Паттерн «надситуативности». Паттерн определяется конфигурацией «высокая эмоциональность – высокая креативность – высокая рациональность» и определяет тенденцию к глубинной защитной проработке ситуации. При наличии данного паттерна проявляется феномен «эмоционального обдумывания», когда нахождение творческого разрешения проблемной ситуации происходит при участии и разума, и эмоций.

Паттерн «включенности – невключенности», по нашему мнению, отражает выбор активной или пассивной позиции в защитном поведении. «Включенность» определяется конфигурацией «высокая рациональность – высокая креативность – высокая автономность – высокая гибкость – высокая целостность» и предполагает быстрое реа-

гирование на проблемную ситуацию с глубокой проработкой поступающей информации и последующим встраиванием нового опыта в общую картину мира. «Невключенность» определяется конфигурацией «низкая рациональность – низкая креативность – низкая автономность – низкая гибкость – низкая целостность» и предопределяет тенденцию к замедленной реакции на проблемную ситуацию, отсутствию реакции на многие сигналы извне и совершению однотипных ошибок.

Паттерн «поиска возможностей». Паттерн определяется конфигурацией «высокая общность – высокая гибкость – высокая диссоциированность» и отвечает за использование возможностей конкретной ситуации. В данном случае осуществляется поиск «методом проб и ошибок» тех особенностей ситуации, которые отвечают апробированным ранее успешным способом защитного поведения.

Описание индивидуального защитного стиля посредством его интегративных параметров позволяет понять природу многообразия защитных стилей. Паттерны, задаваемые различными комбинациями параметров, формируют пространство, в котором распределяются защитные стили, и тем самым определяют типичность защитных реакций.

Гендерные факторы опознания и интерпретации эмоций

Е.В. Латушкина (Новосибирск)

Наш интерес к изучению гендерных особенностей интерпретации и опознания эмоций, в первую очередь связан с тем, что успешное опознание эмоций позволяет адекватно описывать, перерабатывать и в дальнейшем выражать эмоции, а, следовательно, способствует более эффективному общению.

Наличие существенных психологических различий между представителями разного пола подчеркивается в ряде работ, однако эмпирические данные на этот счет, несмотря на ряд исследований, часто противоречивы.

Результаты проведенного нами исследования выявили значимые различия между юношами и девушками в опознании и интерпретации эмоций по лицевой экспрессии и речевой интонации. Девушки по сравнению с юношами точнее опознают характер эмоций и более дифференцированно оценивают степень их выраженности в лицевой экспрессии. Различий в точности опознания эмоций по экспрессии мужского и женского лица не обнаружено. Показано, что юноши совершают значительно больше ошибок при опознании эмоций по интонации голоса. Точность опознания эмоций по речевой интонации зависит от смысловой наполненности текста. Интенсивность проявления эмоций в речевой интонации оценивается девушками и юношами одинаково.

Данным исследованием мы хотели бы подчеркнуть влияние социальных факторов на выявленные закономерности. Мы склонны объяснять полученные различия с учетом гендерных факторов, влияющих на психологическое развитие человека. На наш взгляд, именно социокультурные нормы и характеристики общения опосредуют и определяют развитие психологических качеств человека и формирование специфических особенностей интерпретации невербальной экспрессии окружающих людей.

Теоретические и практические аспекты изучения категории «Я-образ» личности (на примере студентов-музыкантов)

Е.С. Петенева (Новосибирск)

В современной отечественной и зарубежной психологической литературе мы находим множество исследований, посвященных «Я-образу» и «Я-концепции» личности. Несмотря на это, необходимо признать, что проблема изучения «Я-образа» личности относится к недостаточно разработанной области психологической науки. Во-первых, в ряде исследований происходит отождествление категорий «Я-образ» и «Я-концеп-

ция», что вносит объективные трудности методологического порядка. Во-вторых, существует многообразие позиций в содержательном наполнении категории «Я-образ». Так, например, исследователи выделяют: «социальное Я», «духовное Я», «физическое Я» (У. Джемс), «Я реальное», «Я идеальное» (К. Роджерс), «экзистенциальное Я» (активное, действующее), «категориальное Я» (рефлексивное) и «переживаемое Я» (И.С. Кон). Р. Бернс считал, что «характеристики «образа Я» можно перечислять до бесконечности». К ним относил ролевые, статусные, психологические характеристики индивида, его жизненные цели. В-третьих, вслед за позицией, излагаемой Р. Бернсом, существует представление о «Я-образе» как когнитивной составляющей. Вышесказанное обуславливает необходимость уточнить понятие «Я-образ» и обосновать некоторые подходы в ее изучении.

Итак, систематичное представление изучаемой проблемы представлено в работе английского психолога Р. Бернса. Понимая под «Я-концепцией» совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженную с их оценкой, исследователь выделяет три главных элемента «Я-концепции»: 1) «образ Я» или представления индивида о самом себе; 2) самооценку или аффективную оценку того или иного представления; 3) потенциальную поведенческую реакцию (Бернс, 1986). Следует отметить, что в отечественной психологии И.И. Чеснокова также выделяла три структурных компонента самосознания: познавательный, эмоционально-ценностный, действенно-волевой (Чеснокова, 1977). Признавая специфичность «Я-образа», его самостоятельность в структурном отношении и несводимость к «Я-концепции», самосознанию, важно подчеркнуть более тесную связь когнитивных и эмоционально-оценочных компонентов в структуре «Я-образа». Такое понимание «Я-образа» находится в русле идеи о единстве аффекта и интеллекта, развиваемой Л.С. Выготским, который писал: «...существует динамическая смысловая система, представляющая собой *единство аффективных и интеллектуальных процессов*. <...> во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее» (Выготский, 2002, с. 272).

Итак, под «Я-образом» личности мы понимаем систему знаний человека о самом себе и отношение к ним в контексте различных аспектов жизни и деятельности. Такое понимание «Я-образа» сближает нас с позицией В.В. Столина, который в «Я-образе» различает знания о себе и самоотношение, иерархическое строение которого составляют такие компоненты как «самоуважение», «аутосимпатия», «самоинтерес» (Столин, 1985).

Размышляя над содержательным наполнением категории «Я-образ», понимая, что процесс познания своих психологических свойств, потребностей человеком происходит на протяжении всей его жизни, важно признать, что необходимым основанием для изучения «Я-образа» личности является деятельностный подход. Поэтому изучение «Я-образа» должно проходить в связи с конкретной деятельностью. Неслучайно в исследованиях последнего десятилетия отчетливо обозначилась тенденция: категория «Я-образ» изучается в связи с конкретной профессиональной сферой деятельности (Свободный, 2003; Василец, 2004; Дутчина, 2004).

В нашем исследовании мы остановились на изучении «Я-образа» студента-музыканта, в частности, на компонентах, обуславливающих процесс интеграции в профессию. Музыкальная деятельность рассматривается нами как музыкально-языковая и коммуникативная деятельность, обращенная к эмоциональной сфере личности, как практическая деятельность, связанная с сочинением, восприятием и исполнением музыки, а, следовательно, с наличием и проявлением специальных способностей.

Выделенные ранее нами компоненты «Я-образа»: представления о личностных качествах, мотивы и потребности, отношение к музыкальной деятельности, самооценка и самоотношение — окрашены музыкальной деятельностью, благодаря переживанию участвуют в формировании единства личности и интеграции ее внутреннего психичес-

кого мира. Отражение, оценка, активная переработка внешних и внутренних воздействий, рождение смыслов происходят в соответствии с возможностями и потребностями личности, с одной стороны, и с требованиями музыкальной деятельности — с другой. Развитие эмоционально-ценностного отношения личности, самопознание проходят «под знаком» музыкального искусства, которое влияет на мотивационную сферу личности, ее отношение к музыкальной деятельности и своим индивидуально-личностным качествам (в том числе музыкальным способностям).

Исследование личностных особенностей осуществлялось помощью многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла, форма С. При изучении самоотношения студентов-музыкантов использовался тест-опросник самоотношения (ОСО) В.В. Столина и С.Р. Панталева. Отношение к музыкальной деятельности изучалось с применением музыкального вопросника С.Д. Юдиной. Данные методики позволили выделить 34 признака. Для уточнения психологического содержания структуры «Я-образа» была проведена процедура корреляционного анализа. Затем проводился сравнительный анализ результатов двух выборок (студентов Новосибирского музыкального колледжа — НМК и студентов Новосибирской государственной консерватории — НГК, находящихся на разных стадиях освоения профессии) с определением общих и различных связей между компонентами. Наличие общих корреляционных зависимостей в данных выборках рассматривались нами в качестве инвариантной части «Я-образа» личности студента-музыканта. На наш взгляд, заслуживают внимания следующие результаты.

Обнаружены значимые корреляции между отношением к музыкальной деятельности и индивидуальными особенностями исполнителя: $r=0,41$ ($p \leq 0,01$) у студентов НМК и $r=0,35$ ($p \leq 0,05$) у студентов НГК. Музыкальная деятельность как профессиональная, предполагает наличие комплекса профессионально важных качеств личности, напомним это — соматические и нейродинамические свойства, музыкальность, непосредственно исполнительские качества (исполнительская техника, надежность музыканта-исполнителя, артистизм (Цагарелли, 1989; 2008)). Осознание этих компонентов студентом-музыкантом влияет на его отношение к музыкальной деятельности и определяет интеграцию «Я-образа». Чем больше его способности и индивидуальные особенности позволяют раскрыться в музыкальной деятельности, тем выше уровень положительного отношения к ней, а, следовательно, наблюдается «вращение» (интеграция) в профессию музыканта, и наоборот.

Обнаружены значимые корреляционные связи между уровнем притязаний личности и отношением к сценической деятельности: $r=0,4$ ($p \leq 0,01$) у студентов НМК и $r=0,43$ ($p \leq 0,01$) у студентов НГК. Для музыканта-исполнителя оптимальным вариантом является тот, при котором высокому уровню притязания личности соответствует успешная сценическая деятельность. Эта взаимосвязь характеризует *высокоинтегрированный* «Я-образ». В случае, когда происходит их рассогласование, например, уровень притязаний высокий, а на сцене исполнителя «преследуют» неудачи, степень интегрированности «Я-образа» снижается, что постепенно приводит к конфронтации с профессией. Поэтому высокий уровень притязаний и средние показатели (иногда низкие) по шкале отношения к сценической деятельности характерны для слабоинтегрированного «Я-образа».

Глобальное самоотношение положительно коррелирует с фактором С («эмоциональная стабильность — эмоциональная нестабильность») $r=0,30$ ($p \leq 0,05$) у студентов НМК и $r=0,45$ ($p \leq 0,01$) у студентов НГК. Эмоциональная стабильность входит в комплекс профессионально важных качеств музыканта, поскольку исполнительская деятельность проходит в стрессовых условиях и требует мобилизации — «оптимального концертного состояния» (Петрушин, 1997). Данная зависимость показывает, что эмоционально устойчивые студенты, умеющие контролировать эмоции, отличаются более высоким уровнем положительного глобального самоотношения.

Обнаружение общих корреляционных взаимосвязей компонентов в двух выборках позволяет утверждать, что в структуре «Я-образа» студента-музыканта существует инвариантная часть. Положительные корреляционные связи между отношением к музыкальной деятельности и индивидуально-психологическими особенностями личности, уровнем притязаний и отношением к сценической деятельности, глобальным самоотношением и фактором С («эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность») могут быть рассмотрены в качестве компонентов, ведущих к интеграции «Я-образа» личности студента-музыканта по отношению к профессии музыканта.

Индивидуально-психологические особенности музыкальности

А.В. Торопова, А.К. Беданоква, К.Н. Василевская, И.Н. Симакова (Москва)

С начала обсуждения «проблемы музыкальности» философами, художниками и учеными отмечалась сложность и интегративность психологических свойств музыкальности как специфических качеств «музыкального таланта».

Наиболее известные работы по теории музыкальности принадлежат Н.А. Римскому-Корсакову, В. Хэккеру и Т. Цигену, К. Сишору, И. Крису. Основная часть взглядов на проблему музыкальности реализует общий методологический принцип – выявление сущности явления через анализ его структуры, в данном случае через выделение комплекса специальных музыкальных способностей.

Б.М. Теплов создал теорию индивидуальности и музыкальных способностей, а также обозначил важнейшую роль природных детерминант музыкальных способностей – задатков. Подход Б.М. Теплова получил развитие в отечественной музыкально-психологической и педагогической науке в работах Л.Л. Бочкарева, Н.А. Ветлугиной, А.Л. Готсдинера, В.Д. Остроменского, М.С. Старчеус, Г.М. Цыпина и др. Психологический уровень рассмотрения проблемы музыкальности предполагает, в первую очередь, качественную дифференциацию индивидуальных «типов» музыкального аспекта личности.

В палитре накопленных музыкально-психологической отрасли методов первая группа – *музыковедческие методы*: анализ автобиографических текстов и материалов интроспекций (самонаблюдений) творческого процесса, анализ особых видов художественных текстов: черновиков, эскизов, планов, вариантов редакций и т. д., которые могут быть подвергнуты исследованию и интерпретации, стилистический анализ (применим в целом к композиторскому или исполнительскому творчеству); вторая группа – *дифференциально-психологические*: анализ поведения, тестирование характерологических свойств (темперамент, экстраверсия-интроверсия), психофизиологические методики (ЭЭГ, КГР); и третья группа – *музыкально-педагогические*: наблюдение и анализ продуктов творческой и учебной деятельности, определение уровня музыкальных способностей в процессе обучения, экспертная оценка общей музыкальности и ее индивидуальных особенностей.

Развивая теорию Б.М. Теплова, в лаборатории дифференциальной психологии и психофизиологии Психологического института РАО проводились психологические и психофизиологические исследования музыкальных способностей. В качестве задатков музыкальных способностей изучались типологические свойства нервной системы, оцениваемые по особенностям ЭЭГ-активности (Голубева, 2005). Эмпирические исследования проводились на трех возрастных категориях испытуемых, причем с возрастом с музыкальными способностями обнаруживали связь все больше свойств нервной системы. У младших школьников (6 лет) с музыкальными способностями обнаружилось корреляции свойство лабильности, оцениваемое по реакции усвоения ритма при фотостимуляции с частотой 18 и 25 Гц (Левочкина, Гусева, Тихомирова, 1988). У подростков 14–16 лет – учеников хорового училища им. Свешникова – музыкальные способности были связаны со свойствами слабости и лабильности нервной системы. А у сту-

дентов МГЗПИ уже обнаружили связи со всеми тремя типологическими свойствами нервной системы – с силой, лабильностью и активированностью.

Исследование основано на *индивидуально-типологическом подходе к изучению музыкальных способностей*. Как известно, термин «индивидуальность» применим к большому числу психологических параметров, характеризующих личностный портрет. Одной из таких характеристик являются образные представления, влияющие на эффективность взаимодействия и взаимопонимания (Голубева, 2006; Кабардов, 2006). Индивидуальные различия образных представлений могут проявляться в доминировании определенной сенсорной модальности в полимодальном образе (т. е. в преобладающем развитии ярких зрительных, слуховых, кинестетических образов-представлений). Каждое из таких представлений включает в себя компоненты разных сенсорных систем, но осознаются и становятся доминирующими в сознании только некоторые из них.

В диссертации Н.В. Морозовой (см. Торопова, 2008) были выделены следующие типы ведущих музыкально-образных представлений (т. е. представлений определенной (доминирующей) сенсорной модальности в музыкально-образной сфере): аудиальная, визуальная, кинестетическая, эмоциональная и абстрактная.

По литературным данным, сенсорные различия полимодальных музыкально-образных представлений являются следствием функциональных, операционных и регулирующих механизмов внемической системы психики, имеющих как генетическую, так и онтогенетическую, приобретенную при жизни, детерминацию.

Нами было проведено исследование с целью выявления связи доминирующей сенсорной модальности с индивидуальными характеристиками ЭЭГ. В исследовании приняли участие 11 студенток музыкального факультета Московского педагогического государственного университета (МПГУ) музыкального факультета в возрасте от 19 до 22 лет.

Анализ полученных данных показывает, что при доминировании визуальной модальности, а, следовательно, при лучшем развитии зрительного анализатора, преобладают ЭЭГ с высоким индексом альфа-ритма (75%). Если же ведущая модальность – кинестетическая, в большинстве случаев встречаются ЭЭГ с низким индексом альфа-ритма. В последней группе довольно интересным было бы определить выраженность не только альфа-ритма, связанного со зрительным анализатором, но и так называемого роландического или сенсомоторного ритма, регистрируемого в центрально-теменных зонах коры и отражающего активность именно соматосенсорной сферы, особенно ярко сенсомоторный ритм бывает выражен в подростковом возрасте в период пубертата (Горбачевская, Якупова, 1999).

На следующем этапе был осуществлен поиск возможных корреляций между ведущей сенсорной модальностью и доминирующей частотой альфа-ритма (с использованием коэффициента корреляции Спирмена). Последняя была определена с использованием спектрального анализа в затылочных зонах коры с шагом 1 Гц.

Оказалось, что доминирующая частота альфа-ритма в затылочных зонах коры достоверно связана с ведущей кинестетической модальностью. Однако в связи с небольшим объемом выборки полученный результат требует дальнейшей доработки.

Также был проведен анализ корреляционных связей значений спектральной мощности с ведущими модальностями. Достоверные связи были выявлены только для трех ведущих модальностей: кинестетической, визуальной и абстрактно-образной, причем для первых двух эти связи оказались гораздо более обширными как по частотным диапазонам, так и по топографическому распределению. Для абстрактно-образной же модальности значимые корреляции были получены только в двух отведениях и только в высокочастотном бета-диапазоне (20–30 Гц).

Ведущая кинестетическая модальность показала отрицательную корреляцию в бета-1 и бета-2 диапазонах, т. е. при доминировании данной модальности спектральная мощность бета-ритма невелика. Действительно, наше предположение о том, что доминирование КМ

связано с преобладающим развитием соматосенсорной сферы, согласуется с полученными данными, так как при наличии у индивидуума в ЭЭГ роландического ритма мы можем говорить о хорошем тормозном контроле над процессами возбуждения в коре головного мозга, а, следовательно, и о меньшей выраженности бета-активности.

Что касается ведущей визуальной модальности, проведенный анализ выявил положительные корреляционные связи с высокочастотной альфа-подобной активностью (11–12 и 12–13 Гц) в центрально-теменных и височных областях левого полушария.

Таким образом, анализ связей ведущей сенсорной модальности и индивидуальных характеристик ЭЭГ (индекса и частоты альфа-ритма, спектральной мощности различных частотных диапазонов) выявил наличие между ними довольно большого количества достоверных корреляций. Тем не менее, в связи с небольшой численностью выборки, полученные результаты нуждаются в дальнейшей доработке с привлечением большего количества испытуемых.

Влияние фактора возраста родителей на академическую успеваемость близнецов

Ю.Д. Черткова, Н.М. Зырянова, С.Д. Пьянкова (Москва)

Исследование является частью проекта, посвященного изучению академической успеваемости близнецов и одиночнорожденных детей. В исследовании принимали участие 4564 близнецов (2282 пары) и 4065 одиночнорожденных – учащиеся школ (с 1 по 12 класс) различных регионов России. Возраст учащихся составил от 7 до 20 лет. Были получены данные об академической успеваемости детей – годовые оценки по всем предметам. На основе первичных данных вычислялись средние оценки по предметным блокам (математическому, гуманитарному, естественнонаучному) и усредненная суммарная оценка успеваемости по всем предметам. Классные руководители детей заполняли анкету, позволяющую оценить зиготность близнецов, наличие лидера в близнецовой паре, а также получить информацию о ряде социально-демографических характеристик, в том числе о конфигурации семьи (полная – неполная, наличие у близнецов братьев и сестер, их возраст), о возрасте и образовании родителей на момент опроса.

Влияние возраста родителей на психологические особенности детей рассматривается обычно через призму медицинских и генетических факторов (частота осложненной беременности и родов, вероятность появления тех или иных хромосомных аномалий и генетических мутаций), социоэкономических факторов, а также особенностей родительско-детских отношений.

При исследовании крайних групп отмечается, что больший возраст матери на момент рождения детей положительно коррелирует с баллами по когнитивным тестам, с академической успеваемостью, меньшей частотой поведенческих проблем (Cornelius, 2009; Cannon, 2009; Shearer et al., 2002; Fergusson, 1993; Ketterlinus et al., 1991). Данные о влиянии возраста отца на психологические особенности детей более противоречивы. В противовес ранним работам, данные, полученные в исследованиях последних лет, все чаще свидетельствуют об отрицательной корреляции между возрастом отца и когнитивными характеристиками детей (Saha et al., 2009, цит. по: Cannon, 2009).

Таким образом, социальные преимущества старшего возраста (более высокие уровень образования и социоэкономический статус) компенсируют повышенные биологические риски (более высокую вероятность генных мутаций) в случае материнства, но для отцовства этого не наблюдается.

С другой стороны, при изучении матерей в возрасте 22–30 лет показано, что интеллект матери и особенности среды – в сравнении с возрастом матери на момент рождения ребенка – являются лучшими предикторами когнитивного развития детей (Ketterlinus et al., 1991).

Рассмотрим данные, полученные в нашем исследовании. Для анализа были отобраны только двухдетные семьи (в семье растут близнецы и нет других детей), с целью избежать влияния дополнительного фактора – количества детей в семье, которое связано с возрастом родителей. Мы вычленили подгруппы родителей (и детей соответственно) по критерию возраста родителей на момент рождения детей. Использовался принцип: среднее значение (25 лет для матери, 27,5 лет для отца) ± 1 стандартное отклонение (5 лет).

Таким образом, были сформированы крайние группы: 1) «молодые матери», которые стали родителями в возрасте до 20 лет включительно; 2) «матери в возрасте», родившие в возрасте 30 лет и старше; 3) «молодые отцы», ставшие родителями в возрасте до 23 лет, 4) «отцы в возрасте» – 32 года и более на момент рождения детей. Средний возраст «молодых» матерей на момент рождения близнецов составил 19 лет, «молодых» отцов – 21,5 года. Матери «в возрасте» в среднем стали родителями близнецов в 33 года, а отцы – в 35 лет.

По результатам исследования, в тех случаях, когда наблюдаются значимые различия по академической успеваемости детей в зависимости от возраста родителей, преимущество (лучшие оценки в школе) имеют дети более старших родителей.

Возраст матери оказывается значимым для успеваемости детей на протяжении всего школьного возраста, а возраст отца – в средней и (в меньшей степени) старшей школе.

Уточнить полученные закономерности позволил корреляционный анализ, в рамках которого вычислялись коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между возрастом родителей на момент рождения ребенка и суммарным баллам академической успеваемости. В этом случае рассматривались не крайние группы, а весь возрастной континуум.

В двухдетных семьях на успеваемость детей влияет только возраст матери и только в младшем и среднем школьном возрасте. Корреляции между возрастом родителей и успеваемостью детей очень низкие по абсолютному значению, даже если достигают уровня значимости. По мере взросления детей корреляции выраженно снижаются, к старшему школьному возрасту приближаясь к нулю.

Обобщая полученные данные, можно сказать, что в целом дети родителей «в возрасте» имеют более высокую успеваемость. Это можно объяснить тем, что «возрастные» родители больше ориентированы на детей, могут (и склонны) уделять детям и их когнитивному развитию больше внимания. Возраст матери имеет несколько большее значение, чем возраст отца, особенно в младшем школьном возрасте, когда роль матери в обучении ребенка обычно выше. Можно предположить, что имеют значение и физиологические факторы – вынашивание ребенка юной матерью чаще протекает с осложнениями, которые впоследствии могут опосредованно сказаться на когнитивных способностях детей. Судя по результатам корреляционного анализа, описанные различия формируются в основном за счет представителей крайних групп – ставших родителями в юном или, наоборот, в немолодом возрасте.

Полученные в исследовании результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. В тех случаях, когда наблюдаются значимые различия между двумя подгруппами детей (дети родителей «в возрасте» и дети молодых родителей), более высокую успеваемость имеют дети немолодых родителей.

2. Возраст матери оказывает большее влияние на успеваемость детей, чем возраст отца.

3. Выявленные закономерности (лучшая успеваемость у детей «родителей в возрасте») формируются за счет крайних групп – детей юных и «пожилых» родителей.

СЕКЦИЯ «ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ»

Электроэнцефалографические показатели количества активных функциональных систем при категоризации слов

Б.Н. Безденежных (Москва)

(Работа поддержана грантами РГНФ №09-06-00652а, № 08-06-00250а, РФФИ №10-06-00-259а и НШ-3752.2010.6 «Системная психофизиология».)

С позиций системно-эволюционного подхода элементами индивидуального опыта являются накопленные субъектом функциональные системы по П.К. Анохину (ФуС), находящиеся во взаимодействии друг с другом. В процессе своего формирования каждая ФуС устанавливает связи с некоторым набором ранее сформированных ФуС, которые обеспечивает взаимодействие субъекта с определенными объектами или явлениями окружающей среды, относящимся к одной семантической категории, например, «животным», «овощам», «музыкальным инструментам» и т. п. Такое структурно-функциональное образование, представляющее закрепленный в связанных между собой функциональных системах индивидуальный опыт, отражающий взаимодействие субъекта с набором родственных объектов или явлений внешней среды, получило название «домен». В процессе индивидуального развития между системами одного и разных доменов формируются связи, и поведение определяется набором взаимодействующих систем, принадлежащих не только одному, но и разным доменам. Отсюда, актуальной задачей является сопоставление показателей взаимодействия систем, принадлежащих одному домену с показателями взаимодействия систем, принадлежащих разным доменам.

Решение такой задачи мы осуществляли в экспериментах по категоризации слов с использованием методики семантической преднастройки, изменяющей способность человека идентифицировать объект или его название после предварительного напоминания о категории, к которой принадлежит или не принадлежит данный объект.

Были проведены 2 серии экспериментов – имплицитная и эксплицитная преднастройки. В каждой серии в случайном порядке и равновероятно в течение 200 мс предъявлялось одно из двух слов – праймингов «организмы» или «предметы», после чего через 700 мс в случайном порядке предъявлялось слово-мишень, принадлежащее одной или другой категории. В имплицитной серии нужно было как можно быстрее отнести слово-мишень к той или иной категории нажатием соответствующей клавиши. В эксплицитной серии быстрым нажатием той или другой клавиши нужно было указать, соответствует или не соответствует предъявленное слово-мишень преднастроеному слову-прайму.

У испытуемых сравнивали время категоризации слова (ВК) – время от момента предъявления «мишени» до момента нажатия клавиши отчета, количество ошибочных категоризаций, субъективный отчет о степени сложности категоризации, ЭЭГ-потенциалы в отведениях F3,4, P3,4 и Cz (по системе 10–20), связанные с категоризацией в следующих ситуациях: а) имплицитная – эксплицитная серия, б) соответствие – несоответствие между праймом и мишенью, в) категоризации слов внутри одного и другого домена, г) категоризации низкочастотных и высокочастотных слов.

Результаты показали, что при выполнении имплицитной инструкции ВК было значимо короче, чем при выполнении эксплицитной инструкции. Известно, что при дополнительной информации, которая имеет место в эксплицитной серии, увеличено количество ФуС по сравнению с имплицитной серией. При соответствии прайма и мишени ВК было короче при категоризации организмов, чем при категоризации предметов. Предполагается, что в межсистемных отношениях, обеспечивающих восприятие и категоризацию организмов, в отличие от восприятия и категоризации предме-

тов, участвует меньший набор функциональных систем. По-видимому, это связано с тем, что в индивидуальном опыте домен «организмы» представлен меньшим количеством систем, чем домен «предметы». Как доказательство, анализ частотности использования слов, указанных в разных изданиях оксфордского словаря с XVI по XX вв., выявил значительное сокращение на протяжении XX в. доли индивидуального знания человека о мире живой природы, наряду с существенным увеличением знаний о небелогических, технических категориях в этот же период времени (Wolff et al., 1999).

При категоризации любых мишеней, категориально не соответствующих тому или иному прайму ВК не различается. Причем это время существенно больше, чем в ситуации их категориального соответствия. В ситуации семантического несоответствия двух последовательных слов прайм активирует системы одного домена, а мишень активирует системы другого домена. В обоих случаях возникает перекрытие активностей систем двух одних и тех же доменов, и в категоризации участвует одинаковый набор ФуС, который больше, чем при соответствии прайма и мишени. ВК высокочастотных слов достоверно короче, чем ВК высокочастотных слов. В основе быстрой категоризации высокочастотных слов, по-видимому, лежит механизм, описанный нами в предшествующих работах: при многократных повторениях определенного действия установление эффективных функциональных связей между обеспечивающими его системами сопровождается устранением из взаимодействия «лишних», необязательных для выполнения данного действия систем (Безденежных, 2004).

Таким образом, ВК связано, в первую очередь, с количеством систем, вовлеченных в категоризацию — чем больше систем вовлечено, тем больше ВК.

В ЭЭГ-потенциалах, связанных с категоризацией наиболее устойчивым является позитивный компонент с латентным периодом пика около 600 мс. (P600). По своим характеристикам P600 полностью соответствует P300, развивающемуся в ответ на простые сенсорные стимулы в задачах выбора. Показано, что передний фронт P600 имеет устойчивую связь с ВК — чем больше ВК, тем больше негативный сдвиг переднего фронта этого компонента. По-видимому, передний фронт P600 связан с процессом согласования активности между нейронами разных систем, вовлеченных в процесс категоризации. Увеличение числа систем, вовлеченных в этот процесс и/или усложнение согласования, сопровождается негативным сдвигом этих компонентов ЭЭГ-потенциала.

Отражение в параметрах событийно-связанных потенциалов близнецов актуализации мотивации достижений

Е.В. Воробьева (Ростов-на-Дону)

(Работа поддержана грантом Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант 08-06-00753а).)

В работах Э.А. Костандова было показано, что актуализация в ходе эксперимента дополнительной мотивации у индивида, совпадающей с актуальной для него в жизненных условиях, способствует «облегчению» формирования волны P300 событийно-связанных потенциалов (укорочению латентного периода и увеличению амплитуды) (Костандов Э.А., 2004). Согласно данным, полученным Carrillo-de-la-Pena М.Т. и Cadaveira F., введение дополнительной мотивирующей инструкции способствует увеличению амплитуды компонента P300 и уменьшению его латентности (Carrillo-de-la-Pena М.Т., Cadaveira F., 2000, p. 232).

Основной задачей данной работы было выявление особенностей событийно-связанных потенциалов при актуализации мотивации достижений.

Методика. В нашем исследовании приняли участие 102 пары МЗ близнецов в возрасте от 14 до 26 лет (из них мужского пола — 48 пар, женского — 54 пары), 98 пар ДЗ

близнецов (мужского пола – 46 пар, женского – 52 пары). Средний возраст испытуемых – 18,6 лет. Все испытуемые без отклонений в состоянии здоровья, подписавшие добровольное согласие на участие в работе, с нормальным слухом. Для определения зиготности близнецов использовался метод полисимптомного сходства (Талызина Н.Ф., Кривцова С.В., Мухаматулина Е.А., 1991); пары с неясной диагностикой в исследование не включались.

Запись ЭЭГ проводилась по международному стандарту 10х20; для регистрации электрической активности мы использовали 21 отведение (Fp1, Fp2, Fpz, F3, F4, Fz, F7, F8, C3, C4, Cz, P3, P4, Pz, T3, T4, T5, T6, O1, O2, Oz) по монополярной схеме с ипсилатеральными ушными референтами, использовался электроэнцефалограф «Энцефалан», версия «Элитная» производства «Медиком» г. Таганрог. Регистрация осуществлялась в изолированном помещении. Сопротивление электродов не превышало 10 кОм. В ходе исследования событийно-связанных потенциалов осуществлялись три пробы. В первой пробе (oddball) обследуемым необходимо было реагировать на значимый звуковой стимул (стимул-цель), давая моторный ответ (нажимать на кнопку). Значимый стимул – длительность тона 50 мс, мощность тона – 80 Дб, частота заполнения – 2000 Гц. Вероятность предъявления значимого стимула – 20%. Незначимый стимул – длительность тона 50 мс, мощность тона – 80 Дб, частота заполнения – 1000 Гц. Вероятность предъявления незначимого стимула – 80%. Значимый и незначимый стимулы подавались бинаурально, в случайном порядке для профилактики монотонии. Длительность паузы между стимулами – 2000 мс. Девиация паузы – 20%. Во второй пробе (СУ) перед регистрацией ССП экспериментатором давалась инструкция по актуализации у обследуемого мотивации достижения успеха (материальное вознаграждение). Далее запись ССП проходила так же, как и в первом случае. В третьей пробе (ИН) перед регистрацией ССП экспериментатором давалась инструкция по актуализации мотивации избегания неудачи (угроза удара током в случае совершения обследуемым ошибки в ходе распознавания значимого и незначимого стимула). Далее запись ССП проходила по методике «oddball». Для отслеживания и подавления артефактов использовались регистрация электромиограммы, вертикальной электроокулограммы, электрокардиограммы, после этого и фильтрации в диапазоне 0,5–70 Гц ССП усреднялись. Всего в каждой пробе выполняли 20–30 усреднений. Количество усреднений в трех пробах для каждого обследуемого было одинаковым. Эпоха анализа составляла 1000 мс. Амплитуду ССП измеряли от нулевой линии. Определение мотивации достижений близнецов осуществлялось с применением опросника А. Мехрабиана (Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности, 2001). Для статистической обработки применялась программа STATISTICA 6 (критерий Фридмана). Для оценки наследуемости и средовых влияний использовался коэффициент наследуемости Игнатъева и следующие уравнения: $h^2 = 2(r(M3) - r(D3))$; $c^2 = r(M3) - h^2$; $e^2 = 1 - h^2 - c^2$, где $r(M3)$ – внутриварная корреляция монозиготных близнецов; $r(D3)$ – внутриварная корреляция однополых дизиготных близнецов; c^2 – общесемейная среда; e^2 – индивидуальная среда (Егорова М.С., 2004, с. 200).

Результаты исследования. После регистрации событийно-связанных потенциалов был проведен анализ усредненных значений амплитудных и временных характеристик компонентов P300 и N200 по всем отведениям для пробы «oddball», проб с актуализацией мотивации стремления к успеху (СУ) и с актуализацией мотивации избегания неудачи (ИН). Все участники исследования были разделены на три подгруппы, в зависимости от выраженности у них мотивации достижений, диагностированной с применением опросника А. Мехрабиана. При актуализации мотивации избегания неудачи у участников исследования, имеющих высокий уровень мотивации достижения, по сравнению с пробой, проведенной по методике «oddball», наблюдалось увеличение абсолютной амплитуды компонента P300 ССП мозга в фронто-темпоральных отведениях:

Fp2 (среднее значение = $7,7 \pm 0,98$, $p < 0,01$), F3 (среднее значение = $9,75 \pm 1,4$, $p < 0,05$), F4 (среднее значение = $10,3 \pm 1,4$, $p < 0,05$), F8 (среднее значение = $7,7 \pm 0,85$, $p < 0,05$), T5 (среднее значение = $6,71 \pm 0,7$, $p < 0,05$), при этом увеличивалась амплитуда компонента N200 в отведениях F4 (среднее значение = $-8,32 \pm 1,0$, $p < 0,05$), Cz (среднее значение = $-9,13 \pm 1,0$, $p < 0,01$). Актуализация мотивации стремления к успеху у тех же обследуемых связана с увеличением латентного периода компонента P300 ССП мозга в задне-темпоральном правом отведении T6 (среднее значение = $422 \pm 21,9$, $p < 0,05$). Актуализация мотивации избегания неудачи у обследуемых, имеющих низкий уровень развития мотивации достижения, связана с уменьшением (по сравнению с пробой «oddball») амплитуды компонента N200 событийно-связанных потенциалов мозга в фронтальных отведениях: Fp1 (среднее значение = $-6,1 \pm 0,9$, $p < 0,01$), Fp2 (среднее значение = $-6,47 \pm 0,9$, $p < 0,05$), F3 (среднее значение = $-6,74 \pm 0,8$, $p < 0,01$), Fz (среднее значение = $-7,6 \pm 0,99$, $p < 0,01$), F4 (среднее значение = $-8,28 \pm 0,98$, $p < 0,01$), F8 (среднее значение = $-6,22 \pm 0,89$, $p < 0,05$). Подсчет коэффициента наследуемости для каждой функциональной пробы показал, что в первой пробе (oddball) по амплитуде компонента P300 генетический компонент дисперсии значимо выражен в отведениях Fp1 ($h^2=0.33$), Fp2 ($h^2=0.36$) и Cz ($h^2=0.28$). По латентности компонента P300 генетический компонент фенотипической дисперсии по всем отведениям достаточно высоко выражен: Fp1 ($h^2=0.37$), Fpz ($h^2=0.41$), Fp2 ($h^2=0.33$), F7 ($h^2=0.32$), F3 ($h^2=0.45$), F8 ($h^2=0.64$), C3 ($h^2=0.33$), Cz ($h^2=0.45$), C4 ($h^2=0.32$), T4 ($h^2=0.28$), T6 ($h^2=0.33$), причем наиболее высокие значения генетической составляющей получены для отведений правого полушария. Во второй функциональной пробе (с актуализацией мотивации стремления к успеху) достаточно высокое значение показателя наследуемости получено для амплитуды компонента P300 в отведении F7 ($h^2=0.4$), а для латентности в отведениях F3 ($h^2=0.75$), T3 ($h^2=0.25$), C3 ($h^2=0.44$). Фенотипическая вариативность амплитуды и латентности компонента P300 в этой пробе имеет выраженный генетический компонент для отведений левого полушария. В третьей пробе (с актуализацией мотивации избегания неудачи) для амплитуды компонента P300 генетический компонент фенотипической дисперсии достаточно высоко выражен в следующих отведениях: Fp1 ($h^2=0.55$), T5 ($h^2=0.28$); для латентности компонента P300 – в отведении T5 ($h^2=0.3$). Таким образом, как показывают результаты психогенетического анализа, генетический компонент фенотипической дисперсии амплитудно-временных характеристик компонента P300 наиболее выражен во фронто-центральных отведениях; в стандартных условиях регистрации событийно-связанных потенциалов – в правом полушарии, при актуализации мотивации стремления к успеху – в левом. Можно предположить, что люди с преобладающей мотивацией стремления к успеху в стрессовых условиях (какими, несомненно, являлись условия, угрожающие ударом током) интенсифицировали свою когнитивную деятельность. В тех же условиях люди с преобладанием мотивации избегания неудачи уменьшали сенсорный синтез, связанный с когнитивной задачей, опасаясь удара током. Имеются данные о том, что фронтальная кора участвует в активации механизмов поискового, ориентировочно-исследовательского поведения (Афтанас Л.И. с соавт., 2003, с. 485–494). В связи с этим полученные в нашей работе данные об изменении амплитуды компонентов ССП фронто-центральных отведений в ответ на актуализацию у обследуемого мотивации избегания неудачи могут отражать работу механизмов сканирования информации, поступающей из окружающей среды с целью выделения наиболее значимых аспектов в процессе достижения цели. В работе Чуа Р. и соавторов (1999, р. 563–571) методом позитронно-эмиссионной томографии получены данные о том, что вызываемое в эксперименте ожидание угрозы связано с активацией структур передних отделов левого полушария (орбитофронтальной коры, инсулы, передней части поясной извилины).

Отражение в ЭЭГ субъективной и объективной специфики протекания эмоциональных процессов

И.А. Горбунов, А.А. Меклер, П.С. Маркина (Санкт-Петербург)

Целью представляемой работы является исследование специфики механизмов, отраженных в электроэнцефалограмме (ЭЭГ), обеспечивающих эмоции человека, возникающие при просмотре различных видеоматериалов. Переживаемые эмоции были классифицированы с помощью комплекса психодиагностических методов, затрагивающих различные уровни психического отражения эмоционального состояния. Были выявлены дополнительные критерии классификации эмоций в соответствии с уровнем субъективного отношения к ним.

Экспериментальная часть исследования заключалась в предъявлении испытуемым (15 человек) набора видеороликов эмоциогенного содержания с одновременной регистрацией ЭЭГ и съемкой лица испытуемого на видеокамеру. После этого испытуемым предлагалось оценить переживаемые ими при просмотре каждого ролика эмоции. Для оценки использовалась методика К. Изарда. Следующим шагом исследования эмоций, возникающих при просмотре видеоматериалов, была оценка близости эмоциональных состояний при просмотре различных пар роликов. Испытуемому предлагалось по десятибалльной шкале определить степень близости своего эмоционального состояния при просмотре пар роликов. В результате, для каждого испытуемого была выявлена индивидуальная матрица расстояний (оценок близости эмоциональных состояний) между различными роликами. Кроме того, группа экспертов оценивала эмоции испытуемых по их лицевой экспрессии на основании сделанных во время эксперимента видеозаписей. Для оценки использовалась 10-факторная шкала К. Изарда.

Нами была выдвинута гипотеза о существовании специфики изменений мощности ЭЭГ в различных диапазонах при переживании эмоций, различающихся по выделенным в ходе эксперимента особенностями эмоций на 3 уровнях:

- 1) общепризнанная (конвенциональная) модель субъективной оценки эмоций – самооценка эмоционального состояния по методике самооценки эмоций Изарда;
- 2) внешний (поведенческий) – экспертная оценка выраженности различных базовых эмоций по модальности;
- 3) латентная субъективная модель кодирования эмоциональных состояний – основу для ее выделения составляли субъективные суждения о различии между двумя состояниями.

Для выделения специфики эмоций и проверки выдвинутой гипотезы был произведен статистический анализ полученных данных.

Во-первых, были вычислены коэффициенты корреляции оценок испытуемыми своих переживаний по каждому из 10 факторов шкалы Изарда с мощностью сигнала ЭЭГ в основных частотных диапазонах. Наиболее сильная связь была выявлена для факторов «интерес», «радость» и «удивление». При этом в первом случае имела место наиболее сильная обратная связь в диапазонах дельта, тета и альфа – преимущественно в лобных отведениях; во втором случае – обратная связь в диапазоне альфа – преимущественно в лобно-центральных и теменных отведениях; в третьем – также обратная связь в диапазоне альфа – преимущественно в лобно-центральных и теменных отведениях и в диапазоне бета1 – почти во всех отведениях, кроме височных и лобнотемпоральных. В случае с остальными факторами шкалы связь с мощностью ЭЭГ была менее выражена и проявлялась в меньшем количестве частотных диапазонов. Для каждого фактора была выявлена своя специфика в распределении силы связи по отведениям регистрации и диапазонам.

Во-вторых, был произведен факторный анализ (методом главных компонент) оценок переживаемых испытуемыми эмоций (как результатов самооценки, так и эксперт-

ных оценок). В результате было выделено 2 главных фактора, факторные веса первого из которых относятся, в основном, к отрицательным эмоциям, а второго — к положительным. Это говорит о том, что амбивалентность эмоций следует рассматривать как наличие у переживаемых чувств одновременно двух независимых составляющих — положительной и отрицательной, которые нельзя считать реципрокными. Третий фактор был назван фактором дистанцирования (эмоции «отвращение» и «презрение» и неосознанный стыд, распознанный по мимике). Четвертый фактор объединял неосознаваемые стыд и вину, которые были отражены только в мимике и не отражены в субъективной оценке. Пятый фактор включал осознаваемые стыд и вину. В шестой фактор с максимальными весами вошли отраженные только в мимике положительные эмоции (радость интерес и удивление), в седьмой фактор с максимальными весами вошли отраженные в мимике горе и страх.

Были вычислены коэффициенты корреляции величин указанных факторов у испытуемых с мощностью ЭЭГ в пяти диапазонах — дельта, тета, альфа, бета1, бета2. Выяснилось, что первый фактор имеет обратную связь с мощностью ЭЭГ в диапазоне бета1 в центральных, теменных и затылочных отведениях, а в диапазоне бета2 — обратную связь с мощностью ЭЭГ теменных и затылочных отведениях и прямую — в лобных. Второй фактор, в который вошли, в основном, положительные эмоции связан с мощностью ЭЭГ значительно сильнее. Имеется сильная обратная связь в диапазонах дельта, тета и альфа — практически по всей поверхности головы. В диапазоне бета1 — почти во всех отведениях, кроме височных и лобно-височных, в диапазоне бета2 — слабо выраженная прямая в отведениях C_3 и F_7 и обратная — в отведении Fp_2 .

В-третьих, был произведен анализ матриц субъективных эмоциональных расстояний между роликами с помощью метода многомерного шкалирования. Количество латентных субъективных шкал кодирования эмоциональных состояний у разных испытуемых в основном сводилось к трем. Содержательно, основные оси кодирования можно условно свести к трем параметрам:

- 1) «витальность» эмоции (неудовлетворение основных жизненно-важных потребностей), угроза жизни;
- 2) наличие в эмоциональном состоянии признаков этического конфликта;
- 3) степень неопределенности будущего (тревога).

Были выявлены корреляционные связи между первыми двумя из трех осей субъективного кодирования эмоциональных состояний и мощностью ЭЭГ в диапазонах тета, бета1 и бета2. «Витальность» эмоции отражалась в снижении мощности в правых и левых височных, а также правом задневисочном отведении в диапазоне бета2 ритма и увеличении ее в лобных отведениях Fp_1 , Fp_2 . Наличие этического конфликта выражалось в ЭЭГ увеличением мощности бета1 ритма в обоих задневисочных отведениях и увеличением мощности бета2 ритма в правом лобном Fp_2 . Также одновременно наблюдалось увеличение мощности тета ритма в левом теменном, правом затылочном и правом задневисочном отведении.

В заключение следует отметить, что применение психологических методов, использующих субъективные оценки собственных состояний, наряду с психофизиологическими методами в едином эксперименте позволяет выявить тонкие и специфические характеристики исследуемых психологических явлений и с помощью психофизиологических данных вплотную подойти к описанию сложных закономерностей, объединяющих субъективные и объективные аспекты эмоций.

Активность специализированных нейронов в первых реализациях сформированных обучением новых элементов индивидуального опыта

А.Г. Горкин (Москва)

(Работа поддержана грантами РФФИ №09-12-037 офи-м, грантом Президента РФ для поддержки научных школ России НШ-3752.2010.6.)

В соответствии с общеметодологическим подходом к психофизиологической проблеме, разработанном Я.А. Пономаревым (1983), психическое относится к физиологическому как модель к моделируемому, и психофизиология является конкретной наукой, которая экспериментально изучает закономерности формирования и проявления психических явлений. В нашей лаборатории был разработан системно-эволюционный подход в психофизиологии (Швырков В.Б., 1995). В рамках этого подхода В.Б. Швырковым было введено представление о субъекте поведения, как структуре индивидуального (субъективного) опыта, т. е. совокупности функциональных систем поведенческих актов различного фило- и онтогенетического возраста, относительно которых специализируются нейроны в процессе обучения. Ключевым в этом рассмотрении является продемонстрированный в нашей лаборатории ранее феномен специализации отдельных нервных клеток относительно целостных поведенческих актов. Сравнение наборов специализированных нейронов до и после обучения актам пищедобывательного поведения позволило связать такие специализации с этапами обучения и соответственно компонентами индивидуального опыта (Горкин А.Г., 1988). Предложенный В.Б. Швырковым (1995) принцип системоспецифичности нейрона связывает экспериментально установленный факт специализации нейронов относительно отдельных поведенческих актов с рассмотрением поведения с позиций теории функциональных систем. В соответствии с этим принципом предполагается, что «все нейроны являются системоспецифичными, причем специфичными относительно систем поведенческих актов различного фило- и онтогенетического возраста» (Швырков В.Б., 1995 с. 82). Активность специализированного нейрона, таким образом, связана с уровнем активации соответствующей системы, что позволяет выявлять отношения между системами в реальном поведении, а также частично реконструировать целостную структуру индивидуального опыта. Ранее проводившиеся экспериментальные исследования активности отдельных нейронов в поведении были ограничены по методическим причинам несколькими минутами регистрации, что не позволяло непосредственно исследовать процессы формирования и фиксации нового опыта. В последние годы в лаборатории был освоен метод хронической регистрации нейрональной активности тетрамидами, который позволил стабильно регистрировать активность отдельных нейронов на протяжении сессий формирования новых поведенческих актов, а в ряде случаев и в течение нескольких дней. Данная работа была посвящена изучению процесса формирования новых элементов индивидуального опыта и обеспечивающих их реализацию новых нейрональных специализаций.

Для обеспечения максимальной идентичности условий выявления нейрональных специализаций до и после обучения новым поведенческим актам нами была выбрана модель циклического пищедобывательного поведения в клетке, оборудованной двумя педалями и двумя кормушками. А процесс формирования новых актов и соответствующих им новых нейрональных специализаций изучался в сессиях обучения животных актам поведения на второй стороне клетки, аналогичных ранее сформированным актам такого же циклического поведения на первой стороне клетки. Поведенческий цикл на одной стороне клетки состоял из актов поворота головы к педали, побежке к педали, нахождения в углу педали, ее нажатия, побежке к кормушке, наклона и захвата пищи в кормушке. Каждый из упомянутых актов формировался в течение специальной сессии обучения до достижения 50–70 успешных реализаций нового акта. Обучение пове-

дению на второй стороне клетки начинали после завершения формирования поведения на первой стороне и нескольких сессий упрочения навыка этого циклического пищедобывательного поведения. Во время сессий обучения поведению на второй стороне клетки мы регистрировали хронически живящими тетрами активность групп нейронов цингулярной коры крысы. Одновременно проводилась регистрация сигналов датчиков поведенческих отметок и видеозапись поведения животного на видеокамеру. В процессе обработки зарегистрированной активности проводилось выделение с помощью специальной программы потоков активности отдельных нейронов и их совмещение с моментами границ поведенческих актов, которые определяли по сигналам поведенческих отметок и на основании анализа видеозаписи поведения. Для сопоставления активности нейронов до и после формирования новых актов каждая сессия обучения поведению на второй стороне начиналась с серии циклов на первой стороне клетки, и после формирования поведения на второй стороне клетки проводилась повторная регистрация серии циклов на первой стороне. В случае, если животное быстро осваивало поведение на второй стороне, удавалось зарегистрировать нейрональную активность в нескольких (до трех) сериях циклов как на первой, так и на второй сторонах экспериментальной клетки.

Нами была зарегистрирована мультиклеточная активность в 12 сессиях формирования новых актов циклического пищедобывательного поведения. Из зарегистрированной в этих сессиях мультиклеточной нейрональной активности были выделены 55 потоков активности одиночных нейронов. На основании сопоставления выделенных потоков нейрональной активности с поведением нами были выделены специализированные нейроны, у которых наблюдалась обязательная активация при выполнении конкретного акта или группы актов, и неспециализированные нейроны, в активности которых такой обязательной активации выявлено не было. Из всех зарегистрированных нейронов только у 13 была выявлена специализация. У 6 неспециализированных нейронов были обнаружены закономерно возникающие на определенном этапе поведения выраженные изменения частоты импульсации, однако вероятность их наличия была значительно ниже 100%. Остальные 36 неспециализированных нейронов не имели в активности активаций, регулярно возникавших на каком-либо этапе циклического пищедобывательного поведения. Из 13 зарегистрированных специализированных нейронов 10 нейронов специфически активировались при выполнении актов циклического пищедобывательного поведения. Из группы нейронов, специализированных относительно актов пищедобывательного поведения, большинство были специализированы относительно актов на второй стороне клетки — той, на которой формировались новые акты во время сессии регистрации. Мы зарегистрировали 6 нейронов специализированных относительно актов поведения у второй педали и 2 нейрона специализированных относительно подхода и захвата пищи во второй кормушке.

В связи с целями работы особый интерес представляла динамика в сессии обучения активности нейронов, которые оказались специализированными относительно формировавшихся в этой сессии актов. У зарегистрированных нами специализированных относительно актов на второй стороне клетки нейронов активность уже в первых реализациях соответствующих актов отвечала критерию специфической активации. Исключением являлась лишь первая реализация, во время которой активность части нейронов была несколько ниже критерия специфической активации. В последующих за первой успешных реализациях нового акта (до 100 в течение одной сессии обучения) активность специализированного нейрона варьировала без выраженного тренда, оставаясь соответствующей критерию специфической активации в каждом акте. Активность этих нейронов в серии поведенческих циклов на первой стороне клетки до формирования новых актов не содержала активаций, которые отвечали критерию специфических. Эти результаты хорошо согласуются с положениями системно-селекционной тео-

рии обучения (Швырков В.Б., 1995) о генерации при обучении пробных актов и последующем отборе и фиксации тех из них, которые оказались эффективными.

В двух случаях у специализированных относительно актов на второй стороне нейронов были зарегистрированы достоверные изменения паттерна активности на первой стороне после формирования поведения на второй, что, на наш взгляд, отражает «аккомодационную реконсолидацию» (Александров Ю.И., 2005) отношений компонентов опыта в результате добавления новых компонентов в целостную структуру индивидуального опыта.

Активность двух специализированных относительно актов на второй стороне клетки была зарегистрирована также в течение нескольких дней в циклическом пищедобывательном поведении и в актах других форм поведения. Такими формами поведения были комфортное, оборонительное, питьевое, поисковое и социальное. Для выделенных по видеозаписи актов этих форм поведения были определены частоты активности этих нейронов в каждом из выделенных актов и сопоставлены с критерием специфической активации. Ни в одном из выделенных актов других форм поведения не было зарегистрировано 100% активации, т. е. активность в этих актах по нашим критериям была неспецифической, что хорошо согласуется с принципом системоспецифичности В.Б. Швыркова (1995).

Влияние психофизиологических и психологических особенностей участников полиграфных проверок на характер проявления информативных признаков реакции на ситуационно значимый стимул

И.С. Дикий (Ростов-на-Дону)

(Исследование выполнено при финансовой поддержке Рособразования в рамках ФНТП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 г.г.)», проект РОСТ-НИЧ-734.)

Практический интерес психофизиологов, психологов, юристов, работников правоохранительных органов к исследованиям, направленным на изучение методов инструментальной детекции лжи, отражены в многочисленных исследованиях (Варламов В.А., Варламов Г.В., 2000; Грузьева И.В., 2006; Оглоблин С.И., Молчанов Ю.А., 2004; Холодный Ю.И., 2005, с. 39–48; Цагарелли Ю.А., 2001).

Актуальность подобных исследований обусловлена достаточно широким применением проверок на полиграфе в целях кадрового отбора, скрининга персонала, расследования правонарушений. Интерес также вызван целью дать естественнонаучное объяснение и теоретическое обоснование тех сложных процессов, которые происходят в психике человека и его организме при возникновении феномена «лжи» и которые приводят к возможности выявления скрываемой человеком информации. При этом на информативность признаков при выявлении скрываемой информации могут влиять многочисленные факторы: состояние субъекта, его психофизиологические и психологические особенности (Грузьева И.В., 2006; Оглоблин С.И., Молчанов Ю.А., 2004). Тем не менее, работы, изучающие особенности информативных признаков инструментальной детекции лжи у лиц с различными психофизиологическими и психологическими особенностями, представлены недостаточно широко.

Целью исследования стало изучение влияния психофизиологических и психологических особенностей участников полиграфных проверок на характер проявления информативных признаков реакции на ситуационно значимый стимул в процессе скрининга.

Исследуемую выборку составили сотрудники различных организаций г. Ростова-на-Дону (в количестве 56 чел.), проходившие скрининговые проверки на полиграфе, результаты последующей проверки которых подтвердили наличие у них факторов риска (причастность к употреблению наркотиков, наличие скрываемых хро-

нических заболеваний, пристрастие к азартным играм, нарушениям служебной дисциплины и т. п.).

В исследовании использовался профессиональный компьютерный полиграф «ПОЛАРГ-М». Физиологические реакции регистрировались по каналам: дыхания (верхнего/нижнего), плетизмограммы и кожно-гальванической реакции (КГР).

Свойства нервной системы изучались при помощи опросника Я. Стреляу (Столяренко Л. Д., 1997); свойства темперамента – при помощи опросника свойств темперамента (ОСТ) В.М. Русалова (1992). Сенсомоторная асимметрия изучалась при помощи методики определения типа ПЛО (Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А., 1988), когнитивная асимметрия (когнитивный стиль обработки информации) изучалась при помощи методики «Выбор стороны» (Торренс Е., 1990).

Полученные результаты обрабатывались при помощи факторного анализа. Факторный анализ переменных, нормализованных по методу варимакс, позволил выделить 4 фактора, вклад которых составил около 80% общей дисперсии:

- 1) фактор эмоциональной кожно-гальванической реакции на ситуационно значимый стимул, в который со значимыми положительными нагрузками вошли показатели амплитуды КГР и типа ПЛО, а также с отрицательными нагрузками – показатели социальной эмоциональности, и показатели выраженности правостороннего и совмещенного стиля мышления;
- 2) фактор пластичности реакции дыхания на ситуационно значимый стимул, в который со значимыми положительными нагрузками вошли признак урежения дыхания (верхнего и нижнего), показатели пластичности (как свойства темперамента) и подвижности нервной системы;
- 3) фактор комплексной реакции на ситуационно значимый стимул, куда со значимыми положительными нагрузками были отнесены показатели повышения частоты сердечных сокращений (ЧСС) по каналу плетизмограммы, показатель степени неискренности (стремления к одобрению) по контрольной шкале ОСТ В.М. Русалова и с отрицательной нагрузкой – признак длительности КГР на ситуационно значимый стимул;
- 4) фактор, отражающий формально-динамические и стилевые особенности, со значимыми положительными нагрузками вошли показатели силы по возбуждению нервной системы и темпа, и с отрицательной нагрузкой – показатель выраженности левостороннего стиля мышления;
- 5) фактор, отражающий влияние формально-динамических свойств на достоверность обнаружения реакции на ситуационно значимый стимул. В него вошли со значимыми положительными нагрузками показатели социальной пластичности и темпа, подвижности нервной системы, и с отрицательной нагрузкой – показатели эмоциональности, а также уровень критерия Стьюдента и достоверность обнаружения реакции на ситуационно значимый стимул в процессе скрининга.

Таким образом, в результате факторного анализа оказалось возможным выделить наиболее значимые факторы, которые объединяют как признаки физиологических реакций на ситуационно значимый стимул, так и психологические и психофизиологические особенности личности.

Выявлено, что влияние психологических и психофизиологических особенностей обследуемых в процессе полиграфных проверок на характер проявления и достоверность обнаружения информативных признаков реакции на ситуационно значимый стимул неодинаково и обусловлено сочетанием формально-динамических и стилевых когнитивных особенностей, что следует учитывать при планировании обследования.

Результаты данного исследования могут быть использованы в профессиональной деятельности полиграфологов при экспертной оценке и анализе полиграмм, при разработке различных моделей скрининговых проверок, учитывающих влияние индиви-

дуальных психологических и психофизиологических характеристик обследуемых на характер проявления вегетативных реакций, при выявлении ошибок и трудностей, возникающих в ходе полиграфных проверок.

Психофизиологические особенности произвольного внимания у студентов с разной степенью ювенильности

К.И. Павлов, В.Г. Каменская Л.В. Томанов (Санкт-Петербург)

Введение. Ювенильность или филогенетическая дистанция – это ведущий конституциональный признак, который отражает степень эволюционной продвинутости индивида и является выраженной тенденцией филогенетического развития человека. На морфологическом уровне ювенильность выражается в усилении мозгового черепа с одновременным ослаблением лицевого черепа. Понятие ювенильность впервые было введено Я.Я. Рогинским и в дальнейшем использовалось Л.А. Рудкевичем для построения четырехкоординатной схемы конституции человека. Установлено, что высокоювенильные дети и подростки характеризуются низким уровнем агрессивности, авторитарности, меньше стремятся к лидерству, их невербальный интеллект выше, чем у сверстников (Каменская В.Г., Рудкевич Л.А., 1999, с. 67–73). Важно заметить, что в литературе нет сведений, касающихся психофизиологических особенностей, а именно, свойств произвольного внимания испытуемых, в том числе студентов с разной степенью ювенильности и их работоспособности. Таким образом, цель нашего исследования: дать дифференциальную оценку свойств произвольного внимания и работоспособности студентов 18–23 лет с разной степенью ювенильности.

Методы исследования. Количество испытуемых составило 54 студентки Института детства РГПУ им. А.И. Герцена в возрасте 18–23 лет.

1. Экспресс-методика определения степени ювенильности представляет собой измерение сагитальной окружности головы с помощью сантиметровой ленты. С целью определения уровня физического развития проводились измерения роста и веса с последующим вычислением индекса Кетле. Для оценки состояния адаптационного ресурса применялась функциональная проба Штанге. Для определения уровня невербального интеллекта использовались прогрессивные матрицы Дж. Равена (30 матриц).

2. Для изучения свойств произвольного внимания, утомляемости и работоспособности использовалась компьютерная программа «Радуга», разработанная Каменской В.Г., Томановым Л.В., Пятигорским А.Г. Программа позволяет тестировать число ошибок и время поиска прямоугольников с заданными числовыми и цветовыми параметрами в тестовой таблице размером 7x7 ячеек. Испытуемому предлагалось наводить курсор мышки на прямоугольники с последовательными номерами от единицы до максимального, каждый раз на единицу большими и совпадающими по цвету с панелью «Цвет». После каждого нажатия на «правильный» прямоугольник таблица прямоугольников изменялась случайным и непредсказуемым для испытуемых образом. Тест проводился в 2 сериях до и после выполнения когнитивного задания в виде анкеты с 42 вопросами, касающимися личностной самооценки испытуемого и его мотивации прохождения тестирования.

3. Определение уровня нервно-психического благополучия проводилось с помощью 8-цветового теста М. Люшера. Статистическая достоверность ($p \leq 0,05$) определялась с использованием вычисления t-критерия Стьюдента и U-критерия Манна – Уитни.

Результаты исследования. Установлено, что значения сагитальной окружности головы в выборке колеблется от 35–41 см, что позволило разделить всех обследуемых на 3 группы: 1 гр. – низкоювенильных, которые формировали контрольную группу ($n=10$), 2 гр. – среднеювенильных ($n=30$) и 3 гр. – высокоювенильных ($n=14$). Значения сагитальной окружности головы достоверно различаются при сравнении выделенных групп студентов. Уровни развития невербального интеллекта у студентов всех трех групп не

имеют достоверных отличий. Достоверно значимых отличий в средние групповых показателях пробы Штанге не выявлено. Показатели индекса Кетле также не имеют достоверных отличий в исследуемых группах, однако наблюдается тенденция к уменьшению данного индекса в 3-ей группе испытуемых относительно 1-ой и 2-ой групп.

Результаты, полученные с использованием компьютерной программы «Радуга», свидетельствуют о том, что в первой серии теста среднее значение времени, затраченного на его выполнение, достоверно меньше во 2-ой и 3-ей группах студентов, по сравнению с 1-ой, контрольной. Во второй серии теста, после когнитивной нагрузки, среднее время выполнения теста достоверно меньше во 2-ой группе студентов относительно контрольной группы. Во 2-ой группе студентов среднее время выполнения теста во второй серии сокращается по сравнению с первой, и эти отличия достигают достоверного уровня значимости ($p=0,01$), чего не наблюдается в 1-ой и 3-ей группе. Интересно, что значения субъективно воспринимаемого времени, затраченного на выполнение задания, выше, чем реального затраченного времени во всех группах.

Установлено, что число ошибочных нажатий у студентов 2-ой группы в обеих сериях и в первой серии у студентов 3-ей группы существенно ниже в сравнении с группой испытуемых 1-ой группы в соответствующих сериях.

В 1-ой и во 2-ой группах обследуемых наблюдается общая тенденция к некоторому уменьшению числа допущенных ошибочных нажатий после когнитивной нагрузки, в отличие от испытуемых 3-ей группы, у которых количество ошибок в первой и второй серии теста не изменялось.

В первой серии теста 3-я группа студентов тратит достоверно меньше времени на ошибочные нажатия, чем студенты 1-ой группы. В 2-ой группе студентов наблюдается существенное сокращение времени ошибочных нажатий во второй серии. Важно отметить, что в 1-ой и 3-ей группах студентов в первой и второй сериях теста наблюдается противоположные тенденции: у испытуемых 1-ой группы наблюдается уменьшение среднего времени ошибочных нажатий, а у испытуемых 3 группы – увеличение.

Нами был также проанализирован показатель, позволяющий определить локализацию ошибки в ходе выполнения теста на оси времени. Было подсчитано количество испытуемых в процентах, допустивших ошибочные нажатия в первой, второй части и равномерно в обеих частях теста до и после когнитивной нагрузки. Показано, что в 1 серии самый высокий процент испытуемых, допускающих ошибочные нажатия в обеих частях теста, отмечается в 1-ой группе студентов. Во 2-ой группе студентов в 1 серии количество испытуемых, допускающих ошибки в первой и во второй части, одинаково, а также больше, количества обследуемых, допускающих ошибки равномерно в обеих частях. У студентов 3-ей группы как в 1, так и во 2 сериях наблюдается увеличение количества ошибок во второй части теста после когнитивной нагрузки. Однако самый высокий процент обследуемых 3-ей группы допускает ошибки в обеих частях теста 1 серии, а во 2 серии – максимум ошибающихся испытуемых наблюдается во второй части. Во 2 серии процент испытуемых 3 группы, допускающих ошибки в обеих частях, снижается. Студенты 3-ей группы в 1 серии и в первой части теста не допустили ни одной ошибки, однако уже во второй части 1 серии и в целом во 2-ой серии процент испытуемых, допустивших ошибочные нажатия, увеличился.

С помощью методики М. Люшера были проанализированы два основных показателя: среднее суммарное отклонение от аутогенной нормы (СО) и вегетативный коэффициент (ВК). Достоверных отличий по параметру СО получить не удалось. Имеющиеся тенденции свидетельствуют о том, что среднее значение СО в начале тестирования по методике «Радуга» выше у исследуемых 2-ой и 3-ей группах, чем у 1-ой. Напротив, в конце тестирования СО в 2-ой и 3-ей группах стал ниже, чем в 1-ой. Вегетативный коэффициент после окончания теста в группе студентов в 2-ой и 3-ей группе достоверно выше, чем в 1-ой.

Выводы.

1. В первой серии теста высокоювенильные и среднеювенильные испытуемые быстрее выполняют тест, чем низкоювенильные, во второй серии — быстрее выполняют тест только студенты со средней степенью ювенильности.

2. Число ошибочных нажатий до когнитивной нагрузки у студентов с высокой и средней степенью ювенильности ниже в сравнении с низкоювенильными студентами, однако, во второй серии достоверно значимые отличия, сохраняющие вышеописанную тенденцию, наблюдаются только в группе среднеювенильных студентов.

3. Высокоювенильные испытуемые тратят меньше времени на ошибочные нажатия и быстрее находят правильный ответ до когнитивной нагрузки, в отличие от средне- и низкоювенильных студентов. Однако во второй серии такой картины уже не наблюдается, что может свидетельствовать о развивающемся утомлении, снижении работоспособности и произвольного внимания у высокоювенильных испытуемых.

4. У среднеювенильных студентов наблюдается сокращение времени ошибочных нажатий во 2-серии теста, что свидетельствует о процессе обучения в ходе выполнения теста, более высокой работоспособности и более длительном удержании произвольного внимания.

5. Анализ локализации ошибок на временной оси выполнения теста показал, что студенты с высокой степенью ювенильности до когнитивной нагрузки в первой части теста не допустили ни одной ошибки, что служит доказательством высокой концентрации произвольного внимания в начале выполнения теста. Увеличение количества испытуемых, допустивших ошибочные нажатия, во второй части 1 серии и первой и второй части 2 серии говорит о трудностях в удержании произвольного внимания и снижении работоспособности у высокоювенильных обследуемых.

6. Показатели СО свидетельствуют о среднем уровне непродуктивной нервно-психической напряженности у всех испытуемых. Значение ВК в начале тестирования было оптимальным для успешного выполнения во всех группах обследуемых. После когнитивной нагрузки значения ВК у среднеювенильных и особенно у высокоювенильных студентов увеличились (ВК больше 1,5), что свидетельствует о наличии у испытуемых избыточного сковывающего напряжения.

Анализ интенсивности и ориентации зрительного стимула и взаимодействия этих атрибутов в наружном коленчатом теле кролика по данным вызванных потенциалов

В.Б. Полянский, Д.Э. Алымкулов, Д.В. Евтихин, Е.Н. Соколов (Москва)

(Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 07-04-00259а).)

Целью нашего исследования было изучение анализа различных атрибутов зрительного стимула: интенсивности и ориентации, а также их взаимодействия в зрительной системе животных (кролика).

Ранее мы исследовали вызванные потенциалы (ВП) и ответы нейронов зрительной коры кролика на замену световых стимулов (белые линии 6 x 20 град. на черном фоне) восьми ориентаций (0–90 град.) при постоянной интенсивности линий 15 кд/м². Анализировалась амплитуда пика N85 ЗВП и ранний фазический ответ нейрона зрительной коры (50–90 мс от момента замены стимулов). Реконструированное сенсорное сферическое пространство оказалось двумерным, с двумя осями — вертикали и горизонтали (Полянский В.Б. с соавт., 2010, с. 14–26; 2008, с. 688–699). У 17% нейронов коры выявлены двумерные пространства, как ориентации, так и интенсивности (при постоянной ориентации стимула).

При заменах комплексных стимулов «интенсивность + ориентация» 4 стимула с меньшими углами наклона относительно вертикали (0–38.58 град.) имели интенсивность 5 кд/м², другие 4 (со значениями углов наклона 51.44–90 град.) — интенсивность 15 кд/м². Факторный анализ выявил двумерное сенсорное пространство. Две группы стимулов с разной интенсивностью находились в противоположных квадрантах окружности, а непосредственно внутри самих групп стимулы располагались от меньших угловых значений — к большим. Такая структура пространства была выявлена у 12% нейронов зрительной коры. Предполагается, что здесь, на одной и той же плоскости сенсорного пространства наблюдается взаимодействие атрибутов ориентации и интенсивности зрительного стимула с явным преобладанием фактора интенсивности (Полянский В.Б. с соавт., 2010, с. 14–26; 2008, с. 688–699).

Задачей настоящего исследования было изучение релейного подкоркового центра зрительной системы — наружного коленчатого тела (НКТ) при той же схеме подачи стимулов, что и в предыдущей работе на коре. Отличается ли анализ разных атрибутов зрительного стимула в НКТ от аналогичного анализа в зрительной коре?

Сначала производились замены линий разных ориентаций (0–90 град.) при постоянной интенсивности линии 15 кд/м². После получения обобщенной матрицы амплитуд пиков ВП шести опытов, высчитывалась матрица корреляций. На ее основе с помощью факторного анализа удалось выделить 2 фактора с общей накопленной экспериментальной дисперсией 94%. После этого было реконструировано сенсорное двумерное пространство ориентаций. Стимулы с разными значениями ориентаций располагаются строго в пределах полуокружности и следуют друг за другом согласно своим угловым значениям — от меньших значений — к большим.

Таким образом, можно сделать вывод, что в условиях одной и той же постоянной интенсивности в НКТ происходит оценка зрительных стимулов по разнице в их ориентации, что согласуется с данными других авторов (Подвигин Н.Ф. с соавт., 2007, с. 487–493).

Совсем другую и неожиданную картину мы получили при заменах комплексных стимулов «интенсивность + ориентация» (одна группа из 4-х стимулов с ориентациями 0–38.58 град. и с интенсивностью 5 кд/м²; другая группа ориентаций 51.44–90 град. и с интенсивностью 15 кд/м²). По усредненным данным 11 опытов после факторного анализа была сделана попытка построить сенсорное сферическое пространство комплексов «интенсивность+ориентация». Самый неожиданный факт состоит в том, что факторный анализ выявляет лишь один фактор с общей накопленной дисперсией 99%. Группы стимулов с разной ориентацией располагаются по краям оси первого фактора. Стимулы с разной ориентацией на плоскости «слипаются» в две очень плотные группы, а сами значения ориентаций располагаются не по порядку их возрастания, а хаотично. Таким образом, здесь наличествует только фактор, связанный, по нашему мнению, с интенсивностью стимула, а другие факторы (в данном случае ориентация стимула) депрессированы, подавлены.

Кролик по своей экологии является сумеречным животным (Jacobs G.H., 1993, р. 413–471) и для него наиважнейшим свойством является интенсивность, как окружения, так и стимула. Это согласуется с данными литературы (Tucker T.K., Fitzpatrick D., 2006, р. 13537–13547), где говорится о том, что подача интенсивности тормозит проявление других атрибутов зрительного стимула. В наших предыдущих опытах с ответами нейронов НКТ на замены стимулов разных интенсивностей показано, что 86% нейронов имеют двумерное сенсорное ахроматическое пространство, т. е. подавляющее большинство клеток НКТ настроены на различение именно интенсивности стимулов (Полянский В.Б. с соавт., 2006, с. 75–85).

Таким образом, гипотеза о векторном кодировании сенсорной информации в мозге, первоначально предложенная Е.Н. Соколовым (2003) по итогам исследований на человеке (словесные отчеты, ранжирование, анализ вызванных потенциалов), под-

тверждается в поведенческих (Соколов Е.Н., 2003) и нейрофизиологических (Полянский В.Б. с соавт., 2010, с. 14–26; 2008, с. 688–699; 2006, с. 75–85) опытах на животных.

Связь параметра «ювенильность» с психологическими признаками человека

Л.А. Рудкевич (Санкт-Петербург)

В 1926 г. голландский антрополог Лео Больк выступил с теорией фетализации (fetalization theory) (Volk, 1926), теории, названной А.Н. Северцовым (1967) обратной эпифобией или *ювенилизацией*. К вопросу о связи строения черепа с психикой человека еще в конце XIX века подошел Ч. Ломброзо (1835–1909): на основе антропологических измерений он пришел к заключению о существовании «атавистического типа», обладающего особыми физическими и психологическими чертами (Lombroso, 1896–1897). В филогенезе человека происходит *ювенилизация* – ослабление или редукция лицевого черепа (спланхнокрана) с одновременным усилением мозгового черепа (нейрокрана). С процессом ювенилизации сопряжена тенденция увеличения массы мозга, которая, в свою очередь, сопровождается увеличением интеллекта (Henneberg, Budnik, Pezacka, Puch, 1985, Seidler, Timischl, 1986; Куликов, 1988). Процесс ювенилизации, начавшийся на самых ранних этапах эволюции *Homo sapiens*, продолжается и в наши дни: многие авторы (Andrik, 1986; Bruzek et al., 1988; Brajczewski, 1990) отмечают увеличение размеров мозгового черепа у детей за последние 25 лет. Английские анатомы А. Миллер и Дж. Корселлис (Miller, Corsellis, 1977) установили, что ежегодный прирост массы мозга (из поколения в поколение) составляет 0,66 граммов.

С целью установления взаимосвязей формы черепа, особенностей архитектоники коры больших полушарий и психологических признаков, мы провели исследование на 2000 испытуемых, которое включало в себя следующие *методики*: ювенильность определяли при помощи 10 кефалометрических (головных) замеров, а также визуально (кефалоскопически), масса мозга испытуемых определялась по формуле К. Пирсона (Pearson, 1926); соотношение спланхнокрана (лицевого черепа) и нейрокрана (мозгового черепа) определялось по томограммам в боковой плоскости, соотношение площадей спланхно- и нейрокрана и их периметров оценивались при помощи специальной методики компьютерной обработки Л.А. Рудкевича, по этой же методике производилась оценка соотношения площадей и периметров лобных и теменно-затылочных долей коры больших полушарий (на боковых и переднее-задних томографических срезах). В работе также были использованы различные психологические методики.

На томографическом материале была показана статистически значимая корреляция соотношения лицевой и мозговой части черепа с архитектурой коры больших полушарий переднего мозга: у людей *ювенильных* периметр и площадь *лобных долей* (на боковых и переднее-задних срезах) была существенно большей, чем у неювенильных.

Из отдельных замеров, наиболее полно отражающих емкость черепа, антропологи используют показатель «наибольший обхват головы», называемый также «сагиттальный обхват» или «сагиттальная окружность головы». Средний показатель по этому замеру в выборке детей и подростков, родившихся в 1995–2004 г. составил 40,5 см для мальчиков и 39,0 для девочек, тогда как в выборке детей и подростков, родившихся в 1988–85 г. он оказался значимо более низким – 39,5 для мальчиков и 38,0 для девочек.

Особый интерес представляет оценка ювенильности по данным *одонтоглифики*. В случае редукции лицевого черепа в процессе ювенилизации происходит сокращение длины альвеолярного отростка нижней и верхней челюстей, вследствие чего происходит искривление коронок зубов. Выраженная связь ювенильности с искривлением зубов была обнаружена во всей выборке (за исключением выборки дошкольников и младших школьников, у которых еще не сформировалось дефинитивного строения зубов).

Масса головного мозга также оказалась связанной с параметром «ювенильность»: у ювенильных она оказалась на 35% выше, чем у неювенильных.

Как психологов нас прежде всего интересуют связи параметра «ювенильность» с психофизиологическими и психологическими признаками. Ювенильные люди существенно лучше выполняли тесты на *слуховую память, внимание, скорость реакции на звук*. Показатели *скорость двигательной реакции* руки, отражающие силу нервной системы у ювенильных людей были ниже. Исследование *степени автоматизации и контроля действий*, отражающее такие сенсомоторные параметры, как гибкость или узость когнитивного стиля выявили прямую связь с параметром «ювенильность», также более ювенильные люди лучше справляются с задачей вычленение фигуры из усложненного фона и являются в большей мере *полинезависимыми*.

В изучении *невербального интеллекта* была получена очень сильная прямая зависимость этого признака с ювенильностью, по показателям *вербального интеллекта* также была получена такая же зависимость, но не столь значимая. Можно полагать, что показатель *успеваемости* в школе в той же мере отражает интеллектуальные способности школьника, как специальные тесты; показатели академической успеваемости школьников всех классов оказались существенно выше у ювенильных школьников. По показателям *креативности* ювенильные люди также существенно превосходили неювенильных. Мы полагаем, что способность к творчеству является довольно поздним эволюционным приобретением и, как полагает Д. Моррис (2009), это качество можно рассматривать как проекцию ювенильных черт на психику взрослого человека.

Исследование связи ювенильности с параметрами *«импульсивность/рефлексивность»* показало, что более ювенильные люди были более рефлексивными, т. е. они склонны к более точному и медленному, безошибочному принятию решений. Ювенильные лица оказались более интравертированными, менее доминантными и более послушными, более доверчивыми, открытыми, благожелательными по отношению к людям, терпимыми и уживчивыми, но более вялыми, спокойными, ленивыми и невозмутимыми, также они оказались менее общительными и излишне строгими в оценке людей и холодными по отношению к окружающим, более нетерпеливыми (склонными к принятию быстрых, часто необдуманных решений), но в то же время безмятежными, хладнокровными, склонными к депрессии, ранимыми, впечатлительными. Ювенильные люди также менее *агрессивны* и более устойчивы к фрустрационным ситуациям. Исследование связи параметра «ювенильность» с цветовыми предпочтениями (тест М. Люшера) выявило существенную зависимость: ювенильные люди значительно чаще выбирают дополнительные «негативные» цвета, что указывает на их более пессимистическую ориентацию.

Нейронное обеспечение поведения и история его формирования: нейрогенетический подход

О.Е. Сварник (Москва)

(Исследование поддержано грантом РФФИ №09-06-12037 офи_м.)

Формирование нового поведения означает на нейронном уровне появление системы нейронов, импульсная активность которых связана со вновь появившимся актом. На молекулярном уровне поведенческая специализация, возможно, означает формирование метаболической специализации нейрона, соответствующей положению нейрона и его связям в пределах всей нервной системы (Швырков, 1988). Есть основания предполагать, что экспрессия ранних генов, являясь первым событием каскада изменений экспрессии генов при научении, может быть связана с самым первым этапом научения, который описывается как рассогласование (Александров, 2004) или новизна (Анохин, 1997), и является основанием для выбора нейронов в систему нового пове-

дения. Полученные результаты показывают, что изменениям по экспрессии генов при научении подвергаются нейроны, вовлеченные в системы уже существующего опыта.

История обучения как фактор, влияющий на нейронное обеспечение поведения

А.А. Созинов, Ю.В. Гринченко, С.А. Казымаев (Москва)

(Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 09-06-12037офи-м; а также РГНФ, грант 07-06-00450а.)

В системной психофизиологии (Александров, 2004) на основе теории функциональных систем П.К. Анохина (1968) в рамках системно-эволюционного подхода к изучению психики В.Б. Швыркова (1995) сформулировано представление о системной структуре индивидуального опыта. Согласно этому представлению, память структурирована по принципу дифференциации результатов взаимодействия организма со средой, а поведение является непрерывной последовательностью актов, направленных на достижение этих результатов. Элементами структуры являются системы, которые составляют индивидуальный опыт и, с одной стороны, фиксируют результат (являются его моделью), а с другой – обеспечивают его достижение. Следовательная структура индивидуального опыта позволяет описать индивида «изнутри» (Alexandrov, 2008), на языке его мотивации (Швырков, 1983).

Содержание структуры индивидуального опыта оценивается посредством системной специализации нейронов (Швырков, 1983). Она определяется с помощью регистрации спайков одиночных нейронов головного мозга животных при реализации поведения и выявления специализации нейронов относительно акта (или актов) поведения. Континуум поведения разбивается на акты моментами, которые связаны с достижением результата. Предполагается, что спайковая активность нейрона, специализированного относительно акта поведения, также связана с достижением результата, т. е. организована процессами в соответствующей системе.

При осуществлении поведенческого акта происходит актуализация совокупности систем, сформированных на разных этапах развития организма (Швырков, 1995; Александров, 2004). Иными словами, новая система, сформированная при научении, добавляется к ранее существующим. Так, в экспериментах с многоэтапным обучением животных выявляются нейроны различных областей мозга, специализированные не только относительно актов, которые позволяют достичь результата в настоящий момент, но и актов, которые позволяли достичь результата при обучении на одном из промежуточных этапов (см. Горкин, Шевченко, 1995; Alexandrov et al., 2001). Таким образом, в системной структуре индивидуального опыта отражается история его формирования.

Наша работа направлена на изучение связи между историей формирования поведения и составом систем, обеспечивающих это поведение. Для реализации этой цели мы сопоставили наборы нейронов, специализированных относительно систем поведенческих актов, с особенностями многоэтапного обучения индивидов: временем между окончанием обучения одному способу поведения и началом обучения второму (см. Sozinov et al., 2008); последовательностью формирования поведенческих актов, служащих промежуточными этапами обучения. Регистрацию активности одиночных нейронов проводили в задней цингулярной области коры головного мозга кроликов в ходе выполнения циклического инструментального пищедобывательного поведения. Выбор этой области мозга связан с ее ролью в обеспечении инструментального поведения кроликов (например, Gabriel et al., 1991) и относительно большой по сравнению с другими областями долей нейронов, специализированных относительно актов поведения, сформированных при обучении в эксперименте (см. Горкин, Шевченко, 1995; Alexandrov et al., 2001).

В докладе будут представлены результаты этой работы и обсуждены ее возможные следствия для формулировки задач прикладных педагогических исследований.

Условия влияния дневного сна на декларативную память

Ю.В. Украинцева, В.Б. Дорохов (Москва)

(Работа поддержана грантами: РГНФ № 08-06-00412а; ОБН РАН.)

Есть данные о положительном влиянии медленноволнового сна на консолидацию декларативной памяти, но они, как правило, получены в ночных исследованиях, когда контрольная группа подвергалась депривации сна, что не могло не отразиться на ее самочувствии и работоспособности. С этой точки зрения дневной сон является более удобной экспериментальной моделью, поскольку позволяет избежать депривации сна у контрольной группы; и кроме того, в отличие от ночного, он более однороден, так как обычно включает только медленноволновой сон, без парадоксальной фазы.

С целью изучения влияния дневного сна, включающего только медленноволновую фазу, на консолидацию декларативной памяти, мы провели экспериментальное исследование. Каждый испытуемый участвовал в двух экспериментах: в основном и в контрольном. В начале каждого эксперимента давалось задание на запоминание, требующее участия декларативной памяти, в конце эксперимента (через 4,5 часов после обучения) оценивалась прочность запоминания информации. В основном эксперименте испытуемого после обучения на один час укладывали спать. Контрольный эксперимент отличался от основного только отсутствием дневного сна, вместо него испытуемый смотрел видеофильмы. Задание на запоминание состояло в заучивании 60 семантически несвязанных пар слов, причем 30 из них предъявлялись для заучивания один раз и 30 – два раза. Для определения глубины сна регистрировали полисомнограмму (ЭЭГ, ЭОГ и ЭМГ). Стадии сна определяли по стандартным критериям слепым методом по отношению к результатам выполнения тестов. Для оценки функционального состояния испытуемых на обучающей и тестирующей стадии каждого эксперимента определялось время простой сенсомоторной реакции, и предъявлялся опросник САН (самочувствие, активность, настроение).

Во время дневного сна у всех испытуемых регистрировался поверхностный сон (первая и вторая стадии), у 10 человек отмечались также глубокие стадии сна – третья и даже четвертая.

Динамика времени простой сенсомоторной реакции и субъективных оценок самочувствия, активности и настроения в экспериментах со сном и без сна была сходной, и значимые различия между двумя типами экспериментов выявлены не были.

Анализ правильно воспроизведенных пар слов показал, что дневной сон положительно влияет на воспроизведение слабо заученного вербального материала. На воспроизведение двукратно заученных пар слов наличие сна в интервале между обучением и тестированием не оказывало воздействия.

Можно предположить, что позитивное влияние дневного сна на воспроизведение слабых следов декларативной памяти связано в первую очередь с отсутствием интерференции заученного материала с внешними стимулами во время сна. Не исключено также и «активное» участие сна в запоминании, связанное с реактивацией нейронных ансамблей, активных при предшествовавшем обучении, т. е. с повторным проигрыванием информации, полученной наяву. Возможно, в данном эксперименте этот повтор был критичен для слов, которые при обучении предъявлялись один раз, а дважды заученные слова уже в нем не нуждались.

СЕКЦИЯ «ОСЦИЛЛЯТОРНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЗГА И КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ» В РАМКАХ НАПРАВЛЕНИЯ «ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ»

Роль пейсмекерных осцилляций в формировании реакции последействия

Т.Н. Греченко (Москва)

(Работа поддержана грантами РГНФ №08-06-00250а, №09-06-00652а, РФФИ №09-06-00366, НШ-602.2008.)

Генез электроэнцефалограммы (ЭЭГ) остается белым пятном электрофизиологии. Многие исследования показывают, что наиболее существенный вклад в генерацию основных ритмов ЭЭГ вносят структуры, нервные клетки которых имеют выраженную осцилляторную активность (Данилова Н.Н., 2006, с. 62–72; Leznik E., Linas R.J., 2005, p. 2447). Функции пейсмекерной активности разнообразны и ее включение может вызываться разными причинами. Активное состояние пейсмекера может сохраняться в течение многих часов – например, показано что поляризация областей мозга или отдельных нервных элементов в течение не-нескольких секунд анодным током после выключения стимула приводит к эффекту последействия. Оно выражено повышением или понижением фоновой активности нейронов, сохраняющимся в течение длительного времени — от нескольких минут до нескольких часов (Gartside I.B., 1968, p. 383). Для объяснения наблюдаемого феномена привлекают идею о реверберации импульсов по замкнутым цепям. Но можно доказать, что в основе последействия лежит активация пейсмекерного механизма — в опытах на полностью изолированных нейронах моллюска в аналогичной ситуации происходила активация пейсмекерного механизма. Так, для некоторых нейронов запуск длительно сохраняющейся пейсмекерной активности оказался возможным при действии одиночных или ритмичных де- или гиперполяризационных импульсов электрического тока. Существенным оказывается как количество предъявленных импульсов, так и их длительность, сила и частота. Если параметры оказались удачными, то пейсмекерная активность может сохраняться в течение нескольких минут и даже многих часов.

Включение пейсмекерных потенциалов зависит от состояния эндогенного осциллятора, которое определяется соотношением кальциевых и натриевых каналов на соматической мембране. Опыты показали, что актуализация пейсмекерной активности связана с наличием ионов кальция в околоклеточной среде, но отсутствие или снижение содержания ионов натрия значительно повышает порог запуска пейсмекерных осцилляций.

Частотно-селективные генераторы осцилляторной активности мозга как механизм управления процессами внимания

Н.Н. Данилова (Москва)

(Исследование поддержано грантом РГНФ проект № 10-06-481а.)

Раскрытие механизмов процессов обработки информации — одно из центральных проблем психологии. Роль ЭЭГ в изучении мозговых механизмов когнитивных процессов значительно продвинулась с разработкой метода потенциалов, связанных с событиями (ПСС). Однако гетерогенная природа компонентов ПСС ограничивает возможности данного метода. Значительно больший прогресс в этом направлении достигнут с созданием новых технологий, таких как позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ) и функциональная магнитно-резонансная томография (МРТ). Они показали, что процесс обработки информации носит распределенный характер, протекает параллельно в пространственно удаленных зонах мозга, и что любой вид когнитивной

деятельности может быть представлен в виде системы очагов активности, распределенных по структурам мозга, отражающих их включение в совместную деятельность. Однако из-за низкого временного разрешения методы фМРТ и ПЭТ не могут исследовать динамику мозговых процессов, как в пределах отдельного активированного локуса, так и быстро меняющееся взаимодействие между различными очагами активности в мозге. Многие экспериментальные данные указывают на высокую скорость и сегментированность психических процессов. Поэтому актуальность приобретает задача разработки неинвазивного метода – эквивалента томографическим методам, позволяющего по данным многоканальной записи электроэнцефалограммы с высоким временным разрешением отображать очаги локальной мозговой активности в объеме целого мозга и тем самым исследовать мозговую структуру и динамику психических процессов. Для изучения временной динамики психических процессов и их мозговой локализации с высоким временным разрешением разработан метод микроструктурного анализа осцилляторной активности мозга (МАО), базирующийся на пейсмекерной гипотезе происхождения высокочастотных ритмов ЭЭГ. Пейсмекерная гипотеза ритмогенеза отвечает базовым характеристикам нейронов. Современные экспериментальные данные свидетельствуют, что все биологические клетки от нейронов до одноклеточных организмов обладают способностью к генерации эндогенной волновой активности. Сегодня нейрон рассматривают как активно и динамично работающую часть машины – мощной вычислительной системы (Buzsaki, 2006). Каждый нейрон состоит из множества потенциальных эндогенных генераторов, чьи характеристики обусловлены свойствами различных ионных каналов и плотностью их распределения по его мембране. Каждый нейрон может выполнять свои осцилляторные функции множеством способов. Осцилляторные свойства нейронов находятся под тормозным контролем нейронной сети. Однако существует группа нейронов – пейсмекеров, специализирующихся на генерации волновой ритмической активности и ее использовании для управления активностью других элементов нейронных сетей. Нейроны с пейсмекерными свойствами широко представлены в самых различных структурах мозга и включены в различные психические функции. Они выявлены в неокортексе, таламусе, гиппокампе, мозжечке, нижней оливе и других структурах мозга. Пейсмекерные нейроны обладают важными свойствами. Они способны к изменению частоты генерируемых потенциалов, к переводу локальных нейронных сетей из состояния покоя в режим активации, к коллективной синхронизации своей активности во времени и пространстве. На входной сигнал они реагируют перезапуском (reset) – смещением фазы осцилляций, что расширяет их возможности в управлении. Рассмотренные выше свойства пейсмекерных нейронов находят свое отображение в электрической активности мозга, которую мы регистрируем в виде ЭЭГ.

Метод микроструктурного анализа осцилляторной активности мозга использует данные многоканальной ЭЭГ для вычисления эквивалентных токовых диполей (модель подвижных диполей) для узкополосных частотных составляющих, извлекаемых частотной фильтрацией с шагом в 1 Гц из потенциалов, связанных с событиями (ПСС). По полученным координатам эквивалентные диполи накладываются на структурные томографические магнитно-резонансные срезы индивидуального мозга. Сумма полученных диполей для выбранного кванта времени и частотного диапазона используется в качестве меры осцилляторной активности мозга (Данилова, Быкова, 2003).

Метод МАО по данным многоканальной ЭЭГ выявляет частотно-селективные генераторы, отображающие активность пейсмекерных нейронов в локальных нейронных сетях (Данилова, 2009). Локальные нейронные сети работающего мозга типично синхронизируются на частотах гамма и бета осцилляций, генерируемых пейсмекерными механизмами нейронов. Частота осцилляций частотно-селективных генераторов адекватно объясняется специфическими частотами пейсмекерных нейронов, встроенных в ло-

кальные нейронные сети, а синхронизация активности частотно-селективных генераторов согласуется с механизмами локальной и дистантной синхронизации, описанными для пейсмекерных нейронов — эндогенных генераторов волновой активности мозга.

Методом МАО было исследовано влияние внимания на восприятия звукового стимула, предъявляемого с фиксированным интервалом в 1,5 секунды. Выполнялась серия с пассивным вниманием (индифферентная) и серия с активным вниманием (моторная), требующая выполнения моторной реакции на выключение звука. Показан дискретный характер активности частотно-селективных генераторов во времени и пространстве (Данилова, 2006). Выявлена независимость поведения частотно-селективных генераторов, различающихся частотой осцилляций в 1 Гц. Анализ мозговой локализации эквивалентных дипольных источников активированных частотно-селективных гамма генераторов показал, что при пассивном восприятии звуковых стимулов в составе сенсорного ответа на интервале 100 мс после стимула преимущественно активируется модально-специфическая часть височной доли, связанная с восприятием звука. В условиях целенаправленной деятельности (выполнение моторной реакции на звук) появляется дополнительная зона активности. Дипольные источники гамма генераторов возникают в префронтальной и передней цингулярной коре. Другая часть диполей частотно-селективных гамма генераторов продолжает сохраняться в модально-специфической коре. В условиях активного внимания суммарное число локализованных диполей на интервале сенсорного ответа (100 мс после включения стимула) увеличивается. Совместная активация фронтальной системы мозга с модально-специфической корой, возникающей в условиях активного внимания, обеспечивается одновременной активацией частотно-селективных гамма генераторов, работающих на общей частоте и имеющих одинаковую фазовую привязку к стимулу. Таким образом, частотно-селективные гамма генераторы вовлекают в совместную деятельность пространственно удаленные нейронные сети через появление в них когерентных гамма колебаний. При этом активность во фронтальных зонах мозга возникает раньше, чем в модально-специфической коре, что указывает на лидирующую роль фронтальной коры в контроле процессов модально-специфической коры. Сам факт активации фронтальных отделов мозга на интервале 100 мс после стимула свидетельствует о том, что уже в составе сенсорного ответа происходит слияние двух потоков информации: top-down и bottom-up. Префронтальную и переднюю поясную кору описывают как систему исполнительного или целенаправленного внимания. Их активность требуется как для выполнения инструкции, так и для процессов саморегуляции и контроля.

Сопоставление локализаций диполей частотно-селективных гамма генераторов во временном окне на интервале 100 мс перед звуковым стимулом и во время сенсорного ответа — 100 мс после стимула показало их хорошее совпадение. Ожидание стимула активирует те же частотно-селективные гамма генераторы и с той же локализацией в мозге, как и сам стимул. Два очага активности, характерные для сенсорного ответа (во фронтальных отделах мозга и височной коре) возникают еще до предъявления стимула, на стадии его ожидания. Диполи во время антиципации и сенсорного ответа обнаруживают большое сходство по координатам. Это позволяет утверждать, что реакция антиципации не только управляет вниманием к стимулу по типу условного рефлекса, но также формирует образ самого стимула, что облегчает и ускоряет процесс опознавания самого стимула.

Картирование активности частотно-селективных гамма генераторов с изолиниями, которые показывают разные значения КД, выявило циклический характер взаимодействия двух структур мозга. Процесс интеграции локальных нейронных сетей в систему характеризуется циклической модуляцией возбуждения гамма генераторов, работающих в этих структурах на общей частоте. При этом возбуждение гамма генераторов в префронтальной коре опережает его возбуждение в модально-специфической

коре. Данный цикл – движение активности от префронтальной коры к модально-специфической и обратно в течение 100 мс после стимула повторяется несколько раз. Сходство реакции антиципации и сенсорного ответа выявлено и по циклической модуляции возбуждения активированных гамма генераторов в двух структурах мозга.

Полученные экспериментальные данные не противоречат гипотезе о пейсмекерном происхождении гамма ритма. И дают новые основания рассматривать частотно-селективные гамма генераторы как отображение активности пейсмекерных нейронов, реализующих универсальной форму активации локальных нейронных сетей, благодаря которой достигается выполнение их специализированных функций.

Механизмы локального пейсмекерного ритмогенеза и его роль в инициации произвольных движений

А.Г. Сухов, Л.А. Беличенко, А.К. Логвинов, Л.В. Лысенко, Т.С. Сердюк, М.В. Скорнякова (Ростов-на-Дону)

(Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 07-04-00424 и гранта Минобрнауки РФ № 2.1.1/1129.)

Ритмическая активность является фундаментальным свойством, характерным как для одноклеточных, так и многоклеточных организмов. Согласно мнению многих авторов фоновая ритмическая активность может выполнять важную роль в синхронизации нервных процессов, как на этапе восприятия информации при функциональном квантовании сенсорного потока (Гусельников, Супин, 1968; Гусельников, Изнак, 1983; Шульгина, 1978; Симонов, 1979; Данилова, 1985; Сухов, 1995), так и на этапе принятия решений в механизмах обработки информации мозгом и извлечения энграмм из памяти (Ливанов, 1967; Уолтер, 1969; Лебедев, 1992; Шевелев с соавт., 1985, 1995; Шульгина, 1990; Иваницкий, 1996) для управления двигательной активностью.

Доминирующую роль в фоновой активности играют ритмы альфа-диапазонов, преобладающие в спокойном и дремотном состоянии, и тета-диапазонов, усиливающиеся в активном состоянии при выработке рефлексов. Структурно-функциональная организация коры в форме нейронных колонок требует изучения механизмов восприятия, обработки и передачи информации в коре с учетом ее колончатого строения.

До настоящего времени для объяснения механизмов генерации веретенообразной альфа-частотной активности в коре мозга привлекаются гипотезы нейросетевой синаптической генерации корковых веретен за счет внешних таламических водителей ритма (Andersen, Eccles, 1962; Morison, Dempsey, 1942; Steriade, 1985, 2000; Буриков, 1985; Вербицкий, 1980; Гусельников, Супин, 1968; Сунцова, 2000). Однако признание этой гипотезы требует наличия строго определенной временной последовательности между первичным развитием залпов веретенообразной активности в релейных ядрах таламуса и последующим вторичным появлением ритмической активности в коре с постоянной временной задержкой, равной времени таламокортикального проведения, что, однако, наблюдается достаточно редко. Частое наличие веретенообразной активности, наблюдаемое нами в корковых колонках при отсутствии подобного ритма в таламусе, свидетельствует о возможности автономного внутрикоркового ритмогенеза в коре независимо от наличия веретенообразной активности в таламусе.

В связи с этим мы провели комплексное нейрофизиологическое, нейрохимическое, биофизическое, ультраструктурное, поведенческое и модельное исследование механизмов локального пейсмекерного ритмогенеза и его роли в инициации произвольных движений на примере системы вибрисс у крыс и моргательных движений у человека в разных функциональных состояниях: повышенной возбудимости с преобладанием тета-активности, состоянии спокойного бодрствования и дремоты с преобладанием альфа-частотной активности, чему и посвящено данное соображение.

В нейрофизиологических экспериментах с регистрацией фокальной и пуловой активности нейронов коры и таламуса одновременно 6-8 микроэлектродами нами получены данные, говорящие о возможности автономной генерации ритма в отдельных корковых колонках, независимо от таламуса, что отражается в показателях спектров когерентности и фазовых кроспектров, имеющих гораздо больший разброс между активностью коры и таламуса, в отличие от более высокой степени согласованности появления веретен на корковом или же таламическом уровне. Причем, в случае регистрации в коре фокальной веретенообразной активности одновременно нескольких соседних колонок можно было наблюдать определенные индивидуальные особенности ритмогенеза в каждой из колонок, отличные от ритмической активности в соседних, что также указывает на локальный автономный характер ритмогенеза в каждой из колонок, особенно расположенных в разных рядах.

В проведенных нами нейрохимических исследованиях влияния микроаппликации через добавочный микроэлектрод агонистов ацетилхолина карбахола и прозерина на функциональное состояние и фокальный ритмогенез нейронных колонок получен достаточно обширный экспериментальный материал, убедительно свидетельствующий о существенном усилении ритмичной осцилляторной активности вплоть до появления эпилептиформных разрядов под влиянием локальных микроаппликаций как карбахола, так и прозерина. После добавочной микроинъекции раствора атропина – блокатора М-холинорецепторов, или d-тубокурарина – блокатора Н-холинорецепторов наблюдалось закономерное подавление усиленной фокальной активности в регистрируемых корковых колонках, что свидетельствует об активном участии холинорецепторов в локальном ритмогенезе.

Биофизические исследования роли постоянного потенциала коры в формировании различных видов осцилляторной активности корковых колонок показали закономерный сдвиг постоянного потенциала в позитивную зону при развитии сонных веретен и в негативную зону при развитии эпилептиформной активности, что указывает на участие различных потенциал-зависимых ионных каналов в различных формах ритмогенеза. По нашим и литературным данным корковые веретена развиваются при гиперполяризации мембраны нейронов на 5–10 мВ, что и находит отражение в позитивном сдвиге постоянного потенциала коры, а положительные внутриверетенные волны связаны с циклической активацией пейсмекерных потенциал-зависимых калиевых каналов гиперполяризации, на выходе из которой происходит последовательная активация низкопороговых кальциевых и натриевых каналов.

Естественно, возникает вопрос, как осуществляется синхронизация пейсмекерной активности потенциал-зависимых каналов разных нейронов одной корковой колонки в условиях доминирования процессов гиперполяризации, особенно в начальной фазе веретена, когда импульсная активность фактически отсутствует? Ответ на этот вопрос дают ультраструктурные нейроморфологические исследования электрических синапсов, проведенные рядом авторов в различных структурах мозга и нами на нейронных колонках соматической коры крысы в зоне проекции вибрисс. По литературным данным, электрические синапсы, представляющие узкий щелевой контакт между мембранами дендритов соседних клеток, расположенных на расстоянии до 200–300 мкм друг от друга, способны к электротонической передаче потенциалов, в том числе и гиперполяризационных, между клетками, синхронизируя их осцилляторную активность. В наших ультраструктурных исследованиях электрические синапсы выявлены в достаточно большом количестве, составляя 2,8% от числа химических синапсов в инфрагранулярных слоях колонок, до 7% в четвертом слое и 4.1% в супрагранулярных слоях, что положительно коррелирует с литературными данными о послыном распределении потенциал-зависимых пейсмекерных Н-каналов гиперполяризации и хорошо объясняет столь высокую степень синхронизации веретенообразной активности, регистри-

руемой нами в пределах одной колонки, по сравнению с показателями синхронизации активности соседних колонок.

На основе собственных нейрофизиологических микроэлектродных исследований организации веретенообразной фокальной активности в нейронных колонках соматической коры крысы и литературных данных по свойствам потенциал-зависимых каналов, нами проведено моделирование механизма ритмогенеза в ансамбле нейронов, генерирующих пейсмекерную осцилляторную активность, синхронизация которой осуществляется за счет электротонических взаимодействий по электрическим синапсам между клетками одного ансамбля. Показано, что динамика поведения модели хорошо воспроизводит динамику основных токов через мембранные K^+ , Na^+ и Ca^{2+} ионные каналы и процессы электротонической синхронизации ритмической активности в ансамбле нейронов при наличии электрических синапсов между ними, продемонстрированных в ранее проведенных нейрофизиологических и ультраструктурных исследованиях.

Очевидно, что такой подход к пониманию механизмов локального внутрикоркового генеза веретенообразной активности – от свойств отдельных нейронов к свойствам нейронной сети, генетически обусловленной врожденной реакцией клеток на избыточную гиперполяризацию – существенно отличается от нейросетевой гипотезы Андерсена и Экклса, которые объясняли возникновение корковых веретен за счет внешнего таламокортикального водителя ритма и считали кору вedomой, вторично вовлекаемой в ритмогенез структурой мозга.

В поведенческих исследованиях роли ритмической фокальной активности колонок сенсорной и моторной коры крысы, специфических и неспецифических ядер таламуса в инициации самопроизвольных движений вибрисс было установлено существенное нарастание частотно-фазовой синхронизации ритмической активности этих структур мозга на интервале порядка 500–7000 мс до момента произвольного движения, причем момент движения совпадал с негативной волной фокального потенциала, отражающего рост возбудимости нейронов. При доминировании тета-ритма момент движения соответствовал максимальной негативности тета-волны и негативного премоторного потенциала, при доминировании веретенообразной активности момент движения обычно совпадал с завершением веретена, восстановлением негативного постоянного потенциала коры и возбудимости нейронных колонок.

Роль пейсмекерных механизмов в синхронизации активности и интеграции функционально различных сетевых локусов в искусственных кортикоморфных нейронных сетях

В.А. Филиппов (Тюмень)

В статье рассматриваются функции пейсмекеров в работе искусственных кортикоморфных нейросетей. Показано, что пейсмекеры играют важную роль как в сохранении информации в моделях неокортикальных колонок, так и в управляющих ядрах сети.

Искусственные кортикоморфные нейронные сети

В рамках проекта по созданию искусственной когнитивной системы, предназначенной для анализа семантики текста, нами разработан ряд сетевых архитектур на основе модели нейрона с многофазной консолидацией следа памяти «ТАСО-2005» (Александров Ю.И. с соавт., 2008, с. 512–527; Филиппов В.А., 2009, с. 202–205). Анализируемая сеть построена как ламинарная структура, состоящая из моделей неокортикальных колонок. В рамках каждой колонки обеспечивается запоминание текстовых объектов, их припоминание с учетом введенного ассоциативного основания (логика), самостоятельное ассоциирование, ветвление ассоциаций и другие функции. Колонки, расположенные правее, обрабатывают объекты большей размерности. В колонке присутствуют вертикальные связи подъема сигнала, горизонтальные связи передачи сигнала

на гомологичную вершину другого локуса сети и торможения негомологичных вершин, а также веера расходящихся диагональных связей, поддерживающих образование афферентно-инвариантных нейронов «моей бабушки» (АИН). Подобная организация сети имеет некоторые черты структурной организации коры мозга. Не претендуя на их идентичность живым сетям, мы сочли возможным назвать наши сети «кортикоморфными». Важным элементом таких сетей являются пейсмекеры.

Пейсмекерные механизмы синхронизации активности и интеграции функционально различных сетевых локусов

Какие же функции выполняют пейсмекерные механизмы в разработанных сетевых архитектурах? В целом — это функции поддержки режима непрерывной генерации потенциалов действия некоторыми нейронами сети, т. е. сохранения активности (сигнала) на необходимое число тактов работы или на весь период жизни сети. В представляемых сетевых архитектурах используются сетевые пейсмекеры как пара взаимно активирующих нейронов. Такая пара может быть заменена моделью одиночного пейсмекера, запускаемого и выключаемого извне. Необходимость в пейсмекерных механизмах возникает как в сетевых локусах, связанных непосредственно с хранением семантической информации, так и в управляющих ядрах сети, обеспечивающих синхронизацию активности и интеграцию функционально различных сетевых локусов. Рассмотрим коротко некоторые функции пейсмекеров в наших сетях обработки семантики текста.

Сетевые пейсмекеры регуляции формирования АИН. Используемые нами решения основываются на применении АИН, или так называемых «нейронов моей бабушки». На наш взгляд, это единственно возможное решение, позволяющее уйти в ассоциативных системах от системных ошибок вроде ошибки одновременного вызова правильного и неправильного ответа в результате появления при обучении проекции комбинации потенцированных связей на мишень от нейронов — членов разных последовательностей и др. Но использование такой технологии не позволяет изначально создать завершенную архитектуру сети в силу размерности задач, например, задачи обработки естественного языка. Чтобы решить проблему размерности и обеспечить эффективное использование ресурсов создаваемой сети, нами была разработана архитектура, при которой первоначально «свободные» нейроны из некоторого пула резерва захватываются путем потенциации входящих связей нейронами — вершинами объектов меньшей размерности. При такой архитектуре возникает необходимость либо в пейсмекерах, обслуживающих вновь сформированный АИН, либо в апоптозе управляющей нейронной развертки.

Сетевые пейсмекеры торможения вывода активности с АИН для дальнейшей обработки при поступлении знакомой и незнакомой информации. Выбранная технология формирования АИН приводит к частым случаям сочетания в текстовом вводе, получаемом сетью, как уже известных ей текстовых объектов, так и впервые предъявленных, для которых нужно сформировать АИН. Синхронизация скоростей этих процессов осуществляется с помощью пейсмекров.

Сетевые пейсмекеры обеспечения продолжающегося самостоятельного ассоциирования системы. Когда система получает неполный ввод информации, она вынуждена продолжить ассоциирование самостоятельно с помощью специального аппарата, управление которым осуществляют сетевые пейсмекеры.

Сетевые пейсмекеры обеспечения ветвления ассоциаций. В результате обучения в режиме самостоятельного ассоциирования сети нередко возникают случаи появления различных ветвей ассоциаций. Для управления ветвлением нами создан специальный сетевой аппарат на основе пейсмекеров.

Сетевые пейсмекеры в системе согласования работы ассоциативной и «моторной» зон связывают между собой работу функционально различных локусов сети, например, ассоциативных колонок формирования АИН вершин слова и «моторных» колонок, одновременно обучаемых выводу слова.

Как мы видим, работа разработанных нами кортикоморфных сетей обработки семантики текста была бы невозможна без использования пейсмекерных механизмов синхронизации активности и интеграции функционально различных сетевых локусов.

Ионные механизмы пейсмекерной активности нейронов

Л.К. Хлудова (Москва)

Дополнительный вклад в постсинаптическую пластичность вносит эндогенный латентный пейсмекерный механизм командных нейронов.

По нашим данным командные нейроны оборонительного поведения в составе изолированной нервной системы виноградной улитки имеют пейсмекерную активность, связанную с двумя видами проводимости мембраны натриевой и кальциевой.

Эти результаты были получены при последовательной замене окружающего препарата нормального физиологического раствора на безнатриевый раствор и раствор, содержащий 15 мМ хлорида кадмия, блокирующий кальциевую проводимость мембраны. В каждом растворе препарат инкубировали в течение 10–15 мин. после чего тестировали возбудимость командного нейрона при действии возрастающих по амплитуде деполяризующих импульсов. После каждой инкубации в безнатриевом растворе и растворе, блокирующем кальциевую проводимость препарат отмывали в протоке нормального физиологического раствора с целью проверки сохранности электрогенеза нейрона. Пейсмекерная активность командных нейронов сохраняется как при блокаде кальциевой проводимости, так и при инкубации в безнатриевом растворе (Хлудова Л.К., 1989).

Таким образом, пейсмекерная активность расширяет постсинаптическую пластичность командного нейрона. При действии деполяризующих импульсов постоянной амплитуды в командных нейронах развивается привыкание, независимо от того в каком из растворов инкубирован препарат. Быстрее всего привыкание происходит в безнатриевом растворе, когда сохранна кальциевая проводимость мембраны. Привыкание в растворе, блокирующем кальциевую проводимость, происходит при увеличении порогов генерации потенциалов действия. Эти данные были проверены и подтверждены на полностью изолированных командных нейронах (Хлудова Л.К., Греченко Т.Н., 1991, с. 134–138).

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ АГРЕССИИ»

Агрессивность при психической патологии

А.А. Абрамова (Москва)

В настоящее время одной из актуальных задач психологической и общемедицинской практики является выявление и предупреждение факторов риска различных заболеваний. По данным Всемирной организации здравоохранения, такие психические заболевания, как шизофрения, аффективные и шизоаффективные расстройства, на данный момент, остаются самыми распространенными в мире и число людей, страдающих этими недугами, неуклонно растет. Наряду с увеличением распространенности психических заболеваний, в последнее время отмечается рост враждебного отношения к окружающей действительности и агрессивного поведения.

Проблема взаимосвязи агрессивности и враждебности с психическими расстройствами разрабатывается в психологических и клинических исследованиях (Абрамова, 2006; Ваксман, 2005; Кузнецова, 2006; Blackburn, 1974; Schless с соавт., 1974) уже на протяжении многих лет, но до сих пор остается актуальной. Результаты исследований по этой проблематике весьма неоднозначны.

Некоторые авторы (Wolfersdorf, 1998) считают, что при депрессии уровень агрессии повышен и, наряду с прямыми ее проявлениями, у больных наблюдаются раздражительность, подозрительность и негативизм. Идеи о наличии связи депрессивного расстройства с различными проявлениями агрессии отражены также в работах Драгунской (1990), Изарда (1999), Барденштейна с соавт. (2002). На наличие патогенетической связи депрессивного расстройства и агрессии указывают результаты исследований Sri Kumar (2001), выявившего общие нейрохимические механизмы их возникновения, в частности, нарушения обмена серотонина. Показано также, что сочетанные симптомы тревоги и депрессии, агрессивности и делинквентности обусловлены генетически (Гиндина, 2005).

Ряд авторов подчеркивают взаимосвязь враждебности и агрессивности с шизофренией. Free с соавт. (1993) была выявлена характерологическая враждебность, проявляющаяся в поведении в виде негативизма, раздражительности, вербальной и физической агрессии.

Несмотря на существование большого количества клинико-психологических, клинических и экспериментальных работ, выполненных в данной области, проблема взаимосвязи враждебности и агрессивности с психической патологией сохраняет свою актуальность как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Можно предположить, что связь враждебности с психической патологией носит многогранный характер и задействует как физиологические, так и социально-психологические, а также ряд других механизмов.

В ходе исследования агрессивности и агрессивных проявлений при психических расстройствах были использованы следующие **методы**: методика Цунга для диагностики депрессии, шкала Бека для субъективной оценки депрессии, Торонтская алекситимическая шкала Тейлора, тест Вагнера «Рука», опросник Басса-Дарки, тест Розенцвейга. Данные подвергались обработке в статистическом пакете Statistica for Windows. Значимость межгрупповых различий определялась с помощью непараметрической статистики. Для выявления взаимосвязей показателей, полученных при проведении подобранных методик, был проведен корреляционный анализ.

В исследовании участвовало 87 пациентов: 31 женщина и 56 мужчин в возрасте от 17 до 46 лет. Критериями включения больных в исследование являлось: наличие психического заболевания различной степени тяжести и длительности, клиническая картина которого исключала наличие бредовых и галлюцинаторных расстройств, а также органических заболеваний ЦНС.

Контрольную группу составили 68 человек: 31 мужчина и 37 женщин, в возрасте от 17 до 45 лет. Критерием отбора здоровых испытуемых служило отсутствие психических и неврологических расстройств.

Результаты исследования. Согласно данным теста «Рука», у больных депрессией, по сравнению со здоровыми испытуемыми, более высокая агрессивность, направленная на предметы. При этом сравниваемые группы не различаются по уровню агрессивности, направленной на людей, значения этого параметра одинаково высокие. Согласно фрустрационной теории, агрессия является одной из форм поведения, которую порождает фрустрация. Агрессивное поведение может не проявляться в момент фрустрации, прежде всего из-за угрозы наказания. В этом случае происходит «смещение», в результате которого агрессивные действия направляются на объект, нападение на который ассоциируется с наименьшим наказанием. Можно предположить, что смещение агрессивности на предметы (неживые объекты) у больных депрессией происходит из-за страха быть наказанными, из-за того, что окружающие не одобряют поведение, поэтому агрессивность направляется на объект, нападение на который ассоциируется с наименьшим наказанием.

Результаты теста Басса – Дарки показали, что у больных депрессией, по сравнению со здоровыми испытуемыми, более выражена подозрительность, обидчивость и враждебность. Это частично согласуется с данными о том, что больные депрессией демонстрируют более высокие показатели по шкале «подозрительность» (Wolfersdorf, 1998).

Согласно полученным в ходе настоящего исследования данным у больных депрессией, по сравнению со здоровыми испытуемыми, отмечается тенденция к более выраженному внутреннему диалогу, что косвенно может свидетельствовать о тенденции к развитию рефлексии, «застревании» на собственных переживаниях, постоянной проработке своих проблем.

В тоже время при депрессии выявлена алекситимия, которая означает неспособность к распознаванию и точному описанию собственного эмоционального состояния и эмоционального состояния другого человека, что может приводить к трудностям и конфликтам в межличностных отношениях. Алекситимия при депрессии, по нашим данным, положительно коррелирует с агрессивностью, враждебностью, подозрительностью и обидой.

Негативные и позитивные аспекты агрессивности

Л.Я. Дорфман, Е.Г. Шестакова (Пермь)

В настоящей статье предпринята попытка обозначить проблему негативных и позитивных аспектов агрессии, или более емко, бимодальной агрессии.

В психологической науке агрессии придают значения наступления, нападения, атаки, угрозы, запугивания, намерения обидеть, оскорбления, враждебности, ненависти, возмездия, жестокости, насилия, причинения вреда кому-нибудь или чему-нибудь, вторжения на территорию другого, стремления завладеть властью, престижем или статусом, и т. п. У этого ряда значений агрессии есть нечто общее – негативные коннотации и негативная модальность. Под этим углом зрения уместно говорить о «негативной» агрессии.

Можно обозначить еще один ряд значений агрессии, который характеризует «позитивную» агрессию и существенным образом отличает ее от «негативной» агрессии. К коннотациям «позитивной» агрессии относят настойчивость, напористость, спортивную злость, решительность, мужество, смелость, отвагу, амбиции, справедливое негодование, сопротивление доминированию других людей, силу воли, самоутверждение, и т. п. Майерс (1998) замечает, что нужно различать поведение самоуверенное, энергичное, направленное на достижение поставленной цели, и поведение, един-

ственная цель которого – причинить боль, навредить или разрушить. Можно отнести первое к позитивной агрессии, второе – к негативной агрессии. Классификация, основанная на оппозиции позитивной агрессии против негативной агрессии, приводится в зарубежной литературе (Jianghong, 2004). Однако в отечественной литературе эта проблема скорее намечена (Ильин, 2008), чем специально и глубоко разработана; она нуждается в дальнейших развернутых теоретических и эмпирических исследованиях.

Рассматривая негативность и позитивность агрессии, можно выделить две относительно самостоятельные темы: негативность и позитивность в отношении 1) агрессивного поведения и 2) агрессивности личности. Рассмотрим негативные и позитивные аспекты агрессивного поведения. Чаще всего этот вопрос разрабатывают в терминах *деструктивного* агрессивного поведения и *конструктивного* агрессивного поведения. Агрессивное поведение, направленное на причинение вреда другому человеку, определяется как деструктивное. Агрессивное поведение, направленное на преодоление препятствий без намерения причинить другому человеку боль и вред, определяется как конструктивное.

Наиболее явно деструктивное агрессивное поведение наблюдается в условиях *антисоциального* поведения, совершения преступлений, связанных с применением насилия (Ениколопов, Ерофеева, Соковня, 2002; Масагутов, Ениколопов, 2004; Шабалин, 2004; Conner, 2002; Fontaine, 2007; Stattin & Magnusson, 1989).

В пользу конструктивного агрессивного поведения свидетельствуют действия, которые могут включать в себя агрессивное поведение, продиктованное общественно значимыми целями (Feshbach, 1971). Например, отдельные аспекты деятельности военного (Чураев, 2005), соревнования и ожидание награды (Rocha, Rogers, 1976), некоторые виды спортивной деятельности (бокс, борьба), педагогические взаимоотношения (Левкова, 2003), наказание (Felson, 2002), ведение переговоров и т. д. Это поведение характеризуется тем, что человек преодолевает препятствия, противодействует, наступает, проникает в сознание другого человека, но не причиняет ему страдания, зло или ущерб.

Теперь обратим внимание на агрессивность личности. Возможно, негативная и позитивная агрессивность личности как-то сопрягается с деструктивным и конструктивным агрессивным поведением, но вряд ли их можно рассматривать как тождественные. При дифференциации агрессивного поведения на деструктивное и конструктивное в расчет принимаются особенности ситуации, характер внешних действий, их последствия для предмета деятельности и межличностных отношений, и т. п. При дифференциации агрессивности личности на негативную и позитивную, напротив, упор делается на стабильности и трансситуативности черт личности. При этом обостряется вопрос о том, насколько вообще чертам личности можно приписывать признаки модальности. Одни черты личности могут быть «негативными», а другие «позитивными»? Остановимся на следующих вопросах. 1) По каким общим признакам *позитивную* агрессивность можно понимать как собственно *агрессивность*? 2) По каким общим признакам агрессивность можно *дифференцировать* на негативную и позитивную?

Ответом на первый вопрос может быть представление о том, что у негативной и позитивной агрессивности должны быть общие признаки. Так, их сходство может прослеживаться в отношении наличия общего энергетического потенциала, высокой активности и настойчивости при преодолении преград и достижении поставленной цели (Ениколопов, 2005). Из словаря Merriam-Webster Online Dictionary (2009) также выделим общие для негативной и позитивной агрессивности признаки: энергичное (активное) преследование собственных целей, склонность доминировать, готовность бороться. Добавим к этим значениям склонность атаковать, выходить за границы своего Я в мир другого человека (в форме вторжения), решительность, силу воли, спортивную злость, и т. п. Эти признаки могут быть в основе как негативной, так и позитивной агрессивности.

сти. В то же время эти признаки могут свидетельствовать о том, что *позитивная* агрессивность есть собственно *агрессивность*.

Ответом на второй вопрос может быть применение, в частности, *внешнего* критерия. В агрессивности выражается отношение к тому, что человеку предстоит сделать или его отношение к людям (Ильин, 2008). По этому основанию склонность или готовность к агрессии можно рассматривать в негативном (негативное отношение к людям) и в позитивном (позитивное отношение к людям) ключе. Значит, отношение к людям может служить критерием дифференциации агрессивности на негативную и позитивную.

Для эмпирического исследования негативных и позитивных аспектов агрессивности необходимо отчетливо определять их конкретные признаки. Можно отметить, по меньшей мере, три ключевых признака, придающих агрессивности личности *негативный* характер. Ими могут быть личностные диспозиции: причинять вред или ущерб людям, склонность к принуждению, склонность нарушать права людей. Существенные признаки *позитивной* агрессивности можно было бы обозначить, в первом приближении, в виде оппозиций признакам негативной агрессивности. Это несклонность причинять вред или ущерб людям, несклонность к принуждению, склонность соблюдать права людей. Вместе с тем и при более глубоком анализе, можно обозначить и добавить собственные, так сказать, внутренние и напрямую не соотносящиеся с негативной агрессивностью, признаки позитивной агрессивности. Во-первых, это склонность защищать свои интересы. Во-вторых, это склонность быть уверенным в себе, активным, наступательным, напористым. В-третьих, это склонность энергично и открыто обращать внимание на себя, собственные цели и интересы, т. е. быть склонным к энергичному самовыражению и самореализации.

Различия между негативной и позитивной агрессивностью по обозначенным выше признакам, однако, оставляют у них и нечто общее: энергичное преследование собственных целей, готовность бороться и преодолевать преграды, склонность атаковать и выходить за границы своего Я, и т. п. Следовательно, как в негативном, так и в позитивном плане речь идет об агрессивности как таковой.

Аутоагрессия и копинг-стратегии у лиц юношеского возраста

С.Н. Ениколопов, А.Г. Ефремов (Москва)

Аутоагрессивное поведение обладает значительным разнообразием форм проявления и постоянно «плавает» в своих вариациях. Внешне аутоагрессия представляет собой широкий континуум поведения, от «весьма хорошего» (термин Д. Винникота) до приводящего к серьезным физическим и психологическим повреждениям.

В настоящее время недостаточно изучен вопрос о том, сохраняются ли, и если сохраняются, то в какой степени, после прекращения аутоагрессивных действий, такие предикторы самоповреждения, как высокий уровень эмоционального стресса и выбор неадаптивных копинг-стратегий. На этот счет есть лишь небольшое количество зарубежных публикаций (de Moore G.M., 1998; Hawton K., 2003; Zahl D.L., 2004). Также на сегодняшний день нами не обнаружены отечественные публикации, анализирующие копинг-стратегии у лиц неклинической группы с несуицидальным аутоагрессивным поведением. Таким образом, очевидна актуальность изучения несуицидальной аутоагрессии с преднамеренным самоповреждением среди российских старших подростков и юношей нормативной выборки.

Цель данной работы – сравнительное сопоставление характеристик эмоциональной регуляции и совладающих стратегий среди неклинической выборки лиц подросткового и юношеского возраста с аутоагрессивными проявлениями и без таковых. Объект – аутоагрессивные проявления, эмоциональная регуляция и совладающие стратегии (копинг-

стратегии) у лиц подросткового и юношеского возраста неклинической выборки. Предмет – виды и частота аутоагрессивных проявлений, особенности эмоциональной регуляции и типы избранных совладающих стратегий (копинг-стратегий) у лиц подросткового и юношеского возраста неклинической выборки.

В работе рассматривались три группы старших подростков и лиц юношеского возраста из числа абитуриентов и студентов вузов г. Москвы. 1) Старшие подростки и юноши, которые не имеют истории поведения с несуицидальным поведением с преднамеренным самоповреждением («нормативная» группа). 2) Старшие подростки и юноши, которые имеют историю поведения с несуицидальным поведением с преднамеренным самоповреждением в периоде, превышающем 12 месяцев ко времени исследования (группа «давние аутоагрессоры»). 3) Старшие подростки и юноши, которые имеют историю поведения с несуицидальным поведением с преднамеренным самоповреждением в периоде менее 12 месяцев ко времени исследования (группа «недавние аутоагрессоры»). Общее количество испытуемых 223 чел. Юношей – 128 чел., девушек – 120 чел. Средний возраст 19,4 (ст. отк. = 2.1). На момент исследования никто из участников прежде не обращался за психиатрическим лечением.

Гипотезы исследования. По показателям эмоционального состояния. Предполагается, что наиболее высокие уровни негативных эмоций (например, опасения, враждебности, вины и гнева) будут определены в группе «недавних» аутоагрессоров. По показателям избранных копинг-стратегий. В группе «недавних» аутоагрессоров наиболее низкая частота избрания адаптивных копинг-стратегий, т. е. принятия ситуации и позитивной ее переинтерпретации, и наиболее высокая частота избрания неадаптивных совладающих стратегий, связанных с преобладанием отрицания ситуаций, а также с дезорганизацией поведения и мышления. Показатели группы старших подростков и юношей без аутоагрессивной истории использовались для сравнения в качестве нормативных уровней. Данный подход позволит нам продемонстрировать, что эмоциональные показатели и выбор копинг-стратегий варьируют в зависимости от срока совершения аутоагрессивного действия.

Методики. Показатель поведения с преднамеренным самоповреждением. В работе использована русскоязычная версия опросника на определение уровня поведения с преднамеренным самоповреждением The Deliberate Self-Harm Inventory (DSHI) (Gratz K.L., 2001). Автор методики операционализировал преднамеренное самоповреждение как непосредственное повреждение тела, несмертельное для индивидуума, но достаточной силы, чтобы вызвать ощутимые болезненные ощущения. Опросник фиксирует возраст испытуемого, время начала, частоту и дату последнего аутоагрессивного акта из 13 видов. Поскольку для данной работы производился отбор испытуемых с несуицидальным аутоагрессивным поведением, то контроль наличия или отсутствия суицидальных тенденций у участников происходил с помощью опросника Suicidal Behaviors Questionnaire-Revised (SBQ-R; Osman A., 2001), который учитывает наличие суицидальных мыслей на протяжении четырех временных периодов. В нашем случае мы оценивали наличие или отсутствие суицидальных мыслей у испытуемых за период не более года, предшествующего исследованию. Фиксирование отдельных показателей эмоционального состояния производилось с помощью опросника The Positive and Negative Affect Schedule-Expanded Form (PANAS-X; Watson D., 1994). PANAS-X состоит из 60 пунктов, предназначенных для оценки 11 типов позитивных, негативных и иных эмоциональных состояний. Каждый пункт методики имел лакертовскую пятиступенчатую градацию ответов от 1 (не испытывал, или очень слабо) до 5 (очень сильно испытывал). Оценка выбора тех или иных совладающих стратегий, применяемых испытуемыми, проводилась с помощью методики The COPE (Carver C.S., 1989). Опросник методики состоит также из 60 пунктов и оценивает индивидуальное использование различных копинг-стратегий. Каждый пункт опросника имеет четырехуровневую лакер-

товскую шкалу ответов от 1 (обычно, никогда этого не делаю) до 4 (как правило, так делаю). Основанная на теоретическом подходе методика имеет 15 субшкал для оценки вида копинг-стратегий.

Обработка результатов. Сначала фиксировалась описательная информация о наличии у испытуемых поведения с преднамеренным самоповреждением методикой DSHI (частота, сроки и виды поведения с преднамеренным самоповреждением), затем испытуемые оценивались с точки зрения наличия или отсутствия у них суицидальных мыслей (методика SBQ-R). Испытуемые с суицидальными мыслями в период менее года на начало исследования из результатов исключались, поскольку такие испытуемые несли, на наш взгляд, существенную долю риска именно суицидального поведения, который не является темой настоящего исследования. Оставшиеся испытуемые были распределены на три группы: «недавние», «давние», «нормативные». Каждая из полученных групп была в свою очередь также разделена по гендерному признаку. Математически обработка результатов методик эмоциональных состояний (PANAS-X) и копинг-стратегий (COPE) велась с помощью статистических процедур анализа дисперсий one-way ANOVA, использовался также Tukey's test и критерий хи-квадрат.

Основные результаты.

1. Социальные характеристики испытуемых соответствовали выборке лиц из генеральной популяции, т. е. для сравнения были отобраны группы неклинического и неделинквентного типа.

2. Результаты проведенного исследования констатируют наличие значимых различий в параметрах негативных эмоциональных характеристик у лиц юношеского возраста, практиковавших поведение с преднамеренным самоповреждением в период менее 12 месяцев (группа «недавних» аутоагрессоров).

3. «Недавние» аутоагрессоры показали значения параметров негативных эмоций существенно выше, чем «давние» аутоагрессоры.

4. «Давние» аутоагрессоры на момент исследования продемонстрировали срединные параметры негативных эмоциональных характеристик, т. е. статистически значимо выше, чем испытуемые нормативной группы, но существенно ниже, чем группа «недавних» аутоагрессоров.

5. Данные, полученные методикой измерения эмоциональных параметров PANAS-X, подтверждают использование аутоагрессорами модели избегания, Experiential Avoidance Model (EAM), согласно которой повышенный фон негативных эмоций — ключевой аспект поведения с преднамеренным самоповреждением.

6. Результаты исследования тенденций к избранию испытуемыми тех или иных овладающих стратегий (методика COPE) частично также согласованы с моделью EAM. Выявлено, что аутоагрессоры из любой группы чаще, чем лица нормативной группы выбирают дезадаптивные виды копинг-стратегий.

Исследование агрессивности и враждебности в структуре эндогенных заболеваний

С.Н. Ениколопов, С.О. Кузнецова (Москва)

На вопрос о связи агрессивности и враждебности и депрессии большинство исследователей отвечают положительно. Впервые эта проблема была рассмотрена в рамках психодинамического подхода. Согласно З. Фрейду, враждебность и негативные эмоции, возникающие в отношении утраченного объекта любви, обращаются на себя посредством механизма интроекции, что и является основной причиной как депрессии, так и аутоагрессии (суицида).

В начале 60-х гг. было предложено различать враждебность, направленную во вне, и враждебность, направленную на себя — экстра- и интропунитивную соответственно. Так,

согласно распространенному убеждению, у депрессивных больных враждебность направлена в первую очередь на себя, что выражается в идеях самообвинения, самоуничижения. Тогда, предполагалось, что агрессивность и враждебность в отношении других людей для депрессивных больных не характерна. Эта проблема была впервые рассмотрена в рамках психоанализа, где враждебность по отношению к самому себе объяснялась посредством механизма интроекции так называемой «внешней враждебности».

В то же время, по данным клинических наблюдений, депрессивные больные помимо прочего раздражительны, обидчивы, нередко вербально агрессивны, на основании чего некоторые исследователи делают вывод о наличии у них враждебных установок в адрес окружающих людей, т. е. экстрапунитивной враждебности (Haines J., 1995; Williams R.V. и др., 1985). Необходимо указать, что этот факт не противоречит подходу, описанному выше. Напротив, в исследованиях (Philip A.E., 1968) было обнаружено, что враждебное отношение к себе и к другим людям имеет единую природу.

Наконец, в отечественных исследованиях была обнаружена связь депрессии с обоими типами враждебности (Садовская А.В., 1999). По всей видимости, при депрессии сложным образом переплетаются враждебность в отношении собственного Я, других людей, а также генерализованная имперсональная враждебность в виде ощущения несправедливости, недоброжелательности окружающего мира, негативной оценки субъективного будущего. Враждебность является устойчивой во времени характеристикой и не зависит от длительности течения заболевания и возраста больных, что позволяет рассматривать враждебность при психической патологии как психологический фактор индивидуальной уязвимости индивида к болезни (Кузнецова С.О., 2007).

Противоречивы также результаты исследований половых различий в рамках проблемы депрессии и враждебности. Так в работе Fava M., Nolan S., Kradin R., Rosenbaum J. (Fava M. с соавт., 1995), показано, что показатели враждебности в группе депрессивных больных у мужчин значительно выше, чем у женщин, из чего авторы делают вывод о том, что депрессивные мужчины в большей степени склонны к патологической агрессии и так называемому «враждебному поведению».

Немногочисленные современные клинические исследования (Абрамова А.А., 2005; Ваксман А.В., 2005) показали, что характер и степень выраженности враждебных проявлений и агрессивности обнаруживают связь с типом ведущего аффекта и структурой депрессии в целом. Так, в группе больных с высоким уровнем враждебности и агрессивности в депрессии достоверно чаще ведущим аффектом является тревога. Такие больные дисфоричны, подозрительны, обидчивы. Кроме этого, характер агрессивного поведения и враждебности обнаруживает определенные соотношения с типом тревоги и степенью выраженности агрессивного поведения в преморбиде. При высоком уровне агрессии и враждебности в преморбиде в депрессии отмечаются активные формы агрессивного поведения (распространяющиеся как внутри, так и вне семьи), сочетающиеся с выраженной подозрительностью (как видом враждебности). Значительной выраженности достигают суицидальные тенденции и самоповреждающие действия. Тревога носит характер постоянного, тяжело переносимого напряжения, «внутренней дрожи». При низком уровне враждебности и агрессивности в преморбиде в депрессии агрессивное поведение ограничивается «семейным кругом», а враждебность представлена высоким уровнем обидчивости. У больных депрессией, по сравнению со здоровыми испытуемыми, зафиксирована более высокая выраженность диспозиционных характеристик агрессивного поведения – агрессивности, подозрительности, обидчивости и враждебности, которые наряду с прямой вербальной, физической и косвенной агрессией, направленной вовне, раздражительностью, дезадаптивным поведением и дисфорией связаны с тревогой, страхом и эмоциональной лабильностью (Абрамова А.А., 2005; Ваксман А.В., 2005). Уровень физической агрессии значительно выше при депрессивных расстройствах, протекающих сочетано с личностными расстройства-

ми, чем в группах больных с аффективными расстройствами и при депрессивных расстройствах, протекающих сочетано с шизофренией. Ухудшение качества и скорости опознавания эмоционально-мимических стимулов, а также оценки эмоционального состояния окружающих и своего собственного, может служить одним из индикаторов углубления депрессивного расстройства и повышения риска агрессивных проявлений, что влечет за собой ухудшение социальной адаптации, проблемы коммуникативного плана, отказ от сотрудничества. У женщин при депрессии более высокая агрессивность, у мужчин при депрессии повышена общая, в том числе физическая, агрессия. Враждебность в депрессии оказывает влияние, прежде всего, на уровень адаптации в межличностных взаимоотношениях. Так, уровень враждебности имеет положительные корреляции со снижением функционирования в сферах межличностных обязанностей, неформального общения и сексуальной. Ваксман А.В. выделяет предикторы развития враждебных и агрессивных проявлений в депрессивном состоянии. К ним могут быть отнесены «молодой возраст, сопутствующая церебрально-органическая и эндокринная отягощенность, наличие особенностей личности, характерных для эмоционально-неустойчивого, демонстративного, нарциссического типа» (Ваксман А.В., 2005). Следует отметить, что вопрос о причинах и развитии враждебности остается на сегодняшний день практически неизученным.

Аутоагрессия у лиц, переживших сексуальное злоупотребление в детском возрасте

А.Г. Ефремов, С.Н. Ениколопов (Москва)

Несмотря на всю свою непривлекательность и вредность, причинение преднамеренного самоповреждения — это средство достижения определенной цели. Стремление снова испытать болезненные эмоции можно рассматривать как форму специфической адаптации, приносящую непосредственные и выгодные результаты (Ross R.R., McKay H.B., 1979). Исполнение аутоагрессивного акта — это путь быстрого изменения или прерывания цепи очень эмоционально неприятной последовательности мироощущения (Simpson M.A., 1980. P. 269).

Цель настоящей работы — поиск возможных корреляций между показателями пережитого в детстве сексуального злоупотребления, расстройствами пищевого поведения и неудовлетворенностью имиджем собственного тела у лиц, совершивших преднамеренные самоповреждения.

Связь между пережитым в детстве насилием и расстройствами пищевого поведения в более старшем возрасте неоднократно показывалась в ряде зарубежных исследований (Hastings, T., Kern, J.M., 1994; Gleaves, D.H., Eberenz, K.P., 1994; Waller, G., 1992). Есть данные, что низкий уровень чувства собственного достоинства как результат неудовлетворенности телом может служить связующим фактором между пережитым насилием в детстве и последующей аутоагрессией в более старшем возрасте (Finkelhor D., 1988; Low G. et al., 2000), предполагая своим наличием некоторую связь между пережитым сексуальным злоупотреблением и неудовлетворением собственной фигурой.

Объект исследования — аутоагрессивные поведенческие акты и нарушения пищевого поведения у лиц, переживших в детстве сексуальное злоупотребление. Предмет исследования — зависимости между пережитым в детстве сексуальным злоупотреблением с последующими в старшем возрасте расстройствами пищевого поведения, наличием суицидальных мыслей и неудовлетворенностью имиджем тела. Экспериментальная гипотеза. Аутоагрессоры, пережившие в детстве сексуальное злоупотребление будут сообщать о более высоких уровнях суицидальных мыслей, нарушениях пищевого поведения и неудовлетворенности собственной фигурой, чем аутоагрессоры без истории такого злоупотребления.

Общее число испытуемых 113 чел. Средний возраст = 19,9 лет. Из них 104 чел. – девушки (средний возраст = 19,8) и 9 – юноши (средний возраст = 18,6). Испытуемые сообщали свой возраст и пол, дату начала поведения с преднамеренным самоповреждением, его вид, частоту и продолжительность. В работе использовалось шесть методик в виде электронных версий опросников. Краткая методика фиксации нарушений пищевого поведения (The SCOFF Questionnaire). Авторы методики отобрали пять наиболее общих вопросов, ответы на которые связаны с основными признаками булимии и нервной анорексии (Morgan J.F., Reid F., Lacey J.H., 1999). Шкала измерения степени неудовлетворенности имиджем тела (The Body Satisfaction Scale (BSS)) предназначена для определения степени удовлетворения или неудовлетворения шестнадцатью частями тела (Slade P.D. et al., 1990). Шкала фиксации пережитых травм детства (короткая форма) – The Childhood Trauma Questionnaire: Short form (CTQ-SF) (Bernstein D.P. et al., 2003). Методика учитывает негативный опыт детства и ранней юности и оценивает по пятибалльной лакертовской шкале от «никогда не было» (1 балл) до «довольно часто» (5 баллов) по пяти шкалам: а) пережитое в детстве физическое насилие; б) сексуальные злоупотребления (сексуальный контакт или его попытка, или соответствующего рода поведение взрослого или более старшего в отношении лица младше 18 лет); в) эмоциональные злоупотребления; д) физическое пренебрежение со стороны родителей; е) эмоциональное пренебрежение со стороны родителей. Граничный уровень пережитого в детстве насилия оценивался соответствующей шкалой б методики CTQ-SF. Оценка частоты появления суицидальных мыслей – The Positive and Negative Suicide Ideation Inventory (PANSII) была разработана и валидизирована как инструмент быстрой оценки частоты появления мыслей, связанных с суицидальным поведением. Представленная в виде самоотчетника шкала насчитывает 14 пунктов, 8 из которых негативные утверждения и 6 позитивных утверждений. Для оценки предлагалась пятиступенчатая лакертовская шкала с вариантами ответов «никогда» до «большую часть времени». При подсчете окончательного индекса баллы ответов на положительные пункты инвертировались и суммировались с баллами негативных утверждений. Таким образом, более высокое итоговое значение указывает на более высокий уровень наличия суицидальных мыслей (Corper, V.A., Bargas, F.X., Chiros, C.E., 1998).

Сбор непосредственной первичной информации от испытуемых по всем перечисленным методикам и необходимым дополнительным параметрам (возраст, пол и т. п.) проводился в рамках компьютеризированного анонимного опроса. Такой подбор испытуемых говорит, с одной стороны, об ограниченной репрезентативности полученных результатов. С другой стороны, принятый подход позволяет исследовать лиц с аутоагрессивным поведением преднамеренного самоповреждения из числа представителей общей популяции. Математическая обработка сравнительных результатов велась с помощью основных базовых статистических процедур, а также процедуры анализа дисперсий one-way ANOVA.

Результаты.

1. Аутоагрессоры, пережившие сексуальное злоупотребление в детстве, статистически чаще, чем аутоагрессоры без истории сексуального злоупотребления, сообщают и о других пережитых негативных опытах.

2. Результаты указывают на непосредственное и прямое влияние пережитого в детстве сексуального злоупотребления не только на возникновение аутоагрессии в более старшем возрасте, но и рассматривает пережитое сексуальное злоупотребление как фактор риска возникновения целого ряда других негативных поведенческих проявлений, сопутствующих аутоагрессии.

3. Наиболее значимые результаты были выявлены при анализе взаимных связей самого факта сексуального злоупотребления в детстве с другими формами злоупотреблений: эмоциональное злоупотребление или пренебрежение ребенком старшими, фи-

зическое (несексуальное) насилие со стороны более старших, физическое пренебрежение (заброшенность ребенка). Каждая из перечисленных форм злоупотреблений статистически значимо связана с историей пережитого в детстве сексуального злоупотребления и с большей вероятностью возникает в старшем возрасте у лиц, переживших сексуальное злоупотребление в детстве, чем у тех, кто не переживал подобного злоупотребления.

4. Были установлены значимые зависимости между показателями пережитого в детстве сексуального злоупотребления с последующими расстройствами пищевого поведения и неудовлетворенностью имиджем тела в более старшем возрасте у лиц с аутоагрессивным поведением.

5. В работе получила подтверждение гипотеза о том, что аутоагрессоры, пережившие в детстве сексуальное злоупотребление будут сообщать о более высоких уровнях суицидальных мыслей и неудовлетворенности собственной фигурой, чем аутоагрессоры без истории насилия. Таким образом, получил подтверждение тезис о том, что пережитое сексуальное злоупотребление является сильным фактором риска провоцирования именно суицидального поведения, начиная от его идеаторной разработки и до конкретных попыток исполнения.

6. Полученные в работе данные характеризуют сам факт сексуального злоупотребления, пережитого в детстве, как мощный прекурсор развития у жертвы в более старшем возрасте не только преднамеренного самоповреждающего поведения, но и целого ряда других форм неадаптивного поведения.

Адаптация методики диагностики межличностных проблем (ПР-64) на российской выборке

А.Г. Ефремов, А.И. Цапенко, С.Н. Ениколопов (Москва)

Исследование межличностных психологических проблем методикой ПР-64 основано на самоотчете испытуемого, самостоятельно констатирующего у себя наиболее выраженные трудности межличностного общения. Даже если испытуемый начинает интервью с описания некомфортных чувств и тревожных, огорчительных мыслей, то с помощью методики ПР-64 обычно также выявляется и другой спектр межличностных проблем.

Опросник методики содержит 64 утверждения, согласие или несогласие с которыми характеризует у испытуемого наличие и степень межличностных проблем. Утверждения были отобраны из первоначального массива в 127 диагностических пунктов. (Horowitz L.M. et al., 1988, 2000; Horowitz L.M., Rosenberg S.E., Bartholomew K., 1993).

Методика оценивает у испытуемого наличие межличностных проблем по следующим восьми шкалам. Шкала 1 – доминирующий / контролирующий; шкала 2 – мстительный / эгоцентричный; шкала 3 – холодный / дистантный; шкала 4 – социально избегающий; шкала 5 – неассертивный; шкала 6 – слишком принимающий; шкала 7 – самопожертвенный; шкала 8 – вторгающийся / нуждающийся. Методика позволяет посчитать уровень дистресса межличностных проблем у индивидуума по каждой из восьми шкал и показывают уровень сложностей межличностного общения. Полученные характеристики могут быть использованы для сравнения групп в различных условиях (нормативной или клинической группы) или одной группы до и после лечения. Баллы могут быть также использованы для определения уровня коррекции межличностных проблем испытуемого. Кроме того методика дает возможность определения общего уровня межличностных проблем у отдельного испытуемого, что позволяет оценить индивидуальные баллы по различным шкалам относительно друг друга, выявляя при этом специфическую область межличностных проблем, от которых индивид страдает больше всего.

Индивидуальные профили трудностей межличностного общения по методике ПР-64 могут быть особенно полезны при планировании лечения. Общий суммарный балл указывает на самоотчет испытуемого об своих проблемах межличностного общения по всем проблемным областям. Если общий балл превышает более двух стандартных отклонений от среднего, то дистресс испытуемого в области межличностного общения достаточно высок относительно общей популяции. Дифференцированно баллы по восьми отдельным шкалам методики ПР-64 определяют специфичные области межличностных проблем.

Цель работы – адаптация методики диагностики межличностных проблем (ПР-64) на российской выборке. Результаты адаптации методики ПР-64 на нормативной выборке. Общее число испытуемых – 179 чел. Мужчин – 78 чел.; Женщин – 101 чел. Средний возраст испытуемых – 23,9 года. Статистический анализ проводился с помощью пакета компьютерных программ Statistica 6.0. Проверка надежности шкал методом «reliability / item analysis» отдельно по женской и мужской выборкам нормативной группы показала, что в женской выборке нормативной группы удовлетворительную надежность, т. е. коэффициент альфа Кронбаха $>0,7$, продемонстрировали следующие шкалы. Шкала 1: доминирующий / контролирующий; шкала 3: холодный / дистантный; шкала 4: социально избегающий; шкала 5: неассертивный; шкала 6: слишком принимающий; шкала 7: самопожертвенный. В тоже время шкалы методики ПР-64 женской выборки нормативной группы 2: мстительный / эгоцентричный и 8: вторгающийся / нуждающийся показали недостаточную надежность (альфа Кронбаха $<0,7$).

В мужской выборке нормативной группы продемонстрировали удовлетворительную надежность (альфа Кронбаха $>0,7$) шкалы методики ПР-64. 1 – доминирующий / контролирующий; шкала 2 – мстительный / эгоцентричный; 4 – социально избегающий; шкала 5 – неассертивный; шкала 6 – слишком принимающий. А шкалы 3 – холодный / дистантный; а шкалы 7 – самопожертвенный; 8 – вторгающийся / нуждающийся показали недостаточную надежность (альфа Кронбаха $<0,7$).

Результаты адаптации методики ПР-64 на клинической выборке (пациенты регистра F.20 по МКБ-10). Общее число испытуемых – 83 чел.; мужчин – 46 чел.; женщин – 37 чел. Средний возраст испытуемых – 25,1 лет. Проверка надежности пунктов методики ПР-64 показала, что из общей выборки клинической группы (мужчины и женщины) все шкалы показали удовлетворительную надежность входящих в них пунктов (альфа Кронбаха $>0,7$), кроме шкалы 2: мстительный / эгоцентричный (альфа Кронбаха $=0,62$).

Если рассмотреть результаты отдельно по мужской и женской выборкам клинической группы, то в женской выборке достаточную надежность (альфа Кронбаха $>0,7$) продемонстрировали шкалы 3 – холодный / дистантный; 4 – социально избегающий; 5 – неассертивный; 6 – слишком принимающий; 7 – самопожертвенный; 8 – вторгающийся / нуждающийся; а недостаточную шкалы 1 – доминирующий / контролирующий; 2 – мстительный / эгоцентричный. В мужской выборке клинической группы достаточную надежность показали шкалы 1 – доминирующий / контролирующий; 4 – социально избегающий; шкала 5 – неассертивный; шкала 6 – слишком принимающий; шкала 7 – самопожертвенный; а недостаточную – шкалы 2 – мстительный / эгоцентричный; 3 – холодный / дистантный; шкала 8 – вторгающийся / нуждающийся.

С целью повышения надежности шкал с недостаточной надежностью можно провести, в частности, изъятие ряда пунктов опросника. Так, например, если изъять пункт методики №44 («Я слишком независимый»), то надежность шкалы 1 – доминирующий / контролирующий для женской выборки клинической группы увеличится до альфа Кронбаха $=0,73$, что будет являться удовлетворительным условием надежности. Соответственно, убрав пункт №11 («Мне трудно брать на себя долговременные обязательства перед другим человеком») можно увеличить надежность шкалы 3 «холодный/ дистантный» для мужской выборки клинической группы также до необходимых альфа

Кронбаха 0,7. Повысить надежность шкалы 2 – мстительный / эгоцентричный общей клинической выборки (мужской и женской групп) и шкалы 8 – вторгающийся / нуждающийся путем удаления каких-либо пунктов невозможно. Очевидно, для повышения надежности этих шкал до удовлетворительного уровня требуется смысловая переформулировка наиболее «слабых» пунктов данных шкал.

Проявления конфликтоустойчивости студентов младших курсов

А.С. Кашанов (Ярославль)

Любой человек, поступивший в вуз, неизбежно проходит адаптационный период. И от того, как он его перенесет, зависит успешность обучения в вузе, формирование личностных целей и мотивация учебной деятельности. Согласно взглядам Н.А. Свиридова социальная адаптация характеризуется активным освоением личностью новой для нее социальной среды. Адаптационные процессы осуществляются постоянно, поскольку происходят изменения и в социальных условиях нашего существования, и в каждом человеке. Одной из главных проблем нашего времени является возрастание значения проблемы, связанной с жизненным определением молодых людей, с «вхождением» их в общество. В нашей работе рассматривались основные теоретические положения, разработанные в трудах Дж. Гилфорда, В. Григораса, А.В. Дмитриева, Л.С. Выготского, В.А. Леви, В.Т. Лисовского, А. Маслоу, Н.М. Пейсахова, К. Роджерса, К.О. Сантросяна, М. Фокса, Д. Харрингтона, В.А. Якунина и др.

В своем исследовании мы рассматриваем адаптацию в контексте социализации личности, процесса, который позволяет человеку приобрести новый статус студента как будущего специалиста.

Цель работы – исследование динамики социально-психологической адаптированности и конфликтоустойчивости студентов младших курсов, а также в установлении зависимости социально-психологической адаптированности от конфликтоустойчивости студентов 1 курса. Для реализации намеченной цели было проведено лонгитюдное исследование.

На основании сравнительного анализа групп студентов-психологов и студентов-биологов (Т-критерий Стьюдента) нами было выявлено, что мотивация избегания неудач выражена больше у биологов, чем у психологов. Для психологов же в гораздо большей степени, чем для биологов характерно проявление доминирования. Проведенное лонгитюдное исследование позволило установить, что у обследованных нами студентов (психологов и биологов) на протяжении обучения на 1 и 2 курсах наблюдается увеличение значения по показателю «соперничество» ($R=0,24$; $P<0,00384$) и снижение значения по показателю «компромисс» ($R=0,27$; $P<0,00146$). Также нами установлена отрицательная динамика по показателю «мотивация стремления к успеху» ($R=0,25$; $P<0,00301$).

Анализ достоверности различий по критерию Т-Стьюдента позволил выявить, что у студентов психологического факультета второго курса выше значения по показателям «адаптация» ($R=0,000237$) и «самопринятие» ($R=0,000096$) по сравнению со студентами-второкурсниками биологического факультета. Это может быть связано с тем, что специфика профиля обучения на психологическом факультете оказывает влияние на успешность адаптации студентов. Необходимость постоянного обращения к рефлексии и самопознанию в процессе обучения способствует формированию позитивного отношения к своей личности и самопринятию.

Рассмотрим показатели организованности структур исследуемых параметров. Индекс когерентности структуры (ИКС) определяется суммированием положительных корреляционных связей с учетом их значимости, индекс дивергентности структуры (ИДС) – отрицательных корреляций. В нашем исследовании организованность, ха-

рактизирующая объединение качеств в целостную структуру, выступает одной из основных предпосылок обеспечения эффективности учебной деятельности. Индекс организованности структуры (ИОС) социально-психологических качеств студентов-психологов является выше, чем у студентов-биологов. Это может свидетельствовать о том, что учебная деятельность студентов-психологов является более организованной, а механизмы ее обеспечения более эффективными. Выявленная дезорганизованность структуры качеств студентов-биологов позволяет предположить о нарушении механизмов функционирования учебной деятельности.

Установлено, что индекс организованности структур социально- психологических качеств студентов, обучающихся на бюджетной и договорной основе, а также студентов проживающих в Ярославле и приезжих практически одинаковы, это может свидетельствовать о том, что данные показатели не оказывают значимого влияния на механизмы организации учебной деятельности. Индекс дивергентности структуры (ИДС) указывает на то, в какой мере в структуре представлены дифференцирующие тенденции.

Как видно из полученных данных индекс дивергентности структуры значимо выше у студентов, обучающихся на бюджетной форме обучения, по сравнению со студентами-договорниками. А также более выражен у студентов, проживающих в Ярославле, чем у приезжих студентов. По индексу дивергентности структуры между студентами факультета биологии и психологии значимых различий не видно. Это свидетельствует о «несинтезированности» качеств в структуре личности студентов бюджетной формы обучения и студентов, проживающих в Ярославле.

Проведенное лонгитюдное исследование позволило установить, что у студентов (психологов и биологов) на протяжении обучения на 1 и 2 курсах наблюдается увеличение значения по показателю «соперничество» ($R=0,24$; $P<0,00384$) и снижение значения по показателю «компромисс» ($R=0,27$; $P<0,00146$). Также нами установлена отрицательная динамика по показателю «мотивация стремления к успеху» ($R=0,25$; $P<0,00301$) Анализ достоверности различий по критерию Т-Стьюдента позволил выявить, что у студентов психологического факультета второго курса выше значения по показателям «адаптация» ($R=0,000237$) и «самопринятие» ($R=0,000096$) по сравнению со студентами-второкурсниками биологического факультета. Это может быть связано с тем, что специфика профиля обучения на психологическом факультете оказывает влияние на успешность адаптации студентов. Необходимость постоянного обращения к рефлексии и самопознанию в процессе обучения способствует формированию позитивного отношения к своей личности и самопринятию. Установлено, что стремление к доминированию ($R=0,028$) и использованию стратегии избегания в конфликте ($R=0,05$) более характерно для студентов, обучающихся на бюджетной основе.

Основными признаками эффективной адаптированности являются: а) адаптированность в сфере «внеличности» социально-экономической активности, где индивид приобретает знания, умения и навыки, добивается компетенции и мастерства; б) адаптированность в сфере личностных отношений, где устанавливаются интимные, эмоционально насыщенные связи с другими людьми, а для успешной адаптации требуются чувствительность, знание мотивов человеческого поведения, тонкого и точного отражения изменений взаимоотношений.

По результатам методики Эллера установлено, что у приезжих студентов выше мотивация стремления к успеху ($R=0,024142$) по сравнению с ярославскими студентами. Иногородние студенты больше нацелены на достижения в учебной деятельности, поскольку вынуждены рассчитывать в большей степени на себя и свои силы в учебной деятельности. Следовательно, в ситуации конфликта студенты биологи склонны использовать конструктивную стратегию поведения. Для них характерен высокий уровень эмоциональной саморегуляции, однако при этом они не всегда готовы принимать на себя ответственность за свои действия. Выявлено, что у данной группы студентов

мотивация избегания неудач доминирует над мотивацией стремления к успеху, а принятие других — над самопринятием.

Таким образом, для понимания сущностных характеристик процесса адаптации к профессиональной подготовке целесообразно выделить следующие основные функции: коммуникативная, мотивационная, ориентирующая, развивающая, когнитивная. Все выделенные функции процесса адаптации опосредованы ее структурой, а именно социальными ролями, социальными формами поведения и социальными связями.

Перспективы психологического изучения типологии серийных сексуальных убийц

О.А. Логунова, Н.В. Дворянчиков (Москва)

Одной из важнейших проблем юридической психологии является изучение психологических аспектов криминальной агрессии. Реконструирование психологической стороны генеза агрессивного противоправного деяния связано с анализом личностных предпосылок преступного поведения, пониманием его мотивов и механизмов. Систематизация индивидуальных особенностей формирования готовности субъекта к совершению преступления позволяет выделить возможные типы криминальных личностей и описать их психологические и поведенческие особенности.

Исследование проблемы выявления среди лиц, совершивших серийные преступления на сексуальной почве, определенных типов личностей, с присущими каждому из них характеристиками докриминального, криминального, посткриминального поведения, имеет большое теоретическое и прикладное значение, так как:

- во-первых, позволяет продолжить разработку научных представлений о роли отдельных психологических составляющих в комплексе факторов, детерминирующих криминальную агрессию конкретного типа серийного сексуального убийцы;
- во-вторых, предоставляет возможность использовать полученные в процессе научного анализа знания для решения ряда практических задач, связанных с раскрытием и расследованием серийных преступлений на сексуальной почве.

Специалистами юридического профиля подчеркивается необходимость создания в целях раскрытия и расследования серийных убийств эмпирической базы, содержащей систематизированные данные о личностных (в том числе психологических) и поведенческих характеристиках различного типа серийных убийц (Исаенко В.Н., 2005). Использование практическими работниками таких знаний способствовало бы повышению эффективности решения оперативно-служебных задач, связанных, в частности, с определением на основе анализа криминалистических признаков серийных убийств типологических особенностей предполагаемого преступника, установлением с учетом его типа приоритетов в выявлении круга подозреваемых и разработкой плана оперативно-розыскных мероприятий по его розыску.

Сотрудниками ВНИИ МВД РФ по инициативе Управления криминалистики Генеральной прокуратуры и Департамента Уголовного розыска проводилось изучение психологических особенностей личности и поведения лиц, совершивших серийные сексуальные убийства на территории России в период с 1968 по 2003 г.

Программа исследования разрабатывалась с учетом теоретических положений юридической психологии и криминалистики (Самовичев Е.Г., 1993; Васильев А.Н., 2002) о взаимосвязи личности преступника и характеристик его преступного поведения, отражении в следах преступления физических и психических черт лица, его совершившего, а также научных представлений о мотивационных механизмах серийных сексуальных преступников и возможностях монографического подхода к изучению личностного развития преступника (Антонян Ю.М., Гульдман В.В., 1991; Конышева Л.Н., 1998, 2002, 2005).

Основным методом исследования явился психологический анализ уголовных дел по раскрытым серийным убийствам на сексуальной почве (из архивов судов Москвы и Московской области), а так же материалов психолого-психиатрической экспертизы лиц, обвиняемых в данном виде преступлении (из архивов ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского).

Психологическое изучение личности преступника, проводимое с опорой на данные уголовных дел и приобщенной к ним документации, позволило выстроить в хронологической последовательности биографию конкретного преступника, проанализировать «в развитии» его психику, реконструировать динамику личностных изменений, происходящих с ним на протяжении жизни, а так же выявить личные истории, характерные для различных типов преступников, виновных в совершении серийных сексуальных убийств.

Проведенный качественный психологический анализ позволил выделить среди изученных лиц несколько групп преступников, различающихся по истории личностного развития в целом, а также по психологическим свойствам и характеристикам криминального поведения. Результаты сравнительного изучения процесса личностного формирования в данных группах показали, что у представителей каждой из них направленность личности имеет свои специфические черты, проявляющиеся в предрасположенности к определенному образу действия во всех сферах жизнедеятельности, включая и криминальную.

Однако причины, лежащие в основе различий в личностных и поведенческих проявлениях серийных сексуальных убийц, требуют более углубленного изучения и связаны с оценкой факторов, детерминирующих криминальную сексуальную агрессию, и дифференциацией ее механизмов.

Дальнейшее исследование, в соответствии с разрабатываемым в отечественной юридической психологии многофакторным подходом к феномену криминальной агрессии (Сафуанов Ф.С., 2003; Михайлова О.Ю., 2000), будет проводиться с опорой на следующие теоретических положения:

- криминальное агрессивное поведение серийных сексуальных убийц является результатом влияния комплекса факторов, варианты комбинаций которых можно рассматривать как основание для типологии данного вида преступников;
- в комплексе факторов выделяются личностные (аномалия черт личности как основание личностной агрессии, аномалия сферы сексуальных влечений как основание агрессии на уровне биологических потребностей, дефицитарность личностных структур, контролирующих агрессию) и факторы личностно-ситуационного взаимодействия (характер поведения жертвы, характер активности преступника, объективные признаки ситуации);
- признаки, свойственные определенному типу преступника, проявляются в характеристиках его деятельности и могут быть выявлены посредством системы поведенческих критериев.

В ходе исследования предполагается также проверить гипотезу о существовании значимых различий по признакам преступлений, совершаемых представителями разных типов серийных сексуальных убийц.

Полученные в результате проведенной научно-исследовательской работы сведения о психологических особенностях личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц планируется систематизировать и описать в рамках типовых психологических портретов, которые будут иметь практическую значимость для сотрудников правоохранительных органов.

Адаптация методики для выявления мотивационных особенностей футбольных болельщиков

Н.В. Марущак, С.Н. Ениколопов (Москва)

Одной из главных проблем современного общества является футбольное хулиганство, ставшее глобальным явлением и затрагивающее даже простых обывателей, далеких от спорта. В «околофутбольные» беспорядки вовлекаются как политики (война в Центральной Америке, начало распада Югославии), так и обычные люди (беспорядки на Манежной площади в 2002 году). К сожалению, исследований футбольного хулиганства и вандализма очень мало. По данным Д. Ванна и его коллег, только 4% всех исследований, опубликованных в спортивных психологических и социологических журналах, были посвящены болельщикам (Wann, 1995). В России же по тем или иным причинам подобные исследования вообще никогда не проводились.

Главным «двигателем» хулиганов, устраивающих беспорядки, как на трибунах стадиона, так и за его пределами, является агрессия по отношению к болельщикам команды соперника. Основным стимулом к агрессивным действиям в данном случае служит фрустрация, которая определяется как блокирование или создание помех для какого-либо целенаправленного поведения (Бэрон, Ричардсон, 2001).

Фрустрирующие ситуации возникают, конечно же, не только на футбольном матче (например, в случае проигрыша любимой команды). Они преследуют каждого человека и в повседневной жизни. Но не всегда он может «сорвать зло» непосредственно на том, кто его фрустрировал, из-за возможности наказания. Поэтому часто в случае с агрессивными действиями имеет место смещение агрессии, когда индивидuum направляет ее не на фрустратора, а на человека, нападение на которого ассоциируется с меньшим наказанием.

Естественно, беспорядки устраивают далеко не все болельщики, пришедшие на стадион. Обычно это делают люди, привыкшие реагировать на фрустрирующие их ситуации агрессивно. В их случае агрессия представляет собой приобретенную в процессе научения модель социального поведения. Социальное научение предполагает проявление агрессии людьми только в определенных социальных условиях, способствующих подобному поведению. Футбольный матч создает именно такие условия.

Во-первых, фаната привлекает безнаказанность. Он – часть толпы и ведет себя «как все». Здесь имеет место так называемый феномен деиндивидуализации, под которым понимается утрата самосознания и чувства индивидуальной ответственности, когда нормативное сдерживание значительно ослабевает.

Во-вторых, сама атмосфера на стадионе, когда все скандируют, поют песни, устраивают бурные овации красиво забитому мячу и освистывают соперников, способствует проявлению агрессии. И если кто-то начинает вести себя агрессивно, всегда найдутся хотя бы несколько человек, которые вслед за ним поведут себя подобным образом. В этом случае можно наблюдать феномены заражения и подражания (Андреева, 1999).

Для понимания феномена футбольного фанатизма и хулиганства необходимо выяснить, какие факторы отвечают за интерес людей к спортивным соревнованиям вообще и к футболу в частности. Поэтому нами была адаптирована методика Д. Ванна «Sport Fan Motivation Scale» (Wann, 1995). Важно отметить, что в данном исследовании принимали участие спортивные болельщики в широком смысле этого слова, т. е. не только поклонники футбола.

По мнению Ванна, можно выделить 8 основных факторов, влияющих на интерес человека к наблюдению разного рода спортивных соревнований: положительное психологическое напряжение (eustress); чувство собственного достоинства (self-esteem); уход от жизненных проблем (escape); фактор развлечения (entertainment); экономический фактор (economic); эстетический фактор (aesthetic); принадлежность к группе

(group affiliation); фактор семьи (family needs). Все они нашли подтверждение в исследованиях, проведенных как самим Ванном, так и другими зарубежными исследователями с помощью разработанной им методики (Wann, 1995, 1999; Cohen, Avrahami, 2005).

По итогам нашего пилотажного исследования мы получили практически те же факторы, отвечающие за мотивацию российских спортивных болельщиков, за исключением фактора развлечения. Также стоит отметить, что экономическому фактору было присвоено название «фактор азарта», т. к. его следует понимать в более широком смысле, нежели просто как получение некоторой материальной выгоды в результате успешных ставок на исход соревнования, как подразумевается у Ванна. В нашем случае в данный фактор помимо вопросов, выявляющих «экономический» интерес болельщика к соревнованию, вошли утверждения, касающиеся получения нематериального удовольствия от просмотра спортивного состязания.

Среди полученных нами факторов основными можно назвать факторы психологического напряжения и азарта, а также эстетический фактор. Можно предположить, что они являются ведущими по отношению к остальным. Т. е., например, такие мотивации, как «принадлежность к группе» и «уход от проблем» (характерные для футбольных фанатов) редко встречаются отдельно от эстетической мотивации или положительного напряжения.

Существенной связи главных факторов с такими демографическими характеристиками, как пол, возраст, социальное и семейное положение, выявлено не было. Респонденты, которые показывали низкие результаты по основным факторам, обычно демонстрировали низкую заинтересованность в наблюдении за спортивными соревнованиями вообще.

Важно отметить, что корреляционный анализ факторов, выделенных у Ванна, и факторов, получившихся в данном пилотажном исследовании показал отсутствие какой-либо связи между ними. Этому факту можно дать два объяснения:

- в оригинальном опроснике Ванна плохо сгруппированы факторы, т. к. в каждый фактор автор помещает слишком прямые вопросы, на которые можно ответить вполне однозначно. Это лишает возможности увидеть наличие связей между факторами;
- факторы не совпали вследствие перехода от иностранной выборки к российской. Это может быть связано с принадлежностью испытуемых к различным культурам. Вполне возможно, что за рубежом болельщики относятся к спортивным соревнованиям не совсем так, как у нас в стране.

Методика Д. Ванна была успешно адаптирована нами для работы с российскими спортивными болельщиками. В дальнейшем ее вполне можно будет применить для исследования футбольных фанатов, скорректировав некоторые недостатки, к которым в первую очередь относится отсутствие утверждений, выявляющих уровень агрессивности болельщиков.

Для наиболее полного психологического описания футбольных фанатов было решено составить батарею методик, в которую вошли:

- личностный опросник агрессивности Басса – Перри;
- опросник черт характера для взрослых (17–60 лет) Маноловой – Русалова;
- опросник самоуважения Розенберга;
- адаптированный вариант опросника Ванна, в который были добавлены утверждения, косвенным образом выявляющие наличие агрессивности у испытуемых, а также несколько косвенных вопросов, относящихся к каждому из 7 факторов, получившихся в результате пилотажного исследования.

Таким образом, получен хороший инструмент для исследования футбольных фанатов, который в дальнейшем поможет в полной мере описать особенности их личности, понять их мотивацию и определить степень и причины их агрессивности, а также даст возможность разработать методы борьбы с «околофутбольным» хулиганством.

Опыт использования многочертного-многометодного анализа для валидации опросника «Многофакторное исследование толерантности»

О.В. Митина, Ю.Д. Бабаева, П.А. Сабадош (Москва)

Основные положения Многочертного-Многометодного анализа (МЧММ). Этот способ анализа в первоначальном виде был предложен в 1959 г. Д. Кэмпбеллом и Д. Фиске (Campbell, Fiske, 1959). Авторы использовали его для проверки *конструктивной валидности* наборов различных личностных черт, измеряемых сразу несколькими различными способами (методами). Главное требование МЧММ — каждая черта из набора должна быть измерена с помощью каждого метода, т. е. получаемые по каждому респонденту данные должны иметь табличную (двухмерную) структуру. При этом предполагается, что одна и та же черта, измеренная разными методами, сохраняет устойчивость, т. е. показатели измерений одной и той же черты разными методами коррелируют между собой существенно выше, чем измерения разных черт разными методами. Это является подтверждением *конвергентной валидности* черты. Точно так же должны коррелировать друг с другом измерения разных черт с помощью одинакового метода, что подтверждает *конвергентную валидность* соответствующего метода. Далее, предполагается, что коэффициенты корреляции между различными чертами, измеренными одинаковым методом, существенно меньше 1, т. е. черты не тождественны — этим подтверждается их *дискриминантная валидность*. Аналогично, коэффициенты корреляции между измерениями одной и той же черты разными методами должны быть существенно меньше 1. Вместе конвергентная и дискриминантная валидности черты (либо метода) составляют ее (его) конструктивную валидность.

Методы структурного моделирования (СМ) значительно повышают эффективность применения МЧММ благодаря процедурам количественной оценки разных видов валидности. Преимуществом СМ является и то, что здесь статистические гипотезы формулируются в терминах уже не отдельных единичных измерений, а интересующих исследователя психологических конструктов. СМ можно рассматривать как разновидность конфирматорного факторного анализа, позволяющего проверить гипотезу о существовании взаимосвязанных между собой конструктов (латентных переменных, факторов), проявляющихся с помощью специально подобранных индикаторов (изменяемых переменных) (Митина, 2006). Особенность моделирования по схеме МЧММ состоит в том, что различают две группы не рядоположных конструктов (латентных факторов), традиционно называемых «чертами» и «методами». Каждая наблюдаемая переменная оказывается детерминированной двумя факторами, из которых один принадлежит группе черт, а второй — группе методов. Корреляции факторов предполагаются только внутри каждой группы: черты могут коррелировать с чертами, а методы с методами. Подробно о том, как писать структурные уравнения по схеме см.: Митина, 2006; 2007.

В терминах СМ психометрическая процедура МЧММ состоит из выявления того, какая из следующих моделей (фактически — альтернативных статистических гипотез) больше соответствует эмпирическим данным: 1) «Методы и Черты устойчивы и свободно коррелируют внутри своих групп»; 2) «Методы устойчивы и свободно коррелируют внутри своей группы, Черты как устойчивые конструкты не выделяются»; 3) «Черты устойчивы и свободно коррелируют внутри своей группы, Методы как устойчивые конструкты не выделяются»; 4) «Методы устойчивы и свободно коррелируют внутри своей группы, коэффициенты корреляции Черт между собой равны 1»; 5) «Черты устойчивы и свободно коррелируют внутри своей группы, коэффициенты корреляции Методов между собой равны 1». Значимое преимущество Модели 1 перед Моделями 2 и 3 является статистическим доказательством конвергентной валидности Черт и Методов соответственно. Значимое преимущество Модели 1 перед Моделями 4 и 5 является статистическим доказательством дискриминантной валидности Черт и Методов соответственно.

Анализ опросника «Многофакторное исследование толерантности» (МИТ). Использование метода МЧММ с применением СМ может быть эффективно при психометрическом анализе данных опросников, имеющих табличную двухмерную структуру. Примером такого опросника является МИТ (Бабаева, Сабадош, 2008; 2010). Пункты МИТ образуют две группы не рядоположных шкал (конструктов): «объектные» и «субъектные»; при этом каждый пункт принадлежит одновременно к каким-либо двум шкалам из разных групп. Первая группа состоит из 10 шкал, каждая из которых измеряет толерантность установки к определенному «объекту»: старшему поколению, представителям других этносов, чужой религии, маргинальным личностям, принятым социальным нормам и налагаемым им ограничениям, различным направлениям в искусстве, противоположному полу, нарушителям закона, больным, приезжим (мигрантам). В другую группу входят 4 шкалы, отражающие качества самого субъекта, служащие индивидуально-психологическими ресурсами толерантному поведению: рефлексивность, плюрализм, гибкость, миролюбие. Данные были получены на выборке в 546 человек, учащих школ г. Москвы 13–17 лет, средний возраст 14,9 лет, девушек 51%, юношей 49%.

При использовании МЧММ мы произвольно приняли группу объектных шкал за «черты», а группу субъектных – за «методы» (напомним, что названия «черты» и «методы» условны). Во всех случаях модель (1), утверждающая наличие различных шкал, которые делятся на объектные и субъектные, по степени соответствия данным МИТ с высоким уровнем значимости превосходит все остальные модели. Таким образом, результаты МЧММ анализа методом СМ подтверждают конвергентную и дискриминантную валидность включенных в МИТ как объектных, так и субъектных шкал, и тем самым – их конструктивную валидность.

Относительно низкие коэффициенты корреляции между объектными шкалами свидетельствуют о выраженной обусловленности толерантности конкретных установок спецификой того или иного социального стереотипа. Отсутствие тесных корреляций между субъектными шкалами можно интерпретировать как проявление индивидуальных различий в соотношении отдельных внутренних психологических ресурсов, обеспечивающих толерантное поведение. Вместе с тем, по-видимому, существует и взаимосвязь этих ресурсов – субъектные шкалы коррелируют друг с другом выше, нежели объектные. Возможно, имеется некий общий фактор второго порядка – так называемой общей толерантности.

В заключение отметим, что для опросника МИТ МЧММ является наиболее адекватным методом проверки конструктивной валидности, поскольку исходит из двухмерной структуры данных и не только учитывает ее при анализе, но и оценивает ее статистическую достоверность.

Адаптация на русскоязычной выборке методик исследования отношений к смерти и страхов смерти

К.А. Чистопольская (Москва)

Отношение человека к смерти – относительно новая, но важная тема исследований. Первый всплеск активности в этой сфере возник в США в 70е годы 20 века. Частично он был вызван страхом ядерного холокоста и третьей мировой, частично – переменами в медицинской сфере. Врачи пытались понять, как им общаться с неизлечимо больными, суицидальными, пожилыми пациентами, какой ответ на сообщение о смертельном диагнозе считать «здоровым», а в каком случае требуется психиатрическое вмешательство. Среди важных работ тех лет – исследования Германа Фейфеля о страхе смерти различной степени осознанности, Роберта Лифтона – о переживаниях «бессмертия» (чувства безопасности) и их искажениях, Эдвина Шнейдмана – об отношении к жизни и смерти у самоубийц и смертельно больных людей, о примирении с мыслью о смерти; и мн. др.

В 1986 году Дж. Гринбергом, Т. Пыжински и Ш. Соломоном была предложена теория управления страхом, которая продолжает идеи культурного антрополога Эрнста Бекера (1973) в сфере социальной психологии как эмпирической науки. Авторы полагают, что большую часть человеческого поведения можно понять как попытку достичь психологического спокойствия перед лицом осознания своей смертной природы. Люди достигают этого спокойствия через культуру, которая поднимает их над остальными животными. Современные работы в русле этой теории показали, что напоминание о смерти нарушает повседневную деятельность, люди склонны больше подвергать свою жизнь риску (например, неосторожно вести машину), высказывать резкие суждения о противоположной точке зрения, предпочитать авторитарных лидеров, требовать жестких наказаний для людей, совершивших незначительные проступки.

В связи с такой востребованностью, с одной стороны, и малоизученностью темы – с другой, возникла потребность в адекватных методах исследования отношений к смерти и страхов смерти на русскоязычной выборке. Для данной задачи были адаптированы опросники «Отношение к смерти» (авторы П. Вонг, Дж. Рекер и Дж. Гессер) и «Страх личной смерти» (В. Флориан, С. Кравец). Мы также использовали методику Ф. Зимбардо по временной перспективе личности (адаптация А. Сырцовой, О.В. Митиной), тест жизнестойкости С. Мадди (Е.И. Рассказова, Д.А. Леонтьев), шкалу толерантности к неопределенности Д. МакЛейна (Е.Г. Луковицкая) и опросник депрессии А. Бека. На первом этапе исследования участвовали 156 студентов в возрасте от 18 до 25 лет.

Опросник «Отношение к смерти» (1994) исследует то, какое значение человек приписывает смерти, его взгляды на это явление: принимает он ее, избегает или боится. Факторная структура опросника на русскоязычной выборке оказалась полностью идентичной исходному варианту. Мы получили следующие шкалы.

«Принятие-приближение смерти» (альфа =0,84) – смерть рассматривается человеком позитивно, даже приветствуется, человек верит в жизнь после смерти, полагает, что загробная жизнь лучше земной. Пример утверждения: «Я предвкушаю жизнь после смерти».

«Избегание» (альфа =0,89) – позиция, при которой человек предпочитает не думать о смерти и избегает любых напоминаний о ней в своей повседневной жизни («Когда бы мысль о смерти ни приходила мне в голову, я стараюсь отвлечься от нее»).

«Страх» (альфа =0,82) – отношение к смерти характеризуется преимущественно страхом и беспокойством («Смерть, вне сомнения, мрачный опыт»).

«Принятие бегства» (альфа =0,82) – смерть воспринимается, скорее, позитивно, как освобождение от затруднений, возможный выход из неприятных ситуаций («Смерть покончит со всеми моими злоключениями»).

«Нейтральное принятие» (альфа =0,72) – человек не воспринимает смерть как негативное явление, а просто как неизбежность («Смерть – естественная часть жизни»).

Опросник «Страх личной смерти» (1983) исследует причины страха смерти у человека, что именно вызывает у него наибольшее отторжение этого явления. В методике три измерения: внутриличностное, межличностное, надличностное. Утверждения опросника являются продолжением фразы «Смерть пугает меня, потому что...». Структура опросника на русской выборке получилась несколько иной, чем в оригинале. В ней оказалось три, а не две шкалы во внутриличностном измерении (последствия для самой личности, для тела и для личных стремлений). Также пришлось исключить пункт «...боюсь наказания, которое ждет после смерти», потому что он давал равную нагрузку на факторы «Трансцендентные последствия смерти» и «Последствия для семьи и друзей».

Внутриличностное измерение:

«Последствия для личности» (альфа =0,92) – страх того, что смерть уничтожит личность человека, его отдельные способности и его целостность («...это положит конец способности мыслить», «...мое «я» разрушится, исчезнет»).

«Последствия для тела» (альфа =0,87) – страх физических последствий смерти («...я потеряю человеческий облик»).

«Последствия для личных стремлений» (альфа =0,91) – страх исключения из процесса жизни, разрушения планов и замыслов («...это оторвет меня от самой жизни»).

Межличностное измерение:

«Последствия для семьи и друзей» (а=0,84) – страх того, что личная смерть будет болезненно воспринята близкими людьми, а семья все еще будет нуждаться в человеке («...родственники не оправятся от горя»).

«Страх потери социальной идентичности (забвение)» (альфа =0,69) – страх, что уход человека будет воспринят безразлично, этого никто не заметит («...мой уход не ранит близких»).

Надличностное измерение:

«Трансцендентные последствия» (альфа =0,89) – страх неизвестности, которая ждет после смерти («...она непостижима»).

Корреляции между шкалами опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» свидетельствуют в пользу их конструктивной валидности: страх смерти и избегание темы смерти положительно связаны с различными проявлениями страха личной смерти, а разные варианты принятия смерти – отрицательно.

Корреляции шкал опросника «Отношение к смерти» с другими переменными показали, что страх смерти и принятие смерти как бегства вызывает у молодых людей некоторые затруднения в адаптации: такой взгляд на проблему смерти связан с депрессией, снижением всех показателей жизнестойкости и толерантности к неопределенности, а принятие смерти как бегства – еще и с ориентацией на негативное прошлое и фаталистическое настоящее.

Что касается страха личной смерти, наиболее ранимы оказались люди со страхом потери социальной идентичности (забвения) – эта шкала связана со снижением показателей жизнестойкости, депрессией, ориентацией на фаталистическое настоящее и негативное прошлое, размышлениями о смерти. Люди, ориентированные на будущее и позитивное прошлое больше боятся надличностных последствий смерти, а гедонисты – последствий для личности, телесного уничтожения и краха их стремлений. Страх последствий смерти для личности и телесного уничтожения отрицательно связан с предпочтением сложных задач.

Результаты данного исследования согласуются с основными положениями теории управления страхом. Так, избегание темы смерти соответствует взгляду на жизнь, предполагающему позитивные самооценку и картину мира (ориентация на будущее и позитивное прошлое), а принятие смерти как бегства от проблем сочетаются с негативной картиной мира, пассивностью, меньшей включенностью в жизнь.

В текущее время проходит второй этап исследования: мы изучаем связь отношений к жизни и смерти в остром постсуициде на той же возрастной группе (18-25 лет). Данные по 32 участникам также подтверждают гипотезу теории управления страхом о культурном буфере тревоги. Для людей после недавней попытки самоубийства наиболее характерно противопоставление двух позиций: принятия смерти как бегства и избегания темы смерти в повседневной жизни. Первая обнаруживает сильные положительные связи с неблагоприятной временной перспективой и депрессией, отрицательные – с показателями жизнестойкости, вторая – небольшие положительные связи с жизнестойкостью, отрицательные – с депрессией. Страх последствий для личных стремлений и страх трансцендентных последствий выполняют роль психологических защит, а страх потери социальной идентичности (забвения) является фактором риска для данных пациентов.

Таким образом, адаптация на русскоязычной выборке опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» проходит успешно и дает интересные результаты. Их

использование может пролить свет на то, как работают или как нарушаются защиты в трудных жизненных ситуациях. Они также могут пригодиться в социальной психологии, для изучения возникновения конфликтов и агрессивного поведения.

Интолерантность к неопределенности у подростков с девиантным поведением

В.А. Ясная (Москва)

Толерантность к неопределенности (ТКН) как предмет изучения привлекла внимание русскоязычных исследователей сравнительно недавно — первая работа выполнена Е.Г. Луковицкой в 1998 году. В настоящее время существует всего несколько исследований этой проблемы в отечественной психологии. Намного более устойчивый интерес ученых в области социальных наук привлекает проблема этнической толерантности, ксенофобии, межличностной толерантности. На наш взгляд, интолерантность к неопределенности (ИТН) на самом деле является одной из причин этнической и межличностной интолерантности, а также враждебности и агрессивного поведения. В связи с этим внимание к феномену ТКН важно при изучении девиантного и делинквентного поведения, агрессии и даже, возможно, терроризма.

Впервые феномен ТКН был описан в 1948 г. Э. Френкель-Брунsvик (Frenkel-Brunswik E., 1948, p. 268) в контексте исследований авторитарной личности и известной концепции Т. Адорно (Адорно Т. с соавт., 2001). В теориях и исследованиях этого направления была показана связь авторитарности с интолерантностью к неопределенности.

Если обобщить взгляды разных авторов, ТКН можно определить как способность человека переносить конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности, неполноты или противоречивости информации (Budner S., 1962, p. 29–59; Frenkel-Brunswik E., 1948, p. 268; McLain D., 1993, p. 183–190; Norton R. W., 1975, p. 607–619). Нетолерантные к неопределенности люди воспринимают противоречивую ситуацию как источник угрозы, толерантные испытывают интерес и азарт. Интолерантность к неопределенности (ИТН) характеризуется потребностью в категоризации, упорядоченности, однозначности и предсказуемости, отвержением нового, непривычного, дихотомическим мышлением и восприятием, т. е. ригидностью, догматизмом, наличием предрассудков, тревожностью и агрессивностью. Различия в реакции на неопределенность играют существенную роль при принятии решений в ситуациях выбора, определяют особенности поведения, формирование агрессивного поведения и психопатологическую симптоматику (Луковицкая Е.Г., 1998; Budner S., 1962, p. 29–59; Frenkel-Brunswik E., 1948, p. 268).

Наше исследование посвящено изучению ТКН и ее связи с временной перспективой (ВП) у подростков с девиантным поведением. Известно, что эти подростки отличаются более высоким по сравнению с «обычными» подростками уровнем агрессивности и враждебности. Мы полагаем, одна из причин этого в том, что они хуже переносят ситуации неопределенности.

Целью исследования было выявить особенности и структуру толерантности к неопределенности у девиантных подростков и ее влияние на их временную перспективу. В задачи входило сравнить уровень ТКН у девиантных подростков и контрольной группы, провести факторный анализ данных по ТКН у девиантных подростков, сравнить результаты с факторной структурой ТКН у контрольной группы и выявить корреляционные связи ТКН с параметрами временной перспективы в обеих группах.

Мы предположили, что у девиантных подростков будет более высокий уровень ИТН. Кроме того, высокие показатели ИТН будут связаны с ориентацией на настоящее, а в контрольной группе ИТН будет связана с ориентацией на будущее.

Для оценки ТКН мы использовали Опросник толерантности к неопределенности (ТН) мексиканской ученой Д.Л. Вигано Ла Роса в адаптации Н.В. Шалаева (2004). Опросник состоит из трех факторов – Риска (восприятие новых и рискованных ситуаций как интересных и побуждающих к действию), Интолерантности к неопределенности (как она описана выше) и Безопасности (тенденция к повторению уже прожитого и страх перед неизвестным и неопределенным) (Шалаев Н.В., 2004). Именно шкала ИТН, как мы думаем, отражает собственно толерантность к неопределенности, которая связана с этнической и межличностной нетолерантностью, высокой тревогой, агрессивностью и враждебностью.

Для оценки ВП мы использовали Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой (Сырцова А. с соавт., 2008, с. 101–109). В методике 5 факторов: 1) Будущее (Б) – ориентация на цели и вознаграждения, которые человек ожидает получить в будущем; 2) Негативное прошлое (НП) – негативное и пессимистичное отношение к прошлому; 3) Позитивное прошлое (ПП) – теплое, сентиментальное отношение индивида к своему прошлому; 4) Гедонистическое настоящее (ГН) – стремление к удовольствию в настоящем без учета последствий для будущего; 5) Фаталистическое настоящее (ФН) – безнадежное и беспомощное отношение к настоящему и будущему.

В исследовании участвовали две выборки: 1) подростки с девиантным поведением (N=60, средний возраст 14,9 лет, 43 мальчика, 17 девочек), учащиеся закрытой школы для совершивших правонарушения (N=29) и специальной общеобразовательной школы для детей с девиантным поведением (N=31); 2) контрольная группа (N=89, средний возраст 16 лет, 44 мужского пола и 43 – женского, для двоих пол не указан): учащиеся гимназий, лицеев и частной школы (N=43) и студенты 1-го курса экономического факультета ГУ-ВШЭ (N=46).

На первом этапе мы провели сравнение двух выборок по шкалам ТН. Мы получили, что выборки не отличаются по шкале Риска и значимо отличаются по шкалам ИТН и Безопасности. Таким образом, девиантные подростки имеют более высокий уровень ригидности, склонны воспринимать сложное и непохожее как источник угрозы, и поэтому более тревожны и враждебны.

На втором этапе мы провели факторизацию опросника ТН отдельно для двух выборок, и получили различные факторные структуры ТН. В контрольной группе было получено двухфакторное решение: Ф1 представлял собой склонность к риску и способность переносить неопределенность (Риск и толерантность к неопределенности, РиТН), Ф2 – интолерантность к неопределенности (ИТН). В группе девиантных подростков и трехфакторное, и двухфакторное решения имели множество недостатков, многие пункты «выпали». Содержание этих факторов отличалось от полученных в контрольной группе. Для удобства анализа мы остановились на двухфакторном решении. Первый фактор мы назвали Риск и поиск новизны (РиПН), второй – Интолерантность к неопределенности (ИТН), хотя по содержанию он отличался от ИТН группы нормы.

На третьем этапе мы провели корреляционный анализ шкал ТН и Опросника ВП (использовался коэффициент корреляции Пирсона). В контрольной группе шкала РиТН показала небольшие отрицательные связи с НП ($-0,347, p < 0,01$) и ФН ($-0,279, p < 0,01$) и положительные – с ГН ($0,467, p < 0,01$): те, кто хорошо переносит неопределенность, живут сегодняшним днем, не планируя будущее, не испытывают при этом чувства беспомощности и не фиксируются на прошлом. Шкала ИТН в соответствии с гипотезой показала небольшие положительные связи только с ориентацией на будущее: чем ниже способность переносить неопределенность, тем выше потребность в структурировании и планировании будущего.

Неожиданные результаты мы получили на выборке подростков с девиантным поведением. Шкала РиПН показала умеренные положительные связи с ГН ($0,435, p < 0,01$). А вот шкала ИТН была положительно связана с ПП ($0,290, p < 0,05$), ГН ($0,408, p < 0,01$),

ФН (0,452, $p < 0,01$) и Будущим (0,451, $p < 0,01$). Вероятно, у подростков этой группы отличаются способы совладания с неопределенностью: они уходят в ностальгические воспоминания о прошлом и сиюминутный гедонизм, неопределенность вызывает чувство беспомощности. Будущее разворачивается скорее в ирреальном плане, т. к. они не могут спланировать реальных действий по достижению цели.

Кроме того, на выборке девиантных подростков шкалы РиПН и ИТН показали значимые положительные корреляции между собой (0,345, $p < 0,01$), в то время как на выборке нормы шкалы ТН независимы. Возможно, в основе обеих черт (стремления к новым ощущениям и ИТН) лежит общая причина, например, особенности среды или психопатологическая симптоматика.

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА»

Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций как фактор совладающего поведения

Е.В. Битюцкая (Москва)

Один из ключевых вопросов, который встает перед современной психологией в области совладающего поведения, — каковы детерминанты совладания: почему в одной и той же ситуации один субъект активно преобразовывает условия среды, другой избегает их? Что имеет решающее значение: личностные характеристики или ситуационный контекст? При изучении этих вопросов мы приходим к наличию третьего фактора — оценки субъектом ситуации, в которой он пребывает. Этот феномен определяется в современной науке как «когнитивное оценивание».

Феномен когнитивного оценивания позволяет учесть взаимовлияние личности и среды, при котором ведущая роль отводится субъективным факторам: переживанию и пониманию ситуации человеком, отношению к ней, интерпретации событий. Основы такой методологической позиции были заложены в работах К. Левина («психологическое жизненное пространство»), Л.С. Выготского (переживание как «единица личности и среды»), У. Томаса («определение ситуации как процесс ее анализа и облумывания»). Данные идеи развиваются современными учеными: Л.И. Анцыферовой (1994), Н.В. Гришиной (1997), Л.Г. Дикой, А.В. Махнач (1996). Отмечается, что объективно данная человеку действительность трансформируется в зависимости от его личностных особенностей, предыдущего опыта, насущного состояния и т. п. В результате, субъективная картина ситуации не тождественна объективной данности. Именно эта субъективная картина во многом определяет дальнейшее поведение человека в ситуации. Наши исследования фокусируются на описании, операционализации, изучении когнитивного оценивания трудной жизненной ситуации в контексте совладающего поведения.

Анализ литературы по проблеме показал, что наиболее цитируемой является концепция когнитивного оценивания стресса, разработанная Р. Лазарусом (Lazarus R., 1966; Lazarus R., Folkman S., 1984). На данную концепцию основывается большинство зарубежных исследований в области совладающего поведения, а также определения когнитивного оценивания, предлагаемые отечественными авторами (Л.А. Александровой, Ф.Б. Березиным, В.А. Бодровым, Т.Л. Крюковой и др.).

Вместе с тем, на наш взгляд, в отечественной психологии заложена основа для более широкого понимания когнитивного оценивания трудной жизненной ситуации: как процесса ее субъективного восприятия и интерпретации, результатом которого является субъективная картина ситуации, представленная в индивидуальном сознании. Такое понимание когнитивного оценивания базируется на традициях отечественной психологии: в частности, концепции образа мира А.Н. Леонтьева и его последователей, на идее «динамической смысловой системы», включающей эмоциональные и когнитивные процессы, берущей начало в трудах Л.С. Выготского и детально разработанной в школе О.К. Тихомирова. В опоре на эти методологические традиции нами описана модель критериев когнитивного оценивания трудных жизненных ситуаций. Модель разработана на основании теоретического анализа и эмпирического исследования, проведенного с помощью методики незаконченных предложений и психосемантической методики (выборка составила 879 человек в возрасте от 17 до 35 лет, 503 женщины и 376 мужчин). Сделан вывод о том, что трудные жизненные ситуации характеризуются двумя типами признаков: *общими* (к которым относятся значимость, беспокойство, повышенные затраты ресурсов) и *частными* (неподконтрольностью, неопределенностью, недостаточной прогнозируемостью, необходимостью быстрого реагирования, недостатком внутренних ресурсов для преодоления ситуации, затруднениями в

принятии решения). Общие признаки характеризуют все трудные жизненные ситуации, частные – варьируют в зависимости от типа ситуации и личностных особенностей.

Второй важный для нас тезис состоит в том, что когнитивное оценивание трудной ситуации детерминирует выбор стратегий совладающего поведения. Для подтверждения этого тезиса нами был проведен анализ корреляционных зависимостей между описанными критериями когнитивного оценивания и копинг-стратегиями. Для выявления стратегий использовался опросник, разработанный на основе методики С. Фолкман, Р. Лазаруса «Ways of Coping Questionnaire» (модификация и адаптация Е.В. Битюцкой, 2007). Рассматривались следующие стратегии: активное совладание, поиск социальной поддержки, положительная переоценка ситуации, самоконтроль, риск, самообвинение, стратегии избегания (дистанцирование, отвлечение, фантазирование, агрессия), откладывание решения проблемы. В исследовании приняли участие 53 студента 2–5 курсов (23 мужского и 30 женского пола в возрасте от 18 до 22 лет). Анализировались 212 ситуаций разного содержания, которые были признаны респондентами субъективно трудными. Результаты анализа свидетельствуют о наличии взаимосвязей между оцениванием трудных жизненных ситуаций и стратегиями поведения.

Фактор общих признаков трудных ситуаций значимо коррелирует с четырьмя из семи анализируемых копинг-стратегий: активным совладанием, привлечением социальной помощи, открытым проявлением эмоций, отвлечением. Интересно то, что связь обнаруживается как для контактных стратегий, так и для защитных форм поведения. Можно сделать вывод о том, что с увеличением трудности ситуации копинг становится интенсивнее как в совладающих, так и в защитных формах. При восприятии ситуации как *неподконтрольной и неопределенной* повышается вероятность проявления защитных стратегий, ухода от решения проблемы. Кроме того, фактор неподконтрольности значимо коррелирует со стратегией поиска эмоциональной поддержки. Когда исход не зависит от субъекта и его усилий недостаточно для решения возникших трудностей, существенно возрастает потребность в сочувствии и понимании. *Прогнозируемость* ситуации значимо коррелирует с активным совладанием. Более точный прогноз о развитии событий стимулирует планирование собственных действий, обдумывание способов реагирования на возникшие обстоятельства. *Фактор быстроты реагирования* на условия ситуации высоко достоверно коррелирует со стратегией «риск». Это говорит о том, что восприятие ситуации как требующей незамедлительных действий, быстрого принятия решения, а также как возникшей внезапно, неожиданно провоцирует рискованные действия со стороны индивида. По фактору «затруднения в принятии решения» обнаружены статистически значимые корреляции со стратегиями «дистанцирование», «отвлечение», «активное проявление эмоций». Можно предположить, что при затруднениях в выборе адекватного варианта решения, при отсутствии четко поставленной цели и программы дальнейших действий, субъект пытается всячески избежать решения проблемы. Кроме того, выявлена связь данного фактора со стратегией обращения за помощью. Чем выше трудность принятия решения, тем чаще человек привлекает других людей, пытается обговорить ситуацию. *Оценка собственных ресурсов* (знаний и опыта) как недостаточных для нужного преобразования ситуации также взаимосвязана с привлечением других людей.

Проведенные исследования позволили описать и операционализировать когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций, эмпирически доказать, что оно является важным фактором совладающего поведения.

Трансформация временной перспективы в экстремальной ситуации

О.Г. Квасова (Москва)

В современной литературе проблема экстремальности трактуется преимущественно в контексте медико-биологических или стимульно-реактивных концепций стресса.

Но даже в них темпоральный фактор занимает основополагающее место. Например, в известной концепции Г. Селье (Selye, 1956, 1976) последствия стимульного воздействия для организма определяются его длительностью; а представления о посттравматических стрессовых расстройствах определяют эти явления как отсроченные, следовательно, темпоральные, феномены. Нестабильность, неустойчивость динамической системы требует пересмотра концепции линейной темпоральности. Таким образом, для разработки общепсихологического подхода к экстремальности остроактуальным является исследование феноменов экстремальности в контексте темпоральности, в частности – временной перспективы личности в экстремальной ситуации.

С точки зрения деятельности-смыслового подхода, экстремальность трактуется с общепсихологической точки зрения, где основополагающим фактором является временная перспектива (Магомед-Эминов М.Ш., 2007, 2008), а переживание экстремального опыта человека объясняется с точки зрения специфики временной организации переживания опыта и его динамики. Экстремальность рассматривается на основе темпоральности, которая понимается как конструирование прошлого темпорального опыта в свете актуального настоящего и направленности на будущее, т. е. временной перспективы.

Актуальным является анализ темпоральных аспектов экстремальных событий: например, психологических последствий социальных кризисов, вызывающих, нарушение временной перспективы личности, крушение жизненных планов и временную дезориентацию субъекта, и подчас спорные интерпретации темпоральных характеристик предельных, экстремальных «модусов существования», включающих в себя феномены: «обрыва временной перспективы, ее «сужения» или «жизни в отсутствии будущего» с отказом от ее планирования, Популярными сегодня областями исследования Я–концепции и временной перспективы через призму «автобиографической памяти», исследуя такие эффекты, как например, «пики воспоминаний», заключающийся в непропорционально высоком количестве личных воспоминаний, относящихся к юношескому возрасту, давно вышли за пределы когнитивных рамок, в которых первоначально возникли.

Для объяснения подобных феноменов продуктивным представляется концепция М.Ш. Магомед-Эминова (1998, 2008), в которой показано, что темпоральность выступает как темпоральная деятельность человека, как деятельность по конструированию, порождению временной формы. Временная форма рассматривается четырехмерно: три модуса времени связываются в протяженную целостность. Если следовать этому подходу, то временную перспективу следует дифференцировать: на временную форму и конструирование человеком временной формы, т. е. временной перспективы.

Временная перспектива с точки зрения различных аспектов ее традиционного изучения: динамическая Я–концепция, автобиографические воспоминания, а также протяженность, структурированность, плотность, экспансивность временной перспективы, соотношение ее с различными возрастными этапами и т. д. – также может быть подвергнута дифференциации. Так, например, темпоральную идентичность человека, а также «автобиографическую» идентичность личности необходимо отличать от темпоральной работы личности, в которой эта идентичность конструируется. Следовательно, во временной перспективе отмечается размещение бывшей, настоящей и будущей идентичности. Очевидно, что без признания темпоральной работы связывания этих темпоральных форм идентичности, связывания в темпоральной протяженности целостности, мы не можем объяснить целостность человека.

Для дальнейшего обобщения и анализа понятия временной перспективы выдвигается следующее определение: временная перспектива – это темпоральное единство модусов прошлого, настоящего и будущего в истории жизни личности. Конструирование истории бытия личности происходит в темпоральной работе личности: опыт может приобщаться и отчуждаться, размещаться в жизненном мире человека в соответствии со смысловой работой. Опыт жизни не просто вспоминается, а конструируется в

работе личности и размещается в пространстве жизненного мира в единстве модусов настоящего, прошлого и будущего.

Взаимосвязь переживания травматического события и отношения к окружающему миру у студентов

А.В. Литвинова (Москва)

Актуальной проблемой современной психологии является изучение психологических последствий воздействия психотравмирующих стрессоров на человека, ставшего участником или свидетелем того или иного травматического события. В отечественной и зарубежной психологии возрастает интерес к исследованиям психологических последствий пребывания человека в травматической ситуации. Многие исследователи указывают, что последствия пребывания человека в травматических ситуациях не ограничиваются развитием острого стрессового расстройства или ПТСР, диапазон проявлений последствий экстремального воздействия на психику человека, шире и требует дальнейших комплексных исследований.

Современное состояние употребления терминов стресс, травматический и посттравматический стресс показывает, что они контекстуально зависимы, вне эмпирических работ часто используются как синонимы. Основой для определения самостоятельного содержания термина «посттравматический стресс» служит критерий наличия в биографии индивида травматического события, связанного с угрозой жизни и сопровождающегося переживанием негативных эмоций интенсивного страха, ужаса или чувства безвыходности (беспомощности), т. е. пережитого травматического стресса, одним из психологических последствий которого и является посттравматический стресс.

К настоящему времени не выработано единой общепринятой теоретической концепции, объясняющей механизмы возникновения и развития ПТСР. Авторы психологических моделей: психодинамической, когнитивной и психосоциальной не ограничиваются рассмотрением клинически определяемой симптоматики ПТСР, понимая, что главным последствием травматического воздействия является травматическое переживание, когнитивно-эмоциональные и личностные изменения. Основными акцентами в этих являются феноменология психической травмы, специфика защитных механизмов личности, стратегии совладания, влияние внутренних и внешних факторов, вызывающих психическую травматизацию личности.

В отечественной психологической науке актуальность проведения исследований посттравматических стрессовых нарушений вызвана необходимостью оказания психологической и психотерапевтической помощи ветеранам боевых действий в Афганистане и Чеченской республике, лицам, работающим в условиях повышенной опасности (Тарабрина, 1997; Маклако, Чермянин, Шустов, 1998; Литвинцев, Снедков, Резник, 2005 и др.). Исследования в основном посвящены выявлению психологических и психиатрических последствий террористических актов у жертв терактов и их близких (Насрулаев, Шапкин, Пушкин, Кекелидзе, 2002; Идрисов, Краснов, 2004; Галкин, 2004; Гаспарян, 2005 и др.). Анализ данных по частоте развития ПТСР после тех или иных травматических событий показывает, что террористический акт представляет собой наиболее серьезную угрозу психическому здоровью населения в сравнении с природными катастрофами (Быховец, Тарабрина, 2007). Специфическим же особенностям восприятия террористической угрозы со стороны косвенных жертв (свидетели терактов посредством СМИ) уделяется недостаточно внимания (Тарабрина, 2004; Ястребов, 2004; Быховец, Тарабрина, 2005).

В современной ситуации актуальными становятся исследования лиц, профессиональная деятельность которых связана с чрезвычайными (экстремальными) ситуациями и групп «риска» (Маклаков, 2001). К ним относятся пожарные, спасатели, врачи,

психологи и т. д. Работая в зонах массовых разрушений, которые вызваны природными и техногенными катастрофами, а также оказывая помощь пострадавшим, спасатели первыми сталкиваются со страданиями выживших и телами погибших. Попадают в аналогичные ситуации и пожарные, у которых эпизодические переживания стресса высокой интенсивности могут увеличить риск возникновения ПТСР.

Краткий обзор исследований по названной проблематике раскрывает, что исследования взаимосвязи между переживаниями травматического события и базисными убеждениями в отношении к окружающему миру, другим людям и самому себе не проводились. Наше исследование было организовано и проведено на факультете ГМУ МГППУ, обеспечивающем подготовку специалистов в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В исследовании принимали участие 46 студентов 3 курса.

В центре внимания были такие параметры, как оценка влияния травматического события (вторжение, избегание, физиологическая возбудимость), шкала базовых убеждений (доброта окружающего мира, доброжелательность людей, справедливость мира, контролируемость мира, случайность как принцип распределения происходящих событий, ценность собственного «Я», степень самоконтроля, степень удачи или везения). Для их выявления использовалась методика ШОВТС (Impact of event scale – revised, IOES-R) направленная на измерение признаков и уровня ПТС и Шкала базисных убеждений, ШБУ (World Assumption Scale, WAS) для изучения отношений испытуемых к миру, окружающим людям и самому себе (Малкина-Пых, 2006). Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью SPSS-13, включала корреляционный анализ и выявление значимых различий.

В результате исследования были выявлены две группы испытуемых: группа испытуемых переживавших травматическое событие (56%) и не переживавших (44%). Травмирующие события расположились в следующей последовательности: смерть близкого человека, автомобильная катастрофа, физическое насилие и стихийное бедствие и другие однократно отмеченные.

В группе испытуемых, не переживавших травматическое событие, выявлены значимые взаимосвязи: чем меньше испытуемыми переживается «вторжение», тем выше оцениваются доброта окружающего мира, контролируемость мира, ценность собственного «Я», степень самоконтроля, степень удачи или везения; чем меньше испытуемыми переживается «избегание» и «физиологическая возбудимость», тем выше оцениваются доброта окружающего мира, контролируемость мира, степень самоконтроля, степень удачи или везения. В целом, полученные взаимосвязи раскрывают конструктивное отношение испытуемых, не переживавших травматических событий к окружающему миру (доброта окружающего мира) и самому себе (ценность собственного «Я», степень самоконтроля, степень удачи или везения).

В группе испытуемых, субъективно переживавших травматическое событие, выявлены значимые взаимосвязи: чем выше «вторжение», тем выше оценивается контролируемость мира, меньше – доброжелательность людей и ценность собственного «Я»; чем выше «избегание», тем выше оценивается контролируемость мира и меньше значимость ценности собственного «Я»; чем выше «физиологическая возбудимость», тем меньше оценивается доброжелательность людей и выше контролируемость мира. В данной группе преобладают взаимосвязи, раскрывающие проблемные аспекты в отношениях с окружающим миром (повышается контролируемость мира), с другими людьми (снижение ожиданий в доброжелательности людей) и самим собой (снижается ценность собственного «Я»), связанные с вторжением, избеганием и физиологической возбудимостью.

Полученные данные показывают специфику взаимосвязей переживания травматического события с отношением к окружающему миру, другим людям и самому себе. Поэтому возникает вопрос, а насколько значимы по рассматриваемым параметрам

различия между группами испытуемых. Выявлено, что студенты, субъективно не переживавшие травматическое событие, отличаются более выраженным восприятием доброты окружающего мира, степени самоконтроля, степени удачи или везения; студенты, субъективно переживавшие травматическое событие, отличаются переживанием вторжения, избегания, физиологической возбудимости и более низким по отношению к другой группе восприятием доброты окружающего мира, степенью самоконтроля, степенью удачи или везением.

Рассмотрены переживания травматического события, характеристики которого отражают нарушение целостности восприятия человеком окружающей действительности, в результате психотравмирующего воздействия субъективно воспринимаемых стрессоров. Психологические последствия воздействия на человека психотравмирующих внешних событий даже не высокого уровня интенсивности, но субъективно переживаемые проявляются в различной степени деформации базисных убеждений в отношении доверия к окружающему миру, другим людям и самому себе. Установлено, что у студентов, переживавших, травматическое событие преобладают взаимосвязи, раскрывающие проблемные аспекты в отношениях с окружающим миром (повышается контролируемость мира), с другими людьми (снижение ожиданий в доброжелательности людей) и самим собой (снижается ценность собственного «Я»), связанные с вторжением, избеганием и физиологической возбудимостью. Они достоверно различаются.

В результате проведенного нами исследования раскрыты взаимосвязи между переживаниями студентами травматического события и их обобщенными отношениями с миром, другими людьми и собой, полученные результаты позволяют осуществлять гибкий подход при разработке вариантов программ диагностики, психологической помощи и профилактики для студентов, субъективно переживающих последствия травматического события.

Темпоральная трактовка феномена экстремальности

Д.М. Магомед-Эминова (Москва)

В последнее время в психологической литературе отмечается возрастающий интерес к психологическим последствиям травматического опыта, однако, до сих пор в ней господствуют медицинско-реактивные модели объяснения психологических последствий экстремального опыта, в которых психическая травма рассматривается безотносительно субъекта – конкретного живого человека. Следуя темпорально-смысловой концепции травмы (Магомед-Эминов М.Ш., 2007), в которой травма трактуется с точки зрения темпорально-смысловой работы личности, и концепции времени как формы процесса (Стрелков Ю.К., 2001), мы провели эмпирическое исследование, результатом которого стало выделение связи между стадиями ПТСР и темпоральными стадиями трансформации опыта.

Согласно результатам нашего исследования, на этапе психического оцепенения доминирующим темпоральным феноменом является темпоральная фрагментация (переживание различных эпизодов ситуации). На этапе отрицания доминирует феномен темпорального сужения (человек погружен в актуальную ситуацию). Третий феномен темпоральной динамики – темпоральная регрессия (фиксация на прошлом и активном воспроизведении прошлого опыта). На следующей стадии выявляется феномен темпоральной самообъективации (переживание собственного Я, личности, поведения). На стадии восстановительного процесса доминирует темпоральный разворот (проявление ориентации на настоящее и ближайшее будущее), за ним следует темпоральный переход (планирование событий, дел). Таким образом, нами было выявлено существование связи между фазами преодоления психической травмы и стадиями трансформации темпоральной структуры опыта.

Влияние экзистенциальной стойкости на переживание травматического опыта детьми

О.И. Магомед-Эминова (Москва)

В соответствии с деятельностно-смысловым подходом к феномену экстремальности, экстремальный опыт включает три формы: опыт страдания, опыт стойкости, опыт роста (Магомед-Эминов М.Ш., 2008). Несмотря на их взаимосвязь, мы рассмотрим феномен стойкости в переживании травматического опыта детьми. Феномен экзистенциальной стойкости включает ряд образующих, среди которых особое значение имеет резилиенс — эластичность, выносливость, приспособление к экстремальным ситуациям.

Феномен резилиенса был обнаружен при исследовании детей из группы риска, которые, несмотря на существование в неблагоприятных условиях, обнаруживали здоровое развитие (Garmezy, 1985; Werner, Smith, 2002). У детей, переживших травматический опыт, выявлены следующие особенности симптоматики: 1) наблюдается только часть симптомов ПТСР; 2) практически отсутствует стадия мобилизации; 3) реакция детей сильно зависит от возраста; 4) присутствуют специфические и неспецифические симптомы; 5) симптомы отличаются меньшей интенсивностью и нестабильностью.

Следуя концепции триадичности переживания опыта, надо рассматривать как факторы, детерминирующие ПТСР, так и факторы, препятствующие его возникновению. Совместное действие травматических факторов и факторов стойкости будет менять картину развития психической травмы. Именно этим можно объяснить, что у детей посттравматическое стрессовое расстройство носит сглаженный, стертый, более мягкий характер, чем у взрослых.

Образ террористов как симптом ПТСР жертв и исполнителей теракта в Беслане

А.И. Ташева (Ростов-на-Дону)

В открытой печати образы террористов как симптом посттравматического стресса жертв и исполнителей теракта редко становятся предметом психологического анализа (Ольшанский Д.В., 2002; Соловьев И.В., 2000). Автору данная проблема известна по факту участия в оказании профессиональной психологической помощи 52 жертвам теракта в Беслане в 2004 году (25 детей и 22 взрослых). Связи с клиентами есть и сейчас (Ташева А.И., 2005, с. 221–232 и др.).

Основные психологические проблемы заложников были классифицированы автором на индивидуальные, семейные и групповые, условно разделенные нами на три группы: 1) трудности, непосредственно связанные с терактом, включая ptsr-синдром (Василюк Ф.Е., 1990; Ольшанский Д.В., 2002; Соловьев И.В., 2000; Тарабрина Н.В., 2001; Ташева А.И., 2005, с. 221–232; Черепанова Е.М., 1995 и др.); 2) симптомы вторичного плана, усугубленные или спровоцированные терактом; 3) проблемы, проистекающие из значительных ошибок в организации всех видов помощи жертвам, в том числе их профессиональной психологической реабилитации.

Сама просьба психолога описать террористов вызывала бурю эмоций: от прямого отказа беседовать на эту тему («не могу об этом вспоминать!»), растерянности («кому это может быть нужно?»), выраженной вербальной и невербальной агрессии («Зачем об этих подонках говорить?») до смешанных чувств, вызванных пережитым кошмаром заточения, гибелью близких, друзей, знакомых и редкими примерами «человеческого» поведения бандитов.

В целом заложники описывали бандитов с точки зрения негативной генерализации восприятия: 98,3% описаний были явно негативны, сопровождалась открытой ненавистью, часто сопровождалась нецензурной бранью. 1,7% характеристик мучите-

лей оказались более сдержанными. В содержательном плане приписываемые террористам характеристики можно разделить на физические; социально-демографические; социально-экономические; психологические и социально-психологические (Ташева А.И., 2005, с. 221–232). Физических характеристик, описывающих внешность и бандитов, было 40,3%: «весь в черном», «в масках они сначала были, а потом некоторые сняли маски, другие не снимали не разу», «длиннорукий он был», «у этого бандита нога, стоявшая на кнопке взрывателя, подрагивала и я очень боялась, что из-за этого может произойти взрыв»... Примеры социально-демографических и социально-экономических характеристик (9,6%): «ингуши, чеченцы были и один точно русский»; «он, похоже, не богатый был»... Психологические и социально-психологические характеристики (50,1%): «злющий такой», «жестокый», «тихий какой-то»... Примеров беспрецедентной жестокости бандитов было множество: на глазах у всех заложников, убили учителя физкультуры и тяжело ранили отца двоих ребят, оставив последнего истекать кровью в зале, только за то, что они попытались заступиться за детей; «вопили, что все мы тут останемся»; «голодом людей морили, воды не давали»...

Единичны примеры, хотя бы условно позитивно характеризующие террористов: «сказал намочить белье под одеждой, а потом его сосать вместо воды», «бросил шоколадку детям». Один ребенок рассказывал, что террорист спас его во время штурма, приказав лечь за тела убитых и прикрыв его своей курткой; взрослый свидетельствует, что другой бандит спас его и еще одного мужчину от неминуемого расстрела, позволив им после распоряжения командира бандитов «Этих в расход!» вернуться в спортивный зал...

И вот, на наш взгляд, уникальный случай. К концу вторых суток заложничества мальчик 5,5 лет, вопреки запретам вставать с мест, разговаривать между собой и с «воинами аллаха», с трудом поднявшись с пола, пошел, пошатываясь, к бандиту, который, перекусив на глазах у голодных людей, не торопясь пил воду. Будучи дежурным «надзирателем», он одновременно «поддерживал порядок в зале», реагируя усталыми окриками или короткими автоматными очередями над головами заложников, сидящих на полу вплотную друг к другу.

Ребенок, подойдя к террористу, довольно громко и вежливо произнес: «Дяденька, дайте мне, пожалуйста, водички!»

Зал замер в оцепенении: что-то сейчас будет? Ведь «сторож» мог убить несчастное дитя, мог открыть стрельбу, ранив или убив еще кого-то в зале. Однако и бандит оторопел от поведения ребенка, а затем, сорвавшись на фальцет, завопил, словно потерпевший: «Какой я тебе дяденька?! Я тебя убивать пришел! А ты, дурак, мне “Дяденька”!..»

Заложники рассказывали, что они, ужасно испугавшись за мальчика, за себя, своих близких и за всех изнывавших от жажды, голода, страха, унижения «сидельцев», не сразу поняли, что у бандитов силы тоже на исходе, что никакие они не сверхлюди, если их может вывести из состояния хотя бы относительного равновесия измученный, обезвоженный и воспитанный маленький человек.

Конечно же, согласно законам социального восприятия, в образах бандитов отражались общие проблемы заложников и характерологические черты каждого из них.

Рассмотрим, как образ террористов представлен, хотя в двух симптомах посттравматического стресса у жертв теракта в Беслане.

Признаки Стокгольмского синдрома как следствия насильственного удержания зафиксированы нами у 54,5% взрослых заложников и 18,2% детей. Эти люди, достаточно точно описывая кошмары 52-х часов заточения в школе и свои тяжкие переживания, говорили, что с ужасом ожидали от террористов еще большей агрессии, чем та, которую они проявляли. При этом 8 детей и 5 взрослых воспроизводили описанные выше примеры «человеческого» поведения террористов.

Психодиагностическая, консультативная и коррекционная работа позволили выявить, что 86,7% жертв теракта в школе №1 Беслана, положительно рассказывавших об

отдельных эпизодах в поведении кого-то из террористов, до и после событий в школе неоднократно подвергались различным видам домашнего и внедомашнего насилия: 6 человек — физическому, 2 человека — сексуальному, 10 — психологическому и 4 человека — экономическому. Формы пережитого вне теракта насилия обычно сочетались.

Частично указанные виды насилия отражают национальные семейные (супружеские и родительско-детские) и поколенческие отношения в Северной Осетии, весьма распространенные в Республике до осени 2004 года и принимавшиеся практически всеми опрошенными как данность, как нормативное поведение близких, искренне заботившихся о будущем благополучии тех, по отношению к кому применялось насилие.

Одной из самых востребованных тем работы оказались страхи, так как именно они максимально беспокоили детей и взрослых, были для них очевидными признаками их психологического неблагополучия.

Устойчивыми признаками выраженных страхов стали следующие: симптомы «динообразия психотравмирующего образа», «смазанного возраста авторов рисунков» и «отсутствия типичных признаков их полоролевой идентификации» и прочие.

Страхи оказались «цветущими», полиморфными, многообъектными: люди боялись повтора страшных событий, бандитов, одиночества, нового нападения на них, смерти, посторонних людей, замкнутых помещений, неожиданных звуков различной громкости; темноты; мшеница за то, что именно они выжили и пр.

В 83,5% случаев дети и взрослые описывали свои страхи, непременно отображая ситуацию теракта с обязательными фигурами активных бандитов, в руках которых обязательно были оружие или посуда с недостижимой для абсолютного большинства жертв водой; бандиты были огромного роста, их лица — закрытыми черными масками или перекошенными злобой, одежда — преимущественно черной... Нарисованные респондентами любого возраста и пола жертвы (но не сами опрашиваемые!) всегда были мертвыми, раздавленными, обгаренными кровью либо с безвольно, бессильно опущенными или поднятыми вверх руками. Глаза изображаемых жертв были закрытыми или безмерно большими, отображавшими ужас.

Все диагностические источники свидетельствовали о возрастном регрессе респондентов и об отсутствии у их авторов типичных полоролевых признаков.

На наш взгляд, описанные нами в данной и прежних публикациях психологические факты могут быть использованы для психологической диагностики актуального психологического статуса жертв насильственного удержания и для выбора адекватных стратегий, тактик, методического инструментария в работе с этой, одной из самых сложных, категорий клиентов; а также в процессе подготовки специалистов, по долгу службы призванных работать с террористами.

Психологические характеристики посттравматического роста личности после утраты близкого человека

М.В. Твардовская (Москва)

Существующие в настоящее время различные теории переживания горя (З. Фрейд, Э. Линдемманн, Дж. Боулби, К.М. Паркес, Ворден Дж., Ф.Е. Василюк, М.Ш. Магомед-Эминов и др.), которые можно объединить в три крупных направления: классический подход, модернистский и постмодернистский. Классический подход к пониманию горя был впервые представлен в работе З. Фрейда «Печаль и меланхолия». С точки зрения сторонников классического подхода, переживание утраты представляет собой процесс работы горя, целью которого является разрыв существующей связи с утраченным объектом, освобождение либидо и перенесение его на новый объект. Протиповоставил себя этому подходу модернистский подход к переживанию горя. Представители этого подхода (Дж. Ворден, Ф.Е. Василюк) понимают работу горя как работу, направленную на

сохранение образа умершего, устройство его в памяти, а не на забывание. Современным подходом к переживанию утраты является постмодернистский синтез, который изложен в рамках концепции М.Ш. Магомед-Эминова. С точки зрения этого подхода, при переживании горя есть взаимосвязь двух тенденций — к разрыву и к ассимиляции. Предлагается концепция трансформации привязанности в триаде — трансформация самоидентичности утратившего, трансформация идентичности утраченного и трансформация взаимоотношений между Я и значимым Другим. В рамках этого теоретического направления утверждается, что последствия утраты нельзя сводить лишь к негативным, что помимо негативных последствий существуют нейтральные и позитивные. К позитивным последствиям утраты относится посттравматический рост личности. Проведенный теоретический анализ позволяет нам сместить акцент в рассматриваемом объяснении работы горя с негативно-психологической точки зрения на позитивно-психологическую.

Для эмпирической интерпретации данного теоретического предположения мы выбрали следующую эмпирическую модель. Первое положение, операционализирующее модель, положение о переходе от рассмотрения работы горя с точки зрения разрыва и сохранения связи к конфронтации с дистрессом утраты. Конфронтацию с горем мы можем операционализировать различными эмпирическими индикаторами переживания горя, страдания, душевных мук и т. д. Второе положение модели: переживание страдания может приводить не только к дезорганизации функционирования психической организации человека, но и быть источником позитивно-ориентированной трансформации личности. Для операционализации этого аспекта модели мы можем рассматривать в одной и той же ситуации переживания дистресса индикаторы антиконфронтации с горем. Эмпирическое исследование было направлено на изучение феномена посттравматического роста личности после утраты близкого человека у людей, обратившихся к форумам по переживанию горя. Общая гипотеза исследования: эффективность переживания утраты близкого человека детерминруется не только конфронтацией с утратой, но и также посттравматическим ростом личности, вызванным утратой. Конфронтация с утратой означает процесс, направленный на интенсивное переживание горя, связанного с утратой, т. е. направленность на переживание горя и травматического опыта вопреки тому, что человек при этом испытывает интенсивный дистресс и страдание. Именно переработка травматического опыта и интенсивное переживание горя считаются в современной психологии необходимым фактором эффективного совладания с утратой. Был использован нарративный анализ, являющийся качественным методом исследования. Дискурсы участников форумов подвергались контент-анализу на основе категорий, соответствующих факторам посттравматического роста. Контент-анализ проводился в версии экспертной оценки, выделялись категории, в окончательный список вошли те из них, по которым существовало согласие. Затем подсчитывались частотные характеристики.

Процедура исследования заключалась в том, что из двух Интернет-форумов (форум сайта www.life-fogum.ru и www.memogam.ru), были выявлены отдельные истории отдельных участников, различавшихся по половозрастным характеристикам и утраченным объектам. В имеющихся текстах горящих людей были выявлены высказывания, соответствующие шкалам «Опросник посттравматического роста» М.Ш. Магомед-Эминова, (отношение к другим (ОД), новые возможности (НВ), сила личности (СЛ), духовные изменения (ДИ) и повышение ценности жизни (ПЦ). Было проанализировано сочетание разнообразных психологических характеристик роста у разных людей. 28% проанализированных историй участников форума «life-fogum» содержали признаки посттравматического роста, среди которых наиболее часто встречалась шкала «повышение ценности жизни». Наличие даже у небольшого количества людей признаков посттравматического роста противоречит и классической и модернистской точ-

кам зрения. Почти все участники второго форума показали тенденцию к посттравматическому росту, в отличие от участников первого. У всех участников второго форума, у которых были признаки посттравматического роста, были выявлены, в том числе, показатели по шкале «духовные изменения». А в первом форуме лидирующей является такая психологическая характеристика посттравматического роста как «повышение ценности жизни». Такие различия в тенденциях переживания горя у людей со склонностью к посттравматическому росту, могли объясняться различной общей картиной форумов и их общей направленностью. Так, в первом форуме больше молодых участников, которые разными способами пытаются придать своей жизни новые смыслы. А на втором форуме целью многих участников является укрепление своей веры, которая и помогает им переживать утрату. Отдельно при исследовании форума «Memoiam» была поставлена гипотеза о том, что направленность на религиозные ценности является эффективным фактором работы горя. В целом, подобная гипотеза в качественном плане подтвердилась, однако она не является статистической, так как опровергается некоторыми качественными кейсами. Так, в работе с матерями афганских ветеранов имеются данные, подтверждающие эту идею: некоторые матери, каждая по своему, выявляли такую тенденцию, при которой они обращались к Богу в поисках спасения от трагедии, но он не дал им этого спасения, после чего они отказались от религии. Было показано также, что при потере веры в бога может сохраняться желание найти смысл, т. е. направленность на ценностно-смысловое измерение, что тоже является духовным фактором. Данные факты подтверждают, что духовные изменения не сводятся только к религиозным, существуют трансцендентные измерения, выходящие за пределы религии (Магомед-Эминов, 2008). Было выявлено, что направленность на духовный фактор является важной при переживании утраты. Также, что направленность на религию является важным для проявления посттравматического роста, в частности духовных изменений. Они включают в себя такие характеристики, как, например, трансцендентность, выход за пределы наличной, актуальной ситуации. Таким образом, было показано, что представления о том, что утрата может приводить лишь к негативным последствиям и переживаниям, являются ложными, и что имеет место посттравматический рост при переживании утраты.

Системный подход к управлению стрессами

Ю.В. Щербатых (Воронеж)

В настоящее время наблюдается определенный разрыв между огромным числом теоретических исследований психологического стресса и эффективностью практических результатов (Бодров В.А., 2006; Щербатых Ю.В., 2007). Проблема управления стрессом вызвана сложностью «стыковки» трех массивов данных: большим количеством причин стресса, многообразием существующих методов стресс-менеджмента и существенными различиями людей по психофизиологическим и личностным показателям. Поэтому перед специалистом, занимающимся нейтрализацией стресса встает проблема: какой метод преодоления стресса подобрать для конкретного человека, столкнувшегося с конкретным видом стрессора. Все это затрудняет диагностику и коррекцию стресса и требует разработки алгоритмов оперативного и эффективного управления уровня стресса.

Факторы, вызывающие производственный стресс, обычно делят на объективные и субъективные. К первой группе относятся вредные характеристики производственной среды, тяжелые условия работы, чрезвычайные обстоятельства, высокий темп деятельности, повышенную ответственность и т. д. Субъективные факторы стресса разделяют на межличностные и внутренние. Источником первой группы являются руководители, коллеги или подчиненные, а второй – внутриличностные проблемы человека (Щербатых Ю.В., 2007).

Однако, более перспективной нам представляется другой подход, разделяющих все многообразие стрессоров на три категории. К первой относятся стрессоры, на которые человек практически не может повлиять, ко второй — стрессоры, на которые субъект может воздействовать, а к третьей — стрессоры, которые вызывают стресс только из-за «неправильной» интерпретации событий.

Методы оптимизации стресса можно разделить на четыре категории: физические, физиологические, биохимические и психологические. При подборе метода, наиболее подходящего к данной ситуации, следует учитывать, с одной стороны, характер стрессора, а с другой — личность клиента. Так, например, для стрессоров первой группы (независимых объективных факторов), лучше подходят методы дыхательной гимнастики, рациональная психотерапия и прогрессивная мышечная релаксация. Для второй группы стрессоров желателен поиск адекватных ресурсов и изменение поведенческих реакций в русле бихевиоризма, а для стрессоров третьей группы наиболее адекватным является использование аутогенной тренировки и нейро-лингвистического программирования (Щербатых Ю.В., 2007).

Важным моментом также является учет особенностей личности человека, испытывающего стресс. Так, для лиц с преобладанием логического мышления, лучше подходит рациональная психотерапия, рефрейминг и некоторые формы самовнушения, а для «правополушарных» людей более адекватными оказываются визуализация, дыхательные техники и некоторые формы аутотренинга. Для оптимизации уровня стресса также важен тип вегетативного баланса человека, испытывающего стресс (Щербатых Ю.В., 2000, с. 151–152).

Современные методы компьютерного моделирования позволяют заранее выявлять из всей популяции группу лиц, предрасположенную к воздействию стресса с тем, чтобы проводить с ними психопрофилактические мероприятия, повышающие их стрессоустойчивость (Щербатых Ю.В., Есауленко И.Э., 2002, с. 319–322).

СЕКЦИЯ «КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Особенности телесного опыта младших школьников с разными типами межполушарной организации мозга

О.В. Акимова (Москва)

Согласно культурно-историческому подходу (Л.С. Выготский) к психосоматической проблеме, телесные явления человека осуществляются благодаря физиологическим закономерностям, но и при участии самого человека, использующего психологические средства регуляции. В результате присвоения системы значений, которыми взрослый в совместной деятельности наделяет различные телесные проявления, и которые впоследствии становятся собственным достоянием человека, путем приобщения ребенка к человеческому миру формируется «культурное тело» (Тхостов А. Ш., 2002). Телесность приобретает черты ВПФ: социальность, опосредованность, принципиальную возможность произвольного контроля. Опосредование телесных явлений предполагает возможность овладения ими, произвольного контроля знаково-символическими формами регуляции – эмоциональными, смысловыми, когнитивными.

Поскольку развитие психосоматических явлений не ограничивается только организменными изменениями, а происходит «в соответствии с логикой психического развития» (Николаева В.В., Арина Г.А., 1996), на этих основаниях был выделен особый тип развития наряду с физическим и психическим – психосоматический. Под психосоматическим развитием в настоящее время понимают закономерное становление в онтогенезе механизмов психологической регуляции телесных функций, действий и феноменов (Николаева В.В., Арина Г.А., 2003).

Выделение феноменов, наполняющих понятие «телесный опыт» является первым шагом на пути к пониманию, раскрытию закономерностей процесса психосоматического развития. В рамках описанного подхода телесный опыт включает следующие явления: образ тела, образ боли (который есть и должен быть в норме), категориальная структура представлений о собственном теле, телесное самочувствие с его эмоционально дифференцированным содержанием, основные телесные действия и навыки, феномены невербальной коммуникации и т. д. (Николаева В.В., Арина Г.А., 1996).

Телесный опыт – иерархически организованная система, нижний уровень которой, основанный на работе физиологических механизмов, регулируется вышележащим психологическим уровнем. Очевидно, что помимо эмоциональных, когнитивных и смысловых регуляторов функционирования телесности нельзя нивелировать значение нейрпсихологического аспекта регуляции. К настоящему времени изучаемой предметной областью, относящейся к телу, являются феномены и закономерности психомоторного развития, овладения двигательными навыками, формирования схемы тела. В литературе представлены данные об участии определенных зон мозга при построении схемы тела на основе информации, полученной от сенсорных систем разной модальности; о мозговой организации движений и об использовании полимодальной схемы тела при их реализации человеком.

Межполушарная асимметрия мозга является объектом пристального внимания со стороны различного рода дисциплин. Межполушарная организация мозга левой представляет особую специфическую систему, для которой характерна амбилатеральность обеспечения вербальных и невербальных функций. Кроме того, внутримушарная функциональная организация мозга левой отличается более диффузным недифференцированным характером. Подобные структурные особенности создают базис для появления системы межмодальных связей, которая актуализируется в особом стиле мышления, стратегиях восприятия и переработки информации, высокой степени сен-

зитивности, особом эмоциональном статусе (Кинсборн М., 2009; Москвин В.А., 1988, с. 116–119; Семенович А.В., 2009; Силина Е.А., Евтух Т.В., 2005).

Можно предположить, что структурные и функциональные особенности межполушарной организации мозга оказывают определенное влияние на процесс формирования феноменов телесного опыта и последующего управления ими.

В рамках исследования была поставлена *цель* изучить особенностей телесного опыта детей с доминированием правого и левого полушария, сравнить полученные данные.

Для реализации поставленных задач использовалась психосемантическая методика Классификация дескрипторов соматических ощущений (КДСО), Цветовой тест отношений (ЦТО).

В исследовании приняли участие 56 детей 8–9 лет. Доминирование полушария определялось с помощью батареи методик, направленных на выявление профиля латеральной организации мозга. Диагностический набор включал три группы тестов: для определения ведущей руки, ведущего уха и ведущего глаза. По соотношению всех трех видов асимметрии дети были разделены на две группы с доминированием правого или левого полушария.

В ходе исследования были получены следующие результаты. Словарь для описания как телесных явлений, так и знакомых болевых ощущений гораздо больше и богаче в группе леворуких детей. Кроме того, удельный вес болевого опыта от объема всех знакомых ощущений, возникающих в теле, больше в группе левшей, что говорит в пользу склонности рефлексировать собственное телесное состояние в ситуации боли. Кроме количественной разницы есть и содержательные отличия. Категоризация телесного и болевого опыта у левшей строится на основе иных, не характерных для правшей, параметров: временных, темпо-ритмических, силовых. Более частое использование оценочных категорий при описании телесного и болевого опыта левшами может говорить о несформированной системе координат для категоризации болевого опыта, потребности в критериях для его организации.

В многочисленных исследованиях были получены данные о том, что люди с левосторонней асимметрией склонны воспринимать нейтральные стимулы сквозь призму отрицательных эмоций (Москвин В.А., 1988, с. 116–119; Силина Е.А., Евтух Т.В., 2005) и др. Подобная тенденция наблюдается и при описании леворукими детьми телесного и болевого опыта. Для них гораздо чаще характерно восприятие телесных явлений, боли и связанных с ней ощущений сквозь призму негативных, отрицательных эмоциональных категорий. Болевые ощущения ассоциируются для левшей в большей степени с чем-то, что доставляет дискомфорт, мучение, раздражает. Обнаружена специфика репрезентации в сознании детей отдельных частей и всего тела в целом. Особенно отличаются представления о голове и спине у детей обеих групп. Для леворуких детей субъективное представление о голове как локусе болевых ощущений менее интегрировано, для категоризации болевых ощущений им требуется дальнейшая дифференциация в виде черт лица и отдельных органов. Спина, которая практически не ощущается правшами, гораздо более отчетливо представлена в сознании леворуких детей посредством неприятных болевых ощущений. Леворуких детей окружает предметный мир, созданный для праворуких. Возможно, постоянное приспособление леворуких детей к этому предметному миру вызывает многочисленные болевые ощущения в этой части тела.

Помимо особенностей репрезентации в сознании детей частей тела обнаружена специфика эмоционального отношения к отдельным частям тела. Дети обеих групп позитивно относятся к голове, чаще ассоциируют с этой частью тела желтый цвет, что говорит о представлении этой части тела как средства эмоционального взаимодействия с миром. В отношении к остальным частям тела схожих тенденций наблюдается меньше. И левши, и правши воспринимают в большинстве случаев неведущую руку как часть тела, которой трудно управлять, контролировать. Однако ведущая рука для прав-

шей воспринимается как источник активности, энергии, тогда как для левшей левая рука — источник неуверенности, беспокойства. Представленность в сознании такой части тела, как живот, специфична в группах детей, если для левшей живот — часть тела мало контролируемая, то для правшей эта часть тела ассоциируется с усталостью, вызывает негативное отношение. Ноги, являются одним из функциональных органов, способствующих активному познанию мира, для правшей ноги — часть тела, позволяющая достигать цели, познавать и овладевать миром, вызывающее позитивное отношение. Тогда как в группе левшей ноги ассоциированы чаще с пассивными цветами, означающими негативное отношение к этой части тела. Подобное отношение наблюдается и ко всему телу в целом у леворуких детей. В группе правшей же все тело воспринимается скорее как способное к овладению миром, активное, энергичное.

Полученные результаты, описывающие специфику телесного опыта детей с различными типами межполушарного взаимодействия, позволяют говорить о том, что тип межполушарной организации мозга является одним из факторов психосоматического развития ребенка, влияющим на процесс формирования телесного опыта.

Психологический анализ игровых перевоплощений у детей с расстройствами аутистического спектра

М.К. Бардышевская (Москва)

Работа является частью исследования вариантов эмоционального и личностного развития детей с расстройствами аутистического спектра. Исследование выполнено с использованием уровневого подхода к развитию эмоциональной регуляции.

Предполагается, что игровые перевоплощения, позволяющие ребенку примерять разные роли, являются важным для развития личности ребенка способом символической активности, трансформации своего эмоционального опыта, поиска образа для идентификации. В норме игровые перевоплощения помогают ребенку осознать свой собственный статус в семье и обществе.

Опыт игровых перевоплощений в дошкольном и младшем школьном возрасте необходим для развития эмоциональной регуляции. Смена образов, как правило, соответствует смене эмоциональных состояний ребенка. В норме ребенок, начиная с возраста полутора — двух лет, легко играет образами. Если же отмечаются трудности перехода от одного образа к другому, то они отражают трудности регуляции эмоциональных состояний.

У детей с расстройствами аутистического спектра развитие личностных идентификаций, в том числе путем игровых перевоплощений, в целом искажено, а в отдельных, более нормальных проявлениях задержано. В клинко-психиатрической литературе патологические игровые перевоплощения таких детей рассматриваются либо как феномены деперсонализации (Башина, 1999), либо как проявления патологического фантазирования и образования, отвечающие критериям бреда (Макаров, 2007).

По характеру игровых перевоплощений ребенка можно оценить:

- 1) предпочтительное для ребенка соотношение внешней и внутренней стимуляции (на предпочтение последней указывает нереалистичность, аутистичность образа);
- 2) аффективные фиксации и предпочтения ребенка (повторяемость, устойчивость, множественность образа);
- 3) степень охваченности игровым образом или свободы владения им;
- 4) зависимость выбора и динамики образа в большей степени от актуальных отношений привязанности с близкими людьми либо от сюжета, заданного социо-культурным контекстом (мультифильмами и пр.);
- 5) опыт психической травматизации (по степени девитализации образа) и его символической переработки (история трансформации образа).

Для исследования выбраны дети с расстройствами аутистического спектра двух возрастных групп: 20 детей 3–5 лет (в этом возрасте ребенок путем игровых перевоплощений определяет собственный статус в семье, а также статусы других ее членов) и 22 ребенка 6–9 лет (в этом возрасте ребенок активно ищет объект для идентификации за рамками семьи). Все дети, помимо собственно аутистических расстройств, страдали выраженными аффективными расстройствами (хроническая гипомания, депрессивные и субдепрессивные состояния). Формальный интеллект детей нормальный или выше среднего. Дети исследовались во время психотерапевтических консультаций и занятий.

В качестве основного диагностического параметра в настоящем исследовании оценивался регуляторный потенциал игрового перевоплощения. Он определялся методом сравнительного анализа эмоциональной регуляции ребенка (Бардышевская, Лебединский, 2003) в ситуации игрового перевоплощения и без него. Предполагается, что если образ, выбранный ребенком для игрового перевоплощения, несмотря на его отдельные искаженные характеристики, позволяет ему хотя бы на время нормализовать эмоциональное состояние и обеспечить более адекватные эмоциональные реакции на аффективные нагрузки, то этот образ в целом полезен для развития его эмоциональной регуляции. Эффективный для развития эмоциональной регуляции образ, выбранный для игрового перевоплощения, обладает рядом характеристик, связанных с безопасной привязанностью (это эмоционально живой образ, облегчающий коммуникацию с матерью в условиях конфликта с ней, позволяющий развить контакт с психотерапевтом на занятиях). Неэффективный образ выполняет ограниченную защитную функцию, способствует фиксации и углублению аффективных расстройств ребенка, затрудняет или делает невозможной коммуникацию ребенка с матерью и психотерапевтом на занятиях.

Перечисленные ниже варианты игровых перевоплощений и их роли в развитии эмоциональной регуляции выделены методом качественного анализа наблюдений за свободной игрой детей и выполненных ими рисунков образа себя.

1. Идентификация ребенка с неодушевленными объектами, механическими приборами, транспортными средствами и инструментами) отмечается у детей с поздним появлением Я (после 4 лет). Эмоциональная регуляция ребенка, перевоплощающегося в игре в неживой объект, меняется в худшую сторону: он игнорирует живую природу другого человека, отрицает существование эмоциональной жизни, не проявляет критики к своим разрушительным поступкам, приходит в маниакальное состояние от разрушительной активности, которую идеализирует. Примером такой идентификации у малышей может быть идентификация с работающим экскаватором; у ребенка 6–9 лет – идентификация с искаженной девитализированной родительской фигурой с реверсией ролей (отец – механический паук с детородной функцией и пр.). Обратной стороной такой идентификации (что проявляется в последующем игровом перевоплощении) является идентификация с маленьким беспомощным существом, которое, однако, представлено также в виде неживого объекта (игрушки). Если между двумя образами (например, железным пауком и плюшевым мишкой), в которых попеременно перевоплощается ребенок, возможен диалог, то это прогностически хороший признак. Стремительная смена, чехарда идентификаций без связей между ними осложняет работу и прогноз.

2. Идентификация с персонажами мультфильмов, компьютерных игр, происходящая преимущественно в «режиме цитирования». Характерна для детей 3–5 лет на этапе появления и неустойчивого использования личного местоимения Я, позволяет ребенку удерживать дистанцию в диалоге с взрослым и контролировать агрессию в его адрес.

3. Идентификация с животным (домашним питомцем) происходит преимущественно путем «оживления» в образ, которая устойчиво проявляется во всех аспектах жизни ребенка. Отмечается у детей 3–5 лет, позволяет обыграть и смягчить проявления про-

тестного поведения ребенка (отказ от еды, сна в своей кровати, пользования туалетом), а также оформить отдельные регрессивные тенденции в целостный образ.

4. Идентификация с карикатурно искаженными образами родителей, а также с искаженным образом врача, учителя, ученого (садиста, глупца, убийцы) у детей 6–9 лет отражает исследование ребенком различных проявлений деструктивных импульсов у взрослых.

5. Идентификация с младшими сиблингами в обеих возрастных группах используется детьми для регуляции депрессивного состояния в условиях разлуки с матерью или утраты ее внимания по другим причинам.

6. Идентификация со старшими сиблингами (отдельными аффективно заряженными элементами их поведения, атрибутами внешности) позволяет осваивать более зрелые формы как защитного поведения, так и конструктивной активности.

Регуляторный потенциал этих игровых перевоплощений выше:

- если они меняются в зависимости от актуальной динамики отношений привязанности ребенка: конфликтов, разлук, болезни (например, во время беременности матери ребенок называет себя динозавриком, китенком, идентифицируясь с изменившейся фигурой матери);
- если, ребенок, перевоплощаясь в игру, легко возвращается к своему голосу (интонацию), мимике, жестам после выхода из ситуации игры;
- если, находясь «в образе», ребенок способен регулировать свои фоновые болезненные эмоциональные переживания и даже острые состояния, которые обнаруживаются в состоянии без образа и во время смены образа;
- если перевоплощение происходит путем «вживания» в образ, т. е. путем глубокой символической переработки, а не в «режиме цитирования»;
- если однотипные игровые перевоплощения не множатся;
- если ребенок создает высоко индивидуальный стиль игровых перевоплощений, даже в том случае, если идентифицируется с культовыми персонажами из общего социокультурного контекста.

Таким образом, можно говорить о разном регуляторном потенциале игровых перевоплощений детей с аутистическими расстройствами в зависимости от соотношения защитного и активного компонентов образа, степени девитализации образа, от чувствительности образа к актуальным жизненным нагрузкам, от его роли в коммуникации с матерью, от аффективной сложности образа (возможности интеграции как депрессивных, так и гипоманиакальных переживаний в рамках одного образа), от способа игрового перевоплощения в образ (цитирования или вживания), от наличия индивидуального стиля игрового перевоплощения, от соответствия образа возрастным задачам развития личности ребенка.

Предложенная схема может использоваться для диагностики качества и динамики игровых перевоплощений в ходе психотерапии.

Использование метода качественного анализа при интерпретации результатов теста Розенцвейга

М.Г. Виноградова, А.Л. Рыжов (Москва)

Тест Розенцвейга (P-F Study) широко распространен в диагностической и научно-исследовательской практике отечественных психологов. Удобство, простота, интуитивная понятность, сочетающиеся с возможностью формальной обработки результатов и числового их представления, являются его безусловными достоинствами.

При использовании метода Розенцвейга в клинической практике, однако, исследователь сталкивается с двумя опасностями. С одной стороны, это возможность наивной, буквальной трактовки, как если бы ответы испытуемого прямо отражали осо-

бенности его поведения в ситуациях межличностного взаимодействия. Риск ошибочных выводов в этом случае особенно высок, о чем свидетельствует целый ряд исследований. Формальная схема, предложенная С. Розенцвейгом, как раз направлена на то, чтобы избежать поспешных выводов в результате опоры на случайные, ненадежные особенности в ответах испытуемых, и выделить в них параметры, релевантные значимым и устойчивым диагностическим категориям. Однако, с другой стороны, использование формальной схемы во многом ограничивает возможности интерпретации результатов. В таком случае, методика рассматривается, как узконаправленная на изучение «вербального агрессивного поведения».

В цикле исследований, направленных на изучение возможностей применения психодиагностических методов к анализу нарушений эмоционально-личностной сферы, нами разрабатывается подход к интерпретации данных, основанный на общих методологических принципах московской патопсихологической школы. Суть предлагаемого подхода заключается в использовании метода качественного анализа результатов R-F Study. Отметим, что сама идея качественного анализа предполагалась автором методики, но не была основательно проработана ни им самим, ни его последователями. При качественной интерпретации данных методики возможен выход за пределы проблемы фрустрации — агрессии, поскольку способ и результаты выполнения методики испытуемым проявляют целый ряд других важных характеристик психической деятельности.

Качественный анализ позволяет выявить и описать индивидуальную структуру нарушений, проявляющуюся в реальной экспериментальной ситуации, в отличие от формализованной тестовой процедуры измерения отдельных параметров. В отношении R-F Study качественный анализ может реализовываться разными способами. Во-первых, через обращение к нюансам и специфичным особенностям ответов испытуемого, т. е. отход от формальных категорий как исходного материала для интерпретации. При качественном анализе необходима подробная и максимально точная запись ответов и любых особенностей поведения и взаимодействия с экспериментатором в ходе выполнения методики. Во-вторых, речь идет об анализе последовательности ответов, сопоставлении реакций на различные ситуации и их дифференцированный анализ. Также, данные для качественного анализа могут быть получены при использовании опроса и модификациях инструкций.

При обобщении результатов применения метода целесообразно обратиться к анализу четырех аспектов деятельности испытуемого. Прежде всего, должны быть рассмотрены **особенности мотивации**: с точки зрения экспериментальной мотивации (мотивов, определяющих деятельность испытуемого в эксперименте) и с точки зрения эмоционального отношения и идентификации. Качественный анализ дает возможность уточнить, в какой мере характер ответов испытуемого определяется своеобразным, искаженным отношением к ситуации обследования, психологу, материалам задания. Можно выделить ряд типичных форм искаженной мотивации при выполнении методики, приводящих к подмене задания: бравирование асоциальными ответами; демонстративность и поиск эмоционального отклика; пренебрежительное и обесценивающее отношение при эгоцентрической ориентации; отношение к выполнению методики, как к решению логической задачи, дистанцирование и рассуждательство; параноидная настороженность и др. Оценка особенностей эмоционального отношения связана с выявлением трудностей установления идентификации, дефицитом эмпатии или, напротив, избыточной вовлеченностью, аффективной лабильностью и пр.

Второй аспект, выделяемый при качественном анализе, — особенности (нарушения) **контроля и критичности**. Основным критерием здесь оценки выступает недостаточное соотношение своих действий с их последствиями, недооценка ситуации, непосредственное, необдуманное реагирование, идущее в разрез с доминирующей мотивационной установкой. К нарушениям контроля относятся грубые, вульгарные, непри-

емлемые высказывания (обычно спорадически возникающие и выделяющиеся на фоне общей тактики выполнения задания), случаи «потери дистанции» по отношению к экспериментатору и стимульным ситуациям. Также существуют нарушения, связанные с гиперфункцией контроля, прежде всего, по отношению к экспрессии агрессивных импульсов.

Третий аспект – описание **динамики** выполнения задания и последовательности ответов. Речь идет о выделении специфических «трендов», нарушающих нормальную гетерогенность ответов (для определения которой можно пользоваться, в том числе, показателем GCR). Рассмотрение данного аспекта является необходимым для уточнения значения других обнаруженных особенностей. Типичными трендами являются: репрессивный и регрессивный, соответственно проявляющиеся в уменьшении или увеличении эмоционально насыщенных и менее социально-желательных ответов к концу протокола, стереотипизация реакций, а так же «шоковые» изменения паттерна ответов, после «травматичной» ситуации.

Последний аспект – **инструментальный**, к которому относится анализ сформированности средств, осуществляющих перевод непосредственных реакций испытуемого на опосредованный уровень. Использование термина инструментальный, позволяет отразить связь данного аспекта с теоретическими представлениями о строении ВПФ и роли психологических орудий (работы школы Л.С.Выготского), в данном случае выступающих в качестве набора присвоенных и выработанных психологических операций и представлений (знаков), которые делают возможным порождение ответа в ситуации выполнения Р-F Study. Такая трактовка обусловлена невозможностью точного выделения операционального состава деятельности при выполнении методики, и, соответственно, квалификации нарушений на операциональном уровне. Нарушения на инструментальном уровне проявляются в ограничении возможного репертуара ответов испытуемого. Хотя это ограничение репертуара может быть вызвано разными факторами, например, относящимися к когнитивной сфере, наиболее показательными для методики и определяющими ее диагностическую ценность являются факторы, связанные с коммуникативной сферой и управлением агрессией.

Традиционно наиболее разработанной является трактовка результатов методики как отражающих типы вербального агрессивного поведения. Введение понятия «управление агрессией» позволяет обсуждать специфику переживания и экспрессии агрессивных импульсов. С точки зрения инструментального аспекта представляет интерес, какими механизмами социализации, личностной интеграции агрессивных импульсов располагает испытуемый. Несформированность данных механизмов накладывает ограничения на возможности испытуемого в трактовке ситуации (например, в ее сведении к угрожающей и враждебной), или торможении проявления «защитной» агрессии, отстаивании личных границ и интересов.

«Инструментальные» нарушения, связанные с коммуникативной сферой, можно описать на разных уровнях. Наиболее поверхностные связаны с незнанием социальных шаблонов, конвенциональных норм поведения. Далее, выделяются нарушения, вызванные дефицитностью моральных представлений. Кроме того, речь идет об особенностях суждений о других людях, определяемых когнитивными стилями, стилями атрибуции. На наиболее глубинном уровне можно выявить влияние особенностей отношения к другому человеку, дифференцированность представлений об окружающих, способность правильно интерпретировать переживания и мотивы другого человека и свои собственные (что можно связать с понятием «рефлексивной функции»).

Предложенный подход к интерпретации результатов Р-F Study не исключает необходимости использования формальной схемы обработки данных, но направлен на расширение диагностических возможностей методики, прежде всего в клинической практике.

Особенности когнитивной сферы у больных гипертонической болезнью

А.П. Горлова (Москва)

Артериальная гипертензия (АГ) является одним из наиболее распространенных заболеваний сердечно-сосудистой системы среди населения трудоспособного возраста. В настоящее время практически доказана связь между АГ и риском деменции, а также необходимость стойкого снижения артериального давления (АД) для рациональной профилактики когнитивных нарушений и инсульта (Конради А.О., 2005; Остроумова О.Д., 2004). В исследованиях отмечается, что чем раньше в течение жизни диагностируется значимое повышение АД, тем больше возможность развития когнитивных нарушений в последующем (Остроумова О.Д., 2005). Также достаточно давно рассматривается вопрос о связи когнитивных функций с уровнем АД и необходимости проведения активной антигипертензивной терапии с целью профилактики деменции (Мордовин В.Ф., 2004; Остроумова О.Д., 2004). При этом дискуссионной, но в то же время достаточно детально рассмотренной в отечественной и зарубежной литературе (Varone F.S. et al., 2001; MacMahon S., Peto R., Cutler J. et al., 1990; Фомин В.В., Моисеев С.В., 2005; Остроумова О.Д., Корсакова Н.К., Баграмова Ю.А., 2002 и др.), остается проблема своевременной диагностики и лечения АГ у пациентов с уже имеющимися когнитивными расстройствами, возникшими как следствие церебральной сосудистой патологии (инсульт, транзиторные ишемические атаки, сосудистая энцефалопатия и т. д.).

Стоит отметить, что в последнее время наблюдается омолаживание АГ. Однако если проблема когнитивных дисфункций у пожилых больных с АГ имеет отражение в литературе (Петрова М.М., 2007; Cacciatore F., 2002), то их состояние у пациентов молодого возраста, страдающих АГ, практически не изучалось (Кнорпман D.S., 2003; Трубникова О.А., 2008). Эти пациенты являются трудоспособным контингентом, и нарушение когнитивных функций могут иметь для них серьезные последствия в виде социально-трудовой дезадаптации.

Таким образом, выявление клинико-психологических данных о состоянии когнитивных функций на начальных этапах развития заболевания у пациентов с АГ трудоспособного возраста, а также оценка возможности и эффективности их коррекции на фоне антигипертензивной терапии, представляется актуальной задачей, как для медицины, так и для психологии.

Практическая значимость такого исследования заключается в возможности включения полученных данных в комплексную риск-стратификацию пациентов с гипертонической болезнью, а целью — определение и оценка клинико-психологических особенностей когнитивных нарушений с основными клинико-функциональными характеристиками у пациентов с АГ молодого и среднего возраста.

Обобщая существующие результаты, можно предположить у больных АГ в первую очередь аспекты дизрегуляторного синдрома, такие как снижение регуляции произвольной деятельности (в эксперименте), нарушение формирования мотивации, выбор целей деятельности, построение программы и контроль за ее достижением (удерживание программы). Также выделяются аспекты снижения нескольких функций внимания: переключаемости, селективности и устойчивости. Также отмечается снижение объема оперативной и отсроченной памяти. Затронута и обеспеченность когнитивной деятельности: снижение толерантности к утомляемости, общее снижение работоспособности.

Нами представлены первичные данные продолжающегося клинико-психологического исследования. В него включено 28 испытуемых: 12 с АГ и 16 здоровых добровольцев, сопоставимых в целом по возрасту, полу, уровню образования и факторам риска. Набор больных осуществлялся на базе городской клинической больницы №70 г. Москвы. Критерии включения были следующими: возраст 18–55 лет, наличие ГБ 2 стадии (2–3 степени ВОЗ), согласие пациента (добровольца) на проведение исследования.

Критериями исключения из исследования являлись: зависимость от алкоголя, лекарственных препаратов; психические заболевания и недееспособность; отсутствие достаточной готовности к сотрудничеству, ГБ 3 степени; прогрессирование ГБ в течение последнего месяца, тяжелая сопутствующая патология.

Оценка когнитивных функций проводилась с помощью следующих методик и тестов: субтест. Повторение цифр теста Векслера (Wechsler, 1945, прямой и обратный счет), Корректирующая проба, Тест Бентона (Benton, 1994), Таблицы Шульте (Блейхер, Круг, 1986, 3 серии), Deskрипторы внутренних телесных ощущений (Тхостов А.Ш., Ефремова О.В., 1989), субтест. Парные ассоциации теста Векслера (Wechsler, 1945), Тест Струпа (Stroop, 1936), субтест. Шифровка теста Векслера (Wechsler, 1945), субтест. Логическая (семантическая) память теста Векслера (Wechsler, 1945), Тест «Tower of London» (Shallis, 1988). Обследование также включало клиническую беседу каждого пациента с психологом с целью выяснения анамнестических данных.

Сравнение между группами проводилось с помощью U-критерия Манна – Уитни. Корреляция между переменными устанавливалась с использованием непараметрического теста Спирмана.

Полученные нами первичные результаты свидетельствуют о том, что когнитивные функции оказались хуже у группы пациентов с гипертонической болезнью по сравнению с группой здоровых испытуемых. Предварительные данные подтверждают что у пациентов с АГ обнаруживается более низкий объем механической памяти, снижение переключаемости внимания (регистрируется большее время, затраченное на поиск чисел в таблицах Шульте). В группе пациентов с АГ заметно значительное снижение объема и качества запоминаемого материала особенно после интерференции. Пациенты с АГ совершали большее количество в тестах на исполнительные функции: больше ошибок при работе с тестом на планирование «Tower of London», при этом ошибки касались не только продуктивных аспектов, но также понимания и удержания инструкции, предлагаемой к этому тесту, т. е. потери целенаправленности деятельности.

Таким образом, предварительные результаты подтверждают данные о наличии значимого когнитивного дефицита у пациентов, страдающих АГ уже на начальных стадиях развития заболевания.

Психический дизонтогенез и клиническая психология развития: проблемы и задачи

Н.В. Зверева, И.Ф. Рощина (Москва)

Современная психология расширяет границы онтогенеза, охватывая все протяжение человеческой жизни от рождения до смерти. Дизонтогенез – это нарушенное развитие индивида. Автор термина чешский педиатр Й. Швальбе (1927) относил к нему нарушения внутриутробного развития. В настоящее время под дизонтогенезом понимается нарушение развития с момента зачатия до самой смерти, и эти нарушения могут касаться разных систем организма. К психическому дизонтогенезу относят нарушения развития нервной системы и связанные с ними нарушения психики, в том числе и личности.

Новое направление клинической психологии – клиническая психология развития (Е.И. Морозова, А.Л. Венгер и др.) – концентрирует внимание именно на проблемах изменения темпов и характера развития индивида в связи с болезнями или иными изменяющими развитие обстоятельствами. В этом контексте понимание психического онтогенеза – дизонтогенеза как относящегося ко всей продолжительности жизни по-новому высвечивает проблему кризисов развития. Кризисы развития могут проявляться по-разному, включая и негативные поведенческие феномены. Это обусловлено тем, что в критических точках выше вероятность «накопления» и «проявления» различного

рода девиаций, формирования пограничных расстройств, вплоть до манифестации эндогенных психических заболеваний. Разнообразие компонентов кризисов развития приводит к необходимости дифференцировать негативные поведенческие феномены патологического и непатологического уровня. В современной психологии в большей степени изучены кризисы, относящихся к началу жизни человека (кризисы новорожденности, 1 года, 3 лет, 7 лет, подросткового возраста). В меньшей степени обсуждаются кризис зрелого (среднего) возраста и переход от зрелости к старению (Б.Г. Ананьев, Э. Эрикссон, Л.И. Анцыферова, Н.К. Корсакова, А.Г. Лидерс и др.). Компоненты кризиса зрелого и позднего возраста малоизучены. В нейрогеронтологических работах Н.К. Корсакова предлагается взгляд на поздний возраст (возраст старения) как на один из этапов онтогенеза, который характеризуется свои собственным особым кризисом развития, при этом фактор индивидуального опыта жизни человека при нормальном и патологическом старении во многом определяет структуру вариантов позднего онтогенеза. В контексте обсуждаемого авторы задаются вопросами: какой этап онтогенеза имеет наибольшее количество вариантов (как патологических, так и нормативных); на каком этапе жизни влияние фактора индивидуальности является ведущим. Индивидуальные проявления человека могут выступать на разных уровнях: биологическом, психологическом, социальном. Био-психо-социальная модель человека дает возможность сочесть анализ разных аспектов индивидуальности в условиях нормального онтогенеза и нарушенного развития.

Авторы предлагают использовать понятие дизонтогенеза как отклонения в психическом развитии на разных возрастных этапах применительно ко всем этапам онтогенеза: детству, подростковому, юности, зрелости, пожилому и старческому возрасту. Начало нарушения психического развития может приходиться на различные возрастные периоды жизни человека. Дизонтогенез как нарушение развитие определенного типа может иметь длительность, равную жизни пациента, а в иных случаях иметь ограниченные хронологические рамки. Оценка психического дизонтогенеза, начинающегося не в детском возрасте, а позже, его психологическая квалификация, анализ вариантов на разных этапах жизни индивида являются новой задачей клинической психологии развития.

В отечественной клинической психологии принята типология нарушенного развития, разработанная В.В. Лебединским. Она включает шесть типов дизонтогенеза, возникающих под воздействием трех основных механизмов нарушения развития (остановка, поломка и асинхрония развития). Традиционно основное внимание практических клинических психологов сосредоточено на дизонтогенезе задержанного, искаженного и дисгармоничного типов и их сложных сочетаниях в детско-подростковом возрасте. Предлагаемый авторами подход позволяет расширить применение типологии нарушенного развития в детском возрасте на зрелый и старческий возраст, однако использование этой терминологии возможно только при уточнении психологического содержания дизонтогенеза на каждом следующем возрастном этапе жизни пациента. В этой логике можно говорить об изменении, развитии, трансформации и возникновении типов дизонтогенеза не только в детском возрасте, но и в другие периоды жизни человека. Подобных исследований в клинической психологии практически не проводилось, очевидно, они потребуют учета комплекса факторов: медицинских, психологических, социальных.

Из вышесказанного следует, что дизонтогенез может начаться в любом возрасте и продолжаться до конца жизни (или иметь ограниченные рамки), затрагивая различные сферы психической деятельности человека на разных уровнях. Такими уровнями могут выступать: эмоциональный дизонтогенез (модель – РДА по В.В. Лебединскому, О.С. Никольской); когнитивный дизонтогенез (модель – эндогенные заболевания, начавшиеся в детском и юношеском возрасте по Н.В. Зверевой, Т. К. Мелешко) и некоторые другие.

В современной литературе по клинической психологии практически отсутствуют работы, в которых прослеживается динамика структуры указанных вариантов нарушенного психического развития на протяжении всей жизни пациента. Известно, что ряд психических заболеваний характеризует неравномерность нарастания тяжести проявлений дефекта. Базисная проблема клинической психологии о соотношении развития и распада психики (Л.С. Выготский) дает основание выделять асинхронию развития и асинхронию распада психики в контексте психического дизонтогенеза. Рассмотрим примеры исследований, где ставится подобная задача, несмотря на иное терминологическое оформление.

- оценка динамики когнитивного и личностного дефекта в зависимости от возраста начала болезни и длительности протекания заболевания В.П.Критская, Н.С. Курек, В.А. Литвак и др.). У пациентов, заболевших шизофренией в молодом возрасте и доживших до пожилого возраста, фактически изучалась вторичная асинхрония развития из-за асинхронии распада при злокачественных формах заболевания; у пациентов с началом заболевания в позднем возрасте изучалась специфика асинхронии распада психики при эндогенных психических заболеваниях;
- изучение динамики когнитивного дизонтогенеза (дефицита) у детей с эндогенной патологией с аналогичной постановкой задачи по возрасту начала заболевания (Н.В. Зверева, А.А. Коваль-Зайцев, А.И. Хромов), в этих работах анализируется асинхрония развития, осложненная асинхронией распада при выраженной прогрессиентности заболевания;
- изучение динамики когнитивного снижения при вариантах старческих деменций (И.Ф. Рощина, Н.К. Корсакова) — в этих работах исследуется специфика асинхронии распада психики при эндогенных и экзогенных формах органической патологии мозга, прежде всего атрофических процессах.

Известно, что важнейшим принципом реабилитации больных (восстановления психической деятельности) является опора на сохранные звенья психики. Обсуждаемый контекст позволяет рассматривать процесс компенсации как подчиняющийся общей закономерности асинхронии. Программа реабилитации зависит от структуры дефекта и должна учитывать спонтанные компенсаторные механизмы, возникшие в психической деятельности больного в ответ на заболевание.

Следует шире ставить вопрос влияния социальной ситуации развития (по Л.С. Выготскому) на специфику особенностей индивидуального развития в каждом из возрастных периодов, если психический онтогенез — дизонтогенез относится ко всей жизни человека. Поломка стабильного психологического статуса, нарушение психического здоровья могут порождаться новой социальной ситуацией развития, например, новыми социальными обстоятельствами, этническими, техническими, культурными и цивилизационными изменениями жизни современного человека, а не только уже известными биологическими причинами. В контексте нового понимания психического дизонтогенеза, существенная проблема клинической психологии — соотношение биологического и социального в психике человека может изучаться через влияние социальной ситуации развития на возникновение новых форм патологии и на трансформацию хорошо известных ее видов во все возрастные периоды жизни человека. Клиническая психология развития последнего времени изучает новые варианты психической патологии — ряд зависимостей у людей разного возраста, возникновение которых связано с активным использованием современных технических средств (компьютер, мобильный телефон, интернет, игровые автоматы и др.). Свою лепту в процесс порождения новых видов патологии вносят СМИ, изменившиеся экологические условия жизни человека и т. п. (А.Ш. Тхостов К.Г. Сурнов и др.).

Перед клиническими психологами встают научные и практические задачи психологической диагностики и коррекции нарушений. В этом ряду можно выделить: мало-

изученную проблему дифференциации симптомов возрастной нормы реагирования и патологических симптомов разных уровней в кризисные периоды жизни человека (как проявлений дизонтогенеза); самостоятельную задачу разработки методических подходов и универсальных диагностических средств оценки как наиболее ранних вариантов дизонтогенеза, так и его проявлений в другие возрастные периоды.

Традиционно используемые качественные и количественные методы патопсихологии, нейропсихологии, психосоматики следует дополнять и модифицировать в контексте идей о возможной связи психического дизонтогенеза со всей продолжительностью жизни человека. Существенным представляется мультидисциплинарный подход к проблеме. Необходимо разрабатывать комплексные развернутые экспериментально-психологические блоки для проведения диагностики и тщательного описания структуры нарушений психики больного, а также экспресс-методики для решения задач дифференциальной диагностики по отношению ко всему многообразию вариантов дизонтогенеза и применению в скрининговых исследованиях.

Своеобразие пространственно-временного континуума у школьников с ЗПР

О.Л. Курчигина (Санкт-Петербурге)

Пространственно-временной континуум важен для реализации различных видов психической деятельности. Представления о пространстве и времени формируются в онтогенезе постепенно на основе восприятия ребенком пространственных и временных отношений между частями и движениями (произвольными и произвольными) его собственного тела, предметами и явлениями окружающего мира. Сформированность пространственно-временных представлений имеет важное значение для психического развития и успешного обучения ребенка в школе, в том числе, для усвоения навыков письменной речевой деятельности.

Многие ученики начальных классов общеобразовательных школ и все учащиеся начальных классов специальных (коррекционных) школ VII вида испытывают трудности при усвоении навыков письменной речи, начиная с первого этапа обучения. У ребенка проявляется неспособность осуществлять перевод акустических и оптических образов слов в графические на фоне несформированности пространственно-временных представлений. В связи с этим становятся актуальными вопросы изучения особенностей пространственно-временных представлений младших школьников и их участия в процессе становления письменной речевой деятельности с целью дальнейшей разработки коррекционных приемов по повышению успеваемости учащихся.

Возникающие у младших школьников с задержкой психического развития сложности при ориентации в своей собственной схеме тела и пространственных отношениях между различными объектами оказывают влияние на процесс усвоения навыков письма. Трудности зрительно-моторной координации, отставание в развитии оптико-конструктивной деятельности и при использовании логико-грамматических структур, выражающих пространственные отношения, также отражается на процессе овладения письменной речевой деятельностью (Манелис Н.Г., 2001).

В психологической литературе особенно часто указывается на значение исследования сферы пространственных представлений в качестве предпосылки формирования навыков письма, но незначительно показана роль временных представлений. Однако в своей совокупности пространственно-временной континуум выступает в качестве целостного неделимого конструкта, оказывающего непосредственное влияние на процесс формирования и развития навыков письменной речевой деятельности (Садовникова И.Н., 1983).

Недостаточная разработанность возможностей диагностики уровня сформированности пространственно-временных представлений стала причиной создания нескольких авторских психодиагностических методик (Заширинская О.В., Курчигина О.Л., 2009). Разработанный нами комплекс методик позволяет изучать данный феномен на вербальном и невербальном уровнях реализации когнитивных процессов, определять способности младших школьников к оперированию пространственно-временными отношениями, установлению последовательности событий, анализу временных интервалов.

При проведении исследования использовались следующие психологические методы: биографический метод, включая анализ анамнестических сведений, наблюдение и опрос. На диагностическом этапе исследования был использован комплекс методик: графомоторные пробы (копирование геометрических фигур и графические диктанты), вербальные и невербальные тесты для оценки сформированности пространственных и временных представлений. Учащимися также выполнялся диктант по русскому языку для анализа допускаемых школьниками специфических ошибок и определения общего уровня сформированности их навыков письма.

По результатам проведенного исследования пространственные представления учащихся младших классов с задержкой психического развития характеризуются неравномерным уровнем сформированности, фрагментарностью, недостаточной структурированностью. Наблюдается темповая задержка в развитии пространственных представлений, которая проявляется на вербальном и невербальном уровнях. Степень сформированности пространственных представлений у учащихся с задержкой психического развития на вербальном уровне совпадает с уровнем овладения пространственными представлениями невербального уровня. Нормально развивающиеся ученики демонстрируют более эффективные результаты при оперировании пространственными представлениями на вербальном материале. Это связано с тем, что функция речи постепенно начинает осуществлять контроль над пространственными отношениями, и при своевременном психическом развитии способность оперирования ими переходит на более осознанный и произвольный уровень в отличие от учеников с задержкой психического развития.

С заданиями на ориентировку в пространственных представлениях (право – лево) на невербальном материале с опорой на карту тела младшие школьники с задержкой психического развития и нормально развивающиеся сверстники справились одинаково успешно. Достаточная степень сформированности отдельных компонентов карты тела у учащихся коррекционной школы в дальнейшем может послужить основой для компенсации и развития пространственных представлений вербального уровня.

Временные представления учащихся с задержкой психического развития характеризуются недостаточным уровнем обобщенности и дифференцированности, отсутствием устойчивых родо-видовых отношений в их структуре. Такие временные представления, как представления о возрасте, временах года, днях недели и времени суток у нормально развивающихся учащихся в отличие от испытуемых экспериментальной группы полностью сформированы. Временные представления о месяцах усваиваются со значительными затруднениями испытуемыми обеих групп. Выявленный факт предположительно обусловлен тем, что понятие о месяцах носит наиболее абстрактный характер и обладает максимально дифференцированной структурой.

В процессе выполнения вербальных заданий младшие школьники с задержкой психического развития больше всего затрудняются при оперировании временными представлениями. Самыми сложными оказались утверждения, направленные на изучение представлений о месяцах («перед маем бывает месяц ...», «первый месяц осени – это ...»). Детям часто требовалась направляющая помощь в виде наводящих, конкретизирующих их жизненный опыт вопросов («когда все идет в школу после летних каникул?»). Серьезные затруднения также вызывали задания на дифференциацию внутри

перечня рабочих дней недели («сегодня среда, а завтра будет ...»). Учащиеся легче устанавливали различия между выходными и рабочими днями.

Менее сложными для овладения являются вербальные пространственные представления. Понятие «между» оказалось наиболее трудным при вербализации. Для его правильного воспроизведения необходимо одновременно оперировать целым рядом пространственных отношений: около, справа, слева, перед, за, выше, ниже, над, под.

Невербальные пространственные и временные представления оказались наиболее развитыми и одинаково доступными для освоения. Высокий уровень абстрактности временных представлений позволяет устанавливать временные связи лишь опосредованно, через наблюдение последовательных изменений предметов, объектов, явлений окружающего мира. Таким образом, можно сделать вывод о том, что для детей с задержкой психического развития особой сложностью представляет овладение временными представлениями в отличие от пространственных отношений, которые начинают формироваться в процессе предметно-манипулятивной деятельности.

Сформированность сферы пространственно-временных представлений является необходимой предпосылкой овладения навыками письма. Преобладание у учащихся с задержкой психического развития орфографических ошибок во внутренней структуре слов над количеством допущенных ошибок на уровне целостных смысловых конструкций – словосочетаний и предложений – свидетельствует о недостаточной сформированности образов графем. Чем выше уровень сформированности пространственных и временных представлений (в особенности вербальных), тем лучше учащиеся владеют навыками письма ($p < 0,005$).

В процессе развития и обучения у учащихся младших классов общеобразовательных и специальных (коррекционных) школ VII вида отмечается положительная динамика в формировании умения оперировать пространственно-временными представлениями, что позволяет им эффективно овладевать навыками письма (Гордон Е.Б., 1998; Цветкова Л.С., 2000, Защирина О.В., 2006). Следовательно, специальное обучение является важным фактором в успешности развития и формирования своеобразия их пространственно-временного континуума (Семаго Н.Я., Семаго М.М., 1999).

Проблемы изучения чувств вины и стыда в клинической психологии

И.К. Макогон, С.Н. Ениколопов (Москва)

Чувства вины и стыда входят в группу эмоций, называемых обычно в англоязычной литературе *self-conscious emotions*, или «эмоции самосознания», включающую эмоциональные явления, неотъемлемо связанные с представлением о себе и о своих действиях, а также с «Я-концепцией» в социальных взаимоотношениях (Бреслав Г.М., 2006). В русскоязычной литературе эти эмоции принято называть «социальными», что подразумевает представленность других людей в их содержании, или «моральными», т. е. являющимися ключевым моментом морали человека, и проводящими черту между моральными стандартами и моральным поведением.

В последние 20 лет наблюдается усиление интереса исследователей к «эмоциям самосознания», однако количество эмпирических исследований резко отстает от теории. Ключевым фактором, сдерживающим систематические исследования этих эмоций, является проблема измерения, а именно необходимость наличия психометрических единиц измерений вины и стыда (Tangney, 1996). Оценивая существующие работы, мы сталкиваемся с двумя проблемами: проблемой используемых определений чувств вины и стыда, а также насколько хорошо эти определения позволяют провести операционализацию рассматриваемых феноменов.

Все попытки дать четкое определение стыду и вине можно разделить на 3 категории: а) разделение, основанное на типе детерминирующих событий – публичное или

личное; б) на природе проступка — общественная или индивидуальная; в) на уровне, с которым человек сталкивается детерминирующее эмоцию событие, — как ошибку «Я» или поведения (Tangney J.P., Stuewig J., Mashek D.J., 2007, p. 345–363).

Последние исследования показывают, что тип события мало значит в разграничении вины и стыда (Keltner, Buswell, 1996; Tangney 1992; Tangney et al., 1994; Tracy, Robins, 2006). Одно и то же событие может пробудить стыд в одном человеке, вину в другом и оба чувства в третьем. Как показано Shweder (1997), большинство неудач переживаются как некий «моральный микс».

Что касается разделения вины и стыда по природе проступка, то чувство стыда традиционно рассматривается как «публичная» эмоция, возникающая из публичного осуждения за какой-либо проступок, а чувство вины — как более «личный» опыт, возникающий из мук совести. Однако результаты исследований Tangney и др. ставят эти факты под сомнение — «личное» переживание стыда также распространено, как «личное» переживание вины (Tangney J.P., 1996, p. 741–754).

Согласно господствующей теории о разграничении стыда и вины, предложенной Lewis в 1971 г., стыд запускает негативную оценку «Я», а вина — негативную оценку своего поведения. В связи с этим чувство стыда является более болезненным переживанием, чем чувство вины, включающим чувство собственной беспомощности и ничтожности по сравнению с другими (Lewis H.B., 1971).

Данная теория имеет основательное эмпирическое подтверждение, в том числе экспериментальные и корреляционные исследования (Lindsay-Hartz, De Rivera, Mascolo, 1995; Niedenthal, Tangney, Gavanski, 1994; Tangney et al., 1994, 1996 и др.). Установлено, например, что чувство стыда возникает в ответ на неудачу бытия, недостижение целей, с полным вовлечением самости, а чувство вины — в ответ на неудачу в некоей деятельности. В пользу теории Lewis свидетельствуют и первичные реакции индивида в ответ на рассматриваемые эмоции: при возникновении чувства стыда в первую очередь возникают физиологическая (опускание глаз и т. д.) и аффективная реакции, в противоположность этому, при возникновении чувства вины — когнитивная (осознание своей ответственности) и поведенческая реакции (Поттер-Эфрон Р.Т., 2002).

Сравнительные исследования указывают на различия чувств вины и стыда в плане их мотивационных последствий (Tangney et al. 1996; Ketelaar, Au, 2003 и др.): вина порождает конструктивные профилактические импульсы, тогда как стыд — оборонительную межличностную сепарацию. Вследствие этого, некоторые авторы делают вывод о том, что вина, в отличие от стыда, является более моральной и адаптивной эмоцией (Tangney J.P., Stuewig J., Mashek D.J., 2007, p. 345–363).

Существуют также данные о том, что стыд может вызывать не только избегание, но и ответный гнев, враждебность защитного характера. В противоположность, чувство вины связывается с конструктивной констелляцией эмоций и поведенческих реакций (Lewis H.B., 1971). Эти результаты подтверждаются исследованиями, выявляющими различную роль чувств вины и стыда в рискованном и девиантном поведении. Выяснено, что вина отрицательно связана с антисоциальным и рискованным поведением (Stuewig, McCloskey 2005, Tangney 1994), тогда как стыд позитивно коррелирует с намерениями к противозаконному поведению (Tangney J.P., Stuewig J., Mashek D.J., 2007, p. 345–363).

Исследования психологических защит, помогающих человеку притупить иррациональные чувства вины и стыда, показывают, что в случае возникновения чувства вины на сознательном и бессознательном уровнях используются такие защитные механизмы как рационализация, самозабвение, обсессивно-компульсивные паттерны, параноидное мышление, поиск чрезмерного наказания, интеллектуализация. При переживании иррационального (неумеренного) чувства стыда притупить его способны отрицание, уход, перфекционизм, высокомерие, эксгибиционизм и ярость (Поттер-Эфрон Р.Т., 2002).

При исследовании психосоматики выявилось, что склонность к чувству стыда, в отличие от чувства вины, связана с широким кругом психопатологических симптомов от депрессии и тревожности до симптомов расстройства пищевого поведения, ПТСР и суицидальных тенденций (Ashby et al., 2006; Crossley, Rockett, 2005; Feiring, Taska, 2005; и др.).

Все существующие стратегии измерения чувств вины и стыда условно можно разделить на 2 группы: отражающие актуальное эмоциональное состояние и отражающие эмоциональные диспозиции.

Наиболее распространенными методиками измерения чувства вины и стыда как состояний являются Differential Emotions Scale (DES, Izard, 1977) и ее более поздние модификации. Несмотря на высокую внешнюю валидность, эти методики обладают существенным недостатком — они сильно полагаются на способность испытуемых различать чувства вины и стыда (Tangney J.P., 1996, p. 741–754).

Среди методик, измеряющих чувства вины и стыда как диспозиции, выделяют методики, направленные на измерение только одной из двух диспозиций, такие как Buss-Durkee Hostility-Guilt Inventory (Buss, Durkee, 1957), Mosher Forced-Choice Guilt Inventory (Mosher, 1966) и др. Главной проблемой здесь является отсутствие четкого разделения чувств вины и стыда, т. е. полученные с их помощью данные являются недифференцированными показателями вины/стыда, вследствие чего получаемые результаты не позволяют выяснить специфическую роль чувств вины и стыда в различных аспектах психологического и социального функционирования.

Другую подгруппу методик можно обозначить, как методики, основывающиеся на разведении склонностей к переживанию вины и стыда. В эту подгруппу входят опросники, вызывающие проявления рассматриваемых чувств, такие как Beall Shame-Guilt Test (1972) и др. Главной проблемой этого типа инструментов, является спорный критерий разведения вины и стыда — тип события, вызывающий эмоцию.

Также к этой подгруппе относятся опросники, основанные на перечне эмоциональных характеристик, например, Personal Feelings Questionnaire (Harder, 1992) и др. Самым большим недостатком таких методик является то, что они требуют от испытуемых оценки собственного аффективного состояния вне соответствующего контекста.

Третьим подтипом методик оценки чувств вины и стыда как диспозиций являются методики, основанные на сценариях (Emotion Story test (EST) Brody (1996), Test of Self-Conscious Affect (TOSCA) Tangney (1989) и др.). Сильными сторонами методик являются: а) оценка аффективного состояния встроена в соответствующий контекст; б) от испытуемого не требуется различения абстрактных понятий вины и стыда; в) такой подход меньше провоцирует возникновение защитных реакций; г) методики, основанные на сценариях, легче адаптируются на разных возрастных группах. Недостатками этих методик являются: а) невысокая внутренняя согласованность; б) данная разновидность методик направлена на оценку общих тенденций к переживанию чувств вины и стыда; в) согласно Kugler and Jones (1992), методики, основанные на сценариях, в большей степени измеряют моральные ценности и стандарты, нежели чем реальные эмоции вины и стыда, однако в TOSCA вероятность оценки моральных принципов сведена до минимума путем фокусировки на феноменологических описаниях опыта, а не на когнитивных оценках, где поведение может оцениваться как «правильное»/«неправильное», а также путем уклонения от спорных вариантов поведенческих реакций, которые могут быть оценены с точки зрения морали (Tangney J.P., Wagner P., Gramzow R., 1989).

Анализ литературы показывает, что несмотря на значительное увеличение теоретических и эмпирических исследований в области чувств вины и стыда, на данный момент и в отечественной, и в зарубежной психологии, они исследованы недостаточно. Это указывает на необходимость интенсификация исследований в данной области.

Потенциал концепции зависимой личности: вопросы современной аддиктологии

Т.А. Мардасова (Барнаул)

Несмотря на поставленные перед психиатрией и психологической практикой и пациентами новые проблемы, эффективность и обоснованность помощи при широко распространенных специфических поведенческих расстройствах оказывается незначительной по сравнению с терапией известных и изученных симптомов и заболеваний – психотических расстройств эндогенного и экзогенного происхождения, невротических и соматоформных, личностных и прочих традиционных психических нарушений. Можно утверждать, что психиатрия оказалась не вполне готовой к видоизменению структуры изучаемых проблем, как в теоретическом, так и в практическом плане.

В связи с видоизменением структуры психических и поведенческих расстройств и девиаций на современном этапе возникла необходимость выделения новой области знания – аддиктологии. К сфере ее основных интересов относится проблематика зависимых (аддиктивных) форм поведения как психологического, так и психопатологического уровня (Руководство по аддиктологии, 2007).

В МКБ-10 расстройства аддиктивного поведения не выделены в отдельную рубрику. В современной психологии присутствует попытка поставить вопрос о сходстве и истинной коморбидности всех форм патологического аддиктивного поведения, но отсутствуют научные предпосылки для утверждения, что механизмы их формирования едины. Поиск доказательств существования этиопатогенетического единства и является важной составной частью современной аддиктологии.

Классификация психических и поведенческих расстройств 10-го пересмотра выделяет и позволяет диагностировать следующие формы поведения, которые можно отнести к зависимым: F1 – психические и поведенческие расстройства вследствие употребления психоактивных веществ; F5 – поведенческие синдромы, связанные с физиологическими нарушениями и физическими факторами (F50 – расстройства приема пищи, F55 – злоупотребление веществами, не вызывающими зависимости); F60.7 – зависимое расстройство личности; F63 – расстройства привычек и влечений; F64 – расстройства половой идентификации; F65 – расстройства сексуального предпочтения (парафилии); F91.2 – социализированное расстройство поведения; F93.0 – тревожное расстройство в связи с разлукой в детском возрасте; F94.2 – расторможенное расстройство привязанности детского возраста; F98.4 – стереотипные двигательные расстройства.

Как показывает анализ приведенного выше списка поведенческих расстройств, базовой характеристикой которых выступает зависимость – аддикция (от веществ, людей, пищи, секса, различных событий или явлений), и сравнение МКБ-классифицируемых форм с практикой, этот перечень объектов и субъектов зависимости не носит исчерпывающего характера.

Современная концепция зависимой личности включает, по мнению отдельных авторов, следующие черты (Братусь Б.С., 1988; Залевский Г.В., 2004; Руководство по аддиктологии, 2007 и др.): инфантильность, внушаемость и подражательность, прогностическая некомпетентность, ригидность и упрямство, наивность, простодушие и чувственная непосредственность, любопытство и поисковая активность, максимализм, эгоцентризм, яркость воображений, впечатлений и фантазий, нетерпеливость, склонность к риску и «вкусу опасности», страх быть покинутым.

Аддиктивное поведение выступает одним из видов девиантного поведения, наряду с делинквентным, патохарактерологическим, психопатологическим, основанным на гиперспособностях, характеризуется формированием стремления человека к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посред-

ством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций. Основным мотивом аддиктивной личности выступает активное изменение неудовлетворяющего их психического состояния (скучного, монотонного). Для такого человека жизнь — однообразный процесс, ассоциирующийся с требованиями и ожиданиями.

Базисная характеристика аддиктивной личности — зависимость. Для оценки и отнесения человека к зависимому типу выделяют перечисленные ниже признаки, пяти из которых достаточно для диагностики клинической зависимости:

- неспособность принимать решения без советов других людей;
- готовность позволять другим принимать важные для него решения;
- готовность соглашаться с другими из страха быть отвергнутым, даже при осознании, что они не правы;
- затруднения начать какое-то дело самостоятельно;
- готовность добровольно идти на выполнение унижительных или неприятных работ с целью приобрести поддержку и любовь окружающих;
- плохая переносимость одиночества — готовность предпринимать значительные усилия, чтобы его избежать;
- ощущение опустошенности или беспомощности, когда обрывается близкая связь;
- охваченность страхом быть отвергнутым;
- легкая ранимость, податливость малейшей критике или неодобрению со стороны (Гоголева А.В., 2002; Егоров А.Ю., Игумнов С.А., 2005).

Наряду с зависимостью основное в поведении аддиктивной личности — стремление к уходу от реальности, страх перед обыденной, наполненной обязательствами и регламентациями «скучной» жизнью, склонность к поиску запредельных эмоциональных переживаний даже ценой серьезного риска и неспособность быть ответственным за что-либо.

На основании проведенного нами, совместно с Малышевой А.В., анализа представлений подростков об аддиктивной личности и аддиктивном поведении сверстников, можно заключить полное соответствие современной картины теоретических воззрений психологов, практическим выводам реальности. Так, например, действительно, подростки раскрывают черты сверстника с зависимостью (на примере наркоманической и компьютерной зависимости) средствами эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов. При этом ведущую роль играет поведенческий компонент, а также мотивационная сторона поведения подростков, в противовес когнитивной и эмоциональной составляющей, участвующей в анализе. На проявление поведенческой компоненты у подростков, имеющих наркотическую или компьютерную зависимости, наибольшее влияние оказывает когнитивная компонента. Когнитивная компонента в характеристиках аддиктивной личности подростков определяется и ограничивается основным интересом к предмету своей зависимости: у подростков, имеющих компьютерную зависимость — к компьютеру и всему, что с этим связано, у подростков, имеющих наркотическую зависимость — к проблемам поиска и употребления наркотиков. Когнитивная компонента у подростка с аддиктивным поведением по представлениям экспертной группы подростков без зависимости в восприятии сверстников с **компьютерной зависимостью** характеризуется такими негативными качествами как глупость и замкнутость интересов только на компьютере как предмете своей зависимости. В связи с этим в поведенческую компоненту они включают изобретательность, безразличие ко всему, кроме своего компьютера, лживость, несамостоятельность. При этом эмоциональная компонента определяется такими составляющими как ограниченность, мечтательность, злость, агрессивность. Когнитивная компонента у подростка с аддиктивным поведением в восприятии сверстников с **наркотической зависимостью** характеризуется такими же негативными качествами как в восприятии сверстни-

ков с компьютерной зависимостью. Что касается поведенческой компоненты, то она имеет большее количество характеристик — шутовство и кривляние, грубость, суетливость, надоедливость, непоследовательность, болтливость и излишнюю общительность, пугливость, непоследовательность, ощущение голодности, безразличие к окружающим. Эмоциональная компонента по представлениям экспертной группы подростков без зависимости в восприятии сверстников с компьютерной зависимостью, включает такие качества как ограниченность и интересность, в восприятии сверстников с наркотической зависимостью — ограниченность и постоянную смешливость.

В то время как сами респонденты-аддикты связывают свое поведение, когниции и эмоции только с предметом своих аддитивных потребностей.

Таким образом, полученные результаты не противоречат существующему приоритету комплексной — биопсихосоциальной модели аддитивного поведения, рассматривающей зависимость как следствие нарушений в функционировании сложной многоуровневой системы «социум — личность — организм» (Залевский Г.В., 2004). Кроме личностных, эмоциональных характеристик аддитивной личности, на ведущее место выходят поведенческие компоненты, которые подчинены когнитивным составляющим целостного образа зависимого человека.

К вопросу о структуре нейропсихологического диагноза

Ю.В. Микадзе (Москва)

Основным методом исследования нарушений высших психических функций в отечественной нейропсихологии является синдромный анализ (А.Р. Лурия), который опеределяет специфику процесса сбора данных и их систематизации, установления связи между наблюдаемой симптоматикой и порождающими ее причинами, постановки нейропсихологического диагноза.

Разработанные А.Р. Лурия принципы синдромного анализа позволяют определить структуру клинического, устанавливаемого на основании клинического обследования нейропсихологического диагноза, в который должны входить:

- симптоматический, или описательный компонент — описание симптомов, как внешнего проявления нарушений, изменений психических функций;
- анатомический, топический компонент — указание на мозговую локализацию патологического процесса;
- патогенетический компонент диагноза — указание на повреждение или функциональное нарушение (дисфункцию), определяемое по степени выраженности симптомов.
- функциональный компонент диагноза — указание на характер и степень нарушения различных звеньев психических функций, выделение симптомов первичных, системных, компенсаторных изменений, возникших в результате поражения мозга, т. е. структуру возникшего дефекта.

Различные компоненты нейропсихологического диагноза могут быть сведены в целое на основе представлений о нейропсихологическом факторе.

Понятие нейропсихологический фактор (А.Р. Лурия) было введено для описания взаимосвязанных явлений, которые позволяли установить соотношение между симптомом и локализацией мозгового поражения, приводящего к появлению этого симптома.

Разные факторы соотносятся:

- в психологическом контексте, с многочисленными компонентами (звеньями психических функций) в структуре психологических систем;
- в морфологическом и нейрофизиологическом контекстах с разными мозговыми областями (локализацией) и способом работы нервных механизмов (функции разных участков мозга), находящихся в этих областях.

Таким образом, фактор – понятие, отражающее взаимосвязь структурных и функциональных аспектов работы мозга. С помощью понятия фактор объединяются симптоматический, анатомический и патогенетический компоненты диагностики

Консолидация мозговых зон в функциональные системы создает разнообразные конфигурации, определяющие специфику интегративной работы разных отделов мозга, лежащей в основе разных психических функций, того или иного вида психической деятельности.

И.И. Филимонов рассматривал эту проблему в терминах симультанной и сукцессивной локализации мозговых структур, вовлекаемых в осуществление психической деятельности. Синхронно и последовательно вовлекаемые в функциональные системы зоны мозга, могут быть описаны с помощью соответствующих факторов, отражающих позвеньевой состав психической деятельности и структуру мозговых зон, объединенных внутри и межсистемными связями.

Пространственно-временная организация совместной работы целого ряда разных мозговых зон, позволяет оценивать состав психологической структуры разных видов психической деятельности и описывать его с помощью нейропсихологических факторов – факторного состава деятельности.

В этом контексте фактор позволяет ассимилировать в нейропсихологическую диангностику функциональный компонент клинического диагноза.

Фактор выступает системообразующим началом для формирования нейропсихологического синдрома – закономерного сочетания симптомов с общей причиной, патогенезом.

Структура синдрома состоит из сочетания разных психических функций при наличии нарушения общего психологического признака в каждой из них. К. Ясперс отмечал, что клинические картины заболеваний, вызванных одинаковыми причинами, имеющих одинаковую фундаментальную психологическую форму и одинаковую мозговую патологию представляют собой настоящие, естественные нозологические единицы. В классической нейропсихологии, ориентированной на топический диагноз, такой нозологической единицей выступает нейропсихологический синдром, связанный с повреждением определенного участка мозга.

Переход к новой парадигме в нейропсихологии, связанной с решением задач, ориентированных, в первую очередь, на реабилитацию, а не на топическую диагностику, означает смену и перевод акцентов на функциональный компонент клинического диагноза.

В клинической нейропсихологии он может рассматриваться как описание структуры дефекта, возникающего в состоянии психических функций вследствие органических повреждений и функциональных нарушений в работе мозга.

Для этого необходим детальный качественный анализ факторного состава сочетаний нейропсихологических синдромов, характеризующих структуру дефекта, а также количественный анализ, заключающийся в ранжировании синдромов по степени их выраженности и по их отношению к лежащим в их основе органическим или функциональным нарушениям.

С точки зрения функциональных систем функциональная диагностика – это описание расстройства работы определенных их компонентов, обладающих своими атрибутами, свойствами (манифестируется в синдромах) и нарушение внутри и межфункциональных связей, консолидирующих системы в определенную целостность (манифестируется в определенных сочетаниях синдромов).

Для подобных описаний необходимо введение новых методологических конструктов, таких как «метасиндром» и «метасиндромный анализ».

Выявление сочетаний синдромов, характеризующих первичные, системные, компенсаторные изменения, с учетом степени их выраженности полезно объединить общим понятием «метасиндромный анализ».

Сочетание таких синдромов можно связать общим понятием «метасиндром» в тех случаях, когда оно носит закономерный характер, т. е. отражает специфические, схожие по своему проявлению нарушения интегративной работы мозга (например, при сосудистых нарушениях, эпилепсии и т. д.).

В аномальном онтогенезе понятие «метасиндром» полезно для нейропсихологического описания тех новообразований, которые характеризуют разные этапы возрастного развития.

Методологически можно выделить три основных процедуры, используемых в нейропсихологической диагностике, которые направлены на описание разных компонентов в структуре клинического нейропсихологического диагноза.

Факторный анализ – поиск и определение нейропсихологических факторов – направленный на оценку содержания психических процессов, порождаемого нервными механизмами, локализующимися в разных отделах мозга.

Синдромный анализ – описание нейропсихологических синдромов, симптомокомплексов – направленный на оценку наличия взаимосвязи по определенному фактору разных психических функций.

Метасиндромный анализ – описание закономерных сочетаний нейропсихологических синдромов – направленный на оценку факторного состава разных видов деятельности, поведения.

Субъективные представления о болезни как феномен обыденного сознания

А.С. Нелюбина (Москва)

Современная ситуация рынка медицинских услуг в нашей стране такова, что наряду с научными, пациентам предъявляется широкий спектр парамедицинских центров по лечению и оздоровлению организма, методик, а также препаратов, не относящихся к лекарствам, но позиционируемых их распространителями как лечебное средство. А в средствах массовой информации широко рекламируются услуги нетрадиционных целителей, колдунов, знахарей, парапсихологов и экстрасенсов, чья деятельность не может быть отнесена к научной. Интерес в обществе к различным паранаучным лечебным практикам подогревается и тематикой телевизионных программ, посвященных соревнованиям экстрасенсов, «народным» методам лечения, астрологическим прогнозам, советам парапсихологов и т. д. Правовая регламентация подобных услуг, выходящих за рамки традиционной, научной медицины, требует лишь сертификации с независимой клинической оценкой их безопасности для человека, без оценки их эффективности (Сердюков Ю.М. с соавт., 2008).

Таким образом, объективная ограниченность возможностей традиционной медицины, привлекательность кажущегося «всемогущества» парамедицины, наглядность и простота «народных» методов лечения, отсутствие открытой дискуссии в обществе между наукой и паранаукой, приводят к глобальной мистификации массового сознания (Юревич А.Ю., 2000, с. 35–47) и широкой распространенности иррациональных верований о болезни и здоровье. По-своему объясняя мир, паранаука становится сотериологической системой: она дает человеку некий «инструмент» обращения с миром; мир становится более понятным, управляемым и безопасным (Элиаде М., 2002).

Адаптивной, защитной роли иррациональных представлений в жизни человека посвящен ряд современных исследований. Условиями актуализации в сознании иррациональных форм мышления являются: стрессовый характер ситуации, потенциальная угроза для жизни и здоровья человека; снижение возможности контроля; отсутствие социальной поддержки; полная вовлеченность человека в ситуацию, а также ее аффективная и личностная значимость. В этом случае граница «допустимого» в созна-

нии участников исследования смещалась на определенное время, делая возможным то, что в обычное время считалось человеком нереальным (Субботский Е.В., 2007). Ситуация болезни отвечает всем перечисленным условиям.

Традиционно субъективные представления о болезни соматически больных (без поражения головного мозга и тяжелой психической патологии) рассматриваются как рациональные и осознанные. При таком подходе разъяснительная работа должна способствовать формированию у пациента адекватной внутренней картины болезни. Однако исследования психологических защит, дезадаптивного поведения, трудности вовлечения пациентов соматической клиники в рациональную психотерапию и неустойчивость ее результатов говорят об обратном: просветительская работа не ведет к устранению из сознания иррациональных верований.

Подобные противоречия можно объяснить, если транспонировать вышеизложенные соображения о сосуществовании (и конкуренции при определенных условиях) в сознании человека иррациональных и рациональных компонентов в область клинической психологии и рассматривать субъективные представления о болезни как вариант обыденных, подчиняющихся закономерностям обыденного сознания. Обыденное сознание является психологической категорией, объединяющей рациональное и иррациональное в сознании человека. Оно занимает положение медиатора по отношению: к общественному и индивидуальному сознанию; к мифологическому и научному отражению мира; к бессознательному и рефлексивному сознанию (Улыбина Е.В., 2001). Поскольку, обыденное сознание близко к мифологическому, то оно обладает сходными с ним свойствами: трудно рефлексивируется, основано на вере и эмоциональном отношении, не поддается опытной проверке; имеет вероятностный характер; терпимо к противоречиям, содержит с точки зрения формальной логики, неадекватно сопоставленные общие и частные признаки. Как и для мифологического, для обыденного сознания характерны принципы подобия и сопричастности.

Обыденные представления о заболевании связаны с усвоением существующих в культуре взглядов на болезни, их причины, механизмы и вытекающие из этого методы лечения и прогноз болезни. Представления сочетают в себе черты архаичных, мифологических верований и, в тоже время, включают упрощенные, адаптированные научные знания. Но обыденные представления не являются абстрактным феноменом, они опосредуют поведение человека в ситуации болезни. А также, будучи взаимосвязаны с интрацепцией, могут порождать соответствующие телесные сенсации, дезориентирующие человека (Тхостов, А.Ш., 2002).

Групповая и индивидуальная танцевальная психотерапия больных шизофренией в условиях психоневрологического стационара и диспансера

Н.Ю. Оганесян (Санкт-Петербург)

В настоящее время в связи с возрастающей стоимостью лечения больных шизофренией актуальным является профилактика рецидивов заболевания при диспансерном наблюдении, а также развитие методов психотерапии позволяющих проводить поддерживающую терапию после выхода больного из стационара. Танцевальная психотерапия как невербальный метод позволяет проводить коррекцию моторных, эмоциональных и поведенческих навыков больных шизофренией.

Танцевальная психотерапия включает индивидуальную и групповую формы работы. Если групповая танцевальная психотерапия больных шизофренией направлена на развитие коммуникативных навыков, то индивидуальная – на коррекцию личностных нарушений в рамках патологии. В условиях психоневрологического диспансера, когда пациенты живут дома и многие работают, особенно актуальна по нашему мнению мо-

жет быть индивидуальная танцевальная психотерапия. Многие наши пациенты сами выбирают индивидуальную танцевальную психотерапию. По их мнению, «свои проблемы в семье мы не хотим в полной мере выносить на группу», «почему мои взаимоотношения на работе должны слушать другие», «я стесняюсь говорить о своих сексуальных проблемах с группой, где многие мне в бабушки годятся» и т. д. Индивидуальная танцевальная психотерапия направлена на укрепление границ личности, интеграцию представлений о себе и мире, в котором Я живу (семья, учеба, работа, досуг и т. д.). Индивидуальная танцевальная психотерапия больных шизофренией требует от танцевального терапевта высокого мастерства, эмоционально-телесной эмпатии. Поведение танцевального терапевта в индивидуальной танцевальной психотерапии должно быть активным, директивным и вместе с тем ответственным в отношении адекватности состояния пациента и возможностям его адаптации. Именно танцевальный терапевт может зримо показать с помощью танца, как, например, выглядит уверенный человек, который приходит заниматься на работу, как недостаток мимического выражения эмоционального состояния может быть не понят членами семьи в той или иной ситуации и т. д. Часто именно особенности самопрезентации больных шизофренией могут явиться неуспешностью при собеседовании в поисках работы, взаимоотношениях в семье и т. д. В танцевальной психотерапии с помощью танца и специального подбора музыки смягчаются возможные психотравмирующие ситуации, возникающие в процессе сессии. Индивидуальная форма танцевальной психотерапии – это углубленное исследование пациентом с помощью танцевального терапевта спектра своих движений, благодаря чему открываются невыраженные эмоции, которые были заблокированы в теле и осваиваются новые движения (замена старых, неадекватных форм реагирования). Нельзя забывать, что танцевальный терапевт работает в данном случае в рамках патологии.

О сочетании вербальных и невербальных методов психотерапии в реабилитации больных шизофренией говорили В.М. Воловик и В.Д. Вид. Они отмечали три основных задачи психотерапии: «1. активация общения; 2. восстановление согласованного взаимодействия разных уровней психической деятельности и оптимизация навыков социального поведения больного (тренировка конкретных элементов социального поведения, выработка более сложных навыков, обеспечивающих эффективную стратегию общения; 3. раскрытие содержательной стороны интрапсихической проблематики, коррекция неадекватных установок» (Воловик, Вид, 1975, с. 27). Индивидуальная танцевальная психотерапия с больными, проводимая как до групповых танцевальных терапевтических сессий (в целях подготовки больного к включению в группу), так и во время прохождения групповой танцевальной психотерапии (в зависимости от показаний), является существенной частью всех приемов групповой танцевальной психотерапии. Подобное сочетание индивидуальных и групповых компонентов значительно обогащает возможности танцевальной психотерапии с больными шизофренией. В.Д. Вид (2009) в качестве основных типов вмешательства в индивидуальном и групповом вариантах реконструктивной психотерапии указывает на эмоциональную поддержку, стимуляцию, совет разъяснение, уточнение, конфронтацию, объективацию, интерпретацию. Эти же типы вмешательства присутствуют и в танцевальной психотерапии, использующей как невербальные, так и вербальные методы психотерапевтической работы с больными шизофренией. *Цель исследования* – разработка теоретической концепции, системы методологических подходов и критериев оценки эффективности танцевальной психотерапии, позволяющих исследовать ее влияние на психомоторику больных параноидной шизофренией с дефицитарными расстройствами на стадии реабилитации, влияющей на процесс ресоциализации. *Объект исследования* – больные параноидной шизофренией с дефицитарными расстройствами (F.20 по МКБ-10) всего (n=300), проходившие лечение в стационаре ГПБ №6 и, на настоящее время (n=35) в

диспансере ГПБ №6. Практика индивидуальной танцевальной психотерапии, а именно краткосрочной ее формы в 10 сессий (Оганесян, 2005, 2009), проведенной в ГПБ №6 и психоневрологическом диспансере позволяет говорить об успешном сочетании индивидуальной и групповой форм работы в реабилитации больных шизофренией. В исследовании психомоторной динамики больных шизофренией использовались помимо психологических тестов, методики «Анализ телесного компонента интеллекта» и «Телесный анализ» разработанные автором (Оганесян, 2009), которые позволяют дополнить исследование клинической картины больных шизофренией на разных уровнях психических процессов, отмеченных Л.М. Веккером (1974). Исследования особенностей влияния танцевальной психотерапии на больных шизофренией продолжаются не только автором, но и профессиональными танцевальными терапевтами Санкт-Петербургской школы, прошедшими обучение в ИДО РГПУ им. А.И. Герцена (www.spbadmt.ru)

Страх оценивания в оценивающем мире как форма культурной патологии

О.А. Сагалакова (Барнаул)

Страх оценки в оценивающем мире – распространенное в настоящее время переживание, не оставляющее равнодушными даже социально смелых и активных людей. Жизненных событий, ситуаций конкуренции, в которых мы подвергаемся оцениванию, критике, требованию «быть лучшим», оказывается все больше. Зачастую от результата участия в таких ситуациях зависит наше будущее, карьера, семья и собственно самооценка.

В современном обществе провоцируется и поощряется конкуренция в самопредъявлении, начиная с детства. Например, внедрение в систему образования тестовых технологий проверки знаний связано с неуверенностью в непривычных ситуациях оценивания, что приводит к формированию неадаптивных установок, препятствует адекватному совладанию с ситуацией. Резкое расслоение общества приводит к восприятию окружающих в сравнительном, дифференциальном ключе, а это всегда полюса «+» и «-», и, как следствие, поляризация оказывается зачастую уничижительна и субъективно непереносима для людей.

Не смотря на очевидную актуальность проблемы, ее научный анализ еще далек от завершения. Нехватка психологических исследований, диагностического инструментария, литературы по проблеме социальной фобии контрастирует с нарастающей эпидемиологией, отсутствием единого методологического подхода к осмыслению. Открытым остается вопрос о причинах страха оценивания, границах между нормальным чувством застенчивости, смущения и клиническим феноменом социальной фобии.

В психиатрической литературе, начиная с середины XIX века можно найти ссылки на состояния, сходные по описанию с обозначаемыми как социофобия, изначально определявшаяся как страх выступления на публике, провоцирующий тревогу по поводу соответствия ожиданиям и морального положения в кругу людей (Janet P., 1913). Социофобия окончательно оформилась в публикации DSM-III в 1980г. Но данный феномен обозначен названием, более древним, – паттерны фобического поведения по самозащите также стары, как и само человечество.

Термин «социальная фобия» связан с именем П. Жане. Систематический медицинский интерес к явлениям, сконцентрированным вокруг «социальной фобии», дооформился во Франции в девятнадцатом столетии. Janet задумывал широкую категорию «социальной фобии» как возможность категоризировать страх покраснения, близости (и секса), разговора на публике и ответственных действий, действий среди других (Janet P., 1903).

Социальная фобия оказалась отлична от агорафобии и специфических фобий и стала «социальным тревожным расстройством» (DSM-IV), обозначающим более серьезное и дезадаптирующее нарушение. В развитых странах социофобией страдает уже около

четверти населения, в XXI веке ситуация обостряется. Индивидуалистичный мир, необходимость соответствовать жестким требованиям, чтобы добиться чего-то в жизни, — способствует возникновению сильных страхов оценивания, способных полностью парализовать социальную активность человека. Общество предъявляет ограничения и противоречивые требования, в зазоре которых развиваются фобии, депрессии, расстройства пищевого поведения, аддикции и пр. (А.Ш. Тхостов, Д. Мацумото и др.).

Сочетание разнонаправленных типов мотивации достижения и избегания (потребностей в безопасности и признании), формируемых с детства в социокультурной западной среде, приводит к невротизации или к более серьезным психопатологическим изменениям психики. Ставшие распространенными в индивидуалистичных странах и странах с особым менталитетом, социальные страхи предполагают боязнь представителей собственного вида в противоположность фобиям животных или насекомых. Страхи оценивания, тревога и депрессия, расстройства пищевого поведения и сексуальности — стали настоящим «бичом» современного мира.

По мнению М. Селигмана, современная культура полна предложений получения легких, не требующих усилий и собственной активности, удовольствий. За последние сорок лет во всех развитых странах резко возросло число людей, страдающих тревожно-депрессивными, тревожно-фобическими состояниями. Мы все чем-то опечалены, находимся в тревоге, постоянно чего-то опасаемся, боимся. Почему все более совершенный технический мир «провоцирует» страхи, уныние и тревогу? Вакуум собственной активности, легкодоступность быстро и в короткие сроки получить телесное удовольствие (любую возможную пищу, сервис, дистантное анонимное общение, товар, продукт, секс без любви и пр.) — характеристики современной цивилизации. Эти «удовольствия», как показывают исследования, не делают человека более счастливым, наоборот, опустошают его, вгоняя в депрессию. В желании как можно меньше прилагать усилия, мы постепенно замечаем, что это не приносит счастья, мы становимся более несчастными, испытываем тревогу и страхи. Эта тенденция тем сильнее, чем более развито общество и чем более высок уровень «объективного благополучия» (Селигман М., 2006; Seligman M.E.P., 1975).

Обуреваемый страхами риска неудачи, образом негативного исхода ситуации, дискомфорта, человек погружается в страхи, депрессию, находясь в изолированном и квазибезопасном мире, при этом единственное, что ему остается, — это получать «удовольствия» без усилий (анонимное общение по интернету, TV, сервисная коммуникация). Внешний мир ассоциируется с непомерными социальными требованиями, оцениванием и неудачей.

М. Селигман, характеризуя культурную патологию в виде вакуума усилий, приводит яркий образ — случай с «ящерицей с Амазонки». Один из преподавателей завел у себя в лаборатории амазонскую ящерицу. Первые несколько недель она ничего не ела, он испробовал все, но рептилия продолжала умирать на глазах, она отказывалась от всего, начала впадать в оцепенение: «Как-то раз Джулиан купил бутерброд с ветчиной и попытался соблазнить им ящерицу, но она опять не проявила ни малейшего интереса. Джулиан случайно уронил газету, которая упала на бутерброд. Ящерица воровато подкралась, изорвала бумагу в клочья и, добравшись до бутерброда, мгновенно его проглотила...» (Селигман М., 2006, с. 164–165). Оказывается, чтобы что-то съесть, амазонской ящерице надо найти пищу, «слопать» преграду, преодолев некоторые усилия. Ящерицы Амазонки не смогут есть, если не поохотятся, не смогут получить удовлетворение без труда. В процессе эволюции приятные эмоции связывались с определенными действиями. Сначала человек отвыкает прилагать собственные усилия, затем в случае негативного опыта, когда усилия не приводят к желаемому результату, становится «выучено беспомощным», убежденным в бессмысленности попыток, например, познакомиться с человеком, признаться к любви или выступить перед аудиторией.

В работе А.Ш. Тхостова, К.Г. Сурнова (2005) «Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации» авторы выделяют ряд факторов социокультурных трансформаций, влияющих на возникновение патологических форм адаптации (актуализацию и распространение определенных психических расстройств). Эти формы дезадаптации провоцируют и страх оценивания, который может впоследствии трансформироваться и в иные формы фобий и страхов, депрессии. «Невыносимая легкость бытия», технологизация общения, глянецовая культура внешнего самопредъявления и конкуренции, манипулирование чувствами вины и ответственности – все это факторы, повышающие эпидемиологические показатели страха оценивания. Ф.Зимбардо провел кросскультурные исследования, показавшие специфику проявления застенчивости в разных обществах. Не удалось обнаружить ни одной группы людей, менее четверти состава которой не относили бы себя к категории застенчивых, а в некоторых группах, как например, среди школьниц 10–12 лет или среди студентов из стран Востока, эта статистика возрасала до 60%. Количество застенчивых высшей пробы ни в одной группе не опускается ниже 2%, в некоторых странах доходит до 10% (Зимбардо Ф., 2005).

Живая коммуникация как обмен своими переживаниями может составлять часть культурного табу, это социокультурное препятствие к «естественности» поведения в обществе, что располагает к постоянной сверке себя с идеалами общества и культуры, которым очень трудно соответствовать в связи с особенностями человека как общественного существа. В Японии определен «оскорбительный тип» социального тревожного расстройства «taijin kyofusho» – страх вызвать отрицательные чувства проявлениями (запахом тела, пронизательным взглядом). Это синдром, обусловленный влиянием культуры, сконцентрированной вокруг значимости воздействия себя на окружающих, в данном случае оскорбляющего поведением, воображаемым физическим дефектом или неуместным внешним видом (Зимбардо Ф., 2005). Склонность к самоанализу, сопряженная с чувством стыда и низкой самооценкой, особенно характерна для японской культуры, но и в целом для современного мира.

Наши эмпирические исследования показали взаимосвязь интеллекта и повышенного уровня социальных страхов у молодежи, а также корреляцию объективно благополучных условий воспитания и ранней актуализации страха оценивания, начиная с начальной школы. Люди научаются смотреть на себя и оценивать себя глобально, исходя из предполагаемых искусственных, задаваемых извне стандартов, так что страх оценки, социальная фобия, безусловно, – это форма культурной патологии.

Формы агрессии у больных с впервые выявленным туберкулезом легких

Н.Н. Сиресина, В.В. Стрельцов (Москва)

Значительный уровень заболеваемости туберкулезом легких среди различных групп населения, утяжеление его клинических форм расширяет в последние годы интерес к психологическим исследованиям в области фтизиатрии, которые могут являться существенным резервом повышения эффективности терапии и профилактики туберкулеза легких (Виноградов М.В. с соавт., 1991, с. 41–43; Лукашова Е.Н. с соавт., 2002, с. 39–41; Макиева В.Г. с соавт., 1999, с. 7–9; Сухова Е.В., 2004, с. 34–36).

По мнению исследователей, заболевание человека следует рассматривать в системе «личность – организм – среда», которая отражает теснейшую связь между субъективным переживанием индивидом стресса и сопротивляемостью организма (Любан-Плюцца Б. с соавт., 1996). Манифестации туберкулеза легких, как правило, предшествует длительное психоэмоциональное напряжение в субъективно невыносимой для личности ситуации, которое может выступать патогенным фактором развития психосоматического заболевания. В этой связи исследование агрессии и враждебности как психо-

логических факторов риска возникновения туберкулеза легких представляет несомненный научно-практический интерес.

Целью данного исследования являлось выявление у больных с впервые диагностированным туберкулезом легких форм агрессии и враждебности — значимых составляющих в модели психосоматического заболевания.

В исследовании приняли участие 244 человека в возрасте от 18 до 55 лет. Обследовано 120 больных стационара ЦНИИТ РАМН с впервые выявленным туберкулезом легких, составивших основную группу исследования (ОГ), из них 60 женщин и 60 мужчин. Контрольная группа (КГ) состояла из 124 практически здоровых людей, из них 68 женщин и 56 мужчин.

Исследование проводилось методикой А. Басса и А. Дарки, направленной на изучение агрессивности как свойства личности, дифференциацию открытой мотивационной агрессии, а также враждебности, под которой понимаются негативные чувства и оценки в отношении окружающих людей и событий.

Результаты статистического исследования сопоставлялись со сведениями, полученными методами клиничко-биографического интервью и естественного эксперимента по А.Ф. Лазурскому в условиях стационара во взаимодействиях пациентов с медперсоналом, другими больными и их родственниками.

При сравнении данных по группам больных туберкулезом легких и практически здоровых людей были выявлены значимые различия по шкалам: «Подозрительность» — 50,69 (КГ — 36,99, $p < 0,001$) «Обида» — 56,55 (КГ — 44,87, $p < 0,001$), «Чувство вины» — 68,92 (КГ — 58,19, $p < 0,001$), «Враждебность» — 53,3 (КГ — 40,65, $p < 0,001$), «Раздражительность» — 50,1 (КГ — 42,68, $p < 0,01$), «Негативизм» — 54,33 (КГ — 52,79, $p < 0,05$), «Физическая агрессия» — 59,13 (КГ — 52,78, $p < 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что больные туберкулезом легких отличаются от здоровых людей повышенной аффективной напряженностью и следующими деструктивными тенденциями:

- преобладанием оппозиционности в поведении в форме пассивного сопротивления или активной борьбы против установившихся традиций и законов (шкала «Негативизм»);
- готовностью к проявлению негативных чувств при малейшем стрессогенном воздействии (шкала «Раздражительность»);
- склонностью к недоверию и настороженному отношению к людям, проистекающему из убеждения, что окружающие намерены причинить вред (шкала «Подозрительность»);
- склонностью к проявлениям зависти и ненависти к окружающим, обусловленным недовольством кем-то или всем миром за действительные или мнимые страдания (шкала «Обида»);
- склонностью к «угрызениям совести», самообвинению, аутоагрессии (шкала «Чувство вины»);
- преобладанием негативных оценок по отношению к окружающим людям и событиям (шкале «Враждебность»);
- отсутствием внешнего выражения негативных чувств (шкалы «Вербальная агрессия», «Косвенная агрессия»).

Установленные факты позволяют говорить, что характерной особенностью больных туберкулезом легких является сочетание неудовлетворенности положением в социуме, обидчивости, претенциозности с виновностью за свое оппозиционное поведение и негативное отношение к людям. Негативные переживания агрессивного круга у больных туберкулезом легких блокируются на поведенческом уровне и не переходят границ значимых для человека социальных норм.

Клиничко-биографическое интервью и наблюдение в ходе естественного эксперимента подтвердили результаты, полученные в ходе применения методики А. Басса — А. Дарки.

Было установлено, что враждебность больных туберкулезом легких, проявляющаяся в виде повышенной претенциозности, обидчивости и подозрительности, является устойчивой характеристикой личности и определяет особенности их эмоционального реагирования задолго до манифестации заболевания. Для родительских семей больных туберкулезом легких характерными являются авторитарный тип воспитания и повышенное внимание к формированию нравственных категорий (порядочности, совестливости, добросовестности и т. п.).

Авторитарная семья способствует формированию у детей чувства вины, повышенной чувствительности к критике в свой адрес, ограничению свободы, недостатку внимания. Подобный стиль детско-родительских взаимоотношений, дефицит тепла и взаимопонимания также обуславливают алекситимические нарушения в виде неумения и неспособности к конструктивному диалогу с людьми, что обостряет обидчивость, претенциозность, недоверчивость к людям, провоцирует конфликтное поведение.

По данным интервью, в родительских семьях больных туберкулезом легких уделяется повышенное внимание формированию нравственных категорий порядочности, совестливости и добросовестности. Усвоенные в родительской семье этические представления становятся руководящими принципами во взаимоотношениях с людьми и, с одной стороны, определяют догматичную моральную взыскательность больных туберкулезом легких к окружающим, с другой – ограничивают возможность вербализации своих чувств из опасения поступить непорядочно – «обидеть», «расстроить», «задеть» другого человека. Поведение окружающих, оцениваемое больными как нечестное или негуманное, осуждается, вызывает эмоциональное напряжение, внутреннее чувство негодования.

Внешнего выражения агрессивные чувства чаще всего не получают и лишь в крайних случаях прорываются вовне в форме грубого аффективного разряда. На смену агрессивной вспышке, как правило, приходит сожаление о случившемся, сопровождающееся переживанием чувства вины и самоосуждением. Следовательно, враждебность, характерная для больных туберкулезом легких, во многом обусловлена спецификой их интрапсихической переработки воспринимаемой реальности, субъективной значимостью морально-этической стороны происходящих событий и поступков окружающих.

Враждебность, свойственная больным туберкулезом легких, «подпитывается» общим ощущением реальности как угрожающей, давящей, предъявляющей чуждые требования, что ставит их в позицию атакованной жертвы и вынуждает внутренне мобилизоваться на отпор агрессивному, в их восприятии, миру, поддерживая патологически высокий уровень аффективной напряженности, который нарушает вегетативный баланс в организме.

Таким образом, в проведенном исследовании выявлены формы агрессии и враждебности, характерные для больных с впервые выявленным туберкулезом легких, которые можно рассматривать как значимые составляющие психогенеза данного заболевания. Полученные данные могут способствовать выделению психокоррекционных мишеней и разработке основных направлений коррекции психоэмоционального состояния больных. Дальнейшее изучение психологических факторов риска туберкулеза легких будет способствовать созданию системы своевременной профилактики во фтизиатрической клинике.

Особенности нарушения памяти у больных туберкулезом легких

В.В. Стрельцов, Н.Н. Сиресина (Москва)

Задача топической диагностики нарушений высших психических функций у больных туберкулезом легких может быть решена как качественным (синдромным) анализом локальных поражений мозга, разработанным А.Р. Лурия, так и количественными

методами. Данная работа посвящена выявлению особенностей мнестической функции у больных туберкулезом легких методами количественной оценки функционального состояния заднемозговых корковых структур.

Методический аппарат исследования сенсорной следовой памяти представляет собой модифицированные количественные варианты классических нейропсихологических методик, применяемые для изучения мягких функциональных повреждений кортикальных структур при неврозах, психосоматических страданиях и других психогенных патологиях. Особенности сенсорной памяти изучались у 310 больных туберкулезом легких, составивших основную группу исследования (ОГ): 47,1% женщин (146 человек), 52,9% мужчин (164 человек), средний возраст – $31,6 \pm 11,0$ лет. Впервые выявленных больных (ВВ) было 63,9% из них 44,4% мужчин и 55,6% женщин, с хроническим течением (ХР) – 36,1%, среди которых 60,7% мужчин и 39,3% женщин. Контрольную группу исследования (КГ) составили здоровые люди в количестве 96 человек: 53,1% мужчин (51 человек) и 46,9% женщин (45 человек), средний возраст – $36,2 \pm 13,1$ лет. Распределение больных по формам туберкулеза легких: инфильтративный – 41,6%, фиброзно-кавернозный – 27,8%, диссеминированный – 17,1%, очаговый – 11,6%, казеозная пневмония – 1,9%.

Функциональное состояние (тонус) левовисочного коркового отдела исследовалось определением стойкости стойкостью слухоречевых следов. Пациентам производилось поочередное предъявление 5-ти серий из 3, затем из 4, 5, 6 и более элементов (простых односложных слов типа «кот», «стол», «лес», «дом» и пр.). Воспроизведение предъявленных серий слов осуществлялось 2 раза сразу после предъявления стимула и 2 раза после гетерогенной интерференции в виде вопроса экспериментатора и ответа испытуемого. Предъявление серий продолжалось до тех пор, пока пациент сохранял восприимчивость к стимулу. Каждое правильное воспроизведение принималось за 2 единицы, их сумма составляла показатель стойкости слухоречевых следов (Псс). Величина отклонения от нормы показывала степень глубины левовисочной функциональной патологии испытуемого.

Функциональное состояние теменных и затылочных корковых отделов исследовалось определением стойкости кинестетических следов на каждой руке (Пкс П и Пкс Л) и зрительных следов (Пзс). С этой целью применялись пробы на запоминание движений пальцев и геометрических фигур. Алгоритм предъявления, воспроизведения стимулов и оценки результатов был аналогичен процедуре со словесными стимулами. Суммарный показатель тонуса корковых структур задних отделов больших полушарий (левой височной, теменных и затылочных долей) определялся суммированием всех показателей: Псс + ПксП + ПксЛ + Пзс.

Модально-специфические формы памяти отражают функциональную состоятельность гностических отделов коры мозга, обеспечивающих осуществление «подвижных синтезов» доходящей до человека информации. Анализ богатого эмпирического материала, собранного в ходе многолетнего нейропсихологического исследования как здоровых людей, так и пациентов с разнообразными функциональными нарушениями, позволил определить нормативные показатели модально-специфической памяти, соответствующие наивысшему уровню качества жизни человека, его психическому и соматическому здоровью. Оптимальные величины количественных показателей функционального состояния корковых отделов головного мозга, опосредованные показателями слухоречевой (Псс), тактильно-кинестетической (Пкс) и зрительной памяти (Пзс), следующие: для средневисочной извилины левого полушария Псс = 180 ± 10 единиц, для теменных и затылочных отделов Пкс и Пзс = 220 ± 10 единиц. Суммарный показатель тонуса всех заднемозговых отделов составил 840 ± 40 единиц.

Анализ данных, полученных в ходе нейропсихологического исследования больных туберкулезом легких (ОГ) и здоровых лиц (КГ) выявил существенное снижение пока-

зателей модально-специфических форм памяти в основной группе по сравнению с контрольной группой и нормативными значениями (ОГ =283,7, КГ =701,2; $p<0,001$). На общем сниженном фоне особо критическими показателями отличалась кинестетическая память – Пкс =56–57 единиц, что в 3 раза ниже аналогичных показателей в КГ и в 4 раза ниже нормативных значений. Больные туберкулезом легких испытывали значительные затруднения при запоминании серий из 3–4-х пальцев, путая их последовательность при непосредственном воспроизведении, а также не удерживая следы после гетерогенных интерферирующих влияний. В контрольной группе обследуемые без особых усилий удерживали следы предъявленных серий из 5–6 и более пальцев, сохраняя порядок и после интерференции.

Статистически значимые различия были получены в группе ВВ, разделенной на подгруппы: пациентов, страдающих туберкулезом легких в течение 1–3 месяцев, и болеющих более 3-х месяцев. Сравнение этих групп обнаружило заметное снижение показателей стойкости следов всех видов сенсорной памяти, соответствующее продолжительности болезни ($p<0,01$), которое далее было прослежено и при сравнении групп ВВ и ХР. Данные сравнительного анализа групп впервые выявленных больных и больных с хроническим течением выявили углубление патологии модально-специфической мнестической деятельности по мере хронизации туберкулезного процесса, затрагивающее кинестетическую (ВВ – Пкс=62,7; ХР – Пкс=48,2; $p<0,001$) и зрительную память (ВВ – Пзс=92,2; ХР – Пзс=84,2; $p<0,05$). Следует отметить также, что сравнение показателей стойкости следов пациентов, больных в течение 1–3 лет и более 3-х лет, не выявило значимых различий, что может быть объяснено определенной стабилизацией патологического процесса.

Количественное исследование показателей стойкости следов у больных с различными формами туберкулеза легких позволило статистически достоверно объективировать углубление корковой патологии на фоне клинически усугубленных форм заболевания, какими являются фиброзно-кавернозный и диссеминированный туберкулез легких ($p<0,05$).

При сравнении показателей тонуса заднемозговой коры у пациентов с инфильтративной и диссеминированной формами туберкулеза легких значимые различия были выявлены по всем сенсорным отделам; при сравнении показателей у пациентов с инфильтративной и фиброзно-кавернозной формами туберкулезного процесса – по всем заднемозговым областям, за исключением показателя функционального состояния височных отделов; значимые отличия инфильтративного туберкулеза от очагового проявились только по показателям тонуса затылочной доли. Сравнение групп «фиброзно-кавернозный – очаговый», «очаговый – диссеминированный» и «фиброзно-кавернозный – диссеминированный» достоверно значимых различий не выявило.

Сравнительный анализ показателей тонуса заднемозговых корковых отделов у больных с различными формами туберкулеза легких продемонстрировал более благополучную нейропсихологическую картину у больных с инфильтративной и очаговой формами относительно фиброзно-кавернозного и диссеминированного туберкулеза легких. Усугубление функциональной мозговой патологии в данном случае может быть объяснено нарастанием туберкулезной интоксикации, особенно при диссеминированном туберкулезе легких.

Количественные нейропсихологические методы исследования существенно расширяют возможности исследования особенностей нейрофизиологических процессов у больных туберкулезом легких, отражающих картину функционального состояния коры головного мозга в целом как высокодифференцированной системы и отдельных его образований, обеспечивающих различные стороны интегративной мозговой деятельности.

Онтогенетические факторы гомосексуальной ориентации

К. Ю. Телешева (Москва)

В нашей стране принято обходить тему гомосексуальности стороной. Зачастую все вопросы сексуальной ориентации связываются с врожденными факторами и не рассматриваются психологами. Можно найти лишь несколько переводных изданий и совсем незначительное число отечественных исследований о природе гомосексуальности. В прессе принято представлять гомосексуальность как врожденную черту человека. Но зарубежная практика убеждает нас в обратном: именно психологи должны уделять наибольшее внимание вопросу формирования гомосексуальной ориентации. Позиция большинства ученых по данному вопросу: гомосексуальность имеет генетическую предрасположенность в форме некоторых характерологических черт и выраженную социальную обусловленность. На западе успешно осуществляется терапия по переориентации гомосексуальных клиентов. Преследуя гуманные цели общество часто забывает о том, чт. е. люди, которые не принимают свою гомосексуальную ориентацию и существует запрос на изменение сексуальной ориентации.

Ассоциация NARTH (Американская национальная ассоциация по изучению и терапии гомосексуальности) ставит основной акцент при терапии гомосексуальности у мужчин на классическом сочетании властной матери и отстраненного отца и на отсутствии тесной эмоциональной связи с отцом. Женская же гомосексуальность практически не исследуется. Но возможно ли ограничить круг факторов гомосексуализма исключительно взаимоотношениями с родителями? Нам представляется, что эти факторы гораздо шире, их сочетание и период их воздействия на ребенка имеет огромное значение для становления дальнейшей сексуальной ориентации. Определение всего разнообразия факторов гомосексуализма имеет важное практическое значение: зная причины гомосексуальности, возможно осуществлять как ее профилактику, так и эффективную терапию.

Наше исследование заключалось, в первую очередь, в определении онтогенетических факторов гомосексуальной ориентации. На основе изученной литературы и выдвинутых нами гипотез был создан опросник. На этапе апробации была подтверждена правомерность включения факторов в опросник и получены предварительные результаты. Далее опросник был стандартизирован.

В процессе стандартизации мы выделили некоторые особенности факторов гомосексуальности. Нами была предложена схема действия факторов, состоящая из базовых и запускающих факторов. Нам представляется обоснованным предполагать, что структура формирования гомосексуальной ориентации имеет два уровня: базовые факторы или факторы предрасположенности, которые создают некоторую предрасположенность к формированию гомосексуального выбора в раннем детском возрасте (до 6 лет); факторы-релизеры, запускающие гомосексуальное поведение, действуют чаще всего в подростковом возрасте (возможно в более старшем). К первой группе факторов мы можем отнести описанную в психоанализе модель семьи «властная мать – пассивный отец», материнскую гиперопеку, детскую гендерную неконформность, установки родителей на воспитание; к факторам второго порядка относятся раннее половое созревание, раннее проявление сексуальных интересов, негативная оценка первого гетеросексуального опыта, юношеский опыт гомосексуальных отношений. Подобное разделение позволяет оценивать значимость каждого отдельного фактора, его вклад в процесс формирования гомосексуальной ориентации, и их сочетаний. Также благодаря подобной модели объясняется, по какой причине одни и те же факторы сказываются различно на становлении сексуальной ориентации у разных людей.

Мы выделили возможные факторы: гиперопека, гендерные нарушения в детском возрасте; отрицательный опыт гетеросексуального контакта; установки родителей на поведение ребенка; отношения между родителями; сиблинги; раннее появление сексуальных интересов.

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Прегомосексуальные девочки и мальчики являются замкнутыми в общении с сиблингами и со сверстниками. Они зачастую привязаны к родителю противоположного пола и все их интересы, общение, деятельность замыкается на родителе. Предполагается, что на фоне близких, доверительных отношений с родителем противоположного пола у ребенка формируется гендерная дисфория (в большей степени у женщин, чем у мужчин). Фактором — релизером, запускающим изменение сексуальной ориентации часто становится первый гетеросексуальный опыт, который прегомосексуальные подростки оценивают отрицательно.

2. Возможной причиной формирования гомосексуализма у гомосексуальных мужчин и женщин может служить раннее половое созревание и/или раннее формирование сексуальных интересов.

3. Отношения с матерью, близкие или дистантные, не оказывают значимого влияния на формирование гомосексуальной ориентации у женщин. Аналогично в формировании гомосексуализма у мужчин малую роль играют взаимоотношения с отцом (что противоречит постулатам репаративной терапии).

4. Для мальчиков большую роль в формировании гомосексуализма играют установки родителей на воспитание (если родители хотели ребенка противоположного пола, прививали мальчику женственное поведение). У девочек такой связи не наблюдается, у них большую роль играет отсутствие приоритета в полоролевом воспитании — у девочки отсутствуют представления о женском поведении, ей не прививают женственность, не критикуют за мальчишеское поведение.

5. Плохие отношения между родителями значимо более распространены в группе гомосексуальных мужчин и женщин.

6. Среди сиблингов гомосексуальных мужчин значимо реже встречаются сестры, братья гомосексуальных мужчин в 100% случаев старше; среди гомосексуальных женщин значимо чаще встречаются братья, возраст сиблингов не является значимым.

7. Гомосексуальные мужчины относятся к детским сексуальным проявлениям чаще нейтрально, гомосексуальные женщины — отрицательно. При положительном отношении среди гомосексуальных мужчин в 100% случаев также прослеживается раннее половое созревание. Также гомосексуальные мужчины и женщины отрицательно относятся к процессу своего полового созревания.

8. Значимо чаще прегомосексуальные мальчики обсуждают тему полового развития со взрослыми, чем со сверстниками, к чему склонны гетеросексуальные мальчики, что также подтверждает более близкие, доверительные отношения с матерью, чем со сверстниками к моменту полового созревания. Среди гомосексуальных женщин, в отличие от гомосексуальных мужчин, чаще встречается отсутствие обсуждения тематики их полового развития или обсуждения со сверстниками.

Выделенные нами факторы могут служить основанием программы гендерного и сексуального развития ребенка, т. е. на их основе можно составить рекомендации родителям и педагогам по воспитанию детей в рамках гетеросексуальности. Также разработанный нами опросник позволяет при проведении терапии по переориентации на первой встрече целенаправленно определить онтогенетические факторы нарушения сексуальной ориентации и гендерной идентичности, оригинальное для каждого клиента сочетание факторов формирования гомосексуальной ориентации.

Проблема образа-представления в современной нейропсихологии и восстановительном обучении

Л.С. Цветкова, А.В. Цветков (Москва)

В 2009 г. исполнилось 10 лет кафедре клинической психологии и Центру интеллектуального развития ребенка Московского психолого-социального института. Юбилей — всегда повод задуматься о судьбе научной школы, ее вкладе в теорию и практику. Широким массам российских и зарубежных психологов школа А.Р. Лурии — Л.С. Цветковой (именно эта ветвь нейропсихологии развивается в рамках Московского психолого-социального института) известна в первую очередь своими работами в области восстановления речи при афазии (Цветкова, 2001б, 2004 и др.), несколько меньше — работами по восстановлению интеллектуальной деятельности и познавательных процессов (Цветкова, 1995, 1997), обобщенных в ряде монографий (Цветкова, 2002). В Центре интеллектуального развития много внимания уделяется проблемам нейропсихологии детского возраста (Актуальные проблемы..., 2001), в которой нами проделана работа по разработке концептуального аппарата, предложена адаптация лурьевских методов для обследования детей дошкольного и школьного (вплоть до подросткового) возраста, описан ряд синдромов отклоняющегося развития.

Что же объединяет столь разнонаправленные работы? С нашей точки зрения, сквозным направлением для этих работ является проблема образа-представления, которая присутствует и в разработанных нами методах восстановления речи и познавательных процессов, в частности, в методах «введения в контекст», общих для всех форм афазии, и специфических методах для акустико-мнестической и амнестической форм афазии, для которых нарушение предметных образов-представлений является нейропсихологическим фактором. В детском возрасте — несформированность образов-представлений, по мнению Л.С. Цветковой, выступает как одна из причин задержки психического развития, в том числе — задержки в развитии речи, т. к. образ выступает «чувственной базой речи», и преодоление дефектов образа будет вести к развитию всей психической сферы. В мышлении (и у взрослых, и у детей) образ выступает средством ориентировки в задаче, в образе выделяются существенные признаки задачи, при помощи которых происходит постановка конечного вопроса и поиск решения.

Акустико-мнестическая афазия в качестве самостоятельного расстройства речи была описана А.Р. Лурия (Цветкова, 2004, с. 86). В ее клинической картине выделяется негрубое нарушение понимания речи, отчуждение смысла слов (больные не понимают подтекста высказываний и неправильно называют предметы) на фоне сохранного фонематического слуха. А.Р. Лурия пришел к выводу, что в основе акустико-мнестической афазии лежит нарушение оперативной слухоречевой памяти. Исследования, проведенные Л.С. Цветковой, показали, что как раз память у этих больных является «сильным звеном» — в отличие от больных с сенсорной афазией, которые знают наименование предмета, но их речь «зашумлена» множеством литеральных парафазий из-за дефектов фонематического слуха (так, картинку «лимон» больные обозначают «днон», «динон», «люноло», «ноло»), то для больного с акустико-мнестической афазией проблема как раз в поиске из семантического поля *правильного* слова-наименования: «Это кислое! Яблоко? Нет. Апельсин? Нет. Это еще к чаю режут... А, лимон!» (Цветкова, 2004, с. 88). Таким образом, основной дефект для описываемой формы афазии — нарушение предметного образа и его семантических связей, которые теряют избирательность.

В серии опытов, проведенных Л.С. Цветковой (1995, с. 178–204) с больными акустико-мнестической афазией, им предлагалось дорисовать абстрактный объект до реального предмета, оказалось, что образная сфера у этих больных нарушена со стороны количества, разнообразия и динамики — нарушается конкретный образ предмета, при

относительной сохранности «глобального образа», сформировавшегося на ранних стадиях развития и микрогенеза.

Для преодоления дефектов образа-представления была разработана методика, включающая в себя несколько стадий (Цветкова, 2004, с. 273–275).

1. Работа с группой предметных картинок (не более 15–20), в которой одни и те же предметы «обгрываются» с разных сторон – представлены в разном исполнении (цвет, размер), в разном контексте и применении. На первом этапе занятий поиск картинки ведется «по образцу», не прибегая к речевому обозначению.

2. Рисование, на первом этапе – срисовывание предмета целиком (с одной из отработанных картинок), затем – больному предлагается часть картинки, а он должен нарисовать предмет целиком. На третьем, усложненном, этапе больной дорисовывает абстрактную фигуру до любого реалистичного предмета.

3. Для закрепления возможности проводить *семантические операции с образом-представлением* больному предлагается ряд упражнений: а) подписывать наименования знакомых ему предметов в сюжетных картинках (подобранных так, чтобы там присутствовало максимальное число отработанных предметов); б) подставлять в предложения с пропущенными словами предметные картинки из числа отработанных ранее (например: На улице шел сильный... (дождь)). При этом от больного не требуется называть предметы, достаточно выполнять с ними различные операции, однако, как показала практика, именно в ходе этих невербализованных операций восстанавливаются слова-наименования в спонтанной речи.

4. На данной стадии идет работа со словами-наименованиями предметов, отработанных ранее – больному предлагаются карточки с напечатанными названиями и образец семантического поля (например, с одной стороны карточки с указанием «посуда» – с другой стопка карточек «тарелка, стакан, чашка»). После этого предлагается провести классификацию слов по различным признакам. Более сложным заданием является подбор слов под заданный признак. Сначала такая работа проводится с резким разведением групп по смыслу, однако постепенно группы сближаются.

Практика работы как с больным с акустико-мнестической формой афазии, так и с детьми, имеющими задержку психического развития (Актуальные проблемы..., 2001) показала эффективность данной методики в восстановлении «чувственной базы речи».

Исследования Л.С. Цветковой (1995) в области нейропсихологии интеллектуальной деятельности у младших школьников с проблемами развития (ЗПР, трудности школьного обучения) показали, что недоразвитие предметных образов-представлений является системообразующим дефектом, определяющим задержку в развитии речи, мышления, произвольной регуляции. На основе анализа интеллектуальной деятельности в разных возрастах автором было выделено два основополагающих принципа, по которым действуют задние (постцентральные) и передние (лобные) отделы мозга: выделение существенного признака и высшие синтезы.

Выделение существенного признака особенно ярко проявляется в предметных образах-представлениях – такими признаками могут быть форма предмета, цвет, взаиморасположение частей и т. д. Практика нейропсихологического обследования детей показывает, что большинство из них (вне зависимости от наличия трудностей в развитии) лучше и проще справляются с пробой на обобщение (назвать одним словом 4 предметных картинки), чем с пробой «четвертый лишний». Ведь в пробе «обобщение» работа по выделению существенного признака уже проведена, а во второй пробе ребенок должен выполнить ее самостоятельно, к тому же – суметь вербализовать принцип нахождения сходства-различия.

Постараемся подвести итоги изучения сущностных характеристик образных процессов в работах Л.С. Цветковой (1995, с. 178–204).

1. Образ, как и слово, имеет определенную семантику и выполняет существенные функции в мыслительном процессе, являясь не замкнутой в себе данностью сознания, а образованием, обозначающим предмет – поэтому номинативная функция речи и предметный образ-представление оказываются теснейшим образом связаны;

2. Образ – «фактура слова», для формирования полноценной речи и ее нормального протекания необходима сохранность предметных образов, утрата которых ведет к искажению понимания смысла и значения;

3. Образ – предметен (порождается в процессе деятельности), системен (отражает функциональные связи вещи), имеет определенный уровень абстрагированности от реальности, несет на себе «смысловое поле» значений, в которых воспринимается мир.

Именно система перцептивных действий на основе предварительной гипотезы, построенной на экстраполяции из контекста чувственных впечатлений, приводит к построению предметного образа.

Факторно-аналитическое исследование нарушений мышления при шизофрении в рамках информационного подхода

Т.В. Чередникова (Санкт-Петербург)

В последние десятилетия в мировой науке интерес из области патопсихологии шизофренического мышления резко сместился в сферу его нейропсихологических, нейроркогнитивных и психолингвистических исследований. Эти науки предлагают новые перспективные методы, основанные на высоких информационных и медицинских технологиях, и выдвигают продуктивные теории для осмысления и моделирования процессов мышления, в том числе, и при различных его расстройствах. Благодаря активным научным поискам в этих направлениях значительно расширился феноменологический список нарушений мышления при шизофрении, в частности, связанных с разными уровнями речевых процессов. Изменились на прямо противоположные представления об уникальности, обязательности и стабильности нарушений мышления для больных шизофренией. Утвердилось мнение о гетерогенной природе шизофренического мышления, обусловленного сложной мозговой патологией и неоднозначным вкладом разных психических дисфункций (сенсорно-перцептивных, attentionных, мнестических, регуляционных, семантических, речевых и коммуникативных) в отдельные компоненты нарушенного мышления. В то же время ряд вопросов собственно патопсихологии мышления при шизофрении остался, по-прежнему, нерешенным, и, в принципе, он не может быть раскрыт средствами других психологических дисциплин. Это вопросы обоснованной дифференцировки, унифицированных определений, общей терминологии и систематики многочисленных патофеноменов мышления; создания валидных и чувствительных методов диагностики их наиболее существенных форм, а также стертых и тонких вариаций, вызванных индивидуальным, культурным и лекарственным патоморфозом шизофрении. И, наконец, очевидна необходимость применения адекватного теоретического конструкта для разделения основных (собственно мыслительных) и побочных (обусловленных другими психическими дисфункциями) расстройств мышления, что объединило бы конкурирующие объяснения его природы и сообщило новый импульс и направление дальнейшим исследованиям.

В нашем исследовании для решения части указанных вопросов была использована модель строения мышления, разработанная в информационной теории психики Л.М. Веккера. Она представляет человеческое мышление как процесс взаимобратимого перевода выделенных между объектами отношений с языка образов на язык символов (слов). Это позволяет включать в исследование расстройств шизофренического мышления не только речевые, но и образные феномены. Выбранная модель указывает также на возможные повреждения в структуре самого мышления: нарушения 1) структурных элемен-

тов (образов и слов); 2) структурных связей между ними (горизонтальных – дополняющих и вертикальных – родо-видовых) внутри каждого из языков отдельно и 3) адекватного обратимого межъязыкового перевода этих связей (словесно-образного и образно-словесного), формирующего семантические поля мышления. С учетом двухкомпонентной (двуязычной) природы человеческого мышления, эта модель теоретически предсказывает 7 основных его структурных расстройств, что было проверено в квазиэкспериментальном исследовании с помощью конфирматорного факторного анализа.

Выборку исследования составили 125 пациентов районного психоневрологического диспансера Санкт-Петербурга, с клиническими диагнозами психических расстройств шизофренического спектра (параноидная шизофрения (41 человек), простая шизофрения, шизоаффективный психоз (27), шизотипическое расстройство личности. Всего было использовано 19 психодиагностических методик исследования: мышления, памяти, внимания, регуляции, эмоций, личности. Среди них были 6 классических вербальных и невербальных методик (*Исключение лишнего слова, Выделение существенных признаков понятий, Пословицы; Пиктограммы, Классификация картинок, Исключение лишней картинки*), а также авторский тест «Цветоструктурирование», и тест «Комплексная Фигура» Рея.

Сравнительный содержательный анализ 135 описаний различных речевых и образных феноменов нарушенного мышления, представленных в научной литературе собственных экспериментальных материалах автора позволил выделить 34 качественно различных параметра (например: неадекватность суждений; алогизм; парадоксальность, расплывчатость; вычурность; резонерство; глоссомания; образный символизм, схематизм, фрагментарность и псевдоабстрактность; искажения слуховых и зрительных образов восприятия; стереотипии; разноплановость и др.). Была стандартизована система оценивания этих видов нарушений мышления по количественной шкале в применении к использованным методикам мышления.

Факторный анализ полученных по тестам мышления результатов выделил 10 независимых факторов (охватывающих 64% дисперсии признаков): амбивалентность (.859), соскальзывания (.770), псевдоабстрактность (.822), неадекватность (.661), абстрактность (.610), образный схематизм (.656), формализм (глоссомания) (.735), стереотипии (.711), неологизмы (.639), фрагментарность графических образов (.720). Часть из этих факторов разбивается на эквивалентные по смыслу словесно-образные пары, что соответствует двухкомпонентной модели мышления Веккера: абстрактность (речевых обобщений) – образный схематизм (обобщение структуры графических образов); формализм (глоссомания) – псевдоабстрактность (графических образов); неологизмы – фрагментарность графических образов (.720). Последняя пара указывает на повреждения структурных элементов символического (слова) и образного языков мышления, а первая отражает нарушения вертикальных (родо-видовых) связей внутри каждого из этих языков, когда полный отрыв от конкретного содержания при абстрагировании приводит к пустому формализму, как речевых, так и образных обобщений. Два первых фактора имеют позитивный смысл, поскольку включают также параметры высокой продуктивности и успешности абстрактно-логического мышления. Фактор «Соскальзываний», безусловно, соответствует нарушениям горизонтальных (последовательных и линейных, дополняющих) связей языка речи. Аналогичный фактор образного языка, не был получен, по-видимому, из-за отсутствия в нашей системе оценивания критериев для дифференцировки разных видов образной фрагментарности в рисуночных тестах, указываемых в литературе (композиционной и объектной: разорванность связей между образами или между его внутренними элементами). Фактор «Неадекватности» полностью соответствует возможным нарушениям межъязыкового перевода, предсказанным тестируемой теоретической моделью. Два остальных фактора, очевидно, отражают патологономы мышления, не связанные с его структурными расстройствами. Так, «Стереотипии» в мышлении традиционно связывают с нарушением исполнительских функций, в то время как «Амбива-

лентность», вероятнее всего, отражает общий радикал психического расщепления или его компоненты, связанные, как с процессами регуляции, так эмоций.

Второе факторное исследование включило дополнительно еще 24 показателя когнитивных, эмоциональных и личностных тестов. Его результаты подтвердили независимость 6 выделенных видов структурного нарушения мышления от других когнитивных (рабочая память, внимание, планирование, регуляция) и эмоционально-личностных дисфункций (негативная аффективность, эмоциональное уплощение и снижение психической активности), образовавших 5 отдельных факторов (среди них «Стереотипии», «Амбивалентность», «Нарушения устойчивости внимания», «Уплощение аффекта», «Снижение психической активности», «Позитивная эмоциональность и продуктивность запоминания»).

Результаты исследования показывают эффективность информационной модели мышления Л.М. Веккера для четкого разграничения, квалификации и разностороннего охвата патофеноменологии мышления, без чего мало продуктивны поиски ее адекватных нейропсихологических коррелятов и возможных мозговых механизмов.

СЕКЦИЯ «КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

«Языковая личность»

М.В. Бороденко (Москва)

(Исследование выполнено при поддержке научного фонда РФНФ, грант № 09-06-00618а – «Смысловые миры личности».)

В контексте культурно-исторической теории Л.С. Выготского, и по аналогии с гипотезой Сепира – Уорфа об обусловленности мышления культурно-специфическими языковыми формами, мы выдвигаем гипотезу о существовании «языковой личности» – системы самоориентации и самопредъявления индивида, обусловленной усвоением специфических языковых средств: *лингво-культурно-поведенческих паттернов*, функционирующих в пространстве жизнедеятельности индивида и имеющих культурную отнесенность и субъектную связность.

В целях проведения анализа знаков, опосредствующих становление «высших психических функций», нам представляется необходимым объединить исследовательские усилия во всех разделах *коммуникативистики* (*кинесика, окулесика, тактилика, проксемика, хронемика*) (Neuliep, 1996; Hall, 1981, 1983, 1991; Kuleshov, 2001; Крейдлин, 2004 2005; Леонтович 2005), которые мы выделяем в особую область культурологии, – *кросскультурную герменевтику*. Предметом кросскультурной герменевтики, могло бы стать толкование знаковых форм, состоящих из *лингво-культурно-поведенческих паттернов*, определяющих базовые личностные структуры индивидуума, которые объединены нами в понятии «языковая личность».

Данные знаковые формы являются *бессознательными паттернами* носителя языка и требуют рефлексии значений, стоящих за знаковыми формами, расшифровки культурно-обусловленного поведения личности для самой личности, в ее сопоставлении с поведением иноязычной личности. Как представляется, именно это – является источником непонимания в кросскультурных переговорах и требует медиации со стороны независимых экспертов лингво-культурологов.

Наряду с традиционной проблематикой «взаимопонимания» между представителями разных культур, «*кросскультурная герменевтика*» призвана исследовать феномены «самопонимания», саморефлексии субличностей индивида, как носителей разноязычных культур, которое невозможно без выхода в межкультурное пространство, где феномены разноязычных субличностей, единственно и могут быть осознанны.

С целью понимания онтогенеза «языковой личности» мы рассматриваем детерминанты развития личности ребенка, и мир «значимых других» в пространстве жизни ребенка. Исходная предпосылка исследования – идея существования в сознании индивида «мира отраженных других», возникающего в раннем детстве и предопределяющего развитие его личности на протяжении последующей жизни. «Другие» этого мира могут быть исключительно субъективными образованиями (условные, мнимые персонажи – герои книг) или иметь статус объективно существующих «персонализированных субъектов» (Петровский В.А., 1982); они, как предполагается, могут обладать своим собственным движением и «вступать» в отношения «внутреннего диалога» друг с другом; каждый из них несет свои ценностные, поведенческие, языковые паттерны и опосредствует взаимоотношения индивида с окружающим его миром. «Отраженные другие» в целом обуславливают то, что можно назвать мультисубъектностью взрослой личности.

По аналогии с гипотезой Сепира – Уорфа об обусловленности мышления культурно-специфическими языковыми формами, мы выдвигаем гипотезу о *лингвистической детерминации* связной системы *внутренних форм активности индивида* как целостной личности. Естественно предположить, что в «упаковке» наиболее частотных языковых форм и прямого подражания интонациям значимого другого, его действиям – в созна-

ние ребенка входят «смыслы» взрослого (потаенная для ребенка логика взрослого). Смыслы «прорастают» и «присваиваются» ребенком *неосознанно*, становятся формой его мышления. Перед нами, как мы полагаем, — сущностная форма репрезентации (отражения) «значимого другого» индивидом. Иными словами, структура языка взрослого образует его «языковую личность», «заряженную» культурными контекстами условий его персонального развития. «Языковая личность» — устойчивая система логико-лингвистических и смысловых форм, структурирующих внутреннюю и внешнюю активность поведения взрослого индивида. Вбирая в себя способы жизни, закрепленные в речи и направляющие мысль, она опосредствует процессы самопостроения и самопредъявления индивида в реальном и идеальном общении с другими людьми и предметным миром.

Действительно, ребенок начинает с повторения речи взрослого, «проигрывает» ее вплоть до определенной речевой логической связки («чтобы...», «потому что...», «только...», «но...»). После чего он насыщает как бы вынесенную вперед логическую конструкцию взрослого соответствующим содержанием: «птички летают *потому, что* так надо». Или (ребенок другой матери): «...потому что, так придумал Бог», или — «...потому что мир прекрасен». При одной и той же логической конструкции «потому что...» разные дети наследуют от разных родителей разные смысловые миры. Очевидно, что мы имеем перед собой первичную имитацию ребенком способов жизни и мыслей значимого другого в речевой *форме*, что, по-видимому, и образует *первичную (дореклексивную) логику* ребенка, обнаруживающую себя в его мышлении, а также первичную форму существования значимого другого в жизненном мире и сознании ребенка. При этом, первоначально, в раннем детстве, все элементы поведения и облика значимого другого воспринимаются как единственно возможные, следовательно, смыслообразующие, смыслонесущие и составляют дореклексивный, *лингво-культурно-поведенческий* интродект направляющий активность.

В одном из проведенных нами эмпирических исследований принимали участие 34 взрослых испытуемых, постоянно живущих в русскоязычной среде, имевших родным и первым языком — грузинский язык. В работе использованы методики диагностики транзакций, родительского программирования, драйверов и ранних решений, клинической беседы, метод отраженной субъектности с целью выявления *лингво-культурно-поведенческих паттернов детско-родительских отношений* в семье обращающихся за психологической консультацией. В результате исследования показано, что у билингов существуют две субличности каждая из которых соответствует языку носителя — «отраженного другого», и, соответственно, два стиля общения, два способа «продолженности» индивида в окружающих людях при общении на «первом « и на «втором» языке. Так, при заполнении теста Розенцвейга на родном (грузинском) и на русском языках, испытуемые демонстрируют несовпадение направленностей фрустрационно-го реагирования. Одни и те же испытуемые продемонстрировали интрапунитивное реагирование — на русском языке, и экстрапунитивное на грузинском, что свидетельствует об изменении форм поведения при смене языка общения.

В этом контексте особое значение имеет проблема — раздельного и независимого существования двух субъектов в составе «множественной личности» (У. Джеймс). Назовем их, вслед за Ассаджиоли, «субличностями»: субъект первого языка, и субъект второго языка. Что представляют собой «переговоры» субъекта 1 и субъекта 2? Присутствует ли скрыто в этой ситуации субъект 3, являющийся «переводчиком»? Можно ли утверждать, что существует полнота взаимопонимания субъекта 1 и субъекта 2? Согласно нашим исследованиям, языковые субъекты внутри личности — *не пересекаются*. Для интеграции психических содержаний должна быть осуществлена особая деятельность перевода (должен быть порожден субъект 3 производящий соотношение культурных контекстов каждого из языков). В частности, этим мы объясняем феномен задержки или более позднего развития речи у билингов.

При проведении клинических обследований клиентов в рамках метода «транзактного анализа» мы заметили, что англоязычные испытуемые, в совершенстве владеющие русским языком, *не отмечают*, в вопросниках на русском языке, суждения, относящиеся к ранним детским решениям («Не живи», «Не взрослей», «Не будь близким» и т. д.), но отмечают их в вопросниках на родном английском языке. Таким образом, мы зафиксировали феномен *нетравмогенности, меньшей эмоциональной заряженности* второго языка. Результаты исследования, как представляется, значимы для психотерапии травмы, работы с ранними детскими впечатлениями и «ранними решениями», деформирующих активность личности во взрослой жизни.

Консультативная психология как научная специальность

Ф.Е. Василюк (Москва)

Одной из наиболее актуальных организационных проблем в области психологического консультирования и психотерапии является утверждение научной («ваковской») специальности «консультативная психология» для защиты диссертаций по этому направлению. Наступило ли уже время для открытия такой специальности? Не подстегиваем ли мы естественный ход истории, стремясь к этому? Не действуем ли, исходя из принципа желания, а не принципа реальности? Вот вопросы, которые мне хотелось бы поставить.

Развитие психологии порой напоминает рост дерева, на котором появляются новые ветви — отрасли психологии. Каковы те условия, при которых можно говорить, что определенное исследовательское и практическое направление достигло в своем развитии статуса особой отрасли психологии и может претендовать на право стать в ряд таких, уже состоявшихся отраслей, как детская психология, психология развития, социальная психология, психология труда, клиническая психология и т. д.? В комплекс подобных условий входят: а) достаточный массив и уровень научных исследований, б) наличие специальных образовательных структур, в) распространение соответствующей психологической практики, г) сформированность юридической и нормативной базы для осуществления практической деятельности и д) развитие специализированной печати.

Посмотрим, что в этом отношении сделано к нынешнему моменту в области консультативной психологии.

Практика. Думается, что не менее семидесяти процентов всех профессиональных психологов в стране занимаются именно консультативной практикой в том или ином виде. Это не только индивидуальное консультирование с психотерапевтической направленностью, многочисленные формы группового консультирования и психологических тренингов, профориентационное консультирование, коучинг и пр. Количество практических центров, как государственных (например, в Москве существует большая сеть психолого-медико-социальных центров, Московская служба психологической помощи населению, ведомственные психологические службы в МЧС, ГУИН и др.), так и частных, главным направлением деятельности которых является психологическое консультирование, — огромно и на порядок превышает количество психологических организаций другого профиля. Так дело обстоит объективно, а в сознании обывателя психология вообще представлена через образ психолога-консультанта, психотерапевта, практика.

Образование. Уже более 15 лет в рамках вузовской специальности «психология» существует специализация «психологическое консультирование», а в рамках специальности «клиническая психология» — специализация «психотерапия, психологическое консультирование и психокоррекция». По соответствующим программам подготовлены сотни, если не тысячи специалистов, во вкладышах дипломов которых ясно сказа-

но, что они получили высшее психологическое образование, специализируясь именно в этой области психологии. Кроме того, в ряде вузов уже открыты магистерские программы по консультативной психологии и существуют специализированные кафедры консультативной психологии, а в одном случае (МГППУ) — целый факультет психологического консультирования. Процесс подготовки и повышения квалификации специалистов в этой области еще более бурно развивается в негосударственном образовании: количество обучающих центров и программ в области консультирования и психотерапии намного больше, чем количество обучающих центров и программ по всем отраслям психологии вместе взятым. (Эти утверждения кажутся мне очевидными, хотя, строго говоря, давно назрела задача переписи «психологического» населения (специалисты, центры, образовательные структуры, сайты и пр.).)

Наука. Что касается научных структур и подразделений, которые прямо занимаются психотерапией и консультированием, их не так много, но, тем не менее, существует узкоспециализированные авторитетные лаборатории, в частности, лаборатория клинической психологии и психотерапии (под руководством проф. А.Б. Холмогоровой) МНИИ психиатрии Росздрава и лаборатория научных основ психологического консультирования и психотерапии (под руководством Т.В. Снегиревой) в Психологическом институте РАО. (Я не называю в этом контексте такое, например, известное и уважаемое учреждение, как Институт им. В.М. Бехтерева, по той причине, что доминирующая роль в нем и в других медицинских институтах и лабораториях принадлежит врачам, и потому, несмотря на большую родственность современной медицинской психотерапии и психологического консультирования, не совсем корректно было бы воспользоваться их заслуженным авторитетом для укрепления позиций консультативной психологии.) Возможно, некоторые исследовательские структуры мне просто не известны, но, во всяком случае, количество их невелико. Иное дело, объем исследовательской практики в этой области. Журнал «Консультативная психология и психотерапия» начал в 2010 г. публиковать обзоры диссертаций, тематика которых относится к области консультативной психологии, несмотря на то, что защищались они по разным научным специальностям, таким как «общая психология, психология личности, история психологии», «медицинская психология», «психология развития и акмеология» и др. Только докторских диссертаций по консультативной психологии за последние годы защищено несколько десятков (например, за один 2010 год — 8 из 34 докторских диссертаций, объявленных к защите на сайте ВАК РФ в разделе «психологические науки»), а кандидатских — несколько сотен. Это означает, что отечественное психологическое сообщество уже де-факто утвердило данную область как научно состоятельную, хотя де-юре такое утверждение еще только предстоит осуществить.

Издательская деятельность. В этой сфере профессиональной психологической жизни доминирование консультативной психологии над всеми другими отраслями психологической науки представляется даже чрезмерным. Недавно в одном из книжных магазинов Москвы я не поленился подсчитать, сколько полок отведено для книг по психотерапии, консультированию и близкой тематике. Их было восемнадцать. В то же время все книги по общей психологии уместились на половине одной полки. Эта диспропорция, конечно, во многом отражает коммерческую, а не научную реальность, и полностью доверять этому зеркалу не стоит, но и отмахнуться от него, вглядываясь в физиономию нашей науки, тоже невозможно. Более скромным, но и более важным является тот факт, что сейчас выходит не менее десяти специализированных русскоязычных журналов в области консультативной психологии. Один из них, а именно «Консультативная психология и психотерапия» был включен в «ваковский» перечень, и это свидетельствует о растущем академическом авторитете данной области.

Юридические аспекты. Что касается нормативных документов, регламентирующих деятельность психолога-консультанта, то с ними во всей нашей психологии, а не толь-

ко психологическом консультировании дело обстоит неудовлетворительно. Но процесс юридического обеспечения этой деятельности, можно сказать, все-таки начался. В частности, в октябре 2009 г. был принят закон «О психологической помощи населению в городе Москве». Закон этот региональный, а не федеральный, он, мягко говоря, далек от совершенства, но важен сам факт его появления, который делает психолога фигурой, не только фактически, но и юридически присутствующей в жизни такого мегаполиса, как Москва.

Все это вместе, на мой взгляд, убедительно показывает, что консультативная психология как отрасль нашей психологии уже сформировалась, в достаточной мере институционализована, энергично развивается, и теперь необходимы организационные действия, которые завершат этот процесс. К ним можно отнести, во-первых, утверждение консультативной психологии как отдельной научной специальности, по которой могут защищаться диссертации, во-вторых, учреждение в рамках Российского психологического общества ассоциации, объединяющей все уже существующие ассоциации по разным направлениям консультирования и психотерапии, в-третьих, разработку систем лицензирования и сертификации психологов-консультантов.

Классическая психодрама как духовная практика

И.Б. Гриншпун (Москва)

Уход психотерапевтических систем от создателей к ученикам и ученикам учеников почти неизбежно сопровождается утратой чего-то сущностного. Психотерапия возникает не столько как объективное знание, сколько как знание личностное, исходящее прежде всего из вопросов, которые автор обращает к себе, и ответов, которые он находит в собственном опыте, где личностное и профессиональное переплетено настолько, что часто неразличимо.

Последователи и реформаторы вносят в свои представления собственный опыт, и в ретроспективе развития психотерапии многие трансформации могут представляться продуктивными (например, в истории психоанализа). Но бывает иное – когда выхолащивается духовное пространство, в котором рождалось направление. Ярко выраженная тенденция современной психотерапии в ее расширяющейся практике – технологизация. Мы опасаемся, что это может произойти – и уже происходит – с отечественной психодрамой. Техники ее весьма разнообразны, охотно заимствуются другими направлениями, и психодрама часто отождествляется с ролевой игрой и театрализацией, т. е. с технологической стороной создания Дж.Л. Морено. Социометрия обычно сводится опять-таки к методической ее стороне. Но все это – частности; исчезает духовная антропология психодрамы, а стало быть, целостное ее видение.

Ниже мы попытаемся восстановить то, в каком пространстве, в контексте каких проблем возникала классическая психодрама.

Игры и мистификации, любителем которых был Морено, несколько не уводили его от жизненных реалий – и судеб конкретных людей, и судеб человечества. Отмечаемые – в том числе и им самим – странности личности Морено тесно связаны с первыми – еще детскими – проблемами, сложными путями проявившими себя в его дальнейших духовных исканиях. В детстве, по его утверждению, он «слышал голоса» – но никому не признавался, чтобы его не сочли больным. Это «слышанье голосов» рано привело его к религиозным переживаниям, в целом к одной из центральных для него проблем – кто я по отношению к Богу?

Впервые эта проблема (разумеется, в то время как проблема не рефлексировавшаяся) возникла в знаменитой игре 4-летнего Якоба, когда он предложил сверстникам игру в рай и играл в ней роль Создателя. В дальнейшем, оценивая эту детскую попытку как кощунство, Морено, тем не менее, настойчиво развивал мысль о том, что в каком-то

смысле человек является Богом, неся в себе Божественное. (Эту игру Морено впоследствии расценивал как первую свою психодраму, где он выступил как автор сценария, режиссер и протагонист.) Несомненная — в том числе для самого Морено — мегаломания в будущем окрасится самоиронией, но вопрос о собственной миссии на Земле останется, по-видимому, центральным. Этот вопрос требовал действенного самосознания, риска в принятии и воплощении новых ролей — и это отчетливо видно в студенческие годы Морено, когда он предпринял две попытки нового выхода в социальную практику. Одна из них касалась так называемой парковой революции, другая — попытки создания своеобразного варианта христианства.

«Парковая революция» означала действенную — в практике — попытку понять творческую природу человека. Игры с детьми в садах и парках Вены были высвобождением спонтанности (в первоначальной терминологии Морено — искры Божьей) как сущности человека. В дальнейшем Морено введет представление об особом неврозе — неврозе креативности, связанном с блокировкой спонтанности.

В религиозной практике Морено в студенческие годы стал исповедовать так называемую «религию Встречи», полагая, что подлинная Встреча людей — это движение к Богу. Понятие «Встреча» будет одним из центральных для Морено на протяжении всего его творчества. Любопытно, что Морено в этом плане будет указывать на общее с идеями философии всеединства, в частности, В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева. Религия Встречи была для Морено не просто религиозным философствованием; эта была реальная практика Встречи. Важно, что Морено, был убежден, что подлинная религиозная жизнь происходит не за стенами монастырей, а в миру, в реальной практике встреч и работы с людьми. Сравнительно недолго просуществовав, созданная им секта отчасти стала прообразом терапевтических групп, которые Морено также рассматривал как место Встречи. В дальнейшем Морено не оставил религиозных поисков. В 20-е гг. они оформились следующим образом.

Современная Морено (и известная ему) церковь неверно, с его точки зрения, организуют Встречу Бога и человека, в связи с чем человек растерян, не понимая и не чувствуя смысл своего бытия и само бытие. Церковь представляет дело так, как если бы Творение было уже завершено, а человек приходит в уже готовый мир. По Морено, это невозможно: Божественное творчество неисчерпаемо; Творение продолжается; человек же, как подобие Божие, несет в себе частицу этой божественной творческой силы и является со-творцом. Термин «спонтанность» в одном из своих значений будет эквивалентом понятия «искра Божья». Продолжение Творения и роль в Творении человека Морено аргументировал анализом истории христианства — анализом, удивительно похожим на тот, что предложил Н.А. Бердяев. По Морено, отношения между человеком и Богом менялись на протяжении истории. Бог Ветхого завета суров; Морено называет его «Он-Бог». Иное — Иисус, Богочеловек; к Нему можно обратиться; с Ним возможно вступать в диалог; можно быть рядом с Ним. Морено называет Иисуса «Ты-Бог». Что же в будущем — а быть может, уже в настоящем? «Я-Бог» — не в том смысле, что я заменяю Бога — а именно в том, что было сказано — я несу в себе божественное творчество, и это моя сущность как Божьего подобия. В будущем Морено скажет, что Творение есть психодрама Бога; в этом плане психодрама, которую строит человек, творческое спонтанное событие — исследование Божественного в себе — а значит, и Божественного как такового — экспериментальная теология, «игра в Бога. Это нисколько не противоречит идее Встречи и важности для Морено судеб человечества; действие не только индивидуально, действие социально.

Психодрама, по Морено, родилась как особый театр 1 апреля 1921 г. Понятие «катарсис» — одно из центральных для Морено, и взято, естественно, у Аристотеля, наполняется иным смыслом: Морено же интересуют психологические истоки катарсиса, и прежде всего не у зрителей, а у актеров, но не воплощающих чужой — сценарный или

режиссерский — замысел, а импровизирующих на темы собственного бытия. В театре Морено не роли рождались из замысла спектакля, а наоборот — спектакль рождался из актерских импровизаций. Что тогда роль? В этом контексте — творческое самоисследование и саморазвитие во взаимодействии с другими, реализация креативности и спонтанности. Драма — с позиции Морено — не имитация реальности, а продолжение жизни и действия. Актер-пациент вступает в более свободный и широкий мир, по-новому видит вселенную и обретает способность к новому развитию. Таким образом, театр импровизаций (спонтанности) изначально мыслился как особая духовная практика.

Психотерапевтическая система Морено представляет триединство социометрии, групповой терапии и психодрамы. Рассмотрим с интересующей нас позиции социометрию и групповую терапию.

Социометрия определялась Морено двояко — как экспериментальный метод и как наука об обществе. В качестве науки об обществе социометрия — система представлений о социуме, воплощающей прежде всего заботу Морено о судьбах человечества и здоровье общества (отметим его новаторство в постановке проблемы здорового общества). Человечество выживет, если станет психотерапевтическим сообществом, т. е. сообществом, основанном на готовности и стремлении к Встрече, сообществом, в котором свободно разворачиваются и реализуются спонтанность и креативность. Задача создания такого сообщества — прежде всего психологическая, реализующаяся, по крайней мере первоначально, через работу в малых группах. Человек должен быть духовно готов к возникновению нового общества, действительно почувствовав себя частью Человечества. Это происходит в развитии подлинных межчеловеческих отношений, воплощающихся в эмпатии и в теле — самом глубоком типе отношений, когда исчезает психологическое и часто физическое расстояние, а для взаимочувствования и взаимопонимания не требуется языковое опосредствование. Понятие «Встреча» (которое, судя по последним исследованиям, именно у Морено взял М. Бубер) наполнено, напомним, духовным содержанием; это понятие лежит и в основе идеи групповой психотерапии: группа — место возможной Встречи.

Исторически Дж.Л. Морено оказался одним из первых, кто попробовал создать духовную психотерапию и первым, кто при этом основывался на христианстве — разумеется, понятным своеобразно.

Консультативная психология и психотерапия: 30 лет спустя

А.Ф. Копьев (Москва)

Обращаясь к истории практической психологии в нашей стране, нужно сказать, что, несмотря на то, что многим кажется, будто консультирование и психотерапия появились в нашей стране в конце 1980-х — начале 1990-х, это не так.

Действительно, на рубеже 80–90-х годов произошло нечто довольно серьезное для истории практической психологии, но что было до этого?

Надо сказать, что в середине 70-х г. была довольно сплоченная группа практически работающих психологов в Клинике неврозов, куда в свое время входил и я. Примерно в это же время группа психологов работала в рамках Центра патологии речи и нейрореабилитации у В.М. Шкловского (Л.М. Кроль, Е.Л. Михайлова, Л.Н. Друцкая и пр.). С начала 1970-х г. работала группа психологов в психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева. Традиция включения психологов в деятельность психотерапевтов сохранялась там еще со времен В.Н. Мясищева. В Психологическом институте РАО работала Ю.Б. Некрасова, которая проводила знаменитые сеансы снятия заикания, собиравшие огромные залы. Безусловно, были яркие самостоятельные деятели как, например, А.П. Егидес, он был психотерапевтом в ПНД на Малой Дмитровке и одним из первых начал заниматься семейной терапией. С конца 1970-х годов у него организовы-

вались регулярные встречи практических психологов, во время которых обсуждались интересные случаи, актуальные профессиональные проблемы. В 1979 г. была открыта психологическая консультация по проблемам семьи на ул. Погодинка под руководством В.В. Столина и под общей эгидой декана факультета психологии А.А. Бодалева. В эту консультацию тогда пришел работать я, там же работали Соколова Е.Т., Спиваковская А.С., Варга А.Я., Новикова Е.В., Петрова Н.Д., Петров Н.Н., Баскина Ю.В. и другие известные люди.

Мы все были одновременно и людьми, ищущими, стремящимися к новому опыту и, одновременно никто не претендовал на статус «всезнайства», была удивительная диалогическая атмосфера. Выработывался свой язык, выработывались свои подходы, но, в сущности, они не были противопоставлены друг другу, и все, в общем, имело тенденцию центростремительную. Было интересно общаться друг с другом, узнать что-то новое, был какой-то эффект «взаимного опыления».

Плюс, как мне кажется, страна, особенно ее образованная, урбанизированная часть, можно сказать, изнывала от необходимости психологических услуг. Ложный оптимизм и представления, идущие от идеологических схем, от идей социалистической педагогики о жизни человека, воспитании и семье, явно не выдерживали критики, и люди нуждались в квалифицированном комментарии по поводу того, что с ними происходит во внутреннем плане.

Думаю, что со всеми своими плюсами и минусами, с определенной долей невежества, но наша деятельность соответствовала тому клиенту, пациенту, который был в нашем отечестве. Наше общество было готово принять тех психологов, которыми оно располагало, и предоставить тот необходимый профессиональный опыт, который только клиенты могут обеспечить своим консультантам. Была некоторая конгенность пусть, может, и не вполне мастеровитых и технологизированных, но энтузиастичных и, по своему, интеллектуально честных психологов-консультантов и, взыскующих этой работы, клиентов.

Во всяком случае, был своеобразный «первичный бульон», который, как мне кажется, имел в себе потенциал существенный, а вот он — в свою очередь — вряд ли развился в полной мере.

Естественно было желание как-то «выйти на волю» за счет создания самостоятельных структур, и где-то в 1988—89 гг. была создана Ассоциация психологов-практиков. С того момента наша практическая психология стала «легитимироваться» ни нашим отечественным начальством, ни, тем более, нашим психологическим начальством, ни какой-то традицией нашей психологической науки и практики, и, к сожалению, не нашей клиентурой, а, соответствующим прохождением курсов, получением сертификации от тех или иных зарубежных психологических школ. И это, как мне кажется, нарушило диалогический контекст внутри практической психологии, только начавший складываться. С тех пор началась некоторая «сектантизация» практической психологии.

С другой стороны, к 1991 году основной потребитель психологических услуг — бывший советский «средний класс» — оказался маргинализован, также как и сами психологи-консультанты, в силу чего, предварительно «сектантизовавшаяся» психология приобрела тот характер, который она имеет сейчас, я бы сказал, что это характер «пирамиды» (лечим тех, кого учим).

Произошел своего рода фальстарт. Мы начали с того, с чего начинать не стоило, и потеряли то, что, в принципе, могло бы быть некоторым источником самобытного движения в области практической психологии и психотерапии. Психотерапия — если она существует в стране — не может не быть самобытной (также как и литература), и театр, и прочие явления культурного творчества, иначе, кому и зачем они нужны).

Представим себе усердное внедрение каких-либо педагогических приемов, разработанных в условиях лучших бойскаутских лагерей применительно к проблемам неус-

тавных отношений в отечественной армии. Это будет, своего рода, «оптимистическая трагедия».

Страна, отягощенная своей собственной культурой, не может автоматически вестись в фарватере каких-то гуманитарных технологий, не прошедших соответствующего искусства, понимания, рефлексии.

Тем не менее, пошел именно этот процесс; в результате мы не имеем полноценного профессионального диалога, общего центростремительного вектора, более ли менее общих критериев, «гамбургского счета» и т. п.

Психотерапия в нашей стране до сих пор не заговорила на своем языке, и следствием этого является то, что психотерапия и консультирование не стали в полной мере фактором общественной жизни, общественного здоровья в той степени, в какой они должны были бы быть. Достаточно взглянуть на процент рекламы психологических услуг и услуг колдунов в современных журналах, чтобы это понять. Такое положение дел ставит перед нами серьезный вопрос, насколько адекватно мы в своей деятельности отображаем культурно-ментальную специфику, те болевые точки, те болевые узлы, которые присущи людям, живущим в нашей стране?

Всерьез не озадачившись этим, наша практическая психология, как в лифте проскочила какие-то очень важные фазы и представляет собой явление довольно инфантильное и в высшей степени разобщенное и, главное, весьма сомнительное с точки зрения естественной, первичной пуповинной связи с жизнью, с теми конкретными людьми, которых она призвана обслуживать.

Длительное время площадкой для диалога оставался, разве что «Московский психотерапевтический журнал», но что характерно, стал все чаще переходить на тематические выпуски по школам, направлениям.

В настоящее время нам важно подумать о создании какого-то единого психологического пространства и обсуждения в рамках него содержательных проблем, а не догматических принципов.

Я считаю крайне необходимым учреждение секции по консультативной психологии в рамках Российского психологического общества. Несмотря на то, что это несколько запоздалый момент, но «лучше поздно, чем никогда», и если бы это произошло, это могло бы восполнить тот стратегический «фальстарт», который до сих пор негативно влияет на психологическую практику в нашей стране.

Психологическая помощь как практика заботы

М.Ш. Магомед-Эминов (Москва)

Психологическую практику, которая в современной психологии обычно трактуется и строится в рамках медицинской парадигмы как психотерапия и связанное с ней психологическое консультирование, мы рассматриваем с точки зрения психологической помощи. Следуя этой методологической установке, нам необходимо дополнить традиционное теоретическое и эмпирическое познание и внедрение теории в практику ситуацией помощи. Таким образом, описательная и объяснительная научно-психологические установки дополняются горизонтом помогающей психологии, направленной на осуществление заботы — конструктивной, порождающей работы, практики заботы о Другом и о себе.

На пути разделения практической психологии и психологической практики и разработки методологии, теории и психотехники практики (Василюк Ф.Е., 2003), мы предлагаем осуществить следующий шаг — разделить психотерапевтическую помощь и психологическую помощь. Это освободит психологическую помощь не только от инструментальной, но и от целевой, шире — интенциональной, смысловой зависимости от психотерапевтической помощи. Разделив два вида помощи, мы можем и соединить их

на полноценных собственных основаниях в помогающие комплексы, системы, сети, номинации и т. д. Без этого термин «психологическая помощь», приобретающий все большую популярность как в специальной литературе и научном общении, так и в обиходе, тем не менее, не обретает полноценного научного психологического статуса. Он употребляется как синоним терминов «консультирование» и «психотерапия» или, в более широком значении, как родовой термин для более 400 разновидностей «терапевтических», лечебных или целительных методов, техник и процедур, применяемых в области психического здоровья и болезни. Кстати, этим дело не ограничивается: в этой области используются еще другие термины: «терапевтическая психология», «терапевтическое психологическое знание», «консультативная психология», «психологическое консультирование», «психотерапия», «помогающая психотерапия», «немедицинская психотерапия».

Для дифференциации психологической и психотерапевтической помощи отметим, что в становлении психологической помощи сошлись: 1) практика народного целительства, в том числе, храмовое лечение, религиозное целительство (исповедь и молитва); 2) практика, связанная с медико-психологическим исследованием психогенных расстройств, особенно, психогенной трактовкой травматического невроза (Дж. Эрикшейн, Х. Пейдж, Г. Опенгейм, А. Штрюмпель, Ж.-М. Шарко и др.) и эмоциональных потрясений повседневной жизни; 3) практика, выросшая из развития динамической психологии, восходящей к экзорсизму, магнетизму, гипнотизму, катартическому методу, методу психологического анализа П. Жане и психоанализа З. Фрейда и др.

В итоге все три исторические формы психологической практики сошлись в методологическом принципе «лечения разговором» – «talking cure» (обозначим его как ТС). ТС после лингвистическо-антропологического поворота включает в свой состав не только вербальные дискурсы, наррации, но и широкий круг образных, действенных, экспрессивных, дискурсивных практик, использования семиотических структур, виртуально-графических техник, т. е. является дискурс-терапией в широком смысле.

Лечение разговором, построенное на просвещении, переживании, инсайте, понимании, скрывает нетеоретический, онтологический горизонт осуществления практики заботы – в дискурсивных практиках посредством конструктивной смысловой работы личности выражаются и свершаются жизненные, бытийные смыслы. Развертывая этот принцип культурно-исторической работы в сфере психологической практики, мы предлагаем перейти от принципа “talking cure” к принципу “taking care” – осуществление заботы как работы личности (личностей). Принцип познания, по крайней мере, в конкретной психологии человека, основывается на горизонте онтологии заботы, который мы продумываем, исходя из фундаментальной онтологии М. Хайдеггера (1997) и идей М. Фуко (2007) о том, что в греко-римской культуре забота о себе предшествовала принципу познания себя – дельфийскому лозунгу «Познай себя».

Культурно-историческая работа личности как внутренняя практика себя, в действительности, есть, в равной степени, и практика Другого. Следовательно, практика, работа заботы эквивокальна, диалогична и есть со-забота, забота о себе и о Другом. Мы также интерпретируем феномен материнского ухода, шире – родительской заботы, и репрезентации «хорошей матери» Д. Винникота в онтологическо-темпоральном термине «забота». Мы должны перевернуть феномен Д. Винникота, объяснить, как у ребенка формируется феномен заботы о Другом. Таким образом, психологическая помощь трактуется с точки зрения принципа заботы, раскрываемого на основе культурно-исторической работы личности, в ходе осуществления которой формируется, развивается и восстанавливается культура заботы о себе и о Другом.

Поставив вопрос о психологической помощи онтологически, с точки зрения бытия конкретного человека в мире в проблематичном существовании, мы должны осуществить переход от абстрактной психологии субстанционального субъекта к конкрет-

ной психологии бытия человека в драмах жизни (Выготский Л.С., 1986), т. е. в драматургическом «со-бытии» личности с другими личностями.

Дело в том, что, именно благодаря переходу психологии в жизнь, если верить Л.С.Выготскому, сместился центр психологической науки, и «камень, который презрели строители, стал во главу угла» (Выготский Л.С., 1982, с. 387). Краеугольным может быть не всякий «камень» практики, а только такой, который требует методологии и общей теории, или философии практики. В этом развитии взаимопересекаются, по сути, две методологии — общая, абстрактная методология и конкретная методология практики. Данное разделение не рассматривает практику как внедрение общей теории, наоборот, признает теорию, вырастающую из жизни. Ф.Е. Василюк (2003), обсуждая значение практики для развития психологии как практической науки, справедливо отмечает необходимость различения практической психологии и психологической практики. В психотехнике мы акцентируем момент конструктивной деятельности и вводим понятие работы личности как конструктивной, овладевающей (собой и окружающими), производящей, преобразующей, порождающей деятельности. Тем самым осуществляется переход от описательной и объяснительной психологии к помогающей психологии. Для раскрытия сути порождающей работы личности мы должны увидеть взаимодействие производства, порождения и присвоения. Присвоение опыта происходит в смысловой работе личности, в которой человек осуществляет заботу о воспроизведении и развитии культурно-исторического опыта, создании непрерывности связи поколений.

Даже самонаррация, нарративная работа осуществляется в горизонте смысловой работы личности — ответственной работы поступания (производная от термина М.М. Бахтина «поступление»). В смысловой работе личности с событийным опытом фактические смыслы личности открываются в дискурсах, нарративах, текстах. Смысл личности и деятельность субъекта отрываются в постмодернизме, и поэтому создается впечатление, что движение дискурсов происходит вне связующей работы личности, которая основывается на онтологическом переходе деятельностей. Деятельность обеспечивает нарратора онтологической почвой, исчезающей в семиотических структурах, в которых смысл выражается как фактический жизненный смысл, бытийный смысл.

Новую ситуацию, которую мы описали выше, можно обозначить как движение объяснительной и описательной психологии в сферу помогающей психологии. Сама психология должна совершить переход — не только объяснить явления и описывать феномены, но выйти в особую помогающую ситуацию, требующую преобразования, деятельной, «работающей» заботы. Мы предлагаем продумать психологическую помощь, отталкиваясь от понимающей психотерапии (Василюк Ф.Е., 2007), следуя переходу от сознания, понимания к работе заботы, т. е. помогающей психологии. Помогаящая психология конституируется в горизонте заботы как онтологическо-темпоральной работы транзитной личности — личности в транзитной сфере «со-бытия». В работе личности происходит столкновение «сознаний» «Я-еси», «Ты-еси», говоря словами Вч. Иванова и М.М. Бахтина. Транзитная личность всегда на пороге медиальности между этими двумя сталкивающимися в согласии или разногласии личностями. Диалог не устраняет онтологию личности, а, наоборот, создает промежуточную сферу онтологии диалога как жизненной драмы (Выготский Л.С., 1986), драматургии бытия, перекрестья «со-бытия» Я и иного Другого. Даже согласие коммуникативного действия Ю. Хабермаса происходит не как пассивное со-действие, а как «любящая борьба», по Г. Марселю, т. е. является транзитным феноменом. Работа, таким образом, есть культурно-историческая, бытийно-темпоральная работа личности в транзитной, медиальной сфере-между, т. е. в перекрестье одного бытия и другого бытия, Я-бытия и Другой-бытия, смысла для меня и смысла для Другого, единого и иного.

«The Work», или Диалоги Байрон Кэти

А.П. Наминач (Москва)

«Работа» Байрон Кэти (Byron Kathleen Mitchell) — это одна из модификаций когнитивно-ориентированной терапии, которая получила широкое распространение в США и странах Западной Европы. Особенно популярным этот подход стал в 2002 году после выхода в свет первой книги Байрон Кэти «Loving What Is», написанной совместно со Стивеном Митчеллом (Stephen Mitchell) и переведенной на 16 языков, в том числе и на русский (Байрон К., Митчелл С., 2006).

В чем же секрет популярности этого подхода? Прежде всего в доступности для понимания и простоте применения, а также в практичности, результативности и возможности самостоятельного использования. «Работу» делает сам клиент. На первых порах, пока он не овладеет техникой выполнения «Работы», ему может помогать фасилитатор.

Содержательно и технологически этот подход во многом созвучен модели когнитивной терапии А. Бека. И в том, и в другом случае работа ведется с когнитивными образованиями двух уровней: 1) автоматическими мыслями (образами), которые субъективно переживаются как истина в последней инстанции, характеризуются быстротечностью и малой осознаемостью; 2) базисными убеждениями, которые представляют собой глубинные установки личности по отношению к самой себе и окружающему миру.

Если такого рода мысли или убеждения, вызывают стресс, внутреннюю дисгармонию и болезненные эмоциональные реакции, А. Бек называет их «неадаптивными мыслями», а Байрон Кэти — «историями».

«История» может быть о прошлом, настоящем или будущем. Она может быть о том, как должны были бы обстоять дела или почему они не такие, как мы ожидали. Истории возникают в наших головах каждый день, когда, например, кто-то не улыбнулся нам или слишком поспешно вышел из комнаты. «Истории» — это наши интерпретации, наши непроверенные теории о том, что означают все эти вещи. Очень часто мы этого не осознаем и начинаем оперировать ими. Таким образом, маленькие «истории» порождают большие, большие «истории» порождают общие теории о жизни, о том, как она трудна или ужасна и какое опасное место наш мир в целом. Происходит то, что А. Бек назвал генерализацией или сверхгенерализацией когнитивных. «Истории» приводят к эмоциональным и душевным страданиям, вызывают депрессию, боль и страх. Именно поэтому Байрон Кэти призывает: «Ищите за страданием мысль».

Основная идея «Работы» состоит в том, что каждый человек с помощью исследования способен осознать свои мысли и отделить реальность от субъективных историй. Сама по себе мысль не причиняет вреда и не вызывает страданий, до тех пор пока мы не привязываемся к ней и не начинаем ей верить. А когда наступает понимание, что именно мысли причиняют страдания, мы пытаемся начать их контролировать. Но это, как правило, дает обратный результат. Есть только один путь, говорит Байрон Кэти: «Встречайте свои мысли с пониманием. Исследуйте и осознайте их». «Исследование» она использует как синоним «Работы». Исследовать мысли означает изучить их с помощью 4-х вопросов и определенных переформулировок («переворотов»).

Сам процесс «Работы» состоит из четырех этапов (шагов). Первый шаг состоит в том, чтобы определиться, что вы будете исследовать. Это может быть любая стрессовая ситуация в вашей жизни (прошлой, настоящей, будущей), которая может касаться: а) какого-либо человека, которого вы не любите или, о котором беспокоитесь; б) какой-либо ситуации или отношений с участием кого-то, кто раздражает, пугает или огорчает вас; в) ваших суждений о таких вещах, как здоровье, мир, война, деньги, ваша работа, ваше тело, ваши пристрастия и т. п.; г) вашего самоосуждения.

Байрон Кэти рекомендует всем, кто является новичками в «Работе», начинать с осуждения других людей, на которых вы в настоящее время злитесь, обижаетесь, сердитесь и т. п.

Второй шаг состоит в том, чтобы записать свои мысли и суждения в специальном вопроснике «Осуди своего ближнего». Байрон Кэти призывает быть осуждающим, резким и придирчивым, не подвергать себя цензуре. Ни в коем случае не выполнять «Работу» в уме, не отразив мысли на бумаге. Зафиксированные мысли остаются постоянными и могут быть исследованы. Записывайте, в первую очередь, те мысли и истории, которые есть сейчас в голове и которые действительно вызывают боль, гнев, отвержение и т. п. Это могут быть самые разные истории про людей, которых вы ревнуете, которых не выносите, которые вас обидели или разочаровали, например: «Моя мать меня не любила», «Мой друг меня предал» и другие. Запишите свои ответы:

- 1) кто вас злит, раздражает, огорчает или расстраивает, и почему?
- 2) как он должен измениться? что вы хотите, чтобы он сделал?
- 3) что он должен или не должен делать, думать или чувствовать? посоветуйте;
- 4) что вам нужно от него? что он должен сделать, чтобы вы были довольны?
- 5) что вы о нем/ней думаете? составьте список его/ее качеств;
- 6) чего вы не хотели бы снова испытать/пережить с этим человеком?

Третий шаг – это собственно исследование тех мыслей и утверждений, которые вы записали в вопроснике. Когда мы проводим исследование и видим, что изложенные мысли буквально «пропитаны» негативными эмоциями: разочарованием, обидами, болью, гневом, печалью, злостью, мы можем чувствовать то страдание, которое переживает наш клиент и наблюдать постепенное освобождение, которое идет на смену эмоциональному напряжению. По мере продвижения от вопроса к вопросу приходит понимание, что вся эта история и все эти мысли, связанные с ней, ложные и вымышленные. Каждому записанному утверждению задается четыре вопроса:

- 1) правда ли это?
- 2) можете ли вы быть абсолютно уверены, что это правда?
- 3) как вы реагируете, когда верите этой мысли?
- 4) кем/каким бы вы были без этой мысли?

Первые два вопроса помогают клиенту сосредоточиться на исследуемой мысли и задуматься, является ли его утверждением истинным и достоверным. На этом этапе исследования возникают первые сомнения в правдивости записанных утверждений. Клиент погружается внутрь себя и внимательно прислушивается к собственным ответам. Не существует правильных или неправильных ответов. Если клиент говорит «нет» на первый вопрос, то исследование переходит к вопросу 3, а если говорит «да» – то к вопросу 2. Если клиент отвечает «да» на вопрос 2, то фасилитатор может задать ему дополнительные вопросы, а затем перейти к вопросу 3.

Третий вопрос помогает клиенту понять связь между его мыслями и негативными эмоциями, которые эти мысли вызывают. Обращение к чувственному опыту клиента помогает ему осознать, что когнитивные нарушения в виде деструктивных суждений, приводят к серьезным эмоциональным и психологическим проблемам. В процессе диалога активно используются различные техники опровержения, чтобы продемонстрировать клиенту несогласованность его утверждений, что часто приводит к инсайту.

Четвертый вопрос помогает клиенту почувствовать себя освобожденным от груза неверного убеждения и сопутствующих ему эмоциональных реакций.

Завершающий этап «Работы» называется «переворотом». После исследования одного из записанных утверждений с помощью четырех вопросов, клиента просят переформулировать это утверждение на противоположное по смыслу.

Исходное утверждение может меняться на полностью противоположное, на противоположное в отношении другого человека и на противоположное в отношении самого себя. Например, утверждение «Пол не понимает меня» может быть заменено на «Пол понимает меня», потом на «Я не понимаю Пола» и «Я не понимаю себя». Клиента просят найти несколько конкретных примеров из своей жизни, которые подтверждают

правдивость каждого «переворота». «Переворот» дает возможность клиенту испытать нечто обратное своему утверждению, и посмотреть, что общего между ним и человеком, которого он осудил. «Перевороты» показывают клиенту отраженные через других людей стороны его личности, позволяют адресовать себе претензии и ожидания, направленные на других, но не для того, чтобы «добить» самооценку, а для осознания ложного посыла своих мыслей.

Когда сделаны все шаги «Работы» в отношении первого утверждения в вопроснике, вся процедура повторяется для следующего утверждения, а затем для следующего и так до конца вопросника.

Необходимо отметить, что кроме когнитивных трансформаций, происходящих в процессе «Работы», серьезно меняется полюс эмоциональных переживаний. Выполнение «Работы» не вызывает особых затруднений, этот подход не имеет ограничений ни по возрасту, ни по образованию, ни по социальному положению. Он может быть эффективен в разных областях — здоровье, межличностные и семейные отношения, профессиональная сфера и карьера и т. д.

Некоторый опыт применения «Работы» в России есть и он позволяет судить о ее эффективности, а также надеяться на ее успешное применение в практике отечественных психологов и консультантов. За рубежом «Работа» уже прошла испытание временем в течение 30 лет и пользуется большой востребованностью.

Предмет и проблемы консультативной персонологии

В.А. Петровский (Москва)

(Работа выполнена при поддержке научного фонда Государственного университета — «Высшая школа экономики» в рамках проекта № 08-01-0143 «Идеи и методы мультисубъектной персонологии».)

Две психологии — вместо одной? Говоря о перспективах развития консультативной персонологии в России, мы отличаем данное направление психологических исследований от персонологического консультирования — сферы психологической практики. Первое имеет своим предметом второе: консультативная персонология сфокусирована на процессах и эффектах психологического консультирования личности, механизмах повышения личного благополучия, жизнестойкости, социальной успешности, качества жизни, экзистенциальной состоятельности человека. Консультативная персонология существенно шире метаанализа, сосредоточенного на оценке эффективности различных систем психотерапии и психологического консультирования. Она трактует природу изменений, затрагивающих всех участников консультативного взаимодействия. Иначе говоря, в поле ее зрения находятся в равной мере как консультируемый, так и консультант; кроме того — социокультурный контекст и персональное пространство обоих (семья, служба, дружеские контакты, сексуальные партнеры и т. д.). Особый аспект исследования, неотчуждаемый от задач консультативной персонологии, — изучение зависимости процессов и эффектов деятельности консультанта от его психологической культуры и компетентности, включающей в себя контент *расширенной рефлексии* — так мы в данном случае называем взгляд консультанта на себя самого с позиции психолога-исследователя (оснащенного научными знаниями и специальными исследовательскими средствами).

Чем вызвана необходимость разработки консультативной персонологии? Современная психология личности — это не одна, а две психологии: фундаментальная и практическая. Каждая из обеих занимает свою нишу в общественном сознании и жизни общества. Рознь — во всем. Проблемы, подходы, критерии достоверности, категориальный аппарат — все это разное. «Объективность», «Истина», «Детерминизм», «Гипотеза», «Операционализация терминов», «Статистические методы», «Интерпретация

результатов», «Научение» и т. п. — таковы понятия фундаментальной науки. «Субъективность», «Свобода — Ответственность — Выбор», «Психотехнический миф», «Метафора», «Уникальность», «Понимание и приятие», «Рост личности изнутри» и т. п. — так «позиционирует» себя практическая психология. Психологи-исследователи и психологи-практики публикуют свои работы в разных журналах, имеют разную читательскую аудиторию. В России различия затрагивают даже уровень материального благосостояния тех и других.

Российская психологическая мысль рассматривает сосуществование двух психологий как «схизис» ее методологических основ (Ф.В. Василюк) и вместе с тем — как источник построения особого направления в психологии, которые мы называем «общей персонологией» (В.А. Петровский).

Идея общей персонологии. Кратко, «общая персонология» может быть определена как *наука личности*. Заметим: не «о» личности, а самой личности. Это — наука, имеющая своим предметом личность, которая, в свою очередь, располагает этой наукой как своим собственным инструментом; наука о том, как личностью быть, состояться, а не только о том, «что личность есть». Существует множество ответов на последний вопрос — но среди них должен быть найден тот, который позволит знанию о личности быть инструментом ее собственного развития. Общая персонология — теория работающего психологического знания. В отличие от «персонологии» Г. Мюррея и всех других ныне существующих теорий личности, общая персонология *тестирует* себя, свою ценность, в качестве инструмента практической и духовной жизни людей, источника развития и саморазвития человека.

Формулируются следующие требования к фактам персонологической теории: *нетривиальность* (они возвышаются над точкой зрения «здорового смысла»), *информативность* (они снижают неопределенность представлений аудитории о тех или иных психологических явлениях), *экзистенциальная значимость* (они вызывают живой интерес, ориентируют поведение). «Параметры» субъективной и объективной ценности фактов общей персонологии могут быть определены эмпирически (В.А. Петровский; О.В. Митина, В.А. Петровский).

Подчеркиваем неоднозначность связи между фактами психологии личности и эффектами влияния этих фактов на личность: усугубление негативных закономерностей (в «Дилемме узника» А. Рапопорта и А. Чаммена), частичная «реабилитация» себя (в феноменах ролевой жестокости С. Милгрема), упорствование в своих предпочтениях, основанных на скрытой подсказке (эксперименты С. Валинса); факты могут стимулировать защитные тенденции («парадокс Эдипа» — аналог известного в философии явления, заключающегося в том, что прогноз оказывает влияние на прогнозируемые события — исследование В.А. Петровского); от большинства фактов, пляющихся, по выражению П. Фресса и Ж. Пиаже, в шкафах лабораторий, людям, по-видимому, «ни жарко, ни холодно». Очевидно, что факты и построения общей персонологии должны быть не просто значимы *статистически*. Они должны быть *личностно-значимы*, обладая субъективной и объективной ценностью для человека.

Консультативная персонология, согласно нашему пониманию и замыслу ее построения, есть путь преодоления кризиса «двух психологий» — фундаментальной и практической — *на стороне практической (консультативной) психологии личности*.

Предмет консультативной персонологии — многоукладное рефлексивное образование. В структурной модели консультативной персонологии *первого порядка* консультант есть объект рефлексии со стороны исследователя (персонолога), но не является субъектом расширенной рефлексии, т. е. исследователь-персонолог, с его собственной картиной мира, не рефлексивируется консультантом. В отличие от структурной модели первого порядка, структурная модель *второго порядка* включает в себя отраженность исследователя в глазах консультанта (с имеющейся у самого исследователя картиной

мира). В обоих случаях мы констатируем различие в том, как рефлектируют происходящее консультант, консультируемый, супервизор, персонолог (в итоге — вновь консультант). Подчеркиваем: если бы соответствующие контенты были идентичны, не было бы нужды в построении консультативной персонологии (ведь происходящее было бы одинаково понято и оценено консультантом, консультируемым и супервизором). Очевидно, что различия, открываемые здесь, — «питательная среда» развития консультативной персонологии.

Проблемы консультативной персонологии. Перспективы развития консультативной персонологии, определяется необходимостью разработки следующих проблем.

1. Проблема *эффективности консультирования и терапии*. Демифологизация представлений об эффектах и механизмах психотерапии и консультирования.

2. Проблема привлечения данных экспериментальной психологии в консультативный процесс (некоторые критерии нами названы — нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость фактов). На этом пути объединяются факты приобретают статус «психологического орудия» саморазвития личности (как консультируемого, так и консультанта).

3. Проблема *использования психодиагностических данных* в психотерапевтическом процессе, общий подход может быть выражен формулой: «психодиагностика как терапия».

4. Проблема (*возможность, условия*) синтеза естественнонаучной и гуманистической парадигмы: а) соотношение парных категорий «я — ты», «я — он (она, оно)»; отмечаем, что некоторые категории-«психологические орудия» могут принять на себя важную роль медиаторов-миротворцев, снимая противостояние двух «основных слов» М. Бубера; б) возможность и условия синтеза разных направлений терапии, построения «мультипрофильного консультирования» (насколько это возможно? Видим ли мы, например, возможность синтеза *принимавшей* терапии — в варианте К. Роджерса, и — *пронимающей* терапии, представленной авторитарными методами).

5. Проблема *эмпирического моделирования* и «*проигрывания*» консультируемым ситуаций, раскрывающих подлинные причины обращения за помощью (увы, нет каких-либо шадящих *демоверсий* экспериментов Рапопорта и Чаммена («дилемма узника»), Милгрема («феномен ролевой жестокости», Аша и Крачфильда (феноменология конформизма) и др.; будучи аналогом используемых в психотерапии притч, они могли бы подогнуть консультируемых к персональным открытиям!

6. Проблема *интерпретация труднообъяснимых феноменов* консультативной практики (например, — механизмов и эффектов семейных расстановок Хеллингера; — способности консультантов загодя предсказывать судьбоносные события в жизни консультируемых и т. д.).

7. Проблема *совместимости моделей общения*, задаваемых консультантом, и моделей, принятых на работе и дома (например, «модель понимания» в кабинете и «модель поливания» в жизни; трудности отстройки и перестройки — многие российские психотерапевты автоматически переносят американской модели воспитания, например, «по Джайнотт», на российскую почву).

8. Проблема *супервизии супервизоров*. Такая тема представлена в существующей литературе (Дж. Винер, Р. Майзен, Дж. Дакхэм). Супервизию осуществляют обычно представители одной и той же («своей») школы. Необходима разработка моделей супервизии, основанных на *диалоге школ*. Но это, по-видимому, требует также разработки моделей *мультипрофильной* подготовки специалистов, условий их *самоопределения* в поле существующих систем консультирования и психотерапии, становления *внутреннего консультанта*.

Психотерапевтический процесс: запросы и стратегии

Е.Т. Соколова (Москва)

Распространенность в современном обществе различных вариантов нарциссизма заставляет относиться к этому феномену и сопутствующему ему перфекционизму неоднозначно — как к «продукту» провокативных веяний постмодернистской культуры и клиническому явлению одновременно, мультифакторная природа которого все еще недостаточно изучена. Подобно тому, как утрачивает целостность, секуляризируется и индивидуализируется современное общество потребления, так и «я» человека подвергается процессу фрагментации вследствие избыточной поглощенности эгоцентрическими интересами, эмоциональной сосредоточенности на самом себе и изобилия предлагаемых социальными институтами способов телесной и душевной «бьютификации». Согласно психиатрическим статистическим руководствам нарциссизм (шире — пограничное личностное расстройство) высоко коморбидно широкому кругу психических заболеваний и нарушений поведения — аффективной патологии, аддикциям, суицидам и парасуицидам. Психологическим консультантам и психотерапевтам широкого круга приходится иметь дело с пациентами нового типа, чьи жизненные неудачи обусловлены в первую очередь серьезными характерологическими патологиями, затрагивают самые чувствительные стороны их самооценки, дезадаптация может угрожать самой жизни. Новая социокультурная ситуация и появление «нового пациента» в пространстве психотерапевтических практик требует ясного осознания многих классических постулатов в области теории и практики психотерапии.

На сегодняшний день исследователи психотерапии в целом склонны признавать качество психотерапевтических отношений в качестве главного и неспецифического фактора эффективности любого вида психологической помощи. Мета-анализ исследований, посвященных сравнительной оценке личностной динамики пациента-клиента в различных психотерапевтических практиках, каждая из которых теоретически описывает цель и прогноз результатов в отличающихся терминах, приводит к выводу о фактической эквивалентности достигаемого терапевтического эффекта. Вместе с тем, в исследовательском инструментарии оценки сравнительной эффективности психотерапевтических практик на сегодняшний день отсутствуют тонкие процедуры учета индивидуальных и клинических особенностей пациентов, терапевтических рамок и индивидуального стиля работы терапевта, а также закономерностей течения (процессуальности) терапии. Недостаточно внимания уделяется изучению специфических личностных особенностей обращающихся за консультативной и психотерапевтической помощью, а также специальных установок и профессиональных навыков терапевта, содействующих эффективной психотерапевтической динамике или препятствующих ей. Речь идет, в частности, о пациентах (или клиентах) с выраженными нарциссическими чертами со специфическими констелляциями защитных механизмов и копингов, репрезентативных паттернов отношений «я-другой», структурой самоидентичности и когнитивной организацией сознания. С целью предотвращения преждевременного прерывания психотерапии диагностика и скрининг клиентов с погранично-нарциссической личностной организацией должен составлять самостоятельное направление консультативной практики психолога на первых инициальных фазах консультирования. В частности, эта задача может реализоваться при уточнении мотивации обращения, конкретизации и оценке реалистичности запроса, ее ясным маркером служит возможность выработки «рабочего альянса». Так называемые рентные установки детерминированы существенными характеристиками личности некоторой части пациентов, обусловлены нарциссической и пограничной личностной организацией. Они отражают присущие последним слабое чувство реальности и веру в магическое, расщепление Я с притязанием на всемогущество и одновременно — пассивность, истощен-

ность, эксплуататорское, манипулятивное отношение, спроецированные на терапевта, а также примитивные механизмы психологической защиты в виде расщепления, проективной идентификации, идеализации и обесценивания. Обнаружение потребительских установок пациента на этапе установления первичного рабочего альянса или в кризисные моменты терапии может служить ценнейшей диагностической информацией и материалом терапевтической проработки неудовлетворенных ожиданий и разочарований пациента, его настойчивых требований и манипулятивного давления на терапевта, вплоть до использования инграции (эмоционального или «вещного» подкупа) и шантажа. Преподъявляемая клиентом цель «самоусовершенствования и личностного роста», нередко является защитной маскировкой аутодеструктивного самоотношения и перфекционизма, свидетельствует о невозможности прямого запроса о помощи, поскольку субъективно ассоциируется с признанием «слабости» и вызывает переживание «нарциссической раны». Иными словами, именно те качества психотерапевтической коммуникации, которым приписывается ответственность за позитивные изменения в терапии, у этих пациентов серьезно повреждены, в силу чего страдает надежность терапевтических отношений, снижается их «лечебный» потенциал и эффективность психологической помощи. Мы имеем в виду их неспособность устанавливать и сохранять в течение длительного времени открытые, доверительные, исполненные ответственности отношения с терапевтом, несмотря на испытываемые в процессе терапии естественные фрустрации и лишения, обусловленные ее организационными и этическими рамками, равно как и драматическими переживаниями, сопровождающими ее динамику. Кроме того, дефицит символизации сужает возможности использования преобразующей силы воображения и целебной силы *слова* в целях «контейнирования» травматического эмоционального опыта и его «детоксикации». Дефицит способности к осознанию, рациональному мышлению и рефлексии накладывает существенные ограничения на принятие переносного смысла и условности психотерапевтической ситуации, вызывает импульсивный и малоуправляемый регрессивный перенос архаически инфантильных (и травматичных) моделей переживания и восприятия себя в отношениях с терапевтом, серьезно угрожает сохранению психической целостности. Парадоксальное сочетание дисгармоничных коммуникативных установок прилипчивой зависимости с враждебной самоизоляцией наряду с превалированием примитивных защит (отреагирования, расщепления, отрицания, проективной идентификации, грандиозности) мешает сохранять временную стабильность психотерапевтических отношений, смысловую последовательность и связность в проработке личностных конфликтов. В иерархии мотивов ценности самозащиты преобладают над ценностью самоизменения, что проливает свет на одну из причин упорных сопротивлений позитивным изменениям («негативной терапевтической реакции»), приводящей к деструкции психотерапевтических отношений, их преждевременному прерыванию. Напротив, стремление пациента (клиента) к достижению обоюдно разделяемого с терапевтом «фокуса» видения психотерапевтических целей на каждом из этапов психотерапевтического процесса, способность развивать и поддерживать отношения сотрудничества в драматически разветвляющемся процессе, удерживать организационно-этические рамки и ограничения психотерапевтических отношений в большей степени может свидетельствовать в пользу прогнозируемой эффективности психотерапевтической и консультативной помощи. Психотерапевтическая и консультативная помощь людям с подобными характерологическими особенностями требует учета личностных особенностей клиентов, сочетающих в себе уязвимость самооценки с ограниченным доступом к принятию помощи из-за защитного обесценивания собственных усилий и недоверия к *другому*. Теория и практика современного психологического консультирования и психотерапии, традиционно базирующиеся на интеграции принципов гуманистической и когнитивной психотерапии, сегодня уже не предоставляют знаний и

навыков, позволяющих продуктивно справляться с профессиональными задачами в условиях все большего распространения различных видов и форм нарциссической патологии, девиаций поведения и человеческой деструктивности. В то время, как интеграция стратегий и методов «экспрессивной» и «поддерживающей» психодинамической психотерапии в ее сегодняшних вариантах, предполагающая анализ и интерпретацию трансферентных отношений с целью восстановления личностной целостности, также как и помощь в развитии конструктивных копингов, когнитивной и коммуникативной компетентности представляется чрезвычайно своевременной.

Необходима всесторонняя научная рефлексия новой ситуации в области помогающей психологии, перед лицом новых задач, возможно, требующих пересмотра устоявшихся представлений о границах нормы и патологии, о пределах профессиональной компетенции консультантов и психотерапевтов.

Факторы эффективности психотерапии

А.Б. Холмогорова, О.Д. Пуговкина (Москва)

Факторы, влияющие на успешность процесса психотерапии, укладываются в три больших блока: 1) факторы, связанные с процессом; 2) факторы, связанные с характеристиками клиента; 3) факторы, связанные с характеристиками терапевта.

1. Факторы, связанные с особенностями процесса.

Процесс психотерапии во многом определяется спецификой психотерапевтического подхода. Проблема общих и специфических факторов процесса психотерапии остается одной и самых острых и дискуссионных. При обсуждении факторов процесса традиционно выделяются общие факторы эффективности, в той или иной степени имеющие место в различных подходах. Именно их влиянием большинство исследователей объясняет примерно одинаковую эффективность различных подходов. М. Lambert, М. Ogles (1996), обобщив результаты различных исследований, свели их в три большие группы: 1) *факторы поддержки*; 2) *факторы научения*; 3) *факторы активных действий*. К первой группе они отнесли катарсис, идентификацию с психотерапевтом, позитивные отношения с ним, снижение уровня напряжения, структуру, терапевтический альянс, активное участие как терапевта, так и клиента, тепло, уважение, эмпатию, принятие, аутентичность у терапевта. Ко второй группе — советы, новый эмоциональный опыт, ассимиляцию проблемного опыта, когнитивное научение, коррекцию эмоционального опыта, обратную связь, инсайт, изменение ожиданий в плане собственной эффективности. В третью группу вошли регуляция поведения, увеличение готовности конфронтации с источником страхов, рисковать, усилия в плане овладения навыками, моделирование, практическое овладение, тестирование реальности, переживание успеха, проработка. Разные авторы особо подчеркивают значение такого фактора, как терапевтический альянс.

Известный швейцарский методолог в области психотерапии К. Граве выделил следующие неспецифические факторы эффективности психотерапии: 1) *направленность на компенсацию специфических дефицитов*, 2) *прояснение для пациента и изменение дезадаптивных представлений (смыслов) и мотивации*; 3) *актуализация и конкретизация проблем в виде нарушений когнитивных и эмоциональных процессов*; 4) *активизация ресурсов*. Первый, третий и четвертый факторы в наибольшей степени учитываются в когнитивном-бихевиоральном подходе, ориентированном на компенсацию конкретных дефицитов и максимальную конкретизацию проблем и ресурсов. Вторым фактор, связанным с прояснением бессознательной мотивации, — в психодинамическом. Как подчеркивает К. Граве, научно-обоснованная психотерапия должна содержать мишени и техники, обеспечивающие работу всех четырех неспецифических факторов эффективности.

Следует упомянуть также некоторые *организационные параметры*: 1) длительность курса психотерапии (для достижения клинически значимого улучшения более половины пациентов нуждаются в курсе не менее 20 сеансов); 2) домашние задания (наличие домашних заданий значимо повышает эффективность психотерапии).

2. Факторы, связанные с характеристиками клиента.

Современные исследования процесса психотерапии показывают, что характеристики пациента являются более важными факторами влияния, т. е. в большей мере обуславливают результат психотерапии, чем применяемые методы.

Характеристики пациентов, влияние которых на процесс психотерапии подвергалось исследованию и оценке, можно классифицировать следующим образом.

Диагноз и степень тяжести симптоматики. Наиболее надежные и согласующиеся данные получены относительно негативного влияния на результат психотерапии такого фактора, как тяжесть симптоматики. Так, в масштабном исследовании Института психического здоровья США (TDCRP – Treatment of Depression Collaborative Research Program NIMH) показано, что изначальная тяжесть депрессии, а также нарушения социального функционирования являются предикторами худшего результата и большей продолжительности лечения. Кроме того, доказано негативное влияние наличия коморбидных диагнозов (прежде всего обсессивно-компульсивного личностного расстройства) и хронического характера расстройства на результат лечения расстройств аффективного спектра.

Социодемографические характеристики. Исследования показывают, что возраст, пол, социоэкономический статус пациентов не оказывают заметного влияния на результаты психотерапии.

Личностные характеристики. Выше отмечалось, что наличие коморбидного личностного расстройства зачастую связано с ухудшением ответа на терапию. Кроме того, негативное влияние оказывают такие личностные черты, как выраженные перфекционизм и враждебность. Среди личностных характеристик, оказывающих определенное влияние на результат и длительность лечения, отмечаются ожидания от проводимого лечения. Позитивные ожидания ходе лечения когнитивной терапией оказались напрямую положительно связаны с позитивным результатом лечения.

Интерперсональные характеристики. Благоприятная история интерперсональных отношений, надежная привязанность, позитивные ожидания от лечения, уровень социальной поддержки (наличие системы социальной поддержки и ее позитивная оценка), а также актуальная способность пациента к хорошему рабочему альянсу являются важными предикторами успеха психотерапии. Оппозиционность (*reactance* – выраженность оппозиционного поведения в ситуациях предписания) и сопротивление часто связываются с плохим рабочим альянсом и ухудшением ответа на психотерапию.

3. Факторы, связанные с характеристиками терапевта.

Многие исследования эффективности психотерапии фактически выносят за скобки переменные, связанные с личностью психотерапевта. L. Beutler с соавторами (1986) отмечают неправомерность такой методологической позиции, так как метод не существует сам по себе, а всегда является инструментом в руках конкретного специалиста.

Демографические характеристики (пол, возраст) не имеют существенного влияния на эффективность лечения. Тем не менее, в исследовании D. Beck (1988) было показано, что у психотерапевтов, которые на 10 и более лет младше своего клиента, наблюдается значительно более низкий результат, чем у терапевтов, чьи клиенты были одного с ними возраста.

Тип подготовки и профессиональный опыт. Исследование, посвященное сравнению психиатров и психологов, занимающихся психотерапией, выявило незначительное преимущество психологов по результативности психотерапевтического лечения. В упомянутом исследовании лечения депрессий TDCRP, проведенном Институтом психи-

ческого здоровья США, было отмечено, что независимо от профессиональной принадлежности лучших результатов достигали те, кто не прописывал медикаментозного лечения и акцентировал роль психологических факторов в своем взгляде на депрессию. В исследованиях были обнаружены несомненные преимущества опытных психотерапевтов над менее опытными. Luborsky et al. (1997) обнаружили, что разные терапевты различаются по успешности в работе с разным типом пациентов, что несколько сглаживает различия, связанные с опытом. Интересный вывод следует из попыток сравнить влияние общего опыта работы и объема специальной подготовки (тренинга в каком-то виде лечения по определенному протоколу или схеме). Оказалось, что такой тренинг сам по себе не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на успех работы, а гораздо важнее именно фактор опыта психотерапевта (Beutler L. et al, 2000).

Личностные качества. Многочисленные попытки отыскать набор черт психотерапевта, прямо влияющих на результат и успешность психотерапии, оказались малопродуктивными. В настоящее время интерес к поиску специфических черт-предикторов успеха психотерапевта угас. D. Orlinsky (1985) предположил, что не существует «хороших» и «плохих» терапевтов в абсолютном смысле этих слов, что терапевты со скромными результатами лечения одних случаев, могут быть очень эффективны в терапии других групп пациентов.

В заключение следует отметить, что приведенный обзор далеко не исчерпывает широкого и неоднозначного поля исследований психотерапии и факторов ее эффективности, однако в данном сообщении были описаны те факторы эффективности психотерапевтического лечения, относительно которых были получены наиболее надежные и согласующиеся данные.

Картография поля мировой психотерапии

В.Н. Цапкин (Москва)

Важной задачей разработки новой картографии поля мировой психотерапии является преодоление методологических неточностей и двусмысленностей, рефлексия аксиологических предпосылок прежних (в первую очередь, собственных) исканий в области изучения мировой психотерапии.

Отправной пункт для методологической реконцептуализации – лакановский тезис «не существует такой вещи, как метаязык», «не существует Другого Другого». Новая картография разрабатывается с учетом четко рефлекслируемой позиции интерпретатора, в данном случае позиции психоаналитика лакановской ориентации.

Задача нашего исследования – показать принципиальную расщепленность поля мировой психотерапии и обозначить линии расколов.

Концепция истории мировой психотерапии. Перефразируя высказывание А. Уайтхеда, скажем, что история психотерапии – длинный комментарий к наследию Фрейда. Все, что следует после Фрейда, вступает в символические отношения с Именем-Отца. Есть три субъективные базисные позиции по отношению к «Имени-отца»: невроз, перверсия, психоз. Психотерапия соответствует логике невроза, построенного на фундаменте вытеснения. Неофрейдизм – логике перверсии, поскольку все неофрейдистские учения построены на фундаменте фетишизации какого-то отдельного элемента учения Фрейда, а также, начиная с Ш. Ференци и О. Ранка и кончая Д. Винникоттом и Х. Кохутом, материализации теории и практики психоанализа, представляя собой идеальный образец *rege-version*. Психокоррекция же зиждется на твердом основании опровержения и научного отвержения Фрейда, т. е. на изъятии имени отца или логике психоза. Говоря о логике невроза, логике перверсии и логике психоза, я подчеркиваю слово логика и никак не имею в виду, что представители поля психотерапии являются невротиками, неофрейдисты – первертами, а представители поля психокоррекции – психотиками.

Таким образом, в многообразии психотерапевтического опыта выявляются отчетливые структурные единства, которые можно обозначить как: фрейдово поле, поле неофрейдизма, поле психотерапии и поле психокоррекции.

Неофрейдизм — критика Фрейда, акцентуация одного, частного, элемента, или аспекта, его учения; стремление построить целостную систему за счет гипертрофии части и значительного упрощения. «Пространство» неофрейдизма в данной картографии я отношу к полю «психотерапии», т. к. их общий знаменатель — этическая устремленность к целостности личности.

Психотерапия — критика «Фрейда», где Фрейд ошибочно отождествляется с полем *Freudiana vulgaris*. Психокоррекция — научное опровержение Фрейда.

Психотерапевтическая этика. Каждая психотерапевтическая теория содержит представление о предельных целях, которые организуют в смысловое целое весь ее методический инструментарий. Руководствуясь этим телеологическим принципом, мы сможем определить наиболее существенные критерии, различающие психотерапию, психоанализ и психокоррекцию.

Фрейд был первым, кто обосновал экзистенциальную модель психопатологии, обнаружив, что психопатологические симптомы имеют смысл. Начиная с Фрейда, психотерапия представляет собой путешествие в поисках утраченного смысла (симптома). Симптом несет в себе тайную истину субъекта. Задача психотерапии преобразовать симптом (симптома-врага) в синтом (симптома-партнера). Такое понимание симптома можно рассматривать в качестве общего знаменателя-универсалии — фрейдова поля, поля неофрейдизма, да и всего поля психотерапии.

Не все психотерапевтические школы разделяют веру в «говорящие симптомы». Для врача психопатологический симптом — проявление болезни, враг, который должен быть уничтожен. В этом фундаментальное отличие «медицинской модели» от «экзистенциальной». Подходящим термином для деятельности представителей первой группы является психокоррекция, для представителей второй — психотерапия.

Наука, дискурс, миф. Позиция психотерапевта. Представители поля психокоррекции рассматривают симптом как нечто объективно наблюдаемое и имеющее прямое соответствие с тем, что уже получило научное описание в психиатрических классификациях. Лечение здесь — опыт прикладной науки. Распространенное мнение, что психотерапия — это прикладная психология, справедливо только в отношении некоторых школ: поведенческой, когнитивно-поведенческой и когнитивной терапии.

Большинство психотерапевтических теорий едва ли можно отнести к психологической науке. Скорее, это прикладная метапсихология, т. к. основные положения этих теорий научно не верифицируемы и, по большей части, не фальсифицируемы (см.: Поппер, 2004; Притц, 1999).

В соответствии с представлением о симптоме выбирается и позиция психотерапевта в рамках терапевтических отношений. Чем лечит представитель поля психокоррекции? Знанием. Какую позицию он занимает в терапевтических отношениях? Позицию знания, или представителя знания.

В той мере, в какой этическая задача представителей поля психотерапии — позволить симптому заговорить, для них важна не объективная, а субъективная данность симптома. Психотерапевтическая (или аналитическая) работа представляет собой путь к этой субъективной истине пациента.

Психотерапию можно помыслить как науку о человеческой субъективности и интересубъективности. Она отвергает всякое заочное знание о субъекте, всякое объективированное знание о нем.

Психокоррекция адресуется не к проблемному субъекту, а к его проблемному (дефектному) поведению или дефектным психическим функциям. В отличие от естественных наук, психотерапия не способна что-либо точно просчитать и точно предсказать.

Она может строить только предположения — это *conjectural science* (*conjecture* — догадка, предположение) о субъекте.

Если Фрейд не удалось учредить психоанализ как новую науку, то ему, безусловно, удалось учредить принципиально новый дискурс, если мыслить дискурс в категориях дискурсивных практик по М. Фуко (2004) или теории Ж. Лакана (2000, с. 234) о четырех дискурсах.

Используя понятийный аппарат М.М. Бахтина и М. Бубера применительно к нашей картографии, можно прийти к следующим выводам:

а) любая психотерапия является «*talking cure*», особого рода «диалогом», специфика которого определяется позициями участников, где важнейшая — позиция психотерапевта по отношению к знанию;

б) поле психокоррекции — это поле безличного «монолога», агентом которого является «знание», а функция «другого» сводится к «усвоению»;

в) поле психотерапии — поле диалога, который развертывается между двумя суверенными личностями;

г) фрейдово поле нельзя отнести ни к монологу, ни к диалогу, поскольку диалог возможен между двумя личностями, а в психоанализе личность аналитика вынесена самым радикальным образом за скобки аналитических отношений; интерпретации аналитика адресуются к другому не как личности, а как субъекту; специфику общения психоаналитика и анализанта лучше всего обозначить как аналитический дискурс и выявлять ее в сопоставлении с другими типами дискурсов (см., например, Ласан, 2007).

Расщепленный субъект vs целостная личность. Во фрейдовом поле субъект представляется в его неискоренимой расщепленности — между сознательным и бессознательным, означающим и означаемым, смыслом симптома и его либидинозной бессмыслицей и т. д.

Психотерапия пытается создать целое субъекта. Спор ведется по поводу наиболее точного целого образа субъекта и способов достижения этой цельности: индивидуации, самоактуализации и т. д.

Что касается представления о пути к целостности, то оно не чуждо и представителям фрейдова поля. По их мнению, самым эффективным путем к целостности является психоз. Субъект, невротический или первертный, неискоренимо расщеплен — в отличие от субъекта психотического.

Все теории психотерапии устремлены (в пределе) к построению целостной системы. Фрейд избегал представления своего учения как завершенной системы. В меньшей степени и Жак Лакан избегал понимания психоанализа как системы и мировоззрения.

Различение в картографии мировой психотерапии поля психокоррекции и поля психотерапии носит не оценочный, а логический характер. Оно позволяет дифференцировать в поле мировой психотерапии три различных множества — три различных класса деятельности, которые были выделены на основании компаративного анализа по неким общим критериям. Ситуация вавилонского смешения языков в мировой психотерапии сложилась во многом в результате того, что психотерапевты попали в ловушки слов. Хочется надеяться, что проведенная здесь «логико-лингвистическая терапия» поможет исследователям психотерапии перестать складывать километры с часами, а часы сопоставлять с апельсинами.

Одаренные школьники как объект психологического сопровождения и терапии

Г.В. Шукова (Москва)

Проблематика психологии детской одаренности в контексте образования традиционно связана, прежде всего, с исследованием когнитивной составляющей интеллекту-

альной одаренности и условий развития соответствующих ей инструментальных способностей ребенка. Такой сверхзадаче, т. е. обеспечению поддержки и развития одаренности ребенка, подчинен анализ его всевозможных психических проявлений, и, следовательно, таков же основной посыл психолого-педагогической практики: вырастить, выпестовать у одаренного школьника выдающееся умение. И это абсолютно справедливо — цивилизационная и культурная ценности одаренности чрезвычайно велики.

Концентрация исследовательских и прикладных усилий на определении и формировании условий развития функции (когнитивной, художественной, физической и т. п.) придает, на наш взгляд, оттенок некоей утилитарности отношению к одаренным детям со стороны современного российского общества. «Развить и использовать талант как инструмент модернизации!» — так его можно выразить. Это приводит к тому, что образовательным процессом в школе тщательно обслуживается когнитивная сфера психики одаренного ребенка, а его эмоциональные, мотивационные, коммуникативные и личностные процессы полагаются средством такого обслуживания: к ним обращаются исследователи и практики в поисках путей оптимизации обучения одаренных детей; вне цели повышения успешности обучения психологические особенности одаренного школьника мало кого интересуют как объект целенаправленных воздействий.

А интересоваться они, конечно же, должны психолога. Психологическая терапевтическая практика, а именно анализ обращений к психологу одаренных школьников, их родителей или педагогов, позволяет утверждать, что указанные выше сферы психики очень нередко являются источником напряжений, дискомфорта и деформаций в развитии одаренных детей, оставаясь «беспризорными» и в школе, и дома.

Например, не секрет, что одаренность подростка может явиться причиной затруднений в отпращивании им одной из главных функций подросткового возраста — личного общения со сверстниками. Такие случаи очень не редки, но проблема (если не беда!) в том, что современной образовательной средой в лице педагогов и школьных психологов такие психологические ситуации не рассматриваются как повод для приложения воспитательных и консультационно-терапевтических усилий.

Конечно, одаренность ни в коем случае не является коррелятом отверженности: не будем забывать, что те дети, чья одаренность не «мешает» им реализовывать себя в группе товарищей, к психологу не обращаются. Тем не менее, ведущий запрос к психологу некоей части одаренных школьников основан на переживании своего одиночества, непонимания и отвержения со стороны большей части социального окружения. Объяснить этот феномен нетрудно: превышающее возрастные нормы интеллектуальное развитие ценностно обуславливает ведущий тип коммуникативной активности одаренного подростка как познавательный и ориентированный на компетентного взрослого. Последствия данного выбора усугубляются реакцией социального окружения в отношении таких детей, — это отвержение, травля, в лучшем случае — игнорирование. В каком-то смысле это есть защитная психологическая реакция, причем не только одноклассников, но и части педагогического коллектива, и направлена она на обесценивание объективных достижений одаренного ребенка, обесценивающих, в свою очередь, притязания его окружения. Нельзя не отметить, что кроме указанного содержания в реакции окружения на обсуждаемый нами тип одаренного школьника есть и вполне весомый элемент адекватности — такой ребенок действительно дефектен, поскольку действительно не умеет общаться с «типичными» сверстниками.

Эта коммуникативная неразвитость и становится основной причиной его психологических проблем. Истоки такого неумения, казалось бы, очевидны: если не полярность, то, во всяком случае, огромное несоответствие интеллектуальных направленностей и возможностей возрастной нормы и «сверхнормы». «Мне не о чем с ними говорить, мне с ними неинтересно», — так объясняют ситуацию одаренные школьники.

Но отнюдь не интеллектуальное опережение, на наш взгляд, становится причиной коммуникативной неуспешности и социального дистанцирования одаренного ребенка, — причина заключается в его эмоциональной и личностной незрелости.

Термин «незрелость» в обсуждаемом контексте нужно употреблять с очень большими оговорками в силу его негативного, «осуждающего» оттенка, не совсем соответствующего данному случаю: эмоциональная и личностная незрелость есть не вина, а беда интеллектуально одаренного подростка. Начиная с дошкольного детства активно культивировалась явная односторонность его психического развития, следствием чего стал огромный разрыв между практически взрослыми интеллектуальным багажом и возможностями, с одной стороны, и подростковыми, как и полагается по возрасту, уровнем и задачами личностного развития, причем решать последние отвергаемому одаренному подростку не с кем, в силу отсутствия референтной группы сверстников. Одаренность становится не только приветствуемым обществом благом, но и тяжким грузом. Получается замкнутый круг: для обеспечения психологического комфорта необходимо привести в соответствие интеллектуальные и личностные характеристики, но как это сделать, не понизив первые и повысив вторые, если находятся они в разных возрастных плоскостях?

Опыт психологической помощи отвергаемым одаренным школьникам свидетельствует о высокой эффективности решения поставленной задачи средствами психологической терапии, целью, содержанием и результатом которой является система жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, норм и правил, притязаний и ожиданий субъекта. Иными словами, смысловое, ценностное развитие отвергаемого одаренного школьника, смысловое обогащение его бытия влечет за собой корректировку, если не сказать — радикальное изменение, его коммуникативной стратегии, что и помогает справиться с ситуацией отвержения.

Следует подчеркнуть, что квалификация психолога-терапевта имеет в данном случае — как, впрочем, и в любом другом случае терапевтического вмешательства — решающее значение. В достижении внутренних психологических преобразований не удастся ограничиться диагностическими и консультационными мероприятиями; путь к ним лежит через переживание клиентом неэффективности стихийно выбранных стратегий жизнедеятельности, через переживание необходимости развития. Руководить этим процессом у одаренного ребенка способен далеко не каждый психолог — в случае психолога здесь тоже нельзя обойтись без одаренности: вкладом ребенка в терапевтический процесс является интеллектуальная одаренность, вкладом психолога — одаренность личностная, т. е. превышение нормы как раз в той сфере, в которой отвергаемому одаренному школьнику и требуется помощь. Нельзя не отметить, насколько «выгодным» клиентом почти всегда оказывается такой ребенок: под руководством психолога, т. е. при появлении необходимых ресурсов личностного развития, он способен очень значительно продвинуться вперед на пути к достижению личностной зрелости.

По интенсивности травматической психологической нагрузки с отвергаемым типом одаренного ученика общеобразовательной школы может сравниться только его антипод — так называемый одобряемый одаренный школьник. Образно говоря, этот ребенок царит на пьедестале своей одаренности, не сомневаясь в обоснованности своих притязаний на восхищенное отношение социального окружения. В этом случае одаренность школьника, его «звездность», конечно же, не порождает актуального психологического дискомфорта, но здесь очень велика опасность возникновения и закрепления эгоцентрической личностной направленности — и если дискомфорт осознается отвергаемым одаренным школьником как повод для рефлексии и психологической коррекции, то эгоцентрическая позиция воспринимается самим ребенком и его окружением как вполне заслуженное и адекватное проявление успешности и не вызывает опасений. Такие дети не обращаются к психологу за помощью, но вот взрослые, быв-

шие такими детьми, — частые клиенты психолога: когда, например, ими исчерпан ресурс одаренности, или — что чаще — когда препятствием в их отношениях с людьми становится все та же коммуникативная некомпетентность, основанная на личностной незрелости. Словом, «великие натуры порождают не только великие добродетели, но также и великие пороки» (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания»).

Как же быть с одобряемым одаренным школьником, если от него не поступает запроса на психологическую помощь, если он, что называется «гордость и надежда школы», но наличествуют, на взгляд наблюдающего его психолога, личностные деформации развития? Это задача для мыслимой пока, к сожалению, только в идеальной перспективе школьной психологической службы, способной к организации превентивного психологического сопровождения учащихся. При отсутствии запроса от клиента коррекционные и терапевтические влияния задаются психологом сопровождения, понимающим, что, во-первых, проблемы, возникшие в подростковом возрасте, имеют тенденцию к хроническому течению, и что, во-вторых, интеллектуальная одаренность ребенка не гарантирует его от трудностей социализации и профессионализации.

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ»

Обыденные представления о туберкулезе в молодежной среде

Е.Б. Березина (Москва)

Здоровье – это одна из важнейших ценностей в жизни человека, которая определяет качество его жизни и, в значительной степени, успешность его функционирования как полноценного члена общества. Проблемы сохранения здоровья и профилактика возникновения болезней являются интересными не только для медицинских специалистов, но и привлекают внимание представителей других дисциплин. Значимую роль в решении проблем, связанных со здоровьем и болезнью, играют и социально-психологические знания (Бовина, 2007; Гурвич, 1999), которые особенно важно учитывать в контексте профилактики социально-значимых болезней, т. к. эти болезни оказывают воздействие не только на больного, качество его жизни, но и на социальное окружение больного и общество в целом.

В последнее время в России увеличивается число людей, болеющих туберкулезом (Ресурсы и деятельность противотуберкулезных учреждений..., 2007). Согласно данным Всемирной Организации Здравоохранения (Доклад о состоянии здравоохранения в Европе, 2005), среди инфекционных заболеваний туберкулез является ведущей причиной смерти молодых взрослых в Европейском регионе. Это не может не вызывать опасений и демонстрирует важность построения эффективной системы профилактики заболевания туберкулезом и применения комплексного подхода к решению проблем, связанных с этой болезнью (Jaramillo, 1999).

В своем исследовании мы опираемся на теорию социальных представлений С. Московиси (Moscovici, 1984), которая с нашей точки зрения, обладает определенным потенциалом в решении проблем, связанных со здоровьем и болезнью. Социальные представления – это своего рода «теории», которые люди вырабатывают посредством коммуникации для объяснения различных явлений. Одной из важнейших функций социальных представлений является то, что они направляют поведение индивидов. Структура представления включает в себя зону ядра и периферию (Abric, 1993). Ядро – это главная, устойчивая часть социального представления, которая организует представление и придает ему смысл. Ядро единообразно у представителей одной группы, изменение элементов ядра ведет к изменению самого представления. Периферическая система играет значимую роль, связанную с динамикой представления и обеспечивает защиту представления от изменения, а также поддерживает его связь с реальностью.

Нами было проведено исследование, целью которого являлось изучение социальных представлений о туберкулезе среди молодежи. *Объект* исследования – молодежь в возрасте от 18 до 27 лет. Всего было опрошено 110 респондентов ($M=21,1$, $SD=2,46$), 79 женщин, 31 мужчина. *Предметом* исследования стали социальные представления о туберкулезе.

В исследовании предполагалось проверить следующую гипотезу: представления о туберкулезе будут содержать понятия, указывающие на неблагоприятные условия жизни.

Методом исследования был выбран опрос. Анкета состояла из двух частей: в первой части использовался метод свободных ассоциаций: респонденты должны были написать 5 ассоциаций со стимулом «туберкулез»; во второй – ответить на вопросы о социально-демографических показателях. Для описания структуры представлений была использована методика П. Вержеса, суть которой в том, что зону ядра представления составляют те понятия, которые ассоциируются со стимулом в первую очередь наибольшим числом респондентов, т. е. имеют низкий ранг и высокую частоту. Критерии отделения этой группы понятий определяются с помощью вычисления среднего ранга

и медианы для частоты встречаемости (Бовина, 2007). Нами анализировались категории с частотой не менее 5%.

Описание и анализ результатов исследования.

Всего респонденты предложили 527 ассоциаций, на основе которых был составлен словарь, состоящий из 147 понятий.

Самой частой категорией в ассоциациях на туберкулез является *кашель* – 70%, затем *легкие* – 48,2%. Далее выстраивается следующая иерархия категорий: *тюрьма* – 26,4%, *болезнь* – 20%, *смерть* и *кровь* – по 16,4%, *плохие условия жизни* – 14,6%, *кашель с кровью* – 12,7%, *зараза* – 11,8%, *диспансер* – 10%. *Курение и сигареты* – по 8,2%; *больница*, *Манту* и *мокрота* – по 7,3%, *туберкулезная палочка Коха* и *бомжи* – по 6,4%, *чахотка* – 5,5%.

Теперь проанализируем структуру представления и выявим элементы, вокруг которых организуется представление. Составляющими зоны ядра представления стали 4 понятия: *кашель*, *легкие*, *кровь*, *кашель с кровью*. Элементами периферической системы стали: *курение*, *мокрота*, *сигареты*, *чахотка*, *бомжи*, *туберкулезная палочка Коха*, *болезнь*, *зараза*, *смерть*, *тюрьма*, *плохие условия жизни*; *больница*, *Манту*, *диспансер*. Все эти понятия составляют 63% от всех высказанных ассоциаций.

Все понятия, представленные в ядре, являются физическими понятиями, связанными с признаками туберкулеза – *кашель*, *кровь*, *кашель с кровью*, и органом, который поражается при заболевании – *легкими*. Понятие *болезнь* находится в периферической зоне – имеет высокую частоту, но не достаточно низкий ранг для того, чтобы войти в зону ядра. С симптомами и самой болезнью в периферической системе связаны категории *мокрота* – патологические выделения из дыхательных путей, *туберкулезная палочка Коха* – возбудитель туберкулеза, *зараза* – нечто легко передающееся (т. е. скорее всего воздушно-капельным путем), наносящее вред, *смерть* – следствие болезни; а также в собственно периферической системе проба *Манту* – диагностический метод, для раннего определения туберкулеза; *диспансер* и *больница* – учреждения для лечения больных.

В зоне мнения меньшинства представлены следующие понятия: взаимосвязанные категории *сигареты* и *курение* – возможный поведенческий фактор, обуславливающий в восприятии респондентов заболевание туберкулезом. Присутствует традиционное, старинное название туберкулеза *чахотка*. А также определенная социальная группа, маргинальная, подверженная повышенному риску заболевания туберкулезом – *бомжи*. В первичной периферической системе также присутствует понятия, задающие определенный социальный контекст туберкулеза: категория *тюрьма* – исправительное учреждение, «рассадник» туберкулеза, место, где очень высокий процент зараженных туберкулезом; и *плохие условия жизни* (сырость, холод, антисанитария) – как фактор риска развития туберкулеза и косвенное указание на социальную среду.

Полученные данные позволяют принять гипотезу о том, что в представлении о туберкулезе будут содержаться понятия, указывающие на неблагоприятные условия жизни.

Выводы.

В целом туберкулез представляется как болезнь асоциальных людей (например, бомжей), заключенных (на это указывает понятие *тюрьма*), людей, живущих в плохих условиях. Однако все понятия, указывающие на социальный аспект туберкулеза, находятся в периферической системе, т. е. составляют неустойчивую, изменчивую часть социального представления. В зону ядра представления вошли понятия, относящиеся только к медицинской стороне этой болезни, два из которых – *кашель* и *легкие* – имеют значительно более высокую частоту встречаемости, чем все остальные понятия. Таким образом, образующими понятиями социального представления о туберкулезе стали медицинские аспекты болезни, тогда как социальные аспекты этой болезни составляют периферию представления.

Особенности отношения студентов вузов к людям с ограниченными возможностями здоровья

И.П. Бучкина, Ли Цянь (Санкт-Петербург)

Социальная интеграция людей с ограниченными возможностями здоровья невозможна без адекватного представления об их социально-психологическом статусе, без знания особенностей их взаимодействия со здоровым окружением.

Как показывает анализ литературных данных, отношение к инвалидам со стороны здоровых людей характеризуется наличием негативных установок, которые выявляются во всех возрастных группах. Наряду с этим исследователями отмечается амбивалентное и безразличное отношение здоровых людей по направлению к людям с ограниченными возможностями здоровья. Однако, специальные меры, направленные на нормализацию взаимоотношений здоровых людей и людей с ограниченными возможностями здоровья, приводят к изменению негативных установок: установки по отношению к инвалидам становятся более позитивными и адекватными.

В нашем исследовании предпринята попытка изучения особенностей отношения студентов вузов к людям с ограниченными возможностями здоровья. Использованы две экспериментально – психологические методики: цветовой тест отношений (ЦТО), семантический дифференциал (СД). В исследовании приняло участие 60 студентов гуманитарных факультетов вузов г. Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 27 лет, из них 30 девушек и 30 юношей.

Результаты, полученные с помощью ЦТО, свидетельствуют о безразличном, индифферентном эмоциональном отношении студентов к здоровым людям. Среди обеих групп испытуемых – и девушек, и юношей – отсутствует положительное эмоциональное отношение к здоровым людям. Значение коэффициентов корреляции для понятия «здоровый человек» в обеих группах не достигают критических значений и приближены к 0. Коэффициент корреляции для понятия «здоровый человек» в группе девушек составил – 0,14, в группе юношей – 0,07 ($t = -0,83, p < 0,05$), что отражает индифферентное, безразличное эмоциональное отношение респондентов к здоровым людям.

Результаты, полученные с помощью ЦТО, свидетельствуют о безразличном, индифферентном эмоциональном отношении студентов к лицам с ограниченными возможностями здоровья. Среди обеих групп испытуемых – и девушек, и юношей – отсутствует как негативное, так и позитивное эмоциональное отношение к лицам с ограниченными возможностями здоровья.

В процессе обработки экспериментальных данных нами был произведен расчет коэффициентов корреляции между раскладкой цветов без критерия (по их предпочтению для респондентов) и раскладкой, соответствующей определенному понятию. Коэффициент корреляции для понятия «инвалид» составил в группе девушек – 0,09, в группе юношей 0,30 ($t = -1,40, p < 0,05$); для понятия «слепой человек» в группе девушек равен – 0,01, в группе юношей практически близок к 0 ($t = -0,12, p < 0,05$); для понятия «глухой человек» коэффициент корреляции составил в группе девушек 0, в группе юношей – 0,10 ($t = -1,52, p < 0,05$); коэффициент корреляции для понятия «человек с детским церебральным параличом» составил в группе девушек – 0,12, в группе юношей – 0,03 ($t = -0,86, p < 0,05$); коэффициент корреляции для понятия «умственно отсталый человек» составил в группе девушек 0,03, в группе юношей 0,03 ($t = 0,05, p < 0,05$).

Как видно, значения коэффициентов корреляции ни по одному из понятий в обеих группах не достигают критических значений. Это свидетельствует об индифферентном, безразличном эмоциональном отношении и юношей, и девушек к разным категориям инвалидов.

Результаты методики СД дополняют результаты ЦТО. Выявлено, что максимальные значения по трем факторам СД «сила», «оценка» и «активность» для обеих групп

имеет понятие «счастливый человек» (среднегрупповые значения по «силе» — 6,6; «оценке» — 6,4; «активности» — 6,0). Это отражает высокую степень субъективной значимости для респондентов именно этого понятия из всех предложенных в данном исследовании и свидетельствует о высоком позитивном эмоциональном отношении респондентов к счастливым людям.

По отношению к здоровым людям респонденты демонстрируют не настолько яркое положительное отношение. Среднегрупповые значения для понятия «здоровый человек» по фактору «активность» составили 4,6; по фактору «оценка» — 5,8 по фактору «сила» — 7,0.

Результаты СД отчетливо показывают, что для современных студентов более значимую ценность представляет человеческое счастье, а не здоровье.

Выявлен ряд особенностей эмоционально-ценностного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья. В обеих группах испытуемых негативное эмоциональное отношение проявлено по отношению к следующим группам инвалидов: инвалиды в целом, умственно отсталые люди и люди с детским церебральным параличом. Перечисленные категории людей в семантическом пространстве испытуемых занимают положение, противоположное положению счастливого человека.

По отношению к глухим людям со стороны респондентов выявлено достаточно нейтральное, индифферентное отношение. Среди всех рассматриваемых категорий инвалидов глухие люди занимают самое благоприятное положение. По отношению к слепым людям респонденты проявляют большие негативные эмоции, чем по отношению к глухим, но меньшие, чем по отношению инвалидам в целом, умственно отсталым людям и людям с параличом.

Проведенное исследование позволило выявить определенные особенности отношения студентов вузов к людям с ограниченными возможностями здоровья. Следующим этапом в нашей работе является создание специальной программы, направленной на формирование более позитивного и адекватного отношения студентов и молодежи к людям с ограниченными возможностями здоровья.

Механизмы формирования аутодеструктивного поведения

Т.Н. Горбеев (Москва)

В настоящее время в России происходит трансформация общественно-экономических и социально-психологических условий жизнедеятельности человека. Следствием этого явились социальная дезориентация и дезадаптация значительной части населения России, выразившиеся в развитии деструктивных психических процессов и росте аутодеструктивных форм поведения человека.

Детерминантой формирования различных форм аутодеструктивного поведения человека является блокада социальных и духовных потребностей, которая в конечном итоге приводит к психологическому дискомфорту, психосоматическим расстройствам, а также к частичному или полному нарушению действия адаптационных механизмов. В результате у значительной части людей происходит сдвиг в сторону бессознательной доминанты поведения и псевдокомпенсаторной деятельности по типу аутодеструкции.

Аутодеструктивное поведение человека проявляется в форме неадаптивной активности как бессознательное влечение к смерти, выражается в виде суицидальных действий и мыслей, наркоманий, алкоголизма, в стремлении выбора профессий и видов спорта, связанных с риском для здоровья и жизни. В условиях современной России аутодеструктивные формы поведения человека приобретают массовидный характер.

Исследование позволило выявить механизмы аутодеструктивного поведения. Формирование аутодеструктивных паттернов поведения является результатом разнопланового воздействия на человека и определяется как интегративная характеристика де-

тельности человека, поскольку включает в себя механизмы формирования и познавательные, и психологические, и социально-психологические, и креативные, и когнитивные, и аутопсихологические, и социально-перцептивные, и биологические.

В механизмах формирования аутодеструктивного поведения ведущую роль играют познавательные механизмы, которые основаны на антагонизме и единстве сознания и подсознания, неадекватности формирования модели мира, негативном самоотношении, неконгруэнтности процессов ин- и экстерииоризации, диссонансе между физиологией и психологией восприятия, камуфляжной функции мышления, эмоциональной памяти – принципе минимизации отрицательных и максимизации положительных эмоций, снижении функции удержания в памяти и запоминания, что приводит к скудости прошлого опыта как основы настоящего и будущего.

Психологические механизмы аутодеструктивного поведения заключаются в псевдокомпенсаторном поведении (которое является дефектной адаптацией), сдвиге мотива на цель, широком спектре психологических защит, деформации объективизации субъективного опыта, психологической зависимости от психоактивных веществ.

Социально-психологические механизмы аутодеструктивного поведения выражаются в нарушении баланса адаптации личности к своей социальной роли; аутодеструкция является результатом психотравмы, роста внутреннего протеста и формирования внутриличностного конфликта, идеологического и пропагандистского компонента воздействия на человека и социальной моды, эксплуатации человека человеком, трансформации идеалов, целей и смыслов, а также резкой сменой ценностей и образа жизни.

Креативные механизмы заключаются в потребности в целеполагании, в основе которой лежит неудовлетворенность миром и порядком вещей; получение удовлетворения только от ожидаемого результата; высокая степень активности; феномен самоотдачи; феномен нарциссизма; феномен диссонанса внешнего и внутреннего состояния личности относительно мнения референтной группы; феномен индукции в массовидных формах аутодеструктивного поведения.

Когнитивные механизмы аутодеструктивного поведения заключаются в избирательном подходе в поиске и выборе сведений из памяти, особенности биологического интеллекта – осознании аутодеструкции; дефицитном состоянии социального интеллекта, приводящего к дезадаптации; дефектах в переработке информации в мозге; когнитивном диссонансе; нарушении чувства времени и порядка событий; рассогласовании прогноза и реально поступающей информации.

Аутопсихологический механизм аутодеструктивного поведения заключается в негативных переживаниях и неспособности позитивно рефлексировать мир и его воздействие на себя; неконгруэнтности общения и негармоничности самовыражения; личностной незрелости; дезинтеграции организованной целостности; рассогласовании принципа взаимодополнительности; физиологическом расщеплении мозга; а также нарушении закона перерастания развития в саморазвитие.

Социально-перцептивные механизмы аутодеструктивного поведения выражаются в завышенной или заниженной самооценке; экстрапунитивной установке к внешнему миру и интрапунитивном самоотношении, что и порождает безразличное отношение к своей собственной перспективе жизни.

Биологические механизмы аутодеструктивного поведения заключаются в количественных характеристиках воспринимающих психотропное вещество рецепторов; физической зависимости, росте толерантности, абстинентном синдроме, гендерных особенностях, низком уровне определенных биологически активных веществ, сниженной функции в окислительно-восстановительных процессах, анальгезирующем и эйфорическом эффекте психотропных веществ, а также в подавлении инстинкта самосохранения, что обеспечивает преобладание влечения к смерти над влечением к жизни.

Влияние психической атмосферы на демографические процессы в России

И.А. Гундаров (Москва)

Последние 25–30 лет динамика смертности в России характеризовалась парадоксальными колебаниями. За первые годы «перестройки» произошло ее выраженное снижение, и причины этого процесса обнаружить не удалось. Аналогичное улучшение наблюдалось так же в странах Восточной Европы. После 1989 г. возник 1,5-кратный взлет смертности, которому тоже не найдено объяснений. Затем, в 1995–1998 гг. на фоне сохраняющегося экономического спада, высокого потребления алкоголя и нарастающих проблем здравоохранения смертность значительно снизилась. Зато в «тучные» годы президентства Путина она неожиданно стала расти, превысив трагичный пик реформ. После 2004 г. ее уровень пошел на спад без очевидных тому причин. Кризис 2008–2009 гг. стал сильным стрессогенным фактором, а смертность продолжала снижаться.

Вывод – причиной таких колебаний явился не известный науке фактор «X». Обнаружены его свойства: 1) большая скорость распространения по обширной территории; 2) огромное по силе воздействие, из-за которого число избыточно умерших составило около 11 миллионов человек; 3) наличие не только негативного, но и позитивного эффектов; 4) фактор не действует на детей до 14 лет и основной удар пришелся на трудоспособное население; 5) мужчины подвержены его воздействию в 2–3 раза сильнее, чем женщины; 6) способность влиять почти на все заболевания; 7) синхронность проявления на расстояниях в тысячи километров.

Поскольку ни один из известных науке материальных агентов не располагает перечисленными свойствами, для парадоксов пришлось обратиться к нематериальным факторам. Из философии известно существование двух реальностей: бытия и сознания. Функции второй в обществе выполняет социальная атмосфера, состоящая из смыслов и эмоций позитивного или негативного характера. И это не просто обмен информацией, а именно нематериальная атмосфера, эмоционально-смысловые поля (тоска или социальный оптимизм, устремленность в будущее или ступор от настоящего и др.), в которых живут и творят производящие их люди.

Изучением психической атмосферы первыми стали заниматься ученые-теологи, выделившие позитивную духовность (благость) и негативную духовность (греховность). Обнаружить их и измерить можно путем подсчета реализованных намерений, когда по поступкам оценивается, что творится в душе человека. Данные государственной статистики способны выступать индикаторами общественного сознания и подсознания. Самоубийства выражают крайнюю безысходность; убийства – агрессивность вплоть до бесчеловечности; грабежи, разбои – несправедливое распределение собственности; разводы – дисгармонию семейных отношений и др.

На этом основании правомерно говорить о зарождении нового направления в психологии – «эпидемиологии духовности», предметом которой служат массовые духовные процессы. Их принадлежность к духовным явлениям подтверждают мировые религии, формируя из них свод основных нравственных заповедей и критериев их нарушения: «не убий» – убийства, «не укради» – кражи, «не отчаивайся» – самоубийства и др.

Эмоционально-смысловые поля способны перемещаться в населении с огромной скоростью на любые расстояния посредством СМИ и других коммуникационных технологий. Попадающий в них человек становится зависящим от господствующих смыслов и эмоций. Духовность отсутствует у детей и появляется в подростковом возрасте. Мужчины оказались в большей мере подвержены агрессивно-депрессивному состоянию, ибо их социальная роль пострадала сильнее.

Многочисленные эпидемиологические исследования подтвердили наличие тесной связи между психическим статусом человека и смертностью от заболеваний. В состоянии депрессии, агрессивности, низкой социальной поддержки смертность от болезней

системы кровообращения, злокачественных новообразований увеличивается в 2–3 раза. Наоборот, социальный оптимизм, творческий труд, взаимопомощь ведут к увеличению продолжительности жизни. По материалам стран СНГ показано, что динамика общей смертности за длительный период определялась на 85% агрессивностью и депрессией (агрессивно-депрессивный синдром), и лишь на 15% — остальными факторами. Здесь агрессивность явилась нормальной реакцией людей на несправедливые итоги реформ и потерю прежнего смысла жизни. Депрессия же возникла от не видения спасительного пути и отсутствия достойного нового смысла.

Уровень рождаемости также оказался тесно связанным с психическим состоянием человека. Чем выше агрессивно-депрессивный синдром, тем ниже рождаемость из-за торможения либидо и потенции, повреждения сперматогенеза у мужчин и овуляторной способности у женщин. На этом основании стало возможным говорить о законе «духовно-демографической детерминации»: при прочих равных условиях улучшение (ухудшение) духовного состояния общества сопровождается улучшением (ухудшением) демографической ситуации.

В атмосфере духовной деградации растут и другие социальные аномалии: терроризм, преступность, бюрократичность управления, наркомания и др. Трудоспособность человека тоже оказалась зависящей от психического состояния, проявляясь взлетами производительности труда при социальном оптимизме и волной аварий и катастроф в состоянии амбиций, депрессии, агрессивности. Трагичный пример тому — гибель польского самолета с президентом на борту от гордыни, завладевшей разумом летящих на нем политиков.

Эмоции и смыслы могут внедряться в человеческое сознание извне или зарождаться в нем самом вопреки внешним обстоятельствам. Инициированная КПСС идеология «перестройки» соответствовала желаниям советских людей совершенствовать сложившееся в СССР общественное устройство. А вот атмосфера либеральных реформ была навязана западными идеологами вопреки ожиданиям народа, приведя к столкновению двух смысловых полей: отечественного, где человек человеку друг, и либерального, где все продается и покупается.

Как в таком случае объяснить улучшение духовной атмосферы и демографической ситуации за последние годы, когда стали снижаться преступность, самоубийства, смертность, начала расти рождаемость? Есть три основных гипотезы. Первая — последние пять лет капитализм в России переродился, отказался от греха сребролюбия, стал нравственным, сделав жизнь большинства людей справедливой, богатой, радостной. Факты этого не подтверждают. Второе — народ переродился, отказавшись от присущей ему любви к воле и бунтарству, предал своих исторических героев, смирился с диктатурой денег и порока, полюбив разврат и батрачество у хозяина. Однако для такой смены архетипа требуется несколько поколений, а пять лет — слишком короткий срок. Остается третье объяснение — люди перестают бояться, обнаружив, что завладевший страной капитализм оказался банкротом, не создав за 20 лет господства ничего значительного. Большой бизнес предстал «голым королем» — неэффективным собственником, многократно уступая в производительности труда общенародной собственности. Подтвердилась правота пословицы «не так страшен черт, как его малюют». И чем глубже кризис, тем сильнее очищающее душу ощущение конца затянувшегося абсурда.

Однако такая природа демографического улучшения недолговечна, поскольку основана на отрицании, без созидания, и легко может смениться разочарованием. Подобное оздоровление уже наблюдалось в 1994–1998 гг., сменившееся затем резким ухудшением после дефолта. Для полноценной психологической реабилитации требуется радикальное средство — радость строительства желанного общественного строя, идущего на смену капитализму и коммунизму. Весь мир находится в предчувствии его открытия, доказательством чему служит речь президента Франции Саркози на Всемир-

ном экономическом форуме в Давосе. Кризис и терроризм сняли с «золотого миллиарда» «розовые очки».

Какой народ способен предложить человечеству модель достойного будущего? Запад не смог дать ответа. Вызов принимает Россия — уникальное содружество народов, сумевшее за 150 последних лет пройти через семь экономических формаций («рабство», феодализм, капитализм, военный коммунизм, НЭП, государственный социализм, снова капитализм), шесть форм государственного устройства (абсолютная монархия, конституционная монархия, парламентская республика, Советская республика, власть КПСС, президентская республика) и три вида политических режимов (тоталитарный, анархический, демократический).

Ни одно государство в мире не располагает таким богатым опытом, бесценным при выборе стратегии дальнейшего развития цивилизации. И это — не поражение в «холодной войне», а трудный поиск исторической альтернативы. В нем заключается истинный смысл наших проблем накануне XXI века. Великий советский народ еще и потому оказался великим, что первым почувствовал необходимость прихода нового строя на смену капитализму и коммунизму. Актуальность такого вывода начинает все острее осознаваться на Западе. Но мы тогда думали, что у руководства страны есть требуемый Проект. Однако оказалось, его надо открыть и описать — по жизненным показаниям. Всенародное обсуждение разработки желанного строя способно явиться рациональной психотерапией, могущей оказать мощное оздоровительное влияние на демографическую динамику в стране.

Проблемы и перспективы применения технологии виртуальной реальности в области психологии здоровья

Ю.П. Зинченко (Москва)

(Исследование выполнено в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы.)

Виртуальная реальность может быть описана как продвинутая форма взаимодействия человек-компьютер, которая способна вызвать у пользователя чувство реальности в порожденном компьютером мире. Целый ряд технологий виртуальной реальности был применен в зарубежной психологии за последние 15 лет для понимания, диагностики и лечения психических расстройств. Эта особенность позволяет использовать виртуальную реальность как вспомогательную среду, безопасное место, где клиент может начать действовать без переживания чувства угрозы.

Технология виртуальной реальности обладает достаточной силой, чтобы существенно повлиять на развитие психотерапии. Основные характеристики виртуальной реальности, важные для ее приложения в клинической психологии, это высокий уровень контроля за взаимодействием с используемым средством и разнообразный опыт, переживаемый клиентом.

Виртуальная реальность может быть описана как система образов, посредник, эффективный как и реальность в порождении эмоциональных реакций у пользователя. Это достигается посредством ее способности вызывать чувство реальности в порожденном компьютером мире, с которым взаимодействует клиент.

Обычно с помощью виртуальной реальности клиент научается управлять проблемными ситуациями, связанными с его расстройством. Именно по этой причине наиболее распространенное применение ВР нашла в лечении тревожных расстройств. Ничего из того, что пациент чувствует, не может случиться с ним в виртуальной реальности. В такой безопасной обстановке он может исследовать, экспериментировать, чувствовать, жить и мыслить. Виртуальная реальность, таким образом, становится полезным посредником между кабинетом психотерапевта и реальным миром.

Многообещающим является использование виртуальной реальности в психотерапии, в том числе в преодолении посттравматического шока, сексуальных расстройств, совладания с болью, управлении стрессом и пищевыми расстройствами и ожирением. Воздействующая на несколько каналов восприятия виртуальная реальность может рассматриваться как «телесная техника» из-за ее влияния на телесные ощущения. Пользователи виртуальной реальности начинают осознавать свое тело в процессе погружения, когда, например, движения головы изменяют поле зрения. Сенсомоторная координация движений головы с изображением на дисплее порождает намного более высокий уровень восприятия сенсомоторной обратной связи и изначальной перспективы.

Как показывают разные экспериментальные исследования, виртуальная реальность эффективна в порождении быстрых изменений в «телесном» опыте и в недовольстве собственным телом.

Очевидно, такой же подход может быть использован и при других патологиях. Было показано, что индивиды с высокой тревожностью, симптомами паники или агорафобии имеют сильную зависимость от точной ориентации в системе, в которой интерпретируется сенсорная информация и в которой человек может «зависнуть». Опыт, переживаемый в виртуальной реальности, может очень существенно повлиять на увеличение скорости процессов изменения.

Будущие исследования VR необходимы, во-первых, для того, чтобы определить специфические стили восприятия при различных патологиях и, во-вторых, для того, чтобы разработать наилучшие программы для изменения этих стилей.

Отношение к собственному здоровью средних медицинских работников

Г.Ю. Иконникова, Н.А. Шишова (Санкт-Петербург)

Показатели состояния здоровья медицинских работников, продолжительность их жизни отличаются от среднестатистических показателей в худшую сторону. Среди медицинских работников наиболее неблагоприятные показатели здоровья имеют средние медицинские работники, их заболеваемость выше, чем у врачей и работников других отраслей. Отсюда вопросы укрепления и сохранения здоровья данного контингента становятся особо актуальными.

Изучение проблемы отношения личности к здоровью в нашей стране берет начало от работ В.М. Бехтерева и продолжает развиваться в трудах Б.Г. Ананьева, М.Я. Басова, Р.А. Березовской, И.Н. Гурвича, А.Ф. Лазурского, А.Е. Личко, А.Р. Лурии, и др. Концепция здоровья рассматривалась и в трудах зарубежных ученых С. Грофа, А. Маслоу, Г. Оллпорта, К. Роджерса и др.

Проведенный анализ психологической литературы показал, что при всем многообразии научных разработок и большом количестве проведенных исследований их результаты, выводы и рекомендации фактически не нашли отражения в содержании программ, учебных планов и квалификационных характеристиках будущих специалистов, не послужили толчком к радикальному пересмотру существующей практики. Исследования условий труда медицинских работников и их здоровья, позволили установить, что работа в лечебных учреждениях предъявляет значительные требования к организму работающего, его физическому состоянию и выносливости, объему оперативной и долговременной памяти, способности противостоять основным вредным профессиональным факторам: биологическим, психоэмоциональным и эргономическим.

Исследование отношения к здоровью строится, исходя из предположения, что здоровье – сложный феномен, что осознанное, творческое отношение к собственному здоровью может привести к формированию устойчивой потребности в здоровом образе жизни. Феномен здоровья связан не только с физиологическим, психофизиологическим пространством, но и фактором социальности.

В рамках исследования была затронута проблема, связанная с отношением к собственному здоровью медицинских сестер реанимационных отделений, профессия которых непосредственным образом связана с больными людьми. Напряженность и всеобъемлющий характер проблемы сохранения и укрепления здоровья, отсутствие эффективных путей ее решения, а также недостаточная изученность психологических составляющих процесса развития отношения к здоровью определили актуальность данного исследования.

В исследовании был использован следующий блок методик: опросник «САН» (самочувствие, активность, настроение), методика исследования ценностных ориентаций М. Рокича, рисуночный тест «Здоровье и болезнь», методика «Ценностное отношение к здоровью», С. Дерябо, В. Ясвина.

Изучение отношения к своему здоровью средних медицинских работников в одной из клиник г. Санкт-Петербурга выявило противоречие между их желанием сохранять здоровье в процессе трудовой деятельности и недостаточно разработанными психологическими условиями формирования здорового образа жизни. Итак, отношение к собственному здоровью медицинских сестер можно оценить как деструктивное, жизненные установки, не способствующие его сохранению и укреплению. При этом, декларируемое отношение к здоровью – позитивное, оно признается как великая ценность, один из главных жизненных приоритетов. В разные возрастные периоды отношение к собственному здоровью различно, качественно меняется его структура, причем наибольшие отличия характерны для поступочного и эмоционального компонентов, при этом растет степень согласованности компонентов. Высокий коэффициент поступочной шкалы отношения к здоровью медицинских сестер старшего возраста при низких и средних показателях по другим шкалам, снижает его возможности оказывать влияние на отношение к здоровью медицинских сестер более молодого возраста.

Можно сделать вывод о том, что средний медицинский персонал молодого возраста (до 30 лет) обладает хорошим самочувствием и настроением. Главными терминальными ценностями у них являются: «уверенность в себе» и «здоровье», а в основе психологической структуры инструментальных ценностей находятся категории: «ответственность», «жизнерадостность», «аккуратность». Их отличает более активное и богатое представление о здоровье. Но при этом у них более выражена усталость, которая сопровождается снижением активности на рабочем месте. Выдавать желаемое за действительное приводит к тому, что отношение к собственному здоровью у этой возрастной категории медицинских сестер сформировано плохо и по многим показателям они находятся в «зоне риска». Высока вероятность того, что молодое поколение не будет вести здоровый образ жизни и в дальнейшем это приведет к снижению работоспособности и заболеваниям.

У медицинских сестер от 30 лет и старше отношение к собственному здоровью полностью сформировано. Особенности ценностных ориентаций у них заключаются в доминировании таких терминальных ценностей как: «здоровье», «интересная работа», «счастливая семейная жизнь». Психологическая характеристика инструментальных ценностей у них состоит в том, что в качестве «ядра» выступают такие качества, как: «терпимость», «аккуратность» и «ответственность». Медицинский персонал старшего возраста обладает хорошим самочувствием и настроением, на работу приходят отдохнувшими и активно включаются в работу. У медицинских сестер старшего возраста выявилось более целостное и сформированное представление о здоровье, способах его сохранения и укрепления.

Так же необходимо отметить, что для медицинских сестер реанимационных отделений понятие здоровья одинаково привлекательно, а понятия «здоровье» и «болезнь» оказались схожи. Оно ассоциируется с тремя самыми привлекательными цветами (желтый, красный и зеленый).

Таким образом, настоящее исследование не претендует на исчерпывающее решение проблемы отношения к собственному здоровью медицинских сестер реанимационных отделений, а полученные данные заставляют задуматься о резервах здоровья. Полученные результаты дают необходимый материал для проведения профилактической и консультативной работы по профилактике и предупреждению развития заболеваний у представителей этой профессии. Формирование установок на профилактику заболеваний должно стать для всех базисом при воспитании в семье и на всех этапах получения профессионального образования.

В связи с этим, важнейшей задачей министерства здравоохранения, в ведении которых находятся медицинские службы и учебные центры, осуществляющие подготовку и переподготовку медицинских работников, является сохранение здоровья медицинских работников, профилактика их профессиональных заболеваний, проведение консультаций относительно профессиональных рисков в медицинской работе. Важно повышать психологическую культуру медицинских работников и проводить психологические тренинги, консультации с ними. Медработники должны хорошо представлять себе профессиональные возможности и ограничения, постоянно учитывать свой психофизиологический и трудовой потенциал.

Период беременности как возможность самоактуализации и духовного благополучия женщины

К.В. Кулешова (Москва)

Эмоциональное состояние беременной женщины мы рассматривали как один из индикаторов ее психического благополучия. Психологическая помощь ей в нашей психотерапевтической практике была направлена на поддержание у нее позитивных эмоций, связанных с беременностью.

Периферическая теория эмоций Джеймса – Ланге, таламическая теория эмоций Кенона – Барда, лимбическая теория эмоций обосновывают изменение эмоционального состояния женщины, вызванное теми перестройками, которые происходят в ее организме в связи с беременностью. В соответствии с биологической теорией эмоций П.К. Анохина, для поддержания положительных эмоций у беременной женщины необходимо формировать у нее адекватные ожидания о ее возможных состояниях и состояниях ребенка на разных этапах беременности. Необходимо также систематически информировать ее о реальном состоянии дел, чтобы не допускать домыслов, необоснованных страхов, фантазий. В то же время биологическая теория эмоций не предполагает, что эмоциональное состояние беременной женщины может ею полностью сознательно контролироваться, так как оно во многом определяется состоянием ее организма. Информационная теория эмоций П.В. Симонова дает больший простор для психологов, направляя их усилия при работе с беременной женщиной на ликвидацию дефицита прагматической для беременной женщины информации. Будущая мама должна иметь всю интересующую ее информацию. Выяснение ее запросов и постоянное квалифицированное информирование – важнейшая составляющая ухода за беременной женщиной. Теория дифференциальных эмоций предполагает внимание к содержанию, качеству эмоциональных переживаний беременной женщины. Особенно нужно обращать внимание на такие «токсичные» эмоции как страх, обида, вина, гнев.

На роль длительных эмоциональных состояний в возникновении психосоматической патологии указывалось многочисленными исследователями, как отечественными, так и зарубежными. Так, еще основоположник психосоматического направления в медицине Ф. Александер подчеркивал ведущее значение в формировании психосоматической патологии таких эмоционально-негативных состояний, как тревога, депрессия с чувством вины и переживанием безнадежности, подавленная агрессивность (враждеб-

ность) и нереализованная сексуальность. Н.П. Бехтерева, формулируя представления о патологической роли фиксированных эмоционально-негативных состояний, пишет о том, что психосоматическое заболевание возникает в том случае, когда неблагоприятное эмоциональное состояние фиксируется, а текущие эмоциональные реакции характеризуются вследствие этого стереотипностью, ригидностью, однонаправленностью (цит. по Менделевич В.Д., Соловьевой С.Л., 2002). Ю.М. Губачев, Б.В. Иовлев, Б.Д. Карвасарский, Е.М. Стабровский (1981) подчеркивают значение длительных, устойчивых эмоциональных состояний, таких, в частности, как эмоциональное напряжение, в этиологии и патогенезе психосоматических нарушений сердечно-сосудистой системы.

При определении эмоционального состояния, прежде всего, подчеркивается его большая длительность и устойчивость по сравнению с эмоциональными процессами (Ганзен В.А., 1984). Г.Ю. Волынкина и Н.Ф. Суворов характеризуют эмоциональное состояние как длительное изменение эмоционального тона, настроения, которое окрашивает восприятие, трансформирует нормальное поведение и течение мотиваций, меняет объем и характер ответных реакций.

По результатам проведенного нами психологического обследования 100 беременных женщин можно сделать следующие выводы.

1. В условиях низкой популярности среди современных женщин социальной роли «мать», тяжелого экономического положения основной части населения, низкой информированности женщин по вопросам планирования семьи и контрацепции остается реальностью значительное число нежелательных беременностей, значительная часть которых прерывается абортom. Еще до проведения медицинского аборта беременная женщина, решившая ее прервать, уже «психически абортировала» зачатого ребенка, не впустив его в свой внутренний мир, не позволив сформировать к нему эмоционального отношения как отдельному субъекту жизни.

2. Оставленная беременность предъявляет большие нагрузки к эмоциональной сфере женщины (особенно первородящей), сопровождается повышением ее эмоционального напряжения, тревоги. Уровень тревожности женщин связан с такими ситуативными факторами, как а) триместр беременности (эти данные подтверждают уже имевшиеся ранее, полученные другими исследователями), б) особенности ее субъективного восприятия событий, состояний, воздействий как стрессорогенных, в) предшествующим опытом (была ли беременность первая или повторная). Стрессорогенными для беременной женщины являются события, состояния, связанные преимущественно с ее физическим здоровьем, социальным и психическим неблагополучием (обследованные рами женщины в отношении их психического здоровья отнесены по медицинским критериям к группе здоровых).

3. Со временем (первородящие позже, повторнородящие раньше) в качестве источника своих тревог начинают видеть не только события, происходящие с ними, но переключают свою заботу на детей (родившихся и еще неродившегося), начинают в первую очередь тревожиться не о себе, а о развивающемся внутри ребенка, демонстрируя в своих переживаниях, заботе преодоление границы самости, выход во вне себя. Изменения в содержании эмоциональных переживаний, в поводах по которым они возникают можно усмотреть психологические проявления формирующейся материнской доминанты.

То, что женщина может выходить за пределы своих эгоцентрических потребностей, приобретает опыт жить чаяниями другого, в христианской традиции рассматривается как проявление духовности в человеке, как благодатный опыт. Такой опыт любви «по природе» может стать своеобразной духовной прививкой, предтечей любви духовной к ближнему.

4. В период беременности женщины переживают не только тревогу, отрицательные эмоции (страх, вину, обиду, гнев, пр.), но и положительные (радость) в связи со своей беременностью.

5. Беременные женщины, отнесенные по результатам психодиагностической процедуры к группе самоактуализированных, имеют в своем опыте пиковые переживания (поскольку эти переживания имели значительную длительность, уместнее говорить о плато-переживаниях). В период беременности женщина имеет шанс приобрести многие черты, свойственные самоактуализирующимся личностям.

Отметим, что нам представляется перспективней стратегия психотерапевтическая работа с беременными женщинами, их семьями, направленная на культивирование радости от состояния беременности, материнства, использования женщиной своей беременности как шанса для самоактуализации, духовного развития.

Возможности профилактики и коррекции социальной дезадаптации студентов-первокурсников медицинского вуза

Н.Н. Осипова, М.В. Морозов (Смоленск)

Одним из главных условий сохранения психического здоровья молодого поколения должна быть психопрофилактика, включающая в себя как повышение психологической компетентности молодых людей, так и максимально раннюю диагностику отклонений в психическом функционировании.

Работа медико-психолого-педагогического центра СГМА осуществляется по следующим направлениям: индивидуальное консультирование студентов по проблемам обучения, общения, психического здоровья, проведение групповых психокоррекционных тренингов, обучение студентов практическим навыкам в психологическом клубе «Метро». Кроме того, сотрудниками центра разработаны специальная программа «Социальная адаптация» для студентов 1-го курса с целью обучения эффективным коммуникативным навыкам, способствующим уменьшению тревоги и фрустрации при переходе из школы в вуз.

В рамках программы «Социальная адаптация» для первокурсников нами проведено диагностическое тестирование с целью изучения нервно-психической устойчивости студентов, коммуникативных способностей и уровня мотивации к учебной деятельности. Для определения степени нервно-психической устойчивости была использована методика «Нервно-психическая устойчивость и риск дезадаптации в стрессе», которая позволяет выявить уровень тревожности, депрессии а также склонности к дезадаптивному поведению. С целью изучения коммуникативных и организационных навыков нами была использована методика «Коммуникативные и организаторские склонности (КОС-2)», позволяющая определить уровень развития навыка общения и лидерские качества личности. Уровень мотивации студентов к обучению в вузе изучался с помощью методики «Диагностика установок личности на мотивацию».

В организованном компьютерном тестировании приняло участие 434 студента-первокурсника лечебного, педиатрического, стоматологического и фармацевтического факультетов.

При анализе первокурсников лечебного факультета выявлено 17% студентов с повышенным уровнем невротизации, проявляющейся в неустойчивости настроения, повышенной утомляемости, раздражительности, повышении тревожности, неуверенности в своих силах, трудностях концентрации внимания, повышенной чувствительности к внешним раздражителям, обидчивости, затруднениях в межличностном общении. Названные особенности могут негативно влиять на учебный процесс и, в конечном итоге, приводить к дезадаптации.

Повышение уровня психопатизации выявлено у 15% студентов-первокурсников и указывает на наличие таких психологических особенностей как раздражительность, агрессивность, тенденцию к конфликтному поведению, злоупотреблению психоактивными веществами.

Студенты, составившие «группу риска» по нервно-психической неустойчивости участвуют в специально разработанных психокоррекционных тренинговых программах, облегчающих коммуникацию и уменьшающих напряженность психических процессов.

Таким образом, выявленные особенности психологического состояния студентов первокурсников еще раз подчеркивают значимость своевременной психологической помощи для успешного прохождения адаптационного периода, которая должна включать индивидуальное и групповое психологическое сопровождение.

Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и акцентуации характера у врачей частной и государственной клиники

Е.И. Погорелова (Ростов-на-Дону)

Синдром эмоционального выгорания («эмоциональное сгорание») — это специфический вид профессиональной деформации у специалистов, вынужденных во время выполнения своих обязанностей тесно общаться с людьми. Термин «burnout» («эмоциональное выгорание») был предложен американским психиатром Фрейденом в 1974 г. Чаще всего эмоциональное выгорание проявляется в профессиональной деятельности помогающего характера. В первую очередь, сюда относятся медицинские работники. Они вынуждены сталкиваться с негативными эмоциональными переживаниями своих клиентов, оказываются непроизвольно вовлеченными в них, из-за чего испытывают повышенное эмоциональное напряжение. Все эти факторы создают предпосылки для возникновения синдрома эмоционального выгорания.

Особую опасность для возникновения эмоционального выгорания представляют различные акцентуации характера личности (Водопьянова, Ковальчук и др.). В наиболее лаконичном виде акцентуацию можно определить как дисгармоничность развития характера, гипертрофированную выраженность отдельных его черт, что обуславливает повышенную уязвимость личности в отношении определенного рода воздействий и затрудняет ее адаптацию в некоторых специфичных ситуациях.

Для того чтобы выяснить, имеем ли мы основание, говорить о существовании взаимосвязи между акцентуацией характера и синдромом эмоционального выгорания у врачей, мы исследуем эту взаимосвязь. Для этой цели мы используем метод корреляционного анализа. Для анализа нами были взяты результаты, полученные при исследовании акцентуаций характера и показатели по каждому симптому выгорания у групп врачей частной клиники и государственной поликлиники.

Результаты корреляционного анализа врачей (20 человек) частной клиники обнаружили положительную связь между циклоидным типом акцентуации и такими симптомами эмоционального выгорания как — «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» ($r=0,50$), «личностная отстраненность (деперсонализация)» ($r=0,49$) и «психосоматические и психовегетативные нарушения» ($r=0,46$). Наиболее характерный способ реагирования на стресс для врачей с дистимическими чертами характера — подавление собственных потребностей, аутоагрессия, что проявляется в «психосоматических и психовегетативных нарушениях».

В исследовании установлена положительная корреляционная взаимосвязь между тревожным типом акцентуации и «психосоматическими и психовегетативными нарушениями» ($r=0,59$) и симптомом «расширение сферы экономии эмоций» ($r=0,56$). Также представлена отрицательная корреляционная взаимосвязь между симптомом эмоционального выгорания «эмоциональный дефицит» и эмотивным типом акцентуации ($r= -0,46$), т. е. чем сильнее выражены черты эмотивного типа, тем реже наблюдается эмоциональный дефицит. В ходе исследования отмечены отрицательные корреляционные взаимосвязи между возбудимым типом акцентуации и симптомом «эмоционально-нравственная дезориентация» ($r= -0,47$). Данная корреляция позволяет предполо-

жить, что чем выраженнее черты возбудимого типа, тем реже наблюдается симптом «эмоционально-нравственная дезориентация».

Анализируя результаты корреляционного анализа взаимосвязи симптомов эмоционального выгорания и акцентуаций характера у врачей государственной поликлиники, мы видим положительные взаимосвязи между дистимным типом акцентуации характера и тремя симптомами выгорания: «переживание психотравмирующих обстоятельств» (0,56), «неудовлетворенность собой» (0,46) и «психосоматические и психовегетативные нарушения» (0,45). Данная корреляция объясняется тем, что дистимичность проявляется в склонности к ипохондрии, подавленному настроению, снижению уровня побуждений и активности, особенно усиливает эти черты стрессовая ситуация.

Эмпирические данные, полученные в группе врачей государственной поликлиники, указывают, что показатели возбудимого типа акцентуации положительно связаны с симптомом «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» ($r=0,50$). У врачей с экзальгированной акцентуацией выявлена положительная корреляционная взаимосвязь с симптомом «эмоциональный дефицит» ($r=0,50$). Корреляционный анализ показал связь между симптомом эмоционального выгорания «эмоциональная отстраненность» и эмотивным типом акцентуации ($r=-0,47$), т. е. чем сильнее выражены черты эмотивного типа, тем реже наблюдается эмоциональная отстраненность. Мы можем предположить, что чрезмерная чувствительность и характерная доброта и сострадательность, свойственная людям с эмотивным типом акцентуации, препятствуют возникновению эмоциональной отстраненности по отношению к своим пациентам.

Таким образом, корреляционный анализ свидетельствует о взаимосвязи показателей синдрома эмоционального выгорания и акцентуаций характера. Общим для обеих групп выступает взаимосвязь между симптомом «психосоматические и психовегетативные нарушения» и смешанным типом акцентуаций, а также между эмотивностью и симптомами фазы «истощение» — «эмоциональный дефицит» и «эмоциональная отстраненность». Выявленные различия между врачами частной клиники и государственной поликлиники по взаимосвязям показателей выгорания и акцентуаций характера связаны, возможно, с тем, что количество пациентов в государственной поликлинике гораздо больше, чем в частной клинике и эмоциональное напряжение от такого длительного контакта приводит к более высоким показателям эмоционального выгорания врачей государственного учреждения.

Саногенное поведение в контексте здорового образа жизни

Н.Д. Творогова (Москва)

Активная позиция человека прогностически благоприятнее для его здоровья, чем пассивная позиция. Однако активность может быть сфокусирована на особых психосоматических образованиях — внутренней картине болезни (ВКБ), изменившемся образе тела и плохом самочувствии. Это патоцентристская направленность личности. Направленность активности может быть и саноцентристской, связанной с выявлением ресурсов здоровья, его восстановления и поддержания. Образ мыслей, включающий идею здоровья, формирует установку на здоровье, порождает благоприятную реакцию организма. *Саноцентристская направленность* — это направленность на *здоровоохранение* в полном смысле этого слова, наряду с технологиями борьбы с болезнями (не утратившими и в настоящее время своей ценности) она использует технологии, направленные на «выращивание» здоровья.

Современный взгляд доказательной медицины на здоровье подчеркивает, что индивидуальное здоровье определяется особенностями организма и образа жизни (факторы хозяина) а также воздействием, которое человек испытывает извне (факторы среды). Факторы хозяина включают биологическую (в том числе генетическую) предрас-

положенность организма к тем или иным заболеваниям, а также привычки (курение, переедание, гиподинамия) и склонность к рискованным формам поведения (Тульчинский Т.Х., Варавикова Е.А., 1999). Среди факторов хозяина мы рассматриваем (Творогова Н.Д., 2007) также свободу и ответственность личности за выбор поведения, направленного на болезнь или на здоровье, компетентность личности в реализации моделей саногенного поведения.

Саногенное поведение (СП) – поведение, которое по своей направленности и способам осуществления приближает человека к здоровью, благополучию в разных сферах его жизни.

При рассмотрении структуры саногенного поведения нами использован деятельностный подход, опирающийся на отечественную психологическую школу. В этой связи мы выделили в структуре саногенного поведения его мотивацию, цели, действия, операции, самоконтроль. Саногенное поведение мы рассматриваем в контексте жизнедеятельности личности, ее линии жизни (используется макроуровень анализа в интервалах времени, сопоставимых с длительностью жизни человека). Саногенное поведение в качестве поведенческой надсистемы гармонизирует отдельные входящие в нее и коммуницирующие между собой поведенческие акты, виды деятельности личности в различных сферах ее жизни, общение с другими людьми.

Саногенное поведение, обладая общей саноцентристской направленностью, имеет духовное измерение. Для здоровья важно, чтобы личность стремилась к самореализации, имела духовно наполненную жизнь (чем бы профессионально ни занимаясь), при которой высшие духовные ценности влияют на выбор: а) каждодневных целей деятельности в различных сферах жизни (по утверждению Б.В. Зейгарник, «охрана психического здоровья заключается... в формировании высших целей»), б) поведенческих программ достижения этих целей, в) средств реализации программы;(г) влияет на самооценку эффективности каждодневного поведения, удовлетворенность своей жизнью.

Саногенное поведение в контексте жизнедеятельности личности можно рассматривать как линию ее жизни, предполагающую и социальную активность, нацеленность на оказание помощи в ней нуждающимся, умение сообща с другими работать, испытывая при этом чувство соборности (когда каждый в совместном труде остается самим собой, уникальным его субъектом, и в то же время является естественной частью целостного социального организма, испытывая от этого своеобразного состояния изолированности и приобщенности чувство удовлетворения, радости). СП взаимосвязано с состоянием социального благополучия.

Саногенное поведение предполагает также заботу о своем физическом и психическом состоянии, о своем организме, чтобы с его помощью иметь возможность через каждодневную работу претворять свои высшие устремления в продукты реального мира (материальные, социальные, духовные). Таким образом, полимотивация – важнейшая характеристика саногенного поведения.

Для обеспечения саногенного поведения важно научиться ставить перед собой позитивные цели, культивировать саногенное мышление (*саногенному мышлению* как частному случаю *позитивного мышления* посвящены научные исследования психолога и философа Ю.М. Орлова, его учеников), саногенное восприятие (направлять внимание при восприятии социальных объектов не только на их недостатки, но и на достоинства, ресурсы).

Объективными регуляторами такого поведения выступают показатели: а) физического и б) психического здоровья, в) социальной, экономической успешности, а в качестве субъективного регулятора можно рассматривать субъективное состояние благополучия, удовлетворенность жизнью, приписывание ей того или иного качества. Умение извлекать уроки из своих неудач в достижении цели, вносить в свое поведение коррективы – важная характеристика саногенного поведения. Направленность на культу-

вирование такого поведения задает ориентиры для разных сфер активности человека, находящихся в определенной иерархии в соответствии с его системой ценностей.

Эмпирическое исследование. Табакокурение — это, как известно, один из примеров девиантного поведения, оказывающее по результатам многочисленных клинических исследований отрицательное воздействие на разные сферы физического здоровья человека (курение не является благом для организма). По данным нашего эмпирического исследования изоляция студента в группе при низком уровне развития его техники общения (признаки социального неблагополучия, которое студентом в той или иной мере осознается) может способствовать приобщению к курению как средству установления контактов с другими людьми (Творогова Н.Д., 1977). Это происходит при условии наличия примера курительного поведения у авторитетных в группе студентов и референтности этой группы для изолированного в ней студента. Показано, что наличие в группе курящих студентов, обладающих высоким межличностным статусом, способствует формированию у остальных студентов группы положительных установок на табакокурение. Обычно такое поведение наблюдается у тех, у кого, хотя и есть информированность о вреде курения, но нет убеждения, что оно действительно вредно (плюсы от курения в их картине мира перевешивают возможные минусы). Кроме того, ценность физического здоровья не входит в субъективную систему ценностей этих курильщиков как одна из основных (они молодые, им кажется, что время начать думать о своем физическом здоровье пока еще не настало, в жизни есть что-то и поважней); эта ценность не стала регулятором их повседневного поведения (использованный нами в исследовании индикатор духовного неблагополучия). Курение для изолированных в группе студентов на начальных этапах формирования зависимости выступает как своеобразная техника общения, помогающая им установить контакты со значимыми другими, стать для них «своими». В эмпирическом исследовании нами показано, что попытка достигнуть социальное благополучие (субъективно значимо для обследованной возрастной группы) осуществляется молодыми курильщиками, испытывающими неблагополучие в социальной сфере, за счет своего физического неблагополучия, к которому приводит табакозависимость (при «толерантности», попустительстве со стороны их духовной сферы). В их системе ценностей социальное благополучие более значимо по сравнению с физическим, духовным, т. е. трансформирована система, иерархия ценностей.

Аутогенный менеджмент нацелен на собственную перестройку, использует волевою регуляцию, выбор приоритетов. Одной из его целевой функций может стать переориентация своего поведения на саногенное поведение.

В специальных исследованиях показано, что многие болезни обусловлены образом жизни (Luiselli, 1994; Terborg, 1998, др.). Понятие «образ жизни» объединяет понятия «качество жизни», «уровень жизни», ее «уклад», «стиль жизни». Если понятие «здоровый образ жизни» на сегодняшний день предполагает поведение, нацеленное, главным образом, на поддержание своего физического здоровья, то понятие «саногенное поведение» рассматривает субъекта этого поведения во всей его целостности (как существо природное, как социальный индивидуум, как субъект психической, духовной деятельности), задает векторы его целостного развития, саморазвития с целью обеспечения здоровья.

Саногенность как характеристика профессионального общения психолога

Н.Д. Творогова, К.В. Кулешова (Москва)

Среди традиционно изучаемых функций многомерного процесса общения (Ломов Б.Ф., 1984) изучаются также и диагностическая, профилактическая, терапевтическая, реабилитационная функции профессионального общения (Творогова Н.Д., 2009). Полифункциональность общения предполагает, что в реальном акте непосред-

ственного общения его функции (в разных вариантах их классификации) выступают в единстве. Выверенные веками общее требование к реализации этих функций в профессиональном общении: «Не навреди».

В последние десятилетия все активнее развивается комплексное направление науки и практики – санология. Общение становится саногенным, если способствует благополучию личности, приносит ей благо, укрепляет здоровье (Творогова Н.Д., 2009). Здоровье как состояние *благополучия* (см. позитивное определение здоровья, записанное в Уставе ВОЗ) рассматривается сегодня как непрерывное самообновление, достижение сбалансированной интеграции всех обеспечивающих его факторов.

Корень термина «благополучие» – благо; определение последнего обычно выводится из классической литературы, философии. Термин в философию ввел Сократ; в настоящее время оно рассматривается как идеал полноты бытия или как высшая цель существования на путях постижения истины, утверждения добра и красоты (Жирнов В.В., 2009). В социальной практике, социальной помощи используются производные от «благо» слова – «благополучатель», «благодаритель», др., пришедшие к нам сегодня из-за рубежа. В русском языке имеется много своих слов с корнем «благо».

Дж. Франк идентифицируя общие факторы эффективности разных видов психотерапии, назвал: а) глубокие доверительные отношения с оказывающим помощь, б) исцеляющую обстановку (психотерапевтическая среда), в) разумное объяснение, г) набор предписанных приемов лечения или ритуалов для облегчения трудностей. Parse (1987) описал работу медицинского работника (врача, медсестры) как процесс межличностного общения, предполагающий доброжелательный, искренний интерес к здоровью и качеству жизни человека.

Принципы «антиинженерного» (необезличенного) подхода к пациенту зафиксированы сегодня отечественными специалистами по биоэтике в виде следующих принципов, предполагающих активность пациента, вступающего в диалог с врачом и не чувствующего в этой форме общения ущемления своей личности: 1) принцип уважения человеческого достоинства, 2) принцип «твори добро и не причиняй зло», 3) принцип признания автономности личности, 4) принцип справедливости. Эти принципы созвучны принципам Бошана (Beauchamp) и Чайльдресса (Childress) (1989): 1) уважение самостоятельности, 2) обдуманность действий, 3) непричинение вреда, 4) справедливость. Готовясь к встрече с пациентом, врач стремится создать атмосферу заинтересованного, открытого и доверительного общения, которое: а) поможет пациенту поверить в успех лечения; б) будет свободно от отвлекающих факторов; в) позволит увидеть пациента таким, каков он есть на самом деле. Равенство отношений в этой ситуации подразумевает центрированную на личности пациента модель общения с ним профессионала. Пациент должен почувствовать, что врач понимает не только его состояние, болезнь, но и понимает его как личность.

В своем общении врач ориентируется на *этические нормы*, выработанные профессиональным сообществом (этический кодекс врача), которые воспроизводят общечеловеческие нормы морали (профессиональный долг, соблюдение прав человека, обязательство по отношению к обществу, гуманизм, др.) и отражают специфику работы (одним из важнейших требований профессиональной этики является предпочтение в любой ситуации интересов пациента). Специалисты по биоэтике сформулировали следующие *правила общения* врача с пациентом: а) правило правдивости («в общении с пациентом необходимо правдиво, в доступной форме и тактично информировать его о диагнозе и прогнозе болезни, доступных методах лечения, о его возможном влиянии на образ и качество своей жизни, о его правах») предполагает право пациента распоряжаться собственной жизнью, б) правило неприкосновенности частной жизни («без согласия пациента врач не должен собирать, накапливать и распространять – передавать, продавать – информацию, касающуюся его частной жизни, элементами которой

являются факт обращения к врачу, информация о состоянии здоровья, биологических, психологических и иных характеристиках, о методах лечения, привычках, образе жизни и т. д.) защищает пациента от несанкционированного вторжения в его частную жизнь чужих людей (в том числе и ученых); в) правило конфиденциальности (сохранение врачебной тайны) рассматривается как составная часть предыдущего правила; г) правило добровольного информированного согласия («любое медицинское вмешательство должно осуществляться с согласия пациента, полученного добровольно и на основе достаточной информированности о диагнозе и прогнозе развития заболевания с учетом разных вариантов лечения»). При этом необходимо учитывать, что пациент воспринимает информацию в свойственном ему темпе и врач должен предоставить ему время для ее осознания и переработки. Сообщать о диагнозе и дальнейшем развитии заболевания следует корректно и с состраданием. Умалчивание правды может быть уместным в тех редких случаях, когда медицинская помощь становится неэффективной, а психическое состояние пациента не позволяет ему открыто признать правду.

Компетентное субъект-субъектное общение врача с пациентом сегодня опосредствовано *стандартами делового общения* медицинского работника (это своеобразный «предохранитель» в технике общения специалиста, защищающий его и пациента, и регулируемый обществом). Введение стандартов профессионального общения осуществляется в контексте доказательной медицины.

Врач, общаясь с пациентом, должен научиться заботливо относиться и к своему физическому, психическому, психологическому, духовному состоянию, помнить о своем социальном благополучии. Возможные нарушения в управлении своим профессиональным общением могут привести к синдрому хронической усталости (астении переутомления), синдрому эмоционального выгорания, к поведению, нарушающему медицинскую этику, что делает это общение профессионала патогенным, опасным для здоровья пациента.

Саногенное общение (СО) мы рассматриваем как многоуровневое, многомерное, обладающее разнопорядковыми свойствами, т. е. как системный процесс. Кроме выделения его функций рассматриваются и его средства (язык, экспрессивные выразительные движения, неязыковые средства общения, др.), виды (при выделении видов общения использованы критерии, предложенные А.А. Леонтьевым (1974)). Различные виды СО могут принимать те или иные формы в зависимости от субъектов и средств реализации (например, «поддержка», «помогающее общение», др.). При исследовании структуры СО выделяется несколько уровней его анализа. На интраиндивидуальном уровне, используя деятельностный подход к анализу, мы рассматриваем особенности мотивации, целей, действий и операций, обратной связи в структуре СО. Саногенное общение призвано сопровождать все составляющие профессиональной деятельности клинического психолога (установление контакта, заключение психотерапевтического контракта, терапевтического альянса, проведение психодиагностического обследования, формулировка психотерапевтической цели, психологическая помощь, психологическое консультирование, др.). Обращается также внимание на специфику когнитивных (внимания, памяти, мышления, др.), эмоциональных процессов, картины мира практикующего СО. Рассматриваются разные стили СО.

Важными условиями приобретения профессиональным общением свойств саногенного являются, на наш взгляд, не только установление, развитие психологического контакта между общающимися (Творогова Н.Д., 2007), появление между ними отношения доверия (на фоне которого протекает процесс СО), но и учет феномена «соборности». Соборность (или собор) – единство во множестве, согласие по взаимопризнанию различного, собрание без внешнего соединения (Жирнов В.Д., 2009). В.В. Зеньковский (1881–1962), рассуждая «о натуральной соборности человечества» и о «естественной социальности» человека, писал, что такого рода «натуральность» предпола-

гает развитие согласия индивидов вплоть до «радости единомыслия» (А. Шмеман); «согласие есть условие жизни и без него органическая жизнь невозможна» (А.С. Хомяков). В иерархии уровней совместимости (Петровский А.В., 1982) соборность мы рассматриваем как духовную совместимость. Соборность подчеркивает духовное единство при возможном различии других ипостасей общающихся.

Нами изучен опыт Бирмингемского университета (Великобритания) по обучению медицинских работников (врачей, медсестер) профессиональному общению с пациентами. Проведены обучающие семинары по подготовке отечественных тренеров профессионального общения (освоен опыт английских специалистов).

Дистанционно-полевое проявление субъективного состояния мозга человека в исследованиях физиолога

Е.А. Юматов (Москва)

Вопрос о том, каким образом объективные физиологические процессы порождают внутренний субъективный мир, остается одной из величайших загадок природы. Представления о мозге формировались с помощью морфологических, физических, химических методов. При всей огромной значимости этих методов для исследования мозга эти методы, взятые из неживой природы, дают возможность регистрировать и изучать только объективные физико-химические процессы. В этом есть их существенная ограниченность, — внутренние переживания, — мысли, чувства, эмоции оказываются недоступными для объективного измерения физико-химическими методами.

По нашему представлению субъективные процессы можно измерить с помощью научных методов оценки субъективного, исходя из этого мы сформулировали следующие задачи эмпирического исследования: 1) поиск метода объективной (внешней) оценки внутреннего субъективного состояния человека; 2) определить возможность дистанционного (полевого) проявления субъективного состояния мозга человека.

Методы исследования. Для объективной регистрации субъективного состояния головного мозга человека нами разработана специальная конструкция индикатора, неподверженная каким-либо искусственным ручным манипуляциям со стороны исследователя, т. е. обладающая абсолютной независимостью от него (Юматов Е.А., 2010). В исходном состоянии стрелки индикатора всегда занимали параллельное положение и были направлены строго вперед. Реакция стрелок индикатора в руках исследователя над головой субъекта оценивалась как положительная при скрещивании на 30 и более градусов и как отрицательная — при отсутствии движения стрелок и сохранения ими исходного параллельного положения.

В экспериментах участвовало более 60 лиц, проведено более 250 повторных тестирований. Экспериментальные исследования эмоционального состояния и состояния, связанного с мыслительными процессами, проведены в естественных условиях, в разное время года и дня.

При исследовании эмоционального состояния в первом тесте регистрировалось субъективное эмоциональное отношение испытуемого к дорогому, любимому человеку. Во втором тесте в качестве положительного эмоционального фактора субъект использовал приятный запах духов, исполнял музыкальное или вокальное произведение. В третьем тесте регистрировалось негативное эмоциональное отношение исследователя к болевой реакции субъекта или к курящему субъекту. При исследовании мыслительного субъективного состояния тестировалось отношение исследователя ко лжи в присутствии субъекта. При изучении влияния электромагнитных полей на эмоциональное и мыслительное взаимодействие исследователя и субъекта использовали излучение крайне высокой частоты (КВЧ) — 42,8 ГГц, мощностью 1,5–3 мВт (Бецкий О.В., 1992, 1999), а также применяли мобильный телефон в режиме работы и во время сигнала

ла вызова. Учитывая необходимость особых доказательств, мы провели также множество контрольных экспериментов.

Результаты исследования, их обсуждение. В экспериментах было установлено, что, если исследователь испытывает сильные чувства — положительные эмоции к присутствующему лицу — субъекту, то над головой субъекта всегда происходит движение стрелок индикатора в виде перекрещивания их концов. При тестировании людей, к которым исследователь не проявлял особых чувств, не обнаружено движения стрелок индикатора. Этот эффект отражает собственное эмоциональное состояние исследователя по отношению к субъекту. Он воспроизводился в 100% случаях тестирования, многократно проверялся с использованием различных видов контроля.

Исследования влияния приятного запаха, исполнения музыкального или вокального произведения субъектом показали, что эмоциональное отношение исследователя к субъекту всегда проявляется скрещиванием стрелок индикаторов над головой субъекта.

При исследовании субъективного отрицательного эмоционального отношения исследователя к болевой реакции субъекта было обнаружено, что стрелки индикатора всегда из параллельного переходили в скрещенное положение после того, как субъект получал электрическое раздражение. В движении стрелок индикатора проявлялось субъективное отрицательное эмоциональное отношение испытуемого к боли другого человека.

При мыслительном процессе обнаружено достоверное изменение положения стрелок индикаторов: при ложном ответе исследователя на поставленный вопрос стрелки всегда в 100% случаях скрещивались над головой субъекта. При правильном ответе на вопрос всегда оставались в параллельном положении. Эффект движения стрелок индикатора проявляется при обязательном участии присутствующего лица (субъекта), с которым происходит взаимодействие исследователя. Если такое лицо отсутствует, то эффектов нет.

Указанные эффекты временно исчезали после приема алкоголя, при простудных заболеваниях, после магнитно-резонансной томографии мозга исследователя и восстанавливались при выздоровлении и по истечению 24 часов после воздействия. Прием алкоголя и простудные заболевания делают менее чувствительным человека по отношению к другим лицам и «заостряют» его внимание на самом себе.

В контрольных экспериментах установлено, что при гипсовой иммобилизации рук исследователя, исключаяющей их подвижность, сохраняются все описанные эффекты реагирования стрелок индикатора при мыслительном и эмоциональном состояниях. Любое шунтирование индикаторов полностью исключает возникновения выявленных эффектов. Помещение бумажного или металлического экрана над или перед головой субъекта исключает описанные эффекты при условии, что экраны держит посторонний человек.

Результаты опытов показали, что если контур стрелок индикатора был замкнут, то эффект полностью исчезал и скрещивание стрелок не наблюдалось при всех видах тестирования. На выявленные эффекты не оказывало влияние электромагнитные излучения КВЧ генератора и мобильного телефона.

Обнаруженные нами эффекты характеризуют индивидуальную способность отдельных людей (в биологии и медицине проявляется высокая степень индивидуальности). Не у всех экспериментаторов они регистрируются.

В наших исследованиях было обнаружено, что субъективное состояние человека объективно регистрируется посредством механического движения стрелок индикатора. Что же заставляет стрелки индикатора двигаться?

Живой организм окружен полями, обладает гравитационным полем и излучает множество электромагнитных полей различного спектра: инфракрасное поле, электрическое, магнитное, ультрафиолетовые лучи (Гуляев Ю.В. с соавт., 1984; Гурвич А.Г., 1944; Казначеев В.П. с соавт., 1981, 2004; Сент-Дьердьи А., 1971). Однако дистанцион-

ное реагирование стрелок индикатора в нашем исследовании нельзя объяснить воздействием известных физических полей: гравитационным или электромагнитным. Эффект движения стрелок индикатора не физический, а биологический; чтобы эффект был в эксперименте обязательно должен участвовать второй человек. Дистанционное влияние на стрелки индикатора, может осуществляться посредством поля, создаваемого биологическими объектами, оно отражает их субъективное состояние.

Какие процессы, протекающие в мозге, они могут отражать? Эмоциональные и мыслительные процессы, происходящие в мозге, наиболее широко раскрывает теория функциональных систем, разработанная академиком П.К. Анохиным (1964, 1968) и представленная в работах К.В. Судакова (1984, 2010). Показано, что в мозге существует аппарат, названный акцептором результата действия, в котором прогнозируются будущий потребный результат и в котором происходит сравнение параметров полученного результата с предвиденным. Текущее состояние аппарата акцептора результата объективно проявляется в целенаправленном поведении, во внешних эмоциональных реакциях индивидуума, и одновременно акцептор результата реализуется в субъективном самоощущении потребной «цели» и эмоции. В наших исследованиях обнаружено, что эффект движения стрелок индикатора зависит от существующей «установки-цели». Субъективное отношение отражает текущее состояние акцептора результатов действия.

Как известно, условные рефлексы имеют различные внешние объективные проявления: поведенческие, эмоциональные, вегетативные (Павлов И.П., 1951; Анохин П.К., 1968). Вместе с тем, условные рефлексы характеризуются внутренними ощущениями индивидуумов, которые существенно отличаются при различных условных рефлексах: пищевом, оборонительном и пр. В наших экспериментах удалось зарегистрировать внешнее субъективное проявление условного рефлекса у исследователя на позитивные (приятные запахи, музыку, пение) и негативные (боль) стимулы, исходящие от субъекта. В деятельности мозга тесно взаимосвязаны субъективные и объективные процессы, отражающие информационно-мыслительные и эмоциональные состояния, соответствующие существующей потребности и результативности поведения.

Проведенное исследование показало, что субъективное состояние — наличие «цели-установки» у испытуемого проявляется не только во внутреннем самоощущении, но и внешне, дистанционно, что можно объективно зарегистрировать.

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА»

Оценка психической готовности шахматиста к соревнованию: опыт разработки специализированной методики изучения свойств внимания шахматиста

Е.Е. Васюкова (Москва)

Актуальная задача управления психологической подготовкой шахматиста — определение критериев психологической подготовленности к спортивной деятельности и готовности к соревнованию, создание нового инструментария диагностики, коррекции и тренировки нужных психических качеств. В вопросе о психологической подготовленности спортсменов у исследователей нет единства взглядов на существо проблемы и пути ее решения. Соотношение понятий психологической подготовленности (ПП) и психической готовности (ПГ) раскрывается через анализ более общих понятий — подготовленность и готовность. Подготовленность — это уровень мастерства спортсмена, соответствие его потенциальных возможностей требованиям данного вида спорта, его адаптированность к данному виду спорта; готовность — это оперативное состояние реализации подготовленности, способность мобилизовать свои возможности в конкретной ситуации (Генов Ф., 1971).

Среди многообразия подходов к трактовке ПГ выделяется подход, автор которого ставит вопрос об определении такого показателя уровня ПГ спортсмена, который бы отражал все изменения, наступающие в данный момент в деятельности. Такими особенностями обладает внимание (там же).

О значении внимания говорили многие выдающиеся люди. Томас Эдисон утверждал, что «внимательных людей очень мало — единицы на многие тысячи; только они видят мир таким, каков он в действительности; только они совершают открытия, интересно придумывают, точно рассчитывают и правильно исполняют... спасти мир может только союз внимательных» (цит. по: Леви В., 2000, с. 42). Леонардо да Винчи отмечал, что «со вниманием человек начинается, вниманием образуется, вниманием совершенствуется. Вниманием движется мысль, питается память, волнуется воображение. Вниманием рождается изобретение и создается красота» (там же, с. 68). Гарри Каспаров обнаружил, что в докомпьютерную эпоху (примерно до 1995 года) шахматный анализ за доской более точен и объективен, чем в кабинетной тиши: «...в обстановке домашнего анализа невозможно добиться того же уровня сосредоточенности, что и во время игры ... когда вы сидите за доской напротив соперника, вашему выбору сопутствует высокая концентрация в момент опасности» (Каспаров Г., 2007, с. 87). Между тем в психологии до сих пор ведутся споры — существует или не существует внимание. Т.А. Рибо (1892) формулирует требования правильного метода изучения психических явлений, в том числе внимания — изучение наиболее резких, типичных случаев, отличающихся интенсивностью или продолжительностью. При совпадении обоих этих признаков внимание достигает своего максимума. Такому требованию соответствует изучение внимания шахматиста-практика. Более того, существует точка зрения, что внимание является профессионально важным качеством шахматиста, а также определяет степень его готовности к соревнованию (Крогиус Н.В., 1968). Однако, несмотря на подчеркивание значения изучения внимания и его свойств в шахматах количественных методов диагностики внимания предложено не было.

Цель нашего исследования — разработка специализированной методики изучения свойств внимания шахматиста (СМИСВ). При разработке методики учитывались данные о большей информативности специализированных тестов изучения внимания спортсменов и памяти шахматистов (Генов Ф., 1971; Барташников А.А., 1988). Теоретической основой послужили результаты анализа невербализованных компонентов

мыслительной деятельности шахматиста, значимого для раскрытия ее механизмов, а именно, выводы о важной роли исследовательских операций установления взаимодействий между фигурами (защита, нападение) (Тихомиров О.К., 1984). Выдвинуты две гипотезы: 1) в процессе становления шахматного мастерства развивается специфичное для шахмат внимание, обусловленное структурой шахматной деятельности и, прежде всего, исследовательскими операциями установления взаимодействий между фигурами шахматной позиции; 2) под влиянием тренировочных нагрузок в ходе подготовки спортсмена к соревнованию улучшаются показатели свойств его внимания. Критерием готовности шахматиста к соревнованию выступают показатели интенсивности, концентрации и устойчивости внимания.

Была разработана методика, аналогичная корректурным пробам, где стимульным материалом служили диаграммы специально составленных шахматных позиций, в которых испытуемый должен находить и подчеркивать атакованные фигуры и пешки. Предварительные эксперименты по отработке процедуры тестирования показали возможность моделирования в тесте основных особенностей мыслительной деятельности шахматистов, с которыми связана направленность их внимания. В процедуре поиска атакованных фигур в позиции проявляется внимание как направленность деятельности человека на свой объект и сосредоточенность на нем усилий для наилучшего выполнения этой деятельности. Выявлена большая субъективная привлекательность и трудность выполнения задания с инструкцией на точность работы, когда время не ограничивается; показана зависимость продуктивности от количества атакованных фигур в позиции; обнаружено отсутствие влияния степени дальнобойности и количества фигур в позиции на продуктивность работы. Показана возможность использования формул Уиппла для определения точности и продуктивности работы. Составлены требования к позициям теста: количество фигур в позиции – от 24 до 32, атакованных фигур и пешек – 10, дальнобойность любая (преимущество коротких битий), нет взаимных и двойных битий одной фигуры, есть взятия назад и вбок, инструкция – на быстрое и абсолютно безошибочное выполнение заданий. Предлагается 50 позиций, фиксируется время поиска каждой фигуры.

При апробации СМИСВ были поставлены задачи проверки внешней валидности теста (связи показателей теста с результатами выступления в соревновании) и однородности тестовых позиций, определения количества позиций тренировочной серии.

Выявлен неравномерный характер поиска атакованных фигур в позиции. Характерно достижение среднего времени работы на 8-ой фигуре и значительное увеличение времени поиска 10-ой фигуры. Выявлены шахматисты, очень быстро обнаруживающие уже первые фигуры и значительно снижающие темп работы при поиске 10-ой фигуры, и шахматисты, максимальную скорость показывающие при поиске 7–8 фигуры, незначительно снижающие темп работы на 10 – ой фигуре. Это позволило наряду с устойчивостью к длительным раздражителям (динамика ошибок и временных затрат по позициям) ввести показатель устойчивости к усложнению условий деятельности (соотношение среднего времени поиска 5 последних и 5 первых фигур в позиции). Другие важные показатели – время решения теста (интенсивность внимания) и количество ошибок (концентрация внимания).

Данные показатели внимания зафиксированы у 16 участников командного юношеского первенства. Выявлена прямая связь успешности выступления в 1/4 финала и интенсивности внимания (0,64), его устойчивости (0,48) и концентрации (0,23), это соответственно значительная, умеренная и слабая связь. Выявлена умеренная связь успешности выступления в финале с устойчивостью внимания (0,44) и с интенсивностью (0,35), обратная слабая связь – с концентрацией внимания (–0,23).

Для оценки однородности позиций подсчитывался коэффициент корреляции Кронбаха, который оказался равным 0,8. Количество позиций тренировочной серии огра-

ничили десятью, так как после 11 позиции происходило снижение до средних значений времени решения подряд в двух заданиях теста.

Выделены показатели основной серии, аналогичные показатели тренировочной серии и теста в целом. Обработка данных включала и построение графиков динамики времени решения позиций, ошибок, среднего времени поиска фигур. Для уточнения трактовки выделенных показателей были проведены исследования, направленные на: а) выявление связи данных показателей с показателями других методик (изучения свойств внимания и особенностей психофункционального состояния); б) выявление тенденций изменения данных показателей на различных этапах тренировочного процесса (начало и конец подготовки к соревнованию); в) поиск разрядных норм.

Наличие достаточно высокой связи времени решения основной серии СМISB с разрядом ($r=0.72$, $N=25$), корреляций с результатами общепсихологических тестов изучения внимания (корреляций с продуктивностью в 4-ех минутной Корректирующей пробе и с распределением внимания в Методике диагностики прогностической деятельности, соответственно равных -0.34 и 0.42 при $N=25$), делают этот показатель основным в тесте. Он комплексный, отражает ряд свойств внимания, прежде всего интенсивность и распределение. Интенсивность внимания проявляется главным образом в этом показателе. Высокая интенсивность внимания, выражающаяся в малом времени решения, свидетельствует о перспективности шахматиста.

Изучение динамики свойств внимания 14 юниоров всеармейской шахматной школы А. Карпова в ходе тренировочного сбора показало существенное улучшение к концу сборов показателей интенсивности и устойчивости внимания, проявляющихся, соответственно, во времени решения основной серии и соотношении средних времен поиска пяти последних и пяти первых фигур в основной серии. Концентрация внимания, выражающаяся в количестве ошибок в выполняемой деятельности, улучшилась, но изменения не значимые.

Сделан вывод: тестовая однородность, валидность по содержанию и внешняя валидность теста позволяет его рассматривать как средство диагностики свойств внимания шахматиста, его перспективности, готовности к соревнованию. Интенсивность внимания – профессионально важное качество шахматиста, критерий его перспективности, а также один из главных критериев его готовности к соревнованию. Для оценки степени готовности к соревнованию показатели интенсивности внимания следует рассматривать одновременно с показателями концентрации и устойчивости.

Возможности применения знакового и символического отражения в спортивной деятельности

А.Н. Веракса (Москва)

В качестве главного критерия наличия знакового и символического отражения традиционно выделяется удержание субъектом двух планов: плана реальности и плана ее репрезентации. Однако общепринятого различия знакового и символического опосредствования в настоящее время не существует.

Нам представляется, что символическое опосредствование отличается и от знакового опосредствования. Особенность употребления символа, в отличие от знака, связана, прежде всего, с появлением ситуации неопределенности. Знак, в отличие от символа, имеет значение и поэтому применяется в определенных ситуациях (ситуациях, структура которых понятна субъекту, т. е. описывается с помощью системы значений). Очевидно, что в этом случае внешние особенности знака не являются существенно важными для субъекта.

Например, в фигурном катании эффективными оказались системы, предложенные Г. Мартин и Ш. Палмер. Согласно Г. Мартин для отработки навыков фигурного катания необходимо использовать следующие четыре компонента: ключевые слова, обо-

значающие определенные элементы катания; мысленное прохождение фигур; актуализация чувств, соответствующих выполнению того или иного элемента фигуры; уравнивание по времени реального выполнения того или иного элемента и его представление. Ш. Палмер (Palmer, 1992) предположила, что не менее эффективным будет рисование спортсменами последовательности выполняемых элементов на листе бумаги. Как показали исследования, такой вид знаковой репрезентации (когда рисунок выступает моделью ситуации) оказался эффективным при работе с фигуристками.

Символический образ, наоборот, возникая в неопределенной ситуации, выступает для субъекта выраженными внешними особенностями, своим образным содержанием, и при обращении сознания к символу оно выходит на первый план.

Содержание символа концентрируется в его образной, внешней оболочке, в которую переносится из реальной ситуации познавательная деятельность субъекта. Это возможно благодаря тому, что образное содержание символа допускает интерпретацию в значениях. Еще раз подчеркнем, что, в отличие от знака, символ не имеет прямого, однозначно понимаемого отношения к символизируемой реальности, поэтому единственным способом его использования является ориентировка в содержании самого символа. Однако как только начинает разворачиваться интерпретация символа он начинает ускользать, превращаясь в различные системы значений.

Вот почему можно говорить о том, что в символе обозначаемое и обозначающее слиты в образной форме, хотя сам символ (поскольку он выступает в качестве средства решения вызвавшей затруднение ситуации), репрезентирует нечто, отличное от самого себя. Т. е. смысл символа, хотя и не дается вне его формы, не предполагает соответствия в значениях между собственной оболочкой и символизируемой ситуацией. Между ними имеется расхождение, которое рождает неопределенность, многозначность самого символа, отмечаемую целым рядом авторов (Н.В. Кулагина, В.В. Мантатов, К.Г. Юнг и др.). Это не значит, что символ не имеет никакого отношения к символизируемой ситуации — если знак передает значение, то символ всегда больше значений, поскольку способен принять на себя практически любые значения. Мы предполагаем, что, анализируя оболочку символа, субъект раскрывает его смысл, заключающийся в структуре отношений между элементами символа. Такая структура, будучи найдена, далее может быть перекодирована субъектом в структуру отношений между значениями исходной ситуации, что приводит к ее разрешению. В тоже время, обращение лишь к структуре символа без попытки переноса ключевых отношений, присутствующих в его образной оболочке, на символизируемую реальность, нивелирует суть символа как средства познавательной деятельности.

Достаточно ярко спонтанное использование символа показано в работах, посвященных изучению тревожности спортсменов. В исследовании Ш. Хэнтон и Г. Джонса (Hanton, Jones, 1999) приводятся слова тренера канадской олимпийской сборной по баскетболу: «Дело не в том, чтобы избавиться от бабочек в животе — нужно заставить их летать в определенном порядке». Действительно, как показали проведенные интервью с десятью элитными пловцами, все они отмечали, что в начале своей спортивной деятельности сталкивались с ощущением тревоги и не могли определить своего отношения к ней. Вот как рассказал об этой ситуации один из спортсменов: «Я помню мое первое серьезное соревнование; это был финал лиги. Я ехал туда с моим отцом и я сказал, что нервничаю, что у меня бабочки в животе. Он сказал, что это хорошо, потому что это усилит адреналин. Конечно, когда ты такой маленький, ты не понимаешь, что значит адреналин, но я понял, что это хорошо...» (Hanton, Jones, 1999, p. 10). Этот пример показывает важность положительной интерпретации подобных неопределенных для спортсмена ситуаций; оценка «хорошо» в данном случае выступает основой для построения именно символического образа, поскольку, как отметил сам спортсмен, он не знает, какая объективная ситуация стоит за переживанием тревоги.

Л. Харди поставил под сомнение вывод, который делает целый ряд авторов относительно когнитивной тревоги спортсменов. Он отмечает, что существует устойчивое мнение о том, что переживание тревоги препятствует выполнению любой деятельности, в том числе и спортивной. Однако, например, в классическом исследовании американских олимпийцев было показано, что успешные спортсмены использовали свою тревогу как стимул хорошего выступления (Mahoney, 1977). В исследовании Л. Харди и К. Парффита (Hardy, Parfitt, 1991) изучалась успешность бросков баскетболистов за день до начала важного турнира и через два дня после его начала. Оказалось, что спортсмены в состоянии высокой степени когнитивной тревоги показывали либо чрезвычайно низкие, либо очень высокие результаты; в состоянии же низкой когнитивной тревоги результаты держались на среднем уровне. Л. Харди утверждает, что намеренное введение спортсмена в некомфортную, неопределенную для него ситуацию может повышать его успешность. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что в ситуации переживания неопределенности особую роль играет символическое опосредствование, которое, как было отмечено выше, может оказывать позитивное влияние на успешность деятельности.

Таким образом, можно предположить, что появление символического образа в ситуации неопределенности позволяет зафиксировать связанное с ней напряжение за счет его переноса в символический план. Поскольку в качестве таковой может выступить любая новая для спортсмена ситуация (в том числе и ситуация освоения движения), закономерно предположить, что отсутствие образа может негативно сказываться на ориентировке в ней.

Кроме того, поскольку символический образ, в отличие от знака, не имеет однозначной интерпретации, одним из его свойств является эмоциональная напряженность в силу расхождения между реальной ситуацией и образным содержанием символа. Можно предположить, что его применение может способствовать усилению мотивации спортсменов.

По нашему мнению, одна из задач в области спортивной психологии, связанная с изучением форм репрезентации спортсменов, состоит в разработке технологии фасилитации продуктивной символизации в ситуациях неопределенности. С развитием современных технических средств особенно перспективным представляется использование технологии виртуальной реальности.

Мысленная тренировка спортсменов

А.Е. Гороява (Москва)

Большинство исследователей в области психологии спорта, а также многие практикующие спортивные психологи полагают, что мысленная тренировка является эффективным средством психологической подготовки спортсменов. Некоторые известные спортсмены также признаются в успешном использовании различных видов мысленной тренировки. Более того, известно множество научных работ, подтверждающих этот факт. Большая их часть выполнена зарубежными специалистами. В связи с этим, на наш взгляд, прямой перенос полученных данных в подготовку российских спортсменов будет неправомерен без учета специфики спортивной деятельности в нашей стране. Прежде всего, необходимо провести ряд исследований на российской выборке спортсменов, по результатам которых мы сможем уже в полной мере говорить о необходимости внедрения практики мысленной тренировки в подготовку российских спортсменов. Кроме того, здесь видится возможность разрешения текущего кризисного состояния отечественной психологии спорта, связанного с нежеланием или неумением многих спортивных чиновников, тренеров, а иногда и спортсменов, понять, для чего нужен в команде спортивный психолог. С опорой на мнение Г. Ридера (1982), извест-

ного спортивного психолога, о том, что осваивая тренировку такого рода «спортсмену следует помнить, что без надлежащего контроля со стороны психолога или тренера она может принести негативные результаты», добавим, что лишь немногие тренеры целенаправленно обучают мысленной тренировке спортсменов. Значит вопрос о «надобности» привлечения к работе спортивного психолога должен отпасть сам собой.

Понятие мысленной тренировки охватывает широкий круг «различных психорегулирующих воздействий, связанных с восприятием, представлением и формированием образа в широком смысле этого слова» (Родионов А.В., 2009). Как справедливо отмечают McAvinue и Robertson (2008), в литературе по спортивной психологии встречаются множество похожих терминов: моторные образы, умственные образы, двигательные образы, собственно мысленная тренировка, образное повторение, визуализация, кинестетические образы и зрительно-моторное повторение поведения, систематизированное представление о которых необходимо иметь при проведении соответствующих исследований. С этой точки зрения необходимо понять, что стоит за этими различными определениями образных представлений. Так, американский спортивный психолог Р.М. Найдиффер (1979) говорит о выделении «умственной тренировки» как образных представлений «идеального» совершенствования тактических навыков и «идеомоторной тренировки» как образных представлений определенных движений, входящих в структуру конкретных спортивных действий. Отметим, что Ридер под мысленной тренировкой понимает просто другое название идеомоторной тренировки. Кроме того, Найдиффер указывает на важность определения разницы между мысленной тренировкой спортсменов и обычным процессом образных представлений человека: «согласно самому определению, мысленная тренировка включает тщательное и целенаправленное изучение и повторение какого-то одного двигательного образа в целой серии представлений <...>. Обычный же процесс представлений воображения отличается от такой процедуры стихийностью своего протекания, отсутствием анализа наиболее существенных деталей». Далее рассмотрим определения, предлагаемые отечественными авторами. Так, А.В. Родионов (2009), один из самых известных спортивных психологов, вслед за Л.-Е. Unesthal, называет описываемый нами метод не мысленной, а «ментальной тренировкой», определяя ее как «комплекс психических средств, включающих: а) распознавание и оценку окружающей ситуации; б) контроль психофизиологических и поведенческих реакций; в) приемы внушения и самовнушения, направленные на релаксацию и создание необходимых предпосылок для эффективной деятельности». Другой не менее известный отечественный спортивный психолог А.В. Алексеев (2003) различает: образные представления, связанные с ощущениями в самочувствии (т. е. образы, связанные с личными ощущениями спортсмена); образные представления в сфере движений (которые требуют представления идеального выполнения данного движения); образные представления ситуаций, в которых выступление спортсмена было наиболее удачным. Алексеев также говорит о двух возможных способах использования образов: образы в «чистом виде» без слов и словесное оформление каждого мысленного образа. Отметим, что, по мнению автора, второй способ использования образов является эффективнее первого ввиду фундаментального психологического положения о связи между мыслью и словом, языком и сознанием (Лурия А.Р., 1979).

Заметим, что приведенные выше различные определения образных представлений имеют гораздо больше сходных, пересекающихся положений, нежели явных различий в понимании мысленной тренировки. Так, например, выделяемые Алексеевым образы в сфере движений, видимо, представляют собой то же самое, что и идеомоторная тренировка по Найдифферу и Ридеру. На наш взгляд, наиболее продуктивной, с точки зрения систематизации видов образов, является прикладная модель использования мысленных образов в спорте Мартина, Морица и Холла, успешно применяемая ими с 1999 года (Martin K.A., Moritz S.E., Hall C.R., 1999). Согласно этой модели, в различ-

ных спортивных ситуациях используемые спортсменом образы должны соответствовать желаемому результату. В основе данного подхода лежит выделение двух функций образных представлений спортсменов: когнитивной и мотивационной, каждая из которых в свою очередь реализуется на двух уровнях – общем и специальном. В связи с этим, авторами были выделены 5 различных видов умственных образов, используемых спортсменами:

- 1) когнитивные общие образы (КО – проработка стратегий).
- 2) когнитивные специальные образы (КС – проработка навыков).
- 3) мотивационные специальные (МС – целеполагание и достижение целей).
- 4) мотивационные общие – активирующие (МО-А – активация мотивационных состояний).
- 5) мотивационные общие – регулирующие (МО-Р – регуляция мотивационных состояний).

Авторами был сконструирован уникальный в своем роде опросник, SIQ (The Sport Imagery Questionnaire), с помощью которого можно измерять частоту использования того или иного вида образа спортсменами всех видов спорта и любого профессионального уровня.

Основываясь на всем вышесказанном, в данный момент мы проводим исследование, связанное с изучением использования мысленной тренировки. В качестве испытуемых выступают юные спортсмены-футболисты 8–16 лет, тренирующиеся на базе одной из московских ДЮСШ. Под мысленной тренировкой в данной работе мы, вслед за Найдиффером и Ридером, понимаем идеомоторную тренировку, т. е. рассматриваем использование спортсменами образов только в сфере движений (по Алексееву) или КС вида (по Холлу). Мы предполагаем, во-первых, что, несмотря на явные различия между мысленной тренировкой и обычным процессом образных представлений (о чем говорил Найдиффер), существует также связь между ними. А именно, если спортсмен изначально обладает хорошим воображением, то ему будет значительно легче овладеть навыками идеомоторной тренировки, следовательно, эффект от ее применения будет больше. В связи с этим, в качестве предварительного тестирования, мы использовали фигурную и вербальную форму Краткого теста творческого мышления (КТТМ), адаптацию тестов творческого мышления Торренса. По результатам этого этапа исследования мы осуществили распределение испытуемых в экспериментальную и контрольную группу, попытавшись максимально уравнивать их именно по параметру способности к обычным образным представлениям. В соответствии с этим, по окончании основного этапа работы станет возможным сравнение показателей успешности выполнения конкретных футбольных действий у испытуемых экспериментальной группы, в которой применяется техника мысленной тренировки, и контрольной, в которой данная техника не используется. Во-вторых, мы предполагаем, что будет проследиваться взаимосвязь между фактором возраста испытуемых и успешностью применения мысленной тренировки. Наконец, еще одним важным аспектом работы является возможность включения нашей выборки в состав общей для апробации SIQ в России. По окончании адаптации опросника, мы сможем также провести сравнение показателей наших испытуемых по SIQ и по КТТМ, проследив тем самым взаимосвязь между уровнем изначальной способности спортсмена к образным представлениям, их спецификой, и частотой использования других, не идеомоторных, видов образов. Еще раз подчеркнем, что в настоящее время исследование еще не завершено, и конкретные данные, подтверждающие или опровергающие наши предположения, будут получены позже.

Теоретические и прикладные проблемы ранней профессионализации одаренных детей

Г.Б. Горская (Ставрополь)

Проблема полноценного развития одаренных детей привлекает все больше внимания, поскольку именно они рассматриваются как ценная составляющая «человеческого капитала» общества. Вместе с тем, в исследованиях одаренных детей преобладает проблематика диагностики одаренности и развития специальных способностей. В меньшей степени исследуются особенности личностного развития детей, рано проявивших те или иные способности, условия благополучия их жизненного пути, роль полноценного личностного развития в успешной реализации способностей. Особенно явно перечисленные проблемы встают в тех случаях, когда развитие специальных способностей требует ранней профессионализации в форме смещения нормативных фаз профессионального развития на детский и подростковый возраст, что не является характерным для большинства профессий. К видам деятельности, требующим ранней профессионализации, относятся хореографическое искусство, музыкальное исполнительство, спорт.

Для исследований ранней профессионализации характерно то, что в них констатируется факт смещения нормативных фаз профессионального развития на более ранние возрастные периоды, а также неизбежность влияния этого смещения на психическое развитие детей, вовлеченных в нее. Констатируется и противоречивость влияния ранней профессионализации на психическое развитие. Но остается открытым вопрос о том, являются ли наблюдаемые эффекты закономерными и предсказуемыми.

Противоречивость мнений относительно эффектов ранней профессионализации в значительной степени обусловлена недостаточным вниманием к теоретическому осмыслению феномена. Анализ многочисленных публикаций по данной проблеме, как российских, так и зарубежных, показывает, что в большинстве своем они ограничиваются ее частными аспектами, связанными с решением локальных практических вопросов. В связи с этим становится проблематичным полноценное раскрытие способностей одаренных детей, с одной стороны, и создание предпосылок благополучия их жизненного пути, с другой.

Исследование возможностей прогнозирования психологических эффектов ранней профессионализации как основы конструктивного решения связанных с ней практических проблем психологического содержания проведено в рамках научного проекта № 08-06-99014, поддержанного грантом РФФИ.

Профессиональное совершенствование при ранней профессионализации совпадает во времени с интеллектуальным, личностным развитием, получением образования, освоением системы социальных отношений, что может быть фактором изменения нормативных возрастных особенностей взросления будущих профессионалов. Разнонаправленность влияния ранней профессионализации на личностное и интеллектуальное развитие включенных в нее детей может быть следствием того, что деятельность, в которую они включены, может как способствовать, так и препятствовать реализации магистрального направления психического развития, специфичного для определенного возраста.

Соотнесение данных о магистральном направлении психического развития на том или ином этапе онтогенеза и об эффектах ранней профессионализации рассматривалось в исследовании как путь объяснения причин как позитивных, так и негативных ее последствий.

Согласно концепции психического развития Д.Б. Эльконина (1989), по мере перехода ребенка с одного этапа онтогенеза на другой фокус развития смещается то в область освоения предметного мира, то в область освоения мира социального. Потребность ребенка в познании предметного мира активизирует интеллектуальное разви-

тие. Фокусирование развития на освоении мира людей стимулирует личностное и социально-психологическое развитие.

Одна из наиболее распространенных форм ранней профессионализации детей — это включение их в профессиональные по своей сути занятия спортом.

Поскольку типичная спортивная карьера приходится на младший школьный, подростковый, старший школьный возраст и период ранней зрелости, имеющиеся данные о психологических последствиях ранней профессионализации были подразделены в зависимости от того, в каком возрасте они наблюдаются у спортсменов. В данной статье рассмотрены материалы, касающиеся младшего школьного и подросткового возраста.

Согласно концепции Д.Б. Эльконина, младший школьный возраст — это период, когда фокус развития находится в области освоения предметной действительности, требующего продвижения в интеллектуальном развитии. Освоение двигательной деятельности требует от юных спортсменов способности к анализу образца двигательного действия, осмысления способов его выполнения, планирования выполнения действия, сопоставления результатов собственного действия с образцом. Поэтому можно ожидать, что занятия спортом будут способствовать становлению таких психических новообразований младшего школьного возраста, как рефлексия, внутренний план действия, поисковое планирование, постигающий анализ.

Эмпирические данные подтверждают позитивное влияние занятий спортом на становление перечисленных психических новообразований. Согласно данным исследований (Горская Г.Б., 2008б), юные спортсмены младшего школьного возраста опережают своих ровесников, не занимающихся спортом и обучающихся по традиционным программам, по сформированности постигающего анализа, поискового планирования, внутреннего плана действия, содержательной рефлексии. Следовательно, специфика спортивной деятельности благоприятствует становлению интеллектуальных новообразований младшего школьного возраста. Этим объясняется ее позитивное влияние на интеллектуальное развитие детей.

В подростковом возрасте фокус развития смещается в сферу освоения социальных отношений, требующего продвижения в личностном развитии, приобретения социального опыта. В подростковом возрасте начинается активное становление самосознания, формирование Я-концепции.

Позитивной стороной влияния занятий спортом на самосознание юных спортсменов подросткового возраста является то, что их отличает от сверстников, не занимающихся спортом: большая реалистичность самооценки, меньшая боязнь неудач, более низкая тревожность, — что связано с приобретаемым в спорте опытом успехов и неудач. Однако с возрастом у спортсменов отмечается рост расхождения уровня притязаний и самооценки, который рассматривается как фактор риска неустойчивости к соревновательному стрессу. Негативным проявлением занятий спортом является отмечаемая у спортсменов узость Я-концепции, индикатором которой является достоверно более низкое число признаков самоописания, которые дают спортсмены по методике «Кто Я?» по сравнению со своими сверстниками, не занимающимися спортом.

Самоотношение спортсменов-подростков, степень их социальной адаптации зависит от степени соответствия избранного вида спорта гендерным стереотипам. Его высокий уровень проявляется в повышении самооценки и уровне социальной адаптации, а низкий уровень снижает уверенность подростков в себе, провоцирует защитные реакции.

Ранняя профессионализация изменяет нормативное развитие взаимоотношений спортсменов-подростков со значимыми другими. Его индикатором является ослабление тенденций к возрастанию значимости сверстников как партнеров по общению при одновременном усилении ориентации на семью, а также выраженная потребность спортсменов в помощи и защите, которая не обнаруживается в такой степени у их сверстников, не занимающихся спортом. Причиной изменения нормативного направле-

ния развития взаимоотношений с социальным окружением является свойственное спорту соперничество, усиливающее эмоциональную напряженность и вызывающее потребность в психологической поддержке, главным источником которой является семья (Горская Г.Б., 2008а).

Занятия спортом снижают интерес юных спортсменов к профессиональному самоопределению. Поглощенность тренировками и соревнованиями заставляет часть спортсменов-подростков отодвигать планирование профессионального будущего на неопределенное время. Пренебрежение проблемой профессионального самоопределения вносит вклад в возникновение кризиса завершения спортивной карьеры у спортсменов высокого класса (Горская Г.Б., 2008б).

Таким образом, эмпирические факты подтверждают предположение об обусловленности эффектов ранней профессионализации тем, способствует или препятствует деятельности, в которую вовлечены дети, разворачиванию магистрального направления психического развития, специфичного для определенного возраста. Это дает возможность прогнозирования психологических последствий ранней профессионализации и построения программ психологического сопровождения, ориентированных на реализацию ее позитивных эффектов и сведение к минимуму возможных ее негативных последствий. Проведенные в рамках излагаемого проекта формирующие эксперименты, программы которых основаны на изложенных теоретических положениях и эмпирических данных, дают основания для заключения о возможности гармонизации профессионального, интеллектуального и личностного развития детей, включенных в раннюю профессионализацию.

Исследование творческих способностей у спортсменов

К. Кун, Д.Б. Богоявленская (Москва)

В последнее время все большее количество людей ощущают потребность в здоровом образе жизни, неотъемлемой частью, которого является физическая активность. Павлов И.П. называл двигательный анализатор важнейшим из *внутренних анализаторов в коре головного мозга*. Потребность в движении является важным фактором, стимулирующим физическую активность любого живого организма. Удовольствие, получаемое при удовлетворении потребности в движении, является главным движущим фактором активности. Эта потребность проявляется у живых организмов еще в зародышевом состоянии и является одной из самых ранних потребностей. В ходе индивидуального развития она может значительно измениться как в сторону ее подавления, так и в сторону ее развития (Горбунов Г.Д., Пуни А.Ц.). Двигательная активность – необходимое условие нормального функционирования всей системы нашего организма. Подавление потребности в движении сказывается негативно как на физическом, так и на психическом состоянии человека (Песталоцци И.Г., Ушинский К.Д., Гориневский В.В. и др. В отечественной психологии вопрос о потребности в движении был поставлен Нечаевым П.П.. Осознание потребности в движении делает ее культурной потребностью. Несмотря на то, что потребность в движении также важна при развитии организма как потребность в еде, тепле и др. ее обходят стороной и оценивают недостаточно объективно даже ученые. В занятиях же различными видами физической культуры потребность в движении, по мнению Пуни А.Ц., является первостепенной побудительной причиной. Даже при частичном неудовлетворении потребности в движении происходит ухудшение общего состояния, атрофия мышц, нарушение работоспособности и снижение потенциальных возможностей вегетативных органов человека (Коробков А.В., Матюшкина Н.А., Разумов С.А., Джамгаров Т.Т., Матюшкина Н.А., Лампасов Б.А. и др.). В исследованиях Джамгарова Т.Т., Умарова М.Б., Джамгарова Т.Т., Петрушевского И.И., Герд М.А., Герд М.А., Панферовой Н.Е. и др. показано, что при этом протекание пси-

хических процессов ухудшается. Корковый конец двигательного анализатора, благодаря обилию и разнообразию связей, обладает ведущим влиянием на функции различных отделов головного мозга (Бельтюков В.И., Ногендович М.Р., Дацковский Б.М., Зимкин Н.В., Могендович М.Р. и др.). Увеличение двигательной активности значительно расширяет функциональные возможности человека. У людей с относительно высоким уровнем двигательной активности некоторые характеристики интеллектуальной деятельности выше, чем у людей с относительно низким уровнем (Хомская Е.Д. и др.). В ходе развития врожденной, органической потребности в движении, ее безусловно-рефлекторная основа значительно изменяется возникновением многочисленных условно-рефлекторных связей. Оптимальная степень удовлетворения потребности в движении будет создавать положительный интерцептивный фон ощущений, от которого зависит «здоровый тон во всем, что делается в теле». Спорт, в том числе восточные единоборства, столь популярные сейчас, способствует оптимальному функционированию всех систем человеческого организма. Единоборства, как вид спорта, интересны для данного исследования потому, что в них меньше predetermined движений. Здесь двигательная активность является творческим процессом. Уникальность феномена этого древнего вида спорта заключается в глубоком понимании сути человека и природы. Ключ к различию между западным и восточным спортом кроется в истории и восходит ко временам Древней Греции и Древней Индии. Восточные единоборства – это уникальная культура, в которой боевая практика возвышена и преображена до уровня искусства, благодаря тесному переплетению «боевых» искусств с «мирными». Известно, что йога была адаптирована К.С. Станиславским и легла в основу уникальной школы актерского мастерства, а театр Б. Брехта по-своему реконструировал психотехнические принципы традиционного китайского сценического искусства. Ориентировка на внешнюю оценку не занимает главенствующее место в кэмпо (наиболее точное общее название восточных боевых искусств, происшедшее из японского языка). Культурное знание на востоке имело своей целью перерастание сущности человека, его профессиональных границ и выход к некоему высшему знанию. Возможно, как раз это возвышает спортивную подготовку до искусства, которое дает возможность творческой реализации.

В связи с этим, исследование становления и развития творческих способностей (принимаемым нами как способность к развитию деятельности по своей инициативе) в спортивной деятельности, мы начали на выборке спортсменов Школы Эскрима Контра Темпо и Школы прикладных единоборств и самообороны. Всего в исследовании приняло участие 60 человек, 30 спортсменов, занимающиеся единоборствами как минимум уже несколько лет, и люди вообще не занимающиеся спортом.

Для исследования творческих способностей нами использовался авторский метод «Креативное поле». Напомним, он позволяет диагностировать работу испытуемого по трем уровням: стимульно-продуктивному – деятельность всегда стимулирована извне; эвристическому – деятельность приобретает творческий характер. Имея надежный способ решения предъявляемых задач, человек продолжает анализ деятельности, что приводит его к открытию новых закономерностей; креативный – найденная закономерность выступает в качестве новой проблемы и подвергается теоретическому доказательству.

В качестве дополнительных методов и методик использовались: метод беседы; «Незаконченные предложения» Сакса и Леви; методика Дж. Тейлора «Личностная шкала проявления тревоги», «Шкала личностной и реактивной тревожности» Чарльза Спилбергера, опросник Леонгарда – Шмишека «Акцентуации характера», личностный опросник Айзенка на выявление типов темперамента; При исследовании уровня творческих способностей у спортсменов и у людей, не занимающихся спортом, нами получены данные, говорящие о том, что среди людей занимающихся восточными единоборствами в 2,6 раза больше людей с творческими способностями. Вероятность попадания в группу риска среди не спортсменов в 10 раз выше. Уровень тревожности у спорт-

сменов ниже, чем у людей, не занимающихся спортом в 1,5 раза, причем женщины спортсменки менее тревожны, чем женщины, не занимающиеся спортом в 2,2 раза. Вместе с тем, уровень тревожности связан с показателями темперамента; занятия спортом влияют на показатели темперамента: среди спортсменов в основном наблюдаются сангвиники. В целом, у спортсменов ниже уровень акцентуаций, чем у не спортсменов за счет данных по женщинам-спортсменкам: Среди не спортсменов у женщин акцентуации характера значительно выше, чем у мужчин.

Обращает внимание тот факт, что у спортсменов гораздо меньше расхождений результатов по гендерным различиям, чем у не спортсменов. Можно сделать предположение, что при занятиях спортом некоторые гендерные особенности личности сравниваются.

Соотношение результатов полученных при исследовании уровня творческих способностей, уровня тревожности и особенностей личности и характера испытуемых (спортсменов и не занимающихся спортом) дало следующие результаты.

У спортсменов с эвристическим уровнем самый низкий уровень тревожности, а у не спортсменов со стимульно-продуктивным типом — самый высокий, т. е. он выше чем у эвристиков-неспортсменов.

При этом самые интересные предложения, в которых присутствует юмор и глубина осмысливания контекста, принадлежат испытуемым с высоким уровнем эвристического творчества как спортсменов, так и неспортсменов.

Согласно философии Древнего Востока, необходимо уметь выигрывать и проигрывать, сила человека не в победе над противником, а в мудрости. Тот, кто настроен лишь на результат, слаб в своей душе. Сложно не заметить, как перекликается эта восточная мудрость с подходом к пониманию творчества, которого мы придерживаемся, поскольку развивать деятельность по своей инициативе возможно лишь бескорыстно. Возможно, подобная философия помогает людям, занимающимся восточными единоборствами выйти на более высокий уровень нравственного развития.

Вместе с тем, достоверность полученных нами результатов должна получить подтверждение в дальнейших экспериментах, носящих лонгитюдный характер. К сожалению, в рамках годовой работы был использован метод срезов. Анализируя выборку, можно сказать, что испытуемые, показавшие эвристический уровень (как спортсмены, так и не спортсмены), являются высокими профессионалами с хорошим уровнем образования. Поэтому нельзя с достаточной уверенностью утверждать, что в процессе занятий единоборствами повышается уровень творческих способностей. Можно предположить, что заниматься единоборствами идут люди определенного круга интересов. Восточные единоборства сейчас популярны — это модное хобби, среди людей, достаточно образованных с широким кругом интересов. Занятия боевыми искусствами успешно заменяют ходьбу в тренажерный зал, бассейн, и, помимо физической активности, дают пищу для размышлений, принадлежность к некоторой древней культуре. Вместе с тем, данную выборку характеризует присутствие как представителей так называемых творческих профессий, так и высоко обеспеченных «Онегиных», которым и философия безразлична. Именно они представляют число тех спортсменов, которые отнесены к стимульно-продуктивному уровню.

Психологические особенности восстановления спортсменов после травмы

С.В. Леонов (Москва)

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-06-00848а.)

По данным зарубежных исследователей (May, Sieb, 1987), около 600.000 спортивных травм происходит ежегодно только в американских средних школах, в Великобритании, согласно Среггун (1994), среднее количество случающихся травм составляет 29 миллионов, в России ситуация является аналогичной.

В некоторых видах спорта повреждения, ушибы являются неотъемлемой частью игры, например, как в регби. Во многих случаях, спортсмен продолжает играть, будучи травмированным, поскольку имплицитно у него есть представления, что это является допустимой нормой (Messner, 1992; Nixon, 1993). Это создает сложности в регистрации и определении травм, поскольку сам вид спорта вынуждает спортсменов игнорировать, пренебрегать переживаниями в отношении травм и повреждений.

В связи с этим необходимо учитывать ожидания, представления спортсмена о том, что значит быть травмированным, определить контекст травмы и экспрессию болевых ощущений в каждом определенном виде спорта.

По мнению (Williams, Roepke, 1993; Flint, 1998), продуктивным для восстановительного процесса является знание атлетами особенностей протекания реабилитационного периода (какие ощущения являются нормальными для определенной стадии восстановления, как контролировать реабилитационный процесс).

К основным психологическим проблемам, которые переживают травмированные спортсмены, можно отнести следующие: чувство страха и тревоги, злости и фрустрации, преобладание отрицающего типа поведения, признаки депрессивного состояния, отсутствие понимания и психологического принятия полученной атлетом травмы, снятие с себя ответственности за свое состояние в ходе процесса лечения, недостаточное взаимодействие с сотрудниками команды, с инструкторами, сильное желание вернуться к соревновательной деятельности, несмотря на незавершенность восстановительного процесса (Brewer, 1995; Larson, Starkey, Zaichkowsky; 1996).

В этой связи является важным рассказать спортсмену о возможных последствиях его негативного эмоционального состояния или поведения, определить совместно с атлетом причины такого настроения. Все это будет способствовать снятию напряжения, избавлению от навязчивых мыслей, которые препятствуют расслаблению спортсмена и сосредоточения его на курсе лечения.

Существенное влияние на атлетов оказывает спортивная культура, болельщики. Так, тренеры, одноклубники, спортивные фанаты отрицательно относятся к спортсменам, которые играют чрезмерно осторожно, боясь получить или нанести травму. Средства массовой информации популяризируют тех спортсменов, которые, не боясь боли, могут вынести тяжелую травму. Таким образом, травма становится одним из путей к известности и популярности в спорте (Ewald, Jobu 1985; Hughes, Coakley, 1991).

Важную роль в этой проблеме играет механизм идентификации, особенно с «мужскими» чертами характера. Некоторые виды спорта, такие как бокс, футбол, борьба, регби имеют высокий уровень травматизма, в то же время за ними закрепились ассоциация исключительно мужских занятий. В связи с этим, спортсмены заранее воспринимают боль как неотъемлемую, а иногда и необходимую составляющую «настоящей мужской игры». Иногда получение травмы, особенно для молодых спортсменов, воспринимается как средство завоевания уважения со стороны одноклубников. Феномен «принесения в жертву собственного тела» ради спортивных достижений был эмпирически верифицирован Shaffer (1996), который обнаружил, что юные борцы игнорировали предупреждающие болевые сигналы и продолжали бороться, несмотря на физическую боль.

Таким образом, необходима профилактическая работа со спортсменами, на которой разбирались и анализировались бы причины травматизма, в частности, распределение физической нагрузки, так как организм спортсмена может не всегда выдерживать нагрузки, которой он подвергается во время тренировок или соревнованиях; нерациональный составленный режим труда и отдыха, ненадлежащим образом подготовленный спортивный инвентарь, несоблюдение техник безопасности при работе на спортивных снарядах, невыполнение установок тренера, отсутствие навыков по использованию методов саморегуляции, что например, может проявляться в различных контактных видах спорта (регби, бокс), когда атлет неоправданно грубо и жестко действует в тренировочной ситуации.

Социально-психологические методы повышения эффективности деятельности команды в игровых видах спорта

А.О. Савинкина (Москва)

Анализируя выступления спортивных команд, часто можно заметить, что, несмотря на индивидуальное мастерство игроков, они не могут добиться желаемого результата. Нередко их действия носят разрозненный характер: пас отдается в никуда, атака плохо организована, нет взаимопомощи при игре в защите. Причинами таких ошибок может быть недопонимание, непринятие командных целей, плохое осознание игроком своей роли в групповой деятельности и многое другое.

Многие тренеры время от времени организуют совместный досуг членов команды, выезжают на природу или устраивают соревнования, суть которых непосредственно не связана с их основным видом спорта. Обычно это помогает повысить сплоченность, улучшить психологический климат. Однако опыт работы психологов в бизнесе показал, что применение специальных тренингов на командообразование в значительной большей степени увеличивает эффективность деятельности группы. Речь идет, в первую очередь, о методах формирования и развития навыков командной работы (team skills), о формировании командного духа (team spirit) и методах формирования команды (team building).

Данные методы помогают решить многие социально-психологические проблемы, встречающиеся в спортивной команде. Развиваются навыки:

- принятия групповой цели, как своей личной;
- принимается ответственность за результат деятельности команды;
- взаимодействие становится более конструктивным и пр.

Метод формирования командного духа позволяет:

- усилить чувство сплоченности, сформировать устойчивое «мы-чувство»;
- развить доверительные отношения, научиться понимать и принимать индивидуальные особенности друг друга;
- создать мотивацию на совместную деятельность и пр.

Тимбилдинг направлен на подбор команды, оптимизацию ее структуры и функционально-ролевого распределения. С помощью этого метода становится возможным:

- эффективное использование сильных сторон команды;
- оптимальное распределение ролей;
- формирование новой структуры при вхождении или выходе игроков и пр.;

Использование этих методов позволит раскрыть наилучшим образом возможности каждого игрока, улучшить результаты их совместной деятельности, повысить удовлетворенность членством.

Особенно важно использовать подобные методы при работе со сборными командами, которые большую часть времени проводят в своих клубах. Так как конкуренция в них выше, состав может меняться быстрее, времени на формирование сплоченности естественным способом меньше. При этом ответственность за принятие решений и напряженность в межличностных контактах выше.

Однако остается открытым вопрос об адаптации социально-психологических методов к специфичной по своей сути деятельности спортивной команды. Если исследования по данному вопросу и проводились, то они не нашли значительного отражения в литературе по спортивной психологии, в то время как их результаты могли бы быть очень полезны как для спортивных тренеров, так и тренеров по командообразованию, которых пригласили в спортивную команду.

В свете перечисленных причин особенно важной является проблема разработки эффективных методов психологической работы со спортивными командами. Перенесение из других областей психологии должно быть адекватным для данного вида дея-

тельности. Полученные результаты должны быть общеизвестны, чтобы социально-психологические методы могли быть использованы в тренировочной деятельности наравне с совершенствованием технической стороны игры.

Психологические особенности целенаправленной деятельности в спорте

З.А. Сагова (Москва)

Целенаправленную деятельность личности в определенном отношении можно рассматривать как программу достижения поставленных целей. Такая программа, для того чтобы стать реализуемой, должна содержать четкий перечень действий, которые последовательно нужно выполнить. Планирование в данном случае представляет собой набор действий и решений, ведущих к разработке специфических стратегий достижения целей личностью, и является «инструментом» для принятия решения.

По мнению Х. Хекхаузена (2001), «постановку целей как феномен достаточно сложно изолировать для отдельного исследования, поскольку целенаправленность мотивационного градиента ожидания очевидна даже в отсутствие явно выраженной постановки целей, а общая целенаправленность определяет опыт переживания ситуации как в подготовительный период восприятия будущего, так и в инструментальный период и в период реализации деятельности. Даже в отсутствие феноменологических или апперцептивных проявлений целенаправленность проявляется в упорядоченной и соответствующей ситуации последовательности когнитивных и двигательных процессов». Далее автор отмечает, что в большинстве жизненных ситуаций явная постановка целей была бы излишним актом сознания, т. к. направление деятельности, а так же притязания, связанные с этим родом деятельности, имплицитно присутствуют и проявляются в поведении мотивированного человека. Однако в ситуациях, когда существует несколько возможных целей и способов действия, требующих принятия того или иного решения, или же ситуация оказывается сложной, требуется явная постановка целей. Спортивная деятельность, являясь экстремальной профессиональной деятельностью, требует именно явной постановки цели, которая будет определять исход выбора решения, планов действия, создающихся для разрешения ситуации и координации возможной противоречивости целей. Тщательное планирование действий в спортивной сфере позволяет повысить чувство контроля над ситуацией, способствует развитию оптимизма и, нередко, крайней его формы – нереалистичного оптимизма. Оптимизм, как известно, предполагает позитивный подход к жизни, однако у многих людей можно обнаружить черту, которую исследователь Н. Уэйнштейн определил как «нереалистичный оптимизм по поводу будущих жизненных событий».

Нереалистичный оптимизм, по С.Е. Тейлору и Дж.Д. Брауну (Taylor S.E., Brown J.D., 1988), является одной из трех составляющих многомерного термина «положительные иллюзии» вместе с самовозвеличиванием и иллюзией контроля. Авторы определяют нереалистичный оптимизм как преувеличенную веру человека в то, что будущее предоставит ему массу благоприятных возможностей для успеха, а неприятные события, скорее всего, его обойдут.

Д. Майерс описывает результаты исследования, проведенного Г. Оллпортом, где студентов последнего курса колледжа просили оценить размер своего дохода спустя пять и десять лет после окончания колледжа. Результаты оказались из области фантастики. Большинство из них представляло себя преуспевающими, не допуская никаких других вариантов. Если они собирались заниматься медициной, то названную сумму дохода могли бы получить на самом деле не более 5% медиков-профессионалов. Если они хотели стать летчиками, сумма заработной платы, которую они предполагали получать, была выше зарплаты любого реального летчика. Майерс (1999) приводит описания и других исследований этого феномена и заключает, что феномен иллюзорного оптимизма опасен тем,

что он делает человека более уязвимым, отрицание возможных негативных, а порой и трагических событий не дает возможности заранее к ним подготовиться.

П.Д. Сатина (Catina P.D., 2006) изучал взаимосвязь между положительными иллюзиями и высокими спортивными результатами у баскетболистов из трех стран: США, Хорватии и Норвегии. Исследование выявило поразительное сходство в психическом аспекте спортсменов трех различных культур – положительные иллюзии у баскетболистов оказались примерно на одном уровне. Кроме того, обнаружилось, что положительные иллюзии участников исследования не выступают в качестве предиктора – предпосылки развития негативных событий, положительно коррелируют с уровнем производительности спортсменов и могут являться мерой их конкурентоспособности. Подобные результаты были получены также в одном из более ранних исследований Сатины и соавт. (Catina P.D., Iso-Ahola S.E., 2004), где изучались возможности достижения успеха в спорте через создание позитивного мнения о себе.

В заключение можно отметить, что нереалистичный оптимизм, являясь в обычной жизненной ситуации «побочным эффектом» планирования деятельности и неблагоприятной чертой личности, может дать определенное преимущество в спортивной сфере, поскольку способствует повышению мотивации, уверенности и настойчивости в достижении целей. Однако требуются дополнительные исследования для дальнейшего обоснования условий возникновения этого феномена, возможности его контроля и управления им в процессе целенаправленной деятельности.

Психическая саморегуляция как условие развития волевых качеств спортсменов-пловцов

И.А. Симоуло (Калуга)

Проблема повышения результативности и надежности соревновательной деятельности привлекает все большее внимание специалистов. В связи с обострением спортивной конкуренции отмечается повышение требований к уровню выступлений спортсменов, а роль «психологического фактора» в этой сфере деятельности становится все более ощутимой.

Рассматривая спорт как специфический вид деятельности, можно сказать, что он оказывает особое влияние на развитие психологических особенностей личности. Это происходит благодаря следующим условиям:

- соревновательный характер спортивной борьбы, направленной на завоевание рекорда или победы над противником;
- максимальное напряжение всех физических и психических сил спортсмена во время этой борьбы, без чего нельзя добиться рекордного результата;
- систематическая, длительная, упорная спортивная тренировка, вносящая серьезные коррективы в режим жизни и бытовые условия (Малкин В.Р., Роголева Л.Н., 2003).

Важнейшей задачей психологии спорта является изучение психологических особенностей личности спортсмена как общих, так и специфических для конкретного вида спорта. Это в дальнейшем поможет решить проблемы психологического обеспечения его подготовки. К наиболее важным особенностям этого направления относятся:

- формирование нравственных сторон личности спортсмена;
- формирование мотивации спортивных достижений;
- волевая подготовка спортсменов.

Спортивная деятельность невозможна без достаточного развития волевых качеств, всякое произвольное действие требует для своего совершения определённого, хотя бы минимального, волевого усилия. Волевая подготовка рассматривается как один из самых сложных разделов психологической подготовки спортсменов. Воспитание волевых качеств спортсменов или их волевых проявлений направлено на повышение эф-

фективности спортивной деятельности. Однако волевая подготовка юных спортсменов несомненно имеет и более широкое значение для воспитания личности подрастающего поколения (Тарас А.Е., 1995).

Разработка вопросов психологической подготовки спортсменов, занимающихся плаванием, в настоящее время особенно актуальна, так как уже на начальном этапе подготовки выступления в соревнованиях проходят в условиях жесткой конкурентной борьбы и характеризуются повышенным эмоциональным напряжением.

Целью данного исследования стало изучение характера влияния метода психической саморегуляции на уровень развития волевых качеств спортсменов-пловцов.

Данное исследование проводилось в течение полугода. В исследовании приняли участие 112 спортсменов в возрасте 13–17 лет, занимающихся плаванием 6–10 лет.

В исследовании были применены следующие методики: опросник для оценки своей настойчивости (Е.П. Ильин, Е.К. Фещенко); опросник для оценки своей терпеливости (Е.П. Ильин, Е.К. Фещенко); опросник для оценки своего упорства (Е.П. Ильин, Е.К. Фещенко); методика «Самооценка волевых качеств студентов-спортсменов» (Н.Е. Стамбулова), адаптированная для спортсменов-пловцов 13–17 лет; методика «Психологический анализ развития волевых качеств спортсменов» (Б.Н. Смирнов); методика «Неразрешимая задача» (Н.И. Александрова, Т.И. Шульга); динамометрический метод изучения терпеливости.

Исследование проводилось в несколько этапов. На экспериментальной и контрольной группах проводилась комплексная диагностика волевой сферы личности спортсменов-пловцов с помощью указанных методик. Нами были исследованы следующие волевые качества: настойчивость, упорство, целеустремленность, смелость, решительность, терпеливость, самообладание, выдержка, инициативность и самостоятельность (Ильин Е.П., 2009).

Затем с экспериментальной группой была проведена программа психической саморегуляции, включающая в себя сеансы по принципу гетеротренинга, направленные на достижение релаксации, и формулы самовнушения необходимости выдержать психическое и физическое напряжение и перенапряжение. Данная программа реализовывалась в течение нескольких месяцев после каждой тренировки. После осуществления программы психической саморегуляции вновь была проведена комплексная диагностика волевой сферы личности спортсменов-пловцов с использованием тех же методик (Горбунов Г.Д., 2007).

Полученные результаты показывают, что после проведения программы психической саморегуляции в экспериментальной группе повысился уровень развития следующих волевых качеств: терпеливости, упорства, настойчивости, целеустремленности, смелости и решительности, самообладания и выдержки (что подтверждено результатами по всем методикам). В контрольной группе не наблюдалось сдвигов ни по одному параметру.

Однако уровень развития таких волевых качеств, как инициативность и самостоятельность остался без изменений. Это может быть связано с тем, что данные волевые качества не являются ведущими для спортсменов, занимающихся плаванием. Это дает основания сделать вывод об эффективности разработанной программы психической саморегуляции, которая в основном направлена на развитие именно ведущих и ближайших к ним волевых качеств спортсменов-пловцов, таких как настойчивость, целеустремленность, самообладание.

Психическая нагрузка и ее особенности в спорте

Б.П. Яковлев (Сургут)

Психическую нагрузку можно представить как произвольный процесс саморегуляции воздействующих на личность спортсмена внешних и внутренних условий спортивной деятельности. В более развернутом виде психическая нагрузка – это произволь-

ный процесс саморегуляции воздействующих на личность спортсмена внешних и внутренних условий, определяющий индивидуальный уровень психической напряженности, способствующий мобилизации функциональных ресурсов и резервов в направлении лично значимых целей (Яковлев Б.П., 2000).

В связи с этим значением психическая нагрузка является неотъемлемой структурной единицей в системе интегральной подготовки спортсменов. Наравне с физической нагрузкой, имеющей в теории и методике подготовки квалифицированных спортсменов уже официальный статус специфического компонента учебно-тренировочного процесса.

Проведенные научно-экспериментальные исследования по проблеме влияния факторов психической нагрузки на формирование и развитие индивидуальной толерантности показали актуальность и значимость дифференцированного анализа интегральных механизмов психической нагрузки. К таким целостным, внутренним механизмам психической регуляции спортивной деятельности относятся — эмоции, воля, интеллект, интуиция. От конкретного функционирования этих механизмов и их сочетания в большой степени зависит устойчивость (толерантность) к величине и особенностям психической нагрузки в экстремальных условиях спортивной деятельности, выраженность и направленность психической напряженности, адаптация к двигательным (физическим) упражнениям.

В обобщенном виде это важнейшие механизмы саморегуляции, которые определяют и проявляются в каждом отдельном или интегральном состоянии, свойстве, качестве личности.

Оптимальное реагирование спортсмена на совокупность факторов психической нагрузки зависит от его индивидуальной способности противостоять и справляться с их влиянием. Величина воздействия психической нагрузки на индивидуальную толерантность спортсмена может превысить его оптимальные и даже предельные возможности и резервы. Поэтому для тренера является важным своевременно не только знать, но и контролировать специфические факторы нагрузки, возникающие в определенной ситуации и совокупности внешних и внутренних условий спортивной деятельности. Такого рода психологический контроль за особенностями психической нагрузки в различных специфических условиях учебно-тренировочного процесса и соревновательной подготовки позволяет более оперативно и избирательно управлять двигательной деятельностью и более рационально регулировать режим по чередованию нагрузок и отдыха.

При анализе психической нагрузки следует учитывать, что процесс тренировочной и соревновательной деятельности — это в большинстве своем не внешне наблюдаемая, а внутренне скрытая форма произвольной и непроизвольной активности сознания и в целом личности спортсмена. «Наблюдая спортивный поединок, — анализируют соревновательную деятельность спортсменов известные ученые В.Н. Платонов, В.С. Келлер (1987, с. 31), — мы видим только его внешние проявления: противоположность целей соперничающих участников, различный характер действий, результат взаимоотношений, или точнее противоборства спортсменов. Под внешней стороной поединка кроется серьезное содержание, состоящее из тактического плана (а иногда и из стратегического — при многоступенчатой системе проведения соревнований), определенных действий, форма которых больше говорит о способе, технике выполнения, чем о скрытых (до окончания схватки) тактических ловушках, применяемых спортсменом замаскированных действиях и т. д. То, что скрыто от глаз зрителей (представление о замыслах соперника, переработка воспринимаемой информации, ход принятия решений и др.), обязательно отражается в сознании спортсменов».

Психическая нагрузка так же, как и любой психический процесс личности спортсмена, проявляется в результате взаимодействия внешних (материальных, социальных)

и внутренних условий. Между внешними и внутренними условиями существует взаимное влияние. С психологической точки зрения, внешние тренировочные и соревновательные условия оказывают только косвенное влияние на спортивную результативность, вызывая у спортсмена динамическое взаимодействие психических процессов, образующих в соответствии с требованиями, диктуемыми конкретной деятельностью, субъективные состояния, представляющих собой подвижную систему, (детерминирующую способность спортсменов к быстрому переходу от относительно фоновых состояний к периодам предельной мобилизации функциональных ресурсов и резервов и наоборот) и являющихся частью комплексной и динамической системы взаимовлияния между внешними и внутренними условиями деятельности человека. Влияние величины психической нагрузки возникает как противоречие в результате нарушения равновесия между константными внутренними условиями и внешними условиями, обеспечивая достижения нового равновесия, адекватного условиям ситуации и являясь механизмом развития адаптивных возможностей личности спортсмена. Следовательно, психика спортсмена развивается и совершенствуется только при условии активного внутреннего и внешнего взаимовлияния, в процессе тренировочной и соревновательной деятельности.

Рациональное, оптимальное управление средствами и методами спортивной подготовки дает возможность воздействовать на психологические особенности личности спортсмена, чтобы выработать у него необходимые субъективные состояния, индивидуальные качества, отношения, мотивы, определяющие его направленность к спортивным достижениям. Следовательно, исходя из принципа единства сознания и деятельности, взаимосвязи внешних и внутренних условий, можно сделать вывод, что психическая нагрузка в системе тренировочной и соревновательной деятельности вызывает определенные мобилизационные изменения, которые образуют индивидуальную структуру качеств и состояний личности спортсменов, необходимых для успешного осуществления соревновательной деятельности.

Психическая нагрузка вызывает психическую напряженность организма, которую можно охарактеризовать как повышение мобилизации психофизиологических функций для поддержания работоспособности.

В отличие от психической нагрузки психическая напряженность характеризует мобилизацию психофизиологических функций конкретного индивида в зависимости от особенностей деятельности, которую выполняет спортсмен, или особенностей условий, в которых осуществляется данная деятельность. Поэтому при выполнении соревновательной нагрузки одной и той же по величине, интенсивности и направленности у спортсменов наблюдаются значительные различия в психической напряженности в зависимости от возраста, пола, актуального состояния, уровня функциональной подготовленности, силы мотивации, стрессоустойчивости.

Критерием условного дифференцирования по величине особенностей психической нагрузки служит оптимальность ответной реакции организма на суммарное воздействие факторов внешних и внутренних условий. Известный спортивный психолог Ю.Я. Киселев считает, что установление зависимости между достигнутым на тренировке или соревновании результатом и показателями предшествующего тренировке или соревнованию психического состояния есть путь определения критерия оптимальности последнего. Внешней причиной, указывает ученый, обуславливающей оптимальный уровень функционального состояния и информативность комплекса показателей, являются требования, предъявляемые к спортсмену особенностями вида спорта, конкретными задачами и условиями его деятельности.

Целесообразность и необходимость работы в этом направлении несомненны для более адекватного и рационального построения, планирования психологической подготовки в том или ином периоде, этапе, цикле учебно-тренировочного процесса.

Изучение особенностей психической нагрузки входит в круг решения таких практических задач, актуальных для спорта высших достижений, как:

- влияние психической нагрузки на специальные двигательные качества спортсмена (координацию, выносливость, быстрдействие, силу) в различных условиях спортивной тренировки;
- восстановление работоспособности и уровня функциональной подготовленности спортсменов перед и после больших тренировочных и соревновательных нагрузок;
- определение и формирование индивидуальной толерантности к стресс факторам в специфических условиях тренировочной и соревновательной деятельности;
- составление психоспортграмм профессионально важных качеств, детерминирующих эффективность и успешность выполнения тренировочной и соревновательной деятельности;
- выявление условий и механизмов психологической адаптации к экстремальным условиям спортивной деятельности и ряда других задач.

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ КАРЬЕРЫ»

Изучение влияния ценностных ориентаций на мотивацию профессионального развития представителей различных возрастных категорий

А.А. Антипов, Ю.В. Варнава (Москва)

За последние несколько лет произошли и продолжают происходить серьезные изменения в социально-экономической ситуации России. Рынок труда предъявляет новые требования к профессионализму и квалификации специалистов. В связи с этим возникает проблемы разработки более точных механизмов формирования профессиональной мотивации, обуславливающей развитие и становление личности, как профессионала. Какие ценности лежат в основе профессиональной мотивации, что влияет на их формирование и существует ли взаимосвязь между ценностными ориентирами и возрастом личности – это основные проблемы, которые стали предметом исследования в данной статье.

Прежде всего, необходимо определить само понятие – «ценность». Наиболее полно, на наш взгляд, это было сделано Д.А. Леонтьевым (2007). Он предложил понимание ценности в единстве трех форм ее существования, постоянно переходящих друг в друга.

1. Общественные идеалы. Это исходная форма ценностей, поскольку каждая ценность порождается каким-либо социальным сообществом, от семьи до человечества в целом. Социальная ценность, определяется как концентрированное выражение коллективного опыта группы или общности в форме идеала, т. е. представления о совершенстве, о желательном в тех или иных сферах социальной активности.

2. Предметно воплощенные ценности. Общественные идеалы даны нам не абстрактно, а через их воплощение в произведениях (артефактах) и деяниях конкретных людей, в которых ценность находит свое наиболее зримое существование.

3. Личностные ценности. Предметное воплощение ценностей происходит лишь посредством деятельности людей, которые осуществляют эти ценности, будучи ими побуждаемы. Таким образом, неизбежно признание существования ценностей в структуре мотивации личности.

Существующие сегодня в психологии концепции развития личности, как профессионала, имеют в своей основе принцип поступательной профессиональной динамики. Возраст рассматривается как количественная величина, этапы профессионализации тесно связаны с этапами взросления.

Приведем здесь наиболее известную периодизацию развития человека как субъекта труда, автором которой является Е.А. Климов (1996).

Однако встает вопрос: насколько верно соотносить стадии профессионального развития только с возрастными этапами и соответственно ограничивать их достаточно жесткими временными рамками?

Этот вопрос сформулирован А.Р. Фонаревым (1998): «Процесс самоопределения, реализации себя в деятельности – процесс, который может происходить на любом этапе профессионального пути. Отсюда следует, что по разным показателям профессионализма субъект может находиться на различных стадиях развития. Тем самым нарушается стадийная логика развития профессионала, поэтому необходимо переосмысление механизмов профессионального становления личности».

Вследствие этого возникает другой вопрос: какие еще факторы могут влиять на процесс профессионального развития?

В 1991 году Уильям Штраус и Нейл Хоув, постулируя основные принципы Теории поколений (The Generations Theory), вводят понятие «базовые (глубинные) ценности» (Neil Howe, William Strauss, 1991). Согласно Теории, «базовые ценности» определяются

как комплекс значимых явлений и предметов, заложенный в детстве (до 10–12 лет), влияющий на формирование моделей поведения и восприятия окружающей действительности в настоящем. На формирование базовых ценностей поколения влияют следующие факторы:

- 1) события, в которых росло поколение (политические, социальные, научно-технический прогресс и т. д.);
- 2) социальная ситуация развития (семья, значимое окружение, социальные институты и т. д.).

Таким образом, каждому поколению соответствуют определенные ценности и модели поведения, которые связаны с историческим периодом, в котором родилась и выросла личность. И именно эти ценности впоследствии моделируют поведение индивида и оказывают влияние на мотивацию профессионального развития.

На 2010 год наиболее активными на рынке труда являются три поколения (Neil Howe, William Strauss, 2007):

- поколение бумеров (от Baby Boom) – 1943–1963 года рождения;
- поколение X – 1963–1984 года рождения;
- поколение Y (Миллениум) – 1984–2000 года рождения.

Анализ Теории поколений позволяет переосмыслить роль возрастных ценностных ориентиров в профессиональной мотивации, построить эффективную систему применения теории на практике не только в профессиональном, но и личном аспекте. В связи с этим, целью нашего дальнейшего исследования будет более глубокое изучение мотивационно-ценностных ориентиров основных на сегодняшний день поколений (Baby Boom, X, Y) с учетом специфики российской действительности.

Профессиональный рост фармацевтов и его влияние на коммуникацию с потребителем

Л.О. Горюнова, М.Р. Маграм, Д.Н. Новиков (Киев)

Профессиональная роль фармацевта прошла значительное развитие и изменение за последние несколько лет. Это связано с тем, что сейчас увеличилось количество доступных патентованных и непатентованных лекарств, товаров аптечного ассортимента. В связи с этим ежедневная работа фармацевта соответственно также изменилась.

Рост уровня конкуренции в розничном секторе фармацевтической отрасли, высокая сегментация потребительских рынков вызывают необходимость поиска наиболее эффективных форм и методов обслуживания покупателей, которые дают возможность аптечным организациям разрабатывать конкурентоспособные стратегии развития и увеличения роста продаж. Определяющим фактором реализации таких стратегий на сегодняшний момент для любой аптечной организации является повышение удовлетворенности потребителей качеством консультаций и уровнем обслуживания (Дорофеева В.В., Голубкина Л.В., 2006).

Фармацевтика находится в процессе быстрого изменения и развития, и фармацевтов поощряют брать на себя новые роли, включая роль профессионала, способствующего делу укрепления здоровья в обществе, и одновременно, агента влияния на потребителей при продвижении тех или иных препаратов (особенно, в сегменте безрецептурных препаратов). Роль фармацевтов как профессиональных работников здравоохранения возрастает, они не только выдают лекарства, но и нуждаются в приобретении новых навыков в качестве собеседников, советников, инструкторов, так как посетители приходят не только за лекарствами, но часто и за рекомендацией фармацевта.

Действительно, исследования М.Р. Маграм подтверждают, что при покупке безрецептурных препаратов более 40% потребителей предпочитают обратиться за консультацией именно к фармацевту, а не к врачу, так как это:

- экономит время (не надо идти в поликлинику);
- бережет нервы (из-за неблагоприятной атмосферы в лечебном учреждении и больших очередей);
- воспринимается так же, как и поход к врачу (фармацевт – медработник в «белом халате») – эффект «рубрифицированного восприятия» (Маслоу А.Г., 2001).

Поэтому работники отечественной фармацевтической отрасли испытывают дополнительные нагрузки в связи с возросшим количеством различных вопросов от покупателей, и вынуждены «проигрывать» сразу несколько социальных ролей, чтобы дать такую консультацию, которая удовлетворит каждого клиента. В этом контексте возрастает значимость профессионального роста фармацевтов, повышения уровня их знаний о препаратах и коммуникативных навыков.

При этом исследования М.Р. Маграм, проводимые компанией в течение последних трех лет (основные методы – фокус-группы, глубинные интервью и mystery shopping), показывают, что большинство фармацевтов не мотивировано на повышение уровня профессиональной компетенции: далеко не все из них готовы читать специализированную литературу, искать информацию о препаратах-новинках, посещать фарм-кружки самостоятельно, без принуждения руководства. Это в значительной степени влияет на то:

- как общается фармацевт с покупателем (что и как рекомендует);
- какой аргументацией он подкрепляет свои рекомендации;
- что покупает потребитель;
- и в конечном итоге, на то, удалось ли клиенту решить свою проблему / вылечиться с помощью рекомендованного препарата (т. е. фактически на здоровье населения).

Анализируя коммуникацию между фармацевтом и потребителем, мы видим, что немногие аптечные организации устраивают для фармацевтов специальные тренинги по продажам (исключение составляют лишь крупные сетевые аптеки). В результате каждый фармацевт вырабатывает собственную схему коммуникации, основываясь на личном опыте и уровне профессионализма.

Для начала, чтобы понять, что лежит в основе отсутствия такой мотивации, рассмотрим процесс консультации, каким его видит фармацевт, от начала контакта с покупателем и до продажи.

Процесс консультации состоит из 4 стадий:

- 1) **оценки покупателя:** сколько клиент готов заплатить; оценка стадии заболевания (по словам, а иногда и по внешнему виду);
- 2) **ответов на вопросы:** уточняющие вопросы клиента, повторная оценка потребностей клиента и возможности платить, надлежащее консультирование;
- 3) **внесения рекомендаций:** в большинстве случаев рекомендации основаны на: а) плане продаж; б) результатах «аттестации» клиента фармацевтом (многие участвующие в исследовании специалисты отмечали, что способны «на глаз» определить доход стоящего перед ними клиента и предложить соответствующий по стоимости препарат; в) стадии заболевания; г) мотивации фармацевта.
- 4) **продажи препарата** и, если возможно – дополнительных лекарств, в зависимости от данных клиенту рекомендаций.

Итак, наши исследования показывают, что с психологической точки зрения решающую роль в рекомендации играет мотивация самого фармацевта. Это позволило нам выявить три психологических типажа с условными названиями:

- 1) **professionals / «профессионалы»** – наиболее часто представлены среди работников крупных сетевых аптек, реже – муниципальных аптек в Москве. Развивают себя как профессионалов, – интересуются новыми лекарствами, внимательно следят за новинками, изучают инструкции по применению, участвуют в фарм-клубах и впитывают информацию полученную там. Нацелены на то, чтобы рекомендовать дорогие и эффективные препараты;

- 2) *responsible* / «ответственные» — более характерно для фармацевтов «со стажем» (чаще в возрасте от 35 и старше), особенно, для муниципальных аптек. Интересуются новой информацией только в рамках основных лекарственных средств, имеют обширные знания, но не расширяют полученные знания. Предпочитают рекомендовать препараты, оптимальные по соотношению цена / эффективность в зависимости от того, к какой доходной группе относится клиент;
- 3) *sluggish* / «равнодушные» — наиболее распространенный тип среди фармацевтов, работающих в аптеках с высокой проходимостью (более 50 человек на кассу в день). Они имеют минимальные знания, необходимые для работы, слабо интересуются новинками, получением новых знаний и навыков, не заинтересованы в помощи клиенту. В основном нацелены на продажи дорогих и известных «проверенных» препаратов (т. к. их проще продавать).

Анализ данных сегментов позволил выдвинуть гипотезу о том, что основными факторами, которые ведут к снижению мотивации фармацевтов повышать свой профессиональный уровень, являются интенсивность нагрузки (поток посетителей) и возможность карьерного роста внутри организации, который во многом зависит от структуры и формы собственности аптеки.

Первый фактор — высокая нагрузка, наиболее сильно влияет, т. к. затрагивает реализацию базовых потребностей. Большой поток посетителей, которых надо обслужить, ограничивает личное время фармацевта, что особенно характерно для аптек с высокой проходимостью. Поэтому часто фармацевт стремится как можно быстрее «отпустить очередь», и избегает излишних обсуждений (если у него нет дополнительной мотивации). Такие мероприятия как фарм-кружки в подобных аптеках часто совмещаются с обедом, в результате работник не усваивает материал о новых препаратах: нереализованная базовая потребность (желание пообедать) отвлекает работника от информации, которую он получает. В итоге при рекомендации фармацевт старается ограничиться фразами скорее бытового, чем профессионального характера (например, часто рекомендует препарат словами — хороший, эффективный, не понимая, чем именно обусловлена эффективность). Такие фармацевты рекомендуют другие препараты лишь тогда, когда требуется изменить курс лечения, выбрать более дешевый препарат, или более эффективный и лучший, но только в том случае если сам потребитель задал какие-либо вопросы. Соответственно, ему не требуются дополнительные знания для того, чтобы более убедительно рекомендовать тот или иной препарат.

Второй фактор, отсутствие возможности роста, реже проявляется открыто, и в большей степени актуален для молодых фармацевтов. Ограниченные карьерные возможности фармацевта внутри структуры аптеки ведут к отсутствию интереса к повышению уровня знаний. Фармацевт не заинтересован проявить себя как специалист особенно, когда дело касается небольших частных аптек, где нередко работникам приходится совмещать и должность «первостольника» (фармацевт, который находится у первого стола — непосредственно контактирует с покупателем), так и заведующего аптекой (фактически некуда расти выше). Большинство фармацевтов просто не видят смысла расти профессионально, т. к. в дальнейшем карьерного роста не ожидается. Зависимость между профессиональной грамотностью и зарплатным ростом также очевидны не для всех (хотя большинство фармацевтов сегмента «Профессионалы» понимают, как за счет собственного профессионализма повысить сумму чека и, следовательно, собственный заработок). Эту ситуацию подтверждают глубинные интервью с работниками крупных сетевых и муниципальных аптек (где возможности для карьерного роста несколько выше), среди которых мотивация к повышению собственного профессионализма более высока. В ходе интервью они обычно демонстрируют более высокую компетентность (знание состава и действия препаратов, понимания потребителя, способность аргументированно рекомендовать тот или иной препарат) по сравнению с теми, кто работает в небольших частных аптеках, либо в аптеках-дискаунтерах.

Таким образом, мы видим, что организация возможностей карьерного роста для фармацевтов является хорошим стимулом для повышения их профессиональной компетентности и, как следствие, более грамотной коммуникации с потребителем, что ведет как к повышению продаж аптеки, так и в целом к более высокому качеству обслуживания (более грамотной рекомендации препарата).

Системообразующие и структурообразующие компоненты психологической культуры профессионала

Л.Д. Демина (Барнаул)

Специфика современного мирового экономико-социального развития России предъявляет новые требования к профессионализму и психологическим характеристикам специалистов в контексте активизации человеческих ресурсов, связующим звеном которых может являться феномен «психологическая культура (ПК), так как именно в нем объединяются и комплексно проявляются гуманистические и гуманитарные аспекты психологического знания.

В современной психологии проблемное поле психологической культуры многопланово, широко, амбивалентно, неоднозначно, противоречиво. Несмотря на обилие психологических работ, содержащих этот термин, реально можно судить лишь об общих чертах этого явления, а его содержание до сих пор остается дискуссионным (Личность: психологические проблемы субъектности, 2005; Психология личностных проявлений в процессе жизнеосуществления человека, 2009). Вместе с тем, отдельные элементы обсуждаемого целостного психологического явления исследуются довольно активно (культура коммуникаций, поведения, деятельности, культура речи, культура сознания). Кроме этого, в отдельных работах психологов ПК рассматривается в контексте изучения другой проблемы: А.А. Бодалев (общение), Е.А. Климов (профессиональное самоопределение), О.И. Мотков (восприятие), Н.Н. Обозов (понимание человеком «себя»), Л.А. Петровская (коммуникативная компетентность), С.Л. Рубинштейн (рефлексивные процессы), Г.А. Цукерман (творчество) и дают нам представления о том, что ПК характеризуется наличием функций, задач, признаков, структурой, содержанием и др. Хотя это и позволяет формировать представления о ПК как целостном феномене, необходимом элементе выполнения различных видов деятельности, но специальных исследований ПК сейчас не так уж много.

Анализ результатов исследований показал, что хотя представления о ПК у современных психологов неоднозначны, но содержательно они связаны между собой и отражают ее функциональную значимость, которая прописана П.С. Гуревичем (1994) следующим образом: 1) сохранение преемственности научных представлений и теорий в истории психологии, что создает условия для последующего прогрессивного развития психологической науки и практики; 2) обеспечение взаимодействия и взаимопонимания общения профессиональных психологов, населения в поликультурном обществе; 3) развитие возможностей человечества становления единства внутренней и внешней деятельности: саморегуляции, самоактуализации, самореализации и др. на основе приобретенного опыта в процессе жизненного пути и переживаемого психологического времени; 4) опора человека в формировании жизненного, профессионального и личностного самоопределения, становления и развития Я-концепции личности на основе имеющегося у нее образа мира; 5) оптимальный уровень развития ПК может стать основанием для успешного становления специалиста и его профессионализма.

Обобщая результаты исследований ПК, следует уточнить, что она является ведущим компонентом успешности включения человека в социальную жизнь общества, становления специалиста-профессионала, организатора и участника современных коммуникативных и коммуникационных систем и интеракций. Она же детерминирует вектор эффективного самоопределения, самореализации личности и специфику ее жиз-

ненного пути. ПК способствует успешной адаптации, самоорганизации, саморазвития человека, формированию жизненных планов, адекватных жизненным перспектив.

Учитывая важность в жизни человека наличия оптимального уровня развития ПКЛ и неоднозначность представлений о ней в современной психологии, под руководством автора статьи в 2001–2009 гг. был проведен ряд исследований (Л.Д. Демина, Е.В. Вараксина, А.В. Корнеева, С.П. Кулик, Е.А. Лубанец, Н.А. Лужбина, Т.В. Манянина, И.А. Ральникова, И.А. Савина, Е.Л. Холодцева, П.Р. Юсупов, Юе Вень Бо). В качестве испытуемых выступили представители различных профессий типа «человек – человек» (Е.А. Климов) – педагоги (городских и сельских школ,) специалисты в области управления образованием, социальной защиты населения, работники управления среднего звена на промышленных предприятиях, расположенных в г. Барнауле и градообразующем предприятии в сельской местности, управленцы в коммерческих организациях. Исследования ПК выполнялись в рамках культурно-исторического подхода (Л.С. Выготский).

Обобщив полученные результаты (Демина Л.Д., Ральникова И.А., 2009; Личность: психологические проблемы субъектности, 2005; Психология личностных проявлений в процессе жизнеосуществления человека, 2009), был сделан вывод о том, что ПК профессионала является, во-первых, неотъемлемым основанием вектора и содержания профессиональной активности человека; во-вторых, системным психологическим феноменом, включающем ряд взаимосвязанных, взаимодополняющих компонентов (когнитивный, ценностно-смысловой, рефлексивно-оценочный, креативный, эмоционально-коммуникативный, мотивационно-поведенческий); в-третьих, динамической функциональной системой, для реализации различных форм и видов деятельности.

Кроме этого установлено что: 1) системообразующим компонентом ПК является социальный интеллект (входящий в структуру когнитивного компонента). Социальный интеллект – структурно сложное психологическое образование является особенным в том плане, что, имея многогранную природу (Г. Айзенк, Дж. Гилфорд), он отдельными специфическими «гранями» (познание результатов поведения, познание классов поведения, познание преобразований поведения, познание систем поведения) представлен в каждом компоненте ПК. В указанном контексте он и выступает системообразующим основанием ПК; 2) структурообразующим компонентом ПК выявлен эмоциональный интеллект (входящий в эмоционально-коммуникативный компонент ПК); 3) динамическим явлением, структура которого не является стабильной, отсутствует жесткая иерархия компонентов. В этой связи, для выполнения определенной деятельности социальный интеллект «отвечает за подбор» нужных для ее выполнения компонентов, а эмоциональный интеллект – за «выстраивание» их иерархии. При этом, была отмечена тенденция – необязательность в любых видах деятельности наличие всех компонентов ПК; 4) обнаружены достоверные различия между ПК а) как атрибута научной психологии (совокупность знаний и достижений, умений их применения на практике, в повседневной жизни, саморазвитии, саморегуляции и др.) б) ПК в профессиональной деятельности (самоорганизация, самообразование, развитие у себя важных профессиональных качеств, коммуникациях, самореализация и др.), в) индивидуальной специфики ПК. Показано, что их постоянное (или селективное) «присутствие» способствует становлению внутренней ценностно-смысловой, рефлексивной, интеллектуально-аффективной, мотивационно-поведенческой позиции личности (субъекта) в процессе реализуемой деятельности.

Представленные основные результаты исследования психологической культуры позволили в заключении определить ее как сложную динамическую функциональную систему, состоящую из взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга компонентов, взаимодействие которых способствует познанию законов отражения окружающего мира и порождения собственной психической реальности, способов прогнозирования, управления внутренней и внешней активностью

Диагностический подход к оценке профессионально важных качеств учащихся

А.К. Ерофеев, С.Б. Метнева, Р.Н. Нечаева (Москва)

Настоящая работа посвящена обзору результатов исследований, проведенных с целью адаптации имеющихся и разработки новых стандартизованных методов оценки профессионально важных качеств или компетенций учащихся. Как показал основатель компетентностного подхода Д. МакКлеелланд, ни традиционные академические тесты способностей, ни тесты достижений, оценивающие знание преподаваемых в школе предметов, ни итоговые оценки, проставленные в аттестатах, не позволяют составить прогноз о том, насколько эффективно человек будет выполнять свою работу или насколько он будет в целом успешен в жизни. Вместо тестирования уровня интеллектуальных достижений МакКлеелланд предлагал оценивать критерии, различающие эффективных и успешных с неэффективными и неуспешными. Характеристики, причинно связанные с эффективным выполнением работы, Д. МакКлеелланд называл компетенциями (competence) и указывал основные принципы методик для выявления таких показателей (McClelland D.C., 1973, p. 1–14).

Для выявления профессионально важных качеств и создания стандартизованных методов оценки компетенций, определяющих высокий уровень достижений, как в сфере решения интеллектуальных задач, так и в области успешной профессиональной самореализации, нами была разработана технология LASPI и методика комплексной оценки компетенций ACL (Assessment Center LASPI) (Ерофеев А.К., 1996; Ерофеев А.К., 1996; Erofeev A.K., 1993).

ACL – методика, разработанная для оценки персонала, ориентированной на отбор наиболее перспективных работников, выдержала проверку практикой. Обоснована ее содержательная и критериальная валидность; отработана и внедрена в практику технология создания модели компетенций, удовлетворяющей требованиям конструктивного подхода (Ерофеев А.К., 2004, с. 23–39).

Батарея тестов НОРТ позволяет надежно оценить, такие качества, как «фрустрированность», «коммуникабельность», «доминантность», «нормативность» и «интернальность». Эти пять основных факторов, полученных на основе факторного анализа результатов опроса более тысячи обследованных при помощи тестовой батареи НОРТ, задают основу базовой модели компетенций, включающей такие кластеры, как «самообладание/устойчивость к стрессу», «коммуникативная компетентность», «лидерство/стремление к превосходству» и т. п. Батарея стандартизованных ситуационно-поведенческих тестов (СПТ), в которых идентификация различных стратегий поведения в групповых дискуссиях позволяет оценить и отобразить в процентильной шкале такие характеристики как «уровень решения задач», «деловая активность», «притязание на лидерство», «влияние» и т. п., что позволяет с достаточно высокой точностью оценить навыки, необходимые для эффективного руководства (Ерофеев А.К., 2004, с. 23–39; Erofeev A., Nechaeva R., Skatova A., 2005; Likurtseva E., 2005; Skatova A., 2005). Методика проведения полуструктурированного мультимодального интервью позволяет интегрировать данные комплексного обследования и обоснованно устранить противоречия, возникающие в тех случаях, когда данные СПТ не согласуются с данными стандартизованных самоописаний, полученных при помощи батареи НОРТ. Достоинством метода является его обоснованность и доступность. Если все технологические требования соблюдены и валидность модели компетенций обоснована, то критериальная валидность метода ACL, т. е. ранговая корреляция обобщенных результатов, полученных в ассессменте, с независимой экспертной оценкой на рабочем месте должна попасть в интервал от 0,60 до 0,65. Вероятность ошибки первого рода не должна превышать 0,01.

Начиная с 1997 г., разработанные нами методы тестирования преподаются в спецпрактикуме курса «Оценка человеческих ресурсов» на факультете психологии МГУ. Большинство личностных тестов-опросников батареи НОРТ и некоторые тесты СПТ опубликованы в учебных пособиях (Ерофеев А.К., Клим В.И., 1991, с. 74–123; Практикум по психодиагностике, 1988). Основным недостатком метода является его трудоемкость и ориентация на взрослых людей, имеющих высшее образование и опыт работы.

В серии исследований нами была предпринята попытка адаптации описанного комплексного метода для оценки профессионально важных качеств учащихся высших учебных заведений, не имеющих опыт работы. Практически все участники проекта апробировали батарею НОРТ и пришли к выводу, что содержательная валидность тестов, включенных в батарею НОРТ позволяет применять их для составления стандартизованных самоописаний, начиная с возраста 14 лет. На основании собранной статистики были выделены вопросы, валидные как для оценки взрослых людей, имеющих опыт работы, так и для подростков.

Факторный анализ результатов опросов группы служащих (866 чел.) и группы учащихся вузов (253 чел.) позволяет утверждать, что при факторизации данных батареи НОРТ мы получаем одинаковые факторные структуры. Пять главных факторов на выборке служащих исчерпывают 86% дисперсии, а на выборке студентов вузов – 73% дисперсии. Факторы извлекались методом главных компонент с последующим VARIMAX вращением. Решение о количестве факторов принималось на основании метода Кайзера. Статистическая обработка производилась с помощью программы НОРТ (Ерофеев А.К., Клим В.И., 1991, с. 74–123). В итоге этих исследований был разработан краткий опросник LPQ (LASPI Personality Questionnaire), состоящий из 50 вопросов, объединенных в пять шкал, названия которых соответствуют пяти основным факторам батареи НОРТ.

В работе Нечаевой Р.Н., Скатовой А.А. показано, что школьники с высоким уровнем явной тревожности могут показывать высокие результаты в ситуационно-поведенческих тестах по таким критериям как «уровень решения» и «притязание на лидерство». В их исследованиях установлено, что частота наблюдения субдоминантных стратегий поведения в СПТ наблюдается намного чаще, чем в группах учащихся вузов и взрослых служащих (старше 23 лет). Если частота субдоминантных стратегий у студентов и служащих не превышает 7% и статистически значимо не различается, то у школьников наклонность вести себя в групповой дискуссии субдоминантно наблюдается примерно в 20% случаев.

Методы оценки мотивации достижений, уровня притязаний и доминантности были адаптированы в работах Метневой С.Б., Мишиной Ю. В., Соломахи И. А. Методика биографического интервью для студенческой выборки адаптирована Белохвостовой М.В. (не опубликовано). Существенный вклад в популяризацию методов СПТ и подготовку студентов факультета психологии МГУ внесли Ликурцева Е. А., Скатова А.А.

Таким образом, комплексные методы, разработанные нами для отбора наиболее перспективных работников, могут служить основой для оценки профессионально важных качеств старшеклассников и студентов высших учебных заведений. Данный вывод представляется нам актуальным в связи с внедрением компетентностного подхода в систему оценки успешности обучения в средних школах и в вузах.

Влияние ценностных ориентации сотрудников правоохранительных органов на карьерный рост

И.А. Корецкая (Москва)

Общее представление об управлении карьерой персонала в организации заключается в том, что персоналу необходимо создавать условия для должностного продвиже-

ния, учитывающего психологический тип личности. Для руководства представляется чрезвычайно важной психологическая оценка персонала для правильного выбора сотрудников, а также для их возможного карьерного продвижения. С проблемой правильного выбора сотрудника ежегодно сталкивается и руководство правоохранительных органов.

Нами было проведено исследование милиционеров патрульно-постовой службы одного из РУВД Воронежской области. Всего было протестировано 30 человек. Срок службы от нескольких месяцев до 3 лет.

Целью исследования было посмотреть, какими ценностными характеристиками обладают работники правоохранительных органов и возможность их влияния на их карьерный рост.

В качестве методик были выбраны самоактуализационный тест Л.Я. Гозмана (САТ) (Бодалев А.А., Столин В.В., 1987) и методика ценностных ориентаций Шварца (Кандашев В.Н., 2004).

САТ измеряет самоактуализацию по двум базовым и ряду дополнительных шкал. Базовыми являются шкалы Компетентности во времени и Поддержки. В отличие от базовых, измеряющих глобальные характеристики самоактуализации, дополнительные шкалы ориентированы на регистрацию отдельных ее аспектов (шкала ценностных ориентации, шкала гибкости поведения, шкала сензитивности к себе, шкала спонтанности, шкала самоуважения, шкала самопринятия, шкала представлений о природе человека, шкала синергии, шкала принятия агрессии, шкала контактности, шкала познавательных потребностей, шкала креативности).

Ш. Шварц (методика ценностных ориентаций Шварца) исходил из того, что наиболее существенный содержательный аспект, лежащий в основе различий между ценностями, — это тип мотивационных целей, которые они выражают. Поэтому он сгруппировал отдельные ценности в типы ценностей в соответствии с общностью их целей (власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиция, конформность, безопасность).

По результатам нашего исследования методикой САТ были получены следующие данные.

Наиболее высокий балл был получен по шкале поддержки, что свидетельствует, во-первых, о способности жить настоящим, т. е. переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, а не просто как фатальное следствие прошлого или подготовку к будущей «настоящей жизни»; во-вторых, ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, т. е. видеть свою жизнь целостной. Именно такое мироощущение, психологическое восприятие времени субъектом свидетельствует о высоком уровне самоактуализации личности. Самый низкий балл был получен по шкалам представления о природе человека и синергии, что говорит о сложности восприятия целостного мира, а также свидетельствует о склонности воспринимать природу человека в целом скорее как отрицательную, чем положительную («все люди врут»).

Согласно методике ценностных ориентаций Шварца нами были получены следующие результаты.

Мотивационная ценность для испытуемых — безопасность для других людей и себя, стабильность общества и взаимоотношений. Они стремятся защищать благополучие людей, а также демонстрировать качества терпимости и понимания.

Таким образом, испытуемые стремятся обеспечивать безопасность окружающего мира, так как считают, что тем самым они обеспечивает безопасность для себя, вместе с тем, их мировосприятие представляет собой дихотомичную модель, т. е. воспринимают мир лишь в черно-белых тонах. Эти установки можно соотнести с таким феноменом как «преданность организации». Как известно, преданность организации является одним из параметров характеризующей отношение работника к своей компании,

обозначая степень того, насколько люди отождествляют себя со своей организацией. Люди с высокой степенью преданности организации обычно с большим желанием делают то, что хорошо для компании, считают свои личные ценности компании своими личными ценностями. Для них работа в компании часть Я-концепции. «Я — милиционер» — с гордостью признают они. Преданность организации также выполняет защитную функцию, позволяя человеку через механизм идентификации усиливать свое слабое, уязвимое Эго. Тем самым карьерный рост становится для людей с высоким уровнем преданности организации своеобразным способом защиты своего Эго.

Коучинг карьерного роста в период финансового кризиса

Н.М. Манухина (Москва)

Коучинг — вид консультирования, ориентированного на помощь клиенту в постановке цели и в достижении им заранее запланированного результата. Анализируя свою практику индивидуального консультирования в форме life-коучинга, автор отмечает, что в течение последних трех лет отношение к карьерному росту постоянно меняется.

До середины 2008 г. большинство клиентов обращалось по вопросам правильной постановки цели, неуверенности в собственной компетентности и поиска ресурсов для профессионального роста в той сфере, которой они занимались в момент обращения к коучу. Наибольшим спросом в организациях пользовались работники, владеющие узким направлением необходимой деятельности с высоким уровнем компетенции. Такие *уникальные* работники ценились выше всего. Поэтому и запрос на коучинг носил характер развития способностей и повышения уровня компетенции в конкретной области, где клиент уже работал.

С конца 2008 г. до середины 2009 г. запрос стал носить двоякий характер. Те, кто имел работу, беспокоились о том, как удержаться на рабочем месте. Те, кто был уже уволен, хотели найти себе работу. Правда, была и третья категория: те, кто, используя кризис, менял свое место деятельности именно в целях карьерного роста. Если первые две группы клиентов часто, особенно вначале, нуждались в психологической поддержке, а некоторые даже в психотерапевтической работе с ними, то третья группа была ориентирована именно на получение коучинга.

В этот период компании и организации проводили массовые увольнения. Неопределенность ситуации в отношении завтрашнего дня парализовала у многих людей имевшееся ранее стремление к росту. Вопрос выживаемости «хотя бы там, где есть», стал превалировать в их жизни. Выявилось отсутствие гарантий занятости со стороны государства, что актуализировало потребность в безопасности и парализовало уверенность людей в завтрашнем дне.

Ключевыми вопросами в коучинге стали: «Где и в чем я еще могу быть полезен? Кому я тогда могу быть нужен? Чего я сам хочу и чего не хочу?»

Из всех обращающихся за консультацией по вопросам сохранения, поиска новой работы и, редко, профессионального роста, формировались две группы: просто ищущие работу и желающие изменить свою жизнь к лучшему в сфере своей профессиональной деятельности.

Первые в процессе коучинга выявляли свои дополнительные компетенции, ранее мало используемые и невостребованные. Они часто оказывались или готовы были стать специалистами достаточного *широкого* профиля, что очень устраивало организации, продолжавшие существовать при резко сократившемся штате работников.

Те же, кто искал продвижения в карьере, учились в коучинге «продавать себя» компаниям с более высоким статусом, чем та, где они работали раньше. Дело в том, что «выжившие» в первые два года кризиса компании снизили или приостановили рост оплаты своим работникам, а на место недовольных и уволившихся стали брать новых людей на те же или более низкие ставки.

С конца 2009 г. наметилась тенденция к преимущественной реструктуризации имеющих компаний, их слиянию и поглощению. Людям стало ясно, что рабочие места есть: если они уничтожаются в одном месте, то лишь для того, чтобы появиться в другом. Страх остаться без работы, в том числе у тех, кто ее не имеет в настоящий момент, стал значительно меньше. Больше обращений к коучу стало на выявление и развитие *новых* способностей, необходимых для удовлетворения требований работодателей, предлагающих *интересные* и *перспективные* для карьерного роста направления деятельности.

Анализ актуальных страхов карьерных преобразований в период экономического кризиса

С.Ю. Манухина (Москва)

В период экономического кризиса специфичность эмоциональных проявлений человека становится более выраженной. В ситуации тревоги и напряженного состояния думать отстраненно сложно и неудобно. Проще – верить общим идеям и соответствовать настроениям толпы. Опрос 60-ти руководителей крупных корпораций, имеющих в подчинении не менее 40 человек, показал, что в отношении кадрового вопроса, кризис всеми ими рассматривается как благо. Появилась возможность набрать специалистов высокого уровня за меньшие финансовые затраты. Всеми ими констатируется тот факт, что люди бояться остаться без работы и этим шансом нужно воспользоваться, пусть и в ущерб уже работающим людям. По разным оценкам ценными сотрудниками руководители считают от 20% до 60% штата. С остальными они готовы расстаться. Такое функциональное состояние, как страх, вызывает целый ряд эмоций человека. Чаще всего они отрицательно направлены и вызывают либо агрессивное поведение, либо боязливость и нежелание действовать. В ситуации кризиса страх оказывает самое непосредственное влияние на кадровые преобразования. Вот только его трактовка с позиции работника или работодателя значимо различна. Среди наиболее значимых страхов относительно собственной карьеры в ситуации экономического кризиса, можно выделить: 1) страх потери активов; 2) страх оказаться без работы; 3) страх новых преобразований.

Страх потери активов. Для *работодателя* активы – это то, что является основой для продолжения и развития бизнеса. Работники – это ресурсы, которые могут способствовать расширению этих активов и, как следствие, процветанию бизнеса. Работники не должны быть пассивом. И если они становятся таковым, то для сохранения активов их необходимо сокращать или они должны начать что-то привносить в бизнес. Для того, чтобы работник хотел и мог что-то привносить в общее дело фирмы, он должен сменить свою жизненную и профессиональную позицию. Он должен захотеть взять на себя ответственность за дела и судьбу фирмы. Фактически перейти на позицию работодателя, менеджера, партнера (что, кстати, не всегда устраивает работодателя). Такие чувства как обида, ненависть, неприязнь к начальству и к своему профессиональному делу просто не имеют права на существование. Их должны сменять эмоции радости от возможных новых преобразований, чувства самодостаточности и гордости за сделанное. Если в фирме страх потери активов является катализатором подобных преобразований в коллективе, то можно констатировать смены корпоративного духа компании – с индивидуально-исполнительского на командный. Кадровые преобразования здесь будут проходить по принципу «командного отбора» – «на плаву» остается только команда единомышленников. Пребывание остальных не имеет смысла. Руководитель занимает партнерскую позицию в отношении «своей команды». Активный внешний набор сотрудников проводится только в интересах создания команды. Чисто исполнительные задачи закрываются. Их открытие возможно только в посткризисный период, когда фирма выйдет на стадию «стагнации» своего развития. Однако, существует и принципиально другая позиция *работника-исполнителя*. Для многих из них

активы — это то, что «я зарабатываю лично для себя» (на хлеб, соль и насущный день) и лично сам в тех рамках, которые предоставляет работодатель. Потеря их — потеря жизнеобеспечения. Наблюдается прямая зависимость наличия активов от возможностей и желания работодателя. С позиции исполнителя, работодатель должен держать свое обещание и выплачивать зарплату в тех размерах, в которых было обещано (лучше больше, но не меньше). Из каких ресурсов происходят выплаты, для работника не имеет значения. Он не несет ответственности за происходящее с фирмой, его зона ответственности — круг его исполнительских задач. В период стагнации фирмы такие работники важны и ценны. В период кризиса для выхода из него необходимы креативные сотрудники, способные выйти за рамки прописной компетенции. Критическая ситуация, для которых, воспринимается как вызов и катализирует ощущения самодостаточности и самоэффективности. Работники же, которые оказываются подвластны чувствам обиды и досады на руководство, часто начинают совершать действия, оказывающие негативное влияние на их имидж, порой, перечеркивая все отношения, которые были наработаны за многие годы работы. Причем, в случае «бережного сохранения» этих чувств и эмоций при переходе на другое место работы, человек сам будет продуцировать ситуации, вновь и вновь вызывающие их.

Страх оказаться без работы. У работодателя он, чаще всего, проявляется как страх остаться без своего дела, без части жизни, которая была затрачена на его возведение. Лишиться работы — это лишиться своих идеи, своего бизнеса (если работодатель стоит во главе него), положения. Эта форма страха у работодателя граничит со страхом перехода в позицию подчиненного, со страхом стать рядовым работником. Что, по утверждению многих работодателей, для них уже было бы крайне сложным и неприятным преобразованием. Страх толкает на ужесточение своей авторитарной позиции. Любая критика воспринимается как упрек, вызывает гнев и досаду. Человек перестает прислушиваться к рекомендациям. Идет фокусировка только на себе, своих чувствах, эмоциях, негативных переживаниях, и решения принимаются исходя из собственного состояния. Подобное поведение приводит к минимизации контроля над своим эмоциональным состоянием и восприятия обратной связи от окружающего мира. Кроме того, находясь в постоянном напряжении, человек быстрее расходует ресурсы организма, тем самым, ставя перед собой опасность физического истощения и болезни. Поддерживая в себе страх «остаться без работы», человек фокусируется на этой мысли и сам продуцирует себе путь — как это наиболее эффективно и быстро сделать — даже не осознавая этого. Страх оказаться без работы у работника граничит со страхом не найти работу, со страхом ненужности, безысходности. Причем, чем старше люди, тем более выражено проявление этого страха. Возникает иллюзия, что кроме их постоянного места работы, больше они никому не нужны и труд их не будет востребован. Молодые люди более мобильны в своих взглядах и представлениях. Отсутствие опыта заменяться активностью, желанием познаний, достижений и заработка больших денег. В среднем и предпенсионном возрастах появляется потребность в постоянстве и устойчивости доходов и профессионального положения. Возникновения ощущения страха может вызвать состояния фрустрации и быть стопором для дальнейших действий. Даже когда работнику поступают одно за одним предложения о новой работе, им они рассматриваются как опасные и не предвещающее ничего хорошего. В момент фрустрации ему кажется, что лучше все оставить как есть и ничего не предпринимать. В результате, там, где нужно было бы проявить активность и энтузиазм, работник впадает в «состояние стопора» и теряет свой шанс остаться на работе или подняться по карьерной лестнице. Кроме того, в состоянии фрустрации работник легко может стать объектом для манипулирования. Осознание этого, в дальнейшем, может только усугубить эмоциональную дисгармонию личности и привести к ощущению карьерной и профессиональной несостоятельности.

Страх новых преобразований. Эта форма страха в той или иной проявлении существует практически у всех. Новые преобразования всегда несут в себе замену старого, привычного. Это неизбежное изменение структуры и принципов работы организации. Сама ситуация кризиса толкает на такие трансформации. Остаться в прежнем состоянии — значит быть не эффективным в изменяющейся среде, пойти на преобразования — значит пойти на риск потери всего или части созданного. Новые преобразования для руководителя это необходимое условие выживания на рынке. Другое дело в условиях экономического кризиса — экономические преобразования во многом непредсказуемы. И страх, в основном, вызывает ситуация неопределенности. У *работодателей* она граничит со страхом потерей активов. Самое страшное, что здесь может случиться — это состояние паники. Паника поглощает все. Руководитель «впавший» в подобное состояние либо становится чрезмерно активным, разрушая все созданное им ранее, меняя системы и принципы работы столь быстро, что работники не успевают к ним адаптироваться, либо отказывается от каких-либо действий, «закрывая глаза» на очевидные вещи. И в том и в другом случае, эффективность производительности резко падает. Персонал так же находится в состоянии неопределенности и начинает выстраивать свою картину происходящего, в свою очередь же продуцируя панику. Если в организации не возникает спонтанный лидер, то организация может и не пережить очередной кризис. У *работников* страх новых преобразований граничит со страхом некомпетентности и потери нажитого (*страхом потери работы*): «Подойду ли я под новые стандарты? Какие вложения должен осуществлять для того, чтобы быть эффективным в новой ситуации?». Особенно это выражено у людей после 45 лет, тогда, когда существует уже определенный статус и положение в профессиональном сообществе. У работников новые изменения, чаще всего, вызывают противоречивые чувства. Если они связаны с улучшением их финансового благополучия без особых телодвижений с их стороны, то подобные изменения всячески одобряются и приветствуются. Повышается статус и значимость работника в собственных глазах. Мало кто задается вопросом: в счет чего происходят эти изменения? Если же от работника требуется дополнительная затрата его трудовых ресурсов, то, чаще всего, это вызывает недоумение и обиду на руководство, а также страх потери статуса квалифицированного сотрудника. Работник, не готовый к преобразованиям в ситуации кризиса, рискует остаться без работы. Работодателю стоит обратить на них особое внимание, поскольку создание эффективных новообразований с таким человеком, вряд ли возможны. В то же время сам работодатель должен быть готов к изменениям и трансформации.

В период кризиса требуются работники с креативным мышлением, направленным на поиск новых, нетривиальных путей развития бизнеса. А также работодатели, готовые принять такие позиции.

Акмеологический тренинг достижения карьерного успеха

Е.А. Могилевкин, А.С. Новгородов (Владивосток)

Собственный опыт проведения тренинговых программ по наработке навыков управления карьерой: карьерного целеполагания, карьерного планирования, определения личностных ресурсов карьерного роста, а также изучение опыта коллег, работающих в этой же сфере, показали, что основные усилия специалистов по психологии карьеры сосредоточены на развитии конкретных карьерных компетенций без серьезного осмысления глубинных личностных конструкций — системы ценностей, смыслов, личной миссии. Зачастую подобные тренинги способствуют формированию, в том числе, и карьеристских установок, когда человек готов добиваться карьерных целей любой ценой, идя «по головам коллег» и поступаясь моральными принципами, в ущерб другим ценностям — дружеским отношениям, семье, саморазвитию и т. д. Карьерная тематика имеет особое значение, поскольку профессиональное самоопределение, развитие

и достижение профессионального мастерства занимает достаточно длительный период в жизни любого человека (от обучения в старших классах школы до достижения уровня мастера своего дела). Вместе с тем, именно в контексте профессионального развития и карьерного продвижения у человека есть возможность реализовать свой личностный потенциал. При этом личностная самореализация возможна, по нашему мнению, не только в рамках профессиональной деятельности, но и в условиях гармоничного сочетания профессиональной карьеры, общественной деятельности, творческого самовыражения, семейного благополучия и т. д.

Несмотря на очевидность подобного подхода, реализовать его на практике, а значит добиться *Успеха (той самой полноценной личностной самореализации на основе уникальной системы индивидуальных ценностей и смыслов)*, преодолев уровень только идеи или мечты, зачастую не удается. И связано это, на наш взгляд, с одной стороны с отсутствием четкого понимания собственной системы ценностей и смыслов и их взаимосвязи с карьерой, а с другой — незнанием стратегий достижения успеха и недостаточным уровнем развития необходимых компетенций.

Разработанная нами программа достижения успеха через осознание личной миссии, выстраивание системы ценностей, определение личностных ресурсов и развитие необходимых компетенций предназначена для разрешения противоречий между карьерным ростом и личностным саморазвитием и самореализацией. Общий замысел и главная идея программы заключаются в принципиальной возможности освоения участниками современных психологических технологий достижения успеха: личностного, профессионального, карьерного, жизненного в целом. Участники программы разрабатывают и пошагово детализируют алгоритм достижения успеха — от формулировки миссии, смыслов и ценностей до определения целей, планов и сроков реализации конкретных действий, направленных на успешное самоосуществление. Человек рассматривается как непосредственный творец — субъект карьеры и профессиональной деятельности, разворачивающийся как проект, проецирующий себя в перспективное будущее и способный достичь «акме» — пика, расцвета, полного раскрытия собственного делового и личностного потенциала.

Ключевой целью программы является обеспечение для каждого участника возможности создать внутренне непротиворечивую, логически выстроенную акмеологическую технологию достижения успеха. Особенностью данной программы является последовательная проработка участниками основных ее идей на четырех уровнях: поведенческом, эмоциональном, рациональном, аксиологическом. Отличительной особенностью и преимуществом рассматриваемой программы является ее комплексность и системный характер. Если отдельные тренинги работают в рамках, как правило, одного уровня: бихевиорального (NLP-тренинги), рационального (когнитивные тренинги), эмоционального (клиент-центрированные программы гуманистических тренингов), то авторская программа охватывает все эти уровни и дополнительный интегрирующий уровень — аксиологический.

На *поведенческом* уровне участники программы осваивают технологию Time-management, отработывают навыки командной работы (Team-building), развивают коммуникативную компетентность, а именно презентационные и коммуникативные навыки, умение вести успешные переговоры, а также формируют социальную самооэффективность, т. е. уверенность человека в его способности решать поставленные через эффективное деловое и личностное общение.

В ходе упражнений и заданий на этом уровне происходит отработка различных психологических техник эффективного использования личных и групповых ресурсов для достижения значимых целей:

- управление временным ресурсом (формирование умения четко планировать и распределять задачи в соответствии с намеченными приоритетами);

- управление командным ресурсом (определение собственных ролей в команде, диагностика и максимально эффективное применение ролевых позиций в группе у других участников команды, наработка навыков делегирования и ответственного поведения);
- управление личным коммуникативным ресурсом (развитие переговорных навыков, отработка навыков самопрезентации, расширение коммуникативного репертуара, позволяющего эффективно выстраивать общение с людьми, имеющими другую, отличающуюся от вашей, точку зрения и взгляд на ситуацию);
- управление собственной эффективностью (развитие самооэффективности – уверенности в способности достигать поставленных целей и добиваться успеха в избранном направлении и сфере деятельности).

На втором – *эмоциональном* уровне происходит анализ и отработка отдельных NLP-техник, связанных с эмоциональным проживанием успеха. В их число входят уже апробированные техники позитивного «якорения», техника «тройные кавычки», технология создания социального мифа (противостояние манипулированию), шестишаговый рефрейминг. Также на этом уровне отрабатываются вербальные и невербальные техники проживания успеха и организуется просмотр и анализ фрагментов документальных и художественных фильмов, иллюстрирующих отдельные стратегии и способы достижения успеха.

На этом уровне нарабатываются и закрепляются техники позитивной эмоциональной самоподдержки, особое внимание при этом уделяется невербальным техникам («кинетическое якорение», «визуализация», «нахождение ресурсных мест» и т. д.).

Также формируются навыки распознавания манипулятивного поведения у себя (достижение позиции «актуализатор» вместо «манипулятор») и у других, отрабатываются способы противостояния манипуляциям и техники цивилизованного влияния. Значительное эмоциональное воздействие, помогающее глубокому осознанию и максимально экологичному усвоению моделей успешного поведения, оказывает просмотр и последующий анализ специально подобранных фрагментов художественных и документальных фильмов, раскрывающих пути к успеху. Детальный разбор просмотренного материала в контексте концепции программы помогает также существенно расширить представление участников о возможных вариантах, тактиках и стратегиях достижения жизненного успеха.

На третьем – *рациональном* – уровне участники активно осваивают достаточно популярные технологии рационального решения задач, взятые из практики менеджмента: SWOT-анализ поля успеха, SMART-анализ целей, ТРИЗ (генерирование креативных, оригинальных и нестандартных решений).

В ходе выполнения заданий этого уровня участники осваивают современные интеллектуальные технологии системного анализа, апробированные и хорошо зарекомендовавшие себя в менеджменте и бизнесе:

- технологию целеполагания (SMART-анализ: четкость в постановке цели, ее специфичность, измеримость, достижимость, реалистичность, определенность во времени);
- технологию анализа собственного поля успеха (SWOT-анализ – анализ сильных и слабых сторон, угроз и возможностей);
- технологию генерирования креативных решений и их анализа, основанную на подходах ТРИЗ (теория решения изобретательских задач), методе мозгового штурма (Brain storming) и методе «Шести шляп» (автор – Э. Боно);
- технологию оценки ключевых компетенций успеха, применяемую в Ассессмент-центре – современной, достоверной и надежной (85–90% точности диагностики и прогноза) программе деловой оценки персонала.

Освоение данных технологий позволяет четко простроить собственные цели, наметить реалистичные сроки их достижения, выявить «узкие» места, ограничения и пре-

пятствия, а также позволяет трансформировать слабые стороны в сильные, а потенциальные угрозы в возможности.

Заключительный четвертый уровень — *аксиологический* (ценностно-смысловой) является интегрирующим и включает техники определения индивидуальной иерархии ценностных ориентаций, определение ведущих элементов модели успеха, отработка алгоритма создания личностной карты и маршрута успешности. Формулировка личной миссии.

На этом уровне осуществляется своего рода «точка» сборки всей программы:

- интегрируются полученные участниками знания и умения (компетенции);
- определяется иерархия личных ценностей и формулируется индивидуальная миссия;
- создается подробная карта успеха, на которой обозначаются направления, маршруты и время достижения главных и соподчиненных, краткосрочных и долгосрочных целей;
- выявляются ключевые личностные ресурсы для достижения успеха;
- оценивается собственный потенциал роста и намечаются пути наращивания необходимых компетенций успеха (индивидуальная программа развития).

В авторской концепции программы аксиологическому уровню уделяется особое внимание, так как в рамках данного уровня реализуются ключевые авторские технологические наработки.

Любовь к профессии как психологическая основа успешной карьеры

Ю.Н. Фролова (Екатеринбург)

Оценка человеком успешности своей карьеры субъективна. Однако существует устойчивое представление о взаимосвязи успешности профессиональной карьеры личности с ее любовью к данной профессии. Поэтому задачей настоящей работы явилось выяснение сущности, структуры и возможностей развития феномена любви к профессии.

Люди говорят о любви (*к кому-либо, чему-либо*) в связи с естественным стремлением личности, взаимодействующей с объектом любви, к удовлетворению всех потребностей этой личности, связанных с данным объектом (см., например, (Гозман Б.Г., 1996)). В соответствии с этим общепринятым суждением, в рамках подхода к введению определений понятий (Фролов А.А., Фролова Ю.Н., 2007, с. 113–130), можно предложить следующее определение понятия «любовь» применительно к рассматриваемой тематике: *любовью называется эмоциональное состояние субъекта, обусловленное его представлением о принципиальной возможности удовлетворения всех его потребностей, связанных с объектом.*

Так, возникновение любви к профессии (профессиональной деятельности) возможно в том случае, если имеет место ожидание удовлетворения с помощью профессии (посредством ее) если не всех, то приоритетных, жизненно важных потребностей личности — материальных, эмоциональных, физиологических, исследовательских, эстетических, коммуникативных и других. В таком случае из предложенного определения любви следует, что ее мерой является число потребностей, удовлетворение которых происходит или ожидается в результате профессиональной деятельности. Таким образом, конкретной социально-психологической задачей является процесс формирования и развития любви человека к профессии и (или) к корпорации, в пределах которой он реализует свою профессиональную деятельность. Естественно, общее решение такой задачи может быть транспонировано и на любые другие сферы деятельности личности.

Для решения поставленной задачи необходимо понимать закон развития во времени рассматриваемого эмоционального состояния личности или установить этот закон, если он неизвестен. Закон представляет собой формализованное модельное представление необходимой, существенной, устойчивой и воспроизводимой причинно-след-

ственной связи между явлениями (Непрерывное образование: региональный аспект, 2006). Это позволяет установить закон развития во времени любви как явления. При установлении рассматриваемого закона необходимо ввести определенные модельные представления, важнейшим из которых является нерасторжимость связи субъекта с объектом. В большинстве случаев это действительно так: трудно сменить профессию (в строгом смысле этого слова), привычное и нравящееся место работы, устоявшийся коллектив (в том числе семью).

Практика социального взаимодействия показывает, что, при отсутствии нарушенных декларированных норм, в представлении субъекта существует некоторый «уровень аттракции». Он соответствует «просто позитивному отношению» и выражается в числе потребностей субъекта, которые в принципе могут быть удовлетворены, например, в рамках нормативных корпоративных отношений или просто при добросовестном исполнении субъектом своих профессиональных обязанностей.

С течением времени у субъекта может возникнуть представление о возможности удовлетворения дополнительных на фоне уровня аттракции потребностей. В отсутствие у субъекта выраженной структуры продуктивного мышления единственно доступной формой порождения представлений является продуцирование произвольных допущений. Эти допущения чаще всего основаны на личном и общественном опыте и, следовательно, носят прецедентный характер, что уже делает их неадекватными и конкретным ситуациям. Типичным следствием допущений такого рода является, например, представление абитуриента или студента о престижности и доходности конкретной профессии вне зависимости от уровня овладения ею.

Продуцирование произвольных допущений носит эвристический характер. Сталкиваясь с какой-либо новой для него гранью профессии, субъект перебирает субъективные оценки этой грани до тех пор, пока не остановится на определенном решении (отраженном в выбранной точке зрения на объект). Математический аппарат, предложенный в работе (6), позволяет предположить в таком случае резкий (экспоненциальный) рост числа потребностей субъекта, которые могут быть, в его представлении, удовлетворены объектом любви (в рассматриваемом случае — профессией).

Единожды запущенный, механизм продуцирования произвольных допущений будет действовать до тех пор, пока эти допущения не начнут приходить в противоречие с реальностью. Такой подход, по определению, является *сложным*, тогда как *простым* (согласно Оккаму) называется суждение, основанное на минимуме произвольных допущений. Чем более многочисленны и произвольны допущения, тем скорее они начнут приходить в противоречие с реальностью. Возникающие противоречия запускают процесс разочарования, выражающийся в резком падении во времени (в представлении субъекта) числа потребностей (вплоть до значений ниже уровня аттракции), которые в принципе могут быть удовлетворены объектом. Математическое описание такого спада (по аналогии с (Фролов А.А., Фролова Ю.Н., 2008, с. 96–104)) указывает на его экспоненциальный, т. е. «обвальный», характер. Субъект непрерывно убеждается (опять же на уровне представлений) в несбыточности все большего числа надежд, которые *он* связывал с объектом. По достижении в ходе «обвала» уровня аттракции у субъекта возникает представление об «обмане доверия», он ощущает себя обманутым, преданным и покинутым. Это приводит в представлении субъекта к падению числа возможно удовлетворяемых объектом потребностей ниже уровня аттракции. Отсюда — возможны безразличие или даже враждебность по отношению к объекту прежней любви (в частности, к профессии), вплоть до достижения предельно отрицательного эмоционального отношения к этому объекту.

Однако здесь начинает сказываться сделанное выше изначально допущение о неразрывности связи субъекта любви с ее объектом. Они вынуждены взаимодействовать, и потому переходят к конвенционной фазе этого взаимодействия, договариваясь по поводу ключевых позиций и совместной деятельности. Применительно к субъекту про-

фессиональной деятельности это означает более взвешенный подход к оценке возможностей, предоставляемых этой деятельностью, более серьезное и последовательное изучение таких возможностей, следовательно — к обнаружению и признанию ранее упущенных достоинств рассматриваемой деятельности. Это приводит к росту числа потребностей, удовлетворение которых объектом предполагается, как минимум до уровня аттракции. Обычно же, в силу имевших место надежд и опыта позитивного рассмотрения, это число возрастает выше уровня аттракции. В принципе дальнейший рост числа рассматриваемых потребностей ограничивается лишь представлениями субъекта о возможности удовлетворения приоритетных его потребностей. При этом наступает эмоциональное состояние, определяемое ощущением равновесия и гармонии во взаимоотношениях субъекта и объекта любви. Это и есть состояние всестороннего успеха в данной сфере жизни, с необходимостью порождающее осознание личностью своей успешности. В частности, именно так, через осознанное целеполагание и его реализацию, достигается успешность личности в профессиональной и корпоративной сферах (Управление профессиональной карьерой, 2007).

В предположении, что, несмотря на профессиональные неудачи, человек не намерен расставаться с выбранной профессией, можно сформулировать закон: *При условии нерасторжимости связи между субъектом и объектом любви развитие любви во времени характеризуется наличием трех фаз: взлета (очарования), спада (разочарования) и конвенции (стремления к успешности).*

В рамках нашей работы следствие из закона (Непрерывное образование: региональный аспект, 2006) выглядит так: *при условии нерасторжимости связи между субъектом и объектом любви, а также при наличии рационального контроля развития любви во времени, наиболее высокий уровень любви может соответствовать фазе стремления к успешности.*

В соответствии с этим рациональный контроль развития рассматриваемого эмоционального состояния может приводить к формированию личностью представлений об успешной самореализации и счастье, как эмоциональном состоянии, обусловленном соответствием при достижении цели наличного необходимому (Ильин Е. П., 2000).

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА И ЭРГНОМИКИ»

Удовлетворенность трудом медицинских работников хосписа

М.М. Абдуллаева, О.С. Киеня (Москва)

Интерес к деятельности медицинских работников обусловлен их важной социальной ролью, связанной с борьбой за спасение жизни и сохранением здоровья людей. Общество заинтересовано в том, чтобы медики выполняли свои обязанности максимально эффективно при сохранении их психологического здоровья, так как высокая ответственность, психоэмоциональная напряженность, большая цена ошибки, характерные для их труда, являются факторами повышенного риска развития неблагоприятных функциональных состояний, как следствие, профессиональных деформаций, различных психосоматических и нервно-психических расстройств. Среди медиков различной специализации особое место занимают сотрудники учреждений, которые работают с определенными группами пациентов (люди старческого возраста, хронически или смертельно больные, лица с психическими нарушениями, страдающие тяжелыми неврологическими расстройствами, инкурабельные больные СПИДом). (Инкурабельность – состояние больного, при котором общие расстройства или особенности местного патологического процесса исключают возможность спасения жизни либо полного восстановления здоровья.) К числу таких специалистов относятся работники хосписов – организаций, которые оказывают помощь больным, находящимся на неизлечимой стадии заболевания, нуждающимся в особой паллиативной помощи. (Паллиативная помощь – медицинская помощь, шадящего характера, активная комплексная забота о пациенте, обеспечиваемая группой специалистов на том этапе, когда болезнь уже не поддается лечению (терминальная стадия – конечная стадия жизни, переходное состояние между жизнью и биологической смертью).) На сегодняшний день в нашей стране основной контингент пациентов хосписов составляют онкологические больные с IV клинической стадией заболевания.

Отличие хосписа от других медицинских учреждений заключается в комплексном характере оказания помощи больным, включающей медицинскую, социальную, психологическую, духовную, юридическую поддержку (Гнездилов, 2004; Хосписы, 2002). Это обусловлено, прежде всего, основным назначением хосписа и общей целью профессиональной деятельности всех его работников – обеспечение необходимого качества жизни для больных, их семей и достойного ухода пациента. Несмотря на конкретную формулировку цели, следует отметить большую степень ее неопределенности, прежде всего, в отношении понимания термина «качество жизни», а также возможностей оценки достигнутых результатов труда медиков. В отличие от врачей и медсестер, работающих в обычных лечебно-профилактических учреждениях, которые ожидают выздоровления пациентов и активно способствуют ему, сотрудники хосписов такой возможности практически не имеют. Неизбежный результат их деятельности – смерть больного, в переживании которой вместе с родственниками включены и сотрудники, не зависит от количества приложенных усилий.

Актуальность изучения профессиональной деятельности медицинских работников хосписов заключается не только в необходимости разработки обоснованных программ психологической поддержки их труда, но и определения критериев оценки и отбора персонала в подобного рода учреждения. Конструктом, который, на наш взгляд, позволил бы подойти к решению этих задач является «удовлетворенность трудом», формирующаяся в результате взаимодействия целого комплекса внешних (организационных, ситуативных) и «внутренних» субъективных факторов, оказывающих влияние на отношение персонала к своей деятельности в сложных и необычных условиях, позволяющая не только продолжать работу в хосписе, но и сохранять высокий уровень мотивации и эффективности деятельности.

Целью нашей работы стало изучение степени удовлетворенности своим трудом медицинского персонала хосписов и выявление факторов, влияющих на ее формирование. Осуществленный нами предварительный анализ деятельности медицинского персонала хосписа не позволяет связать их общую удовлетворенность трудом с традиционно выделяемыми факторами, такими, как социальный статус работы, результаты труда, комфортные условия работы и др. (использовались результаты включенного наблюдения одного из авторов статьи — О.С. Киеня, работавшей в качестве волонтера в Первом Московском хосписе). В связи с этим мы предположили, что:

- 1) общая удовлетворенность трудом будет связана с особенностями организационной среды, выражающейся в специфических отношениях в коллективе, стиле руководства, особой ориентации на работу и перспективы профессионального роста и развития;
- 2) работники хосписа как представители социономической профессии будут обладать специфическими особенностями, отражающимися в сочетании личностных характеристик и отдельных составляющих общей удовлетворенности трудом.

В исследовании приняло участие 23 работника одного хосписа с разным уровнем образования (от среднего специального до двух и более высших образований). Средний возраст выборки составил 33 года (от 20 до 60 лет). Средний стаж работы по выборке составил 12 лет, а средний стаж работы в хосписе — 6 лет. В выборку вошли представители двух подразделений — стационара (15 человек) и выездной службы (8 человек).

В соответствии с гипотезами нашего исследования каждому респонденту предлагалось заполнить комплект из 6 методик, направленных на диагностику интегральной и частной удовлетворенности, профессионального выгорания, личностных особенностей, мотивационной структуры личности и субъективно важных характеристик деятельности (Батаршев, 2005; Водопьянова, Старченкова, 2008; Практикум..., 2003). Обработка полученных данных проводилась с помощью стандартного пакета программ SPSS for Windows, версия 13.0. в соответствии с целью и гипотезами исследования. Полученные нами результаты теоретического анализа литературных данных и проведенного эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Общий недостаток существующих теорий удовлетворенности трудом — объяснительная способность лишь в отношении отдельных аспектов работы. Одним из неожиданных результатов нашей работы стало отсутствие корреляций (сигма примерно равна 0,379) между показателями двух опросников, предназначенных для оценки общей удовлетворенности работой, что связано, возможно, с акцентом на разных аспектах профессионального опыта.

2. Измерение уровня удовлетворенности трудом показало, что сотрудники хосписа дают положительную оценку своей трудовой деятельности и в целом ею удовлетворены. Наибольшее влияние на интегральную удовлетворенность и отношение к отдельным аспектам работы сотрудников хосписа оказывают их индивидуальные характеристики (пол, возраст, опыт работы), а не содержание профессиональной деятельности, условия и график работы, интенсивность труда. Корреляционный анализ полученных показателей показал, что степень удовлетворенности своей деятельностью обуславливается целым рядом организационных факторов, в частности, стилем руководства начальника и его компетентностью ($p \leq 0,01$), возможностью получать обратную связь о результатах своей деятельности (что очень важно именно для работников хосписа), взаимоотношениями внутри коллектива, перспективами карьерного роста и др.

3. В полученном портрете сотрудника хосписа можно выделить два блока типичных черт, характеризующих: а) активную деятельную направленность респондентов; б) просоциальную, экстравертированную позицию в межличностных отношениях. Подтверждение предположения о том, что удовлетворенность трудом сотрудников специального медицинского учреждения формируется в результате взаимодействия личностных особенностей респондентов и организационной среды, позволило разделить

по методу Quick Cluster Analysis всю выборку на две группы респондентов – «активных, деятельных» и «пассивных, исполнительных». Первые характеризуются ориентацией на профессиональную и должностную карьеру, обеспечение материального благополучия, самореализацию. Типичными чертами субъектов с подобной ориентацией в трудовой деятельности являются высокий уровень притязаний, решительность, уверенность в себе, энергичность, открытость, отзывчивость, общительность и отчасти негативное отношение к начальству, выражающееся в неудовлетворенности стилем руководства, компетентностью руководителя, взаимоотношениями с начальством. Второй «пассивной» группе свойственны инертность, зависимость, слабость, некоторая замкнутость и закрытость, а также меньший уровень притязаний в трудовой деятельности. Сотрудники, относящиеся к данной группе, в большей степени удовлетворены своим руководством и ориентированы на исполнительский труд, не склонны искать дополнительные возможности для реализации своих способностей.

Выявленные различия между двумя группами, связанные с ведущими типами мотивационной направленности, характерными для выборки в целом, – направленности на комфорт и творческую реализацию, и с их устойчивостью к возникновению профессионального выгорания, позволяют повысить психологическую компетентность руководителей хосписов, осуществлять поддержку его персонала с учетом психологических особенностей каждого работника. Таким образом, развитие системы психологической помощи сотрудникам специализированных медицинских учреждений видится во внедрении индивидуальных форм работы с учетом специфики «составляющих» удовлетворенности трудом и постоянного мониторинга функционального состояния персонала.

Профессиональные конструкты как динамичные формы функционирования опыта человека при интерпретации и прогнозировании профессионально-значимых событий

Б.И. Беспалов (Москва)

(Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-06-00848а.)

Термин «конструкт» в психологии имеет несколько взаимосвязанных значений. Довольно часто конструкты отождествляются с концептами, т. е. с житейскими или научными понятиями, предназначенными для объяснения поведения или формулирования «психологических законов». Например, такие теоретические концепты, или «элементы объяснительной психологической конструкции», как психологические «позиции», «силы», «поля» и пр. в концепции К. Левина представляют собой «научные конструкты, которые позволяют дать адекватное представление психологических констелляций таким образом, чтобы можно было логически вывести поведение индивида» (Левин К., 2000, с. 83).

В концепции Дж. Келли (2000) термин «конструкт» имеет другие значения. В первом значении под «конструктами» понимается «сеть путей или каналов», по которым «протекают» процессы конкретного человека, воспринимающего, истолковывающего и предвосхищающего различные события, попадающие в «диапазон пригодности» этого конструкта. «Эта сеть является гибкой и часто видоизменяется, но она обладает структурой и потому облегчает действия человека, хотя и ограничивает, по понятным причинам, их диапазон». Исходное положение концепции Дж. Келли состоит в том, что «процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события..... Эти каналы создаются как средства для достижения целей». В этом значении термина «конструкт» выражен его процессуально-динамический аспект.

Во втором значении термина «конструкт» Дж. Келли раскрывает его логический аспект: «конструкт отчасти имеет смысловую параллель с обычным употреблением тер-

мина “концепт”... конструкт представляет собой абстракцию, – и в этом отношении он имеет сходство с традиционным употреблением термина “концепт”. Однако, по Дж. Келли, между конструктом и концептом есть два существенных отличия. Во-первых, конструкты шире концептов, поскольку соответствуют также и «традиционным “перцептам”». Во-вторых, в своей основе каждый конструкт дихотомичен, т. е. имеет два противоположных полюса.

Например, такой конструкт (признак объекта), как «пол», имеет два полюса: мужчина – женщина. Каждому полюсу этого конструкта в сознании конкретного человека соответствует определенный набор «элементов». Элементы одного полюса сходны по данному конструкту (например, мужчины) и отличны по этому же конструкту-признаку (по полу) от элементов другого полюса (от женщин).

Из такого понимания конструктов вытекает следующая методика их диагностики. Из набора интересующих исследователя объектов (ими могут быть социальные роли обследуемого, близкие ему люди и пр.) берутся два объекта и предлагается установить между ними одно или несколько отношений сходства по тем признакам (конструктам), которые выбирает и называет сам обследуемый. После этого для каждого из названного испытуемым признака (по которому сходны два первоначальных объекта) он должен выбрать из набора один или несколько новых объектов, которые по этому же признаку отличаются от двух исходных. Тем самым выявляются объекты («элементы»), или предметное содержание второго полюса данного конструкта. Различные модификации этой методики («метод триад» и пр.) и разнообразные способы обработки полученных данных позволяют оценивать в основном логические и психологические характеристики системы личных конструктов – их иерархию, соподчиненность, когнитивную сложность и др. Однако процессуально-динамический аспект конструктов, выраженный в первом значении этого термина, с помощью этой методики «не улавливается».

Более валидный метод диагностики личных конструктов человека должен оценивать не только их логико-психологическую сторону, связанную с категоризацией или интерпретацией событий, но также их процессуально-динамическую сторону, связанную с прогнозированием момента наступления события, его желательного или нежелательного изменения во времени и пр. Для разработки такого метода необходимо иметь достаточно общую модель психологических конструктов, в которой их динамические и логические аспекты находились бы в отношении единства. Такая модель в настоящее время разрабатывается в рамках деятельностной психологии человека. В этой модели личные конструкты человека с самого начала рассматриваются как протекающие «здесь и сейчас» процессы активного взаимодействия знаковых или орудийных средств активности субъекта с текущими и изменяющимися состояниями воспринимаемых и прогнозируемых (ожидаемых) предметов и событий.

В деятельностной модели функционирования психологических конструктов процесс взаимодействия знаковых средств восприятия с изменяющимся предметом описывается двумя операторами. Один из них – *оператор психологической активности субъекта*, моделирует ту самую «сеть путей и каналов», по которым согласно Дж. Келли протекают процессы восприятия и антиципирования событий. Другой – *оператор длительности процесса*, переводит психологическое состояние изменяющегося объекта в момент времени t_0 в его возможное психологическое состояние в момент t_1 . Конкретный математический вид этих операторов устанавливается на основе обобщения нейросетевой модели познавательных процессов Е.Н. Соколова, путем введения в нее временного параметра и перехода в область комплексных чисел.

Среди личных конструктов человека особую роль играют его *профессиональные конструкты*, с помощью которых человек не только выделяет и интерпретирует профессионально значимые события, но прогнозирует их временные характеристики. Например, если желтый сигнал светофора мигает после выключения зеленого, то водитель прогно-

зирует, что *через время t* будет включен красный сигнал (здесь работает первый профессиональный конструкт). С учетом расстояния до светофора и скорости своего автомобиля он прогнозирует также возможность того, успеет или не успеет пересечь перекресток до *момента включения* красного сигнала (второй конструкт). В зависимости от состояния дорожного движения прогнозируется также степень риска или безопасности пересечения перекрестка *во время горения* желтого сигнала светофора (третий конструкт).

Системы профессиональных конструктов формируются у человека в процессе его обучения и работы при антиципировании профессионально значимых событий и практической проверки этих предвосхищений. В качестве прогнозируемых событий могут выступать не только всевозможные изменения управляемых или преобразуемых человеком предметов труда, но также возможные причины или последствия таких изменений. Возможные изменения продуктов труда с помощью профессиональных конструктов не только прогнозируются человеком, но также интерпретируются или истолковываются им как желательные или нежелательные, опасные или неопасные и пр. В связи с этим профессиональные конструкты человека имеют два взаимосвязанных аспекта – операционально-динамический и личностно-смысловой, которые более детально описаны в работе (Беспалов Б.И., 2009, с. 23–27).

Особенности адаптации педагогов в профессиональной среде

Т.И. Волкова (Воронеж)

В настоящее время проблемы адаптации человека к постоянно изменяющимся условиям окружающей среды, в том числе среды социальной, приобретают все большее научное значение. Одной из важнейших проблем является проблема адаптации педагогов к условиям профессиональной среды. В современной психологии труда изменилось понимание сущности адаптации человека к профессиональной деятельности. Если первоначально в системе «субъект – объект труда» ставились задачи подбора стандартных или «идеальных» исполнителей (Ф.У. Тейлор и др.), то постепенно в решение задачи адаптации учитываются новые условия: индивидуальные особенности работника, организация труда, физические условия труда, межличностные взаимодействия, корпоративная культура, профессиональная карьера, профессиональное самоопределение человека как субъекта труда. В круг задач психологии труда все чаще вводят понятия личности и индивидуальности (Толочек В.А., 2008). Исследования отечественных психологов охватывают широкий круг факторов, влияющих на процесс производственной адаптации. Поскольку этот процесс представляет собой взаимодействие работника и окружающей его среды предприятия выделяют личностные и внешние факторы (Бодров В.А., 1991).

Для понимания роли личностных факторов в ходе адаптации к профессии большое значение имеют исследования Е.А. Климова, посвященные формированию и проявлению индивидуального стиля деятельности в условиях производственного труда. Говоря о своеобразных путях адаптации личности к работе, Е.А. Климов отмечает различия в характере протекания процесса адаптации в зависимости от индивидуально-типологических свойств нервной системы. Отмечается наличие разных по способам, но равноценных по конечному эффекту вариантов приспособления личности к условиям профессиональной деятельности. В итоге делается вывод о возможности успешной адаптации личности к большинству профессий за счет выработки индивидуального оптимального стиля работы (Климов Е.А., 2005).

Накопленные к настоящему времени социально-психологические знания позволяют заключить, что степень адаптированности личности к рабочей среде в конечном итоге есть результат того, насколько данная среда со всеми ее условиями и предоставляемыми для работников возможностями соответствует их ожиданиям. При этом име-

ются ввиду не только ожидания, так сказать, сегодняшнего дня, но и те, которые связаны с планами на будущее. В каждом конкретном случае ожидания специалиста детерминированы его склонностями, системой мотивов, эмоциональной сферой, уровнем притязаний и другими характеристиками личности. Если рассматривать проблему производственной адаптации на уровне отдельно взятой личности, то следует обязательно учитывать ее индивидуальную неповторимость. При этом подходе критерии адаптации необходимо соотносить с индивидуально-психологическими особенностями данной личности (Бодров В.А., 1991).

Рассматривая этапы включения работника в профессиональную среду, отечественные исследователи выделяют адаптацию первичную и вторичную. Первичная адаптация охватывает период первоначального включения личности в деятельность производственного коллектива, а вторичная — все последующие изменения работы или профессии, вызванные не только переходом человека на новое место работы, в другой коллектив, но также техническими, технологическими и организационными нововведениями в данном коллективе.

Адаптация работника в производственном коллективе имеет две стороны: 1) приобретение профессиональных знаний и умений, овладение соответствующими трудовыми операциями и приспособление к условиям труда; 2) включение в данный производственный коллектив в качестве полноправного его члена на основе интернализации как официальных, так и неофициальных социальных ролей. Сюда относится также и активизация участия нового работника в общественной жизни производственного коллектива. Особое место отечественные исследователи отводят проблеме критериев профессиональной адаптации. Если обобщить имеющиеся общие критерии, то можно выделить следующие основные: 1) продуктивность профессиональной деятельности; 2) высокая общественно-политическая активность; 3) удовлетворенность своей работой в целом и специализацией (Климов Е.А., 2005).

В настоящий момент термин «человеческий фактор» требует повышенного внимания, в первую очередь, к специалистам, работающим в особых условиях деятельности, в частности, педагогической. Одной из основных проблем является определение и развитие у специалистов способности к успешной адаптации. Таким образом, можно сказать о том, что для каждой личности должны применяться индивидуализированные критерии профессиональной адаптации. Адаптированность человека на работе как психологическая включенность в трудовую деятельность способствует социальному развитию личности и является условием реализации ее потенциала. Одним из важнейших факторов успешности педагогической деятельности являются личностные качества педагога. Особенно важными являются готовность к эмпатии, потребность к социальному взаимодействию, а также большое значение придается исследователями и педагогическому такту, в проявлении которого выражается общая культура педагога и высокий профессионализм.

Следует отметить, что педагог как субъект педагогической деятельности представляет собой совокупность, сплав индивидуальных, личностных, собственно субъективных качеств, адекватность которых требованиям профессии при условии успешной адаптации обеспечивает эффективность труда. Очевидно, что индивидуальные особенности человека способствуют быстрому освоению профессии, стабильной работе, более высоким профессиональным достижениям. Адаптацию педагога в профессиональной среде следует рассматривать как динамический процесс постоянного порождения и разрушения ресурсов взаимодействующих субъектов: в масштабе жизнедеятельности отдельного человека — процесс как порождения (профессионализм, мастерство, мудрость, самоактуализация, самоэффективность), так и параллельного разрушения его ресурсов (профессиональная деформация личности, физические и психические заболевания) (Толочек В.А., 2008). Учитывая данную особенность адаптации к профессиональной деятельности педагогов, следует выбирать пути, средства, формы оп-

тимальной интеграции основных составляющих социальной и биологической активности человека и деятельности организации, не допускать стихийности в данном процессе. В связи с этим, в образовательных учреждениях необходима организация психологического сопровождения профессиональной адаптации педагогов, призванная решить следующие задачи: уменьшить начальные издержки при входе сотрудников в организацию, быстрее войти в курс дел и эффективно работать, а также снизить напряженность при входе в новую должность.

Начальные стадии реализации профессиональных психомоторных действий

В.М. Девишвили (Москва)

В области физиологии, психологии и педагогики накоплены обширные знания о концептуальных механизмах и принципиальных схемах реализации движений, формирования и совершенствования навыков профессиональных движений, обучения и тренировке спортивным движениям. Вместе с тем, знания о том, где, когда и зачем возникает у субъекта необходимость в реализации того или иного движения недостаточно полно обобщены и не систематизированы. Также недостаточно полно разработаны представления о средствах и способах построения первого незнакомого движения. Рассматривая проблему инициации первого движения в незнакомых условиях, прежде всего, необходим анализ всех внешних (ситуативных) и внутренних факторов, средств и условий. К внешним условиям, обычно, относят предметное окружение, пространственно-временные факторы среды и характер их изменений. К внутренним – личностные свойства субъекта, психофизиологическое состояние, психомоторный опыт, физические возможности и др. При этом параметры внутренних и внешних факторов нестабильны и варьируют во времени. В этих условиях, очевидно, что инициация движений была бы невозможной без постоянного контроля окружающей ситуации и прогнозирования ее развития. Одновременно необходим контроль за психомоторным состоянием и возможностями субъекта. На наш взгляд, это минимально необходимые условия, при которых возможна актуализация потребностей, целеобразование, планирование и инициация психомоторного действия. Субъект, оказавшись в незнакомой ситуации, «ориентируется» в новых условиях. Этот «предварительно-ознакомительный этап» достаточно активный процесс связанный с изучением параметров среды и выявлением закономерностей изменчивости внешних и внутренних условий. Естественно, что первые знания о новой изучаемой среде могут стать побудителями начала попыток взять под контроль отдельные параметры среды и послужить началом формирования образа ситуации. Этот этап во многом идентичен описанной в работах А.В. Запорожца «ориентировочно-исследовательской деятельности».

На втором этапе, субъект, находясь в активном взаимодействии с окружающей средой, осуществляет контроль за текущим состоянием параметров среды, отслеживает характер ее изменений и систематизирует свое взаимодействие с внешней средой. На этом этапе субъект в достаточной степени овладевает ситуацией и делет ее подконтрольной (управляемой). На основе анализа получаемой информации происходит становление (складывается более полное представление) образа ситуации. В условиях хорошего контроля у субъекта появляется возможность проявления большей активности. К примеру; – может возникнуть желание в изменении существующего взаимодействия с окружающей средой. Этот «интенциональный» аспект (Леонтьев А.Н., 1975) не может быть порожден без представления субъектом некоего конечного результата действия. Представление о конечном (желаемом) результате по содержанию близок к таким понятиям как – «модель потребного будущего» (Бернштейн Н.А., 1961), «акцептор результатов действия» (Анохин П.К., 1978), антиципация и др. Таким образом, на

этом этапе субъект определяется с двигательной задачей (целью). Для решения определенной задачи будет сформирован образ тех моторных действий, которые должны быть реализованы в данной ситуации. Это совокупность или определенная последовательность целенаправленных моторных действий для реализации желаемых изменений во взаимодействии субъекта с внешней средой.

На последнем этапе субъект определяется, в каждом конкретном случае, как лучше (какими способами и средствами) выполнить моторные действия («как это сделать»).

В заключении следует сказать, что вышеприведенные представления во многом совпадают с положениями А.В. Запорожца (1986) о формировании навыков целенаправленных движений. А.Н. Леонтьев (1975), обсуждая проблемы конкретизации цели и условия ее достижения, выделяет интенциональный и операционный аспекты действия. К интенциональному можно отнести описанный выше концептуальный этап психомоторного действия (становление образа ситуации и образа потребного будущего), а к операционному – последний этап. В дальнейшем, в процессе повторений движения, подбирается и уточняется его состав и координирующая система. Вместе с тем, эти процессы, по-видимому, являются основой для формирования и развития образа или представления о реализуемом движении.

Из сказанного может создаться впечатление о том, что движение предшествует во времени образу движения. На самом деле это сложный психомоторный процесс, в котором, по всей видимости, движению предшествуют оценка ситуации и экстраполяция ее развития, определение содержания действий субъекта с учетом собственных возможностей, припоминание подобных ситуаций и тех моторных действий, которые принесли положительный результат, оформление двигательной задачи и др.

Приведенная концептуальная схема инициации и реализации моторных действий не имеет жестких принципов функционирования. В целом принцип последовательной реализации моторных действий по описанной схеме вполне реален, но не единственен. В зависимости от внешних и внутренних условий и от характера их взаимодействия, от особенностей задач моторного действия, от моторного опыта и многих других факторов способы и стратегии реализации могут меняться в широких пределах. Так, в ряде случаев реализация моторных действий в большей своей части может совершаться параллельно во времени. В качестве примера можно привести «смешанную» (последовательно-параллельную) стратегию, когда становление и формирование образа ситуации происходит практически на всех этапах инициации и реализации моторного действия. Часто имеет место «возвратно-поступательная» стратегия, когда, не удаётся реализовать двигательную задачу сразу, и субъект возвращается на предыдущий этап для определения более адекватной для данной ситуации задачи.

В зависимости от внешних и внутренних условий, моторного опыта субъекта, реализуемой двигательной задачи, уровня сформированности навыка, индивидуальных различий и других факторов, временная структура этапов инициации и реализации моторного действия должны иметь значительные вариации. Концептуальные представления о инициации и реализации сенсомоторного действия могут быть полезны для исследователей психомоторики, специалистов разрабатывающих практические материалы для производственного обучения, спорта и др.

Духовный опыт и выгорание представителей социономических профессий

О.Н. Доценко (Москва)

Анализ научных работ отечественных (Арх. Лука (Войно-Ясенецкий), 1999; Васильюк Ф.Е., 2005; Пономаренко В.А., 1997; Шадриков В.Д., 1998) и зарубежных авторов (Франкл В., 1997; Эммонс Р.А., 2004; Pargament K.I., 1997), посвященных влиянию ду-

ховного опыта на выход из критических, психологически сложных ситуаций, позволил предположить, что существует влияние духовного опыта на преодоление стрессовых ситуаций, с которыми встречаются врачи и учителя в профессиональной деятельности.

Д.Н. Завалишина (2009, с. 107) отмечает, что главной характеристикой творческого способа существования человека в профессии является «опосредованность духовности субъекта его нравственно-эстетическими ценностями как усвоенными и принятыми им культурными и общечеловеческими идеалами должного».

Р.А. Эммонс (2004, с. 22) подчеркивает, что духовные реалии являются самым основным аспектом человеческого поведения, добавляя, что «...игнорирование духовного делает нас неспособными полностью учитывать последствия, имеющие центральное значение для человеческой адаптации».

Каждая профессиональная деятельность предполагает для получения успешных и эффективных результатов необходимый потенциал – физический, физиологический, психологический, который нужно иметь и развивать в той или иной степени. Профессии, которые посвящены здоровью и образованию людей, по нашему мнению, требуют не только стремления к профессиональной, но и к духовной зрелости, накапливаемой через духовный опыт. Как духовный опыт проявляет себя в профессиональной деятельности врачей и учителей? Какова роль духовного опыта в выгорании представителей данных профессий? Ответы на эти вопросы мы пытались получить в ходе данного исследования.

Нами изучалась взаимосвязь эмоциональной направленности личности (ЭН), выгорания и удовлетворенности специалиста своей профессиональной деятельностью у врачей и учителей. По результатам исследования выделены и описаны «гуманистический» и «гармонизирующий» компоненты профиля типов эмоциональных направленностей врачей и учителей. «Гуманистический» компонент включает альтруистическую, коммуникативную, практическую эмоциональные направленности; «гармонизирующий» компонент – гностическую, эстетическую и гедонистическую эмоциональные направленности. Эмпирически доказано, что наличие высокой выраженности «гуманистического» компонента и «гармонизирующего» компонента эмоциональной направленности соответствует низкому уровню выгорания и высокому уровню удовлетворенности профессиональной деятельностью (3).

Целью данного исследования явилось изучение взаимосвязи духовного опыта представителей социномических профессий и выгорания.

Всего в исследовании приняло участие 194 человека, 93 учителя и 101 врач имеющие стаж работы не менее трех лет; проживающие в Москве и ближайшем Подмосковье.

В исследовании были использованы следующие методики: опросник Б.И. Додонова на выявление типов эмоциональной направленности личности, методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко, методика Н.Е. Водопьяновой «Профессиональное выгорание» на основе модели К. Маслач и С. Джексон. С помощью авторской анкеты по 5-балльной шкале оценивалась частота эмоциональных переживаний, составляющих «гармонизирующий» компонент эмоциональной направленности, во время работы и в свободное от работы время. В анкету были включены два вопроса о том, насколько часто духовный опыт помогает справиться со стрессом во время работы и в свободное от работы время (min – 1балл, max – 5 баллов). Статистическая обработка эмпирических данных проводилась посредством программы STATISTIKA 6,0

Результаты исследования. При анализе распределения респондентов по оценке частоты обращения к духовному опыту во время работы было установлено, что примерно 60% всех врачей и учителей (врачи: 5 баллов – 11%, 4 балла – 50%; учителя: 5 баллов – 27%, 4 балла – 43%) отмечают, что духовный опыт часто помогает справиться со стрессом во время работы.

Следует отметить, что в нашей выборке нет врачей, которым бы духовный опыт не помог справиться со стрессом во время работы (1балл- 0%), и среди учителей 6% имеют низкий балл по данному показателю. Эти факты говорят о том, что только позитивный опыт, заставляет человека повторить его в сложных ситуациях, и что большинство врачей и учителей имеют этот позитивный опыт.

Духовный опыт и эмоциональная направленность. Полученные результаты корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) свидетельствуют, что чем выше у врачей и учителей выражена альтруистическая ($R=0,24$; $p=0,001$), гностическая ($R=0,29$; $p=0,000$) и эстетическая направленность ($R=0,26$; $p=0,000$), тем чаще обращение к духовному опыту помогало выходу из профессиональных трудностей.

Также получены положительные взаимосвязи показателя «Частота помощи при обращении к духовному опыту с реализованными эмоциональными переживаниями «гармонизирующего» компонента ЭН. Более тесную связь показатель «Частота помощи при обращении к духовному опыту во время работы» демонстрирует с эстетическими эмоциональными переживаниями во время работы ($R=0,30$; $p=0,000$), хотя они менее доступны как для учителей, так и для врачей по сравнению с гностическими.

Духовный опыт и показатели выгорания. При сравнении «невыгоревших» и «выгоревших» респондентов были получены статистически значимые различия (критерий Манна-Уитни) по показателям «Частота помощи при обращении к духовному опыту во время работы» ($Z=2,0$; $p=0,03$) и «Частота помощи при обращении к духовному опыту в свободное от работы время» ($Z=2,3$; $p=0,02$).

Установлено, что, чем чаще обращение к духовному опыту помогало преодолению стрессовых ситуаций во время работы, тем ниже показатель «Деперсонализация» (методика Н.Е. Водопьяновой) (врачи ($R=0,38$; $p=0,000$), суммарный показатель выгорания (методика В.В. Бойко) (учителя ($R=0,26$; $p=0,01$)). Кроме того, корреляционный анализ показал, что, чем чаще обследуемые специалисты обращались к духовному опыту в процессе работы ($R=0,22$; $p=0,003$) и в свободное от работы время ($R=0,23$; $p=0,002$), тем выше были их профессиональные достижения (показатель «Редукция личных достижений»).

Выводы.

1. Большинству врачей и учителей обращение к духовному опыту часто помогает справиться со стрессом во время работы.

2. Установлено, чем выше у врачей и учителей выражена альтруистическая, гностическая и эстетическая эмоциональная направленность, тем чаще обращение к духовному опыту помогало преодолению стрессовых ситуаций во время работы. Можно предположить, что эмоциональные направленности, статистически связанные с обращением к духовному опыту, отражают духовную направленность специалистов, врачей и учителей.

3. Обращение к духовному опыту (во время работы и свободное от работы время) как к средству преодоления стрессовых ситуаций, помогает *снизить риск развития выгорания*, избежать циничного, эмоционально отстраненного отношения к пациентам и ученикам, снижения профессиональных обязанностей. Возможно, это говорит о тех случаях, когда стресс рассматривается, как фактор развития личности, как выход на более высокий уровень самопознания, которое ведет к развитию ценностной и смысловой структуры личности (Бодров В.А., 2006; Эммонс Р.А., 2004).

Предпочитаемые копинг-стратегии на разных стадиях профессионального развития менеджеров по подбору персонала

В.А. Ерилова (Москва)

Одной из ведущих форм активности современного человека является трудовая деятельность, тесно связанная с профессиональным ростом и развитием. В отечественной

литературе по психологии труда часто отмечается, что успешное профессиональное развитие, профессиональная самоактуализация связаны с эффективным выполнением профессиональной деятельности человека (Зеер, 1999; Климов, 1995; Маркова, 1996). Понятие «эффективность» предполагает оптимальное привлечение при выполнении деятельности физиологических и психологических ресурсов. В течение рабочего дня воздействие рабочей нагрузки приводит к расходу ресурсов, их перераспределению, использованию компенсаторных механизмов для поддержания результативности деятельности на требуемом уровне. Естественное истощение ресурсов приводит формированию неблагоприятных функциональных состояний (ФС), накоплению неблагоприятных симптомов и развитию стресса.

Все вышесказанное указывает на потребность управления состоянием, которое в том числе базируется на эффективном функционировании индивидуальной системы копинг-ресурсов (Кузнецова, Татарова, 2007).

Понятие «копинг» происходит от английского «to cope» (справляться, преодолевать). В российской психологической литературе его переводят как «совладающее поведение». Механизмы совладания тесно связаны с исследованиями психологического стресса. Копинг рассматривается как стабилизирующий фактор, который может помочь справиться со стрессовой ситуацией, приспособиться к ней.

Анализ психологической литературы показал, что реализация копинг-процесса характеризуется использованием субъектом копинг-стратегий, предпочтение которых формируется в ходе социального научения и успешного преодоления трудностей. Сформировавшиеся комплексы составляют основное содержание операциональных средств, с помощью которых реализуется совладающее поведение (Кузнецова, Татарова, 2007). Это позволяет предположить, что в процессе профессионального развития у субъекта будет формироваться специфическая система копинг-механизмов и способов совладающего поведения.

Данное исследование посвящено проблеме *предпочтения стратегий преодоления стрессовых ситуаций на разных стадиях профессионального развития.*

Цель исследования состояла в выявлении существующей системы стратегий преодоления стрессовых ситуаций у обследуемых на разных стадиях профессионального развития.

Данное исследование реализовано на контингенте менеджеров по подбору персонала с разным стажем работы (191 обследуемый).

При подготовке плана исследования было выдвинуто следующее **предположение**: предпочитаемые копинг-стратегии на разных стадиях профессионального развития будут различаться: с увеличением стажа работы структура данной системы меняется.

Для анализа показателей индекса стресса менеджеров по подбору персонала использовался опросник дифференциальной оценки работоспособности (ДОРС) (Леонова А.Б., Величковская С.Б., 2002). В результате анализа показателей индекса стресса было выявлено, что у обследуемых присутствует умеренная степень выраженности стресса. В связи с этим для эффективного выполнения профессиональных задач необходимо уметь справляться со стрессовыми ситуациями, так как длительная работа в стрессовой ситуации может привести к формированию неблагоприятных ФС. Поэтому на втором этапе исследования мы проанализировали, к каким стратегиям преодоления стрессовых ситуаций прибегают менеджеры по подбору персонала с разным стажем работы. Для выявления предпочитаемых копинг-стратегий у менеджеров по подбору персонала использовался опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Хобфолл С., 1994; адаптация Водопьяновой Н.Е., Старченковой Н.С., 2002).

Оба опросника предлагались для заполнения однократно. Обработка данных осуществлялась при помощи SPSS, версия 10.0.5.

В результате анализа индивидуальных стратегий преодоления стрессовой ситуации было обнаружено, что менеджеры по подбору персонала без опыта работы в равной

мере используют все возможные копинг-стратегии, тогда как по мере накопления опыта, с увеличением стажа работы некоторые копинг-стратегии начинают использоваться чаще, некоторые — реже.

Данные исследования показали, что на начальных стадиях профессионального развития в качестве стратегий преодоления стрессовых ситуаций характерно применение агрессивных действий (менеджеры по подбору персонала со стажем работы до 1 года). Менеджеры по подбору персонала с самым большим опытом (стаж от 20 лет) предпочитают избегать стрессовые ситуации. Менеджеры по подбору персонала с опытом работы от 3 до 10–15 лет (в отличие от данных профессионалов в начале карьеры и с большим стажем работы) прибегают к наиболее оптимальным для выполнения профессиональной деятельности и эффективного преодоления стрессовой ситуации копинг-стратегиям. Так, для них в большей степени характерно вступление в социальный контакт и поиск социальной поддержки (просоциальная субшкала), а также ассертивное поведение и манипулятивные действия.

Таким образом, в результате анализа данных предпочитаемых стратегий преодоления стрессовых ситуаций было установлено, что в процессе профессионального развития формируется предпочтение тех или иных копинг-стратегий. Выбор таких копинг-стратегий, как вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, осторожные действия, импульсивные, манипулятивные и асоциальные действия зависит от стажа работы.

Кроме того, менеджеры по подбору персонала в начале профессиональной деятельности (стаж до 1 года) в равной степени прибегают ко всем стратегиям преодоления, тогда как люди, получившие определенный профессиональный опыт, начинают применять копинг-стратегии, которые позволят им сформировать ФС, которое наилучшим образом позволит обеспечить выполнение профессиональных задач и реализовать цели, поставленные профессионалом перед собой.

Чтобы проверить предположение о том, что выбор предпочитаемых копинг-стратегий у менеджеров по подбору персонала на разных стадиях профессионального развития зависит от стажа, был проведен многофакторный дисперсионный анализ.

Согласно полученным данным на различия в выборе у менеджеров по подбору персонала с разным стажем работы таких стратегий преодолевающего поведения, как вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, осторожные действия, импульсивные, манипулятивные и асоциальные действия влияет непосредственно стаж работы.

На различия в частоте предпочтений использования для преодоления стрессовых ситуаций манипулятивных и асоциальных действий, а также вступления в социальный контакт влияет возраст обследуемых.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать **вывод** о том, что существуют различия в предпочтении тех или иных стратегий преодоления стрессовых состояний у обследуемых на разных стадиях профессионального развития. Так, анализ индивидуальных стратегий преодоления стрессовых ситуаций у менеджеров по подбору персонала показал, что в процессе профессионального развития частота обращений к таким копинг-стратегиям, как вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, осторожные действия, импульсивные, манипулятивные и асоциальные действия меняется в зависимости от стажа работы.

Профессиональная деятельность как объект психологического изучения

Е.М. Иванова (Москва)

Деятельность рассматривается в работах отечественных психологов (Л.С. Выготского С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, Е.А. Климова и др.) как основа развития и становления человека как субъекта и личности в процессе его жизнедеятельности и профессиональной деятельности (Иванова, 2009).

Рассматривая практическую деятельность как предмет психологии, А.Н. Леонтьев показывает, что она «...деятельность входит в предмет психологии не особой своей «частью» или «элементом», а своей особой функцией. Это функция полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности» (Леонтьев, 1975, с.92) Конституирующей характеристикой деятельности он считает ее предметность, отмечая при этом, что сам предмет деятельности открывается субъекту лишь тогда, когда он отвечает той или иной его потребности (Леонтьев, 1975, с. 89) . Предметность он выделяет не только как исходную, но и как важнейшую категорию деятельности и обращает внимание на то, что деятельность субъекта должна рассматриваться во взаимосвязи с условиями, целями и средствами, так как «в деятельности происходит переход объекта в его субъективную форму, в образ» (Леонтьев, 1975, с. 81). Также он обращает внимание на то, что именно « деятельность человека и составляет субстанцию его сознания» (Леонтьев, 1957, с. 157).

«В современном познании понятие деятельности играет ключевую, методологически центральную роль, поскольку с ее помощью дается универсальная характеристика человеческого мира» (Юдин, 1978, с. 266). Именно изучение человека в деятельности (производственной, управленческой, научной, общественной, организационной, операторской, деятельности искусства и др.) наиболее полно и достаточно глубоко позволяет раскрыть и понять «природу» его отношений к другим людям, к себе и к объективной реальности, специфичной конкретной профессии, изучить его ценностно-смысловую сферу, оценить уровень его психологической готовности и психофизиологические возможности, а также прогнозировать направленность его развития и преобразований.

Для психологических исследований профессиональной деятельности наиболее важным является изучение динамики и характера восприятия («видения» и осознания), объективной реальности субъектом труда, его отношения к ней, обуславливающих его успешность, безопасность и удовлетворенность.

Необходимость в психологическом обеспечении профессионального труда, как основы повышения его экономической эффективности, возникла в еще в конце 19 века за рубежом, а в нашей стране – в 20 веке, в первые десятилетия становления советского государства.

Особый интерес представляет собой подход зарубежных психологов к решению практических задач в рамках психологии труда и организационной психологии в период 20-30-х годов прошлого века и в настоящее время (Эрих Кирхлер, Катя Майер-Пести и др., 2005). Они рассматривают любую профессиональную деятельность, исполняемую человеком во взаимосвязи с организацией: «Деятельность происходит в организации. Поэтому организация своей структурой, культурой и системой целей оказывает влияние на сотрудника. А сотрудник, в свою очередь, своей работой обуславливает саму организацию и динамику ее развития» (Кирхлер Э. и др., 2005, с. 25). В то же время они выделяют специфические задачи психологии труда и организационной психологии, но при этом, при выборе проблем, методов и способов интерпретации результатов исследования эффективности профессиональной деятельности, за основу берут не изучение профессиональной деятельности, а представление о человеке. В связи с этим в работах разных исследователей появляются разнообразные представления о психологии работающего человека: «экономический человек»; «человек социальный»; «человек самоактуализирующийся» (там же, с. 27–28). Сущность этих представлений заключается в определенной системе отношений, складывающихся у работающего человека в организации, влияющих на его ценности и способы поведения, удовлетворенность, как при исполнении индивидуальной деятельности, так и при исполнении коллективной деятельности. Таким образом, особое внимание исследователей было сосредоточено на изучении значения работы для человека, а также влияния этого значе-

ния на стандарты оценки труда и дизайн работы (там же, с. 51–52). В конце 20 и начале 21 века появилось новое представление о работающем человеке: представление о «человеке комплексном», где также основное внимание акцентируется на ценностно-мотивационно-потребностной сфере, но уже в рамках новой социальной, социотехнической и социально-экономической реальности (там же, с. 247)

В отечественной науке базовой основой решения задач психологии труда, инженерной психологии, эргономики, организационной психологии является изучение профессиональной деятельности. как индивидуального, так и коллективного субъекта труда, что отражено в работах многих ученых (Ломов, 1984; Брушлинский, 1994; Климов, 2004; Журавлев, 2005; Бодров, 2008; Зараковский, 2009; Завалишина, 2009; Пономаренко, Лапа 2009; Голиков, 2003; и др.). Поэтому профессиональную деятельность можно рассматривать как объект психологического изучения, так как именно теоретико-методологическое развитие современной отечественной психологической науки позволяет обеспечить изучение субъектно-объектных взаимосвязей, обуславливающих взаимосоответствие человека и профессии на различных уровнях его профессионального развития и становления, в условиях любой объективной профессиональной реальности (Иванова, 2006). Наряду с этим, именно психологическое изучение профессиональной деятельности как системного объекта раскрывает как динамику развития человека как субъекта труда и личности, так и обусловленность этого развития, с одной стороны организационной культурой труда, а с другой – восприятием, представлением, отношением и осознанием субъектом окружающего мира и мира конкретной профессиональной реальности.

Основные направления эргономического исследования безопасности жизнедеятельности человека в экстремальных условиях

Е.К. Казакова (Москва)

Организация исследований по проблемам безопасности жизнедеятельности человека в экстремальных условиях, анализ проблем и результатов, использование их в проектной эргономике являются актуальными в связи с бурным развитием научно-технического прогресса и повышением напряженности жизни. Можно выделить два главных направления в системе эргономического и обеспечения нормальной жизнедеятельности человека в экстремальных условиях: научно-исследовательское и проектное (эргономическое проектирование).

1. Научно-исследовательское направление включает следующие основные области изучения.

1. Разработка научно-теоретического подхода в эргономике, обуславливающего инновационное развитие эргономических средств и методов, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность человека в экстремальных условиях. «Теоретические принципы ряда подходов – деятельностного, системного, структурного, функционального, комплексного, типологического, развиваемые в ряде наук, органически входят в состав эргономики, образуя в совокупности уровень общенаучных ориентаций» (Эргономика: Принципы и рекомендации, 1981).

2. Анализ экстремальных условий жизнедеятельности человека, выделения разнообразных зон жизнедеятельности человека и напряженных условий деятельности.

Отличают природные экстремальные зоны, например региональные – высокогорье, аридная зона, полярная зона; антропогенные и техногенные – связанные с ухудшением экологии, со сложными необычными условиями работы, с большими физическими нагрузками, высокой температурой, повышенными умственными нагрузками, воздействием химических веществ, и т. д. (работа в космосе, под водой, в шахтах, тушение пожаров и др.). Экстремальными или опасными для человека могут быть ус-

ловия, имеющие социально-психологический характер, такие как: информационная нагрузка, служебные отношения, резкие политические и социально-экономические перемены в обществе, плохие социально-бытовые условия, высокий уровень преступности (Зараковский Г.М., Медведев В.И., Казакова Е.К., 2007, с. 1–10). Производится изучение неблагоприятных, являющихся экстремальными факторами жизнедеятельности, воздействующих на человека, их интенсивность, допустимые пределы человеческих возможностей и т. д. Как отмечают многие авторы, экстремальным фактором, при определенных условиях, может служить любой аспект человеческого окружения и деятельности (Китаев-Смык Л.А., 1983).

3. Нельзя себе представить решение проблем безопасности в экстремальных условиях в эргономике без изучения функциональных состояний человека (Дикая А.Г., 2003; Леонова А.Б., Медведев В.И., 1981). Исследования стресса и психических состояний (Китаев-Смык Л.А., 1983). Особенности формирования функциональных состояний; возможности контроля, регуляции, и саморегуляции функциональных состояний – актуальных вопросов, решаемых современной наукой (Дикая А.Г., 2003).

Являясь системной реакцией организма, функциональные состояния обеспечивают адаптацию человека к условиям среды и позволяют осуществлять процесс деятельности (Медведев В.И., 2003). Активно исследуются способы адаптации человека к экстремальным условиям как природного, так и социального характера (Зараковский Г.М., Медведев В.И., Казакова Е.К., 2007, с. 1–10; Медведев В.И., 2003).

4. Исследование состояний личности, возникающих в экстремальных условиях, индивидуальные различия и устойчивость личности к стрессогенным факторам.

5. Значительное внимание, с целью предотвращения ошибок и защиты человека от последствий, уделяется изучению причин несчастных случаев и роли ошибочных действий человека в возникновении аварий, и катастроф на транспорте, производстве, в энергетической промышленности (Котик М.А., 1987).

6. Изучение профессиональной деятельности и профессионального отбора являющегося традиционным в психологии труда и эргономике (Эргономика: Принципы и рекомендации, 1981).

II. Проектное направление в эргономике экстремальных условий позволяет решать следующие основные задачи.

1. Создание безопасных систем «человек – машина – среда» (Эргономика: Принципы и рекомендации, 1981).

2. Проектирование специальных технических средств, систем безопасности, защиты человека или группы людей от экстремальных факторов (жилища, одежда, спецодежда специальные орудия труда, разнообразные защитные устройства: респираторы, скафандры, акваланги, водолазные костюмы и т. д.).

3. Проектирование трудовой деятельности человека (с целью обеспечения ее безопасности).

Уровни сознания и бессознательное

В.И. Капран (Москва)

В психологии теологии принято считать, что развитие представлений о неосознаваемых структурах в поведении человека шло от тотемизма древних народов, населяющих Американский континент, к верованиям жителей Европы в магическую силу предметов, деревьев, животных, далее к шаманству Севера и Дальнего Востока, к религиозным ритуалам-мистериям посвящения, и, наконец, к учению И.П. Павлова о речи как о второй сигнальной системе и ее связи с подсознанием человека (Блаватская Е.П., 1999). При этом механизмы воздействия неосознаваемых структур выступали в качестве догматов общества, церкви или науки.

В психологии, как и в любой другой науке, есть сложные вопросы, ответить на которые непросто, но для дальнейшего развития научной мысли необходимо, ответить. Вот два из них:

- 1) определить условия проявления «бессознательного» в поведении человека;
- 2) в какой форме проявляется зависимость различных психологических и физиологических процессов от фактора «бессознательное».

Трудность ответов на эти вопросы таится в причинах двоякого рода. Во-первых, в том, что за исключением психоанализа исследования конкретных проявлений бессознательного в поведении отодвигается на второй план из-за отсутствия критериев для анализа. Ведь значительно проще обсуждать этот же вопросы в более общей их постановке.

Вторая, и видимо, главная причина возникших трудностей заключена в следующем:

- 1) невозможно говорить о проявлении «бессознательного» в поведении, абстрагируясь от психологического анализа структуры конкретных целенаправленных действий;
- 2) абстрагируясь от закономерностей механизмов организации поведенческих приспособительных актов.

А эти вопросы в настоящее время разработаны еще слабо. В настоящее время игнорирование проблемы бессознательного становится невозможным. Известно, что разные фазы развития интеллектуально-моторной активности находятся в разном отношении к уровню сознания: одни из них осознаются отчетливо, другие — значительно хуже, третьи — вообще остаются за порогом сознания. Банальный факт различной осознанности разных фаз действия лег в свое время в основу теорий «навыка» и «автоматизации» действий. Примечательно, что это важное следствие долгое время оставалось в тени научных разработок и затрудняло исследование функций «бессознательного» в рамках инженерной, а отчасти и в общей психологии.

Любое целенаправленное действие человека представляет собой последовательность более простых двигательных актов. Порядок и состав актов в случаях повторения моторных действий в разных условиях (даже одного и того же действия) может быть весьма разным. В этом проявляется пластичность моторики, ее подчиненность «...организующей ее задаче», в смысле, придававшемся этому термину Н.А. Бернштейном (1947). При этом необходимо учитывать, что последовательность элементарных актов, реализующих действие, формирует функциональную структуру. В ней каждое звено-акт сформировано на основе предыдущего и предопределяет особенности последующего. В этом плане, подчеркивает Ф.В. Бассин (1968), целенаправленное действие представляет собой «непрерывность состояний» без «пробелов» регуляции. Любая «пауза регуляции» ведет к развалу действия.

Между тем, психологам известно, что осознание действия, на разных этапах его формирования и реализации, выражено в разной степени. Отсюда и возникло противоречие, имеющее для всей теории «бессознательного» характер отправного пункта: противоречие между потребностью непрерывной регуляции выполнения действия, с одной стороны, и отчетливой прерывностью осознаваемого контроля этой регуляции, с другой.

Указанное противоречие выглядит парадоксальным, если функции регуляции и контроля принадлежат сознанию. Парадокс легко устраняется, по мнению Д.Н. Узнадзе (1961), введением представления о регулирующей функции «установки». Установка проявляет себя в интервалах переключения сознания на другие объекты, или на другие формы активности. Д.Н. Узнадзе акцентирует внимание на регулирующем влиянии установки на действие. Что же касается уровня осознанности фрагментов действия, их динамика определяется установкой, «объективизацией» переживания. Установка выступает в функции фактора регуляции тех актов действия, которые сопряжены со снижением уровня осознания.

Основателю Международного общества психотехники Э. Клапареду принадлежит формулировка «закона осознания»: человек осознает свои мысли в меру своего неуме-

при приспособиться. Это же отмечал и Л.С. Выготский, только функциональную сторону этой проблемы. Однако остается открытой структурная сторона вопроса: *каковы средства психологического проявления и операции*, благодаря которым возможно переключение сознания. Он предложил свою концепцию осознания. Предпосылкой осознания является, пишет Л.С. Выготский в работе «Мышление и речь», развитие *«истинных понятий»*, т. е. необходимо существование мысли, способной стать объектом сознания, «отделенной» от предмета. Однако развитие истинных понятий не объясняет, считает Ф.В. Бассин, изменение уровня осознания у взрослого человека, у которого мышление в форме истинных понятий уже полностью сформировано.

На проблему множества уровней осознания обращал внимание и А.Н. Леонтьев. При обучении человека сложному действию отдельные его звенья вначале формируются как самостоятельные «микродействия» и регулируются на уровне сознания. Затем они включаются в структуру «макродействия» как его составные «операции» и в сознании не «презентируются». Но это не значит, отмечал А.Н. Леонтьев в книге «Проблемы развития психики», что они полностью перестают осознаваться. Они лишь занимают другое место в сознании. При известных условиях (отклонения от нормального осуществления операции) «...эта операция, как и ее предметные условия, отчетливо выступают в сознании».

Сопоставляя позиции Д.Н. Узнадзе и А.Н. Леонтьева при анализе проблемы сознания важно отметить, что А.Н. Леонтьев не разрабатывает вопрос о закономерностях и механизмах регуляции действий, осознанное управление которыми по разным причинам невозможно. У Д.Н. Узнадзе и его последователя И.Т. Бжалавы (1966) вопросы механизмов регуляции действий выступают как центральные. Разработка ими вопросов закономерностей регуляции действий позволила получить адекватное представление о сложности градаций осознания разных фаз действия и одновременно о факторах (механизмах), принимающих на себя управление действием в тех случаях, когда осознанная регуляция оказывается устраненной.

Только при совмещении научных разработок двух школ — А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе психология получила теоретическое обоснование и надежный практический инструмент, позволяющий моделировать и внедрять в производственную практику сложнейшие, ранее не встречающиеся в операторском труде варианты информационно-моторной деятельности.

Психология сервисного менеджмента в условиях подготовки к Олимпиаде — 2014 в г.Сочи

З.Ф. Кондрашева (Самара)

Материалы 7-го Международного социального конгресса «Олимпийский кадровый корпус: проблемы формирования, повышения квалификации, воспитания» показывают, что необходимо формирование федеральных университетских центров довузовского, вузовского и послевузовского уровня подготовки кадров, что является своевременной и актуальной проблемой в условиях подготовки к проведению Олимпиады 2014 в г.Сочи.

В рамках деятельности агентства «Персонал-сервис» сгруппированы результаты исследования психологического сопровождения профессиональной деятельности сервисного менеджера, представлено обоснование научных подходов к проблемам подготовки кадров индустрии гостеприимства в рамках послевузовского образования (Кондрашева З.Ф., 2002, с. 63; 2005, с. 169–171).

Особое внимание уделяется профессиональному самоопределению студентов сервисных вузов, ведущих подготовку квалифицированных кадров для работы в предолимпийский период на предприятиях индустрии гостеприимства в г. Сочи.

В исследовании, проводившемся в течение 3 лет, дано научное обоснование и внедрение тренинга-модуля, который будет осуществлять подготовку обслуживающего персонала будущих олимпийских объектов сразу по 18 направлениям. Среди самых востребованных — менеджмент сервиса, дизайн и спортивное питание (Карпов А.В., 2000; Психология менеджмента, 2004).

Проводилась комплексная диагностика профессиональной карьеры сервисного менеджера, а также оценка профессионального самоопределения сотрудников сервисных предприятий.

Особый интерес представляет анализ сервисной деятельности с точки зрения профессионала и клиента. Автор проанализировал и обобщил психологические механизмы организации сервисного бизнеса в современных условиях. Выявлены психологические характеристики и особенности сервисных предприятий: гостиниц и ресторанов как объектов управления по обслуживанию иностранцев. Следует отметить, что впервые особое внимание уделено вопросам психологии управления качеством сервисных услуг.

На базе агентства «Персонал-сервис» разработаны учебные программы по спецподготовке студентов старших курсов, прошедших учебно-производственную практику в лучших отелях Греции, Турции, Испании, США. После профессионального отбора лучшие менеджеры курсов переподготовки персонала будут отправлены на работу в г. Сочи для участия в проведении Олимпиады.

Особенности психической регуляции деятельности пользователей сайтов покупки железнодорожных билетов

А.Н. Костин, М.В. Сеницына (Москва)

Проблема психологического анализа деятельности пользователей при работе с современными компьютерными приложениями, в том числе сайтами Интернета различной направленности, является достаточно новой для отечественной инженерной психологии, в рамках которой относительно недавно сформировалась отдельная специализированная область — «юзабилити». Среди сайтов все более популярными становятся сервисы продаж различных товаров и услуг (интернет-магазины, интернет-агентства, интернет-банки и т. п.), которые должны значительно облегчать и ускорять для человека процессы их покупки. Однако очень многие из этих сервисов обладают существенными недостатками как интерфейсов, так и общей структуры разделов сайтов. Поэтому в деятельности пользователей при попытке осуществить покупку через такие сервисы возникают серьезные, иногда непреодолимые трудности. Проведенное исследование и было направлено на сравнительный анализ деятельности пользователей при использовании одного из видов сервисов продаж — двух сайтов покупки железнодорожных билетов разной степени совершенства (www.Mobiticket.ru, www.RZD.ru).

Исследуемая деятельность характеризуется существенной нестационарностью по субъективной сложности и неоднородности психических процессов. Относительно простые интервалы деятельности со стереотипным просмотром предъявляемой информации и исполнительными действиями по выбору параметров и вводу данных могут сменяться гораздо более сложными процессами мышления по поиску нужного раздела или функции сайта, анализу причин непредвиденных переходов между его разделами, диагностических сообщений об ошибочности ввода тех или иных данных (например, логина, пароля) и т. п.

В связи с тем, что динамика деятельности определяется регулятивными механизмами, для ее анализа необходимы концептуальные и методические средства, раскрывающие многоуровневые особенности процессов психической регуляции. Такими средствами явились концепция проблемностей и метод таксономии межсаккадических

интервалов (МСИ) движений глаз, разработанные Ю.Я. Голиковым и А.Н. Костиным (1996; 1999, с. 6–79).

Проблемность в указанной концепции представляет собой один из аспектов субъективной сложности возникающего события – изменения объективной и субъективной реальности. Тогда сущность психической регуляции и состоит в возникновении и преодолении различных проблемностей. Все проблемности по своей сложности разделены на три класса: проблемные моменты (незначительные быстро преодолеваемые проблемности при непосредственном реагировании на несущественные события), проблемные ситуации (проблемности по осмыслению некоторых ситуаций при возникновении достаточно существенных событий) и проблемы (проблемности по пониманию новых, неожиданных событий). Преодоление проблемностей разных классов происходит на различных уровнях психической регуляции. По критерию направленности, назначения регуляции выделены следующие пять уровней (от низшего к высшему): непосредственного взаимодействия, опосредованной координации, программно-целевой организации, личностно-нормативных изменений и мировоззренческих коррекций. При этом для преодоления проблемных моментов необходим уровень непосредственного взаимодействия, проблемные ситуации требуют включенности уровней опосредованной координации или программно-целевой организации, а проблемы – уровнем личностно-нормативных изменений или мировоззренческих коррекций.

Метод таксономии МСИ движений глаз является психофизиологическим методом, который направлен на получение количественной оценки субъективной сложности деятельности. Суть метода заключается в сопоставлении величин возникающих МСИ с определенными диапазонами изменения (таксонами) МСИ, которые характеризуют разные психической уровни регуляции. Это сопоставление позволяет оценить уровень регуляции деятельности на разных временных интервалах деятельности.

Для регистрации движений глаз использовался метод электроокулографии (ЭОГ). Компьютерная программа анализирует поступающие сигналы, выделяет саккады в движениях глаз и строит циклограмму длительностей МСИ, которая позволяет получить представление о динамике субъективной сложности деятельности пользователя. Кроме того, рассчитываются критерии субъективной сложности и трудоемкости деятельности в разных задачах.

В проведенном исследовании пользователи должны были однотипные задачи по покупке билета из Москвы в Новосибирск (на сайте Mobiticket) и обратно (на сайте RZD) в купейном вагоне по минимальной цене. Предварительная экспертная оценка показала, что интерфейсы двух сайтов явно отличаются по удобству использования. Соответственно, гипотеза исследования состояла в том, что деятельность пользователей с менее удобным сайтом должна иметь большую субъективную сложность и трудоемкость и сопровождаться большим количеством МСИ и возникновением МСИ высших таксонов.

Полученные в экспериментах результаты показали, что основное содержание деятельности пользователей при работе с сайтом Mobiticket состояло в достаточно быстрой ориентации в структуре сайта и задании данных на поиск нужного поезда. Большинство проблемностей у них возникало из-за неоднозначности оценки стоимости имеющихся вариантов билетов в разных поездах, которые заставляли пользователей просматривать последовательно несколько вариантов и возвращаться к первоначальному списку поездов. Самые заметные проблемности были достаточно незначительными и относились ко 2-му или иногда 3-му уровням регуляции – уровням опосредованной координации и программно-целевой организации. В полученных циклограммах длительностей МСИ их длительность обычно не превышала 1 с, и относились они к первому таксону. МСИ второго от 1 до 2 с и тем более третьего таксонов более 2 секунд встречались очень редко.

Деятельность пользователей при работе с сайтом RZD была гораздо продолжительнее, чем с первым и, прежде всего, состояла в «блужданиях» по страницам сайта в поиске выхода на собственно сервис продажи билетов. Иконка «Купить билет», предназначенная для этого, выглядела на сайте как баннер, поэтому обычно требовалось значительное время, пока пользователь понимал ее смысл. Однако после ее нажатия пользователь должен был прочитать достаточно длинный текст с общими формальными указаниями. Содержащаяся в нем ключевая информация о необходимости предварительной регистрации на сайте обычно не замечалась, что приводило к повторным «блужданиям». После проведения регистрации процесс выбора билетов был во многом аналогичен работе с сайтом Mobiticket.

Основные трудности пользователей, возникающие на сайте RZD, заключались в неопределенностях поиска нужной информации. Они не были значительными и также как в предыдущем случае относились к первым трем уровням регуляции, однако по количеству их было гораздо больше. В то же время у пользователей часто возникали и эмоциональные реакции негативного характера, когда процесс поиска превращался в затянувшиеся «блуждания». Возникающие в деятельности пользователей МСИ менялись примерно в том же диапазоне, однако существенно увеличилось количество МСИ как второго, так и третьего таксонов.

Каждый из критериев субъективной сложности и трудоемкости деятельности для разных пользователей и в среднем оценивался парой величин, определяющих точность его оценки. Величины субъективной сложности деятельности у всех пользователей и в среднем для обоих сайтов близки по величине и существенно пересекаются. В то же время субъективная трудоемкость отличается в 2-3 и более раз. Тем самым можно сделать вывод, что вопреки выдвинутой гипотезе заметного увеличения субъективной сложности деятельности при работе со вторым сайтом не произошло, однако существенно увеличилась ее субъективная трудоемкость.

Результаты проведенного исследования показали, что использование метода таксономии МСИ позволяет достаточно наглядно раскрыть особенности процессов регуляции деятельности пользователей с исследуемыми сервисами. Кроме того, полученные величины субъективной сложности и трудоемкости деятельности пользователей дают возможность количественно оценить отличия деятельности пользователей с разными по удобству сайтами.

Изучение трудовой мотивации совместной деятельности менеджеров сфер услуг (на примере логистической компании)

Е.М. Красова (Москва)

Профессиональная деятельность менеджеров по обслуживанию клиентов логистической компании при осуществлении импортной авиационной грузовой перевозки и таможенного оформления груза осуществляется коллективным субъектом, в именно совместно действующей группой сотрудников (Журавлев А.Л., 2005), которая включает в себя менеджера по работе с клиентами, декларанта и брокера.

Проведенное профессиографическое исследование (Красова Е.М., 2009, с. 155–164) показало, что данная совместная деятельность менеджеров относится к смешанному типу, и образована не только на основе функциональной взаимосвязанности, возникающей в результате объединения индивидуальных профилей деятельности менеджеров (функциональный тип), но и имеет четкое пооперационное разделение процесса производства между участниками (технологический тип) с целью распределения итогового заработка (экономический тип).

Целью данного исследования являлась проверка гипотезы о том, что успешность совместной деятельности менеджеров по обслуживанию клиентов логистической ком-

пании должна обеспечиваться единой мотивацией, основанной на коллективистской направленности для достижения общего результата труда.

Исследование проводилось на выборке менеджеров по обслуживанию клиентов российской логистической компании, имеющей с линейно-функциональную организационную структуру. Выборка составила 211 человек: менеджеры по работе с клиентами (110 человек), декларанты (54 человека) и брокеры (47 человек). Из них 71,56% женщин (151 человек). Возраст испытуемых варьировался от 21 до 33 лет. Стаж работы испытуемых в компании, в которой проводилось исследование, составил от полугода года до 4 лет. Общий стаж работы в сфере услуг составил от 1 года до 5 лет. Базовое образование испытуемых – техническое (17,53%), логистическое (17,53%), педагогическое (17,06%), лингвистическое (16,68%) и др.

Неравномерность распределения групп объясняется тем, что деятельность менеджеров по работе с клиентами является наиболее трудоемкой и требует индивидуального подхода к каждому клиенту; работа декларанта наиболее стандартизирована и менее подвержена отклонениям и помехам, что позволяет ему обрабатывать больший объем информации и курировать одновременно несколько клиентов; брокеры в меньшей степени привержены конкретному клиенту и скорее ориентируются на характер грузов и таможенный режим, требующий оформления.

Для изучения трудовой мотивации мы использовали следующие диагностические методы:

1) анкетирование:

- методика «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной;
- методика «Общая направленность личности» Б. Баса;
- методика «Измерение уровня самоактуализации личности» (модификация Л.Я. Гозмана и М.В. Кроза): шкалы – познавательные способности, креативность;
- методика «Потребность в достижении» Ю.М. Орлова: шкала потребность в достижении.

2) интервью (как с менеджерами по обслуживанию клиентов, так и с руководителями подразделений и администрацией компании).

Выбор и использование данного комплекса методик обосновано тем, что они посвящены изучению тех компонентов трудовой мотивации, которые, на основе теоретического анализа литературы и выявленных психологических и организационных особенностей совместной деятельности менеджеров, предположительно связаны с успешностью их совместной деятельности (Красова Е.М., 2009, с. 46–49). Интервью позволило подтвердить надежность результатов тестов и провести качественный анализ случаев.

Оценка эффективности деятельности менеджеров осуществлялась двумя способами.

1. *Со стороны организации* эффективность работы менеджеров оценивалась по следующим ключевым показателям: 1) операционная работа – это совокупность операционных показателей (отсутствие дебиторской задолженности сверх сроков; соблюдение сроков таможенной очистки и передачи документов клиенту; отсутствие ошибок и недоработок в подготавливаемых документах и др.); 2) командная работа отдела (данный показатель является результатом экспертной оценки руководителя); 3) пассивная продажа услуг компании.

2. *Со стороны клиентов* оценка осуществлялась с помощью специально разработанной анкеты, которая основана на выделенных В. Зайтмлем, А. Парамурманом и Л. Бери десяти критериях, с помощью которых потребители судят об услугах, а именно: надежность, реактивность (оперативность), компетентность, доступность, обходительность, коммуникативность, доверие, безопасность, понимание/знание и осязаемость (Классика маркетинга, 2001).

В целях проверки исследовательской гипотезы нами был проведен корреляционный анализ с использованием непараметрического коэффициент корреляции Спирмена для выделенных профессиональных групп: менеджеры по работе с клиентами, декларанты и брокеры.

В результате анализа данных нами не обнаружено статистически значимой связи показателей трудовой мотивации и оценкой деятельности логистической компанией для менеджеров по работе с клиентами и брокеров. Тогда как успешными декларантами, по мнению организации, являются те, кто в большей степени ориентированы на альтруизм ($p=0.227$; $\text{Sig}=0.042$), труд ($p=0.382$; $\text{Sig}=0.004$), дело ($p=0.312$; $\text{Sig}=0.021$), познание ($p=0.278$; $\text{Sig}=0.041$), креативность ($p=0.392$; $\text{Sig}=0.003$) и в меньшей степени ориентированы на себя ($p=-0.305$; $\text{Sig}=0.024$) и деньги ($p=-0.291$; $\text{Sig}=0.032$).

Также нами не обнаружено статистически значимой связи показателей трудовой мотивации с оценкой деятельности клиентами для группы брокеров. Тогда как успешными менеджерами по работе с клиентами, по мнению клиентов, являются те, кто в меньшей степени ориентированы на общение ($p=-0.195$; $\text{Sig}=0.040$), креативность ($p=-0.238$; $\text{Sig}=0.011$) и достижение ($p=-0.196$; $\text{Sig}=0.039$). Для декларантов же, по мнению клиентов, наиболее важными характеристиками трудовой мотивации являются ориентация на труд ($p=0.391$; $\text{Sig}=0.003$), дело ($p=0.271$; $\text{Sig}=0.046$), познание ($p=0.290$; $\text{Sig}=0.032$), креативность ($p=0.400$; $\text{Sig}=0.002$), и в меньшей степени – деньги ($p=-0.296$; $\text{Sig}=0.029$) и я ($p=-0.377$; $\text{Sig}=0.004$).

Полученные данные позволили сделать вывод о том, что в рамках линейно-функциональной структуры организации происходит преобладание индивидуальной мотивации над коллективистической, что снижает общую эффективность совместной деятельности. Недостаточное осознание сотрудниками себя как коллективного субъекта и сплоченной команды, выполняющей общую задачу, нарушает структуру и функционирование совместной деятельности, приводя к ее рассогласованию и деформации. Появляется разделение деятельности на отдельные составляющие, взаимосвязанность и взаимозависимость которых не осознается участниками трудового коллектива, что, в свою очередь, приводит к общему снижению эффективности деятельности и низкому общему конечному результату – некачественное выполнение заказа клиента.

Таким образом, отсутствие единой коллективистской направленности не обеспечивает формирование коллективного субъекта деятельности и достижение общего результата труда, а именно: не способствует формированию взаимосвязанности и взаимозависимости работников в группе; не обеспечивает способность группы проявлять различные формы активности, т. е. быть единым целым по отношению к другим социальным объектам или по отношению к себе самой; а также не обеспечивает формирование в группе социально-психологического «мы», групповых социальных представлений о своей группе, не способствует формированию психологической готовности членов группы к совместной активности в целом и не помогает членам группы адекватно ориентироваться в социальной среде.

Рисуночные методики как полифункциональные средства профессиональной деятельности педагога

А.А. Криулина (Курск)

Наряду с другими образовательными средствами рисуночные методики последние четыре года активно применяются в процессе преподавания дисциплины «Проектная культура». Эту дисциплину изучают студенты 5 курса, будущие педагоги профессионального обучения, специализация – «художественное проектирование и конструирование швейных изделий».

Как правило, на эту специальность принимают людей, обладающих графическими навыками, что послужило одним из *практических оснований* обращения к рисуночным

методикам. *Методологической основой* их применения является вывод, который в результате многолетних исследований получил доктор психологических наук В.И. Тютюник (1994, с. 280). Он считает, что в развитии личности на всех возрастных этапах ведущая роль принадлежит творческому труду, «поскольку психологическое содержание этого вида деятельности совпадает с требованиями развития психологической структуры самосознания личности». За основу он принял четырехкомпонентную психологическую структуру самосознания человека труда Е.А.Климова, включив в нее еще один очень важный компонент — потребность в труде.

Концептуальную основу анализа и обобщения функций рисуночных методик составили: переосмысление пяти основных эффектов любой успешной психотерапии как эффектов арт-терапии (Сусанина И.В., 2007) и понимание полифункциональности искусства в теории Ю.Б. Борева (1988). Для обозначения множества функций искусства Ю.Б. Борев использует девять пар, включающих два ряда названий, которые гармонично дополняют друг друга. Условно их можно объединить в две подгруппы: когнитивные функции и функции влияния, воздействия (сам автор перечисляет их как рядоположенные). В первую подгруппу войдут: познавательная-эвристическая функция (искусство как знание и просвещение); художественно-концептуальная функция (искусство как анализ состояния мира); функция предвосхищения («касандровское начало», или искусство как предсказание); информационная и коммуникативная функция (искусство как сообщение и общение). Ко второй подгруппе можно отнести: общественно-преобразующую и компенсаторную функцию (искусство как деятельность и как утешение); воспитательная функция (искусство как катарсис; формирование целостной личности); внушающая функция (искусство как суггестия, воздействие на подсознание); эстетическая функция (искусство как формирование творческого духа и ценностных ориентаций); гедонистическая функция (искусство как наслаждение).

Графические методы, в том числе и рисуночные методики, широко используются в трех практических сферах: психологическом консультировании (Абрамова Г.С., 2001), психологической диагностике (Романова Е.С., Потемкина О.Ф., 1992) и в арт-терапии (Копытин А.И., 1999; Сусанина И.В., 2007). Если обобщить используемые в них методики, то получится комплект рисуночных техник из 14 наименований: «Моя семья», «Несуществующее животное», «Дом — дерево — человек», «Автопортрет», «Пейзаж моей души», «Линия жизни», «Картина мира», «Прошлое, настоящее и будущее», «Свободный рисунок», «Групповое рисование», «Рисование в парах», «Фирменный знак», «Экслибрис», «Мандала». Первые три из них, широко применяемые практическими психологами, не используются при изучении дисциплины «Проектная культура», так как осваиваются студентами в рамках других учебных дисциплин. Определенную трудность студенты испытывают, если им предлагается методика «Мандала», поэтому она практически не используется.

Остальные 10 рисуночных методик освоили 30 студентов на дневном отделении и 51 студент отделения заочного обучения индустриально-педагогического факультета КГУ. Выборочно часть этих методик использовалась в профессиональной подготовке студентов других факультетов КГУ и других вузов города Курска. Практически всегда используется методика «Групповое рисование». Именно она наиболее полно аккумулирует множество функций рисуночных методик. С обсуждения этой методики началось осознание ее полифункциональности.

Совместное обсуждение выполненных студентами рисунков, а также последующий более тщательный анализ отдельных их образцов позволили выделить следующие, на наш взгляд, значимые именно для профессии педагога функции. Отметим, что в дальнейшем описании этих функций наряду с научными названиями будут использованы примеры их обозначения житейским языком, который является более привычным для студентов и которым они преимущественно пользуются в групповом анализе функций рисуночных методик.

Так как рисуночные методики нашли широкое применение в арт-терапии, т. е. по сути своей являются средствами профессиональной деятельности арт-терапевтов, то к ним вполне применимы критерии оценки успешной арт-терапии. Знакомство с этими критериями показывает, что в них имплицитно содержатся определенные функции искусства, обозначенные Ю.Б. Боровым. Задача заключается в том, чтобы их правильно соотнести с практикой применения рисуночных методик в образовательном процессе, а затем составить как можно более полный перечень их функций.

Предварительно отметим, что полифункциональность рисуночных методик можно рассматривать в двух планах: оценка их возможностей для педагога высшей профессиональной школы и возможности этих же методик для студентов, будущих педагогов. Рассмотрим более подробно второй план оценки рисуночных методик.

Во-первых, эти методики предоставляют студентам возможность для самодиагностики познавательной сферы и графических навыков, а также последующего их развития. На житейском языке это звучало так: «Помогают определить степень развития фантазии, памяти, пространственного воображения, наблюдательности, графических навыков». При обсуждении этой функции, как и следующей, актуализировались знания студентов, приобретенные ими при изучении дисциплины «Общая психология».

Во-вторых, создаваемые в рисуночных методиках художественные образы вызывают у студентов определенные переживания, чаще всего позитивные. Особенно бурно положительнее эмоции проявляются при выполнении методики «Групповое рисование», как в процессе рисования, так и при их оценке. Все остальные рисунки вызывают более сдержанные эмоции, но практически не было рисунков, которые оставили бы студентов безразличными. На житейском языке эта функция обозначалась проще: «Рисунки поднимают настроение».

В-третьих, выполнение рисунков предоставляет студентам опыт успешной деятельности, вызывает чувство удовлетворения от ее результата в виде законченного собственного творения. При использовании методики «Групповое рисование» студенты приобретают еще и опыт успешной совместной деятельности. Значимость этого опыта возрастает в тех случаях, когда некоторые участники группы уверяют всех остальных в том, что они совершенно ничего не умеют рисовать (если методика применяется для людей, не владеющих графическими навыками) или рисуют хуже совместно с другими (если это будущие педагоги профессионального обучения). Выявление и обсуждение данной функции, как и следующих двух функций, сопровождается знаниями определенных тем дисциплины «Психология профессионального образования». Для третьей функции – это тема «Взаимодействие в учебных и профессиональных группах»; для четвертой – «Компетентностный подход в профессиональном образовании»; для пятой – «Профессиональное становление педагога», «Идеалы образованности и способы их достижения».

В-четвертых, методика «Групповое рисование» предоставляет возможность пережить чувство контакта с другими людьми. При использовании других методик это же чувство переживается на этапе обсуждения и оценки законченных работ. Переживание данного чувства продлевается и усиливается в процессе придумывания названий к рисункам и выбора лучшего из них. Разные по словесной форме их варианты оказываются очень близкими или совпадающими по смыслу.

В-пятых, позитивная оценка рисунков другими участниками группы вселяет веру в возможность самоизменения в процессе обучения, в возможность стать лучше по сравнению с самим собой, помогает осознать глубокий смысл высказывания Д.Б. Элькониной: «Учение – это деятельность по самоизменению».

Выделенные функции рисуночных методик никогда не излагаются на лекции. Как правило, каждая студенческая группа открывает эти функции самостоятельно в ходе групповой дискуссии на практических занятиях. Групповой дискуссией студенты ов-

ладают еще на втором курсе при изучении дисциплины «Психология профессионального образования» в контексте темы «Активные методы профессионального образования». Хорошим стимулом для групповых открытий служат мудрые и афористичные высказывания Г.С. Абрамовой (2003), которые переосмысливаются студентами многократно, начиная со второго курса: «...университет не научит ничему, кроме смелости мышления»; «...думать не может запретить никто»; «... высшая школа существует для того, чтобы сохранять, развивать и транслировать средства и способы человеческого мышления».

Ценностно-смысловая сфера спасателей МЧС как основа прогнозирования психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях

В.Е. Лабутина (Москва)

Безопасное и эффективное выполнение профессиональных задач спасателями, деятельность которых протекает в сложных и опасных условиях, во многом зависит от психологической готовности членов коллектива спасателей к действиям в экстремальных условиях.

Психологическая готовность субъекта труда представляет собой сложное системное образование (Платонов, Кузьмина, Дьяченко и Кандыбович, Рудик, Дунин и др.). Кузьмина С.В. рассматривает психологическую готовность как структуру (с позиций теории деятельности А.Н. Леонтьева), включающую такие компоненты как: мотивационную готовность, целевую, операциональную и регуляционную и способствующую успешному выполнению профессиональной деятельности (Бодров, 2007; Дикая, 2007; Дунин, 2007; Дьяченко, Кандыбович, 1985; Климов, 2003; Конопкин, 1980). Одной из составляющих психологической готовности к деятельности выступает так же стрессоустойчивость, обусловленная способностями к преодолению негативного воздействия экстремальных ситуаций и выбираемыми способами поведения в них (Анцыферова, 1994; Смирнов, Долгополова, 2007).

В качестве системообразующего фактора готовности субъекта труда к деятельности выступает ценностно-мотивационная сфера личности: она выполняет интегрирующую функцию, во многом определяет стратегию действий и поведения в экстремальных условиях (Анцыферова, 1994; Дунин, 2007; Иванова, 2007).

В данной работе представлено изучение ценностно-мотивационно-смысловой сферы спасателей МЧС как интегральной характеристики комплекса взаимосвязанных показателей, раскрывающих индивидуально-личностную направленность каждого спасателя и его психологическую готовность к коллективному взаимодействию при исполнении совместной деятельности в экстремальных ситуациях.

При изучении ценностно-смысловой сферы спасателей использовалась концепция ценностных ориентаций Ш. Шварца (Карандашев, 2004; Schwartz, 2006) и структура психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях, предложенная Г.С. Дуниным (2007).

Исследование проводилось в двух московских поисково-спасательных отрядах: отряд А и отряд Б. В исследовании приняли участие 39 человек (17 спасателей отряда А и 22 спасателя отряда Б) Возраст участников исследования: от 18 до 60 лет, средний возраст 33 года. Стаж работы в спасательной службе: от 2 месяцев до 11 лет, средний стаж 6 лет.

Исследование осуществлялось комплексом методов и методик адекватных цели изучения ценностно-мотивационно-смысловой сферы спасателей и специфике их деятельности:

- 1) метод беседы был применен для изучения профессиональной направленности, работы в чрезвычайных ситуациях, профессиональной подготовки и восприятия спасателем себя как профессионала;

- 2) методика «Цветовое зеркало» (модификация В. Н. Кононовой цветового теста Фрилинга) (Кононова, 2006) использовалась для оценки откровенности участников исследования, текущего эмоционального состояния, а так же для получения дополнительной информации о ведущих ценностях и мотивах, особенностях целеполагания и предпочитаемых тактиках поведения;
- 3) рисунок на тему «Моя работа». Рисуночная методика использовалась для выявления представлений спасателей о своей профессии, коллективе и самом себе как о субъекте труда (и отношения к ним), определения наиболее значимых и осмысленных компонентов системы трудового поста;
- 4) методика Ш. Шварца (модификация В.Н. Карандашева) (Карандашев, 2004; Schwartz, 2006) была направлена на определение ценностных приоритетов участников исследования, а так же для выявления степени соответствия ценностей на уровне убеждений и на уровне реализации в деятельности;
- 5) методика «Оценка уровня самоактуализации» Л.Я. Гозман, М.В. Кроз (Почебут, 2001) использовалась для выявления как общего уровня самоактуализации участников исследования, так и определения таких внутренних условий психологической готовности спасателей, как стремление к достижению успеха, самооценка и самопринятие, чувство уверенности в себе, потребность в профессиональном развитии, представления о мире и человеке;
- 6) методика С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)» (модификация Н. Водопьяновой, Е. Старченковой) (Водопьянова, 2009) применялась для определения набора стратегий, наиболее часто используемых спасателями для преодоления сложных и стрессовых ситуаций.

Сравнительный анализ результатов исследования проводился с использованием качественных (анализ протоколов) и количественных методов (данные описательной статистики, корреляционный и кластерный анализ осуществлялись с использованием статистического пакета SPSS 15.0).

Проведенное исследование влияния ценностных ориентаций на психологическую готовность спасателей МЧС к деятельности в экстремальных условиях позволило выделить:

- 1) профессионально значимые ценностные ориентации спасателей: Доброта, Самостоятельность, Безопасность, Стимуляция, Достижение;
- 2) признаки самоактуализации, характеризующие психологическую готовность спасателей: ценностные ориентации (как возможность следовать своим принципам и убеждениям, искать и находить пути их реализации), поддержка, познавательные потребности, спонтанность, сензитивность и принятие агрессии.
- 3) индивидуальные представления спасателей о профессии и своей роли в ней, отраженные в содержании рисунков: различные чрезвычайные ситуации, рисунки, связанные с различными аспектами профессии, отображающие эмоциональное отношение спасателей к профессии значимость факта принадлежности к ней.
- 4) наиболее предпочитаемые стратегии преодоления сложных ситуаций: асертивные действия, осторожные действия, избегание, вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки.

Наряду с этим были выделены три группы спасателей, отличающиеся по ряду признаков, характеризующих их психологическую готовность к деятельности в опасных ситуациях.

Выявленные в процессе комплексного исследования функционально взаимосвязанные показатели ценностно-мотивационно-смысловой сферы, в значительной степени, обуславливающие индивидуально-психологическую готовность спасателей к совместной деятельности в экстремальных условиях, позволяют сделать предположение о возможности их применении при прогнозировании уровня психологической го-

товности человека к деятельности спасателя на разных этапах его профессионального самоопределения, при формировании экипажей спасателей, а также для совершенствования психологической готовности спасателей и стратегий преодоления негативных воздействий.

Индивидуальные особенности восстановления работоспособности после кратковременного сна при непрерывной ночной работе

*Т.П. Лаврова, А.Н. Пучкова, А.Н. Подоровский,
В.В. Дементуенко, В.Б. Дорохов (Москва)*

(Работа поддержана грантом РГНФ № 08-06-00412а.)

Многие современные профессии требуют выполнения операторской деятельности в ночное время в ситуации острой депривации сна. Довольно часто, неадаптированный к ночному бодрствованию субъект, вынужден выполнять сложную когнитивную деятельность в условиях непривычной ночной сонливости.

Целью работы было исследование индивидуальных различий в эффективности выполнения непрерывной ночной деятельности при возможности кратковременного «восстановительного» сна (5–15 мин.). Короткие спонтанные засыпания позволяли испытуемому восстановить необходимый для работы уровень бодрствования. Оценивалось качество восстановления операторской деятельности в длительном ночном эксперименте после кратких периодов сна, а также влияние этих кратких эпизодов «восстановительного» сна на общую эффективность работы.

Эксперименты проводили в ночные часы, с 22 до 5 часов, длительность экспериментов составляла 5–7 часов. Испытуемым, при необходимости, разрешалось уснуть на короткое время, не превышающее 15 минут. Количество испытуемых 5 человек (мужчины), возраст 18–26 лет. С каждым испытуемым было проведено 5 экспериментов (ночей). Общее количество экспериментов – 25. Испытуемый, сидя в удобном кресле, выполнял *двухальтернативный психомоторный тест*: в зависимости от цвета светодиода нажимал на кнопку джойстика правой (зеленый цвет) или левой (красный цвет) рукой. Для оценки глубины сна регистрировали показатели полисомнограммы, а также видеоизображение испытуемого. Регистрацию и анализ данных проводили на многоканальном компьютерном полиграфе «ПолиСон», производства фирмы НЕЙРОКОМ, Россия.

Восстановление эффективности операторской деятельности после короткого ночного сна, мы оценивали по вероятности ответа (нажатия на кнопку) и количеству ошибок до и после спонтанного засыпания. Периоды с засыпанием оценивались по двум параметрам – длительность периода и глубина (стадия сна). Количественная оценка стадий сна проводилось по полисомнограмме и видеоизображению испытуемого. Помимо стандартных критериев стадий сна, мы выделяли стадию дремоты – перехода от бодрствования ко сну, характеризующейся появлением тета-волн на фоне альфа-активности и медленных горизонтальных движений глаз. Для каждого эпизода сна определялось латентность и длительность каждой стадии сна. Для каждого эксперимента подсчитывалось количество эпизодов сна, с учетом их количественных характеристик.

По показателям эффективности деятельности и количеству эпизодов с засыпанием было выделено три группы испытуемых:

- 1) испытуемые с высокой эффективностью работы: большую часть ночи не спали или редко спали, и поддерживали высокую эффективность работы;
- 2) испытуемые со средней эффективностью работы: в первой половине ночи для них была характерна высокая эффективность работы и малочисленные короткие засыпания, улучшающие параметры ответов, во второй половине ночи у них наблюдались частые засыпания и низкая эффективность работы;

- 3) испытуемые с низкой эффективностью работы или неспособные к выполнению задания: характерны частые засыпания с самого начала эксперимента и на всем протяжении ночи.

Проявления профессионального маргинализма в «помогающих профессиях»

Д.Р. Мерзлякова (Ижевск)

Профессии психолога-консультанта, педагога, врача относятся к числу так называемых «помогающих профессий», в которых деятельность специалиста реализуется через построение особых отношений с другими людьми, названных помогающими. «Помогающие» отношения, по утверждению К. Роджерса (1994), это «отношения, в которых, по крайней мере, одна из сторон намеревается способствовать другой стороне в личностном росте, развитии, лучшей жизнедеятельности, формировании зрелости». Это определение охватывает широкий спектр отношений, способствующих развитию: родитель и ребенок, учитель и ученик, врач и пациент, психолог-консультант и клиент. Особенность деятельности работников «помогающих» профессий состоит, прежде всего, в том, что объектом и результатом труда является личность во всей целостности – включая физические, интеллектуальные, личностные и духовные качества. Таким образом, своеобразие «помогающих» профессий заключается в том, что сам субъект деятельности является первичным инструментом своей работы, и для построения помогающих отношений оказывается недостаточным использование только методических приемов. «Помогающая» деятельность требует от профессионала личностной вовлеченности, открытости отношениям, умения сопереживать и сочувствовать, а также способности понимать интересы другого человека.

В контексте данных рассуждений мы видим, что личность специалиста в сфере «человек – человек» имеет первостепенное значение. При этом профессиональное развитие личности может идти по конструктивному и деструктивному пути. Профессиональные деструкции личности негативно влияют на личность специалиста и на его профессиональное развитие. Одной из форм профессиональных деструкций является профессиональный маргинализм.

Согласно мнению Е.П. Ермолаевой (2001, с. 51–59), профессиональный маргинализм – это социально-психологическое явление, связанное с фактической утратой человеком или группой людей своей профессиональной идентичности. Далее автором поясняется, что профессиональный маргинализм – это не просто банальный непрофессионализм как недостаточность или неадекватность профессиональных знаний и умений, это, прежде всего, личностная позиция непричастности и ментальная непринадлежность к общественно-приемлемой для данной профессии профессиональной морали.

Для профессий сферы «человек – человек» данная позиция является опасной, так как объектом воздействия в данных профессиях является личность. Нарушение этических норм специалистом негативно влияет на субъект его труда.

Таким образом, профессиональный маргинализм в «помогающих» профессиях является сложным, малоизученным явлением. Необходимо дальнейшее изучение данного явления для профилактики и коррекции.

Об истоках отечественной социальной психологии труда в конце XIX – начале XX века

О.Г. Носкова (Москва)

Настоящее сообщение ставит целью рассмотреть вопрос о зарождении в России научно-психологических исследований групповых форм труда, социально-психологи-

ческих феноменов в производственных организациях. Речь идет о социально-важных задачах, требовавших научной проработки в тематической области, которую А.Л. Журавлев предложил обозначить как «социальную психологию труда». Таким образом, мы будем рассматривать не истоки социальной психологии в широком понимании, но зарождение научного знания о социально-психологических феноменах, проявлявшихся в трудовой жизни общества. Если ограничиться вопросом о возникновении научного подхода к указанной предметной области, то его истоки необходимо искать в тот период общественного развития, который характеризуется преобладанием капиталистических производственных отношений и сопутствующими им явлениями, такими как: формирование рынка товаров и рынка труда, ведущая роль крупных машинных фабрик в хозяйственной жизни страны. В России подобные условия сложились к 80–90-м гг. XIX в. после отмены крепостного права. Истоки социальной психологии труда можно найти в работах специалистов-практиков (инженеров-организаторов производства, врачей-гигиенистов, военных деятелей), в публикациях, посвященных вопросам научного управления, организации труда и производства, в работах по социологии, рефлексологии и педагогике. Существующие в настоящее время историко-психологические работы, на наш взгляд, недостаточно полно освещают обозначенную выше тему. Вместе с тем, в 90-е гг. XX–го и первое десятилетие XXI в. появилось достаточно много работ по истории социологии, управленческой мысли в России 20–30-х гг., которые позволяют более точно и полно реконструировать начальный этап развития социальной психологии труда (Корицкий Э.Б. и др., 1999 и др.). Работы данного периода, несомненно, учитывались деятелями науки и практики 20–30-х гг. и последующих десятилетий. Необходима преемственность идей, подходов, методов в данной сфере, ибо речь идет о начальном этапе развития научных знаний в области тесно связанных современных дисциплин — психологии труда, психологии управления, организационной психологии и экономической психологии. Рассмотрим далее кратко наиболее существенные идеи социальной психологии труда, оформившиеся в трудах отечественных деятелей нашей страны в обозначенный выше период ее истории.

1. *Военное дело.* По материалам Е.А.Будиловой (1983) в наследии военных деятелей дореволюционной России указанного периода можно встретить более 120 публикаций, посвященных социально-психологическим феноменам, закономерностям, проблемам. В изучении и оптимизации совместной деятельности военнослужащих (а, другими словами, в отечественной военной психологии), несомненно, коренятся истоки и исторические аналоги социальной психологии труда, психологии управления и организационной психологии.

2. *Инженерное дело.* Инженер И.И. Рихтер (1895; 1900) изучал социально-психологические факторы в труде железнодорожных агентов и всей железнодорожной корпорации. Труды инженера-конструктора и руководителя высших эшелонов государственных российских железных дорог, Д.И. Журавского (1874, 1875), были направлены на выделение специфики предмета труда администратора по сравнению с деятельностью техника. Журавский представил «идею хорошего администратора», которая может быть нами интерпретирована как модель эргатических функций (компетенций и компетентностей) администратора высшего уровня. Интересны публикации отечественных инженеров, пропагандировавших идеи научного управления в России (Организационная ..., 1999).

3. *Научное управление. Школа А.А. Богданова.* «Всеобщая организационная наука (тектология)» А.А. Богданова (1913 г.) — один из первых в мировой практике аналогов системного подхода в методологии научного познания. Принцип энергетизма был А.А. Богдановым преодолен и центральное место в его творчестве заняло организационное начало. Работы А.А.Богданова имеют особое значение для социальной психологии, психологии труда, психологии управления и организационной психологии (Носкова О.Г., 1997).

4. *Научное управление. «Социальная инженерия» А.К. Гастева (1925)*. Ценные стороны этой концепции состоят в том, что работающие люди оказались объектом специального исследования, формирования, обучения, развития, объектом организационного проектирования. Недостатки концепции заключаются в том, что не приветствовалась инициатива тружеников, они оказывались пассивными продуктами инженерно-педагогических воздействий (Гастев А.К., 1973).

5. *Научное управление, основанное на данных социологии и социальной психологии. Школа Н.А. Витке*. Есть основания оценивать концепцию Н.А. Витке (1924), как российский аналог американской школы «Человеческих отношений». Идеи Н.А. Витке подверглись острой критике современниками. Почему же «социальная психология» оказалась неприемлемой научной дисциплиной для ортодоксов большевизма?

5. *Социология и социальная психология как истоки социальной психологии труда* (Сорокин П.А., 1920; 2008 и др.). Первая в России кафедра социологии была создана в Психоневрологическом институте, профессор истории права и социолог, М.М. Ковалевский, был одним из ближайших наставников П.А. Сорокина. Ковалевский в книге «Социология» (1910) особо выделил труды Л.Ф. Уорда – одного из основателей психологического направления в американской и мировой социологии. Сорокин, как юрист, проявлял интерес к психологии и социологии как объяснительным научным основам практики правовых общественных отношений. Ученый ориентировался на научные принципы объективной психологии В.М. Бехтерева. Целесообразное взаимодействие людей (его содержание и средства, или «посредники») рассматривалось как исходная единица в исследовании структуры общества в «Системе социологии» П.А. Сорокина. По всей видимости, Сорокин (как, видимо, и А.А. Богданов) использовал идеи Л.Ф. Уорда (1901; 1891), посвященные организационному принципу общественного развития. Сорокин подверг критике монистические концепции социологии (в частности, социологическую школу экономического материализма и работы ее адептов – К. Маркса, Ф. Энгельса). Представляют интерес достоинства и недостатки синдикалистского направления в социологии, отмеченные П.А. Сорокиным, его исследования профессиональной структуры общества и ее динамики. Полезно далее сопоставить идеи синдикалистов-социологов и принцип «единства сознания и деятельности» в отечественной психологии. Жизненный путь П.А. Сорокина, его мировоззрение, политические взгляды помогают понять роль работ П.А. Сорокина (1922, 1992) в становлении и ликвидации проблематики отечественной социальной психологии труда в нашей стране.

6. *Рефлексология труда и коллективная рефлексология В.М. Бехтерева в исследовании и оптимизации групповых форм труда*. Идеи «Системы социологии» П.А. Сорокина были использованы в «коллективной рефлексологии» В.М. Бехтерева (1921; 1994). Интересно сопоставить способ представления законов коллективной рефлексологии В.М. Бехтеревым и способ изложения тектологии А.А. Богдановым, сравнить отношение к энергетическому принципу Бехтерева и Богданова.

7. *Индустриальная психотехника. Работы И.Н. Шпильрейна и его сотрудников*. Психотехническое исследование и рационализация труда агитаторов и пропагандистов – первая отечественная публикация в области политической психологии (Шпильрейн и др., Язык красноармейца, 1928). Психотехника применялась в проектировании и использовании плакатов по технике безопасности (Рейтгынбарг Д.И., 1931). Социально-психологические способы воздействия успешно предотвращали производственный травматизм и аварии (История..., 1983, с. 255). Р.И. Почтарева (Психология ..., 1969, с. 122) и Н.А. Эппле (История..., 1983, с. 272) изучали психологические феномены групповой работы в условиях конвейера. Психотехники (Коган В.М. и др., 1931) рационализировали формы социалистического соревнования на производстве – как научно-практический способ управления трудовой мотивацией (История..., 1983, с. 316).

8. *Социальная педагогика и педология как источники идей социальной психологии труда*. В.М. Бехтерев в докладе на съезде по экспериментальной педагогике представил программу общественного воспитания подрастающего поколения в демократической России. Конечная цель ее сводилась к социально-трудовому воспитанию молодежи (Бехтерев, 1917). Коллективные формы жизни и труда в колонии несовершеннолетних правонарушителей, как известно, были эффективным средством нравственного и общественного перевоспитания (Макаренко А.С., 1977). Детский коллектив, его деятельность (*трудова*я, а также учебная, досуговая) исследовались педологом А.С. Залужным (1930). Этот автор конструктивно использовал идеи П.А. Сорокина и (что удивительно) не боялся сослаться на его книги.

Итоги.

1. Социальная психология труда (как и научное управление, основанное на идеях социологии и социальной психологии) вызревали в недрах общественной практики как неизбежное следствие требований капитализма, либеральной демократии и, отчасти, развития страны в условиях НЭПа.

2. В России рассматриваемого периода были ученые и практики, предложившие оригинальные идеи, которые могли бы послужить основой для успешного развития отечественной социальной психологии труда. Однако, основы данного направления оказались связанными с именами авторов, признававшихся врагами народа, представителями враждебных политических партий или философских ориентаций. В этой связи по отношению к «социальной психологии» укоренилось негативное отношение, сохранившееся вплоть до конца 50-х гг.

Таким образом, социальная психология труда оказалась одной из первых репрессированных ветвей отечественной прикладной психологии.

Из истории психотехнических исследований: профотбор летчиков в Германии (1917–1919 г.г.).

Ю.Б. Плавинская (Н. Новгород)

Становление и развитие профессионального отбора летчиков в Германии неразрывно связано с именами Отто Зельца, Вильгельма Бенари и Артура Кронфельда и относится к периоду I Мировой войны.

В это время первый раз в истории человечества летательные аппараты нашли военное применение. Сразу же появилась потребность в увеличении эффективности использования самолета как боевого средства. Командование немецкой армии было заинтересовано в разработке системы профессионального отбора военных летчиков, так как это было экономически выгодно.

С 1917 года ряд немецких психотехников занимался этим вопросом: Гольдшмидт – в Мюнстере, Штерн и Бенари – в Гамбурге, Кронфельд и Зельц – в Баварии, Бран и Зейферт – в Саксонии, Эрих Штерн – в Страсбурге.

Наиболее значимыми были исследования Зельца, Бенари и Кронфельда.

Отто Зельц (1881–1943) – знаменитый немецкий философ и психолог, еврей по происхождению. Проявлял большой интерес к вопросам прикладной психологии. В период с 1912 по 1921 годы Зельц был приват-доцентом философии и психологии в Университете Бонна. Очень интересна его работа «О значении индивидуальных качеств летчиков при несчастных случаях с последними». Ученый изучил 300 докладов о несчастных случаях в Баварской школе летчиков и пришел к выводу, что в 85% причиной несчастного случая была неспособность летчика фиксировать внимание одновременно на внешних происшествиях и собственных действиях. Отто Зельц выяснил, что профессия летчика требует наличия следующей комбинации психических качеств: 1) умение одновременно фиксировать внимание на нескольких предметах; 2) способ-

ность не отвлекаться на посторонние раздражители; 3) быстрота абстрактного мышления; 4) отсутствие пугливости; 5) быстрота реакции на раздражители; 6) ловкость; 7) присутствие духа. Эта профессиограмма позволила построить психотехническое исследование профпригодности.

Вильгельм Бенари (1988–1955) занимался проблемой профессионального отбора летчиков с осени 1917 года. Бенари родился в богатой еврейской семье в Эрфурте. Известен как первый спортивный психолог, психотехник и гештальт-психолог.

По приглашению Вильяма Штерна он работал в психологической лаборатории Института прикладной психологии в Гамбурге. Испытания проводились в местной школе летчиков. В ходе обследования процесс полета воссоздавался как можно более реалистично. Испытуемый сидел на стуле посреди комнаты. Слева и справа от него на полу двигались полосы бумаги, на которых была нарисована военная территория с пушками, домами, деревьями «с высоты птичьего полета». На стене перед испытуемым одновременно двигались две бумажные полосы с синими и красными стрелками – изображение воздушного пространства с вражескими и своими самолетами. Обследуемый должен был нажимать на 4 клавиши, как только определенный знак появлялся в поле зрения. Испытание длилось 12 минут.

Бенари выделял 4 критерия ошибочного выполнения теста: 1) отсутствие реакции на появление заданной цели; 2) ошибочная реакция на появление не той цели, которая была задана; 3) количество правильных попаданий; 4) время реакции.

Сам тест Бенари разделил на 4 действия: 1) общая ориентация; 2) наблюдение за землей; 3) наблюдение за воздушным пространством; 4) полет при неудовлетворительных условиях видимости.

Ученый установил, что эти действия конкурируют между собой и исключают возможность их одновременного выполнения (например, одновременное наблюдение в воздухе и на земле). Это «соперничающие задачи», в которых внимание попеременно обращено то на одно, то на другое.

Бенари так определил качества, необходимые летчику: 1) способность к быстрому различению раздражителей; 2) способность к зоркому (острому) наблюдению; 3) уверенная ориентация; 4) быстрота принятия решения; 5) сноровка, ловкость; 6) выносливость; 7) распределяемость внимания – способность одновременно наблюдать за землей, воздухом, ориентироваться на местности и обслуживать инструменты; 8) общий интеллект; 9) выдержка; 10) сильная воля. Даже с сегодняшней точки зрения нам нечего добавить к этой профессиограмме. Также Бенари указал, что некоторые качества невозможно исследовать экспериментально – например, личное мужество.

Несмотря на успешные результаты деятельности, в ноябре 1918 года этот исследовательский проект был приостановлен из-за окончания войны. Интересно, что в ходе этой работы Бенари самостоятельно разработал «парадигму двойной деятельности» – сочетание в тесте одновременных заданий на исследование конкурирующих психических функций.

Обследования, проведенные известным немецким психиатром Артуром Кронфельдом (1886–1941), также евреем по происхождению, выделяются своей глубиной.

В 1918 году Кронфельд работал во Фрейбурге в Военной комиссии по испытанию летчиков. Ученый считал, что испытание должно требовать от летчика той же самой психической деятельности, что и во время полета. Кронфельд первым стал исследовать не отдельные психические качества, а их комплекс. Им был сконструирован специальный аппарат, точно воссоздававший ситуацию полета. Испытуемый помещался в темную комнату. Перед ним вращалась на барабане панорама, красочно изображавшая местность, как ее видит летчик с высоты 2000 м. Кронфельд стремился к тому, чтобы обследуемый выполнял задания осознанно, поэтому вместо слов: «Вы двинете в данную минуту рычагом», испытуемый слышал: «Вы теперь летаете над вражеской по-

зицией и должны фотографировать артиллерийские цели». После «фотографирования местности» (за 2 минуты появлялось 30 целей) начинался «обстрел»: в темной комнате в различных местах вспыхивали лампы разных цветов (20–40 ламп в минуту). На каждую вспышку нужно было реагировать. Потом за спиной испытуемого вспыхивал магний — так изучалось влияние внезапного испуга. В течение всего опыта с помощью специального прибора имитировался шум мотора самолета, изменения в ритме которого должны были замечаться обследуемым. Каждая реакция испытуемого регистрировалась с помощью особых приспособлений, также фиксировалось время выполнения. Кронфельд разбил все исследование на 20 частей и создал четкие критерии оценки — количество незамеченных лампочек, ухудшение действий в результате утомления, число ошибочных реакций и т. д.

В зависимости от количества ошибок Кронфельд ставил отметки от 1 до 5. Идеальная профпригодность оценивалась в 100, средняя — в 200, наихудшая — в 500 баллов.

Были обследованы 30 летчиков и 122 кандидата в летчики. Результаты подтверждались самой жизнью: прославленные летчики легко выдерживали испытание, плохие — с трудом. Для проверки эффективности примененного метода ученый использовал отчеты инструкторов школы летчиков. Практика в 70–90 % случаев подтвердила психотехнический прогноз.

Кронфельд пришел к следующим выводам: 1) психотехнический отбор летчиков возможен и крайне необходим; 2) большое значение имеет психоэмоциональное состояние испытуемого: из нервных летчиков 2/3 исполнили тест плохо, а 1/3 оказалась совершенно непригодной.

Конец войны прекратил работы Кронфельда.

Исследования немецких психотехников оказались необычайно успешными. Было выработано два одинаково эффективных метода определения профессиональной пригодности: 1) путем испытания каждой способности в отдельности — метод Бенари; 2) при помощи одного комбинированного эксперимента — метод Кронфельда.

Зельц, Бенари и Кронфельд определили перечень профессионально важных качеств летчика практически одинаково, хотя пришли к такому выводу разными путями. Результаты своих обследований они совместно опубликовали в 1919 году под названием: «Исследования психической годности к службе летчика» (“*Untersuchungen über die psychische Eignung zum Flugdienst*”).

Результаты психотехнических испытаний профессиональной пригодности летчиков были так впечатляющи, что в 1921 г. на II Международной конференции по психотехнике в Барселоне французский психолог Ж.-М. Ляи предложил потребовать от правительств ввести обязательный психотехнический отбор летчиков, что и было сделано во многих странах.

Хочется сказать несколько слов о судьбе ученых, внесших такой большой вклад в решение этой проблемы. Из-за своего еврейского происхождения все они пострадали при Гитлере: были отстранены от должностей, ущемлены в своих правах. Артур Кронфельд эмигрировал в СССР, где покончил жизнь самоубийством 16 октября 1941 года в Москве. Отто Зельц погиб 27 августа 1943 года в концентрационном лагере Аушвиц. Имена их были незаслуженно забыты, но сейчас мы заново открываем их для себя.

Особенности трудогенеза как детерминанты деятельности психолога

В.В. Пчелинова (Москва)

Психологи работают в интересах морально-нравственного здоровья и социально-экономического развития граждан нашей страны. Поэтому цели их работы нужно сопрягать с задачами настоящей и будущей широкой социальной политики в областях управления трудом и развития адекватного профессионального сознания и самосозна-

ния. Однако само слово труд в нашей стране старательно вытесняется из словоупотребления, — чего только стоит замена уроков труда в школах уроками информатики или уроками технологии и предпринимательства. Под трудовой составляющей развития личности можно понимать явления общественной жизни, имеющие особое значение в жизни каждого гражданина. Уровень философского осмысления явлений труда заключается в выделении особых феноменов: свободы или отчуждения труда, уровень социологического рассмотрения состоит в выявлении уровня удовлетворенности или неудовлетворенности трудом, который присущ обществу на данном этапе его исторического развития. По опросам социологов, проведенных в 2006–07 гг. от 87 до 92% жителей России испытывают состояние неудовлетворенности своим трудом.

Уровень анализа в контексте психологии труда связан с определением наличия его полной психологической структуры в виде осознания ее совокупных признаков 1) потребности в труде, 2) наличии социально-значимых замыслов, 3) этико-деонтологическом, 4) инструментальном и 5) кооперированном его наполнении, или вариантов ее деструкции. Разрушение структуры труда по родовым признакам приводит сначала к системным ошибкам, потом к выгоранию, псевдотруду, преступлениям. Деструкции «тянут» за собой повседневную неудовлетворенность, исчезает радость труда, появляются предчувствие катастрофичности, которое подкрепляется такими же событиями в других сферах, что приводит к тяжелым формам отчуждения субъекта труда, вплоть до личностного распада. Именно с задачами помощи в преодолении деструкции, в первую очередь, связаны современные профессиональные компетенции психолога труда в нашей стране.

Детерминанта развития в труде «человека экономического», т. е. озабоченного заработком, в противовес «человеку психологическому», — старающемуся в своем развитии достичь прогрессивных социально-значимых результатов, направляется соответствующими подходами к пониманию труда в экономике труда, трудовом праве и экономической психологии. В противовес этому на психолога труда возлагается особая общественная задача. Ее амбициозность заключается в том, чтобы способствовать искоренению в нашем обществе и государстве явлений труда как рабства и как товара, поскольку это самые отсталые формы трудогенеза. Нужно ставить заслон пропаганде этих форм, к примеру, популярным «психологическим» изданиям с названиями типа «как продать себя на рынке труда», «пройти собеседование — поучаствовать в шоу», а также реализации этих недостойных форм труда с помощью «психологов», работающих в частности в брачных агентствах, поставляющих «невест» и «женихов» как живой товар (Маховская, 2006). Такие формы труда запрещены законом, но они маскируются «свободой» труда. Общество принимает отечественный «капитализм» как должное, его члены не информированы о том, что идеология труда — марксизм как идеология конфликта труда и капитала давно сменилась на позитивизм — международную доктрину взаимодействия труда и капитала. Об этом было заявлено Международной организацией труда в Филадельфии (США) на конференции в 1944 г., где была принята Филадельфийская декларация, воплотившая следующие принципы:

- труд не является товаром;
- свобода слова и свобода объединения являются необходимым условием постоянного прогресса;
- нищета в любом месте является угрозой для общего благосостояния;
- все люди, независимо от расы, веры или пола, имеют право на материальное благосостояние и духовное развитие в условиях свободы и уважения достоинства, экономической устойчивости и равных возможностей.

После Второй мировой войны в соответствии с этими принципами стала развиваться социально-ориентированная экономика и промышленно-развитые страны стали именоваться экономически-развитыми. Впоследствии на базе этой декларации в 1948

г. большинством стран-членов ООН была принята Декларация о правах человека, в которой говорится о том, что права человека быть человеком неотчуждаемы, следовательно, способность к труду как рабочая сила у него также не может отчуждаться.

Руководство СССР эти декларации игнорировало, в вузах преподавались устаревшие нормы развития капитализма. Хорошо усвоенные тогда они проросли на отечественной ниве в наше время, поскольку другими сведениями «реформаторы» не располагали. Сейчас правовое положение другое: есть юридическая возможность, но пока не сформировано фактическое воплощение перечисленных выше принципов поддержания трудовых норм в нашей стране на должном уровне. Юридическая возможность появилась в декабре 1993 г. после принятия новой Конституции РФ, в которой в соответствии со Ст.37 определено: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своей способностью к труду. Принудительный труд запрещен».

Перед российским обществом открыта новая форма трудогенеза. Психологи обязаны решать свои профессиональные задачи в ее контексте. Под трудогенезом понимается развитие человеческой деятельности, выходящей за пределы адаптивных генетических программ (Никандров, 2009). Можно расширить это понятие за счет включения определения и описания его форм. Под формами трудогенеза мы понимаем способы приобщения к трудовой активности большинства населения. На протяжении историкогенеза существовали и сосуществуют все четыре формы трудогенеза, но в данном случае речь идет о приобщении к трудовой активности большинства населения законодательными мерами. Первой формой трудогенеза является естественное освоение человеком живой и неживой природы, как нетоварный труд, свойственный натуральному хозяйству. В этом случае формируются представления о взаимной зависимости, или говоря современным языком, экологичность сознания человека. Второй, — выступает форма труда как принуждение, она формирует у его субъекта системы покорности и протеста, — и в этом случае обслуживающая душеведческая функция вполне «закрывается» религиозным миропониманием временности земного предназначения, а трудовой менеджмент сводится к надзору. Третья форма трудогенеза представляет собой явление труда как товара. Задачи достижения примитивного утилитарного эффекта «требуют» от обслуживающего душеведческую функцию персонала вести отбор непригодных «здесь и сейчас». Трудоспособность работника представляет собой рабочую силу, ее качества рассматриваются как качества товара. Этот отбор ведется в практике, как правило, на основании умозрительного выделения системы профессионально-важных качеств, и порождает в науке различные теории адаптации. Здесь оказывается востребованной деятельность психотехников и тестологов.

Генез профессиональных занятий психологического профиля обусловлен стремлением преодолеть феномен отчуждения во всех сферах общественной жизни «новейшего» времени. На современном этапе развития человеческого прогресса при реализации идеи приоритета этики над техникой, трудовое право может рассматриваться как индивидуальный механизм обнаружения труда как справедливой ценности. Отсюда у психолога особый интерес к правовому полю своей активности, поскольку его профессиональная деятельность не может быть адекватно реализована в рамках третьей формы трудогенеза. После 1944г. в сферу промышленного труда в США сначала направленным образом, а не стихийно, стали внедряться патерналистские отношения через механизмы профессиональной деятельности директора-распорядителя по персоналу, специалиста по адаптации персонала, промышленного психолога, социального психолога и др. вследствие необходимости преодоления «родимых пятен» товарного труда. Именно на этой базе шло развитие в психологии человеко-центрированного подхода во второй половине XX века.

В настоящее время реализация фактической возможности свободы труда, а не вседозволенности на базе конституционных норм во многом ложится на психологов, занятых практической деятельностью. В общественном сознании и в профессионально-

психологическом сознании утверждается понятие «психолог-практик», или «практический психолог». Эти названия не синонимичны названию «прикладной психолог», поскольку прикладной психолог осуществляет конверсию исследовательских действий в практику, руководствуясь гносеологическими основаниями познания, не имеющего заданных границ, кроме статистических пределов. Психолог-практик в нашей стране действует в рамках гражданского кодекса, в рамках праксеологического подхода, предполагающего, прежде всего, основания работы «не навредить» на уровне здравого смысла. Гражданское право представляет собой науку цивилистику, которая представляет собой одну из самых сложных и объемных правовых наук. В этой науке обнаруживаются большие сложности с систематизацией материала, различные (часто противоположные) взгляды ученых-цивилистов на одни и те же явления. Последнее полностью соответствует сущности цивилистики — высказывания противоположных взглядов на основании принципа диспозитивности, что означает невозможность и ненужность четкого законодательного регулирования всех гражданско-правовых ситуаций. Таким образом, гражданское право допускает множество вариантов правомерного поведения субъектов и множество вариантов оценки и квалификации этого поведения.

В связи с этим возникает настоятельная необходимость регуляции профессионального поведения психологов в рамках принятых ими как членами профессионального сообщества этических принципов.

Основы синергетической эргономики

С.Ф. Сергеев (Санкт-Петербург)

Классическая методология эргономического обеспечения и проектирования эргатических систем, традиционно разделяющая задачи проектирования технической среды и деятельности в ней человека-оператора, малоэффективна при решении задач, возникающих при создании новых видов эргатических систем с «разумным» поведением технической компоненты, реализующих погружение оператора в искусственные среды обучения и профессиональной деятельности. Требуется более серьезное внимание к анализу отношений «субъект — объект с разумным поведением», возникающих в сложных видах деятельности.

Существующие подходы к среде, описывающие ее как часть мира и окружающие условия, не позволяют сформировать модели обучения и профессиональной деятельности, корректно учитывающие особенности работы человека как самоорганизующейся аутопоэтической системы.

Неконструктивно при эргономическом обеспечении проектирования новых видов технических систем и классическое физическое понятие «среда», не учитывающее специфику процессов, возникающих и протекающих во внутреннем плане психики оператора в процессе решения учебной и/или профессиональной задачи. В результате проектировщик сложной эргатической системы не понимает, как связаны с содержанием и свойствами технического компонента разрабатываемой им системы обучающее и профессиональное поведение человека. Алгоритмические модели, традиционно используемые при описании деятельности оператора, некорректны и малопродуктивны при управлении сложными системами, содержащими искусственные динамические среды. Возникающие в них формы отношений оператора с интерфейсом приобретают характер социальных и межличностных управляющих коммуникаций, не подчиняющихся законам формальной логики, положенным в основание алгоритмического подхода.

По настоящее время в эргономике не сформулирован теоретико-методологический базис, позволяющий с единых позиций объединить в процессе эргономического проектирования технологии тематического, технического, организационно-педагогического и психологического проектирования обучающих и профессиональных сред.

Вместе с тем накоплен большой объем данных, свидетельствующих о специфике работы человека как социобиологического существа, реализующего себя и действующего в обществе как самоорганизующаяся система. Внедрение идей синергетики в эргономику позволяет расширить возможности данной дисциплины и, прежде всего, в сфере создания сложных технических сред, деятельность в которых требует учета особенностей динамической самоорганизации человека.

Можно говорить о зарождении комплекса знаний, который уместно назвать *конструктивистской*, или *синергетической эргономикой*. В нем сделана попытка последовательного внедрения идей самоорганизации в процессы проектирования иммерсивных обучающих и профессиональных сред (Сергеев, 2009).

Философско-методологический базис данного направления основан на:

- философских взглядах постмодернизма и, в частности, концепции радикального конструктивизма и его формах, нашедших свое отражение в работах П. Ватцлавика, Э. фон Глазерсфельда, К.Дж. Джерджена, Н. Лумана, С. Шмидта;
- идеях междисциплинарности и самоорганизации, связанных с именами И. Пригожина и Г. Хакена.

Естественнонаучные основы конструктивизма развиты в работах Ф. Варелы, У. Матураны, Г. Рота, Ханца фон Ферстера, К.Х. Удингтона, М. Эйгена и др.

Междисциплинарность в эргономике предполагает взаимосогласованное использование образов, представлений, методов и моделей дисциплин как естественнонаучного, технического, так и социогуманитарного педагогического и психологического профиля при решении задач проектирования и эксплуатации эргатических систем и их элементов.

В качестве общеметодологических научных оснований синергетической эргономики используются объединенные в междисциплинарном ракурсе вокруг понятия «среда», основные положения современной теории систем, биологии, физиологии, когнитивной и педагогической психологии, в которых отражено представление о человеке как о самоорганизующейся, аутопоэтической, познающей системе.

Постклассическая конструктивистская эргономика основана на следующих взглядах на понятия «среда», «обучающая среда».

1. Среда эргатической системы является продуктом конструирующей деятельности психики человека-оператора и не может быть рассмотрена вне ее психического содержания.

2. Среда отражает феномен динамической целостности циклически формирующихся цепей отношений человека с физической и социальной реальностью в процессе обеспечения его жизнедеятельности. Среда выступает перед субъектом одновременно в виде субъективной реальности и как внешняя предметная, объективная структура мира, в котором действует субъект.

3. Обучающая среда в содержательном плане возникает всегда как динамический процесс формирования сети отношений в субъекте обучения, в который им лично (не всегда осознанно) избирательно вовлекаются самые разнообразные элементы внешнего и/или внутреннего окружения с целью обеспечения: аутопоэзиса организма, стабильности личности и непрерывности ее истории.

Понятие «знание» в постклассической эргономике также имеет смысл отличный от понятий «знание», принятых в традиционных инструменталистских теориях:

- знание, в отличие от информации, не может быть извлечено из человека, в котором оно существует;
- знание нельзя передать непосредственно от человека к человеку. Оно может быть построено только самим учеником, выращено в нем;
- знание зарождается и развивается вместе с человеком, совершенствуется в процессе жизни, приобретает свойства, учитывающие опыт субъекта;

- знание не обладает материальной формой, к нему не применимы операции, аналогичные операциям с физическими, материальными объектами;
- знание связано с работой механизма понимания;
- знание носит черты социального конструкта, отражающего интерпретации, порождаемые и разделяемые членами общества;
- язык выступает в качестве средства конструирования знаний, которые являются социальным продуктом, возникающим в процессе языковой деятельности в процессе коммуникаций (Сергеев, 2008).

На базе конструктивистской эргономики сформулирована теория обучения в иммерсивных средах, которая включает следующие базовые принципы: *самоорганизации, селективности, погружения, присутствия, конструирующей активности обучаемого, взаимной ориентации (человек—машина, человек—человек) в процессе обучающей коммуникации, физической непосредственности и субъектной (сознательной) опосредованности — интерпретативности, историчности.*

Иммерсивная обучающая среда является динамическим *системным самоорганизующимся психологическим конструктом*, обладающим свойствами: *иммерсивность; присутствие; интерактивность; внесубъектная пространственная локализация; избыточность; наблюдаемость; доступность когнитивному опыту (конструируемость); насыщенность; целостность; мотивогенность*, проявляющимися в форме активного обучения.

Обучение в иммерсивной среде сопровождается чувством присутствия в среде. Присутствие в иммерсивной обучающей среде — это динамический процесс включения человека (его психологической и психофизиологической систем) в среды человеческого опыта в процессе их конструирования и освоения. Практика применения постклассической эргономики показывает ее эффективность при создании тренажерных обучающих систем и перспективность при создании авиационных систем повышенной автоматизации (Захаревич, Киселевич, Сергеев, 2005; Сергеев, 2007).

Вывод: для решения задач, возникающих в связи с усложнением техносферы и появлением сложных эрготехнических систем, требуются изменения и дополнения в методологической и понятийной базисы эргономики и инженерной психологии в виде постклассических представлений концептов «среда», «техническая среда», «эрготехническая среда», «знание», «умения» и «навыки» с учетом синергетического характера взаимодействий, возникающих в системе «оператор — среда».

Причины «кризиса» отечественной инженерной психологии

В.П. Серкин (Магадан)

Традиционно кризис какого-либо направления в психологии связывают с неуспешностью основного метода и, соответственно, выделяемого этим методом предмета психологии. Например, кризис психологии сознания связан с отказом от метода интроспекции и стоящей за ним аналитической парадигмы. Так же традиционно «ответом» на кризис является выделение новых предметов исследования и новых методов. Например, в результате кризиса психологии сознания (аналитический метод) в Европе были четко сформулированы принципы гештальтпсихологии (целостность, синтез) и феноменологии (без детерминизма), а в США — бихевиоризм (предмет — поведение, метод — «объективное» наблюдение).

Обращаясь к кризису не направления в психологии, а отрасли психологической науки, конечно же, следует обратиться к анализу ее методов и предмета. Зарождение инженерной психологии в сороковых-пятидесятых годах XX века было связано не с кризисом какого-либо направления психологии, а с практическим запросом на изучение и проектирование деятельности системы «человек-машина» (СЧМ). Можно, ко-

нечно, такой запрос интерпретировать как кризис, вызванный недостаточностью традиционных методов психологии труда, но это было бы явной натяжкой под общую схему, так как традиционные методы психологии труда и спрос на них сегодня так же актуальны, как и в середине прошлого века.

Новая отрасль психологической науки (инженерная психология) с первых лет ее существования коренным образом отличалась от других отраслей психологии *взаимосвязью традиционной научной задачи – изучение (деятельности человека-оператора) и новой хорошо осознанной научной задачи – проектирование (деятельности человека-оператора)*.

К сожалению, именно наличие этой новой задачи привело сегодня к тем явлениям, которые многие специалисты интерпретируют как кризисные. Это, прежде всего, отсутствие высококачественных прикладных разработок по многим актуальным сегодня задачам. Понятно, что отсутствие научных и прикладных разработок интерпретируется как тупиковое состояние, застой или кризис.

Кроме ссылок на общекризисную ситуацию и отсутствие запроса, можно назвать три основных субъективных причины такого состояния:

- 1) отсутствие или профанация разработок обусловлены отсутствием или наличием единичных высококвалифицированных специалистов по многим направлениям инженерной психологии;
- 2) немногочисленность и занятость высококвалифицированных специалистов приводит к тому, что в целом корпус специалистов не отвечает сегодня даже на такие актуальные «вызовы времени» как крупные аварии сложнейших социотехнических систем (авария на Саяно-Шушенской ГЭС и другие);
- 3) «разделенность» специалистов и потенциальных заказчиков научных и прикладных разработок.

Поговорим о каждой из причин отдельно.

Чтобы понять причины отсутствия достаточного количества высококвалифицированных специалистов необходимо проанализировать процесс появления небольшого количества наличествующих. Не желая называть фамилии, автор на основе общения берет на себя смелость утверждать следующее: *все (!) сегодняшние высококвалифицированные специалисты до начала изучения психологии имели какую-либо подготовку (высшее или неполное высшее образование) по специальностям естественнонаучного или технического профилей.*

Это очень понятно, так как понимание деятельности человека в СЧМ требует определенного уровня понимания устройства технической системы (машины). А составление проекта требует точных расчетов (Из выступления Г.М. Зараковского на кафедре психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова) с учетом многофакторных параметров деятельности человека, режимов технического устройства и условий эксплуатации.

Дает ли традиционная психологическая подготовка возможность разобраться в работе технического устройства до уровня, необходимого для изучения СЧМ и участия в проектировании? Вопрос риторический. Для большинства выпускников (дипломированных специалистов), конечно, нет. В результате эти дипломированные специалисты либо ограничиваются задачами психологии труда, либо работают по другим специализациям (и специальностям).

Вывод из вышеприведенного текста напрашивается сам – необходимо либо готовить специалистов по инженерной психологии на базе определенного уровня естественнонаучной и технической подготовки, либо включать такую подготовку в программу обучения инженерных психологов. Понятно, что это дороже и сложнее, но другого выхода нет. Альтернатива – Россия останется без инженерно-психологического проектирования, т. е. в перспективе без технического проектирования вообще.

Говоря о второй причине, с сожалением должен утверждать, что крупные аварии социотехнических систем становятся системно неизбежными. Если в неудовлетворительном состоянии сегодня находится проектирование СЧМ, что уж говорить о проектировании работы социотехнических систем.

Ситуация разделенности специалистов и заказчиков, несколько аналогичная нынешней, складывалась в годы НЭП. Однако тогда нашлись высококвалифицированные специалисты, воспитанные в предпринимательском (капитализм в царской России) обществе, которые сориентировались в новой обстановке, поняли, куда и как нужно обращаться, и сумели убедить потенциальных заказчиков в необходимости разработок. Во много благодаря им, в СССР существовали психотехнические разработки, первые системы повышения квалификации и переобучения и существующие до сих пор системы и разработки НОТ. Вопрос в том, есть ли такие, с равно хорошими менеджерскими и научными способностями, специалисты сегодня. И если они есть, не увидят ли в них представители существующих, но уже не успевающих за запросами времени структур, не сотрудников, а угрожающих спокойствию конкурентов?

Каков путь решения этих проблем? На мой взгляд, необходимо создавать новые структуры деятельности и подготовки специалистов по инженерной психологии:

- 1) необходимо открывать отделения инженерно-психологического проектирования (деятельности человека в СЧМ и деятельности групп людей в социотехнических системах) в ведущих технических ВУЗах страны, набирая туда студентов после второго-третьего курса обучения;
- 2) необходимо на этих же отделениях создавать структуры для решения актуальных прикладных задач, привлекая для этого существующих специалистов.

Как возможно сохранение длительности временного интервала в структурах опыта?

Ю.К. Стрелков (Москва)

(Работа выполнена при финансировании РГНФ, грант 09-06-00848а.)

В области, известной под названием «восприятие времени», известна методика, где от испытуемого требуется прослушать интервал между двумя сигналами, а потом воспроизвести его. Сохранение интервалов требуется в различных ситуациях за пределами психологической лаборатории — на производстве, в музыке, спорте. Как возможно сохранение длительности интервала? О сохранении длительности свидетельствует воспроизведение. Чтобы воспроизвести длительность некоторого интервала из прошлого, в настоящем должно быть какое-то движение, заученное и в его элементах и в целом. Движение, открытое для контроля изнутри и извне, оно совершается человеком или доступно для наблюдения со стороны. Движение совершается в привычном мире либо среди неподвижных предметов, относительно которых оно оценивается, отмеряется, воспринимается, либо среди процессов, которые хорошо известны субъекту, понятны ему, хорошо ритмизованы (как это бывает при исполнении оркестром хорошо известного произведения). Это какая-то особая логика определяющая влияние динамичных меняющихся фигур. Длительность можно воспроизвести только в контексте движения тела на основании его инерции и энергии. Но для воспроизведения необходимы: сеть маркеров и ее когнитивная карта, сенсорные афферентные синтезы и система, поддерживающая точное выполнение на всех уровнях построения двигательного действия. По Б.И. Цуканову выдерживание длительности основано на собственной единице времени субъекта. При воспроизведении длительности работают некие внутренние часы — используется генератор ритма. Для воспроизведения требуются ритмические единицы разных уровней, где сжата информация разной степени общности. Соответственно потребуются иерархия сетей маркеров и их когнитивных карт, кото-

рым должны соответствовать переживания тянущихся промежутков, между маркерами, ограничивающими длительности. Эта тема имеет отношение к тому, как выдерживать длительность перехода. Память (сохранение, воспроизведение) длительности возможна в пределах хорошо известных координат, когда длительность можно разложить на дробную последовательность хорошо известных и легко доступных для воспроизведения процессов, исполняемых и наблюдаемых. Но исполнение длительности требует тренировки, оно шлифуется во взаимодействии с другими людьми и поддерживается ими. Вместе с исполнением элементов совершенствуются и их восприятия. Живые сети исполнений строятся на разных уровнях, на каждом своя слитность и своя гармония слияний при исполнении в настоящем. Итак система включает маркеры, схемы маркеров, разные уровни построения действия, внешние системы координат разной степени общности, исполнительные движения, гармония общей итоговой мелодии, усилия и память усилий, сосредоточенность внимание, легкость исполнения. Эту логику можно перенести на водительские процессы – движение рулем, сцепление колес с дорогой, реакция автомобиля, смещение окружающих автомобилей и неподвижных предметов, допустимая резкость движений в пределах допустимых расстояний и временных интервалов.

В актуальном создании сетей маркеров участвуют и те процессы, которые не подчинены субъекту. Внутри сетей есть допустимые промежутки и интервалы, те, что созданы возникли в ходе процесса, в настоящем. И те, и другие должны быть известны субъекту, даны ему, восприняты. На разных уровнях оценивается и трудность ситуации, сопоставлением ее с прежней, той которая сохраняется в памяти. По актуальному усилию субъект судит о сложности наличной ситуации. Гроздь звуков, удары, которые совершает барабанщик, помогают ему овладеть длительностью. Как он запоминает ее? Как воспроизводит, если длительная дробь превращена в пустую паузу или заполнена процессом какого иного непривычного ритма? На эти вопросы частично ответил С.В. Леонов в своей работе, дальнейшие исследования еще предстоят.

Профессиональное здоровье и его значение в труде бортпроводника

Т.В. Филиппева (Москва)

Отношение человека к здоровью можно рассматривать как совокупность отношений к своему телесному, душевному и духовному здоровью. По результатам исследований американских социологов интерес и потребность в получении информации о состоянии здоровья у среднестатистического человека в течение жизни снижается на 24%: в возрасте 18–34 года 81% опрошенных активно интересуются состоянием своего здоровья; 35–44 года – 74%; 45–54 года – 72%; 55–64 года – 61%; старше 65 лет – только 57% (За рубежом, 1995).

Хорошее здоровье является одним из профессиональных требований, предъявляемых к бортпроводнику воздушного судна (ВС) гражданской авиации (ГА), и одновременно ПВК бортпроводника. В соответствии с Федеральными авиационными правилами (ФАП) при поступлении на работу кандидат на должность бортпроводника проходит медицинское освидетельствование, задачей которого является определение годности человека к летной работе по состоянию здоровья. Существуют обязательные ежегодные, полугодовые и ежеквартальные медицинские обследования (РПП 6.4.), в ходе которых определяется текущее состояние здоровья. Врачебно-летная экспертная комиссия (ВЛЭК) учитывает ряд медицинских противопоказаний в труде бортпроводника, среди них: психические заболевания, неврозы, хронические соматические заболевания (болезни внутренних органов, эндокринной, сердечно-сосудистой, нервной систем, опорно-двигательного аппарата), нарушения слуха, речи, ограничения по зрению, кожные заболевания. Бортпроводник вынужден постоянно и целенаправленно

заниматься своим физическим и психическим здоровьем, чтобы быть профессионально пригодным. Многочасовые трансмеридиальные полеты, связанные с частой сменой часовых поясов и сбоем биоритмов, ведущих к нарушению ритма сна и бодрствования, работа в ночное время суток, задержки вылетов и прилетов, различные климатические условия, эмоциональное напряжение, сухой воздух в самолете, приводящий к обезвоживанию организма – это и многое другое может вынести физически, психически и психологически здоровый человек.

Возраст современных бортпроводников – от 18 до 55 лет и старше. Молодые бортпроводники – это, в большинстве своем, здоровые люди, которые легко и быстро проходят медицинскую комиссию в объеме 15 обследований (ФАП МО ГА, 2002). Состояние здоровья не вызывает у них тревоги. Однако с возрастом, по мере возникновения профессиональных заболеваний и накопления утомления, бортпроводники все больше тревожатся о том, чтобы успешно пройти ВЛЭК и вновь быть допущенными к летной работе. Беспокойство и тревожность заставляют бортпроводников скрывать заболевания и лечиться «на стороне», избегая лечащих врачей отраслевых поликлиник и больниц из-за опасения быть списанными с летной работы.

В «Руководстве по авиационной медицине» под редакцией Н.А. Разолова, описаны объективные неблагоприятные факторы условий труда, которые отражаются на профессиональном здоровье и жизни бортпроводников: «Бортпроводники подвергаются неблагоприятным температурным воздействиям при нахождении вне воздушного судна во время обслуживания пассажиров при посадке в самолет, при получении грузов, бортового питания, что в холодное время года сопровождается переохлаждением организма. Основной состав бортпроводников – женщины, организм которых более чувствителен к подобным воздействиям» (ФСВТ, 1999, разд. «Гигиена труда бортпроводников»).

Эмпирические данные по гинекологическим заболеваниям приводятся в кандидатской диссертации «Состояние здоровья и оптимизация медицинской помощи бортпроводникам гражданской авиации» (Суханова Ю.С., 2007). Описывая причины заболеваний, автор отмечает негативное влияние следующих факторов: «...комплекс неблагоприятных производственно-профессиональных и эмоциональных факторов: перегрузки (ускорения) при взлете и посадке, колебания барометрического давления, гипоксия, переутомление, вибрация, неблагоприятные микроклиматические факторы, ионизирующее, тепловое и радиочастотные излучения, электрические и атмосферные поля, переакклиматизация при перелетах на большие расстояния, смена часовых поясов при трансмеридианных полетах». Ю.С. Суханова указывает, что «из всей группы бортпроводниц ГА хроническая соматическая патология выявлена в 66,9 случаях на 100 обследованных: болезни системы кровообращения – в 26,9 случаях, болезни органов пищеварения – в 16,3 случаях, заболевания органов дыхания – в 10,3 случаях, болезни мочеполовой системы – в 6,9 случаях. Распространенность гинекологических заболеваний у бортпроводниц повышается со стажем летной работы: до 5 лет – 49,7%, свыше 16 лет – 89,1%. Бесплодие встречается в среде бортпроводников значительно чаще, чем в общей популяции женщин репродуктивного возраста (Сорокина Т.А., Кудинова А.О., 1991г.). В 73,9 случаях выявлена гинекологическая патология; в 65 случаях на 100 обследованных бортпроводниц ГА выявлены нарушения менструального цикла, причем в 13,6 случаях – стойкие нарушения. Наличие вредных факторов полета констатировала врач бортпроводников Г.Д. Каминская (1988): «Не исключено, что труд бортпроводников, связанный с вредными факторами полета (шум, вибрация, гипоксия и т. д.), а также влиянием некоторых химических вредных веществ, играет доминирующую роль в патологии дорожного периода...» (Бортпроводники и их роль в обеспечении безопасности полетов, 1988). Вообще тема беременности женщин летных профессий выступает отдельной проблемой, и в каждой компании мира существуют

свои правила в отношении беременности бортпроводников. Меры по охране здоровья экипажа ГА РФ предусматривают, что «с момента установления беременности беременной авиационный персонал признается негодным к летной работе» и списывается «на землю» (РПП, гл. 6). Уместно привести данные научного междисциплинарного исследования ГосНИИ ГА РФ НИЦ по охране здоровья работающих женщин, изложенные в заключительном отчете «Исследование условий труда и разработка предложений по охране здоровья и социальным льготам бортпроводников гражданской авиации», утвержденном директором НИИ гигиены труда и профзаболеваний АМН РФ Н.Ф. Измеровым (1992): «...у бортпроводниц бесплодные браки встречаются почти в 5 раз чаще, чем в группе контроля...» — и более того: «полученные данные свидетельствуют о том, что условия труда бортпроводниц не только сопоставимы по негативному влиянию на репродуктивную функцию с другими особо вредными и тяжелыми работами, но даже приводят к еще худшим показателям». Далее там же: «мало найдется профессий, труд в которых характеризуется столь обширным перечнем вредных и опасных производственных факторов, охватывающих почти всю Классификацию таких факторов — ГОСТ 12.0.003-74 (с Изменением от 1978 г.) и даже выходящих за ее рамки»; «Что касается степени выраженности вредных и опасных производственных факторов, то большинство из них, согласно «Гигиенической классификации труда» N 4137-86, относятся к III классу (вредные и опасные) 2—3 степени. Отягчающим моментом является комбинированное и сочетанное действие этих факторов, усугубляющее влияние на организм каждого из них в отдельности»; «...по совокупности вредных и опасных производственных факторов труд бортпроводниц далеко выходит за шкалу «Гигиенической классификации труда...». В том же Отчете: «Заболеваемость с временной нетрудоспособностью бортпроводников, как женщин, так и мужчин, почти в 5 раз выше, чем у летного состава», и при этом показатели дисквалификации по состоянию здоровья «значительно превышают аналогичные у летного состава, а профессиональное долголетие — короче». Изучение авиамедицинских интернет-источников (Ю.В. Дунаев) показало, что ни в одной из стран ИКАО нет ничего равного по значимости информации, изложенной в указанном Отчете.

Говоря о временной нетрудоспособности бортпроводников, отметим, что по результатам наших исследований 70,2% опрошенных бортпроводников считают, что они «вынуждены брать больничный лист, чтобы отдохнуть от работы», и связано это не с заболеванием, а с утомлением и неудовлетворенностью режимом труда (Филиппева Т.В., 2006). Специфичность труда бортпроводника в полете состоит в том, что неустраимые факторы риска являются следствием вредных, опасных, напряженных, тяжелых условий производственной среды и непрерывности трудового процесса. Существует официальный Перечень из 87 неблагоприятных и вредных факторов, приводящих к преждевременному износу организма и утрате профессиональной трудоспособности работников летного труда (А.А. Кочур, А. Бортник). Перечень явился основанием для внесения летного состава и бортпроводников в Список №1 профессий с вредными условиями труда. О профессиональных заболеваниях шла речь на каждом Международном конгрессе профессиональных бортпроводников, где выдающиеся в этой области труда специалисты приводили эмпирические данные о том, например, что влияние радиации возрастающей интенсивности на высоте свыше 8 тысяч метров повышает опасность раковых заболеваний, что алкоголизм считается одним из профессиональных заболеваний (prof. A. Brigg, UK, 12th ICCA Congress, Athens, Greece, 1997). Эти данные подтверждаются результатами нашего опроса бортпроводников Аэрофлота (n=228): 75% опрошенных считают, что они употребляют алкоголь «для снятия напряжения и расслабления в командировках». Это проблема касается психосоциальных основ профессии.

Наиболее частыми заболеваниями у бортпроводников считаются: рак кожи (проявляется после 50 лет), заболевания сердечно-сосудистой системы, варикозная болезнь, гинекологические заболевания (Documents of the 9th IFAA World Congress. Dublin,

Ireland, 1991). К неблагоприятным факторам следует отнести правовую и социальную незащищенность на борту самолета. В иностранных СМИ и интернете встречаются материалы о сексуальных домогательствах и угрозах в адрес бортпроводников от пассажиров, летчиков и коллег. Поражают данные о том, что «уровень самоубийств стюардесс в возрасте от 23 до 44 лет в три раза выше, чем среди женщин других профессий этого же возраста (Institute Superiore di Sanita, Italy, 2005).

Данные, приведенные выше, убедительно показывают значение фактора здоровья для профессионального долголетия и эффективности бортпроводников воздушного судна, ответственных за обеспечение безопасности авиапассажиров.

Профессиональный мир и личность преподавателя медицинского вуза

И.Б. Ханина (Москва)

При обсуждении результатов обучения в высшей школе, и психологи, и педагогики единодушны в том, что одним из основных критериев является профессиональная готовность будущих специалистов к предстоящей профессиональной деятельности. При этом сама профессиональная деятельность представляет собой специфическое отражение, содержание и структуру, выраженную в единстве тех психических особенностей, которые необходимы для успешного ее выполнения. Единодушны психологи также и в том, что будущая профессиональная деятельность специалиста закладывается в его учебной деятельности, осуществляемой им в студенческие годы. Одной из характеристик учебной деятельности (всего их 5) является: изменение психических свойств и поведения обучающегося, зависят от результатов его собственных действий (Зимняя, 1987). Мы полностью согласны с И.А. Зимней. Но в то же время, возникает вопрос, как на результат учебной деятельности студентов влияет личность преподавателя. То, что касается личности преподавателя медицинского вуза, то данная проблема пока не нашла достойного освещения в психологических исследованиях.

Для того чтобы выявить, как воспринимается преподаватель студентами-медиками, какие его личностные характеристики и профессиональные качества являются для них значимыми, нами была разработана анкета, состоящая из 122-х вопросов (Ханина, 1986). Обработка анкет методом контент-анализа позволила выделить 17 шкал. Семь шкал — это параметры восприятия преподавателя, десять шкал — критерии его оценки. К параметрам восприятия относятся следующие шкалы: 1) общие характеристики преподавателя; 2) предварительная информация о преподавателе; 3) ориентация студентов на научную деятельность преподавателя; 4) преподаватель-врач; 5) влияние настроения преподавателя на студентов; 6) отношение преподавателя к студентам; 7) впечатление о преподавателе.

К критериям оценки относятся следующие шкалы: 1) влияние профессиональной деятельности преподавателя, как врача, на будущую профессиональную деятельность студентов; 2) влияние настроения студентов на преподавателя; 3) неофициальное общение преподавателя и студентов; 4) стиль преподавания; 5) интерес студентов к занятиям преподавателя; 6) реакция студентов на негативное оценивание преподавателем их деятельности; 7) доверие к преподавателю; 8) поведение студентов на занятии; 9) реакция студентов на ошибки преподавателя; 10) активность студентов на занятии.

В дипломной работе А.С. Базиной «Параметры восприятия и критерии оценки другого человека», выполненной под нашим руководством, было установлено, что при положительном образе преподавателя, выделенные параметры восприятия и критерии оценки являются условиями для формирования будущей профессиональной деятельности студентов. При отрицательном образе восприятия преподавателя студентами, критерии его оценки в основном выявляют содержание межличностных отношений между преподавателем и студентами. Кроме того, также установлено, что сами пара-

метры восприятия преподавателя студентами являются устойчивыми; содержание параметров восприятия студентами преподавателя определяется типом межличностных отношений, сложившихся между ними. Особо отметим, что при отрицательном образе восприятия преподавателя параметры восприятия являются условиями, усиливающими формирование этого образа.

Е.А. Климов, разрабатывая классификацию профессий, не случайно предложил их классификацию, исходя из способов взаимодействия специалистов с объектами мира, и предложил пять типов (Климов, 1995). По этой классификации преподаватель относится к типу профессий «человек – человек». Характеризуя этот тип профессий, Е.А. Климов подчеркивает, что особенность специальностей типа «человек – человек» состоит в том, что они имеют как бы двоякий предмет труда. С одной стороны, это – взаимодействие между людьми. А, с другой стороны, профессии этого типа требуют от человека и специальных знаний, умений, навыков в какой-либо области производства, науки, техники и т. д. Поэтому, требуется двойная подготовка – «человековедческая» и еще некоторая «специальная» (Климов, 1995). Однако двоякий характер труда для преподавателей медицинского вуза характерен и с других оснований. Все дисциплины, которые относятся к дисциплинам специальности можно разделить на два блока: клинические и фундаментальные (анатомия, гистология, микробиология, физиология и др.). В свою очередь, клинические дисциплины подразделяются на терапевтический и хирургический профиль. Характерно и то, что преподаватели фундаментальных дисциплин – это в основном выпускники медицинских институтов. Следовательно, у всей категории преподавателей сформированы определенные поведенческие и мыслительные стереотипы профессиональной деятельности врача. Для преподавателей клинических кафедр, двоякий характер труда, помимо того, о котором говорит Е.А. Климов, проявляется в том, что, с одной стороны, они преподают конкретную учебную дисциплину, а, с другой стороны, они являются реальными врачами. Таким образом, для всех трех групп преподавателей медицинских институтов то взаимодействие с объектами мира, о котором говорит Е.А. Климов, в какой-то мере является унифицированным с точки зрения педагогического процесса. Взаимодействие с другими объектами мира, к которым относятся пациенты у хирургов и терапевтов существенно различается. Следует также отметить, что хирурги не только оперируют своих пациентов, но и ведут весь послеоперационный период. Кроме того, хирурги отслеживают и оценивают отсроченный результат оперативного вмешательства. Объективно возникает вопрос, в чем же проявляется особенность двоякого характера труда у преподавателей клинических дисциплин? Мы считаем, что в образе мира.

Впервые проблематика образа мира зазвучала у А.Н. Леонтьева. В работе «Образ мира» (1983, с. 252) он пишет: «проблема восприятия должна быть поставлена и разрабатываться как проблема психологии образа мира». А.Н. Леонтьев подчеркивает, что человек и животные живут в предметном мире, который является для них четырехмерным – трехмерное декартово пространство и время. У человека объективный мир открывается также через смысловое поле, систему значений. Важнейшими характеристиками образа мира являются, во-первых, что мир в его отдаленности от субъекта амподален и, во-вторых, «вписывание в образ мира выражает также то, что предмет не складывается из «сторон»; он выступает для нас как *единое непрерывное; прерывность есть лишь его момент*. Возникает явление «ядра» предмета. Это явление и выражает *предметность* восприятия. Процессы восприятия подчиняются этому ядру» (там же, с. 260).

С этих позиций мы полагаем, что в профессиональной деятельности преподавателей медицинских институтов помимо общих «ядер» имеются и специфические. Не случайно, что после этой статьи А.Н. Леонтьева появились многочисленные исследования как самой категории «образ мира» (Петухов, 1984; Смирнов, 1985; Артемьева, 1999 и др.), так и особенностей образа мира в профессиональной деятельности. Так Е.Ю. Артемьева ввела

понятие «мир профессии» (Артемьева, 1999), И.Б. Ханина – понятие «профессиональное видение мира» (Ханина, 1986), Е.А. Климов рассматривает, как изменяется образ мира в различных типах профессий (Климов, 1995), В.П. Серкин рассматривает соотношение образа мира и образа жизни (Серкин, 2005) и т. д. Цель у всех исследователей одна – с разных подходов «нащупать» особенности профессиональной деятельности.

Мы в своих исследованиях долгое время использовали понятие «профессиональное видение мира». Последующий анализ конструкта «профессиональное видение мира» показал, что он фактически является названием одной из составных частей некоторого более объемного понятия. Новый конструкт мы назвали «профессиональный мир». Профессиональный мир – система отношений специалиста-профессионала с объектами мира. Его структурирующими компонентами являются: 1) профессиональное видение мира; 2) профессиональные действия и операции; 3) профессиональное отражение ситуаций; 4) профессиональные аспекты общения. В свою очередь, в профессиональное видение мира входит профессиональная семантика (язык профессии), профессиональное межличностное восприятие (Ханина, 2009). Специальному изучению подлежит, что привносится в становление профессионального мира личностью, а что профессией. Специальному изучению также подлежат особенности проявления профессионального мира у трех групп преподавателей медицинского института, о которых мы говорили выше. Характерно и то, что как параметры восприятия, так и критерии оценки студентами-медиками преподавателей, с одной стороны, фиксируют двоякий характер труда (в нашем понимании), так и образующие профессионального мира, хотя это были не зависимые друг от друга исследования.

Психологические аспекты проектирования профессионально-предметного пространственного окружения человека

О.Н. Чернышева (Москва)

Особое направление в работе психологов труда связано с участием в проектировании профессионального предметного окружения. Эти работы опирались как на общие наработки в психологии, так и на прикладные исследования Ф. Джилбрета, Р. Барнеса, А.К. Гастева и др. и активно развивались в рамках инженерной психологии, эргономики, психологии труда в 60–80 годы прошлого века.

Сложность решения проблем, направленных на согласование активности человека с характеристиками предметной среды, связана с отсутствием адекватных научных критериев этого согласования. Прежде всего, это касается организации пространственных параметров взаимодействия человека и предметной среды. В эргономике и дизайне широко используется специальное понятие «предметно-пространственное окружение» (среда). Оно более точно определяет суть возникающего взаимодействия. Действительно, решение проблем соматического и сенсорного взаимодействия с предметами разной формы без учета их пространственных параметров и взаимного расположения невозможно. Следующим серьезным препятствием на пути решения психологических проблем поведения человека в предметно-пространственном окружении выступает выбор объекта и предмета исследования. Обычно это динамическая работа скелетно-мышечной системы (двигательная активность человека), связанная с его исполнительской деятельностью. В иерархии феноменов, изучаемых психологией, движение имеет достаточно низкий и неопределенный статус. Для анализа возникающих ситуаций исследователи предпочитают использовать физические и физиологические характеристики движений, такие как скорость, ускорение, сила, выносливость и т. п. без интерпретации их психологического содержания.

На кафедре психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ в течение многих лет проводятся исследования особенностей поведения и психо-

логических особенностей деятельности в профессиональной предметной среде. В результате этих исследований было выявлено, что традиционный анализ перцептивно-деятельностной активности работника в рамках исполнительской деятельности не позволяет в должной степени полно оценить особенности поведения человека в профессиональной предметной среде, поскольку исполнительная деятельность является лишь одной из стадий целостной деятельности. Была предложена трехстадийная схема анализа профессионального поведения человека в предметно-пространственном окружении. В ней исполнительской деятельности предшествуют две стадии, которые имеют четко фиксируемые поведенческие проявления и хорошо интерпретируются психологически (Психоморфология профессиональной предметной среды, 2005).

Первая стадия – стадия ориентировочной деятельности – хорошо разработана в трудах П.Я. Гальперина. Вторая стадия включает две фазы, связанные с психологическим и физическим включением профессиональной предметной среды в схему тела работающего, морфологическому сочленению человека с предметной средой деятельности (Предпроектное эргономическое моделирование, 2009; Адаптация человека к профессиональной предметной среде, 2007). Стадия была названа морфологической, поскольку ее реализация связана с внешне фиксируемыми изменениями как положения тела человека в пространстве предметной среды, так и изменениями конфигурации тела, проявляющимися в изменении основной рабочей позы. Эти изменения рассматриваются как две фазы морфологического сопряжения человека с предметной средой.

Первая фаза морфологической стадии является новой в исследованиях пространственного поведения человека. Она проявляется в локализации субъекта деятельности относительно профессионально доминирующего элемента рабочего места. Вторая фаза связана с принятием основной рабочей позы. Феномен рабочей позы и ее физиологическая интерпретация широко используется при исследовании взаимодействия человека с предметной средой. Но такой подход не создает условий для психологической интерпретации феномена позы и не обеспечивает возможность ее конструктивной коррекции посредством предметной среды только методом проб и ошибок. Психологический анализ первых двух стадий деятельности человека с предметно-пространственным окружением позволяет говорить: а) о психологической неоднородности целостной деятельности в процессе взаимодействия с предметно-пространственным окружением в рамках перцептивно-действенной активности; б) о наличии и смене нескольких форм целостной деятельности в процессе взаимодействия с предметно-пространственным окружением в рамках перцептивно-действенной активности; в) о субъективном *соматическом* опредмечивании этого окружения в процессе целенаправленного взаимодействия с ним.

Если стадия ориентировочной деятельности не представляет особой новизны для психологов, то морфологическая стадия является новой и достаточно сложно осознаваемой. Эту стадию практически миновало внимание психологов, чему есть несколько причин. К ним относятся: 1) свернутость морфологических процессов во времени, особенно в повседневной жизни; 2) неосознаваемость морфологических процессов, поскольку они весьма краткосрочны и выглядят субъективно вспомогательными, мало значимыми на фоне перспектив будущей исполнительской деятельности; 3) разнообразие морфологических проявлений, как в быту, так и в профессиональной деятельности; 4) малый интерес к психологическим процессам, обеспечивающим стереотипную деятельность и отсутствие интереса исследователей к ощущаемости движения и действия.

Включение в анализ особенностей взаимодействия человека с предметно-пространственным окружением морфологической стадии создало условия для принципиально иной психологической интерпретации двигательной активности человека. Наиболее важными моментами здесь выступают: 1) переход от анализа динамических составляющих работы скелетно-мышечного аппарата при реализации профессиональной дея-

тельности к анализу его статической составляющей; 2) возможность анализировать статические пространственные взаимоотношения сомы с предметным окружением, возникающие в процессе реализации деятельности, а не трудно интерпретируемые проявления динамической активности скелетно-мышечного аппарата человека; 3) возможность психологической интерпретации морфологической стадии, как одной из форм проявления целостной деятельности.

Детальный психологический анализ морфологической стадии позволил интерпретировать ее как установочную форму проявления целостной деятельности. Она направлена на организацию и стабилизацию двигательной активности субъекта труда на третьей стадии взаимодействия человека с предметно-пространственным окружением — на стадии исполнительной деятельности. Психологической особенностью установочной стадии построения двигательной активности человека выступает изменение уровня регулирующих ее психических составляющих. Если традиционно двигательная активность, как было упомянуто выше, имела невысокий психологический статус, то анализ характера установочных состояний, обеспечивающих реализацию морфологической стадии показал, что они связаны с процессами смыслообразования и целеполагания.

Стадия ориентации, направленная на выявление цели предметного действия, регулируется смысловой составляющей деятельности. Она завершается формированием схемы тела и вектора соматической направленности и переходом в морфологическую стадию. Морфологическая стадия характеризуется пространственным включением в схему тела предметной среды рабочего места. Психологически это проявляется в переходе ориентировочной деятельности в соматически и пространственно определенные, фиксированные уровни установки — установки на цель (стадия локализации) и установки на задачу (стадия принятия основной рабочей позы).

Анализ смысловых составляющих профессиональной перцептивно-действенной активности показал, что они носят личностный характер. Смысловые, личностно опосредованные характеристики деятельности выступают опорными моментами, определяющими ориентировочную деятельность в предметной среде. Поэтому, анализируя психологические особенности такого базового жизненного процесса как опредмечивание, нам необходимо понять каким образом и в какой ипостаси личностный смысл включается в предметную деятельность.

Введение трехчленной схемы анализа перцептивно-действенной активности изменяет существующие подходы к анализу и проектированию предметно-пространственного окружения человека в трудовой деятельности. Оно изменяет предмет и объект анализа при исследовании двигательной активности человека. Объектом анализа становится статический компонент мышечной активности, что позволяет перейти к анализу взаимосвязей на более высоком уровне психических процессов. Трехчленная схема анализа позволяет определить место и характер связи таких форм деятельности как ориентировочная деятельность, установка и исполнительная деятельность в целостной деятельности, а психологический анализ, связанный с оценкой особенностей морфологической стадии деятельности в предметно-пространственном окружении становится основой для выбора систем координат для определения положения человека и элементов предметной среды на рабочем месте.

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ»

Психологическая готовность к семейной жизни: подходы к изучению

Е.С. Граненкова (Ярославль)

Семья как фундаментальная социальная общность людей, имеющая сложную природу социального института и малой социальной группы, выполняет важнейшие социальные функции, играет особую роль в жизни человека и общества. Исследование семьи как уникального социокультурного феномена относится к числу сложных и актуальных проблем современности.

Исследования зарубежных и отечественных ученых в области брачно-семейных отношений говорят о том, что стабильная семья может быть создана при определенной готовности молодых людей к семейной жизни, выделяют различные показатели. Но пока нет единого понятия готовности к семейной жизни, нет четких параметров и методов, позволяющие изучить и измерить индивидуально-психологические характеристики готовности к семейной жизни. Поэтому данная тема, по-нашему мнению, заслуживает внимания.

Целью данной статьи является рассмотрение основных теоретико-методологических подходов к проблеме готовности к браку, а так же определение рабочих понятий, таких как: «брак», «семья», «готовность к семейной жизни».

В отечественной литературе по психологии и философии выделяется ряд подходов к проблеме подготовки молодежи к брачно-семейным отношениям: 1) теоцентрический подход, сложившийся в средневековье, где человек рассматривается как продукт божественного творения; 2) натуро-центрический подход, где человек выступает как часть природы; 3) антропоцентрический подход, где человек – уникальная самоценная личность; 4) социоцентрический подход, где человек выступает как продукт социальной среды.

Методологическая основа нашего исследования определяется как антропоцентрическая, гуманистическая, направленная на становление субъективной активности личности, свободное самоопределение будущего семьянина.

Проблемами семьи и брака занимались Скрипелов В.А., Наумова Т.М., Королев И.Ю. и др. Однако в современной науке нет единого определения понятия «семья».

Так, по мнению Соловьева Б.В.: «Семья – представляет систему отношений между мужем и женой, родителями и детьми, основанную на браке или кровном родстве и имеющую исторически определенную организацию» (Гребенников И.В., 1991).

А.Г. Харчев (1979) определяет семью как «малую социальную группу, основанную на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью».

В нашей работе мы будем придерживаться определения «семьи», данного А.Г. Харчевым, так как оно нам кажется более полным.

Обратимся теперь к понятию брака. Анализируя определения «брака» выше перечисленных авторов, можно выделить общие признаки данного понятия: договор, социальные нормы, взаимные обязанности и права. Различия представлены в классификациях данных признаков.

Мы в нашей работе будем придерживаться определения «брака», данного Т.М. Наумовой: «брак – социальный институт, основанный на совокупности социальных норм, санкционирующих отношения полов, а также взаимных обязанностей и прав, существенных для функционирования семейной группы» (Гребенников И.В., 1991).

Семейная жизнь, открывая человеку возможности для личностного роста и счастья, одновременно и предъявляет к нему немало требований. Среди факторов, опреде-

ляющих стабильность молодых семей, выделяют готовность молодежи к браку. Это система социально – психологических установок личности, определяющая эмоционально-психологическое отношение к образу жизни, ценностям супружества.

Как отмечает Л.Б. Шнейдер (2006), готовность к браку – интегральная категория, включающая целый комплекс аспектов: 1) формирование определенного нравственного комплекса; 2) способность к самоотверженности по отношению к партнеру; 3) наличие качеств, связанных с проникновением во внутренний мир человека – эмпатийный комплекс; 4) высокая эстетическая культура чувств и поведения личности; 5) умение разрешать конфликты конструктивным способом, способность к саморегуляции собственной психики и поведения.

Таким образом, в процессе самой жизни дети принимают от старших поколений немало знаний об отношениях к человеку другого пола, о браке, о семье, усваивают нормы поведения. У них рано начинают развиваться чувства товарищества, дружбы, чести, достоинства. Это способствует формированию представлений о любви как высшем человеческом чувстве, о брачно-семейных отношениях. Все это очень ценно, но при нынешнем темпе жизни естественный механизм передачи таких знаний уже недостаточен. Поэтому важное место должно принадлежать и специальной подготовке подрастающего поколения в школе и в родительском доме к созданию в будущем своей семьи; к выполнению супружеских и родительских обязанностей; к воспитанию детей.

Как пишет Е.И. Зритнева (2000), можно определить, что готовность личности к брачно-семейным отношениям – социально-психологическое образование, интегрирующее принятие ценностей социального института семьи, личностный смысл знаний и умений в области психологии семейных отношений, рационального ведения домашнего хозяйства, семейной педагогики, межличностного общения в семье.

Содержание готовности личности к браку и семейной жизни представляет собой комплекс общетеоретических и специальных знаний, совокупность умений, которые будут приведены в действие при наличии у будущего семьянина гуманистической направленности личности.

Структурными компонентами готовности молодежи к брачно-семейным отношениям являются: мотивационно-ценностный, интеллектуально-познавательный, действенно-практический, эмоционально-волевой.

Очевидно, что содержание готовности к семье и браку представляет собой комплекс общетеоретических и специальных знаний, совокупность умений, которые будут приведены в действие при наличии у будущего семьянина гуманистической направленности личности.

Среди многих аспектов проблемы формирования психологической готовности молодежи к семейной жизни в качестве одного из важных можно выделить правильное понимание молодежью роли семьи и брака в современном обществе, что в свою очередь связано с особенностями формирования у них установок, ориентации на вступление в брак.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены основные теоретико-методологические подходы к проблеме готовности к браку, а также определены рабочие понятия:

- 1) семья – малая социальная группа, основанная на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью;
- 2) брак – социальный институт, основанный на совокупности социальных норм, санкционирующих отношения полов, а также взаимных обязанностей и прав, существенных для функционирования семейной группы;
- 3) психологическая готовность к семейной жизни – интегративное личностное и социально-психологическое образование, с развивающимися внешними и внутренними связями, определяющими подготовленность в данной области жизнедеятельности человека, представляющее собой единство ценностного отношения к семье

и браку, а так же определенных знаний и умений. в таком образовании отмечается взаимосвязь следующих компонентов: мотивационно-ценностного, интеллектуально-познавательного, действенно-практического, эмоционально-волевого.

Проблема конкурентоспособности личности в современных социально-экономических условиях

О.А. Клюева (Тверь)

В современных социально-экономических условиях, когда осваиваются и формируются новые навыки, технологии работы, создается новый менталитет, формируется образ жизни, одной из актуальных проблем каждого государства являются возможности и способности участвовать в конкурентной борьбе. В новых экономических условиях, сложившихся во всем мире, Россия стоит перед выбором либо перейти в разряд слаборазвитых государств и быть поставщиком дешевого сырья и нефтепродуктов, либо стать экономически сильной державой. Всемирный экономический форум опубликовал доклад, в котором приводится рейтинг конкурентоспособности стран за 2007–2008 гг. Россия заняла в нем лишь 58-е место, поднявшись на одну позицию по сравнению с прошлогодним показателем. В экономике все взаимосвязано. Низка конкурентоспособность страны, нет притока капитала, нет прогресса и эффективного воспроизводства и т. д. Одной из главных причин такого положения, считает академик Р.А. Фатхудинов (2004, с. 7), является то, что в России системно и профессионально проблемами конкурентоспособности никто и никогда не занимался. Впервые на государственном уровне актуальность повышения конкурентоспособности России прозвучала в Ежегодном послании первого Президента РФ Б.Н. Ельцина 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох», с которым он выступал на совместном заседании палат Федерального Собрания РФ, где «...главной идеей нашего вхождения в XXI век должно стать повышение конкурентоспособности России». Сегодня, для реализации национальной идеи повышения конкурентоспособности разработаны и приняты нормативные акты, создан Совет по национальной конкурентоспособности.

Проблема конкуренции и конкурентоспособности, ее роль в развитии общества и человека привлекала внимание с давних времен. Однако, долгое время термин существовал в обыденной речи, и только с эпохи Просвещения понятие «конкуренция» начинает использоваться в научных трудах мыслителей того времени. Одним из первых понятие «свободная конкуренция» использовал Адам Смит. В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» он указывает на свободную конкуренцию как на один из основных механизмов совершенного рыночного хозяйствования, в частности основного элемента взаимодействия между потребителями и производителями. Ж.-Ж. Руссо утверждал, что страсти состязаться и выделяться мы обязаны тем лучшим и тем худшим, что в нас есть, нашими добродетелями и нашими пороками, нашими знаниями и нашими заблуждениями. В девятнадцатом столетии социальные выгоды конкуренции широко подчеркивались многими школами социальных теоретиков (утилитаризмом, социал-дарвинизмом, социологией Спенсера). Под влиянием экономических и биологических теорий члены Чикагской школы также поместили конкуренцию в центр исследования городской экологии. Т. е., конкуренция принималась в качестве универсального и производительного элемента человеческих условий. Тем не менее, влияния конкуренции неоднозначно. Например, В.М. Бехтерев подчеркивал, что каждое общество не может избежать ни конкуренции, ни соперничества и борьбы, но в этом заключается залог его будущих успехов и совершенствований. Конкуренция создает более благоприятные условия для развития общества, но, вместе с тем, способствует росту социального неравенства.

Несмотря на то, что под конкуренцией принято понимать борьбу за существование, за наиболее выгодные условия производства, а под конкурентоспособностью —

способность выдержать конкуренцию, противостоять конкурентам, ряд экономистов, например, из Президентской комиссии по конкурентоспособности в промышленности, подчеркивают, что основа конкуренции – способность к развитию и прогнозированию; процесс управления субъектом своими конкурентными преимуществами. Конкурентоспособность, как свойства субъекта, – это потенциальные возможности и страстное желание быть более успешным. Таким образом, по мнению экономистов и менеджеров содержание конкурентоспособности специалиста отражают не только технические, экономические параметры, но и широкий диапазон психологических характеристик. Поэтому вполне логично и очевидно, что понятие «конкурентоспособность личности» вызывает интерес в психологии и педагогике уже с середины 90-х гг. прошлого века.

Аналитический обзор исследований по данной проблеме выявил неоднозначность в понимании и многообразие моделей, в которых основополагающие характеристики и компоненты конкурентоспособной личности различны. Так, например, в работах Е.В. Токаревой, Е.Л. Холодцевой, Дж. Грейсона и др. структура и содержание конкурентоспособности личности определяется индивидуально-психологическими и индивидуально-типологическими особенностями личности, основные характеристики конкурентоспособности – это активность, мотивация к успеху в профессиональной деятельности. По мнению И.И. Шевченко мотивационно-ценностный компонент является системообразующим, определяющим качественную характеристику других показателей в целостной структуре конкурентоспособной личности. Исследователи Л.С. Шикина, Н.А. Журанова, В.Г. Виененко, К.В. Савельев, Т.В. Колгурина и др. рассматривает проблему развития конкурентоспособности молодежи в контексте компетентностного подхода. Поэтому важнейшими оставляющими конкурентоспособности будущего специалиста выступают мотивация к приобретению ключевых компетенций; профессиональные компетенции и профессионально значимые качества.

Не смотря на разность позиций исследователей, существуют и общая тенденция в работах – определять конкурентоспособность личности, прежде всего, такими внешними условиями как наличие конкурентной среды и конкурентов, мотивацией успеха и достижений, наличием противоречий между внешними требованиями профессии, среды и уровнем знаний, умений и навыков человека в профессии – как движущей силы развития его конкурентоспособности.

В отличие от понимания конкурентоспособности как соперничества, приоритета, успешности, занятия лидерской позиции один из разработчиков концепции конкурентоспособности личности Л.М. Митина (2005, с. 28) определяет данный феномен как «...способность максимального расширения собственных возможностей с целью реализации себя лично, профессионально, социально, нравственно». Т. е., конкурентоспособная личность Л.М. Митиной рассматривается как система, реализующаяся посредством внешних и внутренних условий, как систему, носящую динамический характер. Конкурентоспособность, как системное качество личности, подчиняется диалектико-материалистическому принципу детерминизма по С.Л. Рубинштейну, где внешние причины действуют через внутренние условия. Внутренние условия выступают как причины (проблема саморазвития, самодвижения, движущие силы развития, источники развития находятся в самом процессе развития как его внутренние причины), а внешние причины выступают как условия, как обстоятельства.

Большинство авторов моделей конкурентоспособной личности предполагают, что креативность, одаренность как качество, отражает какую-то важную сторону конкурентоспособности, но при этом к ней не сводится. И, тем не менее, экономисты отмечают, что конкурентоспособная личность, наименее зависима от внешних условий. И, вообще, конкурентоспособность является высшим уровнем проявления способностей как возможностей человека (более широко – потенциала личности), а в современном понимании – конкурентных преимуществ человека. Результаты пилотажного исследе-

дования (контент-анализ ответов свободного интервью бизнесменов, руководителей, менеджеров высшего звена) подтверждают, что «... конкурентоспособная личность — это личность обладающая богатыми резервами, более высокими, чем у других» (Митина Л.М., 2005, с. 20). Так как основа конкурентоспособности личности — творческий потенциал, а именно способность развития деятельности по собственной инициативе, т. е. творческие способности, согласно концепции Д.Б. Богоявленской.

Психология профессиональной деятельности учителя: кризис и развитие

Л.М. Митина (Москва)

Сегодня отечественное образование, как и многие сферы жизнедеятельности общества, остается в глубоком кризисе. Со всей остротой проявились накапливавшиеся многие годы проблемы. В обобщенном виде они могут быть сформулированы как неадекватность ценностей, целей, содержания и способов образования тем задачам, которые предстоит в будущем решать выпускникам школы. Осознавая, или интуитивно ощущая несопоставимость культурного богатства и собственных возможностей его передачи, а также возможностей его освоения учеником, педагог почти неизбежно либо оказывается в состоянии глубокого внутриличностного конфликта (Митина Л.М., 1998, 2004), либо превращается в урокодателя, предметника, где утрамбованное содержание утрачивает свою изначальную связь с культурой. В результате педагог становится носителем содержания, отчужденного от культуры, от самого себя и от ученика.

Данная ситуация порождает противостояние учителя и ученика, в котором страдательной стороной, как правило, оказывается последний. Школа, призванная быть пространством, где созданы условия для саморазвития личности ребенка, часто становится источником психологической (а порой — и физической) опасности для него, причиной антропогенных нарушений: дидактофобии, школьного невроза, субъектного дизонтогенеза. Носителем этих угроз порой оказывается учитель, что разрушительным образом отражается и на нем самом. Как профессиональная группа, учительство отличается крайне низкими показателями физического и психического здоровья, и эти показатели снижаются по мере увеличения стажа работы в школе (Митина Л.М., 1994, 2005).

Основные причины нерешенности проблем можно обнаружить в двух слоях осмысления педагогической проблематики: эмпирическом и теоретическом. Первые связаны с тем, что восприятие фигуры учителя опосредуется бытующими до сих пор мифами, априори наделяющими педагога позитивными характеристиками, а его труд — преимущественно развивающими возможностями. Признание того, что многие учителя несут в себе риск деформаций учащихся, вступало бы в диссонанс с этими декларациями. Причиной теоретического характера мы считаем трудноразличимость должного и сущего в деятельности педагога, вследствие чего основное внимание в науке уделялось позитивной профессионализации учителя, т. е. рассмотрению его профессионального пути как трудного, не прямолинейного, но стратегически направленного на развитие и самоактуализацию.

Именно поэтому сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, огромное количество исследований, так или иначе связанных с изучением педагогической деятельности, а с другой, нерешенность важнейших проблем практики профессионализации учителя.

Возникла необходимость в реконструкции принципов психологической теории, системы психологических понятий, методов исследования, т. е. разработке обобщающей концепции профессионального развития личности учителя.

Мы понимаем профессиональное развитие учителя как рост, становление, интеграцию и реализацию в профессиональном труде профессионально значимых личност-

ных качеств и способностей, профессиональных знаний и умений, но главное — это активное качественное преобразование учителем своего внутреннего мира, приводящее к принципиально новому его строю и способу жизнедеятельности (Митина Л.М., 1998, 2004). И далее речь должна идти о поиске детерминант (механизмов, факторов, условий) особого рода профессионального развития — саморазвития личности. Такие предельно общие категории, как объект развития, предпосылки и условия, механизмы и движущие силы, направление, формы и результаты развития были выработаны в разных подходах, но в совокупности своей все они оказываются совершенно необходимыми при реализации принципов развития в исследованиях системного личностно-развивающего подхода.

Идеи целостности, единства системной организации профессионального труда педагога позволили представить эту сложнейшую психическую реальность в виде многомерного пространства, состоящего из трех взаимосвязанных пространств: личности, деятельности и общения при превалирующей роли личности. Каждое пространство имеет свою систему координат, свою центральную системообразующую основу, объединяясь в общее многомерное пространство интегральными характеристиками личности, которые обуславливают оптимальное функционирование и развитие не отдельных сторон, а профессионального труда в целом.

В концепции профессионального развития учителя (Митина Л.М., 1995, 2009) рассмотрены: в качестве объекта развития — интегральные характеристики личности (направленность, компетентность, гибкость); в качестве фундаментального условия — переход на более высокий уровень профессионального самосознания; в качестве психологического механизма — превращение собственной жизнедеятельности педагога в предмет его практического преобразования; в качестве движущих сил — противоречивое единство «Я-действующего», «Я-отраженного» и «Я-творческого»; в качестве результата развития — творческая самореализация в профессии, достижение неповторимости личности.

Согласно концепции профессиональное развитие учителя представляет собой процесс повышения уровня и совершенствования структуры направленности, компетентности, гибкости через разрешение противоречия между актуальным и отраженным уровнями их развития и осознанием учителем необходимости самосовершенствования.

Признавая положение о многовариативности изменений человека как открытой саморазвивающейся системы и значимости ценностных оснований выбора вектора этих изменений, мы утверждаем, что многообразие индивидуальных траекторий профессиональной жизнедеятельности педагога происходит внутри двух основных стратегий (моделей) — адаптивного функционирования и профессионального развития.

Модель профессионального развития характеризует конструктивный путь учителя в профессии, путь созидания, наращивания своего творческого потенциала, тогда как модель адаптивного поведения определяет деструктивный путь в профессии, путь стагнации и невротизации педагога, путь разрушения, расхищения, расхищения своего креативного потенциала и личностных ресурсов.

В практическом плане назрела необходимость разработки инновационной технологии профессионального развития учителя, позволяющей преобразовывать (трансформировать) негативные проявления его поведения в поведение, направленное на саморазвитие и самореализацию в профессии.

На основе выделенных в исследовании концептуальных положений нами разработана психологическая технология профессионального развития педагога (Митина Л.М., 1998, 2004, 2008).

Технология профессионального развития педагога (ее модификация — технология конструктивного изменения поведения учителя) разработана таким образом, что профессиональное развитие задается как цель подготовки и переподготовки учителя, а не как косвенный эффект от инновации: тем самым акцент в подготовке педагога смеща-

ется с обучения новым способам деятельности на преобразование мотивационной, интеллектуальной, аффективной и – в конечном счете – поведенческой структур его личности, в результате чего адаптивное поведение учителя трансформируется в поведение, направленное на саморазвитие, на творческую самореализацию в профессии.

Психологическая технология призвана стимулировать педагога к проявлению творческой активности, в которой осознанное стремление к самоизменению (самоисправлению) становится одним из важнейших элементов его саморазвития.

Технология включает: четыре стадии оптимизации (изменения) поведения учителя (подготовку, осознание, переоценку, действие); процессы, происходящие на каждой стадии (мотивационные, когнитивные, аффективные, поведенческие); комплекс методов воздействия (традиционные и активные).

Практическая реализация технологической модели осуществляется в разных формах: в форме научно-практического семинара, тренинг-семинара, коуч-практикума для работающих учителей. Однако наиболее эффективным организационно-педагогическим условием совершенствования процесса профессиональной подготовки студентов – будущих педагогов является интегрированная в образовательное пространство колледжа или вуза технология профессионального развития педагога, стадии которой соотношены с курсами обучения студентов в колледже (вузе) и модифицированы в соответствии с учетом специфики возраста и специализации ее участников.

Объединяя, связывая и укрупняя различные блоки теоретических и практических дисциплин, она придает процессу профессиональной подготовки педагогов целенаправленность, целостность, преемственность и последовательность, создавая комплексно-целевую и организационно-содержательную основу этой подготовки.

Таким образом, концепция и технология профессионального развития учителя позволяют строить инновационные проекты и программы непрерывного профессионального образования педагогов на качественно новом уровне: системно, технологично и методически обеспеченно. Именно при таком образовании возможен переход от обучения, направленного на знания – умения – навыки в их классическом понимании, к личностным характеристикам будущего профессионала, которые во все большей мере выступают в роли непосредственных показателей профессиональной зрелости учителя, его профессионального развития.

Роль профессиональной идентичности в структуре профессионального самосознания личности

Т.В. Мищенко (Ярославль)

Изучению проблемы профессионального развития в целом и профессиональной идентичности в частности посвящены работы таких исследователей, как Т.М. Буякас, Е.П. Ермолаевой, Е.А. Климова, М.В. Клищевской, Д.А. Леонтьева, А. Маслоу, Л.М. Митиной, Ю.П. Поваренкова, Н.С. Пряжникова, С.Л. Рубинштейна, А.Р. Фонарева, В.Д. Шадрикова, Л.Б. Шнейдер, Э. Эриксона и др.

На современном этапе развития науки психологами выделяется критерий профессионального развития личности – профессиональная идентичность, который является ведущей характеристикой субъекта труда. Опираясь на концепцию профессионального становления личности Ю.П. Поваренкова (2000), мы исходим из понимания профессиональной идентичности как характеристики субъекта, выбирающего и реализующего способ профессионального взаимодействия с окружающим миром и обретение смысла самоуважения через выполнение этой деятельности. Профессиональная идентичность предполагает функциональное и экзистенциальное сопряжение человека и профессии. Это включает понимание своей профессии, принятие себя в профессии, умение хорошо и с пользой для других выполнять свои профессиональные функции.

Рассмотрев подходы к определению профессиональной идентичности Т.М. Буйкас (2000), Е.А. Климова (1996), М.В. Клишевской (2001), Н.С. Пряжниковой (1997), мы выделили фундаментальное условие развития профессионала – осознание им необходимости изменения, преобразования своего внутреннего мира и поиск новых возможностей самоосуществления в труде, т. е. повышения уровня профессионального самосознания.

Положение С.Л. Рубинштейна (1986) о том, что проблема самосознания, есть, прежде всего, проблема определения своего способа жизни и можно выделить два способа существования человека, где первый из них – это жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек, здесь весь человек находится внутри самой жизни, а не к жизни в целом, а второй способ существования выводит человека за его пределы, он связан с появлением ценностно-смыслового определения жизни. Данное положение С.Л. Рубинштейна послужило методологической основой для построения Л.М. Митиной (1997) двух моделей профессионального труда: модели адаптивного поведения, в основе которой лежит первый способ существования человека, и модели профессионального развития, основанной на втором способе жизнедеятельности.

При адаптивном поведении (первая модель) в самосознании человека доминирует тенденция к подчинению профессиональной деятельности внешним обстоятельствам в виде выполнения предписанных требований, правил, норм. Имеются в виду процессы самоприспособления, а также процессы подчинения среды исходным интересам специалиста.

В модели профессионального развития (вторая модель) человек характеризуется способностью потока повседневной практики, увидеть свой труд в целом и превратить его в предмет практического преобразования. Этот прорыв дает ему возможность стать хозяином положения, полноценным автором, конструирующим свое настоящее и будущее. Это позволяет внутренне принимать, осознавать и оценивать трудности и противоречия разных сторон профессионального труда, самостоятельно и конструктивно разрешать их в соответствии со своими ценностными ориентациями, рассматривать любую трудность как стимул дальнейшего развития, как преодоление собственных пределов. По нашему мнению, результатом данной модели будет обретение человеком своей профессиональной идентичности.

Рассмотрим подробно структуру профессиональной идентичности, опираясь на концепцию Ю.П. Поваренкова (2003).

В соответствии с концепцией становления личности профессионала, профессиональная идентичность как критерий профессионального развития свидетельствует о качественных и количественных особенностях принятия человеком а) себя как профессионала; б) конкретной профессиональной деятельности как способа самореализации и удовлетворения потребностей; в) системы ценностей и норм, характерных для данной профессиональной общности. Таким образом, профессиональная идентичность включает в себя три компонента структуры: когнитивный, мотивационный и ценностный.

Первый компонент структуры профессиональной идентичности характеризует отношение человека к себе как будущему и действующему профессионалу. В данном случае речь идет о реальной или прогнозируемой профессиональной самооценке. Данная точка зрения на профессиональную идентичность моделирует процесс идентификации, который зафиксирован в рамках когнитивного подхода к развитию идентичности, поэтому данный компонент мы определяем как когнитивный. Принимаемая субъектом близость между идеальной и реальной Я-концепциями является основанием для обретения чувства профессиональной идентичности и основанием для ее последующего развития.

В своих работах пишут Р. Бернс (1986), Л.М. Митина (1997) об одном из компонентов формирования профессиональной самоидентичности – Я-концепции, о ее поло-

жительном влиянии, где Я-концепция представляет собой совокупность всех представлений индивида о себе и включает убеждения, оценки и тенденции поведения. В силу этого, Я-концепцию, по мнению данных авторов, можно рассматривать как свойственный каждому индивиду набор установок, направленных на самого себя. Учителя и студенты, позитивно воспринимающие себя, чувствуют себя уверенно, удовлетворены выбором своей профессии, эффективны в работе и учебе.

Более глубокое усвоение профессиональных нормативов и стереотипов дифференцирует и упорядочивает образ «идеального профессионала», который дополняется образом «себя как профессионала», все более уточняющимся в ходе профессионального самопознания — от стереотипов поведения в непредсказуемых ситуациях, самореализации и развития личности в труде. В противном случае человек рискует остаться на уровне выполнения узкого набора функций, будучи неспособным, их трансформировать с учетом изменившихся обстоятельств.

Второй компонент структуры профессиональной идентичности характеризует отношение человека к содержанию, условиям профессиональной деятельности и профессионализации в целом. В психологии эти показатели традиционно используются для оценки удовлетворенности человека трудом. Данный подход изучения профессиональной идентичности, в отличие от предыдущего, моделирует процесс идентификации, который описывается в рамках мотивационного подхода к определению идентичности.

Принятие профессии, как отмечается в работе В.Д. Шадрикова (1982), создает специфическую ситуацию включения человека в систему требований и ценностей данной профессии, в качестве субъективных компонентов данной ситуации выступают «готовность к труду», «трудовая зрелость». Это в свою очередь порождает у человека направленность на основании профессиональной деятельности, в ходе которого происходит снятие противоречий между требованиями профессии и возможностями человека, между ценностями, связанными с профессией, и содержанием мотивационной сферы человека. Такая ситуация может быть названа социальной ситуацией профессионального развития. По мере становления профессионала эта ситуация постепенно трансформируется, вычлняя в личности специалиста все новые и новые компоненты, требующие развития.

Третий компонент структуры профессиональной идентичности связан с оценкой отношения человека к системе ценностей и норм, традициям и ритуалам, характерным для каждой профессиональной общности. Этот аспект оценки профессиональной разработан в меньшей степени. Хотя уже в работах А. Ватермана в большей степени акцентируется ценностно-волевой аспект развития идентичности. Считаем, что данная процедура оценивания моделирует процесс идентификации, который описывается в рамках ценностного подхода к развитию идентичности, а компонент можно определить как ценностный. Суть развития профессиональной идентичности при таком понимании заключается в проецировании собственной системы профессиональных ценностей и позиций на представление о ценностях и позиция, которые, по мнению субъекта, характерны для конкретной профессиональной общности. На основе сопоставления ценностей происходит принятие решения об уровне профессиональной идентичности.

Определим взаимосвязи трех компонентов структуры профессиональной идентичности, которые были выявлены в рамках исследования становления профессиональной идентичности у студентов педагогического вуза.

Отмечается высокая значимость связи между профессиональной идентичностью и ее компонентом принятие профессии на всех семестрах, т. е. мы можем говорить о том, что ведущим компонентом профессиональной идентичности выступает компонент принятие профессии, но влияют на формирование и развитие профессиональной идентичности все 3 компонента и механизмы их взаимодействия в период обучения в вузе. На 2, 8, 10 семестре отмечается значимая корреляция между профессиональной идентичности

и ее компонентами: принятием профессии, принятием ценностей профессионального сообщества и принятием себя профессионалом. На 4 и 6 семестре корреляция обнаружена только между профессиональной идентичности и принятием профессии.

В результате проведенного анализа были определены структурные компоненты профессиональной идентичности такие как: когнитивный, мотивационный, ценностный, выявлена взаимосвязь данных компонентов профессиональной идентичности в период обучения в вузе и зафиксирован ведущим компонентом — компонент принятия профессии (мотивационный). Профессиональная идентичность определена как важная категория общего профессионального развития личности.

Особенности развития профессиональной идентичности у студентов на примере специальностей стандартизация и сертификация качества и менеджмент организаций

Е.Н. Палатова (Ярославль)

Ведущим показателем профессионального развития является профессиональная идентичность, которая свидетельствует о степени принятия избранной профессиональной деятельности в качестве средства самореализации и развития, а также степени принятия себя, как профессионала. Ее становление проходит длительный путь параллельно с освоением человеком своей профессии. Одним из основных этапов профессионального развития является период обучения в вузе. Так Р. Хейвигхерст, Е.А. Климов, В.А. Бодров выделяют его как отдельный этап профессионального развития, на протяжении которого происходит целенаправленное освоение системы знаний, практических навыков и умений в избранной профессиональной деятельности, ценностных представлений о данной профессиональной общности, развитие и наполнение предметным содержанием мотивов и целей будущей деятельности. Выявление особенностей развития профессиональной идентичности на этапе обучения будущего специалиста позволит простроить образовательную программу таким образом, чтобы создать благоприятные условия ее формирования.

В многочисленных исследованиях были получены данные, позволяющие раскрыть психологическую структуру профессиональной идентичности (Н.Л. Иванова, Ю.П. Поваренков, Л.Б. Шнейдер), выделить ее функции (Е.П. Ермолаева) и особенности формирования (Л.М. Митина, Т.В. Мищенко Ю.П. Поваренков). Однако не были рассмотрены особенности формирования профессиональной идентичности в зависимости от определенной специализации студентов.

Мы в своем исследовании попытаемся выделить общие тенденции развития профессиональной идентичности в зависимости от курса обучения, а также выделить особенности, связанные со спецификой обучения по технической и социальной направленности специальности. Практическая значимость данного исследования заключается в выявлении особенностей становления профессионала, важных для составления программ сопровождения его профессионального развития и самореализации.

Цель данного исследования: выявить особенности развития профессиональной идентичности у студентов педагогического и технического вузов в зависимости от курса и специализации обучения.

В качестве объекта выступает профессиональное развитие студентов технического и педагогического вузов. Предметом исследования является профессиональная идентичность студентов технического университета и студентов педагогического университета.

На основе проведенного нами теоретического анализа особенностей развития профессиональной идентичности и профессионализации личности, нами были выдвинуты следующие гипотезы: 1) особенности структуры и уровень развития профессиональной

идентичности у студентов изменяются в зависимости от определенной стадии обучения в вузе; 2) структура и уровень развития профессиональной идентичности у студентов технического и педагогического университетов обладают определенной спецификой.

Понятие профессиональной идентичности трактуется неоднозначно. Разные авторы предлагают свои определения, дополнения уже существующие. Мы в своем исследовании будем придерживаться мнения, в котором профессиональная идентичность рассматривается как подвид социальной, обладающий всеми общими признаками социальной идентичности и соответствующими закономерностями ее формирования. В качестве социальной группы в данном случае выступает профессиональная, частью которой ощущает себя человек. Профессиональная идентичность – это чувство принадлежности к профессиональной группе, ощущение целостности, единства с ней.

Проведенный анализ позволил выделить наиболее подробную и обобщенную теорию, на основе которой мы будем проводить свое исследование. В психологической концепции профессионального становления личности Ю.П. Поваренкова, выделяются три основные линии развития профессиональной идентичности: отношение человека к себе, как профессионалу реальному и идеальному (желаемому); отношение человека к содержанию, условиям профессиональной деятельности и профессионализации в целом; отношение человека к системе ценностей и норм, традициям и ритуалам, характерным для каждой профессиональной общности. Им соответствуют три группы показателей, которые можно использовать для анализа ее сформированности. Исследование проводилось нами на базе ЯГТУ и ЯГПУ им. К.Д.Ушинского. В исследовании приняли участие студенты 1–5 курсов, обучающиеся по специальностям «менеджмент организаций» и «стандартизация и сертификация качества». Общее количество испытуемых составило 287 человек.

В процессе анализа полученных данных, было выявлено, что общая динамика уровня развития профессиональной идентичности совпадает у студентов технического и педагогического университетов. От 1 к 5 курсу наблюдается снижение баллов, набранных студентами по этому показателю. Это может быть связано с переоценкой системы ценностей, несовпадением ожиданий студентов, связанных с образом будущей профессиональной деятельности и процессом обучения в вузе. В процессе обучения в вузе происходит постепенное разрушение идеального образа профессии, наполнение данного образа реальными характеристиками. При этом у студентов технического университета наиболее выражен кризис 3 курса, а от 3 к 5 курсу наблюдается тенденция к повышению баллов по показателю профессиональной идентичности. У студентов педагогического университета от 3 к 5 курсу наблюдается снижение баллов по данному показателю. Это может быть связано с интеграцией и дифференциацией представлений студентов о своей будущей профессиональной деятельности, выделении из большого количества идентификационных признаков, наиболее значимых.

В ходе проведенного нами исследования гипотеза о том, что особенности структуры и уровень развития профессиональной идентичности у студентов изменяются в зависимости от определенной стадии обучения в вузе, подтвердилась. Развитие профессиональной идентичности происходит вместе с повышением профессиональной самооценки и удовлетворенности выбранной профессией, а также интериоризацией ценностей, важных для профессионала. На начальных этапах обучения студенты идентифицируют себя с идеализированным образом профессионала. В процессе обучения выстраивается реальный образ профессионала. К 5 курсу он наполняется новыми содержательными характеристиками, и студенты начинают идентифицировать себя с реалистичным образом профессионала.

Гипотеза о том, что структура и уровень развития профессиональной идентичности у студентов технического и педагогического университетов обладают определенной спецификой, подтвердилась. В процессе исследования была выявлена общая закономерность снижения уровня профессиональной идентичности у студентов техническо-

го и педагогического университетов. Это может свидетельствовать о качественной перестройке структуры профессиональной идентичности, преобразовании идеального образа профессионала в реальный. Специфика развития профессиональной идентичности у студентов технического университета заключается в тенденции к росту данного показателя от 3 к 5 курсу. Это может свидетельствовать о том, что выстраивается новый образ профессионала, наполняемый реалистичными характеристиками, с которым идентифицируют себя испытуемые. У студентов педагогического университета от 3 к 5 курсу наблюдается снижение показателя профессиональной идентичности. Это может быть связано с интеграцией и дифференциацией представлений студентов о своей будущей профессиональной деятельности, выделении из большого количества идентификационных признаков, наиболее значимых.

Данные, полученные в ходе проведенного нами исследования, подтверждают необходимость углубления профориентационных занятий в школе, позволяющих составить реалистичный образ профессии и профессионала. Тенденция снижения уровня развития профессиональной идентичности свидетельствует о кризисном моменте ее развития и значимости профессиональной поддержки и сопровождения профессионального становления студентов. В нашем исследовании мы изучили основные особенности развития профессиональной идентичности на примере специальности стандартизация и сертификация качества и менеджмент организаций. Это позволило выявить неоднородность в развитии профессиональной самооценки у студентов, обучающихся по различным направлениям, что подтверждает необходимость построения программы сопровождения профессионального становления студентов, учитывая выявленные закономерности в развитии профессиональной идентичности.

Психология профессионального становления и реализации личности как отрасль психологической науки

Ю.П. Поваренков (Ярославль)

Анализ многочисленных исследований и концептуальных подходов к проблеме профессионального становления личности (В.А. Бодрова, Э.Ф. Зеера, Е.А. Климова, Т.В. Кудрявцева, А.К. Марковой, Д. Сьюпера и др.), наши собственные исследования в данной области свидетельствуют, что в настоящее время складываются все необходимые условия для выделения психологии профессионального становления личности в самостоятельную отрасль психологической науки. Высказанное предположение не является оригинальным, так как ряд психологов, таких как Д. Сьюпер, Т.В. Кудрявцев, А.К. Маркова и ряд других, неоднократно, в той или иной форме, уже говорили об этом.

Как известно, для выделения отдельной отрасли науки должны существовать определенные основания и предпосылки, которые связаны с дифференциацией **предмета, метода и понятийного аппарата.**

В качестве предмета психологии профессионального становления личности следует рассматривать психологические закономерности и психологические факторы становления и реализации субъекта труда на всех этапах профессионального пути.

Возникает закономерный вопрос: а разве субъект труда не изучается в психологии? Конечно, изучается, но изучается в различных отраслях и разделах психологии, которые обладают своим устоявшимся понятийным аппаратом и методологией исследования. Получается так, что каждый этап профессионализации субъекта труда исследован достаточно подробно, но целостная картина становления и реализации субъекта труда отсутствует.

В результате этого наблюдается серьезный концептуальный разнобой при психологическом описании различных этапов профессионализации. Так, например, понятие профессионального самоопределения, в основном, используется для описания процессов оптации, которые, в свою очередь, строго привязаны к юношескому возрасту. Понадобились

специальные усилия, чтобы доказать, что профессиональное самоопределение в той или иной степени продолжается на всех этапах профессионального пути личности.

С другой стороны отдельные виды профессионалогенеза изучаются в разных отраслях психологической науки. Так, рабочие профессии традиционно исследуются в психологии труда, управленческие — в социальной психологии или организационной, педагогическая деятельность — в педагогической психологии, деятельность и подготовка врачей — в медицинской и т. д. Следует признать, что фактически отсутствует устойчивая тенденция использовать наработки в одних отраслях, например в психологии труда, для изучения и сопровождения профессионального становления педагога, инженера или руководителя.

Концептуальные нестыковки обостряют проблему преемственности между различными стадиями профессиональной социализации. Это находит свое отражение в том, что преподаватели вузов и других учреждений профессионального образования недовольны качеством подготовки выпускников школы, а работодатели — подготовкой выпускников профессиональных училищ, техникумов, вузов. К сожалению, сохраняет свою актуальность установка, зафиксированная словами известного юмориста: «забудь, чему тебя учили в школе, ты теперь учишься в вузе; забудь, чему тебя учили в вузе, ты теперь работаешь на заводе».

В теории и на практике не преодолена и другая установка: считается, что в помощи и поддержке нуждаются только начинающие профессионалы, зрелые специалисты в состоянии справится со своими профессиональными проблемами самостоятельно. Отражением данной установки является активное исследование закономерностей профессионального развития субъекта труда на начальных этапах профессионализации и, практически, полное их отсутствие на поздних этапах.

Все эти прикладные и теоретические проблемы могут быть решены, если будет выделена специальная отрасль психологии, в которой профессионалогенез личности будет исследоваться как целостный и непрерывный процесс.

Следующая проблема, которая неизбежно возникает при выделении самостоятельной отрасли науки, связана с **обоснованием методического аппарата**. Психология профессионального становления личности разрабатывается на стыке психологии труда и психологии развития. Поэтому именно они представляют наибольший интерес в плане поиска адекватного для нее методического аппарата. В психологии труда ведущей исследовательской технологией выступает психологический анализ профессиональной деятельности (ПАПД). Его ведущая функция заключается в реконструкции психологической структуры профессиональной деятельности, выделении ПВК, которые обеспечивают ее реализацию и влияют на ее эффективность, т. е. — в реконструкции психологической структуры субъекта профессиональной деятельности и его функционировании.

Предмет психологии становления профессионала существенно шире и поэтому она нуждается в исследовательской технологии более широкого плана. По аналогии данную технологию можно назвать психологическим анализом становления и реализации субъекта труда (ПАСРСТ). Функция данной технологии заключается в психологической реконструкции всего профессионального пути личности, от выбора профессии до завершения карьеры. Поскольку становление субъекта профессиональной деятельности и его реализация являются частью профессионального пути, то ПАПД следует рассматривать как часть ПАСРСТ.

По форме и содержанию ПАСРСТ относится к категории генетических методов, для которых ведущей независимой переменной выступает профессиональный возраст человека. Поэтому организационно он реализуется в двух основных формах: в форме лонгитюдального исследования или исследования по принципу выделения поперечных срезов. В первом случае исследуется весь профессиональный путь на одном испытуемом или на группе испытуемых, которые объединены единой профессией или

специальностью. Во втором случае исследуются отдельные группы испытуемых, которые представляют различные этапы профессионального пути. По результатам проведенного анализа описывается нормативный профессиональный путь в рамках данной профессии и его возможные индивидуальные варианты.

В качестве единиц анализа профессионального пути, выступают события профессионального пути, которые соотносятся со стадиями, периодами и фазами профессионализации личности. Профессиональные события могут быть объективными (увольнение с работы в связи с сокращением) или субъективными (осознание того, что не удовлетворяет в профессии), относится к макро- или микросреде. Важная роль в структуре ПАСРСТ отводится биографическим методам, которые в данном случае следует называть профессионально-биографическими.

Наряду с исследовательскими технологиями, к группе которых относится ПАСРСТ, в психологии становления профессионала используются активные или, по терминологии Е.А. Климова, конструктивные методы. Функция данных методов заключается в активном воздействии на субъект труда с целью изменения его деятельности или качеств личности, они, также, обеспечивают сопровождение и поддержку субъекта труда на различных этапах профессионализации.

Таким образом, из проведенного выше анализа следует, что психология профессионального становления и реализации личности не только обладает специфическим предметом исследования, но и нуждается в адекватном методическом аппарате исследования, элементы которого разбросаны по отдельным отраслям психологии, включая психологию труда и психологию развития.

Следует отметить и специфику понятийного аппарата, который используется в рамках психологии профессионального становления. В настоящее время при изучении процессов профессионализации применяется широкий набор понятий, которые взяты из различных отраслей психологии. Отметим некоторые из них: профессиональная деятельность (активность), профессиональное самоопределение, профессионально важные качества, субъект труда, профессиональное развитие, кризисы профессионализации, профессиональная деформация и т. д. Содержание данных понятий в рамках психологии профессионального развития приобретает свою специфику и поэтому нуждается в уточнении.

В заключение отметим следующие существенные моменты. В рамках психологии становления профессионала исследуется специфический предмет, в качестве которого выступает субъект профессионализации (профессионального пути), процесс его становления и реализации, сопровождения и поддержки. В таком качестве данный предмет исследования не представлен ни в одной из отраслей психологии. Для его изучения и реконструкции используется специфический понятийный аппарат и исследовательские технологии, а для взаимодействия с ним – специфические методы сопровождения и поддержки субъекта труда. Все это указывает на то, что психология становления профессионала обладает своим предметом и методом, своим понятийным аппаратом. И, следовательно, есть все основания для ее выделения в самостоятельную отрасль психологической науки.

Определение параметров оценки эффективности деятельности

Ю.Н. Слепко (Ярославль)

Наиболее принципиальным моментом в решении проблемы эффективности профессиональной деятельности является рассмотрение последней как феномена, психологическая структура которого определяется трехсторонним его пониманием. В качестве таковых выступают предметно-действенная, физиологическая и психологическая стороны деятельности. В содержательном аспекте предметно-действенная сторона

выступает в форме результата деятельности, достигающегося в ходе «заранее намеченного изменения предмета труда»; физиологическая – это проявления «функций человеческого организма»; психологическая – это «осуществление сознательной цели, проявление воли, внимания, интеллектуальных свойств работника и т. д.» (Шадриков В.Д., 2007, с. 23–24).

Проблема состоит в определении соотношения сторон деятельности, в выявлении их приоритета в эффективности деятельности, также в их «разграничении» между субъектами анализа и оценки. Решение ряда вопросов о соотношении этих сторон осуществлено в концепции системогенеза деятельности В.Д. Шадрикова. Психологический анализ деятельности предполагает анализ и предметно-действенной, и физиологической ее стороны. Предметно-действенная сторона деятельности включается в психологический анализ на том основании, что феномен результата деятельности, материально проявляясь на предметно-практическом уровне, включен в психологическое содержание деятельности как системообразующий элемент. Таким образом, через результат деятельности предметно-практический и психологический уровни анализа направлены на один и тот же предмет исследования. Физиологическая сторона деятельности так взаимосвязана с психологическим анализом, что последний исследует системное качество, формирующееся в результате нейрофизиологической активности организма человека. Это системное качество «реализуется в динамике функционирования мозга как целостной системы, а не во множестве отдельных элементов» (Шадриков В.Д., 2007, с. 130).

Исходя из трехстороннего понимания профессиональной деятельности анализ ее эффективности предполагает решение следующих задач: описание на предметно-практическом уровне параметров деятельности – производительности, качества и надежности; наполнение психологическим содержанием функциональных блоков психологической системы деятельности на основе структурно-функционального и генетического анализ; установление количественного и качественного соотношения между параметрами деятельности и функциональными блоками; выработка критериев эффективности профессиональной деятельности.

Решение этих проблем не снимает актуальности дальнейшего анализа проблемы эффективности профессиональной деятельности, что связано, прежде всего, с предметно-практической стороной деятельности, точнее, с теми параметрами, которые берутся за основу анализа. Производительность, качество и надежность, как параметры эффективности деятельности, были охарактеризованы Б.Ф. Ломовым (1966) следующим образом: «производительность характеризуется количеством продукции, выпущенной за единицу времени, качество – соответствие продукции ГОСТам и требованиям технологии, надежность с качественной стороны ... как способность выполнять требуемые функции в заданный интервал времени; с количественной стороны ... вероятность выполнения требуемых функций в течение заданного времени и в заданных условиях... В инженерно-психологических работах параметр производительности трансформируется в параметр скорости выполнения тех или иных действий. Параметр надежности выступает в этом случае как интегральный, зависящий от скорости и точности действий оператора, от его функционального состояния и индивидуальных характеристик (стрессоустойчивости, помехоустойчивости, монотонофильности)» (Шадриков В.Д., 2007, с. 27).

Исходя из предложенной характеристики параметров эффективности деятельности представляется, что именно на уровне предметно-практического анализа деятельности существуют наиболее серьезные препятствия для развития концепции системогенеза деятельности. Так, анализ современных исследований в рамках системного изучения профессиональной деятельности показывает, что предметная область его применения в большинстве случаев сконцентрирована в пределах изучения системы «человек – машина», которая «состоит из человека-оператора (или группы операторов) и машины, посредством которой он (они) осуществляет (ют) трудовую деятельность, свя-

занную с производством материальных ценностей, управлением, обработкой информации и т. д.» (БСЭ, 1976, с. 469). В свою очередь под понятием «человек-оператор» понимается «человек, осуществляющий трудовую деятельность, основу которой составляет взаимодействие с предметом труда, машиной и внешней средой через посредство информационной модели и органов управления» (Дикая Л.Г., 1994, с. 28–37). Соответственно, основные усилия по применению системного подхода к профессиональной деятельности сегодня направлены на дальнейшее расширение применения этого метода анализа психической реальности к операторской деятельности, концептуальные положения которого были сформулированы Б. Ф. Ломовым (Бодров В.А., 2007, с. 23–28). В качестве примера следует указать исследования проблемы психической регуляции профессиональной деятельности В.А. Бодрова и А.А. Обознова (Бодров В.А., 2000, с. 48–57), разработку Ю.А. Голиковым и А.Н. Костиным (Голиков Ю.Я., 1990, с. 61–68; Голиков Ю.Я., Костин А.Н., 1996) метода структурно-динамического представления деятельности, исследования проблемы саморегуляции состояния человека Л.Г. Дикой (Дикая Л.Г., 1994, с. 28–37; 1992, с. 24–41; Дикая Л.Г., Семикин В.В., 1991, с. 55–66), исследования развития структурно-динамического подхода в психологическом отборе специалистов В.А. Бодрова (1999).

Таким образом, использование традиционных параметров эффективности профессиональной деятельности – производительности, качества и надежности, должно производиться с учетом решения следующих вопросов: адекватность их содержанию целям тех видов профессиональной деятельности, которые не входят в спектр деятельностей системы «человек – машина»; наполнение их конкретным предметно-действенным и психологическим содержанием при условии сохранения их использования; использование специальных методов оценки параметров деятельности с учетом специфики профессий, не входящих в систему «человек – машина»; решение вопроса о субъектах оценки эффективности деятельности, что может быть учтено в рамках анализа деятельности с позиции предметно-действенной, физиологической и психологической сторон деятельности.

Проблема формирования профессиональных представлений в контексте профконсультирования

В.И. Тужикова (Воронеж)

В последние годы отечественные психологи все чаще обращают свое внимание к проблеме профессиональных представлений. Профессиональные представления определяются как совокупность имеющейся у субъекта информации о той или иной профессии, как отражение человеческого «Я» через профессию. Систему профессиональных представлений принято рассматривать как состоящую из двух основных взаимосвязанных подсистем: субъектной и предметной. Субъектная подсистема состоит из совокупности представлений индивида о себе, как субъекте профессиональной деятельности. Предметная область профессиональных представлений – это представления о содержании деятельности. Профессиональные представления рассматриваются как регуляторы профессионального самоопределения и оказывают существенное влияние на профессиональное развитие субъекта.

Профессиональное самоопределение – сложный и многоступенчатый процесс. Зачастую он осложняется и тормозится противоречием между потребностью в профессиональном самоопределении и отсутствием знаний о сфере профессиональной деятельности и себе, как субъекте труда. Данное противоречие может быть разрешено в ходе проводимой психологом профессиональной консультации.

В работе с клиентами, обратившимися с запросом на профконсультирование, необходимо делать акцент на формировании стройной индивидуально-своеобразной системы профессиональных представлений. Важно больше времени уделять личност-

ной диагностике, чтобы человек имел представление о себе, своих чертах и качествах, способностях и потребностях. В ряде запросов звучит необходимость проведения работы по профессиональной переориентации и переквалификации. Профессиональная переориентация и переквалификация включают в себя формирование отношения к выбираемой профессии, поднятие ее ценности и престижа, выработку установки и готовности трудиться по вновь избранной специальности, формирование профессионального интереса и профессиональных качеств.

Профконсультация предполагает консультирование с целью выбора человеком сферы деятельности, определения направления профессиональной подготовки, возможности обучения или переобучения. При этом в ходе профконсультации используются методы интервьюирования, психодиагностики. Возможно использование элементов психокоррекции, направленной на формирование у клиента адекватного представления о себе как субъекте трудовой деятельности.

Диагностическое собеседование с целью профориентации предполагает ряд этапов. Оно включает знакомство психолога и клиента, изучение профессионального опыта и профессиональной направленности последнего, его личностных особенностей и завершающую беседу, в ходе которой формулируются варианты выбора профессии. Большое значение имеет программа изучения биографических и личностных особенностей человека, среди которых выделяют следующие блоки информации: 1) социально-демографические: пол, возраст, образование, специальность, социальное положение, шкала ролей и т. п.; 2) психологические: интеллектуальные, волевые, нравственные качества, черты характера и т. д.; 3) психофизиологические: конституциональные особенности (темперамент, свойства нервной системы), сведения о патологических отклонениях личности.

Порядок проведения профконсультации зависит от наличия специального образования, а также от возможного профессионального опыта клиента. В соответствии с этими критериями можно выделить следующие группы клиентов и предложить соответствующие стратегии проведения собеседования с ними.

К первой группе относятся лица, имеющие профессиональный опыт и желающие работать по имеющейся у них специальности. Для них диагностика профессиональных склонностей и интересов не имеет первостепенного значения. Диагностическое собеседование целесообразно проводить с ними в режиме профинформирования, что необходимо для индивидуальной проработки профессиональных перспектив, для координации действий клиента по его трудоустройству.

Ко второй группе могут быть отнесены лица, имеющие специальность, не востребованную или устаревшую на данный момент на рынке труда, либо желающие изменить профиль трудовой деятельности. Для них профессиональное диагностическое собеседование включает два направления:

- анализ рынка труда и изучение технологии поиска работы;
- подбор специальностей, а также способов и вариантов переобучения или получения дополнительного образования с минимальными психологическими и временными затратами. При этом следует помнить, что чем значительнее трудовой стаж, тем труднее человеку переучиваться.

Более эффективна профконсультация с изначальным определением психологических качеств, в которых необходимо искать ресурс, чтобы продолжать работу в том же направлении или изменить сферу профессиональной деятельности. Чтобы процесс переобучения был успешным, необходим учет таких факторов, как прошлый профессиональный опыт, профессиональные интересы и индивидуальные особенности, состояние здоровья и т. п.

При проведении диагностического собеседования с данной категорией граждан психолог выявляет: профессиональные интересы и склонности; мотивацию профес-

сионального самоопределения; желаний и возможности профессионального переобучения и повышения квалификации; психологическую профпригодность к определенным видам деятельности.

Третья группа клиентов психолога-профконсультанта — это люди, не имеющие специальности и опыта трудовой деятельности. Как правило, в эту группу входят несовершеннолетние и молодые люди, которые не успели приобрести трудовую специальность. Поскольку профессиональное и личностное самоопределение у них не завершено, подростки чаще всего не представляют, что они умеют, чего бы хотели, где могли бы применить свои способности. В связи с этим они нуждаются в большей помощи, чем другие категории консультируемых, и с ними профориентация должна проводиться более детально, а изучение профессиональных интересов, склонностей, способностей — более тщательно. Важно больше времени уделять личностной диагностике. Такая работа позволит сделать молодому человеку определенные шаги в планировании профессиональной карьеры.

В современной психологической литературе, посвященной вопросам профессионального самоопределения, планирование карьеры тесно связывается с построением субъектом личного профессионального плана. Наличие представлений о своем профессиональном пути позволяет человеку осознанно взглянуть в свое профессиональное будущее, увидеть не только перспективы, но и препятствия, которые могут возникнуть на пути его трудоустройства и карьерного роста, а также способы их преодоления.

Цель завершающей профконсультационной беседы — дополнить представления клиента о профессиональном будущем и себе в сфере профессионального труда и подвести итоги. Все полученные результаты сопоставляются и анализируются вместе с ним. Психолог и клиент обсуждают возможные пути реализации имеющихся у последнего склонностей в конкретной профессиональной сфере, анализируют информацию о востребованности специальностей на рынке труда и формируют личный профессиональный план. Это позволит клиенту открыть новые горизонты, которые он реально может достичь на основе скорректированной системы профессиональных представлений.

Андрогогическая система деятельности преподавателя в обучении студентов-заочников вуза — акмеологический подход

Б.Н. Черкашин (Воронеж)

Известно, что одной из самых распространенных среди возможных форм получения высшего образования является заочная. В настоящее время значительно возрос интерес к проблемам обучения взрослых людей. От понимания особенностей обучения студентов-заочников, являющихся взрослыми людьми, во многом зависит качество их образования.

На первый взгляд, кажется, что у взрослых есть необходимые условия для качественного обучения: осознанная необходимость получить образование, высокий интеллектуальный и эмоционально-волевой уровень развития. Однако при более тщательном анализе становится ясно, что внешняя сторона данной проблемы обманчива. Опыт работы со студентами-заочниками показывает, что взрослому учиться очень не просто. Это, по нашему твердому убеждению, действительно очень серьезная и трудно разрешимая психологическая проблема, которая требует особого исследования. Чем старше студент-заочник, тем сложнее ему включиться в образовательные процессы в силу множества внутренних барьеров:

- 1) психофизиологических. У многих взрослых людей возникает внутренний барьер в отношении способности к обучению и самообразованию;
- 2) социально-психологических. Взрослым людям бывает некомфортно оказаться в позиции обучающегося;

- 3) психолого-андрагогических. Трудности в заочном обучении могут иметь место в отсутствии необходимых знаний о своих способностях, особенностях восприятия и усвоения учебного материала.

В реализуемом учебном процессе в системе заочного обучения вуза недостаточно учитываются психологические особенности взрослых, а именно: 1) невысокий уровень обучаемости, обусловленный снижением с возрастом умения учиться и познавательных способностей; 2) условная готовность к профессиональному обучению, определяемой существенными психологическими различиями учебной и профессиональной деятельности (Змеев С.И., 2002). Отсюда следует, что психологические особенности взрослого человека детерминируют разработку и применение особой дидактической системы, ориентированной на профессиональное развитие составляющих личности специалиста: направленности, компетентности, профессионально-важных качеств и профессионально значимых психофизиологических свойств (Черкашин Б.Н., 2008).

Исследования, проведенные в 70–90-х годах прошлого века в области психологии и педагогики высшей школы, помогли раскрыть многие общие и частные закономерности обучения студентов, их профессионального становления и личностного развития. Наряду с этим показаны огромные возможности обучения взрослых с помощью современных педагогических технологий, когда они используются в разнообразных формах и сочетаниях (Змеев С.И., 2002). Кроме того, довольно подробно определены психологические предпосылки профессионализма в педагогической деятельности преподавателей высшей школы. Вместе с тем остается актуальной проблема, имеющая отношение к акмеологии образования, — особенности и условия обучения студентов заочной формы (являющихся взрослыми людьми!) обучения вуза.

В настоящее время человек во всех высших (акме) проявлениях его физических, психологических и духовных сил, творчества, способностей и профессионального мастерства стал предметом междисциплинарной области знаний о человеке — акмеологии (Ганин Ю.А., 1998). Ее частным разделом и является акмеология образования, центральной задачей которой является поиск способов и путей, ведущих взрослого человека к вершинам и расцвету его многообразных потенциалов развития. Соответственно, необходимо строить образовательный процесс в соответствии с особенностями развития взрослых людей. В первую очередь на основании акмеологии и андрагогики. Акмеологические подходы позволяют находить устойчивые связи между уровнем продуктивности деятельности и факторами, обуславливающими достижение высших результатов. Андрагогика — область научного знания, которая не только описывает факторы, связанные с образованием взрослых, но и объясняет их, ищет ответ на вопрос, как должен быть организован процесс обучения, чтобы обеспечивалось гармоничное развитие взрослого человека.

Совокупность психолого-андрагогических условий реализации акмеологического подхода в профессиональном образовании определяется, во-первых, сущностью самого акмеологического подхода (его основными положениями, базовыми принципами и т. д.), во-вторых, содержанием акмеологической направленности личности как цели реализации акмеологического подхода и, в-третьих, спецификой среды, организационных условий и субъектов деятельности учреждений, в которых осуществляется реализация акмеологического подхода.

Все вышесказанное позволяет следующим образом структурировать совокупность психолого-андрагогических условий реализации акмеологического подхода в профессиональном образовании. Первая группа условий связана с реализацией акмеологических принципов. Их выбор определен сущностью акмеологического подхода к образованию. Вторая группа условий связана с реализацией андрагогических принципов. Их выбор определен сферой применения акмеологического подхода. Третья группа условий связана с необходимостью целенаправленного андрагогического воздействия на мотивационно-ценностную и регулятивно-деятельностную сферы личности. Их

выбор определен сущностью акмеологической направленности личности как цели реализации акмеологического подхода в профессиональном образовании.

Эффективность андрагогического подхода к обучению студентов-заочников определяется высокой степенью органичности подхода к образовательному процессу, высокой организационной компактностью и др.

Андрагогические особенности дидактической системы профессионального обучения состоят в необходимости выполнения в процессе обучения студентов-заочников следующих условий: 1) учета особенностей обучения взрослых; 2) соблюдения приоритета учения перед преподаванием; 3) сохранения личностной ориентированности учения; 4) учета психолого-физиологических особенностей каждого взрослого обучаемого; 5) поддержания требуемого уровня и качества учения. Специфика деятельности преподавателя в системе заочного обучения высшего профессионального образования и состоит в том, что он должен ставить студента-заочника, как взрослого обучаемого, в позицию человека, активно усваивающего знания. Для этого преподаватель:

- стремится к тому, чтобы поставленные учебные задачи были приняты обучаемыми;
- прилагает усилия к тому, чтобы обучаемыми были освоены способы решения учебных задач;
- формирует у них способность к оценке результатов учения;
- создает условия для проявления активности и самостоятельности в учебной деятельности.

Из указанной специфики вытекает важная роль, которую выполняет в дидактической системе профессионального обучения студентов-заочников ее подсистема – андрагогическая система деятельности преподавателя (АСДП) (3). Мы рассматриваем АСДП как процесс интегрированного решения психолого-андрагогических задач: 1) диагностики взрослых обучаемых; 2) планирования учебной деятельности; 3) создания андрагогических условий реализации учебной деятельности; 4) реализации учебной деятельности; 5) оценивания учебной деятельности.

Все эти задачи являются самостоятельными системами, представляющими собой последовательность операций, функций, действий, структурированных по основным компонентам учебной деятельности.

АСДП, опирающаяся на акмеологический и андрагогический подходы, по нашему глубокому убеждению, в наибольшей степени влияет на высококачественную подготовку студентов заочной формы обучения высшего профессионального образования.

Аутопсихологическая компетентность в структуре жизнестойкости личности студентов в условиях подготовки к трудоустройству

О.А. Юрина (Ульяновск)

(Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». ГК № П2108 от 18.11.2009.)

Условия, в которых протекает жизнедеятельность современного человека, часто по праву называют экстремальными и стимулирующими развитие стресса. Современная обстановка снижает чувство безопасности и защищенности человека. Это связано как с повышением угрозы физического и иного насилия, террористических актов, техногенных и экологических катастроф, так и нарастанием привычного ряда стрессоров в повседневной жизни. В этих сложных условиях актуализируются проблемы, связанные с адаптацией, решением трудных жизненных ситуаций, жизнестойкостью.

Понятие жизнестойкости было введено в 80-х годах XX века Сальваторе Мадди, профессором университета Ирвайн (США), основателем Института Жизнестойкости в Калифорнии. Жизнестойкость как формируемая интегральная характеристика лич-

ности определяется: оптимальной смысловой регуляцией личности, ее адекватной самооценкой, развитыми волевыми качествами, высоким уровнем социальной компетентности, развитыми коммуникативными умениями. Прикладной аспект жизнестойкости обусловлен той ролью, которую эта личностная переменная играет в успешном противостоянии личности стрессовым ситуациям, прежде всего, в профессиональной деятельности (Александрова Л.А., 2004).

Проведено немало исследований, посвященных жизнестойкости, но в большинстве своем эти исследования касаются жизнедеятельности взрослого человека. В то время как необычайно актуальным направлением исследований является жизнестойкость выпускников высших учебных заведений. Их деятельность является эмоционально напряженным видом социальной активности личности с постоянным присутствием выраженных стрессоров. Трудности самореализации выпускников вузов обусловлены целым рядом факторов, среди которых: недостаток профессиональных знаний, отсутствие необходимой квалификации, отсутствие практических навыков на этапе трудоустройства, а также отсутствие у них четкой, целостной модели собственной трудовой карьеры.

Важным звеном в структуре жизнестойкости личности является аутопсихологическая компетентность. Мы опираемся на определение, предложенное Л.А.Степновой, где аутопсихологическая компетентность – это способность к интеграции знаний, навыков и способов саморазвития. В основе будущего трудоустройства выпускников лежит профессионально-личностный потенциал, который рассматривается многими авторами как совокупность внутренних ресурсов человека, определяющих его профессиональные возможности (В.Н. Марков, Ю.В. Синягин, Л.А. Степнова и др.). Ядром профессионально-личностного потенциала является аутопсихологическая компетентность.

Аутопсихологическая компетентность как готовность и способность к целенаправленной психической работе по изменению личностных черт и поведенческих характеристик является признанным условием для успешной реализации внутреннего потенциала личности. Она представляет собой умение личности развивать и использовать собственные психические ресурсы, перестраиваться при возникновении непредвиденных обстоятельств, создавать волевою установку на достижение значимых результатов (Деркач А.А., Ситников А.П., 1994).

Впервые понятие аутопсихологической компетентности личности было введено в психолого-педагогических исследованиях Н.В. Кузьминой и Г.И. Метельского. Аутопсихологическая компетентность определялась как система знаний, умений и навыков, которые обеспечивают не только общепсихологические знания, но и высокий уровень профессионального самосознания, умения управлять своими психическими состояниями.

Дальнейшая операционализация понятия аутопсихологическая компетентность происходила одновременно с разработкой конкретных психотехнологий ее формирования. Аутопсихологическая компетентность складывается из умений, направленных на:

- самодиагностику (комплекс навыков самоанализа, самооценки, самоопределения, самосознания, самоконтроля);
- самокоррекцию (включает использование техник решения личных проблем – снятие стрессов, зажимов, комплексов, избавление от вредных привычек; техник, изменяющих внутреннее психическое состояние – саморегуляция, самовнушение, снятие боли и методы контроля функций организма, самоубеждение, самогипноз);
- саморазвитие (предполагает обладание техниками изменения личностных черт, самопрограммирования);
- эффективную работу с информацией (быстрое чтение, развитие памяти, освоение техник переработки и анализа информации).

Очевидно, что каждый человек на эмпирическом, поведенческом уровне стихийно и фрагментарно осуществляет саморегуляцию собственной деятельности, но эффективность этого процесса во многом зависит от степени развития рефлексивной способности, компетентности, готовности и возможности свободно актуализировать их в профессиональной деятельности.

Таким образом, проблема аутопсихологической компетентности, рассмотренная в структуре жизнестойкости личности имеет как теоретический, так и прикладной аспекты. Теоретическое значение разработки этой проблемы связано с необходимостью создания целостной психологической теории аутопсихологической компетентности личности, раскрывающей основные психологические механизмы функционирования и формирования данного качества. Прикладной характер этой проблемы обусловлен практическими задачами по формированию высокоэффективного кадрового ресурса, обладающего необходимым ресурсом жизнестойкости.

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИИ ИМИДЖА»

Особенности имиджа звезд эстрады и шоу-бизнеса

В.В. Белобрагин (Москва)

В своей статье я представляю краткие результаты своей исследовательской работы по изучению имиджа отечественного шоу-бизнеса и своей журналистской работы.

На протяжении почти 20-ти лет мне посчастливилось интервьюировать многих известных представителей отечественной музыкальной культуры и современного шоу-бизнеса. В своих интервью мне было важно раскрыть, как проходило их формирование как артистов и музыкантов, как создавался их имидж, что им приходилось и приходится преодолевать в своей профессии, как удалось стать успешными, как они оценивают свой имидж: внешний облик, личностные качества, профессиональное мастерство, принадлежность к музыкальному жанру и направлению... (Белобрагин В.В., 2008).

Вспоминая советские времена, можно утверждать, что на протяжении многих лет, во второй половине XX века, никакого шоу-бизнеса в СССР не было. В то время царила многокая эстрада, главенствующую роль, в которой играли государственные концертно-гастрольные объединения (Госконцерт, Росконцерт, Москонцерт, Союзгосцирк и др.), филармонии и др., которые занимались организацией зрелищных мероприятий, гастролей музыкальных коллективов и исполнителей разных рангов. Ну а судьбу их репертуара определяли специальные художественные советы, куда входили именитые композиторы, члены Союзов композиторов, члены Союзов писателей и другие видные деятели культуры... Отношение к этим худсоветам у артистов старшего поколения осталось неоднозначным: кто-то их вспоминает как страшный сон, а кто-то сетует, что худсоветов не хватает в наше время.

На Центральном телевидении СССР и на Всесоюзном радио существовали главные редакции, которые специализировались на различных музыкальных жанрах (например, на ТВ: главная редакция народного творчества, главная редакция музыкальных программ, главная редакция эстрадно-развлекательных программ и др.). Они во многом и определяли музыкальную наполняемость теле- или радиопрограмм.

Существовали определенные требования к сценическим костюмам, которые изготавливали самые лучшие модельеры страны. По признанию обладательницы медали «За безупречный имидж на эстраде» (2006 год) народной артистки Молдавии Надежды Чепраги, нельзя было в одном и том же костюме или платье выступать в телевизионных программах дважды. Государство, как правило, выделяло артистам средства на шитье и приобретение концертных туалетов, обуви и других необходимых аксессуаров...

Господствовали и правила поведения артиста на сцене, приветствовался образ статичного, скромного, строго одетого, гладко причесанного, «патриотичного» исполнителя или коллектива. И «вольности» некоторых представителей эстрады того времени приводили к определенным санкциям со стороны вышестоящих организаций, осуждались и на страницах крупных печатных изданий... Кстати, в советские времена существовала, пусть «идеологически выдержанная», но, все же, профессиональная музыкальная журналистика!

В начале 1990-х годов в связи с коммерциализацией всех сфер деятельности, в том числе и культуры, большинство государственных концертно-гастрольных организаций были ликвидированы, перестали существовать и художественные советы, на их место пришли музыкальные кооперативы и фирмы, главной целью которых стало лишь зарабатывание денег, творческие ценности стали постепенно нивелироваться.

В новом веке отечественный шоу-бизнес продолжает развиваться в соответствии с законами рынка. Появилось большое количество медиагрупп и продюсерских компаний, активно работающих в сфере шоу-бизнеса («Русская медиагруппа», «Европейс-

кая медиагруппа», Продюсерский центр Игоря Матвиенко, Продюсерский центр Константина Меладзе, фирма «АРС» и др.). И как считают многие музыкальные эксперты и журналисты, наш шоу-бизнес представляет собой пирог, который разделили между собой на куски вышеназванные «акулы» шоу-бизнеса. Эти «акулы» сегодня и определяют его политику. В конце 2008 года в связи с международным экономическим кризисом стали «лопаться» некоторые как печатные издания, так и телерадиокомпании.

Исследования показали, что имидж представителей шоу-бизнеса может быть как *«традиционный»*, включающий в себя «женственный образ», «мужественный образ», «образ неудачника» и др., так и *«нетрадиционный»*: «гиперсексуальный», «гиперэксцентричный», «демонстративно-протестующий» и др. Как считает Е.Н. Тяжкороб, «в мире шоу-бизнеса существует множество имиджей, которые постоянно примеряют на себя звезды: “роковая женщина”, “брутальный мачо”, “гламурная особа” и другие». Ученый также указывает, что «мы часто становимся свидетелями целого ряда «одноразовых звезд» и их внезапного исчезновения. Поэтому выжить в суровых условиях этой среды могут только обладатели неповторимого имиджа... В условиях современного шоу-бизнеса очевидным становится факт, что общественность все больше волнуют подробности личной жизни звезд, нежели их творчество. Ведь 50% успеха звезды зависит от того, насколько часто она мелькает в СМИ...» Да, действительно, скандалы, свадьбы-разводы (например, бракоразводные истории между продюсером Яной Рудковской и бизнесменом Виктором Батуриным) стали актуальными темами нашего шоу-бизнеса, неотъемлемой частью имиджа его представителей, способствуют повышению интереса к звездам, их гонорары и объемы продаж альбомов значительно возрастают.

Л.А. Соколова-Сербская и В.В. Сорокикова выделяют еще одну категорию – «гламурный имидж». «Как стиль жизни гламур ассоциируется с яркостью и внешней легкостью жизни, он предполагает светскость, успешность, праздность, демонстративную трату денег. Здесь ценится не профессионализм, трудоголизм и карьерные амбиции..., а высокий уровень потребления, любовь к роскоши и почти профессиональное знание самых дорогих товарных брендов... Еще одной очень важной характеристикой гламурного имиджа становится известность, популярность, «раскрученность», приобретаемая персонажем, благодаря СМИ, в особенности телевидению и Интернету...». Самые яркие представители гламурного имиджа в нашем шоу-бизнесе – Ксения Собчак и Сергей Зверев. На одном из популярных музыкальных телеканалов страны их гламурной жизни посвящены целые многосерийные программы («Блондинка в шоколаде», «Полный фэшн» с Сергеем Зверевым...) По мнению К.В. Курочкиной, «на сегодняшний день «гламур» – всеобъемлющий, массовый, культурный, социальный, психологический и даже психопатологический феномен... Главной формой воспроизводства гламура становится миф о Золушке... Реконструкции этого мифа сегодня – различного рода «фабрики звезд», реалити- и ток-шоу, которые пропагандируют идею превращения обычного человека в сверхличность нереальной красоты, раскрывающей на экране свои сверхспособности, таланты и навыки...» (Белобрагин В.В. , 2009).

Да, весьма неоднозначен имидж отечественного шоу-бизнеса, а какой яркой была советская эстрада! Представители советской эстрады выделяют в идеальном имидже артистов эстрады (шоу-бизнеса) в первую очередь профессиональные качества (наличие специального образования, высокие показатели таланта и мастерства...), с большой критикой выступают в адрес многих телевизионных музыкальных проектов по созданию звезд («Фабрика звезд», «Народный артист» и др.). Ценности современного шоу-бизнеса сводятся к «гламурному имиджу», где ценится не профессионализм, а карьерные амбиции и внешний «блеск». Очень сложно в современных условиях раскрыться молодому таланту без помощи профессиональных влиятельных продюсеров. А чтобы стать проектом таких продюсеров, следует соответствовать их стереотипным

представлениям о профессиональном имидже артиста, а также беспрекословно подчиняться их указаниям, порой и прихотям...

Итак, имидж представителей, как советской эстрады, так и современного отечественного шоу-бизнеса содержит дифференцированные представления об их визуальном облике, качествах личности, профессиональном мастерстве и принадлежности к определенному музыкальному жанру и направлению.

Имидж психолога как компонент его профессиональной компетентности

О.О. Елисеева (Москва)

Вопросы социально-психологической природы, социального познания и управления имиджем являются центральными в современной имиджпсихологии (Петрова Е.А., 2009). В отношении профессионального имиджа центральной является проблема коррекции профессионального самочувствия и самоотношения как результат замены неадекватной визуальной самоподачи «я» в общении в процессе обучения оптимальной визуальной выразительности при решении профессиональных задач. Правильно сформированный имидж влияет на профессиональную деятельность психолога как содержательно — через социальные роли и позиции, уровень которых достигается субъектом, — так и «в темпокорректирующем плане» (там же). Повышение психосемиотической компетентности и формирование психосемиотической рефлексии достигается путем активного социально-психологического обучения специалистов. Имидж психолога — компонент его профессиональной социально-психологической компетентности. Устойчивый необходимый имидж позволит психологу эффективно строить процесс консультирования, делая его более продуктивным. Грамотно построенная профессиональная самоподача — фундаментальный фактор формирования необходимого имиджа психолога. Она особенно важна в ситуациях формирования первого впечатления. Теоретические положения и практические рекомендации, полученные в результате нашего исследования, являются актуальными и позволят сформировать необходимый имидж на невербальном уровне.

Научной проблемой в нашем исследовании является теоретическое обоснование и экспериментальное изучение проблемы формирования и управления имиджем психолога как фактором доверия в процессе психологического консультирования. Актуальность исследования вытекает из состояния теоретической и экспериментальной неразработанности проблемы формирования и управления имиджем психолога как фактором доверия в процессе психологического консультирования в отечественной и мировой науке и из фундаментальной значимости данного фактора.

В теоретическом плане актуальность также связана с важностью изучения процессов интериоризации — экстериоризации образа «я» человека и экспрессии-импрессии личности. В частности, процессом экстериоризации, являющимся существенной психологической проблемой, практические психологи и специалисты в области имиджологии сейчас занимаются крайне редко. Интерпретация невербального поведения — сложная методологическая проблема современной социальной психологии. На сегодняшний день нет эмпирических исследований, посвященных анализу типичных для различных субъектов стилей и стратегий построения и развития доверия и недоверия (Доверие в социально-психологическом взаимодействии, 2006).

В практическом плане актуальность обусловлена необходимостью изучения возможностей диагностики и коррекции, формирования и управления профессиональным имиджем и возможностей диагностики эффективности профессионального общения, его коррекции и управления им; повышенным общественным интересом и неформальным интересом будущих профессионалов к изучению аспектов проблемы; необходимостью включения результатов исследования в процесс обучения специалис-

тов сферы «человек — человек», в т. ч. как содействия повышению престижа профессии. Результаты исследования могут быть использованы в процессе психологического консультирования и в области вузовского образования, в имиджпросвещении и имиджологическом воспитании специалистов сферы «человек — человек».

Эффективная психологическая помощь сегодня остается актуальным вопросом. Идет активный поиск технологий совершенствования профессиональной деятельности психолога с целью повышения эффективности помощи клиенту. Компетентность данного специалиста необходима и для совершенствования системы социального обслуживания в целом, и особенно актуальна эта проблема в условиях различных социальных кризисов.

Конкретная задача в рамках научной проблемы — теоретически обосновать и эмпирически уточнить основания, условия, факторы и механизмы формирования и управления, а также закономерности функционирования профессионального имиджа психолога как фактора доверия в процессе психологического консультирования. Новизна поставленной задачи состоит в следующем: в теоретическом плане: описание знаковых систем как компонентов профессионального имиджа психолога, выявление их взаимосвязи, взаимовлияния и роли в формировании имиджа; раскрытие оснований, условий, факторов и механизмов формирования и управления, а также закономерностей функционирования имиджа психолога как фактора доверия в процессе психологического консультирования; описание формально-динамических характеристик феномена; раскрытие специфики феномена в данном виде общения; в методическом плане: создание и апробация инструментария для диагностики и коррекции профессионального имиджа психолога; в эмпирическом плане: определение особенностей профессионального имиджа психолога, вызывающего доверие и недоверие клиента, а также в этом контексте особенностей профессионального имиджа психолога-мужчины и психолога-женщины; определение основных имиджобразующих качеств; анализ информативно-индикативной значимости знаковых систем в профессиональном общении психолога как компонентов его профессионального имиджа, выявление их взаимосвязи, взаимовлияния; выявление связи профессионального имиджа психолога с характеристиками его личности и профессиональной деятельности; выявление дифференцированных по содержанию представлений клиентов о характеристиках личности и профессиональной деятельности психолога с разным профессиональным имиджем, носящих структурно-универсальный характер; определение пути коррекции неадекватной профессиональной самоподачи психолога с целью формирования и поддержания доверия клиента и разработка практических рекомендаций по развитию навыков адекватной профессиональной самоподачи с названной целью.

С позиции психосемиотического подхода и закономерностей социальной перцепции мы говорим о психосемиотике профессионального имиджа психолога. Профессиональный имидж является отражением в массовом сознании определенной профессии (Петрова Е.А., 2009). Имидж человека — «интеграция его социальных, профессиональных, психологических и собственно относящихся к внешнему облику характеристик» (там же), складывающаяся прямо и косвенно. Визуально-семиотические проявления внешнего облика (ВО), по мнению Е.А. Петровой (2000), — «полифункциональный компонент профессионального общения, социально-психологическая интерпретация которого влияет на формирование имиджа специалиста».

На основе теоретического анализа мы предполагаем, что ВО является важным компонентом профессионального имиджа психолога, влияющим на оценку личностных и профессиональных качеств, т. е. существуют стереотипные априорные суждения о его профессионализме, основанные на характеристиках ВО. ВО создает установку клиента в процессе психологического консультирования. Таким образом, можно говорить о стереотипных представлениях о внутренних и внешних качествах психолога с разным

имиджем. На наш взгляд, существует необходимость выявления структурно-содержательного наполнения образа психолога в восприятии клиентов различных категорий и выявления влияния влияния половозрастных, гендерных, социально-статусных, личностных, профессиональных, региональных и этнических особенностей реципиентов.

Технология формирования имиджа определяется особенностями субъекта и объекта восприятия, целями и задачами создания имиджа (Петрова Е.А., 2009). По нашему мнению, технология формирования имиджа психолога основывается прежде всего на понимании сущности феномена имиджа; на учете особенностей ВО инципиента, индивидуально-психологических особенностей, особенностей профессионального общения и деятельности, предметной среды; целевой аудитории (в т. ч. конкретного клиента и ситуации); формирования доверия клиента, в связи с чем необходимо определить основные имиджобразующие качества (там же).

В течение всего процесса консультирования обязательна ориентация на обратную связь как возможность оперативно корректировать сформированный имидж. Виды межличностного доверия – ситуативные и динамичные явления, обладающие различными характеристиками и в разных, и в сходных ситуациях взаимодействия (Скрипкина Т. П., 2000). Современными исследователями показано, что доверие и недоверие не являются противоположными концами единого континуума. Феномены одновременно существуют в мультиплексных отношениях; доверие может существовать в определенных отношениях при одновременном существовании недоверия в других; недоверие в отношениях может существовать временами. Наличие у воспринимаемого человека противоречивых качеств – причина проявления доверия и недоверия в одних аспектах межличностных отношений (Доверие в социально-психологическом взаимодействии, 2006). Так, определены качества личности, вызывающие одновременно и доверие, и недоверие. В нашей работе авторские методики исследования профессионального имиджа психолога созданы с учетом названных положений и выявляют основные имиджобразующие качества и положение имиджа в имиджеологическом пространстве (Петрова Е.А., 2009).

Стереотипный имидж «идеального» руководителя

Т.Н. Матвеева, И.И. Степанова (Москва)

Проведенные нами исследования выявили в групповом сознании менеджеров всех уровней наличие стереотипного имиджа «идеального» современного руководителя (вне зависимости от пола), который включает в себя совокупность профессиональных, личностных, коммуникативных и стилевых имиджеобразующих характеристик менеджера.

Оценка данного имиджа в имиджеологическом пространстве показала, что идеальному руководителю соответствует имидж средне статусного, но высокоавторитетного (фактор «Статус»), средне значимого, и не близкого человека (фактор «Значимость»). Имиджу идеального руководителя соответствует средняя эмоционально-положительная оценка (фактор «Оценка») по методике «Психосемантическая оценка имиджа личности» (Петрова Е.А., 2000).

Культура управления коллективом, свойственная идеальному руководителю проявляется, как способность прогнозировать ситуацию при принятии управленческих решений (72%), способность увлечь, вдохновить (85%), способность брать на себя ответственность (69%), способность четко ставить перед коллективом цели и задачи (87%).

Имиджеобразующими характеристиками, раскрывающими культуру самоуправления, являются тайм менеджмент (79%), способность к самосовершенствованию (77%), стрессоустойчивость (74%), умение быстро принимать решение в экстремальной ситуации (74%).

Профессионально-творческая культура идеального руководителя проявляется в его профессионализме, высоком уровне компетентности в своей области (74%).

Культура общения проявляется в умении слушать и слышать (77%), способности аргументировать и отстаивать свою точку зрения (74%), культуре ведения переговоров (74%).

Этическую культуру характеризуют ответственность (74%) и обязательность (74%) (методика «Оценка имиджеобразующих профессиональных и личностных качеств руководителя»).

Наиболее значимыми в образе идеального руководителя являются стилевые качества, проявляющиеся в профессиональном и деловом общении: «лидер» ($x=9,46$), «дипломат» ($x=9,00$), «оптимист» ($x=8,18$), «оратор» ($x=7,97$), «независимый» ($x=7,64$), а так проявляющиеся в профессиональной, управленческой деятельности: «профессионал» ($x=9,77$), «авторитарный» ($x=9,12$), «решительный» ($x=8,94$), «творческий» ($x=8,26$), «демократичный» ($x=7,53$) (методика «Оценка стилевых имиджеобразующих качеств руководителя»).

Поведение «идеального руководителя» в благоприятной, дружественной ситуации характеризуется как сильное влияние (52%), а во враждебной ситуации характеризуется как сильное доминирование (56%) (тест «Профильный анализ личности» В.М. Поглыша). Имидж идеального руководителя гендернотипизирован, ему свойственна маскулинность (57%) и андрогинность (43%) (методика С. Бема).

Доминирующие оценки стереотипного внешне-эстетического имиджа идеального руководителя: «надежный», «сильный», «стабильный» (67%). Имиджеобразующие знаки «кинесики»: открытая и искренняя улыбка (60%), сильное и приятное рукопожатие (52%), прямая и горделивая осанка (60%), уверенная походка, четкие движения.

Имиджеобразующие знаки «костюма»: правильный подбор одежды в различных ситуациях (офис, ресторан, спортивный зал) (55%), баланс моды и гармонии при выборе одежды (50%). Имиджеобразующие знаки «габитуса», «предметной среды» в имидже идеального руководителя с помощью данной методики эмпирически не найдены.

Имиджеобразующие знаки «поведения»: следование правилам этикета (57%), солидность и независимость поведения (55%), отсутствие заискивания перед руководителем более высокого ранга. Имиджеобразующие знаки «пара- и экстралингвистики»: сбалансированный темп речи (50%), приятный тембр голоса (57%).

Имиджеобразующие характеристики в вербальном тексте общения и коммуникативном поведении: умение строить диалог с журналистами (57%), умение произносить краткие и запоминающиеся речи (57%), культура вербального общения (71%), умение слушать и слышать собеседника (71%), умение приводить цитаты и эпитеты (62%), правильное произношение трудных слов (64%), последовательная и аргументированная речь (64%) (методика «Оценка сенсорного восприятия имиджа руководителя»).

Наши исследования показывают, что женщина-руководитель имеет имидж «успешного руководителя» при максимальном приближении его к господствующему в массовом сознании стереотипу «идеального руководителя» в основных имиджеобразующих качествах (характеризующих ее личность, профессионализм и культуру управления, делового общения, манеры поведения и внешнего вида), демонстрации высокого уровня развития качеств социально-зрелой личности.

Сложившееся в массовом сознании стереотипное восприятие успешной женщины руководителя отражает более низкую авторитетность и статусность данной категории в имиджологическом пространстве (в группе менеджеров) в сравнении с имиджем мужчин руководителей.

В социальном восприятии успешные женщины-руководители – это лидеры, дипломаты, независимые в поведении, в управленческой деятельности они решительны, профессиональны, креативны, авторитарны или демократичны по стилю руководства, влиятельны, доминантны либо уступчивы в зависимости от ситуации, андрогинны. Им

свойственна ориентация на социальные процессы в управлении организацией, высокий уровень коммуникативно-организационных способностей, отличаются способностью к самоконтролю. Во внешнем облике стереотип восприятия предъявляет повышенные требования к внешнему виду женщины-руководителя (на уровне пара- и экстралингвистики, габитуса, костюма и кинесики, предметной среды и манеры поведения).

Имидж успешного руководителя женщины отличается имиджа успешного руководителя-мужчины по показателям профессионализма, коммуникативной культуры, личностным качества, внешнего облика и манер поведения. Женщины должна иметь более высокий уровень самоконтроля, культуры речи, уметь слушать и слышать собеседника, быть более влиятельной и адаптивно-уступчивой. По сравнению с мужчинами-руководителями стереотип восприятия допускает меньшую меру профессионализма, доминантности и карьерного роста, способности брать на себя ответственность, смелости и независимости в принятии решения. Среди личностных характеристик предполагается меньшая стрессоустойчивость и способность к самосовершенствованию. Во внешнем облике (на невербальном уровне) женщины – основное ожидание – гармоничность, в облике мужчины – демонстрация власти, силы и надежности.

Женщинам, имеющим имидж «успешного руководителя», свойственны социально-психологические качества: высокая социальная зрелость, осмысленность жизни, наличие четких жизненных планов и целей, ориентации на социальную значимость труда, удовлетворенность от работы, ориентации на межличностные отношения в организации, направленность на людей, дипломатичность, забота о социальной репутации и самоуважение, практичность, высокая коммуникабельность и развитые организационные склонности, высокая стрессоустойчивость, мотивация достижения успеха и стремление к риску, интернальность и др.

«Реальный» внутриорганизационный имидж успешных женщин руководителей отличается от стереотипного более высокими оценками реального профессионализма, ответственности, умения убеждать, большей референтностью для подчиненных и более низкими характеристиками «тайм-менеджмента».

Имидж многодетной семьи у российской молодежи и будущее страны

Д.Г. Мелихова (Москва)

В последние годы руководство России озабочено актуальнейшей государственной задачей выхода страны из демографического кризиса – сохранения и преумножения российского народа, а значит – обеспечения геополитической и экономической безопасности страны. «Для решения демографических и социальных проблем необходима государственная семейная политика. Основной целью должно стать создание условий для формирования социально-благополучной семьи, которая в состоянии решать свои проблемы и в полной мере выполнять свои функции. ... Государство должно обеспечить баланс прав и взаимной ответственности институтов гражданского общества и семьи... Качество всей системы общественных отношений невозможно без прочной надежной семьи» (Кузьмина А.В. , 2010, с. 19).

Проблемная ситуация, очерчивающая круг задач нашего исследования заключается в том, что имеет место рассогласование между значимостью многодетной семьи в контексте демографических проблем России и ее имиджем, фактическим отношением к многодетной семье в социуме, ее положением и статусом. Это рассогласование сдерживает мотивацию рождения нескольких детей у молодых супругов, желающих иметь многодетную семью, что блокирует повышение рождаемости в стране.

В России по состоянию на январь 2008 г., по данным Федеральной службы государственной статистики, насчитывается 52, 7 млн. семей, из них только 21,2 млн. семей (40%) имеют детей. Однодетных семей 13,8 млн. – 65% от общего числа семей с детьми,

а многодетных от 3-х детей и более 1,4 млн. — около 7% (Анализ демографической ситуации: тенденции и последствия, www. Demographia.ru).

Есть ли надежда на увеличение многодетных семей в стране не в последнюю очередь зависит от имиджа многодетных семей.

Наше исследование было проведено в русле имиджологического подхода — за основу модели исследования взята структура имиджа (знаковый, когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты), его виды, а также его представленность на различных социальных уровнях (массовом, групповом, личностном).

В опросе приняли участие 150 молодых людей брачного возраста, еще не создавших свои семьи. У респондентов выявлялись неосознаваемые стереотипные образы и оценки многодетных семей как ведущих детерминант формирования имиджа. Исследовались источники имиджформирующей информации о многодетных семьях, используемые молодежью.

Параллельно с вышеозначенными социально-психологическими детерминантами имиджа выявлялась иерархия видов семей с тем или иным количеством детей, приоритетность того или иного вида семьи как прообраза собственной семьи для молодежи.

Также исследовалась подсознательная семейная направленность респондентов — генофильность, которая решающим образом может влиять на формирование позитивного имиджа многодетной семьи. С этой целью использовалась проективная методика В.И. Гарбузова по выявлению доминирующей инстинктоидной направленности индивида, которая включает четыре ассоциативных теста.

Все испытуемые были поделены на две группы: первая — желающие иметь многодетные семьи; вторая — не имеющие такого желания. В результате обработки и систематизации полученной информации были получены нижеследующие выводы.

Информацию о семье молодые люди получают хаотично, стихийно, бессистемно; релевантные источники респондентам неизвестны (специальные журналы о семье, научные и научно-популярные издания и т. д.). Основными источниками информации о семье оказались в первой группе ТВ-специвыпуски и реклама (по 28%); во второй группе — реклама (48%), ТВ-шоу и Интернет (по 28%).

На основе контент-анализа ассоциаций, представленных в сознании современной российской молодежи, выявлены такие виды имиджа многодетной семьи как:

- «позитивный объективный» имидж, детерминированный прототипом имиджа в сфере ответственности самой семьи. Мы сгруппировали ассоциации в три смысловых блока — это воспитательный потенциал многодетной семьи (качество взаимодействия в обществе), личностные качества членов многодетной семьи (качество населения), личностное оценочное восприятие многодетной семьи окружающими (эмоциональный статус в социуме, социальное настроение). Здесь 81% составили позитивные ассоциации, такие как: «взаимопомощь», «забота», «дружелюбие», «счастливые», «сплоченность»;
- «негативный инвертированный» имидж, детерминированный СМИ, транслирующими инконгруэнтную информацию о семье (ТВ-Шоу, газетные статьи, Интернет и др.), и состоянием многодетной семьи в сфере ответственности государства. Здесь также три смысловых блока ассоциаций отражают качества многодетной семьи, находящиеся в зависимости от семейной политики, проводимой государством, ее эффективности и адекватности: особенности семейной ситуации многодетной семьи (направления социального сопровождения), жизненный потенциал многодетной семьи (потенциал жизнеспособности государства), имиджевые характеристики или репутация многодетной семьи в социуме (успешность семейной политики). Здесь — 58% негативных ассоциаций, таких как: «малообеспеченные», «неблагополучные», «непопулярные», «недостаток», «незащищенные социально».

В иерархии видов многодетных семей выявлены различия, связанные с мотивацией иметь свою собственную многодетную семью или отсутствием таковой. Если в первой группе первые три места занимают соответственно традиционная многодетная, традиционная 1–2-детная и смешанная 1–2-детная семьи, то во второй группе на первые места вышли 1–2-детные семьи соответственно – нормативная, смешанная и материнская. Нормативная многодетная семья появляется лишь на пятом месте. Следует отметить, что в нашей выборке 15% респондентов выросли в многодетных семьях (в первой группе – 16%, во второй – 10%), но желающих создать многодетную семью – 49%, то есть в три раза больше. Это может свидетельствовать о том, что желание и установка на многодетность являются осознанными, следовательно, могут быть активизированы при реализации соответствующей государственной политики поддержания и распространения многодетности.

Что касается определения доминирующей инстинктоидной направленности респондентов, то было установлено, что для желающих создать многодетную семью характерны мужская генофильная и женская альтруистическая направленности, которые комплементарно дополняют друг друга. У нежелающих создавать многодетную семью данные потребности как доминирующая направленность не присутствуют, у мужчин доминируют исследовательская направленность, у женщин – дигниофильная (сохранение чести и достоинства личности).

Социально-психологическими детерминантами имиджа многодетных семей у российской молодежи выступают: на уровне массового сознания – государственная социальная политика, господствующие в СМИ представления и установки по отношению к многодетным семьям; на групповом – семейная идентичность и репродуктивная установка; на личностном – доминирующая подсознательная направленность молодых людей. Амбивалентный имидж многодетной семьи, блокирующий мотивацию создания такой семьи, детерминирован тем, что базовое традиционно-ценностное отношение молодежи к многодетным семьям сохраняется, но современный контекст резко снизившегося уровня жизни населения стал трудно преодолимой проблемой, прежде всего, для многодетных семей.

Обобщая вышесказанное, можно указать на то, что многодетные семьи обладают значимым позитивным потенциалом, а государство, декларируя поддержку многодетных семей, допускает с одной стороны – их малообеспеченность, низкий уровень жизни, а с другой стороны – распространение непропорциональной действительности негативной имиджформирующей информации о многодетных семьях. Амбивалентность имиджа многодетных семей у молодежи, исходя из полученных результатов, может быть устранена вследствие конструктивных государственных мер в направлении формирования объективного эффективного имиджа многодетных семей. Это уже значимый шаг в решении демографических проблем России.

Корпоративный имидж вуза и его структура

О.И. Пантюшина (Тула)

Исследование корпоративного имиджа в последнее время приобретает большую практическую и теоретическую значимость.

Корпоративный, или организационный имидж – это образ организации в представлении различных групп общественности. Е.Б. Перелыгина (2002) определяет имидж организации – как «символический образ организации, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия, в составе которого имеются элементы, которые провоцируют восприятие данной организации как субъекта».

Как мы можем отметить, анализируя литературу, неотъемлемым атрибутом любой системы является структура. Е.Н. Богданов и В.Г. Зазыкин (2003) рассматривают деся-

тикомпонентную модель имиджа организации, состоящую из следующих блоков: внешняя атрибутика; история организации, традиции; финансовое положение; образ продукции, качество деятельности; имидж руководителя и его команды; имидж персонала, корпоративная культура; деловые коммуникации, особенности управления организацией; стоимость товара или услуг (сравнительные данные в динамике); паблисити, рекламная известность; дизайн офисных помещений, продукции.

В.В. Меньшикова (1998) и Э.П. Утлик в модели имиджа организации наиболее важными компонентами формирования имиджа организации считают представления индивидов о таких составляющих, как: финансовое положение организации; история организации, ее традиции и репутация; личность руководителя; особенности «паблисити» – рекламной известности. К числу компонентов данной модели также относятся представления индивидов об отношении руководства организации к персоналу; о социальной ответственности организации перед обществом; об управлении организацией; о фирменном стиле; наконец, об этичности деятельности и отношений.

Среди них выгодно отличается модель, предложенная М.В. Томиловой (1998). В данной модели структура имиджа организации имеет иерархическое строение. Каждый уровень иерархии оказывает воздействие на соседний верхний уровень посредством композиции соответствующего вклада (приоритетов) элементов нижнего уровня по отношению к элементу верхнего уровня. Следовательно, имидж организации представляет собой систему представлений как о внешних, так и о внутренних его характеристиках.

Основываясь на данной модели, в структуре имиджа вуза автором статьи выделяются следующие компоненты.

1. Имидж (образ) продукции – этот компонент структуры можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, это качество подготовки специалистов как совокупность свойств и характеристик, определяющих готовность специалистов к эффективной профессиональной деятельности, владение профессиональными умениями и навыками, умение использовать полученные знания при решении профессиональных задач. Во-вторых, с точки зрения потребителей образовательных услуг к данному компоненту структуры могут относиться программы, курсы, пользующиеся популярностью у абитуриентов, студентов и их родителей (дополнительные услуги).

2. Имидж студентов в качестве потребителей образовательных услуг, как структурный компонент имиджа вуза, включает в себя внешний облик, его психофизиологические особенности (в том числе и мотивационной сферы), уровень подготовленности к обучению в вузе, индивидуальный стиль жизни. Последняя характеристика является устойчивой в иерархии жизненных целей и предпочитаемых индивидом способов их достижения, играет значительную роль в процессе формирования имиджа студентов. В соответствии с этим понятием складывается отношение студента к вузу и обучению в целом.

3. Внутренний имидж вуза – совокупные характеристики, создающие определенное видение учебного заведения в глазах каждого члена коллектива. Это представления его сотрудников, профессорско-преподавательского состава и студентов о своей организации, а также их взаимодействие друг с другом. Во внимание принимаются не только уровень профессиональной компетентности и общий культурный уровень, но и внешний облик, социально-демографические характеристики представителей внутреннего имиджа вуза. Составляющими данного понятия являются: социально – психологический климат и культура организации – это характер отношений между студентами, педагогами и студентами (декларируемый стиль отношений и его контроль на разных уровнях: администрация, педагогический коллектив, коллектив студентов); внимание вуза к личности студента и персонала, их нравственному, духовному, эмоциональному, физическому развитию (наличие скоординированной работы и сложившихся

ся традиций по этим направлениям); культура организации отражает материальные и духовные ценности, традиции в установившемся порядке взаимодействия сотрудников вуза и обучающихся.

4. Имидж руководителя вуза главным образом можно свести к трем группам: персональные (тип личности, свойства характера, качества личности, физические особенности); социальные (образование, биография, система ценностей, общественный статус, стиль жизни); профессиональные (тип руководителя и его статус в коллективе, степень владения профессиональными методами и технологиями управления коллективом, наличие навыков стратегического планирования, организаторских умений, способностей к объективной независимой оценке, прогрессивному развитию).

Особенно имидж руководителя в рамках имиджа вуза важен в реализации коммуникаций в сфере профессиональной деятельности (учреждения-конкуренты, учреждения-партнеры, органы самоуправления).

6. Визуальный имидж вуза – это представление об организации, формирующееся на основе зрительных ощущений, фиксирующих информацию об интерьере и экстерьере зданий, офисов, аудиторий. Эта внешняя атрибутика представляет собой совокупность следующих элементов: фирменная символика вуза, элементы фирменного стиля организации (логотип, фирменный сайт, слоган, цвет и др.). К этому компоненту также относится дизайн помещений, специальная организация места работы сотрудников и студентов, отвечающая требованиям комфорта, чистоты и функциональности.

7. Стиль вуза как компонент его имиджа, который включает в себя: качество образования (соответствие Госстандарту, содержание и организация процесса обучения, форма обучения); роль и место образовательного учреждения на образовательном рынке; собственная образовательная политика (профиль, представленные специальности и направления, подбор персонала, отбор студентов и др.); качество и содержание связей учебного заведения с внешними объектами; история вуза (с момента его возникновения и до настоящего времени, представленная в материальных и духовных составляющих); инновационный потенциал и его реализация; скорость реагирования на изменения запросов потребителей.

8. Бизнес-имидж вуза определяется общей известностью и деловой репутацией, финансовой обеспеченностью (устойчивостью), конкурентным статусом, добросовестностью/недобросовестностью (соблюдение этических норм бизнеса) в осуществлении своей деятельности и деловой активностью. Для того чтобы быть популярным в коммерческих структурах (а с некоторых пор и образование ярко представлено в этих кругах) надо успешно позиционировать себя на рынке образовательных услуг.

По мнению А.Е. Петровой (2005), отдельные имиджи (а в нашем случае компоненты имиджевой стриктуры) в общем пространстве менталитета находятся в сложном семантическом соотношении, иерархизируясь по различным основаниям. В качестве интегральных факторов организации всего пространства полей имиджей, можно обозначить три соответственно названных: «статусность», «оценка» и «значимость – близость». Исследование Е.Б. Карпова (2004), посвященное восприятию и оценке имиджа вуза, подтвердило наличие выделенных факторов. При этом каждому из представленных факторов соответствуют определенные имиджевые характеристики вуза. Если соотнести данные качества со структурой имиджа вуза, то мы можем отметить, что они соответствуют определенным компонентам структуры имиджа вуза.

Таким образом, корпоративный имидж вуза – это совокупное общественное восприятие его многими людьми, которое складывается в процессе субъект-субъектного взаимодействия в ходе личных контактов человека с образовательным учреждением; на основе слухов, циркулирующих в обществе; из сообщений средств массовой информации. Данный имидж имеет структуру, которая состоит из определенных компонентов, в которую входят определенные имиджевые показатели высшего образовательного учреждения.

Особенности социальных представлений о русских людях у чехов

А.С. Паттисон (Москва)

В настоящий момент остро стоит проблема имиджа России и россиян за рубежом. Исследования, посвященные изучению отношения к русским людям в мире, в основном базируются на многочисленных социальных опросах и не способны дать полную информацию об особенностях восприятия русских людей представителями других стран в контексте психологических процессов и механизмов, стоящих за теми или иными представлениями о русском народе.

Исследование социальных представлений о русских в рамках теории, разработанной Сержем Московичи и его последователями по всему миру, является относительно новым подходом к проблеме межкультурного восприятия в отечественной психологии. Социальные представления не являются простым отражением окружающей действительности, а представляют собой продукт активного социально-психологического воспроизведения реальности и носят общественный характер. Социальные представления обладают функциональной природой, имеют определенную структуру и специфические механизмы формирования (Moscovici, 1984).

Само создание концепции социальных представлений было обусловлено стремлением найти альтернативу когнитивному подходу, доминирующему в тот момент в социальной психологии. Исследователи, придерживающиеся когнитивного подхода, пытались объяснить достаточно сложные социально-психологические феномены, такие как убеждения, стереотипизация и др., основываясь на изучении особенностей функционирования психики отдельного индивида. Благодаря теории социальных представлений, в социальной психологии вновь появилось именно социальное содержание, которому не придавали большое значение последователи когнитивной школы (Емельянова, 2006).

Использование теории социальных представлений и ее методологии в кросскультурных исследованиях позволяет сделать новый шаг к пониманию процесса социального конструирования в рамках его динамики, механизмов и уровней, лежащих в основе данного явления.

В нашем исследовании, мы изучали особенности социальных представлений о русских людях у чехов. В процессе анализа полученных данных, мы разделили всех респондентов ($N=116$) на 2 выборки: чехи от 20 до 40 лет ($M=31.60345$, $SD=4.76073$) и чехи от 40 до 75 лет ($M=56.29825$, $SD=9.75039$).

В качестве одного из методов для выявления особенностей и структуры социальных представлений был выбран метод свободных ассоциаций. Испытуемым предлагалось написать 5 слов, которые у них ассоциируются со словосочетанием «русский человек». Все ассоциации в последствии были проанализированы двумя экспертами и сгруппированы в категории по принципу их тематики (Bardin, 1979).

Для анализа полученного материала и выделения структуры социальных представлений использовалась методика прототипного анализа (Prototypical Analysis), предложенная Вержесом (Verges, P., 1992). В основе данного метода лежит процедура присвоения каждой категории частоты встречаемости и среднего ранга. Такой двойной анализ позволяет выявить центральные и периферические элементы социальных представлений путем сопоставления средних рангов и частоты встречаемости с «точками отсчета», которые являются средней частотой встречаемости и средним рангом для всех рассматриваемых категорий в группе. После того, как все указанные выше значения подсчитаны, категории помещаются в матрицу, состоящую из 4 областей: 1) значения выше средней частоты встречаемости; значения ниже среднего ранга, 2) значения ниже средней частоты встречаемости; значения ниже среднего ранга, 3) значения выше средней частоты встречаемости; значения выше среднего ранга, 4) значения ниже средней частоты встречаемости; значения выше среднего ранга.

Категории, находящиеся в верхнем левом квадрате матрицы, с наибольшей вероятностью относятся к ядру социальных представлений. Категории, находящиеся в нижнем правом квадрате, с наибольшей вероятностью относятся к периферическим элементам социальных представлений. Остальные две категории являются периферическими образованиями, тесно связанными с центральными элементами, и представляют собой потенциальную зону изменений (Бовина, 2004, Celso Pereira de Sa, 1995), в процессе которых происходит трансформация периферических элементов в центральные.

В результате анализа свободных ассоциаций была получена структура социальных представлений о русских людях у чехов.

Чехи от 20 до 40 лет.

Всего было рассмотрено 257 ассоциаций, из которых было сформировано 20 категорий, 9 из которых были исключены из анализа, поскольку частота их встречаемости была ниже 10. Из оставшихся 11 категорий была сформирована структура социальных представлений о русских людях в данной возрастной группе.

Ядро представлений состоит из таких элементов, как богатство и власть, употребление алкоголя, агрессия и вторжение, коммунистический режим. Периферические элементы, тесно связанные с ядром (потенциальная зона изменений), включают в себя культурные достижения, холодный климат, русскую атрибутику, акцентуацию на внешности, тщеславие. Периферическая система содержит ассоциации со страной, нищетой и безысходностью, высокомерие и невоспитанность.

Изучая компоненты ядра социальных представлений о русских у данной группы, мы заметили образования, которые связаны с коллективной памятью и историей группы (коммунистический режим, агрессия и вторжение). Также мы наблюдаем присутствие в ядре такого элемента, как богатство и власть, в то время, как периферическая система содержит противоположную категорию – нищета и безысходность. В данном случае можно говорить о феномене приравнивания индивида (типичного русского) к политической и экономической активности Российского государства, что и ведет к возникновению подобного когнитивного диссонанса в структуре социальных представлений. Так же мы заметили, что категория, названная нами «акцентуация на внешности и тщеславии» находится на границе центральной и периферической системы, тесно связанной с ядром, что сигнализирует о потенциальной трансформации структуры социальных представлений в ближайшем будущем.

Чехи от 40 до 75 лет.

Всего было рассмотрено 263 ассоциации, из которых было сформировано 23 категории, 13 из которых были исключены из анализа, поскольку частота их встречаемости была ниже 10. Из оставшихся 10 категорий была сформирована структура представлений о русских людях в данной возрастной группе.

Ядро представлений состоит из таких элементов, как богатство и ресурсы, русская атрибутика, оккупация и военная агрессия. Периферические элементы, тесно связанные с ядром (потенциальная зона изменений), включают в себя: употребление алкоголя, меланхолия и грусть, величие нации, высокомерие и деспотизм. Периферическая система содержит такие ассоциации, как отсутствие свободы и демократии, коммунистический режим, культура и спорт.

В ядре социальных представлений у данной возрастной категории присутствуют такие компоненты, как оккупация и военная агрессия. Эти же компоненты присутствуют в ядре социальных представлений у чехов от 20 до 40 лет, однако ассоциации у молодого поколения имеют природу обобщения, и редко включают в себя упоминания о 1968 годе или событиях в Грузии или Чечне, в то время как в группе чехов от 40 до 75 лет такие ассоциации в 80% случаев связаны с оккупацией в 1968 году. В данном случае мы можем говорить о трансформации контекста элемента ядра и снижении травматического компонента момента истории в коллективной памяти этнической группы. В

периферии социальных представлений у чехов от 40 до 75 лет присутствует категория «коммунистический режим». У более молодого поколения данная категория входит в ядро социальных представлений, но ее элементы (ассоциации) абстрактны и не несут большой смысловой нагрузки (90% ассоциаций – слово «коммунизм»), в то время как в ассоциациях старшего поколения присутствуют конкретные слова, описывающие эпоху коммунизма (ГУЛАГ, большевики и т. д.). В данном случае мы наблюдаем трансформацию конкретизированного элемента периферии в абстрактный элемент ядра.

Для дальнейшего изучения и анализа социальных представлений о русских необходимо использование альтернативных методов исследования.

Секция «Психологии имиджа» и ее работа в Московском Психологическом Обществе

Е.А. Петрова (Москва)

Развитие психологии имиджа в деятельности Московского психологического общества тесно связано с работой одноименной секции (рук. Е.А. Петрова). В соответствии с перспективным планом работы секция приступила к проведению фундаментальных научных исследований, с регулярным обсуждением полученных результатов на своих заседаниях. Работа осуществляется по нескольким направлениям.

Во-первых, в рамках восьми прошедших с 2003 г. международных симпозиумов по имиджелогии. Во-вторых, в рамках серии круглых столов, посвященных имиджу Москвы, социальных институтов (в первую очередь армии, регионов. В-третьих, в серии диссертационных исследований, защищенных в разных вузах по психологическим наукам.

В качестве методологической основы исследований, осуществленных под моим руководством, выступает психосемиотический подход (Петрова Е.А., 2009).

Несмотря на достаточно интенсивное развитие психосемиотики в отечественной науке прошедшего столетия она остается для многих психологов мало известной областью, само название которой нередко отождествляется с широко известной психосемантикой (В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев и др.). Психологическое изучение знаков и знаковых систем касается как прагматического аспекта знаковой проблемы (отношение знака к человеку), так и семантического (отношение знака и значения), и, наконец, синтаксического (отношение между знаками на уровне сознания). Поэтому психосемиотика как область научного познания шире психосемантики и включает ее как свою часть.

Психосемиотический анализ есть методологическая система, рассматривающая в единстве психическую феноменологию субъекта общения и ее детерминацию знаком как коммуникативным инструментом. Связь знака и знаковых систем с общением диалектична: с одной стороны, общение – необходимое условие овладения знаками, так и их системами, с другой стороны – знаки специфические инструменты (орудия) общения, без которых невозможно само его существование.

Знаки общения рассматриваются в рамках данного направления в триединстве генезиса, выражения и впечатления: как инструмент *объективации и интерпретации* субъекта, как *орудие развития и формирования его психологических структур* (в первую очередь образа «я»), и как средство *экспрессивно-импрессивного проявления личности* (основой чего является интерпретационная природа коммуникативных знаков). Психосемиотика изучает знак как инструмент общения и индикатор личности.

В 2002 г. была защищена одна из первых диссертаций по тематике психологии имиджа под моим руководством, это было кандидатское исследование Ирины Петровны Чертыковой. В ее работе «Представления студентов об имидже преподавателя вуза» были показано, что существуют дифференцированные по содержанию представления

студентов о внешних и внутренних характеристиках личности преподавателя вуза с разным профессиональным имиджем. Представления студентов о преподавателях с разным уровнем развития профессионального мастерства носят структурно – универсальный характер, поскольку совпадают у студентов различных категорий по полу, возрасту, региональному и этническому признаку и профессиональной специализации.

Работа Екатерины Викторовны Емельяновой «Психосемиотика предметной среды как фактор формирования персонального имиджа» (2004) особенно интересна необычностью той знаковой системы на исследовании которой сосредоточился аспирант. Это знаки предметной среды (ПС). Было показано, что предметная среда, помимо культурно-исторической и пространственно-ориентирующей информации, содержит в себе знаки, которые становятся для реципиента знаками-индикаторами личности инципиента. Так, были выделены знаки-индикаторы пола, возраста, качеств личности, количества членов семьи, профессиональной принадлежности, деловых качеств, статуса, социальных контактов, увлечений и политической принадлежности.

В работе Виталия Викторовича Белобрагина «Половозрастные различия восприятия подростками имиджа музыкальных кумиров» (2005) было показано, что имидж музыкальных кумиров, существующий в сознании подростков, интегрирует следующие характеристики: *внешний облик* («красив», «крутой», «симпатичен», «стильный», «привлекательный» и др.); *качества личности* («добрый», «честный», «отзывчивый», «целеустремленный», «умный», «веселый» и «общительный», но и «самовлюбленный», «вспыльчивый»); *профессиональное мастерство* (голосовые качества, репертуар, актерское мастерство, умение общаться со зрителями); *стилистика исполняемой музыки* (принадлежность к определенному музыкальному направлению). А также имидж музыкальных кумиров включает выраженный аффективный компонент, то есть общую положительную оценку личности кумира, отношение к нему, как к субъективно значимому человеку.

Одной из самых ярких работ, защищенных по проблемам психологии имиджа, стала работа Татьяны Николаевны Матвеевой «Социально-психологические условия формирования имиджа успешного руководителя-женщины» (2005), посвященная женщине-руководителю. В работе показано, что в массовом сознании сложился гендерный стереотип восприятия женщины-руководителя, который отражает характеристики ее личности, профессиональной деятельности, делового общения, внешнего облика и манер поведения. Женщины-руководители воспринимаются как успешные при условии приближения их имиджа к господствующему в обществе представлению об «идеальном руководителе» (имеющему ярко выраженную маскулинно-андрогинную наполняемость) в основных имиджеобразующих качествах, среди которых ведущими являются характеристики, проявляющиеся в управлении коллективом и деловом общении.

В диссертации Ольги Петровны Горбушиной с позиции психосемиотического подхода изучался «Имидж страны у российской молодежи: структура и факторы формирования» (2006). Имидж страны, являясь феноменом индивидуальной, групповой и массовой психики, возникает в результате отражения социальной реальности в процессе социального познания, под влиянием прямой (в результате пребывания) и(или) косвенной (передаваемой через СМИ и иных посредников) имиджформирующей информации о стране. Было показано, что имидж страны детерминирован характером и глубиной поступающей о ней информации; исторически сложившимся отношением к ней; оценками, пропагандируемыми в СМИ; наличием личных отношений и дружественных связей с жителями страны, принадлежностью к стране, степенью развитости государственной идентичности, национального самосознания, патриотических чувств и др.

В исследовании Наталии Михайловны Шкурко «Имидж современного учителя: структура, половозрастные особенности восприятия и технологии формирования» было показано, что имидж педагогической профессии функционирует в общественном и

групповом сознании школьников как эмоционально-окрашенный образ-представление, который содержит стереотипное ядро и объединяет в себе наиболее значимые в педагогическом процессе характеристики профессиональной деятельности и общения, личности, внешнего облика и поведения современных учителей. Показано, что характеристики, входящие в позитивный имидж российского учителя, можно рассматривать как некую «систему требований», предъявляемую учениками разного пола и возраста к имиджу учителя в современных условиях. Социально-психологическая технология формирования профессионального имиджа у будущих учителей, построенная с учетом проведенного исследования и нацеленная на развитие востребованных характеристик структуры имиджа с учетом специфики каждой возрастной группы учащихся, подтвердила целесообразность имидж – дифференцированного подхода.

В докторской диссертации Елены Александровны Володарской «Социально-психологическая концепция имиджа науки в обществе» (2009) показано, имидж науки есть система содержательного, эмоционально-оценочного и индикативного компонентов представлений о существенных характеристиках науки, включающая в себя предметную, групповую и личностную подсистемы. Содержательный компонент предметного имиджа есть представление о характеристиках продуктов научной деятельности; эмоционально-оценочный компонент отражает отношение к результативности разных сфер науки. Содержательные признаки группового имиджа науки включают в себя представление о когнитивно-социальных функциях, выполняемых наукой, и о положении науки в обществе; эмоционально-оценочный компонент отражает отношение к состоянию научного сообщества. Содержательные параметры личностной подсистемы имиджа науки включают в себя представления об индивидуально-личностных и социально-психологических характеристиках личности ученого; эмоционально-оценочный компонент отражает отношение к личности ученого. Индикативный компонент содержит знаковые формы восприятия науки, образующие систему признаков, наличие которых способствует наполнению смыслом содержания воспринимаемого социального объекта как науки, придавая ему отличительные особенности по отношению к другим социальным объектам.

Защищенные диссертации подтверждают перспективность использования психо-семиотического подхода в области психологии имиджа и являются основанием для серии работ, осуществляемых в рамках диссертационных исследований членов секции психологии имиджа.

Влияние самоподачи образа «я» на конфликтность личности

А.В. Романова (Москва)

Изучение конфликтности у лиц с различными особенностями предъявления (самоподачи) образа «я» в общении выявило их взаимосвязь. Наиболее внешне конфликтными (по тесту С. Розенцвейга) являются «компетентно-нерефлексивные» лица (по типологии Е.А. Петровой, 2009), у них показатели внешней конфликтности выше, чем у «некомпетентно-рефлексивных» (по критерию Манна – Уитни $U=0,0001$ при $p<0,05$); наиболее внутренне конфликтными (по методике Е.Б. Фанталовой) являются «некомпетентно-нерефлексивные» лица, у них показатели внутренней конфликтности выше, чем у «некомпетентно-рефлексивных» (по критерию Манна – Уитни $U=0,0001$ при $p<0,05$); «соперничество», как стратегию поведения в конфликте (по Томасу), демонстрируют лица «компетентно-нерефлексивного» типа визуальной самоподачи, а избегают «некомпетентно-рефлексивного» (по критерию Манна – Уитни $U=0,0001$ при $p<0,05$); лица с «некомпетентно-нерефлексивным» типом самоподачи отличаются от «компетентно-нерефлексивных» простоватостью и бестактностью в общении, наивностью (по критерию Манна – Уитни $U=1$ при $p<0,05$); также у них наблюдаются: эмо-

циональная неуравновешенность, переменчивость в отношениях и неустойчивость в интересах, невротичность (по критерию Манна – Уитни $U=1,5$ при $p<0,05$).

Выявлена связь психосемиотической компетентности с мерой контактности и конфликтности в общении. Показано, что лицам с низким уровнем общей психосемиотической компетентности свойственна неуверенность и раздражительность в ситуации общения (по опроснику В.М. Русалова), (по методу Кенделла $\tau_{0,05} = -0,25$). Лица с высокой общей визуальной компетентностью отличаются пронизательностью, дипломатичностью, «умением срезать углы» и изысканным поведением в обществе (по методу Кенделла $\tau_{0,05} = 0,22$).

Нами обнаружено, что лица с высокой общей психосемиотической компетентностью отличаются: тщательным продумыванием своих поступков в процессе общения, уверенностью в себе в ситуации взаимодействия с другими людьми (по опроснику В.М. Русалова), (по методу Кенделла $\tau_{0,05} = -0,25$); дипломатичностью, пронизательностью, разумным подходом к событиям и окружающим людям (по критерию Фишера $F_{эпр}=2,86$; $F_{кр}=2,31$ при $p<0,01$). Найдена взаимосвязь психосемиотической рефлексии с мерой контактности и конфликтности в общении.

Показано, что у лиц с низким уровнем общей психосемиотической рефлексии конфликтность выше, а у лиц с высоким уровнем общей психосемиотической рефлексии конфликтность ниже (по критерию Фишера $F_{эпр}=2,33$; $F_{кр}=2,31$ при $p<0,01$). Лица с высокой общей психосемиотической рефлексивностью в ситуациях конфликта избегают применения «соперничества», как основной тактики поведения (по Кенделлу $\tau_{0,05} = -0,24$); для них характерной является низкая общая коммуникативная активность (по Кенделлу $\tau_{0,05} = -0,24$); они демонстрируют низкий уровень готовности к вступлению в новые социальные контакты, тщательно продумывают свои поступки в процессе социального взаимодействия (по Кенделлу $\tau_{0,05} = -0,25$); также у них наблюдается низкая потребность в общении, замкнутость, социальная пассивность (по Кенделлу $\tau_{0,05} = -0,22$).

Установлено, что у лиц с высокой общей психосемиотической рефлексией 1 порядка (P1) уровень нейротизма ниже, чем у лиц с низкой рефлексией визуальной самоподачи 1 порядка (P1), они более уравновешенны (по критерию Фишера $F_{эпр}=2,02$; $F_{кр}=1,64$ при $p<0,05$). У лиц с высокой общей психосемиотической рефлексией 2 порядка (P2) наблюдается социальная пассивность, отсутствие стремления к лидерству (по Кенделлу $\tau_{0,05} = -0,23$).

Анализ полученных данных о связи конфликтности с визуальной «самопрезентацией», «самораскрытием» и «самомаскировкой» (по типологии и методикам Н.А. Петровой, 1999) показал, что у лиц с низким уровнем «самомаскировки» конфликтность выше, чем у лиц с высоким уровнем «самомаскировки» (по критерию Фишера $F_{эпр}=2,61$; $F_{кр}=2,31$ при $p<0,05$); у лиц, демонстрирующих «самомаскировку» как ведущий тип самоподачи, наблюдается: легкая и плавная речь, быстрая вербализация, высокая скорость речевой активности (по Кенделлу $\tau_{0,05} = 0,2$); они характеризуются расчетливостью, пронизательностью, разумным подходом к событиям и окружающим людям (по Кенделлу $\tau_{0,01} = 0,29$); лица с низким уровнем «самомаскировки» менее эмоционально устойчивы и уравновешенны, чем лица с высоким (по критерию Фишера $F_{эпр}=2,61$; $F_{кр}=2,31$ при $p<0,01$); установлено, что у лиц с высоким уровнем «самораскрытия» внешнеобвинительные реакции наблюдаются реже, чем у лиц с низким (по критерию Фишера $F_{эпр}=2,47$; $F_{кр}=2,31$ при $p<0,01$); также реже у них встречаются реакции самозащитного типа (по критерию Фишера $F_{эпр}=1,87$; $F_{кр}=1,64$ при $p<0,05$). Лицам, у которых «самопрезентация» является ведущим типом самоподачи, проявление конфликтности не свойственно (по критерию Фишера $\tau_{0,05} = -0,18$).

Показано, что лица с высокими показателями «самопрезентации», осознанно соблюдают нормы и правила поведения, настойчивы в достижении своих целей, точны,

ответственны, обладают деловой направленностью (по Кенделлу $\tau_{0,01} = 0,25$); также они отличаются практичностью по отношению к окружающим и самоуверенностью (по Кенделлу $\tau_{0,05} = -0,23$). Установлено, что лица с преобладающей «самопрезентацией» самоподачи избегают выбирать «сотрудничество», как ведущий стиль поведения в конфликтной ситуации (по Кенделлу $\tau_{0,01} = -0,28$).

Найдены взаимосвязи конфликтности с «ублажающей» и «самоконструирующей» стратегиями визуальной самопрезентации. Лицам, у которых преобладает «самоконструирующая» стратегия визуальной самоподачи, свойственны: высокая конфликтность (по Кенделлу $\tau_{0,05} = 0,21$); несогласие с общепринятыми моральными нормами, стандартами, подверженность чувствам, независимый и непостоянный стиль поведения (по Кенделлу $\tau_{0,01} = -0,24$); в меньшей степени использование «приспособления», как тактики поведения в конфликте (по Кенделлу $\tau_{0,05} = -0,22$); низкая степень адаптации к изменениям в социуме (по Кенделлу $\tau_{0,05} = -0,19$); в ситуации конфликта чаще выбирается компромиссный стиль поведения (по Кенделлу $\tau_{0,05} = 0,22$). Лицам, у которых преобладает «ублажающая» стратегия визуальной самоподачи, конфликтность не свойственна (по Кенделлу $\tau_{0,05} = -0,21$). Для лиц с ведущей «ублажающей» стратегией визуальной самоподачи характерны: высокая нормативность поведения, эмоциональная дисциплинированность, собранность, ответственность и уравновешенность (по Кенделлу $\tau_{0,01} = 0,24$); в ситуации конфликта в большей степени склонность использовать тактику поведения «приспособление» (по Кенделлу $\tau_{0,05} = 0,22$) и «компромисс» (по Кенделлу $\tau_{0,05} = -0,22$).

Итогом нашего эмпирического исследования стали следующие выводы: такие особенности визуальной самоподачи образа «Я» субъекта, как мера полоролевой адекватности, доминирующая стратегия самоподачи, тактика предъявления своего образа партнеру, мера развития психосемиотической компетентности и рефлексии, проявляясь на невербальном уровне общения, влияют на конфликтность повышая или понижая ее; неадекватная статусно-ролевым ожиданиям визуальная самоподача образа «Я» субъекта общения является фактором, провоцирующим межличностную конфликтность, поскольку у воспринимающего (реципиента), повышаются негативные тенденции в отношении к партнеру, а именно: увеличивается склонность к внешнеобвинительным реакциям (по С. Розенцвейгу).

Можно утверждать, что процентное распределение испытуемых с высоким уровнем внешнеобвинительных реакций в неадекватной ситуации самоподачи составляет (51%), что в 2 раза выше, чем в адекватной ситуации (24%); связи показателей внутренней конфликтности (по методике Е.Б. Фанталовой) с особенностями визуальной самоподачи образа «Я» (доминирующая стратегия, преобладающая тактика) полученными в нашем исследовании с помощью методик «Визуальная самоподача образа «Я» в общении» и «Стратегии визуальной самоподачи образа «Я» в общении» (методики Е.А. Петровой) не обнаружено; уровень развития психосемиотической компетентности и рефлексии (по Е.А. Петровой, 1999) связан с мерой конфликтности субъекта общения. Установлено, что у «некомпетентно-нерефлексивных» лиц показатели внутриличностной конфликтности выше, чем у «некомпетентно-рефлексивных». «Компетентно-нерефлексивные» лица имеют показатели высокие показатели «соперничества», чем «некомпетентно-рефлексивные» лица. «Компетентно-нерефлексивные» менее адаптированы к ситуации фрустрации, чем «некомпетентно-рефлексивные»; неадекватность самоподачи на уровне отдельных знаковых систем общения (габитуса, кинесики и социального оформления) в различной степени повышает конфликтность. Самой «конфликтотенной» визуальной знаковой системой, в ситуации неадекватной самоподачи, является – кинесика. Чуть менее «ответственны» за возникновение конфликтных реакции у реципиентов знаки социального оформления внешности. Самой нейтральной (в плане развития негативных реакций в ситуации конфликта) оказалась знаковая система габитуса.

Имидж, образ и архетип

И.П. Чертыкова (Москва)

При анализе определений имиджа в различных работах выясняется, что чаще всего имидж определяется через категорию «образ» целенаправленно формируемый субъектами общественной практики в индивидуальном, групповом и общественном сознании для достижения различных целей (Белобрагин В.Я., Белобрагин В.В., 2004). Е.А. Петрова (2004) подчеркивает, что «категория «имидж» отличается от традиционной для психологии трактовки категории «образ» по следующим свойствам имиджа: относительная константность, динамичность, ассоциативность, схематичность, открытость (незавершенность) и др.». Ею же отмечается, что «имидж может быть связан с реальностью в очень широком диапазоне — от раскрытия до полуправды, искажения и полного несоответствия реальным качествам носителя имиджа».

Для решения проблемы соотношения категорий «образ» и «имидж» мы предлагаем рассмотреть природу восприятия (в общепсихологическом ключе) и природу восприятия группой.

В наиболее известной концепции сознания (А.Н. Леонтьева — В.П. Зинченко) различаются такие элементы как биодинамическая ткань действия, чувственная ткань образа, значение и смысл.

Смысл понимается как пристрастность человека, его включенность в реальную действительность. Общеизвестно значение смыслов в человеческой жизни исследованное В. Франклом. Смысловая сфера личности (как и вся психология человека) имеет, как известно, социальное происхождение и поэтому ситуативна. Смыслы и ценности могут быть более или менее актуальными и модифицировать образы восприятия, что отражено в идее устойчивой и временной апперцепции.

Социальная природа восприятия и осознания находит свое подтверждение в следующих опытах. При первых наблюдениях космоса с помощью телескопов имели место иллюзии восприятия, обусловленные представлениями об изучаемых объектах. Для того, чтобы значительное число телескопических иллюзий исчезло, потребовалось создание И. Кеплером теории телескопического видения. Аналогичные феномены описаны для наблюдений с помощью микроскопа (Тхостов А.Ш., 2002, с. 58).

Другими словами, при столкновении с абсолютно новым миром явлений, т. е. когда отсутствует социальное разделенное знание, восприятие фактически разрушается.

Итак, подведем итог. Образы восприятия и осознания объективного мира в общепсихологическом понимании более или менее устойчивы. Факторами устойчивости являются биодинамическая ткань действия, чувственная ткань образа и значение.

Смыслы наиболее динамичная структура сознания и влияние группы отмечается многими авторами (С. Московичи, Г.М. Андреева).

1. Группа фиксирует определенные аспекты воспринимаемого явления. То, что определяется в традиционном когнитивистском подходе как «выпуклость», зафиксировано не только индивидуальным сознанием, но именно «предписано» группой.

2. Группа влияет на принятие — отвержение той или иной информации, устанавливая уровни доверия к источнику информации, а так же, определяя санкции к несогласным и меру допустимой толерантности к ним. Групповая норма присутствует имплицитно: индивид уже знает нормы группы, возможные санкции при отходе от них выстраивает логику своего принятия или отвержения информации в соответствии с ними.

3. Группа влияет на частоту использования социального представления, а именно на частоту употребления в коммуникации того или иного представления, апелляции к нему при принятии группового решения, что само по себе является индикатором значимости данного представления в групповой жизни.

Итак, мы видим, что группа посредством социальных представлений удовлетворяет потребность личности в осмыслении происходящего, по объективным причинам динамичного и часто непонятного для отдельного человека.

На наш взгляд, человек при осмыслении социального мира также беспомощен как первый астроном при наблюдении космоса и по этой причине склонен к иллюзиям. Но в отличие от него личность имеет компас в этом социальном космосе, в качестве которого выступает группа с присущими ей социальными представлениями. На наш взгляд, показательным является следующий простой естественный эксперимент. В случае переезда человека в новый город ему первое время трудно из-за того, что он не знаком с важными для существования на новом месте групповыми нормами. Адаптация новичка к жизни в новом городе и есть приобщение к этим групповым нормам.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Личность порождает образ (в общепсихологическом понимании).
2. Группа придает смысл этому индивидуальному образу либо обусловленный социальной ситуацией, либо состоящий в престижности, модности и т. д.
3. Понятия «имидж» и «образ» соотносятся между собой так же, как понятия «группа» и «личность».
4. Смысл, который превращает образ в имидж, состоит в значимости, близости и оценке (Е.А. Петрова).

Мы предлагаем обобщить выше приведенные доводы в следующем определении имиджа. Имидж есть часть группового или общественного сознания (но не личностного), придающая смысл, выражающийся в значимости, близости и оценке, образам, содержащимся в сознании индивида.

О соотношении понятий «имидж» и «архетипический образ».

Имидж президента России не может быть понят, на наш взгляд, без характеристик менталитета российской этнической группы. Так, например, имидж президента России довольно жестко определяется одной из этнических констант русской ментальности – «царцентризм» (Лурье С.В., 1994, 1998, 2004).

Другими словами, по нашему мнению, этническая константа – это архетип определенной этнической группы. Образ царя на протяжении веков понимался в народном сознании как защитника народа от государственного произвола. В современное время сохраняется та же тенденция восприятия Президента. В исследовании известного специалиста по этнопсихологии Т.Г. Стефаненко, выполненном в 2001 г., показано, что при психосемантическом анализе полей, связанном с понятием «президент» и «государство» были выявлены существенные различия. Если с понятием «президент» были связаны положительные характеристики, такие как устойчивый, стабильный и сильный, что трактовалось авторами как использование силы ради стабильности, то в оценке государства сила сочетается с хаосом и опасностью (Т.Г. Стефаненко и А.А. Маслова: цит. по Стефаненко, 2003, с. 148).

Как видим, образ российского Президента (царя или правителя) на протяжении веков сохраняет стабильность характеристик, что является характерным для архетипического образа.

В таком случае образ российского президента по большому счету не может считаться имиджем, поскольку обладает несвойственной имиджу стабильностью черт.

Архетипическая природа имиджа российского Президента, на наш взгляд, экспериментально зафиксирована в исследовании В.А. Жебита. Исследователь отмечает, что общей закономерностью всех рассмотренных характеристик является низкая динамика изменений показателей, отражающих личностные параметры имиджа политического лидера (В.В. Путина). Это позволяет сделать заключение о существовании особого механизма фиксации имиджа, характерного для всех участников исследования.

На наш взгляд, в качестве таких механизмов могут быть архетипы или этнические константы русской ментальности. Вывод, по результатам эмпирического исследования, который делает В.А. Жебит, таков: роль электората в создании имиджа политического лидера недооценивается (Петрова Е. А., Жебит В.А., 2008).

В качестве вывода можно сказать следующее: под современным понятием имидж скрываются социально-психологические феномены как минимум трех видов.

Во-первых, архетипические образы, детерминированные коллективным бессознательным этноса или этническими константами ментальности. К этому виду относится имидж российского президента.

Во-вторых, образы, обусловленные структурами сознания, придающими ему стабильность.

В-третьих, собственно имидж, детерминированный смыслами, имеющими групповую природу.

СЕКЦИЯ «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ»

Брендинг организации: перспективы психологического исследования

Н.В. Антонова (Москва)

В настоящее время все большую актуальность приобретает проблематика бренда. Активный интерес к феномену бренда обусловлен сложившейся ситуацией в мировой промышленности и торговле: увеличение производственных мощностей, увеличение потребительской активности, огромное количество товаров-близнецов – все эти факторы приводят к тому, что конкуренция производителей превращается фактически в конкуренцию брендов. Однако бренды и процесс их создания изучаются в основном маркетологами и экономистами, в то время как психологическая проблематика, связанная с данной областью исследований, недостаточно раскрыта.

Наиболее глубоко психологические аспекты проблематики бренда освещены в подходе Д. Аакера и его коллег, разработавших модель идентичности бренда (Аакер, 2003; Аакер, Йохимштайлер, 2003).

Идентичность бренда в понимании Д. Аакера.

Идентичность личности – это осознание личностью себя, своих ценностей, целей и убеждений. Идентичность бренда – это набор марочных ассоциаций, который стремится создать и поддерживать разработчик бренда (Аакер, 2003).

Идентичность бренда изучается по четырем направлениям:

- 1) бренд как товар (включает ассоциации со свойствами товара);
- 2) бренд как организация (включает ассоциации со свойствами организации и в большей степени фиксирует внимание потребителя именно на организации, а не на товаре);
- 3) бренд как «личность» (включает ассоциации с «личностью», индивидуальностью бренда). Данный компонент идентичности бренда называется индивидуальностью бренда, основной механизм его формирования – персонификация. Данный элемент идентичности бренда позволяет выявить связь идентичности бренда и идентичности потребителя: потребитель выбирает бренд, который в наибольшей степени соответствует его собственному образу «Я» и идентичность которого совпадает с его собственной идентичностью.
- 4) бренд как символ (визуальный имидж организации).

Структура идентичности бренда включает в себя стержневую и расширенную идентичности. Стержневая идентичность – это основополагающая, устойчивая сущность бренда, по аналогии с идентичностью личности – это «Я» организации или товара. Расширенная идентичность включает в себя элементы идентичности бренда, связанные между собой и образующие различные группы свойств.

Идентичность бренда необходимо соотносить с имиджем бренда. Д. Аакер считает, что идентичность бренда – это восприятие бренда, которого хотелось бы достичь, тогда как имидж бренда – это его текущее восприятие. Таким образом, идентичность бренда – идеальный, желаемый его имидж, существующий в сознании разработчиков бренда внутри организации. Имидж же относится к сфере сознания реципиента, т. е. потребителей и других групп общественности.

Д. Аакер выделяет так называемые «ловушки идентичности бренда», или опасности на пути создания бренда, к которым относит:

- 1) «ловушку имиджа бренда». Имеется в виду опасность отождествления идентичности бренда и его имиджа. Как мы уже отметили, это структуры, относящиеся к сфере сознания совершенно разных людей;

- 2) «ловушку позиционирования бренда». Позиция бренда – это часть идентичности бренда, которая активно доводится до потребителя. Далеко не все элементы идентичности бренда активно транслируются общественности;
- 3) «ловушку «стороннего наблюдателя»: недоучет значимости видения бренда сотрудниками организации;
- 4) «ловушку фиксации на свойствах товара»: недоучет значимости других элементов идентичности бренда, мнение о том, что для потребителя важны только свойства товара.

Корпоративный бренд.

На самом деле, формирование эффективного бренда основано на обмене ценностями между потребителем и организацией (Кнох, 2004). Создание сильного бренда неизбежно приводит организацию к необходимости определения своих базовых целей и ценностей. И если эти цели и ценности совпадают с целями и ценностями целевой аудитории – бренд действительно становится сильным. В случае же несовпадения ценностей у организации остается выбор: измениться или прекратить свое существование. Таким образом, проблематика корпоративного бренда смыкается с исследованиями организационной культуры и организационной идентичности.

В период глобализации наблюдается смешение акцентов с товарного бренда к корпоративному бренду (corporate brand). Организация, стремящаяся к эффективности, неизбежно приходит к необходимости создания собственного корпоративного бренда.

Корпоративный бренд отличается от товарного бренда по ряду характеристик (Hatch M.J., Schultz M., 2004):

- 1) фокус брендинга смещается с продукта на саму организацию; это приводит к изменению всего организационного поведения, так как все сотрудники начинают в большей степени акцентировать внимание на моментах, которых раньше не замечали. В свою очередь, этот процесс стимулирует изменения в организационной культуре;
- 2) корпоративный брендинг в большей степени инициируется высшим руководством организации и вовлекает всех сотрудников организации, тогда как товарный брендинг более специфичен и обычно разрабатывается отделом маркетинга;
- 3) целевая аудитория у корпоративного брендинга шире и включает не только потребителей, но и другие группы общественности;
- 4) товарный бренд ориентирован на настоящее, а корпоративный – на будущее организации на основе ее прошлого;
- 5) товарный бренд имеет функциональное значение для организации, тогда как корпоративный бренд – стратегическое, так как задает фактически организационную структуру, организационную культуру.

Кнох выделяет следующие составляющие корпоративного бренда (Кнох, 2004):

- 1) репутация – представления потребителей об организации и ее продукте;
- 2) качество продукта или сервиса: никакие бренд-технологии не смогут преодолеть неприятие потребителя к некачественному продукту или сервису;
- 3) особенности потребителя; знание ожиданий и ценностей потребителя определяет стратегию формирования бренда;
- 4) сопутствующие коммуникации.

В предложенной M.J. Hatch и M. Schultz (2004) модели фундамент корпоративного бренда составляют три взаимосвязанных компонента:

- 1) стратегическое видение – центральная идея, на которой строится идентичность бренда и которая включает в себя образ будущего организации;
- 2) организационная культура – ценности, убеждения, базовые представления, которые разделяются членами организации;
- 3) имидж организации – образ организации в глазах различных групп общественности (потребителей, акционеров, партнеров и т. д.).

Корпоративный бренд направлен на формирование позитивного имиджа организации в глазах целевых групп общественности. В то же время, формирование позитивного имиджа невозможно без развития организационной культуры, усиления приверженности сотрудников организации. Большинство PR-технологий, ориентированных на создание позитивного имиджа, в первую очередь воздействуют на сотрудников организации (так называемая аутокоммуникация).

Резюме.

Корпоративный бренд — понятие, связанное с рядом активно исследуемых феноменов функционирования организации, таких как организационная культура, организационная идентичность, имидж организации и др. Исследования бренда организации открывают для психолога перспективы рассмотрения таких проблем, как взаимосвязь имиджа и идентичности бренда и организации, соотношение идентичности бренда и идентичности потребителя, взаимосвязь индивидуальности бренда и организационной идентичности и многих других.

Феномен групповой идентичности в контексте организационной психологии

К.М. Гайдар (Воронеж)

Феномен идентичности настолько сложен и многогранен, что давно перестал быть прерогативой исследования в какой-то одной науке. Сегодня он активно изучается философами, социологами, этнологами, психологами, политологами.

Идентичность как психологическое образование привлекает внимание многих отечественных и зарубежных психологов (Е.П. Авдеевская, М.И. Бобнева, Е.М. Дубовская, Р.Л. Кричевский, Н.В. Строкова; Р. Бейлс, Дж. Тернер, Г. Тэджфел, Э. Эриксон и др.). В современной психологии получили осмысление проблемы природы идентичности и процесса идентификации, его этапов, уровней и факторов, типологических характеристик. Вместе с тем анализ работ по этой тематике показывает отсутствие в психологической науке концептуального единства в разработке относящихся к ней вопросов, что затрудняет согласование базовых теоретических конструктов и осложняет приращение эмпирических данных. Психологические исследования явно демонстрируют полидисциплинарный статус понятия «идентичность», поскольку стоящее за ним явление входит в проблематику различных отраслей теоретической и прикладной психологии, исследующих этническую, профессиональную, организационную, гендерную, политическую и иные виды идентичности.

Понятие организационной идентичности прочно вошло в категориальный аппарат организационной психологии. Под ней принято понимать результат процесса отождествления человека, как правило, с той организацией, где он работает, на основе имеющихся у него знаний об этой организации, соотношения себя с ее ценностями, задачами, типичными характеристиками. Тем не менее, до сих пор не утихают споры о содержании данного понятия, его соотношении с базовыми разновидностями идентичности — личностной и социальной, — выделенными еще Э. Эриксоном.

Мы полагаем, что данные трудности обусловлены тем, что при изучении организационной идентичности исследователи пытаются перейти от индивидуального уровня анализа (личностной идентичности) сразу к социальному (поскольку организация рассматривается как большая социальная группа), пропуская при этом такой важный уровень анализа, как собственно групповой. Ведь традиционно организационную идентичность относят именно к социальной идентичности, трактуя ее как ту часть Я-концепции индивида, в которой отражаются его представления, знания о себе как представителе определенной организации. Но любая организация — это не только отдельные люди, но и малые трудовые группы (отделы, бригады, сектора, лаборатории и т. п.). И сложно

представить себе ситуацию, когда бы у работника сложилась организационная идентичность, минуя процесс отождествления себя непосредственно с тем подразделением организации, в котором он трудится.

Таким образом, более полное изучение организационной идентичности требует обращения к понятию «групповая идентичность» как неотъемлемому звену цепочки «личностная – групповая – социальная (организационная) идентичность».

Однако здесь мы встречаемся с противоречием между различными представлениями об идентичности на групповом уровне, имеющимися в социальной психологии. С точки зрения ряда авторов (А.Г. Костинская, Дж. Тернер, Г. Тэджфел и др.), групповая идентичность представляет собой осознание членами группы своей принадлежности к этой группе. По мнению других авторов (Г. Бриквелл, У. Дойс и др.), идентичность на групповом уровне определяется как тождественность группы самой себе и выделение ее из множества других групп.

Принадлежность индивида к разным группам и социуму в целом позволяет различать собственно групповую идентичность и социальную идентичность как принадлежность к определенному социальному слою, большой социальной группе.

Важнейшими общими особенностями социальной и групповой идентичности являются, согласно А.Г. Костинской (2003), гомогенность ценностей, установок, целей участников группы и осознание ими членства в ней. Но сознанием и самосознанием обладает не только индивидуальный, но и групповой субъект. В этом смысле можно говорить о связи групповой идентичности с осознанием группой себя как целостного субъекта. Более того, можно предположить обоюдный процесс: формирование группового субъекта невозможно без определенной степени групповой идентичности, в то же время становление группы как субъекта закономерно формирует ее самоидентичность.

Мы считаем неверным отождествление понятий «социальная идентичность» и «групповая идентичность», которое зачастую встречается в психологической литературе. По нашему мнению, групповой уровень анализа феномена идентичности требует различать, по крайней мере, следующие ее виды.

Социальная идентичность индивидуального субъекта – это результат отождествления индивидом себя с большой социальной группой (условной или реальной), в том числе с организацией, в которой он работает или учится.

Социальная идентичность группового субъекта – это результат осознания малой группой принадлежности к основной организации, своего места в ней, нахождения общности с другими входящими в нее группами.

Групповая идентичность индивидуального субъекта – результат отождествления индивидом себя с реальной группой членства (прежде всего референтной для субъекта) – с семьей, учебной группой, трудовым коллективом и др. В итоге человек принимает как свои собственные групповые цели, нормы, ценности, у него формируется чувство личной принадлежности к группе (чувство «Мы»). Усвоение и соблюдение групповых норм каждым ее членом обеспечивают существование группы как социально-психологической общности, организованного единства – группового субъекта. Другими словами, идентификационный процесс закладывает основы для формирования группы как системной целостности и ее эффективного функционирования в качестве субъекта совместной деятельности, общения, взаимоотношений, управления, познания, самопознания, саморазвития и пр. Поэтому данный процесс и его результаты не могут ограничиваться только уровнем отдельного индивида.

Групповая идентичность группового субъекта – это результат самоотождествления группы, выделения себя в качестве самостоятельного целостного субъекта, осознания своей индивидуальности и, соответственно, отличия от других групп в составе основной организации. Для того чтобы подчеркнуть, что носителем данного вида идентичности является именно малая группа как субъект, и чтобы отличать его от групповой

идентичности индивидуального субъекта, предлагаем использовать словосочетание «групповая самоидентичность группового субъекта».

Как социальная, так и групповая идентичность может быть полной или частичной; положительной, отрицательной или амбивалентной.

Чаще всего в структуре идентичности различают два компонента — когнитивный и аффективный. Однако мы полагаем, что поскольку носителем идентичности является субъект как активный деятель, автор собственной жизнедеятельности, требуется выделять еще и поведенческий компонент.

Таким образом, в структуре групповой идентичности, понимается ли она как установка индивидуального субъекта на принадлежность к определенной группе членства или как феномен самосознания группового субъекта (групповая самоидентичность), мы выделяем три компонента:

- 1) когнитивный — результат совместной познавательной деятельности (со-знания);
- 2) эмоциональный — результат совместного переживания сходных эмоциональных состояний (со-переживания, со-чувствования);
- 3) поведенческий — результат совместной деятельности, взаимодействия (со-действия, со-участия).

Содержательное наполнение этих компонентов неодинаково у индивидуального и группового субъектов.

Групповая идентичность индивидуального субъекта:

- 1) когнитивный компонент — осознание отдельным субъектом близости своих когнитивных структур и результатов интеллектуальной деятельности ментальным структурам, «фонду знаний и представлений» группы, процессам группового мышления. Разделение общегрупповых целей, норм, ценностей, принятие их как своих собственных;
- 2) эмоциональный компонент — стремление члена группы к общности переживаний с ней, ощущение единой «эмоциональной волны» со своей группой. Переживание принадлежности к группе членства в форме различных чувств (чувство «Мы»);
- 3) поведенческий компонент — приобщенность члена группы к результатам совместной деятельности, осознание своего вклада в ее успешность / неуспешность, стремление поступать так, как свойственно членам данной группы, воспроизведение их мимики, жестикуляции, пантомимики, высказываний.

Групповая самоидентичность группового субъекта:

- 1) когнитивный компонент — сформированные в результате интеллектуального и перцептивного единства группы общие цели, интересы, нормы и ценности, а также «Мы-концепция» как система «Мы-образов» и представлений группового субъекта о самом себе;
- 2) эмоциональный компонент — осознание специфики общегрупповых эмоциональных переживаний, система отношений группы к себе и к другим группам («Мы-чувство» и «Они-чувство»), единая для группы эмоциональная реакция на различные события;
- 3) поведенческий — присущий данному групповому субъекту стиль поведения, обсуждения и решения проблем, взаимодействия с другими группами.

Таким образом, глубокое понимание сущности организационной идентичности требует изучения, с одной стороны, того, как отдельный индивид отождествляет себя со своей группой членства, а через нее и со всей организацией, а, с другой стороны, как сами подразделения организации как групповые субъекты осознают и переживают свою принадлежность к ней.

Социально-психологические детерминанты антикризисного управления организацией

А.И. Гривняк (Москва)

Проблема изучения формирования управленческой команды в организации является актуальной в социальной психологии не только сегодня и вместе с тем остается еще недостаточно разработанной, поскольку перманентно изменяющиеся социально-экономические условия предъявляют новые требования к управлению организацией. В данной проблеме остро стоят вопросы человековедческой ориентированности разработки теоретической базы для практиков — управленцев в организации — особенно в периоды кризисов. Также требует социально-психологического подхода человек как капитал (человеческий ресурс) в механизме формирования и функционирования управленческой команды в организации как инструмент антикризисного управления.

Человековедческая ориентированность управленческой команды в организации как социально-психологическая детерминанта проявляется в следующих чертах: умении формировать мотивацию персонала, умении делового общения управленческой команды, умении принимать командные управленческие решения и т. д.

Факторами динамики развития управленческой команды принято считать общие социально-психологические динамические факторы групп как социальных общностей. К ним относятся и факторы становления группы как социального субъекта:

- 1) социально-психологические механизмы «мы — они»;
- 2) закономерности межгруппового взаимодействия;
- 3) закономерности внутригруппового взаимодействия.

Специфический критерий типологизации социальных субъектов — это критерий развития, который отличает стадийность процесса развития. Данный процесс условно разделяют на три стадии (или этапа) — стадия образования, стадия становления и стадия зрелости. Также выделяют уровни становления социального субъекта как отражение уровней развития на разных этапах формирования группы. Сущностной характеристикой процесса перехода от одного уровня к другому принято считать духовную общность группы, которая по-разному проявляется на разных уровнях развития (становления) группы (команды).

Духовная общность выражается в социальном сознании и самосознании команды (группы) как социального субъекта, в его содержательном и деятельностном аспектах. В деятельностном аспекте духовная общность выражается в умении управленческой команды преодолевать поставленные рубежи и достигать намеченных целей, повышать свою квалификацию и социально-психологическую и профессиональную компетентность, изыскивать новые возможности и резервы в контексте оптимизации профессиональной деятельности управленческой команды, что особенно важно в периоды кризисов.

Низший уровень — типологический, он предполагает сходство психологических черт в силу сходства условий и образа жизни всех членов управленческой команды.

Средний уровень — идентификационный, он предполагает наличие осознания отдельных членов управленческой команды к данной группе, а группа осознает свою принадлежность к обществу на основе сознательно принимаемых ею ценностей, образа мыслей, целей и отличает себя от тех, кто принадлежит к другим группам (мы — «управленцы» в организации, они — «чиновники»).

Высший уровень — консолидационный, он предполагает наличие психологической готовности к совместным действиям во имя групповых управленческих интересов и целей в преодолении кризиса.

Определение и выявление уровней общности команды как социально-психологической основы антикризисного управления — социального субъекта является важным этапом изучения динамики управленческой команды. Динамика перехода с первого

уровня на второй обуславливается следующими социальными факторами: социальная структура общества, объективное положение группы в данной социальной структуре, социальная роль группы как социального субъекта в структуре общества, уровень развития каждого члена команды в группе.

На переход с первого уровня общности на второй влияют и групповые факторы: внутригрупповая структура и непосредственность (эмпиричность) отражения в сознании людей признаков, позволяющих идентифицировать себя и группу.

Переход со второго уровня общности на третий обуславливается следующими факторами: степень концентрированности группы (интенсивность коммуникаций, совместный образ жизни, общность интересов «мы», развитость внутригрупповой организации); практика совместных действий (совещания, командировки и т. д.); лидеры команды (декларативные и скрытые лидеры – «серые кардиналы»); символы команды – корпоративная атрибутика.

Важной социально-психологической детерминантой антикризисного управления в организации является групповое сознание (идеи, идеалы, цели, программы действия.) – групповые ценности, групповые традиции, нормы (этика отношений между членами управленческой группы).

Стадия зрелости группы (управленческой команды) является социально-психологической детерминантой антикризисного управления организацией, это – совместность, сработанность, сплоченность.

Субъект своей жизнедеятельности – социальный субъект, выросший до высшего уровня общности, способный к преодолению кризисных ситуаций, обладает такими характеристиками, как: общность общегрупповых целей, общность интересов, общность ценностей в контексте их иерархии, психологическая совместимость, готовность к взаимозаменяемости, готовность к сотрудничеству, позитивный настрой. Социально-психологической детерминантой антикризисного управления организацией являются также: 1) высокий уровень компетентности, 2) умение не останавливаться в своем развитии, 3) резерв для поиска новых форм развития и достижений, 4) организованность как высший уровень самоуправления, 5) социальная ответственность, 6) инициативность, 7) продуктивность, 8) корпоративная культура, 9) самосознание.

Интегративным показателем социально-психологических детерминант управленческой команды может служить оптимальное соотношение общественных, групповых и личных целей (интересов и ценностей) каждого члена группы как социального субъекта, но в том случае, если имеется согласованность в их достижении. Только тогда управленческая команда из объекта управления становится социальным субъектом самоуправления и обретает способность достигать поставленных целей, удерживать достигнутый результат и преодолевать кризисные ситуации.

Психология командообразования в организации

Е.Д. Короткина (Тверь)

В последнее время все больше возрастает тенденция к поиску механизмов управления малой группой в организации. В современных условиях команда признается в качестве той группы, которая обеспечивает организации конкурентное преимущество. Командный менеджмент становится одной из важнейших стратегий управления в условиях концептуального оформления новой парадигмы, основными принципами которой выступают принцип гуманизма, гармонизации управленческой деятельности во всех сферах общества, принцип синергии.

Многие отечественные исследователи отмечают, что термин «команда» несет в себе отпечаток особенностей современного общества и соответствующего подхода к психологическим особенностям группового субъекта, отмечая главное отличие команды

от коллектива – высокую организационную эффективность первой (Ю.М. Жуков, А.И. Донцов, Е.М. Дубовская, В.Б. Рябов и др.).

В качестве универсального можно рассматривать следующее определение команды, сформулированное отечественными исследователями: команда – это группа людей, взаимодействующих и взаимозаменяющих друг друга в ходе достижения поставленных целей. Команда выступает в качестве особой формы организации людей, основанной на продуманном позиционировании участников, имеющих общее видение ситуации и стратегических целей и владеющих отработанными процедурами взаимодействия (Донцов и др., 2002, с. 108). Критерием сформированной команды является способность группы анализировать свою деятельность и находить внутренние ресурсы для развития и преодоления затруднений.

В настоящее время ведутся разработки как теоретических концепций командообразования, так и практических. Суть последних заключается в конкретных пошаговых описаниях образования команды, ее динамики успешного развития, в характеристике поведения лидеров команды и др.

Среди теоретических подходов к командообразованию Ю.М. Жуков и др. выделяют следующие:

- 1) подход, основанный на развитии и согласовании целей команды. Процесс командообразования определяется как развитие способности группы людей достигать своих целей;
- 2) интерперсональный подход или подход, ориентированный на анализ процессов и улучшение межличностных отношений. В рамках данного подхода процесс командообразования направлен на увеличение интерперсональных связей в группе и основан на предположении, что за счет этого команда сможет функционировать более эффективно. Согласно авторам, данный подход помогает развить групповое доверие, обеспечить поддержку и коммуникацию внутри группы;
- 3) представители ролевого подхода заявляют, что командообразование – это улучшение работы команды за счет увеличения ясности ролей, и в итоге увеличения организационной эффективности. В результате командообразования каждый член команды знает, какова его роль и каковы роли других, какие ожидания есть у него относительно других и у других в отношении него. Как следствие, улучшается работа команды, повышается ее продуктивность;
- 4) подход к командообразованию, основанный на решении проблем. Согласно представителем этого подхода, команда становится более эффективной в результате совместного решения проблем всеми участниками команды. Т. е. в процессе проведения командообразования члены команды определяют главные проблемы, занимаются их решением и активно планируют свою деятельность. Этот подход является более общим подходом к командообразованию, он может включать все предыдущие (Жуков и др., 2008).

Однако команду и особенности ее функционирования нельзя рассматривать вне организационного контекста. Важнейшим элементом внедрения новой управленческой парадигмы является организационная культура. Изменение параметров организационной культуры, наполнение ее качественно новым содержанием обуславливает смену управленческих технологий и практик, которые использует руководитель данной организации как субъект управления в отношении персонала как объекта управления. Следовательно, в контексте изменения организационной культуры использование команды как управленческого инструмента является наиболее оправданным и эффективным для разработки и реализации стратегических программ, направленных на переход организации к качественно новому уровню функционирования. В последнее время наиболее актуальными запросами на командообразование выступают следующие: 1) формирование оперативных команд – работа в ограниченном времени ото-

бранного состава исполнителей на достижение поставленных целей; 2) сплочение топ-менеджеров с целью более результативного обмена информацией, усиления креативности и объединения усилий для достижения целей предприятия в целом; 3) сплочение сотрудников внутри подразделения (отдела) с целью более эффективной организации управления подчиненными и повышения работоспособности подразделения в системе всего предприятия; 4) сплочение среднего менеджмента с целью ускорения прохождения информационных потоков, улучшения психологического климата и соотношения собственных целей с общими целями предприятия (Сартан, 2005).

Наиболее распространенным направлением тренинговой деятельности на рынке консалтинговых услуг является тип тренингов, который предполагает объединение участников группы на основе совместного выполнения ряда заданий. Задания могут быть сложными как в физическом плане, например, «веревочные тренинги», так и в интеллектуальном плане, например, участие в различных моделируемых ситуациях или ролевых играх. Но во всех заданиях присутствует соперничество в различных видах — личностное или между подгруппами, а также отсутствует анализ того, что собственно, во время всего этого происходило в группе и для чего все это ей необходимо. В результате группа может объединиться, но не вокруг целей предприятия, а вокруг личных предпочтений и интересов, сотрудники часть рабочего времени будут тратить на общение, не связанное с целями и задачами предприятия. Их производительность естественным образом будет падать. Логичным является вопрос: необходимо ли создавать команды во всех организациях? Ответ, скорее всего, будет отрицательным. Несмотря на то, что команда позволяет раскрыть творческий, интеллектуальный потенциал сотрудников, тем не менее, она требует определенной ситуации и поддержки. Процесс командообразования будет адекватным только в том случае, если соответствует ценностям и культуре конкретной организации.

Многообразие технологий командообразования свидетельствует об актуальности данного вопроса и востребованности создания команд в режиме реального времени. Однако большинство современных командных тренингов лишено методологической основы, информационно-методического обеспечения. Это требует специального организационно-психологического рассмотрения проблемы на теоретико-методологическом уровне. Использование той или иной технологии командообразования определяется не только профессиональной компетентностью тренеров-консультантов, характером заказа (организационный, административный, политический), но и культурным контекстом организации. К сожалению, данная проблематика разработана не достаточно полно.

Командообразование, как искусственный процесс целенаправленного формирования особого способа взаимодействия людей в группе, требует социально-психологического сопровождения, иными словами, применения системы формирующих и поддерживающих видов социально-психологической, социокультурной и другой деятельности, обеспечивающих удовлетворение основных потребностей членов команды, и направленные на успешное функционирование команды в целом. Разработки в этом направлении ведутся, в то время как специфика социально-психологического обеспечения командообразования в контексте организационной культуры является одним из перспективных направлений исследования в области организационной психологии.

Психосемантический подход в организации психологической поддержки безработных граждан

В.В. Курунов, Т.С. Чуйкова (Уфа)

Решение вопросов организации психологической поддержки безработных граждан через формирование навыков построения индивидуальной стратегии продуктивного

поиска работы, через развитие регуляторного опыта и потенциалов личности, через освоение моделей уверенного поведения на рынке труда в условиях ограниченного числа вакансий является не только задачей оказания практической психологической помощи, но и предметом проведения комплексных научно-психологических исследований, результатом которых должна стать разработка целостной, непротиворечивой, технологичной системы социально-психологического сопровождения личности на различных этапах профессионального самоопределения: от выбора профессии до профессиональной самореализации и саморазвития, от преодоления ситуации, связанной с потерей работы, до проектирования индивидуальной профессиональной карьеры.

Понимая, что большая часть трудностей, связанных с преодолением ситуации потери работы, кроется в субъективном восприятии, осознании и критическом принятии потенциалов собственного Я, психосемантический подход в организации психологической помощи безработным, на наш взгляд, является наиболее продуктивным для изменения сложившейся ситуации.

Мы в своей исследовательской и практической работе с группами безработных используем методику изучения мотивации личности И.Л. Соломина, разработанную им на основе семантического дифференциала Ч. Осгуда. С помощью данной методики мы пытаемся изучить особенности самосознания безработных, связанные с их восприятием себя, других людей в новых для них обстоятельствах потери работы, а также те изменения в их самосознании, которые обусловлены потерей работы.

В настоящей статье мы представляем результаты исследования сферы сознания безработных, относительно давно потерявших работу, продолжительное время состоящих на учете в Службе занятости и направленных Службой занятости для прохождения групповых тренинговых занятий по психологической поддержке на этапе формирования эффективных навыков поиска работы. В рамках этих занятий осуществлялось тестирование безработных по методике И.Л. Соломина (2001).

Всего в исследовании приняли участие 25 безработных, из них 21 женщина и 4 мужчин, в возрасте от 20 до 50 лет.

При использовании методики семантического дифференциала мы предлагали нашим респондентам следующие понятия: мое прошлое; мое настоящее; мое будущее; моя работа; Я; мое свободное время; моя профессия; моя семья; материальное благополучие; моя карьера и другие. Всего было предложено 31 понятие. Эти понятия оценивались респондентами по 18 шкалам, отобранными автором из множества шкал, предложенных Осгудом. Это были шкалы, которые с наибольшим весом входят в факторы ценности, потенции и активности. Далее производились процедуры, традиционные для обработки подобной методики: оценка понятий по шкалам, оценка понятий по факторам, вычисления семантических расстояний между понятиями, построение дендрограммы понятий.

В анализе результатов использовался ряд показателей: осознаваемые потребности; базовые потребности; степень удовлетворенности базовых потребностей; актуальные потребности в настоящем; отношение к будущему; отношение к себе; источники стресса (заимствованы у И.Л.Соломина). А также вытесненные понятия: отношение к работе; наличие (отсутствие) связи работы с профессией; осознаваемая оценка настоящего; настоящее в сравнении с прошлым и будущим – понятия, введенные нами.

При анализе полученных данных рассматривались индивидуальные результаты каждого отдельного респондента, а также по группе в целом. Далее мы представляем результаты по группе.

Большинство наших респондентов продемонстрировали на сознательном уровне принятие социальных ценностей, позитивное к ним отношение зафиксировано у 17 человек; неопределенное отношение выявилось у 5 человек; негативное отношение к предложенным социальным ценностям продемонстрировали 3 человека.

В качестве наиболее привлекательных, принимаемых ценностей выявились следующие: «мое будущее» (у 17 респондентов), отметим, что значение прошлого и настоящего существенно ниже (отмечена в 7 случаях по обеим позициям); «мои друзья» (14 случаев). Отметим, что при этом такая ценность как «общение с людьми» отодвигается назад (отмечена всего у 5 респондентов). Мы также можем отметить из своего опыта работы с безработными, что у многих из них, в связи с потерей работы, резко сужается круг общения, да и сами они замыкаются в себе, еще больше ограничивая свое общение. При этом значимость близких друзей, у которых можно найти поддержку, помощь и сочувствие, возрастает; «Я» (в 13 случаях); «мое свободное время» (также в 13 случаях); «материальное благополучие» (в 11 случаях); «творчество» (в 11 случаях).

В соответствии с инструкцией респонденты могли дополнить предложенный список своими, значимыми для них, понятиями. Этой возможностью воспользовались 20 человек. Интересно, что в качестве таких дополнений в большинстве случаев являлись близкие для респондентов люди: дети, родители, родственники, «мои родные», муж, «мой дом». Вводились также понятия абстрактного характера, отражающие те ценности, над которыми нашим респондентам в данной ситуации хотелось, видимо, поразмышлять: «моя жизнь» (или «как я смотрю на жизнь»), «моя любовь» (или «любовь»), «здоровье», «цель», «активность», «семейное счастье», «моя старость», «общество», «политика» (два последних понятия при этом оценивались резко отрицательно). В двух протоколах были вписаны и такие понятия как «моя вера», «животные», значимость которых, возможно, обусловлена их ролью в проживании данной ситуации.

В качестве базовых потребностей у наших испытуемых фиксируются коммуникативные (общение с друзьями и коллегами), связанные с профессией, досуговыми занятиями.

Удовлетворение базовых потребностей представлено следующим образом: у 13 человек из нашей выборки выявлена фрустрация базовых потребностей в настоящем; частичное удовлетворение потребностей — у пяти человек, соответственно настоящее ими воспринимается как интересное и увлекательное; три человека связывают удовлетворение своих базовых потребностей с будущим; только пять человек связывают удовлетворение своих потребностей с настоящим и будущим, поэтому воспринимают свое настоящее как интересное и содержательное и характеризуются оптимистичным взглядом на свое будущее, т. е. занимают относительно благополучную позицию. Сопоставление этих данных с данными, полученными по показателям «отношение к будущему», «оценка настоящего» и «настоящее в сравнении с прошлым и будущим», заостряет выявившиеся тенденции. Некоторые наши испытуемые дают низкую оценку значимости для них настоящего (4.3; 3.8; 2.5) при максимально возможной оценке в 7.0. Только у 6 человек отмечена позитивная оценка настоящего в сравнении с прошлым и будущим, 7 человек оценивают будущее более позитивно, чем свое настоящее, 11 человек оценивают прошлое и будущее более позитивно, чем настоящее. Таким образом, для большинства наших безработных настоящий период их жизни воспринимается как обедненный смыслами, ценностями, событиями.

Вопросы технологии, методов и методических подходов к организации работы по психологической поддержке безработных исследовались авторами данной статьи и раньше (Курунов, 2004; Чуйкова, 2004).

Однако полученные результаты психосемантической диагностики помогли сориентировать эту работу в направлении укрепления тех ценностей и жизненных смыслов, которые теряют свою мотивирующую силу. Поэтому в разработанных и реализованных тренинговых программах акцент воздействий смешался с этапа отреагирования негативных эмоций и переживаний на этап создания положительного эмоционального фона, способствующего самораскрытию участников, всестороннему исследованию ситуации без работы, анализу собственных ресурсов и возможностей личностного

роста и самосовершенствования, определению направлений и способов саморазвития через коррекцию установок самосознания, субъективной картины мира, образа Я, через развитие умений и навыков осознанной саморегуляции поведения и деятельности в новых (кризисных) условиях самореализации.

Взаимосвязь корпоративной культуры и организационной идентификации персонала

С.А. Липатов (Москва)

Для современных российских организаций все большее значение приобретают вопросы мотивации организационного поведения, особенно лояльности сотрудников к организации. Связано это в первую очередь с изменением характера отношений «работодатель — наемный работник», формированием рынка труда. В современных условиях интерес к проблеме лояльности персонала проявляют руководители самых различных российских предприятий, который связан с осознанием того факта, что высокопрофессиональные и лояльные сотрудники наряду с грамотным менеджментом, удачной маркетинговой стратегией и качественным товаром или услугой являются основой процветания компании.

Однако в отечественной психологии проблема лояльности персонала теоретически и эмпирически еще мало разработана и терминологически запутана. Синонимами лояльности персонала в отечественной литературе часто выступают такие термины, как: надежность, патриотизм, благонадежность, приверженность, преданность (см., например, Доминяк, 2006, Ребзуев, 2006).

В зарубежной организационной психологии уже свыше тридцати лет данная проблема изучается как *приверженность организации* (organizational commitment). Понимаемая в качестве установки приверженности организации чаще всего определяется как: 1) сильное желание остаться членом данной организации; 2) желание прилагать максимальные усилия в интересах данной организации; 3) твердая убежденность в корпоративных ценностях и принятие целей данной организации. Другими словами, данная установка напрямую связана с лояльностью сотрудников к своей организации и в то же время представляет собой непрерывный процесс воспроизводства такого отношения, при котором работники выражают свою заботу об организации, ее преуспехии и процветании. Многочисленные исследования посвящены выявлению взаимосвязи организационной приверженности с различными ситуационными характеристиками, аттитюдами и поведением работников (Джуэлл, 2001).

В литературе по организационному поведению для описания взаимосвязи сотрудников и организации часто используется также понятие «идентификация», которое рассматривается как критически важная переменная, влияющая на удовлетворенность сотрудников своей причастностью к организации и эффективность организации (Дик ван, 2006).

Анализ литературы показывает, что оба конструкта (организационная приверженность и идентификация) довольно активно используются в эмпирических исследованиях, делаются попытки построения моделей, которые, с одной стороны, развели бы данные понятия, провели между ними четкие границы, а с другой, — объединили бы их и все связанные с ними наработки. Однако пока данная задача окончательно не решена (Липатов, 2009).

Представляется, что использование понятия организационной идентификации позволяет более полно учесть социальный контекст функционирования индивида в организации и вне ее, а не просто рассматривать психологическую связь индивида и организации.

В частности, современными компаниями как один из наиболее важных элементов их *организационной культуры* рассматривается формирование высокой степени привер-

женности работников своей организации, предполагающее усиление идентификации работников с профессиональной ролью, подразделением или корпорацией в целом.

Организационная культура обладает тремя ключевыми для процессов идентификации работников с организацией признаками. Во-первых, являясь групповым феноменом, основывающимся на общем принятии и разделении норм, ценностей и смыслов, она характеризует организацию как целостность. Во-вторых, организационная культура включает в себе общие для работников признаки, характеристики членов организации как бы обобщены в ее культуре. Можно сказать, что каждый член организации, так или иначе, в большей или в меньшей степени оказывает влияние на ее культуру. В-третьих, организационная культура является уникальной характеристикой организации, отличающей ее от других организаций (Шейн, 2007).

Таким образом, работник, разделяющий цели и ценности, разделяемые другими членами организации, поступающий в соответствии с принятыми в организации нормами и правилами, выполняющий какую-либо деятельность принятым в организации способом, воспринимается как член данной организации. Отклонение же от этих норм, правил и образцов воспринимается как признак другой категории. Более того, привязанность к группе или организации является результатом идентификации с аттитюдами, ценностями и целями данной группы или организации.

Следовательно, можно говорить о культуре как о характеристике организации, рассматриваемой в качестве социальной категории, а организационную идентификацию можно определить как психологическую связь между индивидом и организацией как социальной категорией, которая основана на восприятии индивидом сходства характеристик между ним и организационной культурой. Посредством данного психологического механизма индивид определяет себя как члена данной организации и эмоциональное значение для себя этого членства. Данные положения выдвигают задачу выявления сложного комплекса взаимосвязей между организационной культурой и организационной идентификацией.

В 2004 году нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление взаимосвязи таких социально–психологических переменных, как: восприятие престижа подразделения и организации, стиля руководства, типа организационной культуры, а также межгруппового предубеждения – с организационной идентификацией. В исследовании приняли участие сотрудники разных отделов трех организаций: завода, банковского филиала и компании, предоставляющей услуги сотовой связи (всего 134 человека). На основе результатов исследования был сделан вывод о наличии непрямой связи между воспринимаемым типом организационной культуры и идентификацией с организацией и подразделением. Данная взаимосвязь была опосредована стилем руководства организацией и воспринимаемым престижем подразделения и организации (Липатов, Жилкина, 2005).

В 2008 году А.В. Ловаков провел под нашим руководством исследование, целью которого было выявление взаимосвязи между основными компонентами структуры организационной идентификации и представлениями работников об организационной культуре. Основной гипотезой исследования выступило предположение о том, что данная взаимосвязь опосредована уровнем совпадения индивидуальных и организационных ценностей и привлекательностью организационной культуры для сотрудников. В исследовании приняли участие 72 сотрудника трех медицинских организаций: двух государственных больниц и коммерческой организации, занимающейся оказанием медицинских услуг. Для оценки организационной идентификации использовалась методика, разработанная автором исследования. Методика представляет собой список из 12 суждений (по три суждения на каждый компонент организационной идентификации: самокатегоризация, валентность идентификации, эмоциональная привязанность, разделение организационных целей и ценностей), которые оцениваются по

7-балльной шкале (1 – полностью не согласен, 7 – полностью согласен). Формулировки суждений были разработаны на основе нескольких англоязычных методик измерения социальной, групповой и организационной идентификации. Для измерения привлекательности для работников организационной культуры была использована методика В.М. Снеткова (2001).

Полученные в данном исследовании результаты позволили сделать следующие выводы:

- 1) работники в большей степени воспринимают себя как членов организации и разделяют организационные ценности, если ценностные характеристики организационной культуры, по их мнению, соответствуют их собственным ценностям;
- 2) привлекательность организационной культуры для работника не играет решающей роли в процессах организационной идентификации.

Таким образом, уровень организационной идентификации в большей степени предсказывается степенью соответствия между организационными и индивидуальными ценностями, которое является центральным компонентом идентификации работника с организацией.

Опыт диагностики организационной культуры университета

А.С. Лунатова (Москва)

Высшие образовательные учреждения представляют особый интерес для изучения в рамках организационно-культурного подхода. Описываемые для предприятий феномены организационной культуры имеют место и в этих учреждениях с учетом специфики деятельности университетов. Изучение организационной культуры образовательных учреждений (в данном случае университетов) дает возможность объяснить многие протекающие в них процессы. Поэтому изучение организационной культуры университетов является важным аспектом рассмотрения их как организаций.

В западной традиции существуют две основные парадигмы организационной теории, которые обычно применяются при исследовании университетов, – модель университета как бюрократии (согласно концепции Вебера) и модель университета как коллегиальной общности.

Первая исходит из того, что университетам во многом свойственны черты бюрократической организации: компетентность как условие назначения на должность, фиксированный оклад, признание и уважение должностного ранга, исключительность данной карьеры (никакой другой работы нет), концентрирование образа жизни вокруг организации, пожизненная штатная должность как гарантия безопасности, разделение личной и организационной собственности. Существуют также формальная политика и правила, являющиеся частью системы регуляций и процедур, которые сохраняют целостность университета и контролируют его работу. Наиболее ярко бюрократические элементы видны студентам, которые сталкиваются с ними в повседневной рутине каждый день (различного рода записи, регистрации, требования к выпускникам и др.).

В другой организационной парадигме ученые полагают, что университет не должен быть организован и управляться по аналогии с другими бюрократиями. Необходимо полноценное участие в управлении всех членов академической общности, особенно профессорско-преподавательского состава. Здесь речь идет о «профессиональной» власти профессорско-преподавательского состава, что связано с «профессионализацией» академической общности.

Американский ученый Дж. Болдридж предложил так называемую «политическую модель» функционирования университета. Ничего принципиально нового эта модель не несет: она просто систематизирует имеющиеся подходы к рассмотрению универси-

тетов как организаций. Однако важным является то, что автор представляет полный цикл формулирования политики университета.

Объяснительного потенциала этих парадигм явно недостаточно для описания реальной жизнедеятельности университетов. Большими возможностями будет обладать подход, включающий в себя наиболее соответствующие специфике университетов характеристики всех парадигм.

Поскольку организационная культура является сложным и многоуровневым конструктом, то задача изучения (диагностики) организационной культуры требует от исследователя разработки инструментария, способного выявить все необходимые аспекты жизни организации. Для целостного описания организационной культуры используются самые различные методы – интервью, анкетные опросы, анализ документов и исторических данных, полевое наблюдение (наблюдение за непосредственной жизнью организации в течение длительного времени). Самым первым этапом диагностики организационной культуры является создание концептуальной модели. Концептуальная модель направляет исследовательскую активность в определенном направлении и содержит различные компоненты объекта, существенные для диагностики, а также их взаимосвязи.

Предложенная нами концептуальная модель включает в себя следующие компоненты.

Блок «Миссия, цель университета» включает знание миссии и отношение к ней и знание и принятие целей университета. В основе лежат подходы Р. Лайкерта и Дж. Болдриджа.

Блок «Внутренний имидж организации» включает образ организации, сложившийся у сотрудников. Выявляется с помощью методики Т.Ю. Базарова.

Блок «Процесс обучения» включает выяснение социальной структуры, а также отношение к основным изменениям в системе обучения. В основе лежат подход Дж. Болдриджа, данные первичных интервью и анализ документов вуза.

Блок «Внутренние коммуникации» включает выяснение взаимодействий по линиям: 1) администрация – преподаватель, 2) преподаватель – преподаватель, 3) преподаватель – студент, а также отношение к конфликтам. Использовались вопросы из модифицированного варианта блока «Анкеты исследования организационной культуры» Ю.Г. Семенова.

Блок «Инновационная готовность» включает выяснение отношения к происходящим организационным изменениям, инновациям. Использовался модифицированный вариант методики И.А. Мотовилоиной «Отношение к организационным изменениям».

Блок «Приверженность организации» включает выяснение степени лояльности и идентификации с организацией. Используются сокращенные варианты опросников Л. Портера и А. Ловакова

Данная модель была использована в диагностике организационной культуры одного из ведущих университетов страны. Целью проведения диагностики была оценка готовности к изменениям, внедрение которых планировалось в ближайшем будущем. Результаты проведенной диагностики с помощью предложенной модели позволили дать оценку инновационной готовности и выработать рекомендации по внедрению планируемых изменений.

Проблема структуры организационной идентификации

А.В. Ловаков (Москва)

В соответствии с современными представлениями об организационной идентификации (ОИ), она представляет собой многомерный конструкт, включающий в себя различные составляющие. Обзор литературы по данной проблематике позволяет говорить о существовании двух подходов к пониманию структуры ОИ: 1) выделение различных

объектов (в англоязычной литературе используется слово «foci»), с которыми может идентифицироваться работник, и 2) выделение различных компонентов ОИ.

Объекты организационной идентификации. Подход к структуре ОИ с точки зрения выделения ее объектов представлен в литературе довольно широко (см. Riketta, Dick van, 2005). В качестве объектов, с которыми работник может себя идентифицировать, выделяют *организацию как целое, подразделение* (рабочую группу, коллектив, команду), *профессию* (профессиональную группу), *карьеру*. Однако следует заметить, что такой объект идентификации, как карьера, скорее связан не с социальной идентификацией (формой которой является ОИ), а с личностной. Поэтому исследователи, рассматривающие карьеру как объект ОИ, в определенном смысле смешивают две различающиеся формы идентичности – личностную и социальную. Идентификацию сотрудника организации с его профессиональной группой также можно рассматривать как часть ОИ лишь частично, т. к. профессиональная группа, к которой принадлежит тот или иной работник, выходит далеко за пределы отдельной, конкретной организации, вследствие чего на величину данной переменной могут оказывать влияние множество факторов, напрямую не связанных с организацией, членом которой он является. Таким образом, в структуру ОИ целесообразнее включать лишь идентификацию работников с их рабочей группой (подразделением) и с организацией как целым.

Компоненты организационной идентификации. В рамках подхода, рассматривающего различные компоненты ОИ, исследователи чаще всего, вслед за А. Тэшфелом, выделявшим в структуре социальной идентичности когнитивный, оценочный и аффективный компоненты, пытаются выделить в структуре идентификации работника с организацией различные аспекты, стороны этого процесса. Однако единства относительно того, какие компоненты составляют структуру ОИ, среди исследователей на сегодняшний день не существует. Разные авторы предлагают и пытаются верифицировать различные, часто специфические комбинации компонентов, которые не всегда можно соотносить друг с другом (см. Edwards, 2005).

Существующие подходы анализируют составляющие ОИ в разных плоскостях и поэтому не исключают друг друга. Первый подход акцентирует внимание на идее существования множественной идентификации, предполагающей одновременную идентификацию индивида со многими социальными категориями, а второй – рассматривает психологическое содержание процесса идентификации с каким-либо одним объектом. Поэтому идентификация с каждым из выделяемых объектов содержит в себе несколько компонентов. Таким образом, для понимания сущности ОИ работника ее составляющие предпочтительнее рассматривать с точки зрения выделения компонентов ОИ.

Основываясь на определениях, сформулированных в рамках разных подходов, можно выделить четыре компонента ОИ.

1. ОИ является воспринимаемым конструктом, предполагающим восприятие работником себя как части организации, причисление себя к организации, осознание своего членства в ней. Здесь работник может сказать, что он *идентифицирует себя как члена организации*. Таким образом, данный компонент можно определить как *субъективное осознание работником себя как члена организации* и дать ему условное название «**самокатегоризация**».

2. Конструкт ОИ включает в себя идею об эмоциональной привязанности работника к своей организации. Здесь речь идет о значимости группового членства для работника, которая проявляется в восприятии и переживании им успехов и неудач организации как своих собственных, в восприятии критики в сторону организации как критики в свою сторону. Здесь работник может сказать, что он *идентифицирует себя с организацией*. Данный компонент можно определить как *переживание работников чувств привязанности, принадлежности к своей организации* и дать ему условное название «**эмоциональная привязанность**».

3. Идентификация с организацией предполагает интернализацию работником организационных характеристик (целей и ценностей), встраивание их в свою Я-концепцию. Организация и ее характеристики при этом становятся частью его Я-концепции. Данный аспект в большой степени является когнитивным компонентом, т. к. связан с самокатегоризацией. Однако в случае с ОИ он имеет существенное значение, т. к. цели и ценности являются ключевыми характеристиками организации как социальной категории, а их разделение следует рассматривать как ядерный (центральный) элемент идентификации работника с организацией, в большой степени ее определяющий. В связи с этим, *степень интеграции индивидом организационных целей и ценностей в свою собственную систему целей и ценностей* может рассматриваться как самостоятельный компонент, который условно можно назвать «**разделением организационных целей и ценностей**».

4. Являясь членом конкретной организации, работник может по-разному относиться к этому факту. Это отношение во многом будет детерминироваться его оценкой самой организации, которая определяется во взаимоотношениях с другими социальными группами посредством социального сравнения значимых для индивида характеристик. При этом принадлежность к группе необязательно предполагает положительную оценку этой группы и принадлежности к ней. Об этом свидетельствуют результаты этнопсихологических исследований, указывающих на возможность существования негативной этнической идентичности (см. Стефаненко, 2000; Mlicki, Ellemers, 1996). Поэтому валентность идентификации рассматривается в качестве характеристики при изучении этнической идентичности наряду с другими ее аспектами. Следовательно, есть все основания предполагать существование позитивной и негативной идентификации работников со своей организацией, а *субъективную оценку работником факта его принадлежности к организации* рассматривать как отдельный, самостоятельный компонент ОИ, не сводящийся к самокатегоризации и эмоциональной привязанности. Данному компоненту можно дать условное название «**валентность идентификации**».

Наряду с указанными компонентами некоторые исследователи выделяют также еще и поведенческий компонент идентификации, т. е. поведенческие проявления, характеризующие индивида как члена определенной организации. Поведенческий аспект заимствован из исследований этнической идентичности, где он рассматривается как механизм осознания и проявления себя членом определенного этноса. Однако результаты множества эмпирических исследований дают основание не рассматривать поведение в качестве необходимого элемента идентичности (Стефаненко, 2003).

Таким образом, ОИ можно определить как *психологическую связь между индивидом и организацией, основанную на восприятии индивидом сходства характеристик между ним и организацией, посредством которого индивид определяет себя как члена данной организации, включающую ценностное и эмоциональное значение, которое придается этому членству*.

Предварительная эмпирическая проверка показала, что предложенная четырехкомпонентная модель ОИ хорошо описывает эмпирические данные, а сконструированная на ее основе методика для измерения уровня ОИ обладает приемлемыми значениями основных психометрических показателей (Ловаков, 2009).

Профессиональное обучение как фактор адаптации сотрудников к организационным инновациям

И.А. Мотовилина (Москва)

(Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ проект № 08-06-00342а.)

При анализе адаптации персонала выделяют три основные грани – профессиональную, социально-психологическую и психофизиологическую (Кабаченко, 2003), все они

являются значимыми в процессе внедрения инноваций. Профессиональная адаптация в условиях организационных изменений определяется сменой технологий, повышением требований к производительности или качеству труда (Кемерон, Грин, 2006). Социально-психологическая адаптация связана с необходимостью приспособления к изменению состава коллектива, с негативной динамикой социально-психологического климата, которая нередко сопровождает реорганизацию (Почебут, Чикер, 2002). Психофизиологическая адаптация обусловлена как повышенными рабочими нагрузками, так и выраженным уровнем профессионального стресса, развивающегося в условиях организационных преобразований (Леонова, Мотовилина, 2006). Для улучшения адаптации профессионалов к изменению трудовой ситуации могут быть использованы различные оптимизационные мероприятия: реализация программ стресс-менеджмента, пересмотр психологического контракта, формирование команды перемен, разработка и трансляция сотрудникам нового видения (миссии) и др. Среди них в качестве наиболее перспективного следует выделить профессиональное обучение.

Нами было проведено эмпирическое исследование с целью анализа, во-первых, специфики влияния профессионального обучения на адаптацию сотрудников к изменению организационных условий, и, во-вторых, факторов, определяющих характер адаптации.

Методика. Данное исследование было проведено на сотрудниках обувной компании. На момент исследования компания существовала более 10 лет и включала 10 магазинов, расположенных в различных районах г. Москвы. В обследованной организации были запланированы следующие нововведения: изменение ассортиментного ряда (появление дорогостоящей продукции), общего имиджа и статуса компании, кроме того, предполагалось расширение потребительской аудитории (присоединение к «среднему» ценовому сегменту сегмента «премиум»). С целью повышения уровня компетенций сотрудников был проведен тренинг продаж для продавцов-консультантов специалистами обучающего центра немецкой обувной фирмы «Gabor». Были обследованы 40 продавцов-консультантов, в возрасте от 20 до 27 лет. Исследование носило лонгитюдный характер: первый срез был проведен перед тренинговым обучением, второй – через 2 недели после завершения тренинга.

Использованные в ходе исследования диагностические методики были направлены на изучение следующих характеристик: 1) профессиональная адаптация (опросник «Коммуникативный минимум менеджера» В.М. Снеткова, «Методика оценки субъективно важных характеристик труда» Дж. Олдхема, Дж. Хаккмана, адаптирована А.Б. Леоновой); 2) социально-психологическая адаптация (методика «Психологическая атмосфера в группе» Ф. Фидлера, адаптирована Ю.Л. Ханиным, опросник «Оценка привлекательности культуры организации» В.М. Снеткова); 3) психофизиологическая адаптация (опросник «Степень хронического утомления» А.Б. Леоновой, методика «САН» В.А. Доскина и соавт.); 4) predisposition к обучению (анкета «Отношение к обучению» И.А. Мотовилиной и Е.С. Ериховой).

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программы SPSS, были использованы факторный анализ, парный критерий Вилкоксона и критерий Вилкоксона – Манна – Уитни.

Обсуждение результатов и выводы. В целом после завершения программы профессионального обучения у обследованных профессионалов произошло повышение уровня адаптации к трудовой ситуации. Во-первых, была выявлена конструктивная динамика профессиональной адаптации – повысилась удовлетворенность сотрудников собственными коммуникативными навыками. Полученные статистически значимые различия между показателями первого и второго этапа исследования свидетельствуют об улучшении представлений продавцов как о своем поведении в ходе различных фаз коммуникативного акта, так и об общих коммуникативных умениях (управление эмоциями,

управление разговором в целом). При этом в качестве отдельной цели проведенного тренинга рассматривалась оптимизация навыков и умений продавцов, задействованных на всех этапах процесса продажи.

Во-вторых, необходимо отметить оптимизацию психофизиологической адаптации сотрудников, что отразилось на позитивной динамике некоторых показателей использованных методик. В силу того, что тренинговая программа не была ориентирована на стресс-менеджмент, можно предположить, что улучшение самочувствия было опосредовано ростом компетентности сотрудников, способствовавшим снижению уровня профессионального стресса.

В-третьих, несколько неожиданным оказалось неблагоприятное изменение уровня социально-психологической адаптации. Анализ статистически значимых различий между показателями двух срезов вскрывает ухудшение социально-психологического климата коллектива. Перед тренингом показатели социально-психологического климата отличались неблагоприятным характером, а в результате тренинга произошло дальнейшее снижение эффективности совместной деятельности сотрудников. Негативные отношения между продавцами в данной торговой компании во многом определяются особенностями системы материальной мотивации: зарплата каждого сотрудника числится в соответствии с индивидуальной «продуктивностью обслуживания», т. е. количеством проданного товара. В организациях с подобной системой стимулирования действительно обеспечивается приемлемый уровень продаж, но вместе с тем между сотрудниками, как правило, складываются конкурентные отношения. В ходе тренинга был сделан дополнительный акцент на мотивировании участников к высоким личным трудовым показателям, развитию конкурентной мотивации, что усугубило неконструктивный характер социально-психологического климата коллектива.

Таким образом, профессиональное обучение можно рассматривать как фактор комплексной адаптации сотрудников к организационным нововведениям. Вместе с тем, детерминантами эффективности профессионального обучения являются не только взаимосвязь содержания профессионального обучения и особенностей организационных изменений, но и учет специфики конкретных характеристик организации при оптимизации типовых программ обучения.

Кроме того, было проведено изучение влияния индивидуальных особенностей профессионалов на эффективность их адаптации в ходе профессионального обучения. Показано, что адаптация наиболее благоприятно протекала в отдельных подгруппах сотрудников – у продавцов, отличавшихся позитивным отношением к обучению перед его проведением, и у продавцов со средним специальным образованием.

Отношение сотрудников к обучению является одним из основных факторов, определяющих адаптацию персонала в процессе реализации программы профессионального обучения. Интересно, что профессионалы с позитивным отношением к обучению отличались не только конструктивной динамикой показателей адаптации в процессе обучения, но и более благоприятными характеристиками перед проведением тренинга. Возможно, это определяется наличием связи между отношением к обучению и уровнем профессионального самосознания сотрудников и, как следствие, их адаптацией к трудовой ситуации в целом. После завершения профессионального обучения различия между показателями социально-психологической, психофизиологической и профессиональной адаптации у сотрудников с различной предрасположенностью к обучению стали более значительными.

При анализе влияния уровня образования на успешность адаптации сотрудников было показано, что наиболее эффективно адаптация протекала у продавцов со средним специальным образованием, наименее эффективно – с высшим и средним общим образованием. Вероятно, среднее общее образование связано с низким уровнем обучаемости, с невысокой субъективной ценностью учебного процесса в целом. Выс-

шее образование может влиять на формирование более критичного отношения к методам и формам обучения, задействованным в традиционных тренинговых программах, что также неблагоприятно сказывается на эффективности обучения.

Итак, для обеспечения адаптации сотрудников к изменяющимся организационным условиям могут быть задействованы обучающие программы, однако эффективность профессионального обучения обусловлена как объективными характеристиками (содержание обучения, соотношенность целей обучения с организационными условиями), так и индивидуальными особенностями профессионалов, связанными с мотивацией профессионалов к обучению (например, уровень образования и predisпозиция к планируемому профессиональному обучению). Кроме того, полученные данные могут быть охарактеризованы в некотором роде как *краткосрочные* последствия обучения, диагностированные непосредственно сразу после завершения тренинга. К сожалению, сложно предсказать, насколько устойчивыми будут вскрытые тенденции в последующей динамике адаптации, что может стать отдельным предметом для дальнейших исследований в этой сфере.

Самообучение команд

П.Л. Хасина (Москва)

Условия современной работы предъявляют трудовым коллективам высокие требования, особенно по части конкурентоспособности. Поэтому крупные компании не жалеют средств на постоянное обучение своих сотрудников новым знаниям и умениям, будь то повышение квалификации в своей специальности, обучение языкам или тренинги по тайм-менеджменту и эффективной коммуникации. Однако в настоящий момент приходится признать тот факт, что специально организованное обучение в отрыве от реальной работы дает не такие уж высокие результаты, так как программы обучения «не поспевают» за динамичными изменениями в экономике, политике и технологиях. Все это порождает проблему поиска новых способов организации обучения, которое бы отражало последние тенденции в той или иной сфере бизнеса.

Один из способов решения поставленной проблемы разрабатывается в рамках концепции самообучающихся организаций. В ее основе лежит мысль о том, что каждая компания или организация в состоянии обучаться. Под обучением понимаются не курсы повышения квалификации, а постоянное совершенствование — и каждого члена организации, и всей организации как единого организма. Таким образом, самообучающаяся организация — это та, которая постоянно учится на своем опыте и постоянно использует то, чему она учится.

Крупную систему невозможно изучать целиком. Для научного анализа необходимо вычленить ее структурно-функциональные единицы. Концепция самообучения применительно к организациям сосредотачивается на изучении таких структурных единиц организации, как команды.

В командах изначально заложен ресурс к развитию. Командная работа может быть описана по схеме обучения, основанного на опыте. Группа планирует свои действия, осуществляет их, отслеживает результаты и следствия, проводит рефлексивный анализ, а затем планирует дальнейшие шаги.

Эффективность решения задач командой зависит не только от актуальной (т. е. наличной) способности к решению задач, но и от того, насколько команда в состоянии обучаться в процессе осуществления самого этого решения. При этом имеются в виду быстрота обучения, повышение качества решения и возможность решения более сложных задач.

Наше исследование направлено на изучение факторов, способствующих самообучению команд. Среди таких факторов можно выделить условия работы команды, индивидуальные особенности ее членов, ее структурные особенности. В этом контексте

особую актуальность приобретает самообучение команд, связанное, в частности, с таким их параметром, как степень однородности ролевого состава, а именно гомо- и гетерогенность ролевого состава команд.

В проведенном нами исследовании изучалась способность команд к самообучению в зависимости от их ролевого состава. Полученные в ходе исследования результаты говорят о том, что гетеро- и гомогенные команды обучаются качественно по-разному. Обучение гомогенных команд характеризуется равномерностью и постепенностью. Приобретая опыт, они повышают свою эффективность. Напротив, в результатах гетерогенных команд отмечен «эффект потолка». Он проявляется в том, что в начале работы они показывают высокий результат, а далее их продуктивность снижается. Можно сказать, что они обучаются с первой секунды, а дальше уже не развиваются.

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

О психологическом изучении лидеров террористических групп

В.Ф. Енгальчев (Калуга)

Среди направлений деятельности юридического психолога, как специалиста в сфере психологического обеспечения правоохранительной деятельности, особое место занимает разработка методов и средств противодействия деятельности лидеров преступных групп и движений. Организационно-методически они слагаются в направление, обозначаемое как психология расследования. Профессиональная работа психолога при этом включает в себя два основных блока: психодиагностический и интеракционный. Первый из них тесно связан с методом профайлинга (profiling), ставшим широко известным благодаря деятельности Центра исследований поведения ФБР, особенно после работ Douglas, Geberth, Holmes, Ressler и других, где этот термин был использован для описания системы «вычисления» неустановленных преступников (как правило, серийных убийц и насильников) по следам, оставленным ими на сцене преступления.

Но еще до Первой мировой войны сотрудники политической полиции и контрразведки различных европейских стран приобрели огромный опыт изучения лидеров этнических и международных террористических организаций, главным оружием деятельности которых было преступное насилие. В то время этот опыт включал в себя лишь некоторые элементы психологического описания и экстраполирования поведения на перспективу.

Во время Второй мировой войны, сотрудник УСС (OSS) Langer работал над созданием психологического портрета (profile) Адольфа Гитлера и других руководителей Третьего рейха для лучшего понимания мотивов и структуры их поведения, а в последующем — возможного управления этими людьми путем подачи личностно значимых сигналов, информации, специально организованных воздействий (Маркс Дж., 2003).

В Советском Союзе тоже велась аналогичная работа, хотя большую известность приобрела не уголовная тематика, а политическая — изучение с помощью дистанционной психодиагностики ряда известных политиков Запада, а именно премьер-министра Японии Какуэя Танака, премьер-министра Индии Индиры Ганди, президента США Ричарда Никсона, а также турецкого террориста Агджи, совершившего покушение на Папу Иоанна Павла II (Маркс Дж., 2003). Имеются косвенные свидетельства того, что такого рода деятельность успешно осуществлялась и в отношении ведущих политиков СССР и России. Продолжается она и в настоящее время. В частности, психоаналитики ЦРУ в связи с событиями в Косово дистанционно изучали и пытались воздействовать на поведение югославского президента Слободана Милошевича (Engalytchev V.F., 1999).

Таким образом, можно говорить о том, что в психологии расследования исторически сложились три метода психологического изучения личности, имеющие общий объект исследования, но различающиеся по целям и задачам, предметом и техниками. Удобно обозначить их следующим образом:

- 1) контактная психодиагностика, или контактное профилирование (contact profiling). Составление психологического портрета личности при непосредственном взаимодействии с ней (по сути, классическая психодиагностика);
- 2) следовая психодиагностика, или следовое профилирование (trace profiling). Составление психологического портрета личности по следам ее жизнедеятельности (жилище, личные вещи, объекты воздействия и пр.);
- 3) дистанционная психодиагностика, или дистанционное профилирование (distance profiling). Опосредованное изучение личности с помощью аудиовизуального наблюдения, изучения фото- и кинодокументов, анализа аутентичных текстов речи, опроса близких людей, использования техник косвенного допроса и косвенного тестирования и пр.

В силу небольшой представленности дистанционной психодиагностики в публикациях, остановимся на ней чуть подробнее. Необходимо при этом указать на возможность ее успешного применения в правоохранительной сфере, особенно в борьбе с организованной преступностью и терроризмом. В частности, имеется целый ряд случаев, когда, несмотря на необходимость определения психологического портрета лидеров преступных сообществ, их нецелесообразно или невозможно в силу тех или иных причин подвергнуть допросу, не говоря уже о контактном психодиагностическом обследовании.

Параметры личности, доступные дистанционному изучению, могут быть выделены в несколько составляющих.

В первую очередь, это выделение шести основных групп симптомов функционального состояния, изменяющегося в согласии с внешними ритмами (гелио-, гео-, физ-, био-): общего самочувствия, специфических изменений самочувствия со стороны отдельных систем организма, уровня общей активности, изменений мотивации, эмоционального фона деятельности, особенностей выполнения трудовых операций.

Далее, индивидуально-типологические особенности личности, связанные с силой, подвижностью и уравновешенностью нервных процессов, что обнаруживается по поведенческим реакциям, наиболее часто повторяющимся в процессе профессиональной деятельности и в личной жизни.

Об особенностях мотивационно-волевой регуляции свидетельствуют данные о направленности поведения личности, значимости для индивида тех или иных объектов, об их месте в структуре его профессиональной деятельности и периоде свободного времени, о том, что входит и что не входит в зону его актуального сознания, об энергетических ресурсах, выделяемых на достижение определенных целей.

Знание об особенностях интеллектуальной сферы формируется на основе ответов на поставленные и не поставленные вопросы и задания, «рассыпанные» в косвенных тестах и опросниках. Особый интерес вызывают фиксируемые расхождения между демонстрируемым имиджем личности и реально обнаруживаемыми психологическими чертами.

Но составление психологического портрета личности, безусловно, не является самоцелью. Психодиагностический блок необходим для понимания того, каким образом и с помощью каких методов возможно мотивировать изучаемое лицо на решения и поступки, позволяющие успешно решать задачи правоохранительной деятельности. В частности, становящиеся известными общественности случаи задержания и ликвидации лидеров террористического подполья, как правило, происходили благодаря профессиональной работе юридических психологов. Отсюда, усиление внимания к развитию юридической психологии является необходимым условием повышения уровня защищенности личности, общества и государства в условиях интеллектуально совершенствующейся террористической опасности.

Криминальное психологическое воздействие и психическое насилие: психологическая и правовая традиции исследования

М.В. Кроз, Н.А. Ратинова (Москва)

Ключевым понятием, используемым в уголовном праве при анализе различных форм деструктивного влияния, оказываемого преступником на потерпевшего, является *психическое насилие*. Формула «с применением насилия или угрозой его применения» фигурирует в качестве квалифицирующего признака во многих статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом в законе не указано, имеется ли в виду психическое или физическое насилие.

В предыдущие годы наиболее распространенным среди правоведов было узкое толкование психического насилия, сведение его к устрашению потерпевшего, угрозам в его адрес и в отношении его родных и близких, прежде всего, к угрозам физической

расправы (см.: Гаухман Л.Д., 1974; Левертова Л.А., 1978). В настоящее время этот подход подвергается критике. Так, например, Л.В. Сердюк (2002, с. 18) полагает, что ограничение психического насилия только угрозами причинения лицу физического вреда представляется неверным, т. к. оставляет за рамками правовой защиты граждан от множества других способов причинения им психических травм и незаконного воздействия на их волю. Помимо угроз автор предлагает отнести к психическому насилию и другие виды деструктивного воздействия на психическую сферу потерпевших.

Близкими к психическому насилию терминами в уголовном праве являются *принуждение* и *понуждение*. Так, в Общей части УК РФ специальная статья рассматривает вопросы уголовной ответственности в ситуации физического или психического принуждения лица (ст. 40 «Физическое или психическое принуждение»). Эти понятия фигурируют также в названиях и содержании ряда статей Особенной части УК РФ. Под ними понимается способ совершения преступления, связанный с физическим или психологическим насильственным воздействием на субъекта.

В целом все эти термины по своему содержанию охватывают лишь часть разновидностей деструктивного психологического влияния, оказываемого на жертву со стороны преступника. Вместе с тем адекватный понятийный аппарат, терминологическая точность необходимы, как при правовом, так и при психологическом анализе преступных деяний.

В русле психологической традиции наиболее общим и в настоящее время общепринятым термином, используемым для обозначения различных форм и видов влияния на людей, является понятие *психологического воздействия*. Его анализу посвящено большое количество работ (см., например, Ковалев Г.А., 1987; Кабаченко Т.С., 2000; и др.) Можно утверждать, что сейчас сложилось самостоятельное, динамично развивающееся направление психологических исследований — *психология воздействия*.

До последнего времени применение понятия психологического воздействия в праве и юридической психологии ограничивалось рассмотрением лишь воздействия, оказываемого сотрудниками правоохранительных органов на других лиц — как законопослушных граждан, так, в особенности, на правонарушителей (см., например: Ратинов А.Р., 2001, с. 195–206). Вместе с тем негативное, деструктивное воздействие может лежать в основе значительного числа преступлений, характеризовать способ их совершения или являться обстоятельством, смягчающим или отягчающим наказание. Подобное *криминальное психологическое воздействие* можно определить как антисоциальное по направленности и деструктивное по характеру психологическое воздействие, оказываемое преступником (преступниками) на потерпевшего (потерпевших). Такое воздействие может осуществляться не только в момент совершения преступления, но также и предшествовать ему, иметь длительный характер (Кроз М.В. и др., 2008, с. 44–45).

Использование психологической традиции изучения психологического воздействия, имеющей богатый опыт исследования, для анализа широкого круга преступных деяний позволит глубоко исследовать механизм противоправного деяния, вскрыть его движущие силы, выявить обстоятельства, существенные для правовой квалификации деяния и индивидуализации ответственности. В рамках такого анализа психологическое воздействие должно рассматриваться в качестве родового понятия. Тогда психическое насилие будет выступать лишь как наиболее тяжелая, психотравмирующая форма воздействия на субъекта, реализуемого в рамках *императивной стратегии*, а принуждение и понуждение — как особые методы подобного императивного воздействия. Можно говорить и о необходимости формирования самостоятельного направления судебно-экспертных исследований — психологических экспертиз, в рамках которых анализируются содержание, особенности и последствия деструктивного психологического воздействия, оказанного на потерпевшего в ситуации совершения преступления.

К проблеме исследования психологии выбора девиантных и противоправных форм поведения

И.И. Лановенко (Киев)

Одной из доминирующих тенденций в современной юридической психологии и криминологии, в контексте создания новой, эффективной стратегии профилактики девиаций и преступлений, как наиболее общественно опасных их проявлений, есть разработка концептуальной проблемы психологии личностного выбора, являющегося основой при рассмотрении таких категорий как «способ жизни» и «ответственность».

Рассматривая выбор как универсальную категорию, одинаково распространенную на общественно полезное, нейтральное или общественно опасное поведение, психологов и криминологов, прежде всего, интересует, что является общим в его механизмах и, что обуславливает его девиантные формы. В этом плане тяжело согласиться с теми авторами, которые феномен общественно опасного поведения возводят исключительно к социальной патологии. Жизнь давно утверждает, что исследовательское внимание должно направляться не только на изучение негативных социальных условий, способствующих девиантному выбору (хотя это также важно), а и обратиться к внутреннему миру личности, детерминирующему реакции на влияние среды, так как, основываясь на работах Э. Фромма, в жизни нет другого смысла, кроме того, которым человек сам его наделяет.

Это значит, что объясняя истоки отклонений в поведении, необходимо определить какими представлениями относительно себя и окружающей действительности руководствуется личность, в чем заключается стратегия ее жизни, как она моделирует свое будущее, санкционируя тот или другой выбор. Исходным здесь является представление о выборе как реализованной свободе воли личности, в котором отражаются психологические необходимости ее жизни. Это способ и результат проявления своего «Я», путь к самосознанию и самовыражению своих личностных свойств. Будучи феноменом исключительно человеческого сознания, выбор всегда выходит за пределы конкретной ситуации в которой разворачивается поведение, определяя и определяясь опосредствованными жизненными запросами, отдаленными личностными перспективами, а потому, исследуя выбор девиантных форм поведения, следует, в первую очередь, обратиться к психологическим основам его детерминации будущим.

Будучи «открытой возможностью», которая постоянно стремится к самоосуществлению (Ш. Бюлер), морально-психологические истоки направленности личности нужно искать в особенностях отображения условий ее существования, соответствующей динамике психического состояния в зависимости от того, находит ли личность в деятельности свой «предмет» и удастся ли его воспроизвести. В поисковой ситуации в которой оказывается субъект, личностный выбор понимается как процесс и субъективно приемлемый результат самоопределения в условиях общественного пространства.

Традиционно психологические механизмы выбора видятся в характере взаимодействия всех компонентов деятельности и поведения личности – это процесс волевой (С.Л. Рубинштейн), апперцептивно-детерминированный (М.Я. Басов), начинающийся с актуализации побуждений, определения цели (как специфический познавательный прием), являющийся следствием борьбы доминирующих мотивов и принятие определенного решения, что представляет собой реализованную возможность выбора.

Однако сама по себе возможность выбора не является собственно реализованной свободой личности в перестройке «жизненного мира», потому, что альтернатива как основа выбора может быть и в пределах несвободы. Свобода заключается не в выборе как таковом, а в конкретных целях, которые достигаются с помощью его механизма. Поэтому цель должна рассматриваться как исходная, фундаментальная основа любого личностного выбора.

Детерминация поведения через мотивацию, отмечал С.Л. Рубинштейн, — это детерминация через значимость явлений для человека. Осмысливая свое жизненное пространство (согласно К. Левину под жизненным пространством понимается личность и ее окружение, как оно существует для этой личности) человек определяет ведущие и второстепенные мотивы деятельности, которые, в свою очередь, имеют ситуативный или опосредствованный, т. е. сформированный на основе выработки идеальных моделей событий, характер.

Цель по отношению к мотивации выбора выступает в форме «отображения потребностноговозможного» (Ю.М. Швалб) будущего. Она задает то или другое направление развертывания осознанной деятельности, определяет связь элементов ее структуры и содержит определенные критерии реализации. Именно от того насколько адекватно и как личность оценивает достигаемость поставленных целей зависит инструментальная составляющая направленность выбора. Целеполагание личности мы предлагаем рассматривать как сущностную субъективную основу реализации высших (ментальных) потребностей, как стремление к овладению «образом будущего» в соответствии с которым выстраивается вся система поведения и деятельности личности, приравненного к «стратегическому выбору» направления индивидуального существования.

Как отмечал К. Роджерс, если люди «функционируют полностью», если им ничего не мешает проявлять свою внутреннюю природу, их конфликты с окружающим миром и другими людьми, как правило, сводятся к минимуму. Однако в результате притеснения творческих желаний, в выборе чаще всего появляются агрессивно-деструктивные компоненты. Во многих случаях, девиантность, вплоть до совершения преступления, рассматривается как возможный путь преодоления жизненного кризиса, который[какой] является результатом, или приводит к конфликту между личностью и обществом, когда личность не может правомерно удовлетворить свои материальные, социальные притязания, а также психологические потребности в признании и самоутверждении.

Будучи процессом развития, выбор, как и само развитие, может быть прогрессивным и регрессивным. Как отмечал А. Маслоу, любой выбор является мудрым, если согласиться с существованием нескольких типов мудрости — мудрости самозащиты, мудрости развития и мудрости регресса. Индивидуальная целесообразность выбора обнаруживает себя даже тогда, когда осуществляются тяжкие преступления. Ю.М. Антонян (2001, с. 31), на материалах исследования насильственной преступности, обосновывал мысль о том, что нет случайных преступлений и случайных преступников, а преступное поведение внутренне закономерно и даже целесообразно для данного лица. Не ставя вопрос так безапелляционно, следует согласиться, что, если разногласие между фактической социальной ролью и уровнем притязаний представляется личности непреодолимым, то у нее остается путь, либо изменить вид деятельности, либо притязания, либо наоборот всяческими средствами их защищать. Выбор последнего нередко представляется личности более приемлемым, так как система притязаний характеризуется достаточной устойчивостью связанной с инерцией свойственной процессам сознания.

Выбор тактики поведения детерминируется представлениями о природе объекта конфликта, операционными возможностями. Причем, чем более ограниченные операционные возможности, тем более разрушительными могут быть действия, особенно, когда механизмы поведения патологически окрашены, например, операционный этап выбора свернут и доминирует ситуационно-импульсная, или аффектогенная, мотивация.

В целом же, в любом случае, в основе выбора любых форм сознательного поведения, всегда находится высшая человеческая потребность чувствовать себя эффективным, чувствовать себя источником изменений в окружающем мире, быть значимым для этого мира и для собственного бытия. И если поступок — это всегда явление, которое характеризует способ развертывания жизнотворчества личности, то ее направленность зависит от становления индивидуальных притязаний личности, которые опо-

средствують выбор на всех уровнях его осуществления: определение сверхзадачи бытия; формировании ценностно-мотивационных диспозиций, определяющих содержательную сторону выбора альтернатив самореализации; направления аффектированных актуальных потребностей самовыражения, возникающих соответственно конкретным жизненным обстоятельствам, в которых оказывается субъект.

Формируясь на пересечении индивидуального опыта, чувственного восприятия и познания окружающего мира, притязания личности, будучи потенциально направленными в будущее, являются проявлением, и в то же время, источником построения индивидуальности личности, очерчивая, в частности, «зону ее ближайшего развития», создавая психологическую основу поиска и выбора в овладении новыми средствами деятельности, видами поведения, как проявления процесса психологической адаптации – опережающего отражения действительности и целеполагания.

Представляется, что в ракурсе выше обозначенных аспектов психологии выбора девиантных и противоправных форм поведения раскрываются широкие возможности познания основных движущих противоречий личностного развития как на рефлексивном, так и социальном уровнях посредством системного анализа социально-психологических, субкультурных и других факторов трансформаций поведения личности.

«Автограф преступника» и его *modus operandi*: соотношение понятий

С. Менелау (Республика Кипр)

Важными психологическими индикаторами, с опорой на которые можно на стадии предварительного расследования решать задачу установления связи между преступлениями и причастности к их совершению одного лица, являются т.н. *modus operandi* (криминальный почерк) и «подпись» («автограф») преступника. Джон Дуглас и Коринн Манн (Douglas and Munn, 1992) считают, что существует три важные особенности поведения и действия преступника, следы которых можно обнаружить на месте преступления: 1) *modus operandi* (почерк, образ действия); 2) сигнатура – подпись (предметы, которые преступник оставляет на месте преступления или, наоборот, уносит с собой, а также какие-либо символические действия); 3) инсценировка (намеренное изменение места совершения преступления и следов до прибытия полиции).

Хотя как криминальное поведение в целом, так и отдельные действия в частности, уже включают в себе все особенности поведения преступника, т. е. сигнатура – подпись преступника и инсценировка уже фактически являются *элементами* *modus operandi*.

При осуществлении психологического подхода к исследованию «*modus operandi*» обращают на себя внимание различия в подходах криминолога, социолога или психолога. В частности, *modus operandi* для психолога представляет собой системокомплекс образа действия преступника, который включает в себя три модуса формирования человеческого организма: био, психо, социо. Отдельный след часто не имеет прямого криминального значения при расследовании преступления. Но общие психологические и клиничко-психологические аспекты рассмотрения преступления дают понимание характера преступного действия. Метод определения *modus operandi* является одним из важнейших средств расследования и криминалистической регистрации преступлений.

Опираясь на существование общей для внешней и внутренней деятельности макроструктуры, можно говорить о способности идеального оставлять свой «отпечаток» в материальной среде в виде комплексного, сугубо индивидуального поступка, зафиксированного в сделанных человеком (преступником) выбором на каждом этапе развивавшегося криминального события. Данный «след» не менее пригоден для идентификации личности преступника, чем дактилоскопический отпечаток, отсюда в основу расследования должны быть положены психологические принципы анализа криминального события.

Собственно термин *modus operandi* возник в Англии в 1913 г. и обозначает излюбленный, индивидуально обусловленный способ действия преступника. По природе своей человек является «рабом привычки» и часто склонен к рутинному, однообразному выполнению одинаковых действий, поэтому и поведение серийного преступника в сходных обстоятельствах совершения преступления носит повторяющийся стереотипный характер. Действия, попадающие под определение способа совершения преступления, являются необходимыми элементами, средствами достижения преступного результата. Их «расшифровка» по следам преступного поведения помогает распознать признаки личности преступника, установить механизм содеянного. Обнаружение сходства признаков способов совершенных в разное время преступлений позволяет судить о возможной криминальной активности одного и того же лица, а также соединять уголовные дела в одном производстве для более целенаправленного поиска преступника.

Однако криминальный почерк преступника может со временем изменяться, совершенствоваться. Поэтому специально для расследования серийных преступлений был предложен другой психологический индикатор – «автограф преступника», являющийся одним из элементов преступного почерка. В отличие от *modus operandi*, этот индикатор стабилен и не меняется на протяжении карьеры серийного преступника. Под понятие «автограф» попадают отдельные, специфические элементы или комплексы элементов поведения преступника, которые можно отнести к числу уникальных, неповторимых поведенческих черт. В некоторых случаях они входят в качестве элементов в систему способа совершения преступления.

С точки зрения достижения цели преступления автограф избыточен. Если *modus operandi* – это криминальные действия, необходимые для «дела» – совершения преступления то автограф – это криминальные действия, совершаемые «для души», для собственного эмоционального удовольствия или самовыражения. Различие между *modus operandi* и автографом не всегда заметно с первого взгляда. В то же время, эти различия не только ситуационные но и психологически мотивированные разными по глубине и интенсивности протекания психическими процессами. Отсюда, точное определение тех элементов поведения, которые следователь может обнаружить на сцене преступления – «автограф преступника» или его *modus operandi* – позволяет и определить более эффективную гипотезу о неустановленном преступнике и его психологическом портрете.

Психологические особенности комплексной пропаганды экстремизма

А.А. Оселков (Калуга)

Проблема противодействия экстремизму в России на настоящий момент – одна из приоритетных для государства. При этом для эффективного предотвращения экстремистской деятельности необходимо своевременное вмешательство правоохранительных органов, пресечение рецидива, контроль условий, в которых данные правонарушения могут проявиться. Фактически для суда отделение материалов, возбуждающих социальную вражду от любых других во многих случаях затруднительно и требует участия экспертов, обладающих специальными научными знаниями, что отмечено законодательно.

Чтобы помочь суду в установлении, является ли публикация конкретных материалов экстремистской деятельностью, необходимо раскрыть психологическую составляющую воздействия автора на аудиторию (в зависимости от ситуации, например, читательскую).

Создание установок у аудитории само по себе не является эффективным для самого экстремиста. Это обусловлено тем, что установки являются психическими образованиями, и, как и любые нематериальные явления, характеризуются динамич-

ностью, т. е. способны меняться под влиянием условий. Соответственно, для эффективного функционирования *формирование* установок негативного характера должно на практике сопровождаться *подкреплением* этих установок. Два данных направления деятельности чаще встречаются в едином комплексе, однако в ряду случаев могут быть разделены и соответствовать *прямой пропаганде* и *косвенной пропаганде*.

Прямая пропаганда – создание определенных установок у аудитории. *Косвенная пропаганда* – подкрепление установок у аудитории. В этом смысле она возможна как совместно с прямой (наиболее распространенный вариант), так и отдельно, причем в двух вариантах.

Первый: аудитория не обладает образами, которые подкрепляет автор. Косвенная пропаганда будет только дополнением к прямой. Если же последняя отсутствует, а в сознании воспринимающих информацию нет образа, который должен подкрепляться, соответственно, данная информация никакого отношения к пропаганде иметь не будет. Т. е. в данном случае, даже если косвенная пропаганда доказана, значимого воздействия на аудиторию она не окажет.

Второй вариант: аудитория уже обладает искомыми образами, установлены связи между образами определенных групп и образами действий. Воздействие, оказываемое автором, усиливает эти связи, увеличивает интенсивность установки, актуализацию потребностей, входящей в ее состав. В итоге воздействие актуализирует экстремистские установки.

Определение границ аудитории является необходимым для определения, имеются ли у нее искомые установки и потому должно включаться в исследовательскую часть работы эксперта.

Чаще всего на практике встречается одновременное осуществление прямой и косвенной пропаганды экстремизма. В связи с комплексностью его структуры, данный вид обозначается как *комплексная пропаганда*.

Особенности установления психологического контакта при допросе несовершеннолетних правонарушителей

Е.В. Стрельцова (Саратов)

Уголовно-процессуальное законодательство, регламентируя допрос лица, привлеченного в качестве подозреваемого, обвиняемого, определяет лишь формальные отношения между следователем и допрашиваемым путем предоставления его участникам определенных полномочий, которые способствуют получению показаний при общении в условиях строгого соблюдения законных прав допрашиваемых. Чтобы эти отношения приводили к конечной цели общения – получению правдивых показаний, необходимо придать процессуальной коммуникации высокую степень приспособляемости участников допроса друг к другу для сохранения и развития процесса активного взаимодействия на основе учета психологических особенностей субъекта допроса, его реальных интересов в ситуации допроса, т. е. установить психологический контакт.

Психологический контакт в следственной практике можно определить как создание благоприятных условий для взаимоотношений следователя с участниками допроса, характеризующихся стремлением следователя достичь и поддерживать общение в целях получения правдивых показаний об имеющих отношении к делу обстоятельствах.

Психологический контакт – это профессиональное (деловое, ролевое) общение следователя с допрашиваемым. Как и в любом другом виде профессионального общения, в общении следователя можно выделить два варианта по целям установления психологического контакта. Во-первых, это контакт, направленный на взаимодействие между людьми (например, в ходе допроса следователь помогает несовершеннолетнему путем анализа происшедшей ситуации припомнить какие-либо обстоятельства, ранее

им восприняты). При втором варианте – контакт направлен на то, чтобы повлиять на самих людей (например, с помощью методов психического воздействия изменить ценностные ориентации подростка, изменить мотивы, направленные на дачу ложных показаний). Особенность установления психологического контакта с несовершеннолетними правонарушителями заключается в том, что в ходе подобного общения происходит слияние этих вариантов.

В связи с тем, что допрос, с одной стороны, – это процесс профессионального общения, в нем нашли свое отражение все аспекты делового общения: перцептивный (восприятие людьми друг друга), коммуникативный (заинтересованность в обмене информацией) и интерактивный (взаимодействие).

Перцептивная сторона установления психологического контакта с несовершеннолетним правонарушителем включает в себя процесс взаимного оценивания. Взаимное оценивание и создание на его основе первого впечатления играет важную роль в процессе общения с несовершеннолетним. Во-первых, потому, что, познавая другого, формируется и сам подросток. Во-вторых, потому, что от меры точности «прочтения» самого подростка зависит успех организации с ним согласованных действий, успех в проведении дальнейших следственных мероприятий. Перцептивная сторона приобретает огромное значение при установлении психологического контакта с несовершеннолетними преступником, так как подростки очень чутко реагируют как на внешний вид людей, так и на их стиль и манеру одеваться, на их жесты, мимику, пантомимику, на интеллектуальные способности и возможности. Результатом взаимного оценивания является принятие подростком решения о вступлении в общение со следователем или отказ от него. Внутренние критерии, отвечающие за принятие подростком решения, формируются только к 18–21 году, а, следовательно, объективно принять решение и сделать какой-либо серьезный выбор ребенок самостоятельно не может. И здесь на помощь и следователю, и подростку приходит привлеченный к участию в допросе психолог или педагог, который сглаживает внутренние противоречия подростка в отношении следователя, в отношении своего дальнейшего поведения. Путем рефлексивного управления он помогает ребенку сделать выбор исходя из его личностных особенностей и ситуации, в которую он попал. Но встречаются ситуации, когда ни следователь, ни специалист не могут разрушить недоверие, равнодушие и подозрительность подростка, т. е. возникает психологический барьер. Можно определить следующие приемы нейтрализации психологических барьеров, которые могут быть использованы следователем при допросе несовершеннолетних.

1. Правило накопления согласий (Прикладная юридическая психология, 2001, с. 374). Данный прием заключается в изначальной постановке таких вопросов подростку, на которые он естественным образом отвечает «да». Тактика применения данного приема заключается в том, чтобы начинать с простых, безобидных, «нейтральных» вопросов, которые не вызывают тревоги у подростка и на которые, кроме «да», никак ответить нельзя. Постепенно вопросы усложняются, приближаясь у сути обсуждаемой проблемы.

2. Демонстрация общности взглядов, оценок, интересов по некоторым вопросам (там же, с. 374–375). Психологическому сближению с несовершеннолетним допрашиваемым способствует отыскание и подчеркивание всего общего между ним и следователем, протягивание личностных связей между ними, приводящих к их временному сближению, обособлению от всего окружающего мира (к образованию диады «мы»).

3. Психологическое поглаживание (там же, с. 375) представляет собой признание следователем положительных моментов в поведении и личности несовершеннолетнего правонарушителя, наличие правоты в его позиции и словах, выражение этого понимания.

Вторая стадия – коммуникативная – это стадия взаимной заинтересованности, в том числе и передаваемой информации, стадия накопления согласий. Со стороны подростка – это интерес не только к своей участи, но и к следователю, как к человеку, к

самой следственной работе. Задача следователя на данном этапе формирования психологического контакта состоит в том, чтобы обнаружить систему ценностей несовершеннолетнего и через нее воздействовать на мировоззрение и убеждения ребенка, добиваясь переосмысления и переориентации этих ценностей. Здесь большую роль играет осведомленность следователя о жизни подростка, о его привычках, об отношениях с товарищами, друзьями, родителями. Если ребенок будет чувствовать интерес к себе, к своей жизни, у него не останется сомнений в том, что он не один в сложной жизненной ситуации, чт. е. люди, кроме родителей, которые могут и, самое главное, хотят помочь ему.

Третья стадия установления психологического контакта — это синтез рациональных умозаключений, эмоциональных впечатлений, наложение прошлого опыта на собственные намерения по отношению к партнеру и создание так называемого «динамического» образа. Его составляют одиночные представления о другом человеке как обладателе социально-ролевых и индивидуально-личностных черт, делающие его пригодным или непригодным для общения в данных условиях. Данная стадия — интерактивная сторона психологического контакта. Она заключается в организации взаимодействия между следователем и подростком, т. е. в обмене не только определенной информацией, идеями, но и действиями. Это стадия, на которой возникает общность «мы» между следователем и подростком. Данная стадия хотя и является обязательной при общении, но, исходя из процессуальных особенностей, ограничивается использованием слов типа: «мы вместе», «ты и я», «мы вдвоем», «мы одни» и т. д. Нельзя скупиться на слово «мы», подчеркивая близость и доверительный характер общения. Использование такого приема позволяет подростку чувствовать себя защищенным со стороны взрослых людей, не дает ему возможности думать об одиночестве.

Предложенная модель установления психологического контакта не противоречит основам социальной психологии и полностью соответствует целям и задачам допроса несовершеннолетних правонарушителей. В ней прослеживаются все элементы динамики развития и прохождения психологического контакта (от первого знакомства до взаимодействия в целях получения правдивых показаний), а основным условием эффективности модели является поэтапность и взаимозависимость лежащих в ее основе стадий.

Особенности обучения юристов использованию судебно-психологической экспертизы

А.Л. Южанинова (Саратов)

В последние годы отечественные высшие учебные заведения все большее внимание уделяют обучению юридической психологии как студентов-психологов, так и студентов, получающих образование по другим специальностям. Практика показывает, что все чаще образовательные услуги в рамках подготовки по юридической психологии стремятся получить практикующие юристы. Это может свидетельствовать как о растущем интересе к психологии вообще, так и о том, что правоприменительная практика настоятельно диктует необходимость в применении специальных психологических знаний в рамках уголовного и гражданского судопроизводства, а также производства по делам об административных правонарушениях.

Ведущей формой использования специальных знаний в области психологии при осуществлении российского судопроизводства является судебно-психологическая экспертиза (СПЭ), что обуславливает ее важное значение в правоприменительной практике. А это, в свою очередь, требует подготовки квалифицированных кадров (следователей, адвокатов, судей), разбирающихся в вопросах назначения и проведения данной экспертизы, а также оценки ее результатов.

Во всех учебниках по юридической психологии существуют разделы, посвященные СПЭ. На наш взгляд, на сегодняшний день в учебной литературе не достаточно

четко проводится дифференциация проблем СПЭ, на которых должен быть сделан акцент при обучении будущих судебных психологов экспертов и будущих юристов.

Природа СПЭ достаточно сложна. В правоприменительной практике она проводится как специфическое процессуальное действие, регламентированное действующим законодательством, и используется в качестве доказательства по уголовным, административным или гражданским делам. В общей теории судебной экспертизы она выступает как класс в системе судебных экспертиз. Названные аспекты имеют правовую природу, и их более углубленное изучение целесообразно при подготовке будущих юристов. Анкетирование следователей и судей показало, что не все из них различают особенности психиатрической и психологической судебных экспертиз, имеют представление о поводах назначения СПЭ, способны грамотно и правильно сформулировать экспертные вопросы для установления обстоятельств, имеющих психологическую природу и подлежащих доказыванию, оценить научную обоснованность судебно-психологического экспертного заключения и полученных экспертных выводов. В этой связи изучению именно данного круга проблем важно уделить особое внимание в процессе обучения будущих (или практикующих) юристов.

Профессиональная подготовка юристов в области судебно-психологической экспертологии предполагает изучение теоретических основ СПЭ, которое должно осуществляться в неразрывной связи с изучением практики назначения, производства, оценки и использования результатов различных видов СПЭ. Кроме того, необходимо формирование у обучающихся навыков использования СПЭ в судопроизводстве.

Эффективными средствами, позволяющими студентам закреплять знания, полученные в области судебно-психологической экспертологии в ходе чтения лекций и проведения семинарских и практических занятий по юридической психологии, и формировать навыки использования полученных теоретических знаний, являются активные формы обучения. Они призваны выработать у студентов навыки самостоятельного принятия решений о производстве СПЭ, а также сформировать у них умения оценивать качество проведенных СПЭ. Преимущества активных форм обучения состоит в том, что при их применении использование теоретических знаний наиболее приближено к реалиям практики.

В силу указанных преимуществ активные формы обучения применению СПЭ по уголовным, административным и гражданским делам делают возможным более глубокое изучение:

- наиболее актуальных теоретических и практических проблем современной судебно-психологической экспертологии как специальной дисциплины;
- особенностей предмета, методов и системы СПЭ, основных тенденций ее развития;
- возможностей современной психологии при решении проблем квалификации групповых преступлений, преступлений с использованием психического насилия, а также преступлений по возбуждению вражды по национальным или религиозным признакам.
- психолого-правовых характеристик аффекта, беспомощного состояния, отставания несовершеннолетнего в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством.

Одной из эффективных активных форм обучения является деловая игра и ее разновидность – ролевая игра. Ее применение при изучении указанных вопросов осуществляется нами по следующей методике.

Для проведения игры требуются: фабулы конкретных уголовных дел (5–10 вариантов, предполагающих назначение экспертизы высказываний экстремистского характера, аффекта, отставания несовершеннолетнего в психическом развитии, беспомощного состояния потерпевших, предсуицидального состояния) или фабулы гражданских дел (о возмещении морального вреда, о сделках с пороками воли, о защите чести и

достоинства); постановления и определения о назначении СПЭ; тексты заключений судебных экспертных исследований (психологических, психиатрических, комплексных психолого-психиатрических и психологолингвистических).

Сценарий игры следующий. Все участники игры разбиваются на группы по 3–5 человек. Каждой созданной группе дается один вариант, по которому игроки выделяют обстоятельства, подлежащие доказыванию с помощью СПЭ. В их задачи входит сформулировать экспертное задание и обосновать его.

Далее следуют выступления представителей от каждой группы с выработанными решениями и их оценка остальными участниками игры. После этого формируются окончательные варианты заданий. Затем они сравниваются с заданиями, которые представлены в реально выполненных постановлениях следователей и определениях судей. Выясняются ошибки или недостатки экспертных заданий, подготовленных участниками игры, а также экспертных заданий из постановлений о назначении экспертиз. Дается обоснование сделанным выводам.

Следующий шаг – ознакомление подгрупп с экспертными заключениями, соответствующими конкретным фактам. По результатам работы групп должны быть выявлены недостатки представленных экспертных заключений. Полученные выводы и их обоснование докладывается участникам игры.

Заключительный этап – обсуждение результатов и подведение ведущим итогов игры, доведение до сведения обучающихся вывода о готовности учебной группы к занятию в целом, а также о степени подготовленности каждого из участников.

Использование этой и других подобных методик может способствовать приобретению обучающимися навыков составления экспертного задания и оценки представленных судебно-психологических экспертиз.

Однако достижение высокой эффективности в использовании активных форм обучения возможно только в том случае, когда эти формы соответствуют особенностям обучающихся. При использовании различных активных форм обучения необходимо ориентироваться не только на особенности характера получаемых знаний, но и учитывать индивидуально-личностные качества обучаемых.

Так, экспериментальные исследования показали, что для интровертов и экстравертов эффективными будут различные формы обучения. К примеру, экстраверты наиболее полно смогут реализовать свой личностный потенциал именно при проведении деловых игр, в то время как для интровертов более приемлемой и комфортной будет самостоятельная работа при написании докладов, рефератов, курсовых работ. Поскольку в одной учебной группе, как правило, обучаются как экстраверты, так и интроверты, то применение различных форм обучения должно быть построено по принципу чередования отдельных элементов разнообразных форм обучения, а также посредством их сочетания.

В связи с этим в перспективе развития методики преподавания теоретических основ и вопросов практического применения СПЭ по уголовным, административным и гражданским делам важное место занимает поиск и разработка новых активных форм обучения, которые могли бы быть использованы в сочетании с традиционными формами обучения или же содержали в себе элементы традиционных форм, а также были ориентированы на обучающихся, обладающих различными личностными особенностями.

В настоящий период в отечественной образовательной системе проводится большая работа по созданию и совершенствованию единых унифицированных образовательных стандартов для подготовки будущих юристов. Вместе с тем, важно заметить, что практикующие юристы в своей деятельности сталкиваются с решением не только стандартных профессиональных задач, алгоритм решения которых известен, но и новых, теория и методика которых еще окончательно не сформированы. В этой связи актуальной представляется концепция вузовской и послевузовской подготовки В.Ф. Енгальчева, основывающаяся на психологической модели профессиональной компетентности специалиста

в соответствии с теорией «перспективного образования», ориентированная не только на требования сегодняшнего дня, но и предвосхищающая запросы правоприменительной деятельности в будущем.

ТОМ 3. СОДЕРЖАНИЕ

Секция «Психология саморегуляции профессиональной деятельности в инновационной организационной среде»	3
О психологическом сопровождении жертв техногенных катастроф	3
<i>Е.А. Аксенова (Москва)</i>	
Гендерные особенности саморегуляции лиц с различными типами функциональной асимметрии мозга	5
<i>Д.С. Бурдаков (Курск)</i>	
Исследование субъективных представлений о лени	7
<i>Я.И. Варваричева (Москва)</i>	
Особенности механизмов психологической защиты подростков с деструктивным поведением	9
<i>С.В. Горбатов, Т.В. Шелонина (Санкт-Петербург)</i>	
Юмор как проблема саморегуляции	11
<i>И.С. Домбровская (Гродно)</i>	
Особенности стрессовых состояний медицинских работников – участников ликвидации последствий аварии на Саяно-Шушенской ГЭС	12
<i>А.А. Качина (Москва)</i>	
Психологическая саморегуляция состояния психологов в период внедрения программ психологической помощи пострадавшим в аварии на Саяно-Шушенской ГЭС	15
<i>А.С. Кузнецова, Т.А. Злоказова (Москва)</i>	
Саморегуляции и самореализации	17
<i>Л.В. Кузь (Санкт-Петербург)</i>	
Семантический инвариант деятельности в контексте регуляции отношений субъекта с внешним миром	19
<i>Р.М. Кумышева (Нальчик)</i>	
Иерархическая модель анализа организационного стресса и риск-факторы для психического здоровья персонала	21
<i>А.Б. Леонова (Москва)</i>	
Организация психологической помощи населению в результате аварии на Саяно-Шушенской ГЭС	24
<i>О.Ю. Осинкина (Черемушки)</i>	
Эмоциональный интеллект и стратегии совладания как компоненты системы саморегуляции личности	26
<i>М.И. Полянина (Москва)</i>	
Лонгитюдное исследование особенностей саморегуляции у детей с перинатальной энцефалопатией	27
<i>Е.О. Седова (Москва)</i>	
Психологические аспекты саморегуляции педагогического взаимодействия	30
<i>Т.Г. Фомина (Москва)</i>	
Особенности развития психомоторики детей 9–10 и 12–13 лет	31
<i>А.В. Цветков, Л.Ф. Хохлина (Москва)</i>	
Ресурс времени жизнедеятельности профессионалов при инновационном развитии организации	33
<i>М.Ю. Широкая (Москва)</i>	

Стресс-менеджмент как фактор повышения эффективности деятельности организации	35
<i>Ю.В. Щербатых (Воронеж)</i>	
Секция «Дифференциальная психология»	37
Различающееся родительское отношение и его влияние на когнитивное и личностное развитие сиблингов	37
<i>О.С. Алексеева, И.Е. Козлова, О.В. Баскаева (Москва)</i>	
Художественно-изобразительные способности подростков: индивидуально-типологический анализ	39
<i>Е.В. Арцишевская, М.К. Кабардов, А.А. Мелик-Пашаев (Москва)</i>	
Структура субъектности как социокультурного явления и квинтэссенции индивидуальности	41
<i>Н.Я. Большунова (Новосибирск)</i>	
Различия в школьной успеваемости: поиск причин индивидуальных различий	44
<i>М.С. Егорова, О.В. Паршикова (Москва)</i>	
Природная обусловленность индивидуальных различий коммуникативных способностей	44
<i>З.З. Жамбеева (Москва)</i>	
Вопросы компьютеризации психодиагностики	47
<i>В.Г. Зархин (Москва)</i>	
Индивидуальный защитный стиль: построение эмпирической модели	49
<i>Н.В. Калинина (Москва)</i>	
Гендерные факторы опознания и интерпретации эмоций	51
<i>Е.В. Латушкина (Новосибирск)</i>	
Теоретические и практические аспекты изучения категории «Я-образ» личности (на примере студентов-музыкантов)	51
<i>Е.С. Петенева (Новосибирск)</i>	
Индивидуально-психологические особенности музыкальности	54
<i>А.В. Торопова, А.К. Беданокова, К.Н. Василевская, И.Н. Симакова (Москва)</i>	
Влияние фактора возраста родителей на академическую успеваемость близнецов ...	56
<i>Ю.Д. Черткова, Н.М. Зырянова, С.Д. Пьянкова (Москва)</i>	
Секция «Психофизиология»	58
Электроэнцефалографические показатели количества активных функциональных систем при категоризации слов	58
<i>Б.Н. Безденежных (Москва)</i>	
Отражение в параметрах событийно-связанных потенциалов близнецов актуализации мотивации достижений	59
<i>Е.В. Воробьева (Ростов-на-Дону)</i>	
Отражение в ЭЭГ субъективной и объективной специфики протекания эмоциональных процессов	62
<i>И.А. Горбунов, А.А. Меклер, П.С. Маркина (Санкт-Петербург)</i>	
Активность специализированных нейронов в первых реализациях сформированных обучением новых элементов индивидуального опыта	64
<i>А.Г. Горкин (Москва)</i>	

Влияние психофизиологических и психологических особенностей участников полиграфных проверок на характер проявления информативных признаков реакции на ситуационно значимый стимул	66
<i>И.С. Дикий (Ростов-на-Дону)</i>	
Психофизиологические особенности произвольного внимания у студентов с разной степенью ювенильности	68
<i>К.И. Павлов, В.Г. Каменская Л.В. Томанов (Санкт-Петербург)</i>	
Анализ интенсивности и ориентации зрительного стимула и взаимодействия этих атрибутов в наружном коленчатом теле кролика по данным вызванных потенциалов	70
<i>В.Б. Полянский, Д.Э. Альмукулов, Д.В. Евтихин, Е.Н. Соколов (Москва)</i>	
Связь параметра «ювенильность» с психологическими признаками человека	72
<i>Л.А. Рудкевич (Санкт-Петербург)</i>	
Нейронное обеспечение поведения и история его формирования: нейрогенетический подход	73
<i>О.Е. Сварник (Москва)</i>	
История обучения как фактор, влияющий на нейронное обеспечение поведения ...	74
<i>А.А. Созинов, Ю.В. Гринченко, С.А. Казымаев (Москва)</i>	
Условия влияния дневного сна на декларативную память	75
<i>Ю.В. Украинацева, В.Б. Дорохов (Москва)</i>	
Секция «Осцилляторная активность мозга и когнитивные процессы» в рамках направления «Психофизиология»	76
Роль пейсмекерных осцилляций в формировании реакции последствия	76
<i>Т.Н. Греченко (Москва)</i>	
Частотно-селективные генераторы осцилляторной активности мозга как механизм управления процессами внимания	76
<i>Н.Н. Данилова (Москва)</i>	
Механизмы локального пейсмекерного ритмогенеза и его роль в инициации произвольных движений	79
<i>А.Г. Сухов, Л.А. Беличенко, А.К. Логвинов, Л.В. Лысенко, Т.С. Сердюк, М.В. Скорнякова (Ростов-на-Дону)</i>	
Роль пейсмекерных механизмов в синхронизации активности и интеграции функционально различных сетевых локусов в искусственных кортикоморфных нейронных сетях	81
<i>В.А. Филиппов (Тюмень)</i>	
Ионные механизмы пейсмекерной активности нейронов	83
<i>Л.К. Хлудова (Москва)</i>	
Секция «Психология агрессии»	84
Агрессивность при психической патологии	84
<i>А.А. Абрамова (Москва)</i>	
Негативные и позитивные аспекты агрессивности	85
<i>Л.Я. Дорфман, Е.Г. Шестакова (Пермь)</i>	
Аутоагрессия и копинг-стратегии у лиц юношеского возраста	87
<i>С.Н. Ениколопов, А.Г. Ефремов (Москва)</i>	
Исследование агрессивности и враждебности в структуре эндогенных заболеваний ...	89
<i>С.Н. Ениколопов, С.О. Кузнецова (Москва)</i>	

Аутоагрессия у лиц, переживших сексуальное злоупотребление в детском возрасте	91
<i>А.Г. Ефремов, С.Н. Ениколопов (Москва)</i>	
Адаптация методики диагностики межличностных проблем (ИР-64) на российской выборке	93
<i>А.Г. Ефремов, А.И. Цапенко, С.Н. Ениколопов (Москва)</i>	
Проявления конфликтоустойчивости студентов младших курсов	95
<i>А.С. Кашапов (Ярославль)</i>	
Перспективы психологического изучения типологии серийных сексуальных убийц ..	97
<i>О.А. Логунова, Н.В. Дворянчиков (Москва)</i>	
Адаптация методики для выявления мотивационных особенностей футбольных болельщиков	99
<i>Н.В. Марущак, С.Н. Ениколопов (Москва)</i>	
Опыт использования многочертного-многометодного анализа для валидации опросника «Многофакторное исследование толерантности»	101
<i>О.В. Митина, Ю.Д. Бабаева, П.А. Сабадош (Москва)</i>	
Адаптация на русскоязычной выборке методик исследования отношений к смерти и страхов смерти	102
<i>К.А. Чистопольская (Москва)</i>	
Интолерантность к неопределенности у подростков с девиантным поведением	105
<i>В.А. Ясная (Москва)</i>	
Секция «Психология посттравматического стресса»	108
Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций как фактор совладающего поведения	108
<i>Е.В. Битюцкая (Москва)</i>	
Трансформация временной перспективы в экстремальной ситуации	109
<i>О.Г. Квасова (Москва)</i>	
Взаимосвязь переживания травматического события и отношения к окружающему миру у студентов	111
<i>А.В. Литвинова (Москва)</i>	
Темпоральная трактовка феномена экстремальности	113
<i>Д.М. Магомед-Эминова (Москва)</i>	
Влияние экзистенциальной стойкости на переживание травматического опыта детьми	114
<i>О.И. Магомед-Эминова (Москва)</i>	
Образ террористов как симптом РТСР жертв и исполнителей теракта в Беслане	114
<i>А.И. Ташева (Ростов-на-Дону)</i>	
Психологические характеристики посттравматического роста личности после утраты близкого человека	116
<i>М.В. Твардовская (Москва)</i>	
Системный подход к управлению стрессами	118
<i>Ю.В. Щербатых (Воронеж)</i>	
Секция «Клиническая психология»	120
Особенности телесного опыта младших школьников с разными типами межполушарной организации мозга	120
<i>О.В. Акимова (Москва)</i>	

Психологический анализ игровых перевоплощений у детей с расстройствами аутистического спектра	122
<i>М.К. Бардышевская (Москва)</i>	
Использование метода качественного анализа при интерпретации результатов теста Розенцвейга	124
<i>М.Г. Виноградова, А.Л. Рыжов (Москва)</i>	
Особенности когнитивной сферы у больных гипертонической болезнью	127
<i>А.П. Горлова (Москва)</i>	
Психический дизонтогенез и клиническая психология развития: проблемы и задачи	128
<i>Н.В. Зверева, И.Ф. Рощина (Москва)</i>	
Своеобразие пространственно-временного континуума у школьников с ЗПР	131
<i>О.Л. Курчигина (Санкт-Петербург)</i>	
Проблемы изучения чувств вины и стыда в клинической психологии	133
<i>И.К. Макогон, С.Н. Ениколопов (Москва)</i>	
Потенциал концепции зависимой личности: вопросы современной аддиктологии ..	136
<i>Т.А. Мардасова (Барнаул)</i>	
К вопросу о структуре нейропсихологического диагноза	138
<i>Ю.В. Микадзе (Москва)</i>	
Субъективные представления о болезни как феномен обыденного сознания	140
<i>А.С. Нелюбина (Москва)</i>	
Групповая и индивидуальная танцевальная психотерапия больных шизофренией в условиях психоневрологического стационара и диспансера	141
<i>Н.Ю. Оганесян (Санкт-Петербург)</i>	
Страх оценивания в оценивающем мире как форма культурной патологии	143
<i>О.А. Сагалакова (Барнаул)</i>	
Формы агрессии у больных с впервые выявленным туберкулезом легких	145
<i>Н.Н. Сиресина, В.В. Стрельцов (Москва)</i>	
Особенности нарушения памяти у больных туберкулезом легких	147
<i>В.В. Стрельцов, Н.Н. Сиресина (Москва)</i>	
Онтогенетические факторы гомосексуальной ориентации	150
<i>К.Ю. Телешева (Москва)</i>	
Проблема образа-представления в современной нейропсихологии и восстановительном обучении	152
<i>Л.С. Цветкова, А.В. Цветков (Москва)</i>	
Факторно-аналитическое исследование нарушений мышления при шизофрении в рамках информационного подхода	154
<i>Т.В. Чердникова (Санкт-Петербург)</i>	
Секция «Консультативная психология»	157
«Языковая личность»	157
<i>М.В. Бороденко (Москва)</i>	
Консультативная психология как научная специальность	159
<i>Ф.Е. Василюк (Москва)</i>	
Классическая психодрама как духовная практика	161
<i>И.Б. Гринштун (Москва)</i>	
Консультативная психология и психотерапия: 30 лет спустя	163
<i>А.Ф. Копьев (Москва)</i>	

Психологическая помощь как практика заботы	165
<i>М.Ш. Магомед-Эминов (Москва)</i>	
«The Work», или Диалоги Байрон Кэти	168
<i>А.П. Наминач (Москва)</i>	
Предмет и проблемы консультативной персонологии	170
<i>В.А. Петровский (Москва)</i>	
Психотерапевтический процесс: запросы и стратегии	173
<i>Е.Т. Соколова (Москва)</i>	
Факторы эффективности психотерапии	175
<i>А.Б. Холмогорова, О.Д. Пуговкина (Москва)</i>	
Картография поля мировой психотерапии	177
<i>В.Н. Цапкин (Москва)</i>	
Одаренные школьники как объект психологического сопровождения и терапии ...	179
<i>Г.В. Шукова (Москва)</i>	
Секция «Психология здоровья»	183
Обыденные представления о туберкулезе в молодежной среде	183
<i>Е.Б. Березина (Москва)</i>	
Особенности отношения студентов вузов к людям с ограниченными возможностями здоровья	185
<i>И.П. Бучкина, Ли Цянь (Санкт-Петербург)</i>	
Механизмы формирования аутодеструктивного поведения	186
<i>Т.Н. Горобец (Москва)</i>	
Влияние психической атмосферы на демографические процессы в России	188
<i>И.А. Гундаров (Москва)</i>	
Проблемы и перспективы применения технологии виртуальной реальности в области психологии здоровья	190
<i>Ю.П. Зинченко (Москва)</i>	
Отношение к собственному здоровью средних медицинских работников	191
<i>Г.Ю. Иконникова, Н.А. Шишова (Санкт-Петербург)</i>	
Период беременности как возможность самоактуализации и духовного благополучия женщины	193
<i>К.В. Кулешова (Москва)</i>	
Возможности профилактики и коррекции социальной дезадаптации студентов-первокурсников медицинского вуза	195
<i>Н.Н. Осипова, М.В. Морозов (Смоленск)</i>	
Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и акцентуации характера у врачей частной и государственной клиники	196
<i>Е.И. Погорелова (Ростов-на-Дону)</i>	
Саногенное поведение в контексте здорового образа жизни	197
<i>Н.Д. Творогова (Москва)</i>	
Саногенность как характеристика профессионального общения психолога	199
<i>Н.Д. Творогова, К.В. Кулешова (Москва)</i>	
Дистанционно-полевое проявление субъективного состояния мозга человека в исследованиях физиолога	202
<i>Е.А. Юматов (Москва)</i>	

Секция «Психология спорта» 205

Оценка психической готовности шахматиста к соревнованию: опыт разработки специализированной методики изучения свойств внимания шахматиста 205

Е.Е. Васюкова (Москва)

Возможности применения знакового и символического отражения в спортивной деятельности 207

А.Н. Веракса (Москва)

Мысленная тренировка спортсменов 209

А.Е. Горовая (Москва)

Теоретические и прикладные проблемы ранней профессионализации одаренных детей 212

Г.Б. Горская (Ставрополь)

Исследование творческих способностей у спортсменов 214

К. Кун, Д.Б. Богоявленская (Москва)

Психологические особенности восстановления спортсменов после травмы 216

С.В. Леонов (Москва)

Социально-психологические методы повышения эффективности деятельности команды в игровых видах спорта 218

А.О. Савинкина (Москва)

Психологические особенности целенаправленной деятельности в спорте 219

З.А. Сагова (Москва)

Психическая саморегуляция как условие развития волевых качеств спортсменов-пловцов 220

И.А. Симопуло (Калуга)

Психическая нагрузка и ее особенности в спорте 221

Б.П. Яковлев (Сургут)

Секция «Психология карьеры» 225

Изучение влияния ценностных ориентаций на мотивацию профессионального развития представителей различных возрастных категорий ... 225

А.А. Антипов, Ю.В. Варнава (Москва)

Профессиональный рост фармацевтов и его влияние на коммуникацию с потребителем 226

Л.О. Горюнова, М.Р. Маграм, Д.Н. Новиков (Киев)

Системообразующие и структурообразующие компоненты психологической культуры профессионала 229

Л.Д. Демина (Барнаул)

Диагностический подход к оценке профессионально важных качеств учащихся 231

А.К. Ерофеев, С.Б. Метнева, Р.Н. Нечаева (Москва)

Влияние ценностных ориентации сотрудников правоохранительных органов на карьерный рост 232

И.А. Корецкая (Москва)

Коучинг карьерного роста в период финансового кризиса 234

Н.М. Манухина (Москва)

Анализ актуальных страхов карьерных преобразований в период экономического кризиса 235

С.Ю. Манухина (Москва)

Акмеологический тренинг достижения карьерного успеха	237
<i>Е.А. Могилевкин, А.С. Новгородов (Владивосток)</i>	
Любовь к профессии как психологическая основа успешной карьеры	240
<i>Ю.Н. Фролова (Екатеринбург)</i>	
Секция «Психология труда и эргономики»	243
Удовлетворенность трудом медицинских работников хосписа	243
<i>М.М. Абдуллаева, О.С. Киеня (Москва)</i>	
Профессиональные конструкты как динамичные формы функционирования опыта человека при интерпретации и прогнозировании профессионально-значимых событий	245
<i>Б.И. Беспалов (Москва)</i>	
Особенности адаптации педагогов в профессиональной среде	247
<i>Т.И. Волкова (Воронеж)</i>	
Начальные стадии реализации профессиональных психомоторных действий	249
<i>В.М. Девишвили (Москва)</i>	
Духовный опыт и выгорание представителей социномических профессий	250
<i>О.Н. Доценко (Москва)</i>	
Предпочитаемые копинг-стратегии на разных стадиях профессионального развития менеджеров по подбору персонала	252
<i>В.А. Ерилова (Москва)</i>	
Профессиональная деятельность как объект психологического изучения	254
<i>Е.М. Иванова (Москва)</i>	
Основные направления эргономического исследования безопасности жизнедеятельности человека в экстремальных условиях	256
<i>Е.К. Казакова (Москва)</i>	
Уровни сознания и бессознательное	257
<i>В.И. Капран (Москва)</i>	
Психология сервисного менеджмента в условиях подготовки к Олимпиаде – 2014 в г.Сочи	259
<i>З.Ф. Кондрашева (Самара)</i>	
Особенности психической регуляции деятельности пользователей сайтов покупки железнодорожных билетов	260
<i>А.Н. Костин, М.В. Симицына (Москва)</i>	
Изучение трудовой мотивации совместной деятельности менеджеров сферы услуг (на примере логистической компании)	262
<i>Е.М. Красова (Москва)</i>	
Рисуночные методики как полифункциональные средства профессиональной деятельности педагога	264
<i>А.А. Криулина (Курск)</i>	
Ценностно-смысловая сфера спасателей МЧС как основа прогнозирования психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях	267
<i>В.Е. Лабутина (Москва)</i>	
Индивидуальные особенности восстановления работоспособности после кратковременного сна при непрерывной ночной работе	269
<i>Т.П. Лаврова, А.Н. Пучкова, А.Н. Подоровский, В.В. Дементиев, В.Б. Дорохов (Москва)</i>	

Проявления профессионального маргинализма в «помогающих профессиях	270
<i>Д.Р. Мерзлякова (Ижевск)</i>	
Об истоках отечественной социальной психологии труда в конце XIX – начале XX века	270
<i>О.Г. Носкова (Москва)</i>	
Из истории психотехнических исследований: профотбор летчиков в Германии (1917–1919 г.г.)	273
<i>Ю.Б. Плавинская (Н. Новгород)</i>	
Особенности трудогенеза как детерминанты деятельности психолога	275
<i>В.В. Пчелинова (Москва)</i>	
Основы синергетической эргономики	278
<i>С.Ф. Сергеев (Санкт-Петербург)</i>	
Причины «кризиса» отечественной инженерной психологии	280
<i>В.П. Серкин (Магадан)</i>	
Как возможно сохранение длительности временного интервала в структурах опыта?	282
<i>Ю.К. Стрелков (Москва)</i>	
Профессиональное здоровье и его значение в труде бортпроводника	283
<i>Т.В. Филиппова (Москва)</i>	
Профессиональный мир и личность преподавателя медицинского вуза	286
<i>И.Б. Ханина (Москва)</i>	
Психологические аспекты проектирования профессионально-предметного пространственного окружения человека	288
<i>О.Н. Чернышева (Москва)</i>	
Секция «Психология профессионального становления личности»	291
Психологическая готовность к семейной жизни: подходы к изучению	291
<i>Е.С. Граненкова (Ярославль)</i>	
Проблема конкурентоспособности личности в современных социально-экономических условиях	293
<i>О.А. Ключева (Тверь)</i>	
Психология профессиональной деятельности учителя: кризис и развитие	295
<i>Л.М. Митина (Москва)</i>	
Роль профессиональной идентичности в структуре профессионального самосознания личности	297
<i>Т.В. Мищенко (Ярославль)</i>	
Особенности развития профессиональной идентичности у студентов на примере специальностей стандартизация и сертификация качества и менеджмент организаций	300
<i>Е.Н. Палатова (Ярославль)</i>	
Психология профессионального становления и реализации личности как отрасль психологической науки	302
<i>Ю.П. Поваренков (Ярославль)</i>	
Определение параметров оценки эффективности деятельности	304
<i>Ю.Н. Слепко (Ярославль)</i>	
Проблема формирования профессиональных представлений в контексте профконсультирования	306
<i>В.И. Тужикова (Воронеж)</i>	

Андрагогическая система деятельности преподавателя в обучении студентов-заочников вуза – акмеологический подход	308
<i>Б.Н. Черкашин (Воронеж)</i>	
Аутопсихологическая компетентность в структуре жизнестойкости личности студентов в условиях подготовки к трудоустройству	310
<i>О.А. Юрина (Ульяновск)</i>	
Секция «Психологии имиджа»	313
Особенности имиджа звезд эстрады и шоу-бизнеса	313
<i>В.В. Белобрагин (Москва)</i>	
Имидж психолога как компонент его профессиональной компетентности	315
<i>О.О. Елисеева (Москва)</i>	
Стереотипный имидж «идеального» руководителя	317
<i>Т.Н. Матвеева, И.И. Степанова (Москва)</i>	
Имидж многолетней семьи у российской молодежи и будущее страны	319
<i>Д.Г. Мелихова (Москва)</i>	
Корпоративный имидж вуза и его структура	321
<i>О.И. Пантюшина (Тула)</i>	
Особенности социальных представлений о русских людях у чехов	324
<i>А.С. Паттисон (Москва)</i>	
Секция «Психологии имиджа» и ее работа в Московском Психологическом Обществе	326
<i>Е.А. Петрова (Москва)</i>	
Влияние самоподачи образа «я» на конфликтность личности	328
<i>А.В. Романова (Москва)</i>	
Имидж, образ и архетип	331
<i>И.П. Чертыкова (Москва)</i>	
Секция «Теория и практика организационной психологии»	334
Брендинг организации: перспективы психологического исследования	334
<i>Н.В. Антонова (Москва)</i>	
Феномен групповой идентичности в контексте организационной психологии	336
<i>К.М. Гайдар (Воронеж)</i>	
Социально-психологические детерминанты антикризисного управления организацией	339
<i>А.И. Гривняк (Москва)</i>	
Психология командообразования в организации	340
<i>Е.Д. Короткина (Тверь)</i>	
Психосемантический подход в организации психологической поддержки безработных граждан	342
<i>В.В. Курунов, Т.С. Чуйкова (Уфа)</i>	
Взаимосвязь корпоративной культуры и организационной идентификации персонала	345
<i>С.А. Липатов (Москва)</i>	
Опыт диагностики организационной культуры университета	347
<i>А.С. Липатова (Москва)</i>	
Проблема структуры организационной идентификации	348
<i>А.В. Ловаков (Москва)</i>	

Профессиональное обучение как фактор адаптации сотрудников к организационным инновациям	350
<i>И.А. Мотовилина (Москва)</i>	
Самообучение команд	353
<i>П.Л. Хасина (Москва)</i>	
Секция «Юридическая психология»	355
О психологическом изучении лидеров террористических групп	355
<i>В.Ф. Енгальчев (Калуга)</i>	
Криминальное психологическое воздействие и психическое насилие: психологическая и правовая традиции исследования	356
<i>М.В. Кроз, Н.А. Ратинова (Москва)</i>	
К проблеме исследования психологии выбора девиантных и противоправных форм поведения	358
<i>И.И. Лановенко (Киев)</i>	
«Автограф преступника» и его <i>modus operandi</i> : соотношение понятий	360
<i>С. Менелау (Республика Кипр)</i>	
Психологические особенности комплексной пропаганды экстремизма	361
<i>А.А. Оселков (Калуга)</i>	
Особенности установления психологического контакта при допросе несовершеннолетних правонарушителей	362
<i>Е.В. Стрельцова (Саратов)</i>	
Особенности обучения юристов использованию судебно-психологической экспертизы	364
<i>А.Л. Южанинова (Саратов)</i>	
Содержание	368